

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Борисова Ольга Геннадьевна

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ
КАК МАКРОСИСТЕМА: МОДЕЛЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ

10.02.01 – русский язык

Диссертация

на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Краснодар 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КУБАНСКИЕ ГОВОРЫ В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ КОНТИНУУМЕ	20
1.1 Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: статика и динамика основных параметров	20
1.2 Типологическая характеристика современных кубанских говоров.....	37
1.2.1 Общность и различие современных кубанских говоров на лексическом уровне.....	37
1.2.2 Общность и различие современных кубанских говоров на грамматическом уровне ..	49
1.3 Языковой статус современных кубанских говоров и их место в диалектном членении русского языка.....	65
1.4 Систематизация лексики и фразеологии кубанских говоров в аспекте их употребительности.....	68
Выводы.....	93
ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ	99
2.1 Структурно-типологическая и грамматическая характеристики лексического состава кубанских говоров.....	99
2.2 Лексический состав кубанских говоров в генетических координатах	110
2.3 Лексика тюркского происхождения как важная часть общекубанского лексического пласта.....	149
Выводы.....	175
ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ	179
3.1 Теоретические основы изучения кубанских фразеологизмов	179
3.2 Номинативные и экспрессивные кубанские фразеологизмы	185
3.3 Компонентный состав кубанских фразеологизмов.....	208
3.4 Устойчивые выражения с компонентом-именем собственным	240
Выводы.....	254
ГЛАВА 4. МОДЕЛЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЫ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИСИСТЕМНОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ	259
4.1 Теоретические основы изучения лексики и фразеологии кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой как макросистемы.....	259
4.2 Источники словаря и география лексических единиц.....	266
4.3 Концепция словаря и характеристика его основных параметров	271
4.3.1 Принципы формирования иллюстративной зоны словаря	276
4.3.2 Прецедентные тексты в иллюстративной зоне словаря	279
4.3.3 Лексорассказы в иллюстративной зоне словаря	304
Выводы.....	330
ГЛАВА 5. ДИНАМИКА И СТАТИКА СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЕ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ.....	336
5.1 Полисемия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров.....	336
5.2 Синонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров	354

5.3 Омонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров.....	380
5.4 Антонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров	398
Выводы.....	421
ГЛАВА 6. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЫ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ	429
6.1 Теоретические основы изучения идеографической организации лексико- фразеологической макросистемы кубанских говоров.....	429
6.2 Лингвистический анализ микрополей «Речь» – «Пение» – «Молчание».....	439
6.3 Лингвистический анализ микрополей «Мирный труд» – «Лень».....	482
6.4 Лингвистический анализ микрополя «Номинации человека по национальной, этнической и социальной принадлежности»	519
Выводы.....	535
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	541
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	548
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	583

ВВЕДЕНИЕ

Научные изыскания в области современного русского языка, имеющего территориально-структурные разновидности, предполагают обязательное монографическое описание местных диалектов, не подвергавшихся ранее разноаспектному изучению. К числу таких недостаточно исследованных идиомов относятся говоры Кубани, картина которых в пространстве русских народных говоров представляет собой сложный диалектный континуум. Трудности в их изучении во многом обусловлены пестротой лингвистического ландшафта: кубанский диалект, будучи диалектом позднего, вторичного образования, складывался на базе двух языковых стихий – южнорусской и украинской.

Несмотря на интерес филологов Кубани к языку своей малой родины, проявленный в разные временные периоды (см. работы В.П. Абрамова, В.И. Андрущенко, М.Ю. Беляевой, Р.Я. Ивановой, Т.Г. Ивановой, Т.Х. Каде, Л.Ю. Костиной, В.М. Пелих, И.Н. Пономаренко, Е.Ф. Тарасенковой, Е.Н. Трегубовой, А.Л. Факторовича, Н.П. Федоренко, О.С. Финько, В.П. Чалова, В.Ф. Чистякова, М.В. Шабалина, Е.П. Шейниной, О.В. Шестак и др.), приходится констатировать, что в исследовании кубанских говоров остаётся немало лакун. Так, необходимо признать, что до сих пор не существует полного знания о характере бытования диалектной лексики и фразеологии на всей территории распространения кубанского диалекта и об их системной организации. Бесспорно, такое знание никогда не может быть исчерпывающим, однако созданные автором диссертационного сочинения полисистемный словарь кубанских говоров и фрагмент тематического словаря «Человек» предоставляют достаточно надёжную языковую базу для реализации системного подхода к изучению лексико-фразеологического состава кубанского диалекта.

Актуальность данной работы определяется тем, что территория распространения кубанских говоров как ареальная единица, достаточно обстоятельно обследованная историками, этнографами, географами,

культурологами, должна быть не менее глубоко изучена и в лингвистическом плане, прежде всего со стороны системной организации лексики и фразеологии бытующих на ней говоров. Исследование лексико-фразеологического пространства кубанских говоров необходимо для осмысления специфики функционирования говоров смешанного типа и прогнозирования направления их дальнейшего развития.

Объектом настоящего диссертационного сочинения являются лексика и фразеология кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой, рассматриваемые в синхронии в рамках единой макросистемы, отражением которой является региональный полисистемный словарь. Объединение лексики и фразеологии в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы продиктовано прежде всего лексикографической традицией, по которой в толковый словарь принято помещать и устойчивые выражения.

Предмет исследования – результаты системообразующих процессов, детерминирующих формирование, устойчивость и изменчивость лексико-фразеологического пространства кубанского диалекта на синхронном этапе его бытования.

В работе выдвигается следующая *гипотеза* исследования: взаимодействие лексико-фразеологической системы кубанских говоров с украинской языковой основой (КГУЯО) и лексико-фразеологической системы кубанских говоров с южнорусской языковой основой (КГЮЯО), обладающих генетической и исторической общностью, приводит к формированию лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров. Её развитие стимулируют присущие кубанскому диалекту внутренние динамика и статика, способствующие как эволюции его лексико-фразеологического состава, так и сохранению важнейших составляющих прежнего состояния.

Цель работы – выявить содержание, общее состояние и идеографическую организацию лексики и фразеологии кубанских говоров в синхронии, определить характер протекающих в них процессов, обеспечивающих как динамику лексико-

фразеологической макросистемы кубанского диалекта, так и консервацию её важнейших компонентов.

Для достижения указанной цели в работе ставятся и решаются следующие задачи: 1) определить экстралингвистическую базу для изучения кубанского диалекта; 2) исследовать процессы смешения кубанских говоров на всех языковых уровнях и проанализировать их результаты; 3) определить языковой статус кубанского диалекта в целом и КГУЯО в частности в диалектном членении РНЯ; 4) описать современный лексический и фразеологический состав кубанского диалекта и выявить его локальное своеобразие с использованием разных источников исследования и в сопоставлении с материнскими говорами; 5) обосновать правомерность объединения лексики и фразеологии КГУЯО и КГЮЯО в единую макросистему, репрезентантом которой выступает полисистемный Словарь кубанских говоров; 6) изложить в общих чертах концепцию полисистемного Словаря кубанских говоров и принципы формирования его иллюстративной зоны; 7) рассмотреть результаты системообразующих процессов, протекающих в макросистеме кубанского диалекта, в их статике и динамике; 8) провести разноаспектный лингвистический анализ слов и ФЕ, входящих в макрополе «Человек»; 9) на материале макрополя «Человек» разработать схему идеографической организации семантического пространства кубанских говоров, лексикографическим аналогом которой является представленный в работе фрагмент тематического словаря.

Фактологической базой исследования являются КГУЯО и КГЮЯО, рассматриваемые как идиом смешанного типа. *Материалом исследования* послужили данные Словаря кубанских говоров, основу которого составляют слова и ФЕ, извлечённые из полевых записей, собранных во время диалектологических экспедиций студентов и магистрантов филологического факультета КубГУ, проводимых под руководством автора в течение 13 лет (2005 – 2017 гг.) при участии преподавателей кафедры современного русского языка Е.И. Рыбалко (2005 г., 2006 г.) и Л.Ю. Костиной (2007 – 2017 гг.). Кроме того, привлекались сведения всех имеющихся лексикографических источников,

отражающих лексику и фразеологию кубанских говоров. В качестве материалов для сравнительно-сопоставительного анализа использовались «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК), нормативные и диалектные словари русского и украинского языков.

Теоретической базой исследования является учение Р.И. Аванесова о диалектном языке и диалектных различиях, разработанное учёным ещё в первой половине XX века, общелингвистические положения о языке как целостной системе, о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и общества, взаимодействии языка и культуры, о синхронном состоянии языка (см. широко известные работы С.В. Бромлей, Н.С. Ганцовской, А.С. Герда, Л.Э. Калнынь, О.Е. Кармаковой, В.В. Колесова, О.Н. Мораховской, С.А. Мызникова, Е.А. Нефёдовой, Н.И. Толстого и др.).

Методы исследования. Исследование проводилось в трёх аспектах: структурно-семантическом, ареальном и функциональном. Комплекс использованных в работе методов обусловлен её задачами. Он включает такие методы, как моделирование диалектных систем, описательный, сравнительно-сопоставительный, интерпретационно-дефиниционный, ареальный, метод компонентного анализа, элементы статистического метода. Кроме того, использовались приёмы этимологического и контекстуального анализа. Применялся экспериментальный метод (ассоциативный эксперимент).

В работе была апробирована авторская методика изучения лексики говоров позднего образования в генетических координатах. Суть методики заключается в совокупности следующих приёмов и исследовательских шагов: 1) регистрация всех имеющихся контекстов, в которых употребляется исследуемая ЛЕ; 2) дифференциация зарегистрированных контекстов на информативные и неинформативные (в том числе, малоинформативные); 3) составление на основе информативных контекстов толкования ЛЕ; 4) верификация наличия ЛЕ в выявленном значении в лексикографических источниках (в СРНГ, в словарях русского и украинского языков), позволяющая в случае отсутствия слова в перечисленных изданиях отнести его к локализмам; 5) при наличии слова в

лексикографических трудах сопоставление словарных дефиниций с составленным толкованием для выявления наличия / отсутствия локального семантического своеобразия; 6) определение особенностей внутренней формы слова (для слов-локализмов); 7) определение способа семантической деривации (для локального ЛСВ слова).

Научная новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые кубанский диалект квалифицируется как идиом смешанного типа, имеющий восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу; устанавливаются параметры, по которым в исследовании определяется языковой статус КГУЯО; даётся характеристика территории распространения кубанского диалекта в диалектном членении РЯ. Впервые лексика и фразеология кубанских говоров рассматриваются в рамках единой лексико-фразеологической макросистемы, модель которой отражается в составленном автором первом в кубанской лексикографии полисистемном Словаре кубанских говоров, реализующим дифференциальный и недифференциальный подходы в презентации материала. В диссертации представляется авторская разработка особого лексикографического жанра в подаче иллюстративного материала – лексорассказа; предлагается схема идеографической организации макрополя «Человек», аналогом которого является тематический словарь. Традиционная схема членения лексики и фразеологии на активную и пассивную дополняется разграничением *актуальных* и *неактуальных историзмов, собственно архаизмов, архаизмов передового слоя* носителей говоров и доказываемся целесообразность их дифференциации. Обосновывается правомерность применения широкого подхода при квалификации диалектных антонимов, позволяющего выделять социально-территориальные контрастные парадигмы, имеющие как общенациональный, так и социально-локальный характер, отражающий языковую картину мира жителей Кубани – одну из форм территориальной реализации общенациональной языковой картины мира. С целью оптимизации планирования диалектологических экспедиций и максимально полного выявления специфики диалектного ландшафта на уровне микро- и макросистем предлагается объединение районов Краснодарского края в

10 лингвогеографических зон на основе общности географического положения, административного деления и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту (традиционно территория края разделяется по этноареальному признаку на две зоны, отражающие историю его заселения, – это восток и юго-восток края, где преобладают КГЮЯО, запад и юго-запад, где преобладают КГУЯО).

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

1) определён лингвистический статус КГУЯО и место кубанского диалекта в диалектном членении РНЯ, что значимо для русской диалектологии и лингвистической географии; 2) описанные характеристики кубанского диалекта создают базу для теоретического осмысления такого языкового феномена, как смешанные говоры позднего образования; 3) результаты исследования процессов смешения кубанских говоров на лексическом уровне могут быть использованы при разработке теоретических основ *диалектной лексической контактологии*; 4) разработанные автором принципы лексикографической презентации говоров смешанного типа актуальны для теории диалектной лексикографии.

Практическая значимость. Исследование представляет собой интерес для специалистов по русской диалектологии, региональной лексикологии и лексикографии, общей и частной лексикологии, для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов филологических факультетов и других гуманитарных учебных заведений. Полученные результаты найдут широкое применение в лексикографической практике. Кроме того, представленные в работе данные будут полезны при составлении дополнений к СРНГ, в работе над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ) и над региональным лексическим атласом кубанских говоров. Прикладное значение работы заключается также в том, что содержащиеся в ней материалы могут использоваться при чтении лекций и спецкурсов филологического цикла, проведении практических занятий, написании студентами квалификационных работ, посвящённых разработке теоретических, методологических и источниковедческих вопросов лексикологии, диалектологии, лексикографии, лингвогеографии и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для определения лингвистического статуса КГУЯО следует принимать во внимание интра- и экстралингвистические факторы: 1) генетическую связь КГУЯО с КГЮЯО и РЯ; 2) проявление единства в направлении их структурного развития; 3) значительную временную и пространственную дистанцию, отделяющую современные КГУЯО от украинского языка; 4) смешение двух кубанских диалектов, с разной степенью интенсивности проявляющееся на всех языковых уровнях; 5) облигаторное влияние РЛЯ; и, наконец, 6) этническое самосознание местных жителей, в большинстве своём идентифицирующих себя не как украинцев, а как россиян, кубанцев, для которых официальным средством общения является РЯ в форме, близкой к разговорной литературной речи. Учет перечисленных параметров позволяет включать современные КГУЯО в русский диалектный континуум. Данная трактовка имеет глубинную историческую основу: в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915 г.) КГУЯО в составе малорусского наречия квалифицируются составителями как диалектное подразделение РНЯ.

2. В современном состоянии кубанские говоры – это гетерогенный диалект, неоднородность которого унаследована от сформировавших его говоров – южнорусских и украинских. Выявление фактов *смешения* КГЮЯО и КГУЯО на всех языковых уровнях, в результате которого они механически соединяются, заимствуя некоторые элементы друг друга, а также их генетическая общность, создающая благоприятную почву для естественного сближения, позволяют рассматривать кубанский диалект как оригинальный локальный идиом смешанного типа, имеющий восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу. Этот диалект имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и практически монодиалектную лексико-фразеологическую систему, поскольку она включает значительный в количественном отношении общий лексико-фразеологический пласт, – слова и фразеологизмы, функционирующие как в КГЮЯО, так и в КГУЯО.

3. Территорию распространения кубанского диалекта как локального идиома смешанного типа, имеющего восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу, в диалектном членении РЯ можно охарактеризовать как особую лингвоэтнокультурную зону, основные черты языка которой начали формироваться с конца XVIII века и во многом обусловлены её этногенезом, географическими особенностями края (ландшафтом, климатическими условиями, флорой и фауной), изменением административных границ. Понимая под кубанским диалектом единицу лингвоэтнографического членения, предлагаем рассматривать его как диалект позднего образования, обладающий определёнными этнографическим и языковыми особенностями, присущими его носителям: кубанскому казачеству, а также восточнославянскому населению, проживающим на территории Краснодарского края.

4. Характерной типологической особенностью кубанского диалекта является единство двух свойств: 1) смешение южнорусских говоров и украинского языка; 2) смешение различных говоров южнорусского наречия. Изучение говоров смешанного типа предполагает выявление результатов их взаимодействия, что делает актуальным выделение в диалектологии как самостоятельной научной дисциплины – *диалектной контактологии*, анализирующей на всех языковых уровнях процессы адаптации двух или более контактирующих говоров, вызванные их взаимовлиянием и облигаторным воздействием литературного языка. В связи с тем, что наиболее активно процесс смешения диалектов протекает на лексическом уровне, поскольку лексика представляет собой наиболее открытую и подвижную систему, одним из направлений *диалектной контактологии* должна стать *диалектная лексическая контактология*, исследующая механизмы смешения лексики и фразеологии говоров территорий компактного проживания населения, а также модели воплощения этих механизмов.

5. Типологический анализ лексического состава КГУЯО и КГЮЯО, направленный на выяснение их общности и различий на уровне отдельной ЛЕ (ЛСВ) как элемента лексической системы говоров со всеми её

лексикологическими характеристиками, обусловленными данной системой, демонстрирует, что кубанские говоры обнаруживают как общность, так и различия – непротивопоставленные и противопоставленные. Выявленная относительность различительных противопоставленных диалектных различий является показателем того, что в области лексики для кубанских говоров более характерны общность и вариативность, чем различие. Постепенное размывание исторических основ кубанских говоров приводит к нивелированию дифференцирующих их структурных и собственно лексических различий. На лексическом уровне современным говорам Кубани в большей степени присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не языковой основой говора, а природными условиями и спецификой хозяйственной и промысловой деятельности населения.

6. Учёт экстра- и интралингвистических сведений делает правомерным объединение лексики и фразеологии КГЮЯО и КГУЯО в единую макросистему, представляющую собой некое обобщение, отвлечение от частных диасистем, которые моделируются на основе лексикона конкретных диалектоносителей. Под лексико-фразеологической макросистемой кубанских говоров следует понимать обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное образование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом. Теоретическим обоснованием объединения лексики и фразеологии кубанских говоров с разными языковыми основами в единую макросистему служит концепция диалектного языка, согласно которой он определяется как сложная система диалектных микросистем, варьирующих общие и различительные признаки [Аванесов 1964: 11]. Такая трактовка позволяет говорить не об общности и различии двух лексико-фразеологических систем кубанских говоров, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются.

7. Репрезентантом лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров выступает полисистемный словарь. В нём лексика и фразеология предстают в статичном состоянии, что создаёт оптимальные условия для их систематизации и последующего лингвистического анализа. Словарь отражает не только статику лексико-фразеологической макросистемы, но и результаты её динамики: использование специальных помет указывает на такие процессы, как архаизация, неологизация, реактуализация, расщепление коннотации, структурное и семантическое варьирование лексических и фразеологических единиц. Совмещение в словарной практике двух подходов: дифференциального – при формировании словника и недифференциального – при создании иллюстративной зоны словаря, в которой преобладают микротексты, позволяет, опираясь на лексикографическую базу, изучать и отдельные языковые явления, имеющие территориальную ограниченность, и специфику диалекта как особой формы коммуникации.

8. При составлении регионального словаря целесообразно исходить из того, что словарь – это и лексикографически обработанный диалектный материал, демонстрирующий лексико-фразеологический состав диалекта, и лексикографическое произведение, в котором отражается многоголосие диалектной речи, записанной от разных информантов, живописующих повседневное бытие сельского человека в его сложной многогранности и нераздельном единстве с духовной жизнью. В этой связи при формировании иллюстративной зоны словаря предпочтение должно отдаваться разработанному автором лексикографическому жанру – лексорассказу, представляющему собой выделенный лексикографом из рассказа информанта микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи.

9. Основу устойчивого массива диалектной лексики и фразеологии в кубанских говорах составляют релевантные для носителей диалекта лексические

и фразеологические единицы, характеризующиеся регулярной воспроизводимостью, в семантике которых отражаются идеалы и аксиологические представления старожильческого населения края, материальная и духовная культура данного региона, его природные условия. Это бытовая, этнографическая, а также экспрессивная лексика и фразеология. Важное звено словарного состава кубанских говоров образуют тюркизмы, многие из которых вошли в кубанский диалект из материнских говоров, став принадлежностью общего казачьего лексикона и обогатив его в различных тематических сферах. Определение состава кубанских фразеологизмов, разграничение УНТС (устойчивых номенклатурно-терминологических словосочетаний) и ДФЕ, выявление фразеологически многовалентных слов и активных структур демонстрируют, что для кубанских устойчивых выражений, характерны универсальность и уникальность образов, традиционность и эксклюзивность семантических решений, разнообразие моделей и неравномерность представленности по структурным типам, что во многом обусловлено двумя языковыми основами кубанских говоров.

10. Максимально полное представление об источниках и путях формирования словарного состава говоров позднего образования создаёт исследование лексики кубанских говоров в генетических координатах. Генетический подход демонстрирует, что лексика говоров вторичного образования, сохраняя сходство с материнскими говорами, обнаруживает и определённые отличия, проявлением которых являются локальное семантическое варьирование ЛЕ и образование слов-локализмов. Локализмы имеют различную локализованность на территории распространения кубанских говоров: их функционирование может как охватывать широкий ареал, так и ограничиваться говором одного населённого пункта. Локальная реализация семантического потенциала слов, рождение ЛЕ «на местной почве» отражают специфику говоров позднего образования и языковое творчество их носителей, а также играют важную роль в организации синхронной диалектной лексической системы.

11. Более глубокому пониманию внутреннего устройства лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта способствует составленная схема идеографической организации лексики и фразеологии макрополя «Человек», которое моделируется как аналог тематического словаря. В него включаются с указанием географии словозначения лексика и фразеология говоров двух лексико-фразеологических систем, поскольку исследование диалектного континуума, обладающего структурной и генетической близостью, должно быть направлено на выявление свойственной носителям говоров изучаемой территории как общей, так и вариативной части представлений о мире. Принципиально также объединение в одном микрополе слов и устойчивых выражений, «высвечивающее» те участки действительности, которые, имея «лексическое покрытие», покрываются или не покрываются фразеологией. Выявление количественного фразеологического и лексического состава каждого участка действительности демонстрирует специфику тематического расслоения лексики и фразеологии, конфигурации «ячеек» лексической и фразеологической номинативных «сетей». Особо значимые участки жизнедеятельности человека, как правило, имеют лексическое и фразеологическое «покрытие». Предложенная в работе схема идеографической организации лексики и фразеологии репрезентирует лексико-фразеологическую макросистему кубанского диалекта как живую, исторически сложившуюся целостность, основанную на множестве иерархически организованных номинаций.

12. Систематизация лексики и фразеологии кубанских говоров в аспекте её употребительности на активную и пассивную, состоящая в выделении *актуальных и неактуальных историзмов, собственно архаизмов, архаизмов передового слоя носителей говоров, актуальных и неактуальных неологизмов*, позволяет в динамике проследить системные количественные и качественные изменения в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров и прогнозировать её дальнейшее развитие. Проведённое исследование показало, что архаизация и неологизация, будучи противоположными по своему характеру и результату, сосуществуют в пределах одного синхронного среза и играют важную

роль в организации лексики и фразеологии как системы, поддерживая её статику и динамику: в генезисе говоры не только теряют и приобретают слова, устойчивые выражения и значения, но и сохраняют важнейшие составляющие прежнего состояния, что обеспечивает их относительную стабильность. Действие и противодействие процессов архаизации и неологизации, протекающих значительно медленнее, чем в ЛЯ, обеспечивают словарному составу диалекта динамическую устойчивость.

13. Парадигматические отношения в лексике и фразеологии кубанских говоров, играющие важную роль в системной организации словарного состава диалекта, претерпевают определённые изменения, проявляющиеся в преобразованиях синонимических пар и рядов, распаде или создании омонимических или антонимических пар, развитии или утрате значений, преодолении или появлении энантиосемии. Однако в синхронии эти изменения достаточно статичны, что обеспечивает относительную устойчивость лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта. К характерной особенности парадигматических отношений в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров следует отнести факты смешанной синонимии и полисемии. Образующие их слова и фразеологизмы, а также значения слов и фразеологизмов, противопоставленные друг другу территориально, могут функционировать и в говоре одного населённого пункта. Способность слов и устойчивых выражений одновременно вступать в межсистемные и внутрисистемные парадигматические отношения подтверждает правомерность объединения лексики и фразеологии КГЮЯО и КГУЯО в единую лексико-фразеологическую макросистему.

Апробация. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались в виде научных докладов и сообщений на заседаниях кафедры современного русского языка филологического факультета КубГУ, на Всероссийских диалектологических совещаниях по ЛАРНГ (СПб. 2005 – 2017), на международных конгрессах: «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва 2010, 2014), «Динамика языковых и культурных

процессов в современной России» (IV Конгресс РОПРЯЛ – Сочи 2014, V Конгресс РОПРЯЛ – Казань 2016); *на международных научных конференциях*: «Континуальность и дискретность в языке и речи: памяти доктора филологических наук, профессора А.Г. Лыкова» (Краснодар 2007, 2009, 2011, 2013, 2015, 2017), «Русский язык в современном мире: константы и динамика» (Волгоград 2009), «Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли» (Самара 2010), «Язык как система и деятельность» (Ростов-на-Дону 2012), «Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы» (Майкоп 2017); *на международных научно-практических конференциях*: «Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность» (Краснодар 2005), «Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве (Славянск-на-Кубани 2008), «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж 2009), «Традиционная культура народов Краснодарского края и Северного Кавказа» (Краснодар 2009), «Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского (Краснодар 2010), «Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность» (Краснодар 2009, 2011), «Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины. Якаевские чтения» (Краснодар 2014), «Научное наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Якаевские чтения» (Краснодар 2016); *на международной конференции-семинаре* «Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: Материалы (Ставрополь 2010); *на международной политематической конференции* «Современные научные исследования: исторический опыт и инновации» (Краснодар 2016); *на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* «Диалекты как экологическая зона языка», посвящённой памяти профессора Р.И. Кудряшовой и 70-летию со дня её рождения (Волгоград 2016); *на научно-практической Всероссийской интернет-конференции* «Региональные особенности функционирования русского и национальных языков на территории

Российской Федерации» (Ставрополь 2009); *на межрегиональной научно-практической конференции «Традиционная культура народов Краснодарского края и Северного Кавказа» (Краснодар 2009); на научно-методической конференции «Университетская наука – региону» (Ставрополь 2011); на конференциях грантодержателей регионального конкурса Российского гуманитарного научного фонда и администрации Краснодарского края «Северный Кавказ: традиции и современность» (Краснодар 2007, 2008, 2010, 2015).*

Исследование кубанских говоров в разные годы было поддержано грантами РГНФ: грант РГНФ 2007-2008 № 07-04-38405 а/Ю "Современные кубанские говоры: фонетическая, лексическая, семантическая, концептуальная специфика"; грант РГНФ 2009-1010 № 09-04-38401 а/Ю "Социально-территориальное варьирование современного русского языка на Кубани"; грант РГНФ 2009-1010 № 09-04-38402 а/Ю "Диалектная лексика Кубани во времени и пространстве (структурно-типологический и лингвогеографический аспекты)"; грант РГНФ 2012-2013 № 12-04-00184/12 "Говоры вторичного образования: Диалектный ландшафт Кубанского Приазовья (лексика и фразеология)"; грант РГНФ 2014-2015 № 14-14-23001 "Говоры вторичного образования: Диалектный ландшафт Кубанского Предгорья (лексика и фразеология)"; грант РГНФ 2016-2017 № 16-14-23002 "Говоры вторичного образования: Диалектный ландшафт горно-предгорной восточной зоны Краснодарского края (лексика и фразеология)".

Результаты проведённого исследования используются автором диссертации в преподавании предметов «Русская диалектология», «Региональная лингвистика», «Этнокультурные основы лингвистики», а также спецкурса для магистрантов «Кубанские говоры во времени и пространстве».

Концепция и основное содержание диссертации изложены в 60 публикациях, включая монографию «Человек в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров. Лексико-семантическое поле «Человек» в говорах Кубани» (2012 г.), главу (в соавторстве с Л.Ю. Костиной) «Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества (на материале

кубанских говоров)» в коллективной монографии «Концептуализация как процесс и его результаты: (2008 г.), главу «Говоры Кореновского района» в коллективной монографии «История, этнография, фольклор Кубани. Кореновский район (материалы фольклорно-этнографических экспедиций)» (2015 г.), а также 15 статей в ведущих рецензируемых научных журналах. Лексикографическая презентация языкового материала отражена в книге «Кубанские говоры: Материалы к словарю» (2005 г.) и в подготовленном к печати «Словаре кубанских говоров» (2018 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы, лексикографических источников и шести приложений (двух обязательных и четырёх справочных).

ГЛАВА 1. КУБАНСКИЕ ГОВОРЫ В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ КОНТИНУУМЕ

1.1 Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: статика и динамика основных параметров

При изучении лексико-фразеологического пространства современных говоров Кубани необходимо использовать данные смежных с диалектологией наук: географии, истории, этнографии, социологии. Обобщение сведений перечисленных дисциплин позволяет создать экстралингвистическую базу исследования и, опираясь на неё, прояснить ряд важных вопросов, касающихся условий формирования и современного бытования кубанского диалекта.

Ареал современных говоров Кубани – территория Краснодарского края, которая сложилась из территорий, занимаемых до революции Кубанской областью и Черноморской губернией. Две административные единицы в 1920 году были объединены в Кубано-Черноморскую область, а в 1924 году был образован Северо-Кавказский край с центром в городе Ростове-на-Дону. Затем в 1934 году эта территория была разделена на Азово-Черноморский край (центр – г. Ростов-на-Дону) и Северо-Кавказский край (центр – г. Ставрополь). 13 сентября 1937 года Азово-Черноморский край был разделён на Ростовскую область и Краснодарский край, включая Адыгейскую автономную область, которая в 1991 году вышла из состава края и была преобразована в Республику Адыгея.

Краснодарский край – субъект Российской Федерации на юге России, в юго-западной части Северного Кавказа – входит в состав Южного федерального округа. Его естественными границами являются на юго-западе воды Чёрного моря, а на северо-западе – Азовского. На северо-востоке край граничит с Ростовской областью, на востоке – со Ставропольским краем, на юго-востоке – с Карачаево-Черкесией, на юге – с Абхазией. Климат на большей части территории умеренно-континентальный, на Черноморском побережье от Анапы до Туапсе – полусухой средиземноморский, южнее Туапсе – влажный субтропический. В

течение года типичны резкие изменения погоды. Часть территории края (до горных хребтов и черноморского побережья южнее Анапы) занимают степи. На значительных пространствах произрастают леса, общая площадь которых – свыше 1,8 млн. га. Река Кубань делит край на две части: северную степную правобережную и южную возвышенную левобережную. Краснодарский край занимает территорию 75,6 тыс. км², что составляет 0,4 % всей территории России.

Краснодарский край административно делится на 38 районов. По этноареальному признаку их можно разделить на две группы. В 15 районах: Апшеронском, Белоглинском, Белореченском, Гулькевичском, Кавказском, Курганинском, Лабинском, Мостовском, Новокубанском, Новопокровском, Отрадненском, Тбилисском, Тихорецком, Успенском, Усть-Лабинском – преобладают носители КГЮЯО. В Абинском, Анапском, Брюховецком, Выселковском, Динском, Ейском, Калининском, Каневском, Кореновском, Красноармейском, Крыловском, Крымском, Кушевском, Ленинградском, Павловском, Приморско-Ахтарском, Северском, Славянском, Староминском, Тимашевском, Темрюкском, Щербиновском (22 района) – носители КГУЯО. Данные по Туапсинскому району в наших материалах отсутствуют. См. карту 1 (шифры районов обозначены индексами и соответствуют Программе Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ); индексы районов см. Приложение Б).

Карта 1 – Этноареальное деление районов Краснодарского края

Легенда карты

У – р-ны, где преобладают КГУЯО

Ю – р-ны, где преобладают КГЮЯО

Разделение районов края по этноареальному признаку имеет некоторую условность, поскольку во многих из них, напр., Белоглинском, Кореновском, Приморско-Ахтарском, Тихорецком, Щербиновском и др., в соседних населённых пунктах и даже в одном населённом пункте совместно проживают носители КГУЯО и носители КГЮЯО.

Ряд сельских населённых пунктов входит в состав городских муниципальных образований, центрами которых являются следующие города: Краснодар, Новороссийск, Геленджик, Горячий Ключ, Сочи, Армавир, Анапа. Украинскую основу в большинстве своём имеют говоры населённых пунктов, относящихся к таким городам, как Краснодар, Анапа, Горячий Ключ, Новороссийск, южнорусскую – к Армавиру.

В процессе организации полевых экспедиций был внедрён последовательный подход к их планированию, суть которого состоит в объединение районов края в лингвогеографические зоны на основании общности географического положения и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту [см. Борисова, Костина, 2014, с. 73 – 79]. Избранный подход создаёт оптимальные условия для изучения языковых фактов на уровне микро- и макросистем и позволяет максимально полно выявить специфические характеристики диалектного ландшафта Краснодарского края, во многом обусловленные не только историей его заселения, но и географическим положением, природными особенностями, родом занятий жителей. С учётом административного деления и географии нами выделено 10 лингвогеографических зон [см. Борисова, Костина, 2014, с. 73 – 79]. Представим их на карте 2 «Лингвогеографические зоны Краснодарского края».

Карта 2 – Лингвогеографические зоны Краснодарского края

Легенда карты

1 – Кубанское Приазовье: 1001 Ейский р-н, 1007 Приморско-Ахтарский р-н, 1025 Славянский р-н, 1024 Темрюкский р-н, 1002 Щербиновский р-н.

2 – Северная степная зона: 1006 Крыловской р-н, 1004 Куцевский р-н, 1005 Ленинградский р-н, 1003 Староминской р-н.

3 – *Северо-восточная степная зона*: 1010 Белоглинский р-н, 1020 Кавказский р-н, 1013 Новопокровский р-н, 1029 Тбилисский р-н, 1012 Тихорецкий р-н.

4 – *Степная зона*: 1011 Брюховецкий р-н, 1019 Выселковский р-н, 1016 Калининский р-н, 1008 Каневский р-н, 1018 Кореновский р-н, 1009 Павловский р-н, 1017 Тимашевский р-н.

5 – *Центральная зона*: г. Краснодар, 1027 Динской р-н, 1026 Красноармейский р-н, 1028 Усть-Лабинский р-н.

6 – *Кубанское Причерноморье*: 1035 Анапский р-н, г. Анапа, г. Геленджик, г. Новороссийск, г. Сочи, 1058 Туапсинский р-н.

7 – *Горно-предгорная западная зона*: 1037 Абинский р-н, 1036 Крымский р-н, 1038 Северский р-н.

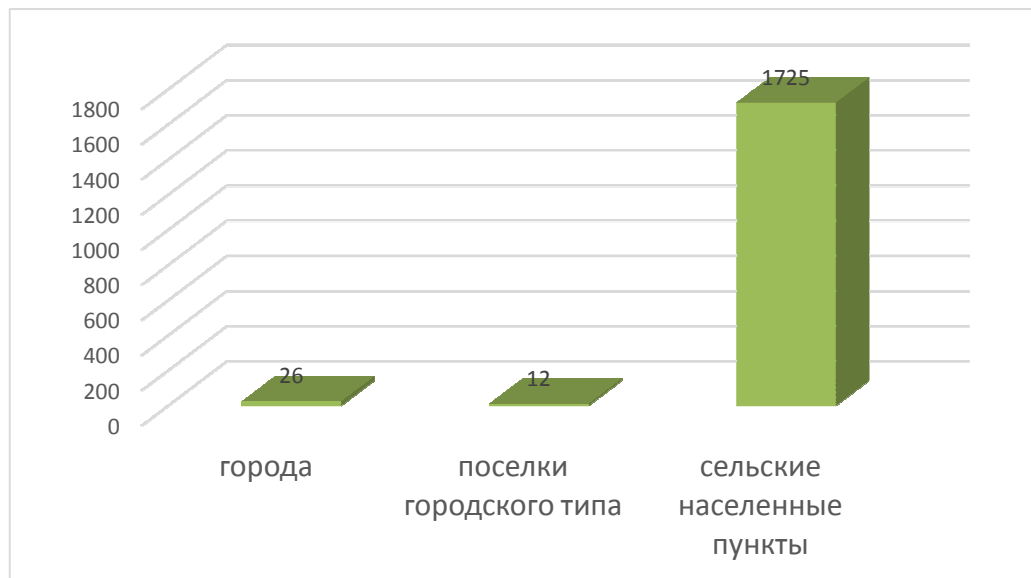
8 – *Горно-предгорная восточная зона*: г. Горячий Ключ, 1051 Апшеронский р-н, 1043 Белореченский р-н.

9 – *Степное Закубанье*: г. Армавир, 1030 Гулькевичский р-н, 1044 Курганинский р-н, 1039 Новокубанский р-н, 1045 Успенский р-н.

10 – *Кубанское Предгорье*: 1053 Лабинский р-н, 1052 Мостовской р-н, 1059 Отрадненский р-н.

Важный фактор, влияющий на процесс нивелирования диалекта, – численное соотношение городского и сельского населения. Историко-географические сведения по заселению, хозяйственному освоению и формированию сети сельских и городских поселений на территории Краснодарского края приводятся в монографии Н.Я. Богорсуковой [Богорсукова, 2015]. В крае, кроме городов, представлены 5 типов сельских населенных пунктов: станицы, сёла, посёлки, хутора и аулы. Их количественное соотношение отображает рисунок 1.

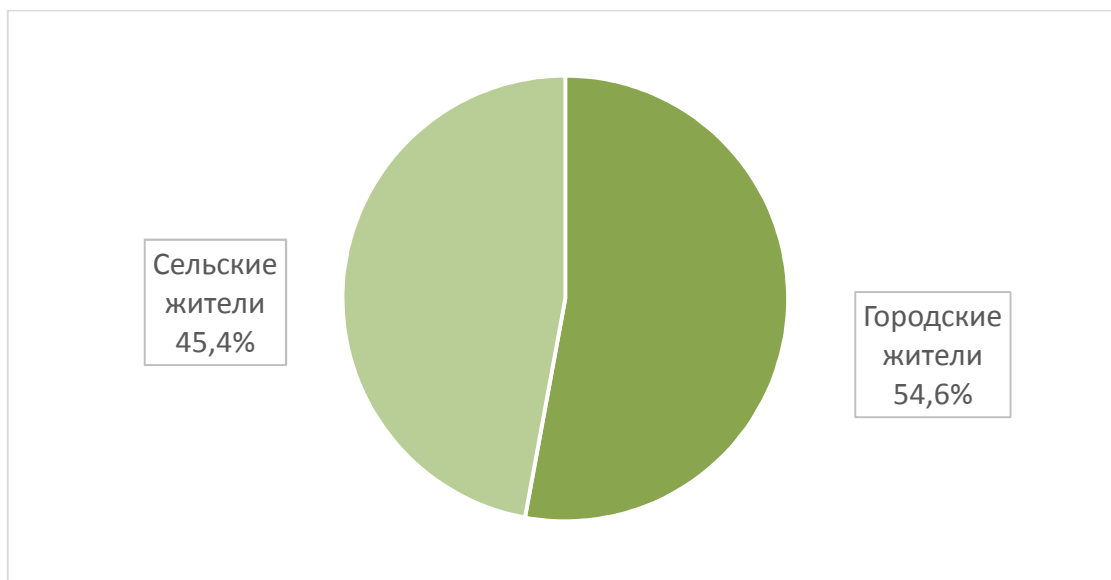
Рисунок 1 – Количественное соотношение типов населенных пунктов Краснодарского края

Краснодарский край после Москвы и Московской области находится на третьем месте по числу жителей среди регионов Российской Федерации. По данным Росстата численность населения края на 1 января 2017 года составляет 5 570 945 человек. Юг действительно является одним из самых «сельских» регионов России. В 1959 году доля крестьян составляла на Кубани 61% при общероссийском показателе 48% [Казачьи вести, 714]. Сельские жители и сейчас продолжают составлять значительную часть населения края, что, несомненно, сдерживает процесс нивелирования местных говоров, которые в сельских населённых пунктах продолжают успешно выполнять коммуникативную и экспрессивную функции. Кроме того, урбанизация здесь происходила в советское время на памяти нынешнего поколения. До сих пор многие местные жители продолжают воспринимать города районного значения как станицы, что наиболее наглядно проявляется в употреблении их прежних, в том числе диалектных, названий: *Абинская, Апишеронка, Кореновка, Курганная, Лабинская, Тимашовка, Тихорецкая, Усть-Лаба*. Во всех районных центрах и в настоящее

время проживают носители кубанских говоров, что, безусловно, вносит в языковую ситуацию этих городов диалектную составляющую. Представим на рисунке 2 процентное соотношение сельского и городского населения.

Рисунок 2 – Процентное соотношение сельского и городского населения

На устойчивость диалектных форм речи во многом влияет отношение к ним диалектоносителей. Существенным компонентом языковой ситуации в её синхронии является оценка диалекта в общественном сознании. Результаты эксперимента, проведённого среди жителей трёх городов: Курска, Кирова и Перми – с целью выяснения оценки местных говоров, продемонстрировали, что «севернорусские говоры испытуемыми были оценены как неприемлемые, далёкие от стандарта, южнорусские же, напротив, как близкие к стандарту» [ср. Калнынь, Клепикова, 2004, с. 111].

Анализ современной языковой ситуации в Краснодарском крае показал, что его жители воспринимают себя как особую общность людей, называя себя не только россиянами, но и *кубанцами*, для которых Краснодарский край – *Кубань-матир* (ср.: для жителей Дона – *Дон-батюшка*). Специалист по исторической психологии В. Шкуратов справедливо считает, что из всех районов российской периферии Юг обнаруживает наибольшее стремление «быть не как другие»

[Шкуратов, 1992, с. 42]. Так называемая «южность», то есть повышенная склонность к региональной идентичности, отмечается практически всеми отечественными историками (П. Ковалевским, В. Колосовым, Ф. Щербиной, П. Яковенко и др.). Проявление региональной идентификации особенно наглядно на бытовом уровне: жители края, противопоставляя себя приезжим из Центральной России, иронично и презрительно называют их «кацапами» и «москалями». В то же время жители таких приморских городов, как Сочи, Туапсе, Геленджик, напротив, в массе своей не ассоциируют себя с кубанцами, считая себя россиянами. От них часто можно услышать следующие фразы: «Приехали родственники с Кубани», «Это у вас на Кубани, а у нас на побережье...».

Региональное самосознание, безусловно, характерно для идентификации населения края в целом. Однако ядро носителей регионального самосознания составляет кубанское казачество, которому, как отмечают историки, присуще особое восприятие пространства и времени. Для кубанских казаков оппозиция «своё» – «чужое» пространство находит яркое воплощение в таких понятиях, как «войсковая территория», «земля Кубанского казачьего войска», «граница», «чужая земля» [Матвеев 2005, с. 105]. «Восприятие времени казаками в конце XVIII – начале XX веков подчинялось двум основным моделям: циклической (мифологической) и линейной (исторической)» [Там же, с. 128]. Время на Юге России действительно течёт более медленно, циклично, что, вероятно, обусловлено сезонным характером труда, природными условиями, типом поселений. Аграрные районы значительно медленнее усваивают какие бы то ни было новые социальные идеи и отдают предпочтение испробованным и усвоенным [ср. Российский статистический ежегодник, 1996]. Подобный консерватизм естественным образом отражается на языковой ситуации в регионе.

Язык, местный диалект, который здесь называют *казачьим языком*, *кубанским языком*, является существенным показателем региональной идентичности. Для многих жителей края он составляет базовую ценность, владение им не только естественно, но и престижно, поскольку подтверждает принадлежность к данному диалектному сообществу. В кубанских станицах

существует особая «языковая мода», суть которой заключается в способности свободного переключения языкового кода в зависимости от изменения модуса коммуникации. Такое языковое поведение воспринимается как положительное и оценивается как близкое к стандарту.

Следует указать и другие экстралингвистические факторы, сдерживающие процесс нивелирования говоров в регионе. Так, в крае увеличивается доля жителей старше 50 лет. В возрастной группе старше 60 лет резко преобладают женщины [Богорсукова 2015, с. 180]. Что касается национального состава, то подавляющее большинство современного населения края – это русские, украинцы и белорусы. Славянские народы имеют давние исторические связи с Кубанью. В X – XI веках на Тамани существовало древнерусское Тмутараканское княжество. Однако предки нынешних славян поселяются здесь после значительного перерыва – с XVIII века. В 1710 году на Кубань бегут, спасаясь от преследования правительственных войск, некрасовские казаки (10 тыс. человек) – выходцы с Дона, старообрядцы-поповцы, участники антифеодального восстания Кондрата Булавина. Их возглавил Игнат Некрасов – атаман ст-цы Есауловской Донского казачьего войска. Однако уже с 1740 года и в последующие десятилетия, чтобы избежать репрессий со стороны царского правительства, некрасовцы переселяются общинами в район Добруджи и в Малую Азию, на территорию Османской империи. После первой мировой войны в 20-е, 40-е, 60-е годы значительная часть некрасовцев группами возвратилась на Родину. Большинство обосновалось в Ставрополе, а также в Приморско-Ахтарском (хут. Новопокровский и Новонекрасовский) и Ейском (с. Воронцовка) районах Краснодарского края (см. подробнее Бондарь, 1999, с. 139; Тверитинов, 2004, с. 14 – 23; Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура, 2006 и др.). Длительное проживание за границей, в иноэтническом окружении, способствовало с одной стороны, проникновению в культуру некрасовцев инноваций, заимствованных из турецкой, болгарской и румынской культур, с другой – консервации древних элементов в обычаях, обрядах, фольклоре и языке. Исследователи отмечают, что «после переезда в Россию в

новых социально-экономических условиях происходит разрушение замкнутости общин староверов, демократизация патриархальных семейных отношений, идёт процесс отхода от религии» [Тверитинов, 2004, с. 22].

Достаточно обстоятельно фонетический, грамматический и лексический ярусы говора казаков-некрасовцев, представляющего собой южнорусский донской говор, находившийся в течение двух с половиной веков в изоляции от РЯ и его диалектов, описаны О.К. Сердюковой [Сердюкова, 1969]. В 2012 году ставропольские филологи издали «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием», составленный по материалам экспедиций, проведённых в середине XX – начале XXI столетий в местах проживания казаков-некрасовцев и их потомков, вернувшихся из Турции в Ставропольский край. Что касается говора староверов, проживающих в Краснодарском крае, то необходимо признать, что кубанскими лингвистами он изучен лишь фрагментарно. В 1978 и 1979 годах силами КубГУ проводились две экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский. До наших дней дошли лишь разрозненные записи от руки, которые, несмотря на их непрофессиональную обработку, представляют определённый интерес, особенно в свете новых полученных данных. В июле 2009 года под руководством автора данной диссертации проводилась экспедиция в Приморско-Ахтарский район. Диалектный материал собирался в 8 населённых пунктах, в том числе в хуторах Новопокровском и Новонекрасовском, образованных в начале 1920–х годов представителями двух ветвей старообрядчества – липован и некрасовцев. Их совместное проживание в Турции привело к установлению брачно-родственных связей и способствовало культурному сближению. Помимо переселенцев из Турции, в данных населённых пунктах проживают староверы, переехавшие из Румынии и Болгарии. «С переселением на Кубань этнокультурные различия между общинами двух хуторов со временем ещё более нивелировались, однако слияния в единую общность не произошло» [Община... 2006, с. 14].

Диалектологическая экспедиция ставила своей целью сбор лексического материала с последующим описанием фрагментов лексической системы говора

указанных хуторов. Полученные сведения показали, что говор в его архаическом виде сохранился лишь у переселенцев, которых осталось очень мало. Их потомки, родившиеся уже в России, используют в общении РЯ, являясь своеобразными «хранителями» языка своих предков. Основными результатами проведённого исследования являются: регистрация диалектных слов и ФЕ, не зафиксированных ранее, и введение их в научный оборот [см. Борисова, Костина, 2010а, с. 46 – 52; 2010б, с. 110 – 116; 2010в, с. 160 – 163]. Анализ лексико-фразеологического состава этого идиома показал, что в нём помимо специфичных ЛЕ, появление которых вызвано иноязычным влиянием, функционирует и большое количество диалектизмов, входящих в общекубанский лексико-фразеологический пласт. Данное обстоятельство делает правомерным положительно решать вопрос о включении этих говоров в кубанский диалектный континуум.

Между тем основной массив диалектного ландшафта Кубани составляют говоры «старожильческого» населения края – казачества и восточнославянского населения, не относящегося в прошлом к казачьему сословию. О происхождении казачества существуют различные теории (основные из них изложены кубанским историком В.Н. Ратушняком в статье «Основные теории происхождения казачества» [Ратушняк, 2012, с. 107 – 110]). Учёный справедливо отмечает, что казачество – явление сложное, подчёркивая следующее «...казаки принимали в свои ряды людей различных социальных слоёв и этнических групп, но основой казачества оставался славянский этнос. А его духовной идеологией было православие» [Ратушняк, 2012, с. 110]. Историки называют несколько этапов колонизации Кубани казачеством и крестьянами из украинских и южнорусских губерний. «Первый этап охватывает следующие временные рамки: примерно с 1792 – 1794 по 40-е гг. XIX века. В данный период складывались украинская и русская этнографические группы в рамках Черноморского и Кавказского казачьих войск. Второй этап: примерно с 40-х по 60-е гг. XIX века – время заселения Новой линии, освоения Закубанья, появления чересполосных и смешанных, русско-украинских поселений, что расширило сферу контактов и возможности для взаимодействия различных традиций. Третий этап начался с 60-х гг. XIX века.

Это период окончания военных действий на Кавказе, интенсивного развития экономической жизни и образования Кубанского казачьего войска, включавшего в себя Черноморское казачье войско и шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска» [Бондарь, Жиганова, 2009, с. 55 – 56].

Взаимодействие украинской и южнорусской этнографических групп – черноморского и линейного казачества, а также образование в 1860 году Кубанской области и Кубанского казачьего войска привели к возникновению особого *субэтнуса* – кубанского казачества (под субэтносом понимается «этническая группа, члены которой осознают свое отличие от основного ядра этноса, в результате чего появляются самосознание, то есть осознание своей особенности, общности, и самоназвание» [Бондарь, 1990, с. 140]). Учёные называют ряд причин, способствовавших образованию кубанского казачества как субэтнуса: «новые географические условия, окраинное положение, двуединое русско-украинское начало; относительная социально-политическая автономия, выражающаяся в наличии общинно-войсковой организации, самоуправления, войсковой земли, а также впоследствии и сословная замкнутость (с определённого времени приём в казаки был ограничен и затем прекращён). В послереволюционные годы казачество утратило ряд важных признаков субэтнуса, превратившись в этнографическую группу русского народа» [Бондарь, 1990, с. 140].

В процессе складывания субэтнуса происходит одновременно и формирование его культуры. В основе традиционно-бытовой культуры кубанского казачества лежат метропольные традиции, то есть локальные варианты русской и украинской культур, откуда происходило заселение Кубани: запорожской, донской, воронежской, курской, тамбовской, харьковской, полтавской и других. В новых природных и этносоциальных условиях эти традиции трансформировались, приобрели новые элементы. Итогом произошедших изменений стал оригинальный локальный вариант традиционно-бытовой культуры кубанского казачества, занимающий во многом промежуточное положение между южнорусской и украинской традициями.

Особенности материальной и духовной культуры кубанских казаков обстоятельно изучаются местными краеведами, этнографами, музыковедами, культурологами: Н.В. Богатырь, Е.Г. Вакуленко, В.В. Ворониным, С.А. Жигановой, А.И. Зудиным, Н.И. Киреем, О.В.Матвеевым, М.В. Семенцовым, Б.Е. Фроловым и др. Необходимо отметить активную научную деятельность Центра традиционной культуры кубанского казачества, направленную на изучение местного фольклора и этнографии. Результаты исследований наиболее крупных блоков традиционно-бытовой культуры кубанских казаков представлены в монографиях ведущих кубанских учёных: Н.И. Бондаря (2009; 2011 и др.), Н.А. Гангур (2009; 2014 и др.), В.И. Чурсиной (2003; 2005 и др.), а также в коллективных монографиях: «Очерки традиционной культуры казачеств России» (2002, 2005) и др.

Относительно культурных традиций так называемых иногородних – «старожильческого» восточнославянского населения края, не имеющего отношения к казачьему сословию, исследователи признают, что их культурные традиции изучены лишь фрагментарно. Между тем краеведы отмечают, что «иногородние адаптировались к казачьей культуре и после отмены сословного деления влились в этнографическую группу казачества» [Бондарь, 1990, с. 146]. Что касается русских, украинских и белорусских переселенцев 20 – 50-х годов XX столетия, то, по мнению профессора Н.И. Бондаря, в настоящее время преждевременно говорить о какой-либо однородной этнокультурной общности. Однако, по наблюдениям этнографа, «уже во втором поколении мигранты почти полностью утрачивают метропольные традиции и усваивают местные» [Там же, 147]. Полагаем, что общность культурных традиций является мощным фактором, способствующим смешению кубанских говоров. «Целостность ареала задаётся не однородностью этнического состава, не прочностью экономических связей, не политическим устройством, не одинаковостью истории, не всеобщностью языка, а той общностью, которую мы разумеем под расплывчатым понятием «культура» и которую прекрасно ощущают представители одного народа, одной нации как высшее единство» [Степанова, 1978, с. 45].

Помимо славян на Кубани проживают и представители других народов. По данным Всероссийской переписи населения (2010 г.), в национальном плане наш регион представляет собой весьма пёструю картину. На первом месте по численности находятся русские – 88,3%. На втором – армяне – 5,5%. Украинцы, сыгравшие в своё время значительную роль в развитии края, занимают третье место – 1,6%. Их доля за последние сто лет существенно сократилась вследствие ассимиляции, проходившей, благодаря генетическому родству русских и украинцев, абсолютно безболезненно.

Малочисленна по данным Всероссийской переписи населения (2010 г.) категория людей, считающих себя казаками, – 0,1%. Между тем такая авторитетная структура, как Главное Управление Казачьих войск при Президенте РФ, публикует другие цифровые показатели. По предоставленным ею сведениям в Краснодарском крае в 1995 году проживало 5004,2 тыс. человек, примерная доля потомков казаков составила 20 – 22% [Трут, 2005, с. 609]. По подсчётам не менее авторитетной российской социологической службы «Мониторинг», которая опирается на результаты социологических опросов, проведённых в 1992 году методами самоидентификации респондентов, численность казачества в Краснодарском крае составляет порядка 900 тыс. – 1 млн. 300 тыс. человек [Трут, 2005, с. 596]. Разброс цифр, как следует из приведённых данных, весьма значителен. В этой связи важно уточнить критерии отбора информантов.

Принимая во внимание то, что «...Функции более или менее чистого диалекта постоянно уменьшаются, и сейчас наиболее типичными сферами его использования являются семья и разного рода ситуации неофициального, непринуждённого общения односельчан друг с другом» [Крысин, 2003, с. 49], мы стремились, в первую очередь, опрашивать членов потомственных казачьих семей, а также членов семей иногородних, длительный период проживающих в крае. Материал для многих дипломных и курсовых работ, написанных под руководством автора диссертации, собирался методом языкового сосуществования студентами филологического факультета КубГУ, находящимися с информантами в родственных отношениях. Это семьи: Баранник (ст-ца

Новокорсунская), Бежко (ст-ца Стародеревянковская), Борисенко (ст-ца Азовская), Башмаковых – Круглых (ст-цы Новопластуновская и Павловская), Гончаровых (ст-ца Нововеличковская), Иванченко (хут. Куликовский), Никоновых (ст-ца Динская), Плахутиных (ст-ца Бузиновская), Чумак (ст-ца Марьинская) и др.

Работа с информантами подтверждает, что территориальная локализованность – это лишь одна из релевантных характеристик современных говоров, которые одновременно являются и социально ограниченной разновидностью НЯ. Именно социальная неоднородность диалектоносителей определяет гетерогенный характер современных диалектов. На эту существенную особенность впервые указал ещё Р.И. Аванесов [Аванесов, 1949, с. 27]. В работах волгоградского профессора Л.М. Орлова [Орлов, 1972, с. 168 – 217; 1974, с. 18 – 84; 1974а, с. 143 – 150], написанных в 70-е годы XX века, убедительно доказано, что внутри общей системы говора («диасистемы») есть три частные подсистемы, условно обозначенные учёным как типы Д (диалект), Л (близкий к ЛЯ) и С (средний). Образец типа Д – речь самого старшего поколения, как правило, женщин; тип Л присущ представителям местной интеллигенции; к типу С относится речь среднеграмотных жителей сельской местности. Аналогичные частные подсистемы обнаруживаются и в диасистеме кубанских говоров, в которой тип С преобладает. Многочисленные исследования диалектологов свидетельствуют о всё значительном сужении круга носителей чистого диалекта и о появлении смешанных форм диалектной речи – *полудиалекта* [Баранникова, 1967; Коготкова, 1970], *региолекта* [Герд, 1998]. При отборе информантов мы принимали во внимание сложность современной языковой ситуации в регионе и учитывали такие важные критерии, как уровень образования, профессию, возраст и, главное, степень владения местным диалектом.

Нельзя не признать относительность перечисленных параметров. Так, общепризнано, что диалектная речь в наиболее чистом виде сохраняется у малограмотных женщин старшего поколения. При этом гендерный признак, как показывает практика, не является основополагающим, поскольку речь многих

мужчин также представляет собой большой интерес в диалектологическом плане. К сожалению, невозможно перечислить всех жителей Кубани, оказавших неоценимую помощь в сборе диалектного материала. Только в ст-це Архангельской, говор которой получил монографическое описание в кандидатской диссертации Л.Ю. Костной, было опрошено 219 человек [Костина, 2008, с. 34].

Относителен и возрастной критерий, поскольку диалектоносителями могут быть лица разных возрастных категорий, в том числе дети. Молодое поколение, безусловно, говорит на РЛЯ под влиянием школьного образования и средств массовой информации. Однако в неофициальной обстановке, в семье подростки могут употреблять диалектную лексику, в их речи обнаруживаются диалектные фонетические и грамматические черты.

Не следует, на наш взгляд, считать строго обязательным использование информантом диалекта как единственного средства общения. Многие носители КГУЯО владеют диалектно-литературным двуязычием. Подчеркнём, что о переключении кода корректно говорить лишь тогда, когда между диалектом и ЛЯ обнаруживаются существенные различия, чего не наблюдается в случае с КГЮЯО, близость которых с РЛЯ очевидна. К информантам, способным к переключению языкового кода в зависимости от изменения модуса коммуникации, относятся, напр., жители ст-ы Старотитаровской: А.Н. Котелевич (1947 г.р.) – заведующая детской библиотекой, О.Н. Упарь (1963 г.р.) – заведующая отделом истории казачества; смотритель этого же музея О.П. Головня (1963 г.р.); М.Н. Баранник из ст-цы Новокорсунской (1957 г.р., окончил Политехнический институт в г. Краснодаре), директор музея ст-цы Старощербиновской Д.И. Бублик (1969 г.р., имеет высшее образование), заведующая клубом в селе Глафировка Р.И. Недорез (1936 г.р.) и др. Ценные сведения были записаны и от «пассивных» носителей диалекта (назовём их *ретроспективными*): сами они не говорят на диалекте, но сохранили в памяти диалектизмы, которые употребляли в речи их близкие. Среди наших информантов

– это В.Н. Гончаров (1957 г.р.), Д.И. Мирошниченко (1952 г.р.), из ст-цы Архангельской, В.В. Ганыч (1964 г.р.) из г. Краснодара и др.

Принимая во внимание относительность перечисленных обязательных параметров, которым информант должен соответствовать, сведём их к двум основным: 1) информант должен быть коренным жителем изучаемой территории или проживать на ней большую часть своей жизни; 2) информант должен не владеть или владеть в слабой степени разговорной литературной речью, либо обладать диалектно-литературным двуязычием, либо быть пассивным хранителем диалекта. Учёт указанных критериев при отборе информантов сделал возможным в современных условиях размывания говоров зарегистрировать максимальное количество диалектизмов, в том числе находящихся в пассивном запасе, выявить степень сохранности диалектных элементов в речи диалектоносителей различных категорий, проанализировать языковую преемственность старшего и младшего поколений жителей региона.

Процесс формирования экстралингвистической базы изучения современных говоров Кубани в силу действия философских законов устойчивости и изменчивости не является окончательно завершённым, поскольку в этой обязательной составляющей диалектологического исследования учитываются как постоянные сведения, так и переменные, находящиеся в состоянии динамического развития и требующие постоянного пополнения новыми данными.

1.2 Типологическая характеристика современных кубанских говоров

1.2.1 Общность и различие современных кубанских говоров на лексическом уровне

Функционирование на территории Краснодарского края говоров с украинской и южнорусской языковой основой вызывает необходимость решения вопроса о языковом статусе кубанского диалекта, который до сих пор является неопределённым. Используя терминологическое сочетание *кубанский диалект*,

исследователи часто не уточняют, что имеют в виду: КГЮЯО, КГУЯО или идиом, объединяющий эти группы говоров. Языковой ландшафт Краснодарского края, действительно, представляет собой довольно пёструю картину, обусловленную историей его заселения. На данное обстоятельство обращали внимание многие собиратели и исследователи кубанских говоров.

В 1994 году в связи с реализацией проекта ЛАРНГ ростовский диалектолог Б.Н. Проценко провёл обследование по комплексной программе первых четырёх томов ЛАРНГ в ст-це Дядьковской Кореновского района. Собранные материалы показали, что, сохраняя фонетические и морфологические черты, говор этой станицы, имеющий украинскую языковую основу, претерпел колоссальные изменения в области лексики, что проявилось в мощной экспансии русизмов, значительно трансформировавшей словарь. Б.Н. Проценко предложил квалифицировать описанный им идиом как говор переходного типа или говор русскоязычной лексики. В качестве одного из аргументов учёный приводит и тот факт, что кубанские казаки-степняки этнически *самоопределились как русские*. При этом исследователь справедливо замечает, что «определение языкового статуса КГУЯО требует содержательного обмена мнениями» [ср. Проценко, 1996, с. 17 – 19].

Между тем нельзя не признать и того, что отдалённые во времени и пространстве от украинского языка, испытывающие облигаторное воздействие РЯ КГУЯО также оказывают влияние на КГЮЯО. В начале 50-х годов XX века, описывая говор Предгорной полосы Краснодарского края, М.Н. Шабалин приходит к выводу о том, что украинский язык оставил заметный след на русской народной речи жителей изучаемой им территории, где в середине XIX столетия русское население смешалось с выходцами из Полтавской, Харьковской и некоторых других украинских губерний. Проницаемыми, как отмечает учёный, оказались все стороны языка, но более всех – лексический пласт [ср. Шабалин, 1952, с. 430]. В 60-е годы XX столетия, исследуя говоры Краснодарского края, Е.П. Шейнина в статье «Украинские заимствования в говоре ст. Тенгинской Краснодарского края» делает вывод о том, что «с лексической стороны речь

жителей Кубани не представляет единой языковой системы» [ср. Шейнина, 1963, с. 67]. Однако в этой же статье исследовательница приводит целый ряд ТГ: бытовые названия, номинации одежды, терминология строительного дела, слова, называющие транспортные средства, – и констатирует, что «русское население заимствовало у своих соседей украинцев большое количество украинских слов и выражений» [ср. Шейнина, 1963, с. 68].

Процесс смешения КГУЯО и КГЮЯО начался ещё во второй половине XIX века. В 1897 году местный краевед Л.А. Апостолов так охарактеризовал языковую ситуацию на Кубани: «Язык Кубанской области довольно своеобразный. Малорусское наречие даже в наиболее однородных станицах подвергалось значительному влиянию великорусского, приняв туда много оборотов и слов. В свою очередь, сильно изменилось и великорусское наречие, в особенности в станицах со смешанным населением, которых в области почти половина. Часто даже трудно бывает различить, на каком наречии говорят, до того великорусская речь пестрит малорусскими оборотами...» [цит. по «Кубанские станицы... 1967, с. 37 – 38]. Близость и взаимовлияние тесно контактирующих говоров признают и их носители. В сборник «Кубанские станицы...» помещён показательный комментарий языковой ситуации, данный жителем ст-цы Удобная С.Д. Белуховым: «... в станице были с Украины и с Рассеи казаки, а потом повыговаривались, наречия одна стала...» [Там же, с. 40]. Приведём и другие высказывания информантов, сделанные в более позднее время: *Наш язык разнай нацыанальнастью насыцин* (Брусова Мария Ивановна 1902 г. р., ст-ца Бородинская, зап. в 1981 г.). *Язык на Кубани разноцвет* (Москвичёва Сара Гавриловна 1931 г. р., г. Усть-Лабинск, зап. в 2004 г.). Работа над полисистемным словарём, сбор материала в ежегодных полевых экспедициях, которыми автор настоящего исследования руководит начиная с 2005 года, также позволяют утверждать, что кубанские говоры, несмотря на определённые различия, обнаруживают много общего, что особенно проявляется на лексическом уровне.

Таким образом, воздействие друг на друга контактирующих диалектов – двусторонний процесс. Однако очевидно, что участвующие в нём стороны

неравны по своему удельному весу, доказательством чего является двуязычие жителей черноморских станиц, для которых официальным средством общения является РЯ в форме, близкой к разговорной литературной речи. Следует напомнить, что политика коренизации, проводимая в нашей стране в 20-х-30-х годах XX века и направленная на Кубани на замену РЯ украинским в администрации, образовании и сфере культуры, не принесла ожидаемых результатов и имела трагические последствия для её сторонников [см. подробнее Иванцов, 2009]. Провальный финал украинизации Кубани был обусловлен не только изменением политики И.В. Сталина по национальному вопросу (в 1932 г. ЦК ВКП(б) и РНК СССР приняли постановление «О прекращении украинизации»), но и тем, что она оказалась искусственной по сути: жители кубанских станиц в большинстве своём говорили на местной *балачке* и не говорили на украинском языке, тем более не читали и не писали на нём, поскольку уже давно были *русифицированы*.

Смешение диалектов Кубани в разной степени происходит на всех языковых уровнях. Показательными результатами этого процесса являются ЛЕ, представляющие собой русско-украинские «гибриды». См., напр.: *подишукувать* ‘подыскивать’ (ПОД– русская приставка и –УВА(ТЬ) украинский суффикс): *Я стал патишукувать нивесту* (Бород.); *раскуштувать* ‘распробовать, отведать’ (РАС– русская приставка и –УВА(ТЬ) украинский суффикс): *Ну шо? Раскуштували мий борщ? Гірний?* (Новотит.); *роскачивать* (РОС– украинская приставка и –ИВА(ТЬ) русский суффикс): *Сестра́ (йи було́ пять годів) стала лóтку роска́чивать, и лóтка пэрэвирну́лась на сэрэдыни річки* (Новомалорос.) и др. Подобные языковые факты наглядно демонстрируют смешение современных кубанских говоров, обусловленное их взаимовлиянием и воздействием РЛЯ.

Наиболее активно этот процесс проявляется в лексике. Однако общность лексико-фразеологического состава говоров Кубани вызвана не только взаимодействием двух лексических систем, в результате чего слова (или их части) одной системы входят в лексическую систему другой, но и наличием в местных говорах большого количества ЛЕ, параллельно пришедших на Кубань из

генетически родственных русского и украинского языков, украинского языка и южнорусских говоров. Тот факт, что изначально КГЮЯО и КГУЯО имеют общий лексический пласт, составляет их релевантную типологическую особенность. В него также входят ЛЕ, заимствованные говорами друг у друга, а также из языков народов Кавказа, произошедшие уже в новых условиях бытования кубанских говоров – «на кубанской почве». Показателем вхождения диалектизма в общекубанский диалектный лексический пласт является его география. Таким образом, общекубанский лексический пласт образуют ЛЕ, функционирующие в КГЮЯО и в КГУЯО. Тематически эта лексика весьма разнообразна. См., напр.:

предметы быта (*гле[э/е]чик* ‘глиняный горшок’, *жлу́кто* ‘бочка без дна’, *куши́н* ‘кувшин’, *налы́гач* ‘верёвка, которой привязывают корову за рога’, *чува́л* ‘мешок’ и др.), орудия труда (*граба́рка* ‘совковая лопата’, *держáк* ‘деревянная ручка тямки, лопаты, вил’, *исти(ы)к* ‘железная лопаточка для прореживания посевов некоторых сельскохозяйственных культур’, *реза́к* ‘небольшая коса с короткой ручкой’, *сепара́т* ‘сепаратор’ и др.), средства передвижения (*беда́рка* ‘одноконная повозка на двух колёсах’, *га́рба* ‘телега’, *коза́л* ‘уазик’, *мажа́ра* ‘большая, длинная телега с высокими выгнутыми боками (обыкновенно для перевозки сена)’, *ход* ‘бричка’ и др.), постройки и их части (*балага́н* ‘шалаш’, *коту́х* ‘хлев для домашней скотины и птицы’, *кухнё́нка* ‘летняя кухня’, *сажо́к* ‘хлев для свиней’, *сво́лок* ‘потолочная балка’ и др.), одежда и её части (*капелю́ха* ‘тёплая шапка с наушниками’, *кацаве́йка* ‘куртка без рукавов, телогрейка’, *матрёшка* ‘небольшой шерстяной четырёхугольный платок, завязывающийся впереди’, *халя́ва* ‘голенище’, *учкур* ‘тонкий пояс’ и др.), пища (*варе́нця / варениа́ца* ‘вареник, сваренный без начинки’, *квашо́нка* ‘заквашенное кипячёное молоко’, *ке́ндюх* ‘начинённый мясом свиной желудок’, *сыр* ‘творог’, *узва́р* ‘компот из сухофруктов’ и др.), растения и их части (*бо(у)ды́лка* ‘стебель растения’, *бу́бка* ‘одна ягода винограда, малины, ежевики’, *ду́ля* ‘сорт груши’, *панычи́* ‘вьюнок трёхцветный’, *репа́нка* ‘сорт дыни’ и др.), животные (*бирю́к* ‘волк’, *бугай* ‘некастрированный бык’, *кро́л(ь)*, *трус* ‘кролик’, *кнур*, *хряк* ‘некастрированный кабан’, *пе́рвестка* ‘первотёлка’ и др.), птицы (*горобе́ц(ь)*, *жид*

‘воробей’, *грак* ‘грач’, *гу́ска* ‘гусыня’, *дерка́ч* ‘дергач’, *кво́чка* ‘1) курица-наседка; 2) курица с цыплятами’ и др.), болезни (*бех* ‘опухоль, покраснение’, *во́лоос* ‘нарыв на пальце’, *грызь* ‘грыжа’, *младéнческий* ‘детская болезнь – спазмофилия, тетания (судорожное состояние)’, *о́пух* ‘отёк, опухоль’, *трясу́чка* ‘лихорадка’ и др.), номинации человека (*братéльник* ‘брат’, *вдо́вка* ‘вдова’, *свекру́ха* ‘свекровь’, *сво́ячена* ‘своиченица’, *ста́рец(ь)* ‘нищий’ и др.), обрядовая лексика (*вече́ря* ‘кутья с мёдом, а также другое угощенье, которые в рождественский сочельник носят дети по домам родственников и соседей’, *кану́н* ‘кутья’, *карава́й* ‘хлеб, выпекаемый на свадьбу’, *сва́шка* ‘распорядительница на свадьбе’, *ши́шка* ‘свадебная булочка’ и др.).

В состав общекубанского диалектного лексического пласта входят и слова других частей речи:

имена прилагательные (*бо́ксовый* ‘хромовый’, *булька́тый* ‘о человеке с глазами навывкате’, *гладю́чий* ‘упитанный, тучный’, *глызе́вый* ‘непропечённый’, *гу́лый* ‘безрогий (о скоте)’, *гуртово́й* ‘коллективный, общественный’, *капустя́ный* ‘капустный’, *ки(ы)рпа́тый* ‘курносый’, *кле́чистый* ‘клетчатый’, *кукуруза́ный* ‘кукурузный’, *личма́нистый* ‘круглолицый’, *лупа́тый* ‘большеглазый’, *набры́длый* ‘надоедливый’, *насупо́ренный* ‘насупленный’ и мн. др.);

глаголы (*бухте́ть* ‘ворчать’, *вече́рять* ‘ужинать’, *встромля́ть* ‘втыкать, вставлять’, *де́лать* ‘наводить порчу’, *затуля́ть* ‘закрывать’, *здорóвкаться* ‘здороваться’, *коло́ться* ‘бодаться’, *кунáть* ‘1) окунать; 2) макать’, *куня́ть* ‘клевать носом, дремать’, *набра́ть* ‘купить’, *охля́ть* ‘ослабеть, отощать’, *плы́гать* ‘прыгать’, *рюма́ть* ‘плакать’, *скавча́ть* ‘повизгивать’, *шукáть* ‘искать’ и мн. др.);

наречия (*бога́то* ‘много’, *босяка́* ‘босиком’, *вну́трях* ‘внутри’, *втрёх / утрёх* ‘втроём’, *вче́ра / учёра* ‘вчера’, *га́музом* ‘вместе, сообща’, *глы́боко* ‘глубоко’, *дарма́* ‘даром’, *десь* ‘где-то’, *до́се* ‘до сих пор’, *ду́(ю)же* ‘очень’, *за́ра́з* ‘сейчас, тотчас’, *здря* ‘зря’, *напе́шу, пе́ши* ‘пешком’, *по́катом* ‘о лежащих рядом, подряд’, *ря́сно* ‘1) обильно (об урожае); 2) густо, часто’, *та́кочко* ‘вот так’, *те(а)пе́рича / тепе́р(я)* ‘теперь’ и мн. др.);

служебные слова (*абы* ‘союз лишь бы, дабы, чтобы’, *али* ‘союз или, либо’, *бо* ‘союз. а то, потому что, так как, ибо’, *дак* ‘усилит. част., союз так’, *да́жесть* ‘част. даже’, *до* ‘предлог. употребляется в знач. предлога к: к кому-л., чему-л.’, *за* ‘предлог. 1) с *род. и вин.пад.* в сравнительных оборотах указывает на лицо или предмет, с которым кто-л. или что-л. сравнивается; 2) с *твор. пад.* соответствует предлогу *по* РЛЯи обозначает предмет, лицо, о котором думают, скучают, скорбят; 3) с *вин. пад.* соответствует предлогу *о* РЛЯ и употребляется при обозначении предмета речи, мысли, чувства при управляющем глаголе со значением речи, мысли, чувства’, *хай* ‘част. пусть, пускай’, *чи* ‘союз или’ и др.

В картотеке Словаря кубанских говоров зарегистрировано большое количество формальных вариантов. Часть из них не составляет противопоставленных вариантных диалектных различий, поскольку их структурные отличия не связаны с какими-либо фонетическими, грамматическими или словообразовательными особенностями кубанских говоров, обусловленными их языковой основой. Такие формальные оппозиции могут функционировать как в говоре одного населённого пункта, так и в говорах, имеющих разные языковые основы, то есть входить в общекубанский лексический пласт. См., напр.: *бабу́ня* : *бабу́нька* (‘бабушка’), *бурáк* : *буря́к* (‘свёкла’), *гасáть* : *гаца́ть* (‘бегать’), *калю́жа* : *калю́га* (‘лужа’), *квёлый* : *кво́лый* (‘немошный, болезненный, слабый’), *коро́вичий* : *коровя́чий* (‘коровий’), *кро́л* : *кро́ль* (‘кролик’), *мамалы́га* : *мамалы́жка* (‘крутая каша из кукурузной муки’), *мыгы́чка* : *мгы́чка* : *мыжи́чка* : *мжи́чка* : *мужи́чка* ‘мелкий дождь, переходящий в снег’, *налы́га* : *налы́гач* (‘верёвка, которой привязывают корову или быка за рога’), *ня́ня* : *ня́нька* (‘старшая сестра’), *потро́ху* : *потро́шку* (‘понемногу’), *ра́чки* : *ра́чкой* (‘на четвереньках’), *свекро́вка* : *свекру́ха* (‘свекровь’), *ужáк* : *ужáка* : *вужáка* (‘уж’), *хрумтэ́ть* : *хрумча́ть* (‘есть, раскусывая, разгрызая или разжёвывая с хрустом’), *худóба* : *худóбка* (‘1) собир. домашний скот и птица; 2) домашнее животное’) и мн. др.

Различительные противопоставленные вариантные диалектные различия образуют формальные варианты, по которым дифференцируются и группируются

КГУЯО и КГЮЯО. Среди них можно выделить корневые, префиксальные, суффиксальные, постфиксальные фонематические / фонетические варианты. Приведём примеры наиболее частотных фонематических / фонетических различий по говорам (первый пример из КГЮЯО, второй – из КГУЯО):

корневые варианты

<Е> – <И>: *подéльчивый* : *поди́льчивый* ‘о человеке, который охотно делится чем-л. с другими’, *рэпа* : *ри́па* ‘раст. топинамбур’, *стрéнуть* : *стри́нуть* ‘встретить’ и др.; <О> – <И>: *гно́й* : *гни́й* ‘навоз’, *до́йка* : *ди́йка* ‘сосок коровьего или козьего вымени’, *дрот* : *дрит* ‘провода’, *подво́рье* : *подви́рье* ‘двор с хозяйственными постройками’ и др. <О> – <Е>: *те́пло* : *те́[э]пло* ‘тепло’, *те́рен* : *те́[э]рэн* ‘тёрн’ и др. <Л. – <В>: *полсть* : *повсть* ‘тканое шерстяное покрывало’, *столбычить* : *стовбычить* ‘стоять на одном месте’ и др.;

суффиксальные варианты

Е / И в суффиксах: *чаплéйка* : *чапли́йка* ‘сковородник’ и др.; О / И в суффиксах: *батóг* : *бати́г* ‘кну́т в виде длинного ремня на деревянной палке’, *батьковщи́на* : *батькиви́на* ‘1) Родина; 2) наследство’ и др.; чередование гласных в глагольных суффиксах ОВА(ТЬ) / – ЕВА(ТЬ), – ИВА(ТЬ) / – ЫВА(ТЬ) и – УВА(ТЬ) / – ЮВА(ТЬ): *байдаковáть* : *байдыкувáть* ‘бездельничать’, *свашковáть* : *свашкувáть* ‘быть свашкой на свадьбе’, *шпаровáть* : *шпарувáть* ‘затирать глиной трещины на стенах’ и др.

префиксальные варианты

О / И в префиксах ПОД – ПИД: *подгортáть* (*подгорну́ть*) – *пидгортáть* (*пидгорну́ть*) ‘подгрести, подсыпать’, *подслу́хать* : *пидслу́хать* ‘послушать’, *подсу́лок* : *пидсу́лок* ‘судак небольшого размера’ и др.; Т / Д в префиксах ОТ – ОД: *отчи́нять* : *одчи́нять* ‘открывать дверь, ворота и т.п.’ и др.; С / З в префиксах С – З: *сважítь* : *зважítь* ‘взвесить на весах’, *свих* : *звих* ‘вывих’ и др.; А / О, С / З в префиксах РАС(З) – РОЗ: *развертáться* : *розвертáться* ‘повернуться, сделать поворот; развернуться’, *распы́(и)ться* : *роspýться* ‘спиться’, *расшукáть* : *розышукáть* ‘разыскать’ и др.;

постфиксальные варианты

Ц / Ц' в постфиксе – СЯ: *мудóхаться* ‘заниматься делом, доставляющим много хлопот’, *хмари(ы)ться* (‘о наступлении пасмурной погоды’) и др.

Однако следует признать некоторую относительность дифференциальных вариантных диалектных различий, обусловленную тем, что под влиянием РЯ носители КГУЯО параллельно используют и русифицированные формы. В подтверждение приведём иллюстрации из Словаря кубанских говоров, записанные в населённых пунктах, где исторически складывались КГУЯО:

батькивиціна : батьковци́на: 1. *На́до на батькивиціну съездыть* (Шаб.). *В том году́ взрну́вся на батьковци́ну* (Рог.). 2. *Коло́тяця з батькивиціною сво́ей, лу́чче ны було́ б зóвсим* (Нововелич.). *Батьковци́на пэрэшла́ до мэ́нэ в пи́сят трэ́тим году́* (Незайм.). *Ха́ту брат про́дал, на́шу батьковци́ну* (Новопавл., Ахтаниз., Рог., Староджер., Старокорс.). *Ади́н сын, друго́й сын. Всим жы́ хо́чица ба́тькавицины́ взять* (Мороз.).

Дийка : до́йка: *Прышла́ раз коро́ва с па́шы, а у дийках кров, молока́ нэма́* (Старомыш.). *Пе́рит са́мым отёлом вы́мя у коро́вы нальва́иця, молоко́ беги́ть по до́йкам* (Старомыш.).

Дрит : дрот: *Я с ха́ты у ли́тню ку́хню дрит протя́х и пидключи́в машы́нку* (Гривен.). *И ба́тька покрыв́ мини́ ха́ту пид камышо́к, ана́ тры́цать лет стоя́ла, ця́ ха́та, ны ру́шылась. Ме́лкий был камы́ш, як дрот, и нывысо́кий, два с полови́ною, а вы́шы ны ро́с такий сорт, а друго́й высо́кий, а чуть нагнэ́ш, и вжэ́ полома́вся, а то́й як ны гнэ́ш, и вин ны лома́вся, як дрот* (Шев.).

Одчиня́ть : отчиня́ть: *Вин одчиныы́в воро́та на́встиж* (Бриньк.). *Пишлы́ мы до по́па, прыхо́дым, отчиня́е нам двэ́ри дівка, щё робо́ла у по́па вна́ймах* (Старовелич.). *Атчиня́ю дверь, а там дя́тька стаи́ть* (Никол.).

Пидгорну́ть : подгорну́ть: *Я карто́шку помога́ла пидгорну́ть, полóть, а та́к ма́ма робо́ла* (Брюх.). *До́ждик прашо́л, кусты́ карто́шки паразва́ливались, так мы с сасёткай па́дгарну́ли йиё* (Бород.). *На́до подгорну́ть карто́шку* (Ахтаниз.).

Пидсу́лок : подсу́лок: *Мале́нький суда́к – це́ пидсу́лок* (Елиз.). *А у́трам адни́ патсу́лки лави́лись* (Бород.).

Розве[э]ртáться : развертáться: Так, розвэртáйся, назáт поійхалы! (Новодерев.). *Любá тоді розвэртáецця и у машыну. Разверну́лась и пишла од ёго* (Нововелич.). *Оды́н крух обійхав, а там ужэ́ простра́нство так су́зилось, шо тяжыло́ мыні́ развэртáцця* (Новомин.).

Роспы́ться : распы́ться: Муш роспы́вся по-стра́шному. А я тырпі́ла. Од дурна́ була́! (Вышестебл.). *Мужыкі́ распылы́сь* (Новотит.).

Сваішкывáть : свашковáть: Вона свашкува́ла у іх на свáйби (Марьян.). *Если я свáшка, ёсли я бэру́ся свашковáть, то я иду́ помога́ть гото́выть* (Ясен.).

Зва́жить : свáжить ‘Взвесить навесах’: *Зваи́ міні́ пилки́ла сáхару* (Старомыш.). *Купы́в колбасы́ в магазі́ни, свáжив до́ма, а вона́ ёго́ обдуры́ла, старо́го: бі́льшы грóцив взяла́* (Марьян.).

Приведённые примеры наглядно подтверждают, что ранее регулярные чередования в результате смешения говоров, а также под влиянием РЯ превратились в нерегулярные, несистематические. Действительно, фонетические системы кубанских говоров подвергаются трансформациям под воздействием РЛЯ и друг друга. Так, в речи носителей КГУЯО происходит ослабление позиций оканья в пользу аканья, наблюдаются редукция гласных, переход [Э] в [О] под ударением перед твёрдым согласным, оглушение парных звонких согласных в слабых позициях, отверждение мягкого [Ц'] и др. В свою очередь, носители КГЮЯО могут также перенимать некоторые особенности огласовки контактирующих с ними КГУЯО. Во время экспедиции в Отрадненский район (2014 г.) было зафиксировано, что многие информанты, упоминая растение цикорий, называли его *Пе[и]тров [бат'их]*. Произношение *[бат'их]* характерно для носителей КГУЯО (ср.: в КГЮЯО – *[батох]*). В говорах этого же района отмечено частотное употребление глаголов с украинским суффиксом –УВА(ТЬ) наряду с –ОВА(ТЬ) /–ЕВА(ТЬ): *батракува́ть – батраковáть* ‘батрачить’, *жалкува́ть – жалковáть* ‘сожалеть’, *голодува́ть – голодовáть* ‘голодать’, *дружскува́ть – дружковáть* ‘быть дружкой на свадьбе’, *свашкува́ть – свашковáть* ‘быть свашкой на свадьбе’. Данная особенность зафиксирована и в других районах края (см. РГК).

Относительность, неустойчивость противопоставленных формальных вариантов, дифференцирующих кубанские говоры в зависимости от их языковой основы, позволяет включать их в общекубанский лексический пласт. Основанием для такого решения является также то, что структурное варьирование не нарушает семантического тождества слова.

Большей устойчивостью, чем противопоставленные формальные варианты, обладают противопоставленные собственно лексические различия. Среди них также выделяются такие, по которым кубанские говоры различаются по их материнскому языку. На основании лингвогеографического исследования, результаты которого представлены в кандидатской диссертации Л.Ю. Костиной [Костина, 2008], можно выделить несколько бинарных дифференцирующих оппозиций (первый член оппозиции характерен для КГУЯО, второй – для КГЮЯО). Так, на карте «Земляной пол» репрезентированы 10 наименований земляного пола, зарегистрированных на территории функционирования кубанских говоров: *доливка, зем* (м. / ж. р.) / *земь* (ж. р.), *земля / земь / земли / земка, мазанка, пол, времянка*. Дифференцирующую оппозицию составляют *доливка* : производные с корнем –ЗЕМ–. На лексической карте «Чердак» представлены 4 ЛЕ: *гори(ы)ще, потолок, верх, крыша*. В этом ряду дифференцирующей является оппозиция *гори(ы)ще* : *потолок*. Из 16 диалектных названий растения перекасти-поле (*курай / кура / курайна / куранда / курандра / курой / курый, матрёшка / матрёха / матрёнка, верблюдка, волчек, жабрий, колючки, руки, си(е)ряк*) дифференцирующую оппозицию на территории распространения кубанских говоров образуют ЛЕ *курай* : *матрёнка / матрёшка*. Перечень дифференцирующих собственно лексических различий можно пополнить, опираясь на географию слов. Это *деревына* : *ветка* ('дерево'), *хлебына* : *пирог* ('хлеб'), *гробки* : *могилки* ('кладбище').

Следует признать, что, как правило, второй член бинарной оппозиции представляет собой общенародное слово. См., напр.: *бачить* : *видеть*, *гарный* : *красивый*, *гарный* : *хороший*, *гукать* : *звать*, *драбына* : *лестница*, *дывыться* : *смотреть*, *качка* : *утка*, *чёлви́к* : *муж* и др. При этом диалектный эквивалент

часто воспринимается диалектоносителями как устаревший или устаревающий. Приведём некоторые высказывания информантов: *Рáньшы гаварі́ли на стáніцáм «цыбу́ля», сичáс жы культу́рна гаварі́м «лук»* (Твер.). – Называли у вас в станице лестницу «драбына»? – *Назывáли, рáньшы а́на назывáлась «драбі́на»* (Спок.). Приходится также констатировать, что члены дифференцирующих собственно лексических оппозиций могут функционировать и в говоре одного населённого пункта как синонимы-дублиеты. См., напр.: *Мы усё врэ́мя на паталку́ спáли, на гары́щи* (Ярослав.). – Как у вас чердак называют? – *И «паталóк», и «гары́це»* (Саньк.). *И ма́ты бу́ла в моладасти гáрна, и дочка́ красы́ва* (Нововелич.). *Покы́ воны́ малы́, усі́ хорóщи. Пра́вду ка́жуть: гáрна Горпы́на, пока́ дыты́на. А пывыраста́ють, так куды́ шо дива́иця. Вжэ́ нэ такы́ хорóщи* (Елиз.). *Зэ́мли бы́ли, доли́вки* (Новопавл.). *Щас по́лы, а тоді́ доли́вки, ну зэ́мля чи як* (Кулик.). *Чэ́ловік, ну мий муш, ча́сточко уижжáв на рабо́ту далэ́че* (Кулик.).

Непротивопоставленные диалектные лексические различия (второй компонент равен нулю) связаны с обозначением различных реалий внеязыковой действительности. Это лексика флоры, фауны и производственно-промысловая лексика. Бытовая, этнографическая лексика, лексика народной медицины у старожильческого населения Краснодарского края характеризуется наибольшей общностью, в то время как хозяйственная деятельность, природные условия в разных районах неодинаковы, и отсюда неодинаков набор реалий, имеющих диалектные названия. К непротивопоставленным лексическим различиям относится, напр., рыболовецкая лексика, зафиксированная в тех районах, жители которых занимаются рыбной ловлей (побережье Азовского и Чёрного морей). В говорах населённых пунктов, где рыбный промысел не развит, эти слова или значения слов отсутствуют. См., напр.: *атама́н* ‘руководитель рыболовецкой артели’, *аха́н* ‘ставная крупноячеистая сеть, которой ловят красную рыбу’, *ба́йда* ‘большая широкая вёсельная лодка’, *бугу́н* ‘приспособление из длинных жердей, укрепленных на стойках, для сушки и вяления рыбы’, *дуб* ‘большая лодка, баркас с высокими и широкими бортами’, *гала́н* ‘крючковатая снасть для ловли белуги’, *каю́к / каючо́к* ‘небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева’, *кулáс* ‘большая

лодка', *чула́рка* 'мелкая кефаль' и др. См. также: *керча́н* 'ветер, дующий с Крымского полуострова', *камка́* 'раст. зостера морская, изоморник, морская трава', *ма́истра* 'западный ветер, дующий с Чёрного моря' и др. В лесных районах Краснодарского края непротивопоставленные лексические различия составляют наименования грибов. См., напр.: *берестя́нки* / *берестя́ники* 'грибы, растущие на поваленных деревьях', *дождевички́* 'вид грибов', *карага́ч*, *карага́чник* 'гриб, растущий на *карагачах*', *кво́чка* 'грибы, растущие скученно', *оба́бок* 'подберезовик, подосиновик', *рядо́вки* 'грибы, растущие в ряд', *синя́вки* 'гриб, имеющий при разрезе синюю окраску', *чина́рик* 'гриб, растущий на чинаре', *яи́чник* 'яичный гриб' и некот. др.

Проведённые наблюдения демонстрируют, что для кубанских говоров в их современном состоянии на лексическом уровне характерны как общность, так и различия (непротивопоставленные и противопоставленные). Причём в большей степени им присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не столько языковой основой говора, сколько природными условиями и спецификой хозяйственной и промысловой деятельности диалектоносителей.

1.2.2 Общность и различие современных кубанских говоров на грамматическом уровне

Рассмотрим грамматические сдвиги, происходящие в местных говорах под влиянием друг друга, а также в результате воздействия на них РЛЯ, выступающего в процессе смешения двух диалектов в роли мощного активатора. Анализируя грамматические особенности, необходимо иметь в виду, что в силу исторического родства русского и украинского языков их отличия на грамматическом уровне сводятся лишь к способам выражения одинаковых грамматических значений. Большинство грамматических черт, отмеченных в современных КГУЯО, были характерны для восточнославянских языков ещё в глубокой древности. Принимая во внимание данное обстоятельство, под

украинскими грамматическими элементами мы будем понимать только те, которые, хотя и были присущи в древности всем восточнославянским языкам, однако на современном этапе развития не характерны для РЛЯ, а сохранились лишь в украинском языке и его говорах.

Анализ форм Д. п. и П. п. ед. ч. сущ. с основой на –А демонстрирует, что носителями КГУЯО употребляются и флексия –И, и флексия –Е. Первая характерна для украинского языка, вторая типична для русской системы склонения. Ср.:

–И: *Бабу́ся билы́ла, а про́лызэнь оста́вся на стині́* (Азов.). *Я служы́л на Но́вой зимлі́...* (Брюх.). *Ті́сто мі́сьым в ди́жы абó в макі́тры* (Мих.). *...самá собі́ кажу́ у воді́: «Оцэ́ ужэ́ всэ»* (Староджер.). *Рэ́панка ро́стэ на бахчі́...* (Старомыш.). *У нас дитэ́й, які́ родю́ця на сторо́ні, называ́ють «байстрюка́мы»* (Старомыш.). *Тля бува́е отó на огырка́х і́ли на кавуна́х по ботві́* (Шаб.) и др.

–Е: *На калхо́знай бахче́ мы тех дынь ф су́мку на́шматáли* (Брюх.). *Ма́ма робы́ла на свикле́* (Дин.). *Шрам на бороде́ оста́вся* (Екатерин.). *Всэ на ёго́ спыне́ было́* (Марьян.). *Мы лóвым, а ры́ба там с ку́каном в воде́* (Мингрел.). *В нас ха́та була́, и на глухо́й стинé ви́кно...* (Новопавл.) и др.

Флексия –И ещё достаточно частотна, однако она присутствует в речи людей старшего поколения, более молодые информанты используют окончание –Е.

Устойчивость обнаруживает и флексия –У в П.п. ед. ч. у сущ. 2-ого склонения, которая отмечается как в КГУЯО, так и в КГЮЯО. Прочную позицию флексия –У, характерная ещё для древнерусского языка, занимает и в украинском языке, и РЛЯ. В кубанских говорах окончание –У чаще всего встречается у существительных с локально-временным значением:

Курэ́й у ку́рничку ди́ржа́ли (Арх.). *Сви́ньи у нас – в баску́* (Ахмет.). *Картóшку на́до в марту́ сады́ть* (Ахтаниз.). *И ф кабы́шныку по́стро́ялы кабы́цю...* (Гривен.). *Жы́сть як у фі́льму проба́чу...* (Дин.). *Мно́га зубко́в на лу́ку* (Зассов.). *Не, вёсил не́ было: на шосту́ пла́вали* (Копан.).

Наряду с указанной флексией в этом же грамматическом значении в КГУЯО отмечается окончание –Е, характерное также для КГЮЯО и для РЛЯ:

У сосіда дэрыво паломáli, відим до нас идэ – сховáлись на базкэ (Красноарм.). *Кáжуть, шо в кáждом дворé есть домовóй – хозя́ин* (Новопавл.). *Я робыла в звине* (Пашк.). *Борц вары́ли в такóм чавунé* (Шаб.) и др.

«Литературность» флексии –Е и «народность» флексии –У придают им стилистическую маркированность: –Е характерна для официальной речи, а имеющее более сниженный оттенок окончание –У соотносится с разговорно-бытовым общением. Что касается украинской флексии –И, то она малопродуктивна:

Моя кумá у гурті всигдá вывóдыла, як спивáлы (Азов.). *У чавуні борц укуснійшэ* (Журав.). *У дворі булá кабы́ця* (Марьян.). *Пісни на кáжном ву́гли...* (Серг.). *А у курині крóвати стоя́лы, стил, шо и в хáти* (Старомыш.). *В январі зáмуш вихóдыла* (Шев.) и др.

Ещё менее частотными являются украинские окончания –ОВИ, –ЕВИ. Они встречаются у небольшого круга существительных в речи представителей старшего поколения (*при батькови, братови, дедови, сынови, на дубови, по хлібови* и некот. др.). См., напр., высказывание информанта из ст-цы Дьяковской: *Грех большóй по хлібови ходы́ть, потому́ шо наголодува́лысь лю́ды бéдни*. На малопродуктивность указанных флексий в условиях Кубани обращала внимание уже в 60-е гг. XX века Е.П. Шейнина [Шейнина, 1965, с. 163]. Исследователь заключает, что они редко встречаются у одушевлённых существительных, обозначающих животных, у имён неодушевлённых, а также совершенно не распространяются на названия людей по профессии и неологизмы советской эпохи [Там же]. Наши наблюдения полностью эти выводы подтверждают.

Чередование заднеязычных согласных звуков [Г], [К], [Х] со свистящими [З], [Ц], [С] в позиции перед [Е] [И], характерное для украинского языка, в КГУЯО перешло в разряд архаичных и фиксируется только у пожилых диалектоносителей. Данный факт отмечают и авторы главы «Говоры» [Кубанские

станции... 1967, с. 43 – 44]. Проиллюстрируем названную черту некоторыми примерами, зарегистрированными в картотеке Словаря кубанских говоров:

Маслакáми кóшык нагуду́йши, а яку́ и саба́це кíныш (Бол. Бейс.). *Сыдю́ на порóзи* (Дядьк.). *...багню́ка стоя́ла на дорóзи* (Марьян.). *Дывы́сь: горóбчик пры́гае по дорóзи* (Нововелич.). *Вин прыйíхав на бидáрци* (Платнир.). *Юпкы́ палáтошни носы́лы, кóхточкы тóжэ, всэ лáтка на лáтци* (Серг.). *Носы́ла в пáзуси кукуру́зу, крáла* (Серг.). *Була́ в Темрю́ци* (Старотит.) и др.

Сохранение на протяжении всего склонения согласных [Г], [К], [Х] появилось в КГУЯО под влиянием РЯ. Приведём примеры из картотеки:

Пойíлы мня́со, а соба́ки кисткы́выны́слы (Азов.). *Занэду́жыв я в дорóги* (Ленинград.). *Досталось нам на ори́хи* (Нововелич.). *Я учёра вары́ла суп биз за́смашки...* (Новокорс.). *Нэ сыди́ на порóги: раздя́вой будэ́ш!* (Пласт.). *А тухли жы́ óт на такéнном каблукé* (Полтав.). *У Свёты дитю́шычка е́сть у пэ́рвом бра́ки* (Старощерб.) и др.

Следует отметить, что формы, присущие РЯ, являются более поздними сравнительно с украинскими. Чередование задненёбных согласных с переднеязычными свистящими представляет собой результат второй палатализации, имевшей место ещё на почве общеславянского языка. Впоследствии изменение фонетических норм языка сделало возможным положение перед гласными переднего ряда задненёбных смягчённых согласных без изменения их в свистящие. Таким образом, результаты изменения, носившего некогда фонетический характер, стали играть роль грамматического чередования: задненёбный и переднеязычный свистящий в конце основы являются показателем различных форм одного слова. В украинском языке это чередование сохранилось. В русском же языке на протяжении его истории чередование было устранено в силу воздействия форм, которые сохранили задненёбный согласный.

Нечастотность, малопродуктивность отдельных грамматических форм приводит к их устареванию. В полной мере процесс архаизации в КГУЯО коснулся звательной формы, которая спорадически отмечается у одушевлённых имён существительных (звательная форма для неодушевлённых имён

существительных неизвестна кубанским говорам). В речи носителей КГУЯЮ украинская звательная форма встречается редко. См., напр.: *Люди ка́жуть йши́: «Га́лю, ви́кову́хой оста́ни́сья»* (Бород.). *Я ка́жу: «Ма́мо, а за шо́ вы мэ́нэ ла́етэ? Я всэ́ поробы́ла»* (Староджер.). Зарегистрированные примеры подтверждают вывод Е.П. Шейниной о том, что в живой речи звательная форма сохраняется у одушевлённых имён существительных женского рода [Шейнина, 1965, с. 164]. Звательная форма мужского рода зафиксирована исследовательницей только в произведениях устной народной поэзии. Однако, как справедливо отмечает Е.П. Шейнина, даже «устойчивые фольклорные традиции расшатываются под влиянием живых произносительных вариантов» [Там же]. В значении звательной формы, как правило, выступает И.п. ед. ч. (*Мама! Дядя! Галя! Грыша!*) или особая усечённая звательная форма (*Мам! Ма! Пап! Па! Дя!*), характерная также для КГЮЯЮ. См., напр.:

До́чка ка́жэ: «Ма́ма, помо́жы́ть ба́штан пэ́рэсапа́ть...» (Вышестебл.). *Га́ля, шо́ за́кацу́бла?* (Канев.). *До́чка ка́жэ: «Ма, иды́ть до́ нас жы́ть»* (Марьян.). *А мий му́жык як умыра́в, ужэ́ нэго́жый був, ка́жэ: «Галь, як умру́ я, – ка́жэ, – за́миж нэ́ ходы...»* (Петров.). *Я спра́шую: «Па, мо́жно куплю́ я часы́?»»* (Староджер.) и др.

Формы множественного числа имён существительных также обнаруживают сосуществование вариантов, подтверждающих смешение кубанских говоров на грамматическом уровне. В РЯ возможны формы И.п. мн. ч. существительных не среднего рода с флексией –А. В РЛЯ и во многих русских диалектах подобные формы возможны только у существительных мужского рода. Между тем в южнорусских говорах такие формы наблюдаются и у существительных женского рода (главным образом у оканчивающихся в И.п. ед. ч. на согласный звук): *площа́дя, оче́редя, ска́тертя*. Названных форм в украинском языке нет, поэтому их фиксацию в кубанских говорах с украинской основой, можно объяснить влиянием РЯ: *В го́роди, там та́кы́ булы́ очиридя́! А ну посто́й з дыты́ной* (Старотит.). *Ра́ньшы та́кы́ площа́дя засива́лы* (Ахтаниз.).

Яркая грамматическая черта кубанского диалекта – дублетные флексии – АМ и –АХ у сущ. мн. ч. с предлогом *ПО* при глаголах любого лексического значения. Вариативность окончаний вызвана тем, что носители кубанских говоров могут использовать в этой конструкции и Д.п., и П.п. Учитывая, что употребление П.п. в данном случае характерно для украинского языка XIX века и его восточных говоров (в них предложный падеж РЯ соответствует местному падежу) и не характерно для СРЯ и южнорусского диалекта, в том числе донского, логично признать флексию –АХ в КГЮЯО влиянием на них КГУЯО. Показательно, что М.Н. Шабалин, приводя примеры из собственных наблюдений по говорам Предгорной полосы Краснодарского края, называет данную грамматическую черту «самой примечательной чертой русского кубанского диалекта» [Шабалин, 1959, с. 309]. На многочисленные случаи дублетности окончаний –АМ / –АХ в КГУЯО обращает внимание и Е.П. Шейнина [Шейнина, 1965, с. 164]. В наших материалах также зафиксировано большое количество примеров, подтверждающих вариативность этих флексий по говорам. Ср.:

–АХ в КГЮЯО, появившаяся под влиянием украинского языка: *Кубарь растёт на мижника́х* (Арх.). *В де́цтви всё ле́та на кушыря́х бе́гал* (Арх.). *Личи́лася я: на ба́нках ла́зила* (Зассов.). *Сын пастаянна на камандиро́вках матаи́ца* (Зассов.). *Па э́тих катава́льчиках, катава́лах каси́ла се́на* (Ильич). *Брат пришо́л и стигну́л ей* (лошади) *на нага́х...* (Родник.). *Вот а́на з байстрыо́м и пашла́ на люда́х* (Ярослав.) и др.

Флексия –АМ в КГУЯО, появившаяся под влиянием РЯ: *Позахо́уе все́ по ны́шпаркам...*(Адаг.). *Волочко́м ло́влють у камыша́х, по камыша́м тяну́ть* (Вареник.). *И сва́дьбы́шни пэ́сни вы́учили...* и *на сва́дьбам хади́лы* (Васюр.). *Осинью коро́в по буга́лам гоня́лы* (Крыл.). *Ба́бушка у нас была́ чита́лка. Хо́дыла по поко́йникам* (Новопавл.). *...да́жэ ни́колы було́ сис́ты: навсто́ячи пои́л и по робо́там* (Новопласт.). *...я́йца ути́ные дра́лы по гнезда́м* (Старотит.) и др.

В наших материалах отмечено также употребление вариативных форм –АМ / –АХ в пределах одного высказывания: *Как ва́ряга ади́н зашо́л, а я зна́ла, што он ла́зит на ко́мнатам, на кварта́рах* (Отваж.).

Для КГУЯО характерна вариативность форм Р.п. мн. ч. Наряду с окончанием –ИВ, ещё достаточно частотным, употребляется флексия –ОВ. Ср.:

–ИВ: *Пиды́ть оцупки́в набыры́ть, та трóшки протопы́ть у хáти* (Азов.). *А по́сли войны́ ш нэдохва́т мужыки́в, и дава́лы такы́х паца́ни́в* (Ахтаниз.). *У нас пацюки́в бу́ло бога́то* (Гривен.). *Сырныки́в ны бу́ло* (Лебеди). *У казаки́в бу́лы стрóги нра́вы...* (Новомалорос.). *Куба́нь бли́ни́в ны зна́ла, Куба́нь зна́ла варэ́ныкы з сы́ром* (Полтав.). *Дэ ты начипля́л сти́кэ рэ́пьяхи́в?* (Стародерев.) и др.

–ОВ: *Так ще де́лали до э́тих постоло́в бахи́лы* (Ахтаниз.). *Вси́ сида́лы на са́ни и пид зви́н бубэ́нцо́в и гармо́шку йи́хали до це́рквы* (Красн. Нива). *Травы́ бога́то, а цвита́в!* (Крыл.). *Ниякы́х в нас утюго́в нэ бу́ло...* (Кучуг.). *Якы́х мы виргуно́в навары́лы!* (Ленинград.)... *бога́то бирюко́в бу́ло тоди́* (Новотит.). *А мы як нава́рым варэ́ников з ожы́ною* (Полтав.) и др.

Зафиксировано употребление обеих флексий в пределах одного высказывания: *Як началась совэ́цка вла́сть, так йи́х прыжа́лы: и казаки́в, и чирке́сов* (Елиз.).

В речи носителей КГУЯО у сущ. в Тв. п. мн. ч. наряду с флексией –АМЫ отмечается и флексия –АМИ, характерная для РЯ. Ср.:

–АМЫ: *Уну́чка ста́рша... ти́ка сядэ на ла́вочки с падруга́мы и лу́ще масля́нкы* (Бород.). *В мэ́нэ був такы́й плато́к, з кы́тыця́мы* (Новокорс.). *Торохты́ть одно́ горика́мы!* (Павлов.). *Паха́лы мы пука́ря́мы* (Старомыш.). *Трэ́тий дэ́нь ма́слиницы <...> угоща́лы и соси́дэ́й блы́на́мы та́й варэ́ника́мы* (Старонижестебл.) и др.

–АМИ: *На ря́днах спа́ли и укыва́лись ря́днами* (Бол. Бейс.). ... *Уме́сти з доя́рками в чыты́ри утра́ иде́ш на рабо́ту...* (Глафир.). *Пошо́л ста́рый шка́рбу́н, нога́ми ча́вкае по по́лу* (Ленинград.). *Кубга́н – кушы́н з двумя́ ручка́ми* (Новопавл.). *Бага́ты са́тка́ми сия́лы, а бидны́ – з ми́шка* (Новотит.). *Так бу́лы та́ки платки́ лапа́ти, рису́нчати. От та́кы́ми ла́пами, рису́нка́ми ра́зны́ми* (Убин.) и др.

Появление в КГЮЯО в этой грамматической форме флексии –АМЫ обусловлено влиянием украинского языка. По наблюдениям М.В. Шабалина, таких примеров насчитывается немного, несколько десятков (*зуба́мы, кра́ямы,*

польтамы и под.). Причём чаще всего это окончание, как отмечает исследователь, встречается в речи потомков украинцев [Шабалин, 1952, с. 92 – 93]. В наших материалах, записанных в более поздний период, также зафиксированы окончания –АМЫ, свидетельствующие о том, что данная украинская грамматическая форма оказалась достаточно устойчивой. См., напр.: *Рáньшы рукамы касі́ли, а щас касі́лкамы* (Надёж.). *Ента бы́ли ни витира́ны, а гирба́и труда́. Ну́кась всё лапа́тамы и ви́лкамы васстана́ви* (Перед.). *Акты́вы хади́ли, шыря́лы кастыля́мы: где хто шо спря́чит с праду́ктаф* (Перед.) и др.

Яркая грамматическая черта южнорусского наречия – безударная флексия –И у сущ. ср. р. мн. ч. в И. п. Она отмечается и в КГУЯО: *Рáньшы са́ми адия́лы шы́ли...* (Арх.). *Рáньшэ жлу́кты бы́ли, выдо́блывали их из де́рива, нэ́ма́ дна там* (Брат.). *Адинáрные во́кны бу́лы* (Марьин.). *Колёсы у та́чки рыпа́ть – трэ́ба зма́зать* (Старотит.). В этой же грамматической форме возможна и флексия –А: *Посыры́д доро́гы така́ глыбо́ка калтё́ба, то га́рбы йи́здать, и аж колё́са грузну́ть* (Азов.). *Рáньшэ бу́лы одия́ла, так воны́ бэз одия́льни́кив* (Старомыш.).

Вариативными в КГУЯО являются формы, выражающие категорию одушевлённости. Категория одушевлённости развилась в РЯ постепенно. Названия животных сравнительно поздно получили формы, одинаковые с названиями людей. И особенно поздно форма, одинаковая с Р.п., распространилась для названий животных во мн. ч. В памятниках это явление более менее широко распространяется лишь в XVII веке. В украинском языке форму В.п. мн. ч., одинаковую с Р.п., имеют лишь названия людей, а названия животных имеют в этом случае форму одинаковую с И.п.: *пасты во́лы, запряга́ть коны́*. Данная форма в кубанских говорах в настоящее время переходит в разряд архаических и существует наряду с формой В.п. мн. ч. одинаковой с Р.п. Ср.:

форма В.п. мн. ч. одинаковая с И.п.: *Було́, як ся́дэши на ко́ни да гало́пам!* (Бол. Бейс.). *Дои́халы – раззано́зы воли́...* (Кущ.). *Собыра́ють ку́ры, па́трают их, ри́жмут. На трэ́тий дэнь свай́бы – ку́ры.* (Ольг.).

форма В.п. мн. ч. одинаковая с Р.п.: *Видмѣдий ни б́ачилы тут* (Бол. Бейс.). *Нѣмци коней забра́лы* (Курч.). *Пиды прыгоны качкѣв з рѣчки* (Ленинград.). *Дѣты свиней паслы и коро́ф* (Серг.). *Лу́ччи у клѣтках кроле́й дѣржа́ть* (Убин.) и др.

Достаточно пѣструю картину дают наблюдения над функционированием в местных говорах имѣн прилагательных. В КГУЯО, кроме усечѣнной формы имѣн прилагательных женского рода в значении определения, отмечается и полная форма (в украинском литературном языке полная форма обычно является принадлежностью поэтической речи, в местных же говорах она не имеет никакого оттенка торжественности и абсолютно нейтральна). Приведѣм зарегистрированные в наших материалах примеры употребления усечѣнной формы имѣн прилагательных женского рода:

УСЕЧѢННЫЕ ФОРМЫ: *Дя́тька ёго родный чѣрну ма́гию знал и варажбе́ю* (Бород.). *Мы масля́нку ни лу́скалы, мы лу́скалы кру́пну се́мичку* (Вареник.). *Илы мы гарбузя́ну ка́шу* (Ленинград.). *Шку́ру свиня́чу и́ли тиля́чу выде́лувалы* (Новоник.). *Ка́шы ра́зни вары́ли: и кабача́ну, и кукурузя́ну, и пыны́шну* (Ольг.). *Воз взийшо́в. Цэ тэпѣр Больша́ Мидвѣди́ца* (Слав. н/Куб.). *Застѣнчата дѣвка – цэ га́рно бу́дэ* (Стародерев.). *Картопля́на мука́ – цэ крахма́л* (Старотит.) и др.

ПОЛНЫЕ ФОРМЫ: *Куда́ и ты йши, про́жырь нинасы́тная?!* (Бриньк.). *Кукуру́зную ка́шу люблю́, каба́шную...* (Курч.). *Квасо́ль сажáють в зѣмлю сухую́* (Кучуг.). *Зведѣ́нную сэ́стру забра́ла ба́бушка до сэ́бэ* (Новоберез.). *Прыхо́дыла та Ва́лька, булька́тая* (Петров.). *Я родыла́ся здесь, а городѣ́цкую жы́сть я бы ны хоті́ла* (Сев.). *Вона́ була́ горболья́са* (Старомыш.) и др.

Зафиксированы также факты использования усечѣнной и полной форм одним информантом: *Пажыла́я жѣ́ница насылá илы́чку, таку́ чѣрну плѣтѣ́ну иля́ну, надива́еца на ко́сы, шоб ни растрѣ́ывалися* (Марьин.). *Жы́тна мука́ була́, ржанáя* (Медвед.). *Така́ малѣ́нька хáтка, ото́ курі́нь, малѣ́нькая там избу́шка, шоб гуртува́тысь там усѣ́ літо, у стѣпу́...* (Старомыш.).

Следует подчеркнуть, что при таком параллельном употреблении обеих форм, усеченная форма имеет более широкое распространение в речи людей старшего поколения, полная – в речи людей среднего возраста и молодѣжи.

Во мн. ч. имён прилагательных также зарегистрированы усечённые и полные формы:

УСЕЧЁННЫЕ ФОРМЫ: – *Шо ты вáрыши? – Та лэдáчи варэ́ники* (Бород.). *Золоті грóщи як лúска з ры́бы* (Бриньк.). *Комыша́ны кры́шы булы́* (Дядьк.). *Ма́мка кра́сыла куря́чи и кача́чи яйкы* (Кучуг.). *Такы́ лы́ткы то́всти, шо нэ одны́ сапогы́ нэ схóдяця* (Марьян.). *Чирипья́ны кушыны́ булы́, агуры́ ква́сылы* (Ольг.). *У мэ́нэ ку́тни зу́бы давно́ навывада́лы* (Цибанобал.) и др.

ПОЛНЫЕ ФОРМЫ: *Оцэ́ лáвочка. Изде́лай, Ге́нка, чи́стилку. Хоть чи́стые на у́лыци прыси́сты, оддохну́ть* (Ахтаниз.). *А муци́ны адива́лись так: штаны́ в йих шыро́кии, чэ́рныи, кра́сныи учкуры́, у йи́х повшы́ты кра́сныи паяса́, кыты́ци вися́т – э́та така́я у йи́х фо́рма* (Елиз.). *Грича́ные блыны́ пикли́* (Марьин.). *Пупа́тый, ки́слинький, и ли́стья таки́и мэ́линькии* (Новощерб.). *Гниды́е яблукóвые тимне́е, чем се́рые* (Старомыш.). *Мы собыра́лысь на игри́ща, робы́лы сне́жные ба́бы...* (Старонижестебл.) и др.

Зарегистрированы случаи употребления полной и усечённой форм в пределах одного высказывания:

Пид плаття́мы булы́ спидны́ци зо́новыйи, би́лы (Брат.). *Завискы́ ужэ́ таки́и гы́ткии, таки́ пога́ни* (Гривен.). *Ло́шки диривя́нныи – ча́шки ка́минны* (Новопавл.). *Молоты́лы котка́мы, такы́ коткы́ былы́ ка́минныи, рупча́сты, и их тяга́лы: или ло́шать тяга́ла, или быкы́* (Старовелич.).

Е.П. Шейнина, исследуя грамматические варианты в КГУЯО, приходит к следующему заключению: «во мн. ч. при бытовании обеих форм перевес остаётся на стороне полной формы, которая широко представлена не только в речи молодёжи, но и стариков» [ср. Шейнина, 1965, с. 165]. Наши материалы этот вывод не подтверждают: усечённая форма в них более частотна (при том, что наши информанты в подавляющем большинстве – это представители старшего поколения). Полагаем, что данное расхождение подчеркивает сложность и поступательность процесса смешения диалектов на грамматическом уровне. В целом отличия в функционировании этих двух форм прилагательных в речи носителей кубанских говоров проявляются в том, что усечённая форма более

характерна для речи представителей традиционного слоя говора, молодёжь и люди среднего возраста чаще употребляют полную форму. При этом полные и усечённые формы имён прилагательных в КГУЯО представляют собой дублиеты и сосуществуют на паритетных началах.

Дублиетные формы обнаруживаются и при анализе сравнительной степени имён прилагательных, качественных наречий и слов категории состояния. Так, в речи информантов старшего поколения зафиксированы формы сравнительной степени, которые употребляются в конструкциях с предлогами ОТ, ЗА. Такое употребление характерно для украинского литературного языка и его диалектов (однако в украинском языке вместо предлога ОТ используется предлог ВІД, который в кубанских говорах является архаичным; использование русского предлога также показатель смешения двух диалектов). В наших материалах формы с предлогами ОТ, ЗА зафиксированы и в КГУЯО, и в КГЮЯО.

Внук старшэ ат внучки (Батур.). *Бех сильнёя ад бышыхи* (Отваж. – дШ.). *Подва́лы, воны́ лучче за холоди́льникив* (Бриньк.). *Та́ня на пя́ть мыну́т пизни́шэ роды́лась за мэ́нэ* (Гривен.). *Брат старшэ за мэ́нэ* (Старотит.). *Сын старшэ ад дачки́* (Бород.).

Зафиксированы также формы на –ИЙЕ, –ЕЙЕ: *простийе, просторнийе, культурнейе, грамотнейе*, возникшие, как справедливо отмечает Е.П. Шейнина, под влиянием русских диалектов Кубани [Шейнина, 1965, с. 165]. Широко распространены в местных говорах и формы РЛЯ: *больше, дороже, короче, меньше, позже, слабее, старше* и др. Кроме названных способов образования сравнительной степени, имеются формы, представляющие собой своеобразную контаминацию русских и украинских элементов, когда на украинский аффикс накладывается русский суффикс сравнительной степени: *бильше, дужче, молодше*.

Таким образом, образование сравнительной степени прилагательных в КГУЯО происходит по двум словообразовательным моделям: русской и украинской.

Смешение говоров проявляется в употреблении личных и указательных местоимений. Так, украинские формы личных местоимений *вин, вона, воно, вони*, могут под воздействием аканья менять свою огласовку ([*вана, вано, ваны*]), а также заменяться или перемежаться с русскими:

Ванá ще гóря ны бáчила (Запорож.). *Маладýйи, ванý ще жы́зни ны бáчили.*
Анi о́пыта ны имéют (Фонтал.). *А анá в миня́ каминю́кай, éли в хáту успiла зайты́* (Бриньк.). *Он ездóвый: прыцыда́тиля вазiл* (Марьин.). *Я роды́ла дéвочку.*
Анá у мэнэ пожы́ла пивторы́ сýток, младéньской накры́ло – и фсё (Васюр.).

В КГЮЯО местоимение *он* при склонении часто употребляется без начального [Н]: *в его, с им.* Для местоимения *они* в И.п. мн. ч. характерна форма *оны*. Между тем зарегистрированы и литературные формы: *С ним пражы́ла плóха.* *Ну плахáя жысть бы́ла с ним* (Родник.). *Анi да нас на Ражы́ство прыéхали в гóсти* (Перед.).

Частотным в речи носителей КГУЯО является указательное местоимение *це*, которое могут употреблять и носители КГЮЯО (см. записанное в ст-це Архангельской высказывание информанта: *Мы щас сэ́ми чíкаим и цé́каим*). Подчеркнём, что использование украинизма носителями КГЮЯО придаёт высказыванию шуточный или иронический оттенок. Нейтральным в КГЮЯО являются структурные диалектные варианты: *енто / ето / энто*. Диалектные указательные местоимения употребляются носителями местных говоров наряду с литературными:

А вот тилёнак вапи́це сэ́на ни ё́ст сра́зу: у йиво́ жылу́дак – кныш (éта ни вы́рас). *Кагда́ кныш э́тат вы́растит, жылу́дачик, он начинáит тагда́ сэ́на е́сть, а то́ то́лька малако́ пьёт* (Апш.). *Я нэ з́нала э́того дíла, ма́ма моя́, мо́жэ, и вз́нала, но нычэ́го нэ сказа́ла, и мы з ным распыса́лыся в цю стра́шну пýтницю* (Старомыш.) и др.

Вариативность наблюдается и в системе глагольных форм. Типичным для КГЮЯО и КГУЯО является окончание с мягким согласным [Г'] на конце у глаголов 3 л. ед. и мн. ч. настоящего и простого будущего времени, что соответствует как южнорусской, так и украинской традициям. Эта устойчивая

грамматическая черта хотя и не является результатом смешения говоров, однако демонстрирует генетическую близость их грамматических систем:

[Т’]: *Блинцы́ пяку́ть на Ма́слиницу* (Арх.). *Батьки́в наряжа́ють, их купа́ють, во́зять, шу́тять* (Крым.). *Тиля́т-сасунко́в патпуска́ють к каро́ви, што́бы а́на́ дава́ла малако́. Тилёнак расталка́ить каро́ву, вы́мя каро́ви расталка́ить* (Кубан.). *Трындыка́ють обы́чнона свáйбах: и стивáють, и дура́чаця* (Нововелич.). *Чи́ста хо́дить – чистахо́льный* (Родник.). *Коро́ва, як че́лови́к, дэ́вять ми́сяцив тэ́ля но́сить* (Старомыш.). *Я усигда́ свайи́м дитя́м скáску гаво́рила пра ра́йдугу: бу́тта ангилóчки на не́й да вады́ иду́ть и во́ду пью́ть* (Тенг.) и др.

В местных говорах зафиксированы также многочисленные случаи с твёрдым [Т], что соответствует орфоэпической норме РЛЯ. Е.П. Шейнина обращала внимание на небольшое количество глаголов, произносимых в соответствии с русской орфоэпической нормой, назвав это явление «зародышевым». По её наблюдениям, чаще можно встретить твёрдое окончание у глаголов I спряжения в 3 лице мн. ч. Причём флексии эти обычно появляются в речи официально выступающих лиц и говорят о сознательном преодолении местными жителями диалектных особенностей [ср. Шейнина, 1965, с. 167]. В современных говорах Кубани твёрдое [Т] – явление достаточно распространённое, наблюдается у глаголов как I, так и II спряжения, не только в официально-деловом общении, но и в бытовом. См. высказывания информантов:

[Т]: *Как се́льскую шко́лу канча́ют, так в ре́ткасти куда́ пападу́т учи́цца* (Бород.). *Мы прадаём ко́су. С ката́лками сидя́т, ни патпуска́ють* (Воронеж.). *Щас де́вки вси лы́тки брэ́ют* (Днепр.). *На тре́тий день журавля́ во́дят...*(Елиз.). *Да я вот кампо́ту папью́ – и жо́га запика́ет* (Каладж.). *Клю́нит, и выва́жываиши ры́бу* (Старомыш.). *Мы варабьёв «жыда́ми» назывáли. Он жэ кричи́т: «чудьжы́л-чудьжы́л»* (Успен.). *Вин траву́ рвёт, а я босячку́ю* (Ясен.).

Зарегистрированы случаи употребления носителем диалекта обоих вариантов в пределах одного высказывания:

Дуркán как начнёт нэскалька дней. Дуркán ёсли чéрис три дня не пиристáл, дуёт, ламайт всё! (Зассов.). Никак ни пиристáнут гулять и на трéтий день журавля вóдють (Мост. – СФГК). Чирэда́ прямо бижы́т на мэнэ: бугáй спэрэди и корóвы. И бучáть. Бучáт, ну рыву́ть: Бу... Ду́маю: навэрно волк (Ольг.). Та то́ ж тылячи зу́би, враз повыпада́ют, б́дуть други́, но́ви (Петров.). В Ду́ми сыдя́ть, грóшы чувáлами заробля́ють, а нас, колхо́зников, нэ вспоминáют никогда́ (Платнир.). Бы́ло, на прáзныки схóдяця, заспивáють – и ла́мпы ту́хнут. Так спивáлы... А тэпэрь и ни заспивáють (Старокорс.). За́шпурьы – цэ колы́ ру́кы облидини́ют, замэрзнуть, ру́кы, як леды́шкы станóвлюця (Старотит.) и др.

В окончаниях глаголов I и II спряжения в 3 л. ед. ч. настоящего времени как в КГУЯО, так и в КГЮЯО зарегистрировано отсутствие конечного [Т]. Эта форма наблюдается как у глаголов с безударным, так и с ударным окончанием:

Два дня палижа́ли бу́лки, и ужэ́ мякушка ваня́е (Арх.). Ох ва́шко! Душа́ но́е (Ахтаниз.). Му́зыка гра́е, и оца́ пи́сня, так вонá минé шку́ру знима́е: «Хай Русь благоро́дна фскипа́е, как волна́» (Бород.). Та то́ наш суси́д чикиля́е (Марьян.). Дывы́, як сынóк борц́ тёпа́е (Новокорс.). Дывлю́ся: вин ужэ́ чимчику́е, наряды́вся... (Старотит.). Шось дю́жэ морóз куса́е (Тополи) и др.

В местных говорах в форме 3-го л. мн. ч. наблюдается обобщение окончания 1-го спряжения –УТ(Ь):

Лабагрéйки ско́сють, снапы́ навя́жуть, паскладáють адóнки э́ти, а патóм малóтють (Арх.). Чу́ла, шо лыхомáнку комари́ пэрэно́сють (Гарк.). Лапиш́у катáють, крýшуть (Гейм.). На диржа́к адивáлась касá, и ко́сют (Некрас.). У фсéх дэ́них мно́га, машы́ны, абряды́ ка́жный день но́выи но́сють (Новолаб.). Дни тры́ у цвита́х вóдють (Новотит.). Агурцы́ гарóнють (Перед.) и др.

При этом нельзя говорить о наличии в говорах Кубани так называемого общего спряжения, поскольку параллельно существуют стандартные формы:

Нарэ́жуть я́блокы, гру́шы, раскладыва́ють на лапáси и на со́нцы су́шать (Брат.). На Рожы́ство Мыла́нку вóдят и Васы́лько з нэй. (Брюх.). Ны поло́жыно на Па́ску на кладби́ще ходы́ть: роды́тили сами до до́му пры́ходять (Дядьк.). Батьки́в наряжа́ють, их купáють, вóзять, шу́тять (Крым.). Но́сят вэ́чэрю,

в́арять рыс, д́елают слáткым, д́елают кр́ест ис солóмы (Пласт.). Мáты и бáтько выхóдять з викóною (Старомыш.). Матр́ешки зел́ени, кр́асни – фс́яки. Ёих, так вонó и сичáс нóсят... (Старомыш.) и др.

Зарегистрировано употребление обеих форм в речи одного информанта: *Фсих навáлят до кúчи и хорóнють. Цэ тák булó наврóди могíлы бра́цькой (Старомыш.).*

Наблюдения за формами 1 л. мн.ч. у глаголов настоящего времени показывают, что флексии –ИМО, –ЕМО, характерные для украинского языка, ещё достаточно устойчивы. Однако они, как правило, отмечаются в речи представителей традиционного слоя говора:

Як б́удэтэ иттý на робóту, гукáйтэ и м́энэ – заразóм пидэмó (Азов.). Оц́э мы всэ на самал́еты враждóуемо: всэ лытáють, ядахимикáты брасáють (Бол. Бейс.). Дóчка кáжэ: «Мáма, помож́ыть баи́тан пэрэсапáть, потóму што мы нэ мóжэмо» (Вышестебл.). Ще курчáт дэр́жымо, шоб булó, чим погосты́ть, як внúкы прýйдуть (Екатерин.). Сыдымó там пры лáмпи, на карасýнки отакóй сидíлы (Нововелич.). Згортáймо и крýхотки (Сев.). Отó цю доли́вку мáжэмо кизьякáмы коровя́чимы (Старомыш.) и др.

Кроме указанных флексий, в КГУЯО отмечаются окончания –ЕМ, –ИМ, в чём видится влияние РЯ:

Нóвый гот отмичáим тóжэ. Сядим удвóх – отó отмичáим (Анан.). Шару́йим пискóм ричнým, мéлким. Усэ шару́йим: мисáчки жылизны шару́йим (Бород.). Мы усí встáлы учитьр́эх и сапáим (Вышестебл.). Навóс корóвячий бэр́эш, оц́э пиримишáлы игó и мáжым доли́вки (Елиз.). Пу́шкы пух-пух, а тáм воéни: «Дивчáта, прыхыля́йтыся! Вы чéго здэсь?» А мы и нэ знáим (Марьян.). И вхóдыны отмичáлы, столы́ накрывáим. Пёсни. Гуля́им тры́ дня. Вот ивхóдыны (Мороз.). Побáнылы нóгы – и танцóем. И вэ́сэло булó (Новощерб.) и др.

Возможно употребление обоих вариантов флексии в пределах одного высказывания:

Назывáлы «курáй». И отó мы ёго лóвымо, здáвлюем и у дóми растопля́ем (Белик.). Булó, корóву пасэм, пидросткамы, у пид́жмурка гуля́им, мак йимó, на

дэрыво лэзым – клей йимó (Дядьк.). Як кисіль подають, кажуть: «Ну всё, ужэ йимó кисіль и идэм до до́му» (Медвед.).

Что касается неопределённой формы глагола, то в КГУЯО отмечаются два варианта с суффиксами –ТЬ и архаичным –ТЫ. Ср., напр.:

–ТЬ: *Вэ́чиром, як ужэ корóвы пры́дутъ, як начнэм по у́лыци галаса́тъ (Азов.). Посія́ла – и засапа́тъ на́до (Ахтаниз.). Дай хло́пцю шось изы́сть (Бриньк.). В горóди бэс са́пки ны обийдэ́ся: и сады́тъ, и сапа́тъ (Вареник.). Прывизлы́ гармо́шку, став кум гра́тъ (Калуж.). На́до бы́ло кусо́к хлэ́ба заробля́тъ (Старокорс.). Ма́чихи на́да було́ годы́тъ, за́миж вы́шла – свэ́крухы на́да годы́тъ (Старотит.) и др.*

–ТЫ: *Тры дни йшы́пшы́шкы, а йы́сты нічэ́го було́... (Азов.). Лю́ды пу́хлы од го́лода, і́сты в ха́ти ны було́ ны крѣхты хлі́ба (Елиз.). Вары́лы йы́сты ра́ньшэ учугуна́х и казанáх (Марьян.). В го́ды войны́ всё прыхо́дылось і́сты... (Новопавл.). Надо́ шось изы́істы, бо скóро вжэ упаду́ (Стародерев.). Оды́н дэнь мэ́нэ посла́лы на хвэ́рму свынэ́й па́сты (Старомыш.). Вин такы́й нэ́нажо́ра, шо мо́жэ корóву зы́істы (Челбас.) и др.*

Зарегистрированы высказывания, в которых употребляются обе формы: *«От пишла́ я на горóт траву́ рва́ты, чу́ю: шось у ро́ти сквозня́к. Ма́ц языко́м – нэ́ма зуби́в. Дава́й шука́тъ... (Гостаг.). Но почиму́-то ны называ́лы «прэ́сна», а называ́лы «до́бра». И ныслы́ иі́ кило́митра за два́, сохра́нялы ті́ке напы́цца, і́сты звары́тъ (Новоник.).*

Типологическое исследование кубанских говоров показало, что на современном этапе развития для их грамматических систем характерно сосуществование диалектных (южнорусских и украинских) грамматических вариантов, а также диалектных и русских литературных вариантов. КГУЯО вбирают в себя грамматические черты контактирующих с ними КГЮЯО и РЛЯ. При этом одни формы становятся дублетными, другие различаются стилистически (бытовой / официальный стиль). В КГЮЯО тоже сосуществуют варианты, среди которых превалируют южнорусские и литературные, украинские грамматические черты усваиваются в меньшей степени. Таким образом,

воздействие говоров друг на друга на грамматическом уровне обоюдно, но в этом двустороннем процессе действуют силы, неравные по своему удельному весу.

Как и в любом живом языке, изменения в области фонетики и грамматики протекают в кубанских говорах достаточно медленно. Между тем смешение КГУЯО и КГЮЯО на фонетическом и грамматическом уровнях очевидно, что свидетельствует о постепенном размывании их исторических основ. Ведущая тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических и фонетических элементов. Однако эти процессы не носят глубинного характера, что способствует относительной устойчивости местных диалектных черт.

Факты взаимодействия двух или нескольких говоров подтверждает необходимость выделения в диалектологии как научной дисциплины – *диалектной контактологии*, анализирующей на всех языковых уровнях процессы адаптации двух или более контактирующих говоров, вызванные их взаимовлиянием и облигаторным воздействием РЛЯ. Одним из направлений *диалектной контактологии* должна стать *диалектная лексическая контактология*, исследующая механизмы смешения лексики и фразеологии говоров территорий компактного проживания населения, а также модели воплощения этих механизмов.

1.3 Языковой статус современных кубанских говоров и их место в диалектном членении русского языка

Как известно, важнейшим условием типологического единства говоров является их общность на разных уровнях языковой структуры. Типологическое исследование современных КГЮЯО и КГУЯО продемонстрировало, что, сохраняя материнские черты, эти говоры модифицируются под влиянием внешних обстоятельств и друг друга. В этой связи их типологическая

характеристика может опираться на определения «переходных» и «смешанных» говоров. В своё время Ф.П. Филин, присоединяясь к мнению Н.Н. Соколова и Н.Н. Дурново, дал им следующую образную характеристику, обладающую, на наш взгляд, убедительной объяснительной силой: «Переходный говор – как бы химическое соединение особенностей двух или нескольких говоров с весьма сильным изменением одного из них, смешанный же говор – механическое соединение, заимствование некоторых элементов языка одним говором у другого [Филин, 1936, с. 96 – 97]. Полагаем, что языковой статус кубанского диалекта вполне соответствует предложенной трактовке *смешанных* говоров. Выявление фактов, свидетельствующих о *смешении* КГЮЯО и КГУЯО на всех языковых уровнях, в результате которого они «механически» соединяются, заимствуя «некоторые элементы» друг друга, позволяет признать существование такого оригинального локального идиома смешанного типа, как кубанский диалект, имеющего восточнославянскую языковую основу. Современные говоры Кубани можно квалифицировать как гетерогенный диалект, неоднородность которого унаследована от сформировавших его говоров – южнорусских и украинских. Этот диалект имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и практически монодиалектную лексическую систему, включающую значительный в количественном отношении общекубанский лексико-фразеологический пласт – ЛЕ, функционирующие в КГУЯО и в КГЮЯО.

Не менее важным является вопрос об определении места кубанских говоров в диалектном членении РНЯ. Если отнесение КГЮЯО к РНЯ не вызывает сомнений, то вопрос о лингвистическом статусе КГУЯО до сих пор остаётся открытым. Решение императрицы Екатерины II отдать в вечное пользование казакам Черноморского (Запорожского) войска земли в границах от устья Лабы по Кубани и восточному берегу Азовского моря, казалось, однозначно определяло языковую ситуацию в регионе. В «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915 г.) Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков рассматривали указанную территорию как территорию, занятую носителями украинского языка. При этом

следует подчеркнуть, что на карте МДК впервые были очерчены диалектные подразделения РЯ, в понятие которого включались белорусский и украинский языки, понимаемые составителями соответственно как белорусское и малорусское наречия. Таким образом, уже в начальный период формирования КГУЯО в составе малорусского наречия входили в РНЯ как его диалектное подразделение.

Идея отнесения кубанских говоров запада и юго-запада Краснодарского края к диалекту украинского языка была концептуально обозначена в статье М.А. Садиленко «Об устойчивости кубанского языка» [Садиленко, 1927, с. 2 – 28]. Исследователь, изучив разговорный язык кубанцев и язык писателей-кубанцев, писавших свои произведения по-украински и всю жизнь проведших на Кубани, пришёл к выводу о том, что кубанский язык относится к той части украинского языка, которая в науке носит название «юго-восточное наречие украинского языка» [Там же, с. 2 – 3]. Этот говор, как утверждает М.А. Садиленко, «1) сохранил почти без изменения свои фонетические особенности и не выработал ни одной, которая резко отличала бы его от левобережных говоров; 2) сохранил в неприкосновенности свой словарь и удержал такие слова, которые даже на Украине исчезли во многих местах; 3) удержал массу образных выражений и оборотов и почти не подвергся русификации, несмотря на существующие школы с преподаванием на русском языке и на влияние русской культуры» [Там же, с. 28]. Согласно выдвинутым положениям, КГУЯО оказались законсервированными в своём исходном состоянии и не испытывают (или *почти* не испытывают) влияния КГЮЯО и РЛЯ. Между тем результаты проведённых нами наблюдений над современным состоянием фонетики, грамматики и лексики КГУЯО, а также исследования более раннего периода (см. Кубанские станицы ... 1967, с. 37 – 55; Проценко, 1996, с. 17 – 19) не подтверждают выводы, сделанные М.А. Садиленко, что вызывает необходимость вновь возвращаться к вопросу о вхождении / невхождении КГУЯО в русский диалектный континуум.

Полагаем, что при определении их лингвистического статуса следует принимать во внимание интра- и экстралингвистические факторы:

1) генетическую связь с южнорусскими говорами и РЯ; 2) проявление единства в направлении их структурного развития; 3) значительную временную и пространственную дистанцию, отделяющую современные КГУЯО от украинского языка; 4) смешение двух диалектов, с разной степенью интенсивности проявляющееся на лексическом, фонетическом и грамматическом уровнях; 5) облигаторное влияние на говоры РЯ; 6) этническое самосознание местных жителей, в большинстве своём идентифицирующих себя не как украинцев, а как россиян или кубанцев, для которых официальным средством общения является РЯ в форме, близкой к разговорной литературной речи. Учитывая перечисленные характеристики, считаем, что современные КГУЯО правомерно относить к РНЯ и рассматривать как его территориальную разновидность.

Понимая под кубанским диалектом единицу лингвоэтнографического членения, считаем правомерным рассматривать его как диалект позднего образования, обладающий определёнными этнографическими и языковыми особенностями, присущими говорящему на них исторически сложившемуся субэтносу – кубанскому казачеству, а также восточнославянскому населению, проживающему на территории Краснодарского края. Территорию распространения кубанского диалекта как локального идиома смешанного типа, имеющего восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу, в диалектном членении РНЯ можно охарактеризовать как особую лингвоэтнокультурную зону, основные черты языка которой начали формироваться с конца XVIII века и во многом обусловлены её этногенезом, географическими особенностями края (ландшафтом, климатическими условиями, флорой и фауной), изменением административных границ.

1.4 Систематизация лексики и фразеологии кубанских говоров в аспекте их употребительности

На развитие лексико-фразеологического состава говоров влияют две постоянно действующие тенденции: 1) архаизация ЛЕ и значений и 2) пополнение

словаря новыми ЛЕ и значениями. Описание данных процессов и их результатов имеет большое значение для диалектологической науки, поскольку в широком смысле это касается вопроса о судьбе русского диалектного континуума (см. работы Р.И. Аванесова, Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, Н.П. Гринковой, П.С. Кузнецова, Т.С. Коготковой, Р.И. Кудряшовой, Б.А. Ларина, Н.А. Лукьяновой, Е.А. Нефёдовой, В.Г. Орловой, Л.М. Орлова, И.А. Оссовецкого, Ф.Л. Скитовой, В.И. Чагишевой, Ф.П. Филина и др.).

Схема членения лексики и фразеологии в аспекте их употребительности на активную и пассивную традиционна как для диалектологии, так и для общей лексикологии. Однако граница между этими пластами в диалекте, как и в ЛЯ, далеко не всегда отчётлива. Полагаем, что именно в размытости границ между «ещё живыми» ЛЕ и «уже умершими», а также между неологизмами, с одной стороны, и окказиональными словами, с другой, кроется основная причина количественной неопределённости словарного состава диалекта во всякий период его исторического бытования. Между тем необходимость систематизации словарного состава говоров в данном аспекте совершенно очевидна, поскольку фиксация архаичных ЛЕ и новообразований позволяет в динамике проследить состояние диалектной лексико-фразеологической системы в определённый временной период и прогнозировать её дальнейшее развитие.

Для выявления ЛЕ пассивного запаса необходимо рассматривать языковые факты, относящиеся хотя бы к двум языковым срезам: некоторому исходному состоянию говоров и их современному состоянию. В противном случае, «по изучению ... одного состояния лексики, без сравнения во времени с другим, возможно вывести лишь косвенные и, чаще всего, гипотетические закономерности» [Коготкова, 1979, с. 202]. Сохранившиеся до наших дней дореволюционные материалы, отражающие диалектную лексику и фразеологию кубанских говоров, позволяют принять за нижнюю границу (исходное состояние диалекта) конец XIX – начало XX веков. Верхняя граница определяется тем временным отрезком, в течение которого проводился (проводится) сбор диалектного материала. В нашем случае – это середина XX – первая половина

XXI веков. Такое понимание синхронного среза территориального диалекта согласуется с точкой зрения О.И. Блиновой, высказавшей идею о том, что «по отношению к словарному составу современного говора «одна и та же эпоха»... равна периоду средней продолжительности жизни одного поколения носителей диалекта» [Блинова, 1975, с. 98]. При этом поколение в народном сознании, как отмечает кубанский историк О.В. Матвеев, «обычно измерялось периодом от смерти главы семьи до момента смерти его старшего наследника. Выражение «это было при моём деде» подразумевает, что прадед в это время уже не жил, иначе бы событие датировалось по прадеду» [Матвеев, 2005, с. 132]. Представляется, что именно солидарность сменяющихся поколений и создаёт ту языковую преемственность, которая обеспечивает сохранность диалекта. Изучение современной языковой ситуации в Краснодарском крае позволяет констатировать, что местный диалект в большей степени связывает его носителей в пространстве, чем во времени: молодёжь в массе своей отходит от материнского языка.

Процесс архаизации слов, отдельных ЛСВ, ДФЕ и ФСВ происходит по ряду социальных и социально-языковых причин, универсальных для говоров разных регионов. К ним относятся: 1) исчезновение реалий и связанных с ними процессов и действий; 2) перестройка общественных и социальных отношений; 3) облигаторное влияние ЛЯ; 4) изменение состава носителей диалекта. Ещё одним немаловажным фактором является утрата языковой солидарности поколений, приводящая к нарушению языковой преемственности. Назовём наиболее предрасположенными к архаизации ТГ, иллюстрируя их наполнение отдельными примерами.

1. «Орудия труда и механизмы» (*жнёйка* ‘жатвенная машина’, *зайчик* ‘небольшой однолемешный плуг’, *каток* ‘приспособление для молотьбы – длинный цилиндрический формы ребристый камень, насаженный на стержень и приводимый в движение конной тягой’, *бороздное колесо* ‘правое, большее по размеру колесо плуга’, *крылатка* ‘косилка-самосброска’, *лодьа* ‘вымощенный сток, по которому вода идёт на мельничное колесо’, *сидилка* ‘конная сеялка для зерновых культур’ и др.

2. «Средства передвижения и их части»: *володые сани* 'розвальни', *козырные сани* 'лёгкие выездные сани с облучком и задком', *кошёвки* 'выездные сани, обитые кошмой, рогожами', *мажара*, 'большая, с вытянутыми боками телега (обыкновенно для перевозки сена) // казачья телега для двух лошадей или волов', *опленье* 'брус, соединяющий полозья саней', *развалки* 'сани, розвальни', *ход* 'низкая телега без бортов', *щабель* 'брус в боковой стенке телеги' и др.

3. «Лексика прядения и ткачества»: *донец* 'деревянное приспособление в прялке, на котором закрепляется кудель', *куделя* 'пучок шерсти для пряжи', *мняльня* 'приспособление, которым разминали стебли конопли', *набилки* 'часть ткацкого станка: две параллельные доски, между которыми вставлены бёрда', *пове(и)сма* 'пучок из 10-12 горстей конопли', *ткаль* 'ручной ткацкий станок', *прядка*, *пряшка*, *пряха* 'прялка', *сновалка* 'часть ткацкого станка, уток', *цыганка* 'колесо прялки' и др.

4. «Одежда, обувь и ткани»: *бабёшка* 'женская кофта-разлетайка с бантовыми складками', *брезентки* 'ботинки, сшитые из брезента', *гётры* 'женские полусапожки', *кирас* 'женская кофточка в талию с баской', *манчестер* 'материал типа плюша', *румба* 'кофточка свободного покроя, которая стягивалась поясом', *серяк* 'зипун' и др.

5. «Предметы быта»: *кóдра* 'покрывало из грубых ниток', *лóжни(ы)к* 'домотканое шерстяное или полушерстяное одеяло', *махóтка* 'небольшой глиняный горшок для молочных продуктов', *(на)мы́сник*, *намы́сник* 'подвесная полка для посуды', *осли(о)н* 'длинная деревянная лавка, обычно со спинкой', *рогачильня* 'ручка, на которую набивают рогач', *ряжка* 'широкая, низкая кадка', *глухой утюг*, *печёвый утюг* 'утюг, нагревающийся в печи' и др.

6. «Постройки и их части»: *ва́льки* 'крупные (до 7кг) круглые или овальные комья из глины, перемешанной с соломой, которые накладывали друг на друга рядами высотой до 60-70 см.', *доли́вка*, *зем(ь)*, *зэмики*, *ма́занка* 'земляной пол, смазанный глиной, перемешанной с коровьим навозом', *кабы́шник* 'помещение для *кабы́ци*', *комóра* 'небольшой сарай для хранения зерна', *плетёнка* 'тип постройки жилого дома или сарая: стены, сплетённые из хвороста, обмазанные

глиной’, *чёрный пол* ‘доски, намазанные глиной, на которые затем стелились полы’, *столбянка* ‘1) столб в каркасе набивной хаты; 2) турлучная хата’ и др.

7. «Продукты питания, кушанья»: *будан* ‘похлёбка из кукурузной муки крупного помола, заправленная луком, зажаренным на растительном масле’, *затирка*. ‘суп, сваренный на воде, бульоне или молоке, заправленный мелкими, величиной с горошек, *катушками* круто замешенного пресного теста’, *кваша* ‘запаренный пшеничный солод, смешанный с фруктами и запечённый’, *кондёр* ‘густой суп из пшена с картофелем на молоке или на растительном масле, заправленный луком, пережаренным с салом’, *кулага* ‘жидкое кушанье из заваренной муки и сухофруктов’, *латун*, *латутик*, *ле(я)пёнык*, *пляцык* ‘лепёшка из травы, смешанной с мукой’, *ни(о)сна* ‘мука, заваренная кипятком’ и др.

8. «ЛЕ, отражающие военный быт казаков»: *бекётчик* ‘казак, несущий караул на *бекете* (военном посту)’, *есаулец* ‘наёмный казак при станичном атамане, выполняющий его поручения’, *маяк*, *фигура* ‘жгут просмолённой соломы, который зажигали на пикете, когда замечали неприятеля’, *отбытчик* ‘казак, несущий воинскую повинность в данный момент’, *охотник* ‘закубанский казак из солдат, доброволец’, *пунтовые* ‘деньги, вносимые в войсковую казну казаками, негодными к военной службе’, *форштад* ‘войско’ и др.

9. «ЛЕ, связанные со старыми земельными и общественными отношениями в станицах»: *гарс* ‘плата мельнику за размол’, *гречкосёи*, *земнюки* ‘прозвище казаков, которые занимались земледелием’, *кут* ‘одна из частей, на которые делилась станица’, *мириц(ш)ина* ‘1) общественная долянка, урожай с которой поступал в общественный амбар; 2) работа на общественной долежке’, *пай*, *нарез* ‘основной земельный надел казака’, *потрубный* ‘страховой сбор – плата с дымовой трубы’, *столб* ‘полосы, на которые делится пахотная земля; из *столбов* выделялись *пай*’, *цари(ы)на* ‘1) паевая земля общины; 2) индивидуальный участок’, *юрт* ‘земельные угодья одной станицы’ и др.

Процесс устаревания затрагивает слова и устойчивые сочетания других ТГ и ЛСГ. См., напр., существительные: *абаз*, *семак* ‘двадцать копеек’, *дрогаль* ‘ломовой извозчик’, *гарман*, *долонь* ‘специально подготовленное место для

молотьбы зерна’, *ланцэ* ‘танец, напоминающий кадрили’, *мірошник* ‘мельник’, *погóныч* ‘погонщик быков’, *орéц*, *плогáрь*, *плогáтор* ‘пахарь’ и др.; глаголы: *дрогалевáть* ‘возить подводой’, *зубаревáть* ‘кидать зерно в барабан молотилки’, *мирóшничать* ‘заниматься мукомольным делом’, *орáть* / *оборáть* ‘пахать / обпахать’, *рубýть* ‘гладить бельё *качáлкой* и *рублём*’, *скороди́(ы)ть* ‘бороновать’ и др.; устойчивые сочетания: *пупоризна(я) ба́бка* ‘женщина, перевязывающая пуповину новорожденному’, *тумáнна(я) карты́на* ‘немое кино’ и др.

Выпадают из лексической системы или находятся на грани исчезновения и многие обрядовые ЛЕ. См., напр.: *звездовáть* ‘ходить в рождественскую ночь со звездой’, *‘перевя́зы(у)вать*, *платóчки чепля́ть* ‘во время проводов в армию перевязывать новобранца полотенцами или носовыми платками’, *ро(а)змывáтьру́кы(и)* ‘вознаграждать повивальную бабку за благополучный исход родов’, *хоховáть* ‘водить *Хоку* на Троицу’ и др.

Наибольшей сложностью и архаичностью отличается свадебный обряд. Свадебные традиции Кубани представляют собой культуру позднего формирования: они складывались начиная с рубежа XVIII – XIX веков и продолжали трансформироваться до конца XIX – начала XX веков, в них органично переплетаются, дополняя друг друга, элементы украинской и южнорусской культурных традиций. Лексика и фразеология кубанского свадебного обряда, записанная в западной части края, стала предметом описания в этнолингвистическом словаре «Свадебный обряд Кубани» [Трегубова, 2007], а также в кандидатской диссертации О.С. Финько, в которой реконструирован свадебный обряд ст-цы Черноерковской [Финько, 2011]. Безусловно, в каждом районе обнаруживаются свои особенности свадебного цикла, что находит отражение в свадебной лексике и фразеологии. Однако основа свадьбы была единой и общеобязательной, и это играло значительную роль для сплачивания кубанского населения, для объединения кубанского казачества в рамках своей культуры, для сохранения и передачи этнического стереотипа поведения, нравственных и этнических ценностей. Следует признать, что некоторая часть свадебных традиций проявила поразительную устойчивость. Так, до сих пор на

Кубани на свадьбу пекут *шішки(ы)* ‘свадебные булочки в форме шишек’, *ка(о)ра(о)вай*, ‘круглый хлеб, украшенный фигурками из теста’, *дывень* ‘пирог продолговатой формы; в некоторых станицах изготавливается из сахара’, *гу(ы)льце* ‘запечённая в тесте ветка дерева, украшенная лентами и конфетами’, на стол жениха и невесты ставят *бугаи / быкы(и)* ‘две бутылки с горилкой, водкой или вином, связанные лентой и украшенные цветами’. Сохранились такие элементы свадебного обряда, как *благословение родителей*, *посыпание*, *катание* и *купание родителей* и некот. др. В ряде кубанских станиц продолжают в последний день свадьбы в воротах двора, где женился последний ребёнок, *заби(ы)вать кол / чоп* как оберег от развода и др.

Между тем с изменением бытового уклада, социальных и моральных устоев диалектного сообщества многие элементы свадебной традиции неизбежно уходят в прошлое. В большей степени отмирает нормативная часть обряда, а игровая сохраняется, как правило, меняя свое предназначение, поскольку её основной функцией становится увеселение. Однако и некоторые шуточные обычаи ушли в прошлое. Так, перестали *расписывать стёны* ‘записывать на стенах дома углём или кочергой, что подарили на свадьбу; после свадьбы эти записи забеливались’, *вікна белыть* ‘на второй день свадьбы белить окна дома, где ночевали молодые’, *затыкать дымарь* ‘затыкать печную трубу в доме, где гуляли свадьбу’ и др. В силу редукции кубанского свадебного обряда изменился и свадебный хронотоп: раньше *свайба / свальба* проходила на Кубани несколько дней или неделю, сейчас два – три дня, поэтому архаичным стало название четвёртого дня свадьбы, когда гости приходили, чтобы помочь с уборкой и продолжить застолье. Восстановить его название удалось лишь в некоторых населённых пунктах: *прыма́зывать* (Ахтаниз.), *ла́вки мыть*, *зубы полоска́ть* (Арх.), *ма́зать стіны* (Старотит.). Устарели либо подверглись переосмыслению и другие обрядовые единицы. См., напр.: *везті поду́шкы(и)*, *везті / забира́ть / несті постель / постелю* ‘везти приданое в дом жениха’, *выговáривать кла́дку* ‘договариваться со сватами о размере приданого’, *рогачі / дворы́ гляде́ть*, *заслонку / кочэ́рги / печку смотре́ть* ‘осматривать хозяйство жениха родней со стороны невесты на первой неделе

после сватовства, что завершалось небольшим застольем’, *дарть зелёненьких гусят* ‘обещать подарок молодожёнам после свадьбы’, *столовые дёньги* ‘деньги, которые берут с жениха, когда запивают невесту; деньги передают старосты’ [Водарский, 1902, с. 48] и др.

Результатом архаизации, как известно, является образование историзмов и архаизмов. Отнесение диалектных слов и ФЕ к историзмам не вызывает затруднений, поскольку они «пропитаны духом прошедшего времени». Среди них считаем целесообразным выделять *актуальные* и *неактуальные историзмы*. К первым относятся называющие уже исчезнувшее явление, предмет, вещь и т.п. устаревшие слова и ФЕ, для которых характерны частотность в рассказах о старине, соотнесённость с определённым историческим периодом и чёткая семантизация носителями диалекта. Представляя собой отголоски прошлого в сознании настоящего, *актуальные историзмы* действительно несут на себе отпечаток истории и передают её языковой колорит. Записывая рассказы информантов, мы обнаружили, что многие из них достаточно легко вспоминают целые серии историзмов: *бедарка* ‘одноконная повозка на двух колёсах’, *битка*, *бойка*, *двигалка*, *движок*, *стругалка*, *стругачка* ‘приспособление для рубки камыша зимой, представляющее собой лезвие с двумя ручками и щитом’, *букарь*, *пукарь*, *бухарь* ‘плуг «Буккер»’, *ваганы*, *ночвы* ‘деревянное корыто’, *гусары* ‘высокие женские ботинки на шнурках’, *дежа* / *дижка* ‘деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста; квашня’, *кабыця(а)*, *кабычка* ‘углублённая в землю глиняная печь, на которой готовили во дворе с ранней весны до осени’, *каганец(ь)*, ‘коптилка, простейшее осветительное приспособление’, *кизе(я)к* ‘топливо из сухого навоза, перемешанного с соломой, в виде кирпичей или лепёшек’, *кохта* ‘прямопinnная стёганая одежда немного ниже колен, без воротника, с застёжкой на одну пуговицу у горла, с широкими косыми полами, образующими глубокий запах; в полу кофты женщина могла завернуть ребёнка’, *пориши* ‘обувь из целого куска кожи, стягиваемого шнурком у щиколотки’, *постолы* ‘обувь из свиной кожи’; *праник*, *рубель*, *рубец(ь)* ‘валёк для стирки белья’, *рогач* ‘ухват’, *рядно*, *ряднына* ‘холст из пеньковой или грубой льняной

пряжи' и 'покрывало или простыня из такого холста', *сы́рно* 'низкий круглый столик', *ча́пля*, *ца́пля*, *чаплéй(и)ка*, *чаплия́* 'сковородник' и др. Способность диалектоносителей к реставрации диалектной лексики и фразеологии, уже вышедших из употребления, является показателем того, что структурная устойчивость говоров обеспечивается не только самой системой языка, но и механизмами его усвоения.

Неактуальные историзмы также называют уже не существующие явление, предмет и т.п., однако имеют единичные фиксации в речи, носители диалекта затрудняются дать им точное толкование. Такие ЛЕ А.Г. Лыков образно назвал *мёртвыми словами* [Лыков, 2003, с. 123]. Данная метафора представляется весьма удачной, поскольку подчёркивает отличие *мёртвых* слов от устаревших, в которых жизнь ещё не окончательно угасла. *Неактуальные историзмы* находятся на стадии полного исчезновения, сохранить память о них помогает фиксация в исторических документах и диалектных словарях (если их составители используют письменные источники), в живой речевой стихии такие ЛЕ практически не встречаются, превратившись в немых свидетелей прошлого. В словарь РГК включены с пометой *устар.* отдельные *неактуальные историзмы*, извлечённые из письменных материалов. Так, ссылаясь на В.А. Водарского, создатели РГК приводят устаревшее существительное *охóтник* (ср. с однокоренными словами: *охота*, *охотный*, *хотеть*) 'закубанский казак из солдат, доброволец': *Охотники были вызваны на службу в казаки в 1860 – 1865 г.г.* [РГК, с. 228]. См. также историзм *отбы́тчик*, имеющий прозрачную внутреннюю форму (ср. с однокоренным глаголом *отбывать*), который РГК подаёт со ссылкой на Л.В. Македонова: *При распределении земли, кроме отбытчиков (несущих уже повинности казаков), даются паи также вдовам и сиротам* [РГК, с. 225].

Разграничение *актуальных* и *неактуальных диалектных историзмов*, во-первых, раскрывает привязанность устаревших слов и ФЕ к актуальному времени, под которым понимается, «большой или меньший отрезок прошлого, включённый в настоящее» [Караулов, 1970, с. 63], во-вторых, демонстрирует их актуальность / неактуальность в прошлой жизни диалектоносителей.

Более сложной является процедура квалификации ЛЕ как архаизмов, появление которых в говорах обусловлено действием внутри- и экстралингвистических факторов. При отнесении ЛЕ к архаизмам необходимо учитывать её восприятие самими диалектоносителями. У пожилых людей значительно сокращается вытеснение примарных диалектных особенностей (термин В.М. Жирмунского), несмотря на мощное влияние ЛЯ. «У старых людей сохраняется материнская основа речи, они используют те языковые средства, которые сформировались у них ещё в раннем детстве» [Скитова, 1966]. Актуализация навыков диалектной речи происходит и у пожилых людей, освоивших ЛЯ. К такому выводу приходят многие диалектологи [Калнынь, 2007; Коготкова, 1970]. Проведённые нами исследования речи пожилых носителей кубанского диалекта подтверждают действие данного психолингвистического фактора. Так, в активном употреблении у пожилых жителей Приморско-Ахтарского района находится глагол *побра́ться* ‘пожениться’, что подтверждают многочисленные записи, сделанные во время экспедиции 2009 г. Зафиксированный в следующем высказывании: *Так лижáла ниудóбно, аж вья заболíла* (Мингрел.) – лексический диалектизм *вья* ‘шея’ также не имеет оттенка устарелости. Между тем представители передового слоя носителей говора считают эти ЛЕ архаичными. Принимая во внимания это обстоятельство, полагаем, что при квалификации диалектизма как архаизма целесообразно выделять *собственно архаизмы* и *архаизмы передового слоя носителей говора*. Такой подход не только отражает степень употребительности диалектизма, но и раскрывает весьма существенные лексические различия между представителями передового и традиционного слоёв носителей кубанских говоров.

Собственно архаизмами являются диалектизмы, вышедшие из живого употребления, но ещё остающиеся в памяти носителей говора. Их информанты часто называют «старинными казачьими словами», которые использовали их деды и прадеды, а они их уже не употребляют (обычно эти ЛЕ сопровождаются метаязыковыми выражениями типа: «цэ так раньшы казалы», «эта так наши деды гаварыли», «мы вжэ так нэ кажым» и т.д.). По нашим наблюдениям, к

собственно архаизмам можно отнести такие слова, как *воловуд* ‘пастух, пасущий быков, коров’, *завлызды* ‘ангина’, *прать (попрать)* ‘стирать (постирать)’, *працюва́ть* ‘работать’, *самока́тка* ‘велосипед’ и некот. др.

Архаизмы передового слоя – это слова и ДФЕ, не функционирующие в речи представителей передового слоя носителей говора, но находящиеся в активном словаре представителей его традиционного слоя, которые не воспринимают эти единицы как устаревшие. См., напр.: *держáть* ‘быть женатым на ком-л.’, *друж́ина* ‘супруг или супруга’, *ку́тать* ‘закрывать’, *найті́(ы́)* ‘родить’, *найті́(ы́)сь* ‘родиться’, *фытажэ́н* ‘керосин’, *ятрóвка* ‘невестка, жена брата’ и др. См. показательные высказывания информантов: *Дóчка гавóрыть*: «Ну чё Вы гавóрыте: ку́тать дверь. Ну иди́, закрый – на́да гавóрыть» (Твер.). *Ба́бушка ны зна́ла «ангина», цэ назывáлы «пáкалки»* (Шаб.). *Ма́ма трыца́того го́да, в ма́мыно де́цтво на кираси́н каза́лы «фатажэ́н»* (Гривен.).

В словарном составе современного диалекта рядом с архаизмами обязательно сосуществуют их современные эквиваленты. См., напр.: *Ра́ньшы во́тку назывáли «го́лая ба́рыня»* (Тбил.). *На во́лосы каза́лы виски́* (Канев.). *Анги́ну назывáли ра́ньшы «пáхолки», «за́лозы»* (Глафир.). *Ра́ньшы «пáкалки» назывáли, а типéрь анги́на* (Арх.). *Ра́ньшы вот зон был, а мы назывáли «падва́л», сичáс вот щита́вйтка, а мы гавари́ли то зон, то падва́л* (Успен.). *Сват тогдá «ста́ростой» назывáвся* (Высел.). *Одна́ бала́чку по ра́дио сказа́ла: «Што тако́е намі́ста»? А я кажú: «Ой! Бо́жэ! Ожыре́лье!» Да, никто́ из молодёжы нэ зна́. Там каза́лы че́риз бу́кву «и», а мы ка́жым «намы́ста» – бу́сы, украше́ние жэ́нское* (Старощерб.). *Ни гавари́ли ра́ньшы «кукуру́за» – пайдём лама́ть папу́ши* (Новопокров.). *Де́них бума́жных не́ была, манéты скла́далы в партаманéт, а патóм ужé гамáн, а сичáс кашылёк* (Арх.). *На платóк насаво́й гавари́ли «ути́рка»* (Старощерб.). *Булы́ рукава́ з чёхламы, чёхлы – тэпéр назывáют манжéт* (Елиз.) и др.

Известно, что взаимоотношения столкнувшихся в говоре старых и новых ЛЕ могут развиваться в нескольких направлениях, одно из которых – постепенное вытеснение из лексической системы диалекта дублетом, оказавшимся более употребительным, другого, менее употребительного. Такое явление обычно

называют явлением конкуренции. Как правило, более жизнестойким оказывается слово ЛЯ. При этом в состоянии конкуренции «старое» и «новое» в лексико-фразеологической системе говора может находиться достаточно продолжительный период. Так, авторы главы «Говоры» отмечают, что часто словами ЛЯ вытесняются ЛЕ украинского происхождения. В качестве примера приводятся следующие пары ЛЕ: *говорят не борошно, а мука; не батько, а отец; не волочут, а боронят; не газ, а керосін; не баниться, а мыться; не баклажаны, а помидоры; не коваль, а кузнєц; не гроши, а деньги* [ср. Кубанские станицы... 1967, с. 47]. Наши материалы частично подтверждают сделанные выводы. См. высказывания информантов, записанные в начале XXI века. «*Борошно*» – *по-старому мука* (Бород.). «*Памидоры*» – *я называю, а вот мама «баклажаны» их называла* (Нововелич.). *Кирасін ще «гасом» называли* (Елиз.).

Между тем по нашим наблюдениям такие ЛЕ, как *банить(ся) / банить(ся), батько, гроши*, активно функционируют и в наши дни, причём в речи не только представителей традиционного, но и передового слоёв, о чём свидетельствуют многочисленные контексты: *Бачиш, вон паутына высить, надо банить вжэ* (Бурак.). *Пид дощ попалы – и баныця нэ надо* (Марьян.). *Я пабанюсь и выйду на лавачку* (Некрас.). *Пэрэбань кастрюлю, бо вона грязна* (Нововелич.). *В чистый читвэрх всигда до восхода сонця купались, шоп ныяки болячки ны чиплялись, грихы збанювали* (Новодерев.). *Тома, забань ёму гузно* (Павлов.) и др. Глагол входит в общекубанский лексический пласт. Его словообразовательная активность, употребление в составе ДФЕ *бани(ы)ть голову* ‘ругать’ и поговорки *Мыло серо, да банит бело* также в определённой степени сдерживает процесс архаизации, выводя ЛЕ из «группы риска». Существительные *батько* ‘отец’ и *грощ(и)и* ‘деньги’, по нашим наблюдениям, также вряд ли можно отнести к устаревшим. Полагаем, что сохранению этих ЛЕ в активном словаре способствует сосуществование с просторечными *батька* и *гроши*. Эти ЛЕ употребляются и городскими жителями края, причём часто с ироническим оттенком.

Подобные факты подтверждают сложность квалификации диалектного слова как архаизма и требуют от исследователя не доверять собственной

интуиции, а обращаться к широкому кругу контекстов, записанных от представителей как традиционного, так и передового слоёв носителей говора. В этой связи нужно учитывать и ещё одно известное обстоятельство: устаревшие слова ЛЯ в говорах могут активно функционировать. См., напр.: собирательное существительное *ми(ы)р* ‘народ, люди’: *Скóлька там мiра лiтам, в Кучугурах! Прям курóрт* (Фонтал.). *Йiхалы по гóроду, як рас Нóвый гот встрычáлы: скiко мýру, людэй богáто* (Новошерб.). См. также: *доцанóй* ‘дощатый’, *колóдезь* ‘колодец’, *свербéть* ‘чесаться, зудеть’, *убирáться* ‘наряжаться, одеваться’ и некоторые др. В толковых словарях ЛЯ эти слова имеют помету *Устар.*

Случаи, когда устаревший диалектизм вытесняется диалектным словом, проявившим большую устойчивость в говоре, немногочисленны. Так, в результате внутрilingвистических изменений в пассивный запас перешли такие ЛЕ, как *фытажэн*: «*Хвытажэн* казáла бабúся нáша, а мы вжэ «карасiн» (Азов.); *самокáтка*: *А вилисáпéт «самакáтка» назывáлся. Так баялысь на слéду прайты́* (Стародерев.); *лошóнок*: *На лисáпéт ба́бушка казáла «самокáтка», на лошаде́нка казáла «лошóнок* (Ахтаниз.); *паньчёхы*: *Рáньшы чу́лки «паньчёхамы» назывáлы* (Елиз.); *працювáты, працювáть* ‘работать, трудиться’: *А ще казáлы «працювáть» – знáчит дiло робы́ть* (Нововелич.). Подчеркнём, что диалектные единицы *карасин*, *лисапед*, *лошадёнок*, *робыть*, *чу́лка* не несут на себе никакого оттенка устарелости и употребляются в речи представителей не только традиционного, но и передового слоёв носителей кубанского диалекта.

ЛЕ в местных говорах может устаревать не в полном объёме значений, что приводит к образованию семантических архаизмов и историзмов. Так, первое значение существительного *ба́бка* – ‘женщина, принимающая роды’ – перешло в пассивный запас в силу экстралингвистических причин; второй ЛСВ – ‘женщина, лечащая травами или заговором’ – остаётся в активном словарном запасе носителей диалекта. См. также: *катáлка* ‘1) скалка; 2) устар. валёк для катания белья’; *косты́ль* ‘1) палка; 2) устар. и обряд. атрибут свадебного обряда: шест (палка), украшенный лентами, с которым невеста с дружкой ходят по дворам и приглашают гостей (использовалась для отгона собак)’, *накачáть* ‘1) устар.

раскатывая, погладить (о белье); 2) раскатать (о тесте)»; *полумысок* '1) устар. глубокая глиняная миска; 2) глубокая тарелка' и др. Устарели клички богатых казаков-кулаков: *кугút* и *куркуль*. Эти лексемы подверглись переосмыслению, и теперь ими называют жадных людей, скряг и стяжателей.

Инвентаризация устаревших диалектизмов позволяет проследить системные количественные и качественные преобразования в лексико-фразеологическом составе говоров. Актуально выявление *историзмов* и *собственно архаизмов*. В первом случае оно опирается на объективный показатель – утрату реалии. Во втором – принимаются во внимание следующие показатели: нечастотность в речи информантов преклонного возраста, включение в высказывание метаязыковых выражений типа: «*цэ так раньшы казалы*», «*эта так нашы деды гаварыли*», «*мы вжэ так нэ кажым*» и т.д., замещение *собственно архаизмов* диалектными или литературными синонимами. Что касается *архаизмов передового слоя* носителей говоров, то их выделение всё-таки субъективно. Полагаем, что их более корректно рассматривать как переходную зону между активным и пассивным стратами лексико-фразеологической системы диалекта.

К пассивному слою словарного состава диалекта относятся и новообразования. Регистрация и описание диалектных неологизмов – важное направление диалектологических исследований, поскольку обновление лексико-фразеологического фонда – одно из обязательных условий в развитии и существовании любого естественного языка (диалекта). Исследование фактов лексической неологии в русских говорах началось с конца 20-х годов XX века (см. работы Н.М. Каринского, Б.А. Ларина, А.М. Селищева, Ф.П. Филина и др.). Ещё в конце 40-х годов XX века Ф.П. Филин призывал лингвистов фиксировать «знаменательные сдвиги в сельской речи». Учённый подчёркивал: «... на наших глазах происходят грандиозные изменения в языке деревни, вызванные социалистической перестройкой сельского хозяйства. <... > То, что мы можем записать теперь, когда процессы изменений диалектной речи предстают перед наблюдателем в своём обнажённом виде, вряд ли смогут записать грядущие поколения учёных [Филин, 1949, с. 7]. В «Исследовании о лексике русских

народных говоров» (1936 г.) Ф.П.Филин собрал, упорядочил и проанализировал значительный корпус лексико-фразеологических инноваций колхозной деревни, составляющий одну из центральных групп словаря – лексику сельского хозяйства.

В конце 60-х годов XX века Л.И. Баранникова, сравнивая процесс неологизации в ЛЯ и в говорах, делает справедливое заключение: «... в ЛЯ решающее значение имеют внутриязыковые факторы, т.е. утрата старых и появление новых слов связаны прежде всего с особенностями развития самой языковой системы: новое слово, пришедшее на смену старому, обычно создаётся на материале данной лексической системы по её законам <...>, в диалектах часто имеем дело не с результатами внутреннего развития системы, а с воздействием извне, влиянием, идущим со стороны другой системы» [Баранникова, 1967, с. 93]. Действительно, ономазиологические процессы в говорах по своему масштабу значительно уступают аналогичным процессам в ЛЯ. По наблюдениям многих диалектологов, перестройка лексических систем говоров в основном происходит за счёт вхождения в них элементов ЛЯ (см. работы Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, Н.А. Лукьяновой, Р.И. Кудряшовой, Т.С. Коготковой, Л.М. Орлова и др.).

Приходится констатировать, что в XXI веке диалектные инновации не вызывают у диалектологов должного интереса. Изучение неологизмов, на наш взгляд, осложняется отсутствием чёткой, опирающейся на объективно фиксируемые признаки классификации новых слов. Основным в определении понятия неологизма, бесспорно, является фактор исторического времени рождения слова. В этом смысле каждую ЛЕ принципиально можно считать неологизмом по отношению ко времени её первого появления, надо только знать, когда она впервые вошла в язык. Зафиксировать этот момент возможно далеко не всегда. Зачастую исследователь может лишь очертить временные рамки рождения неологизма.

В кубанских говорах целая серия слов и ФЕ относится к инновациям советского периода, отражающим перемены, произошедшие с установлением советской власти, колхозным строительством, утверждением нового, советского

образа жизни. Среди них самая многочисленная группа – имена существительные: *выхододні* ‘рабочие дни колхозников’, *групповодка* ‘звеньевая’, *зоотехнычка* ‘женщина-зоотехник’, *качественник* ‘человек, контролирующий качество работы’, *колхозница* ‘сорт дыни’, *нау́чник*, *нау́чица* ‘научный работник’, *плюшка* ‘женское полупальто из плюша’, *поёнка* ‘работница фермы, выпаивающая телят молоком’, *при(ы)ну́д* ‘принудительная работа в колхозе за прогулы’, *ри́бколхо́з* ‘рыбколхоз’, *совхозя́нка* ‘работница совхоза’, *рука́вщик* ‘помощник комбайнёра’, *электрo*, *электрá* ‘1) электричество; 2) электрическая лампочка’, *электростирáльник* ‘стиральная машина’ (РГК) и др.

Имена прилагательные и глаголы не так многочисленны: *блатовый* ‘основанный на знакомстве, блатной’, *кремдеши́новый* ‘крепдешиновый’, *куба́торный* ‘инкубаторный’, *левáторный* ‘элеваторный’, *полиро́ванный* ‘эмалированный’, *синтекти́ческий* ‘синтетический’ и др.; *зага́дывать* ‘созывать на станичное собрание или на работу’, *регистрíровать(ся)* ‘регистрировать(ся)’, *напéниться* ‘возрасти (о задолженности)’, *стаханува́ть* ‘работать по-стахановски, перевыполнять норму’ и др.

Широко представлены в местном диалекте ДФЕ: *чу́ждый алемéнт* ‘представитель враждебной общественной среды’, *электрíческа(я) гру́бка* ‘электропечь’, *стаха́новский котёл* ‘котёл, в котором на полевом стане готовили еду для передовиков’, *би́лый мед* ‘сгущённое молоко’, *дава́льская мука́* ‘мука, которую колхозники сдают в общественную пекарню, а взамен получают готовый хлеб’, *мыть ножи́* ‘отмечать завершение уборки свёклы засто́лем’, *круглосу́точна(я) площа́дка* ‘круглосуточный детский сад’, *ста́рша(я) поёнка* ‘старшая работница фермы, выпаивающая телят молоком’, *уда́ри(ы)ть телегра́мму* ‘послать телеграмму’, *бескишо́чный тра́ктор* ‘трактор с незакрытым двигателем’, *брига́дна(я) ха́та* ‘полевой стан колхозников’ и др.

Коллективизация, создание колхозов и связанное с ними раскулачивание казаков проходили на Кубани сложно и драматично. Отношение к этим процессам было далеко не однозначным даже среди казаков, принявших советскую власть. В начале 30-х годов XX века в кубанских говорах появились неологизмы с

расщеплённой коннотацией. Это ЛЕ *раскула́чка* ‘раскулачивание’, *кула́чить* / *покула́чить*, *позакула́чивать* ‘раскулачивать / раскулачить’. См. записанные контексты: *Началась раскула́чка в трыцáтом году: раскула́чивалы свёкра, свикру́ху, Олю мою з му́жэм вы́гнали з до́му, огра́былы всё. Это коммуни́сты и комсомо́льцы* (Октябрь.). *Ста́ли кула́чить багаче́й* (Марьин.). *Булы́ у нас куркули́, да йих и в наймы ходы́лы, кула́чили йих, высыла́лы. Адна́ симья́ то́ко и вирну́лась у сваю́ хату́* (Север.). *Мы биднякы́ булы́, а воны́ кулакы́. Йих кула́чили* (Бол.Бейс.). *Моя́ ма́ма сті́ко пэрэжыла́: их покула́чили. Тоді́, як их покула́чили, оны́ лишэ́нци* (Вышестебл.). Высказывания информантов демонстрируют, что эти ЛЕ у представителей одного диалектного сообщества получают разные оценочные характеристики.

Отрицательную коннотацию имеет слово *комсю́к* ‘комсомолец’ (ср. *пацю́к* ‘крыса’): *Люды́ схова́ють качаны́ кукуру́зы у плы́тку. Комсюкы́ и тудá лі́зуть, забыра́ють послі́дни* (Новомалорос.). Датой рождения комсомола на Кубани считается 1 августа 1920 года (в этот день в Екатеринодаре состоялся 1-ый Кубано-Черноморский съезд РКСМ). В этот период родилось устойчивое выражение *черво́на(я) хусты́на* ‘красная косынка, которую носили первые комсомолки’: *Я ф комсомо́л запыса́лась, нади́ла чирво́ну хусты́ну, ко́су пидстры́гла* (Бриньк.).

Незадолго до начала Великой Отечественной войны на Кубани появились репродукторы в виде чёрной тарелки, которые вешали на стену. Их стали называть *шля́пами*: *А як ра́дио появы́лося, колхо́зникам ті́ко прово́дылы. Шля́пы такі́ булы́. И ба́бушка у нас була́ и ка́жэ: «Дэ воны́ ф шля́пы помища́юцца?»* (Калуж.). С появлением радио связано УС *балаку́чий як ра́дио* ‘о болтливом, разговорчивом человеке’. Размыты временные рамки развития у слова *бреху́н* ЛСВ ‘радио’: *Вот у нас на ку́хни висі́т бриху́н – ра́дива* (Зассов.).

В довоенное время появился семантический неологизм – *бассе́йн* (в местных говорах также функционируют его структурные варианты: *бассе́йна*, *бассе́йня*, *бассе́йнь*) ‘вырытая во дворе глубокая, обложенная кирпичом или зацементированная яма для воды, которую используют для хозяйственных нужд’:

Патом ка́ждый стал ф ка́ждам дварé бассéйны дéлать. А у нас нé была бассéйна. И вот мы, ка́да дощ прашо́л, биги́м: «Тётя Ду́ся, дай вады́!» (Дмитр.).

Серия новообразований соотносится с периодом Великой Отечественной войны. РГК регистрирует с пометой нов. слово *отéчественка* 'Великая Отечественная война'. Несколько позже появилось существительное *отéчественник* 'участник, ветеран Великой Отечественной войны': *Де́да схарани́ла на во́симдисят пята́м гаду́, он атéчиствинник, он палуча́л харо́шую пéнсию (Арх.).* В военные годы возник лексический диалектизм *бензи́нка* 'зажигалка': *Мы паца́на́ми ис патро́наф в вайну́ бинзи́нки дéлали, ну зажыга́лки (Усть-Лаб.).* Многие диалектоносители рассказывали, что в тяжёлые военные и послевоенные годы из-за отсутствия материи приходилось шить юбки из плащ-палаток, чаще немецких. Так родился семантический неологизм *плащ-пала́тка*: *Ходы́лы в плащ-пала́тках. Цэ ю́пка. Воны́ шылысты́ят. Я кажу́: «На́дя, хто за на́мы го́ныца?» Вона́ ка́жэ: «На́шы юпкы́» (Копан.).* К послевоенному времени относится другой семантический неологизм *сюрту́к* 'стёганка': *Мы на́ их казала́ «сюрту́кы́». Таки́ шыты́ты. Зака́зывала́, вжэ́ появы́лася ма́те́рия, у ко́го по́сле войны́ поостава́лася плащ-пала́тка, и уто́ такы́ сюрту́кы́. Вона́ в ви́ди ку́рткы. Потом́ ужэ́ называ́лы «сте́ганка». Вона́, мно́го доро́жэ́к прошы́то по нэ́и. И туда́ ужэ́ ва́ту ста́лы умудря́ця запыхо́вать. А ва́та – появы́вся хлопо́к у нас. По́сли войны́ (Старотит.).* У фонематического диалектизма *гума́га* 'бумага' появился второй ЛСВ 'извещение о гибели': *Война́ ко́нчилась. Пла́чут, ту́жуют, абнима́ють, ра́дуюца. А хто гума́гу палучи́л – плаче навзры́в. Ба́тька паги́н за Ро́дину (Серг.).* Устойчивое сочетание *писа́ть ро́зыскы* 'разыскивать кого-л. официальным путём' родилось после окончания войны, когда многие люди пытались разыскать своих близких, с которыми их разлучила война: *Колы́ война́ ко́нчилась, писа́лы ро́зыскы, дали́ бума́гы, ще́ би́з висти пропа́фшы вин (Старомыш.).*

К послевоенному времени относится также существительное *скирдя́тнык* 'бездомный человек, ночующий в скирдах', образованное суффиксальным способом от слова *ски(ы)рда*. См. диалог собирателя с информантом: – Как у вас

называли раньше бездомных людей? – *Скырдытнык*. – Они, наверное, спали в скирдах? – *Ну да* (Смол.). В ст-це Пластуновской зафиксировано суффиксальное образование от слова *посадка* – *посадочни(ы)к* ‘бездомный человек, живущий в посадках’: *А рáньшэ багáто пóсли войны́, казáлы стáри лю́ды, шо посáдочники, жыло́. Оцэ́ лю́ды, як отó щас биздóмни, так утó булы́ рáньшэ посáдочныкы.*

Во времена Н.С. Хрущёва государство ввело налог за бездетность, который стали называть экспрессивным выражением *бессты́жий нало́г*: *Я ищэ́ зáмиж ни выхóдыла, дитэй́ ни було́, и я платы́ла сто тиисят рублёй, по-мо́иму, в год за то́, шо я одино́чка. Ну и мы назывáлы «бисты́жый нало́х»* (Калуж.).

В начале 50-х годов XX века в кубанских станицах появилась мода шить праздничную женскую одежду, в том числе свадебные платья, из крепдешина и крепжоржета, которые в местных говорах стали называть – *кремдешин*, *кремдешиновый*, *кремдешинный*, *крэмжоржэт*, *крэмжожэт*: *Появы́вся вжэ́ кремдышы́н у тиисятых годáх. У мэнэна свáйбу был рóзовый крымдышы́н, а у нэй́ бiлы́й, як сичáс знáю* (Ахтаниз.). *Мне закупáли фату́ и плáтье бéлае, крипдишы́ннае* (Успен.). *Плáтье було́ крэмжоржэт, то́жэ «татья́нка», а воно́ прýмо фсэ́ дышэ́. Отó вещь* (Новопласт.). *Юпка у миня́ была́ ис крымжожэ́та* (Новопавл.).

Можно указать точную дату – 12 апреля 1961 года, когда родился неологизм *на Гагáрына* – 12 апреля 1961 года: *Я ж роды́ла То́лика, казáлы, як рáз на Гагáрына, и кáжуть: «Назави́ Юрыем».* *А я нэ́ люблю́ Юрый. И назвáла То́ликом* (Новоберез.).

Фонематические варианты *ниркома́н*, *маркома́н* ‘наркоман’ вошли в кубанский диалект в 60-е годы XX века. См. записанные высказывания информантов: *Тудí их було́ ны так богáто, як сичáс. Вырáщивалы воны́ коноплю́. На нiх казáлы «дурма́ны».* *А ужэ́ ф шы́стидэ́сятых на нiх стáлы говоры́ть «ниркома́ны»* (Крыл.). *Молодэ́жы богáто бы́ло, ниякiх ниркома́нов, за чéсно слóво, и поня́тия ниркома́нов нé было, чé за ниркома́ны* (Ейск). *Те, кто пьют да маркама́ны, – те ни жыву́т* (Арх.). См. также ДФЕ *кы́нуться в(у) уко́лы* ‘колоться наркотиками’: *Сын у уко́лы кы́нулся. Бидá* (Новощерб.).

С появлением в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века магнитофонов связано образование фонематических вариантов *матихвóн, матифóн, матихóн, матофóн*: *И у прóшлом гóди таки́ молоді́ и красы́вы прыхóдылы, с матихвóном булы́, записулы нас... У тóм гóди дивчáта прыхóдылы до мэнэ, на матифóн говоры́ть просы́лы* (Бород.). *А он с матихóнам приéхал, так фключи́л матихóн, а я́ ни зна́ла* (Воздвиж.). *Де́ти купи́ли матафóн, типéрь му́зыка алёкае* (Арх.).

Ряд ЛЕ номинирует транспортные средства, появление которых в местных станциях привело к созданию таких инноваций, как *ахто́бус, бо́бик* ‘легковой автомобиль с брезентовой крышей’, *вéлис, вéлос, лисапéд, самока́тка* ‘велосипед’, *мотоци́к, мотоцы́кла, моциклéт, моцаклéт* ‘мотоцикл’, *моторо́к* ‘мопед’, *моторо́ль* ‘мотороллер’, *пассажи́рка* ‘пассажирский автобус’, *походка* ‘машина техпомощи’. С появлением общественного транспорта в местный диалект вошли неологизмы с прозрачной внутренней формой: *ожидáлка, ожидáловка, ожидáнка* ‘автобусная остановка’, представляющие собой диалектные словообразовательные варианты, синонимом которых является семантический диалектизм *стоя́нка*. РГК фиксирует у слова *ожидаловка* ещё один ЛСВ, образованный в результате метонимического переноса, – ‘сооружение на остановке автобуса для защиты от непогоды’.

Судьба зарегистрированных в кубанских говорах неологизмов сложилась неодинаково. Одни перешли в активный словарь (*ахто́бус, защи́тка, лисапéд, почта́льо́нка, почта́рька* и др.), другие стали историзмами или архаизмами в «советский» либо в постсоветский периоды (*кула́чить / покула́чить, позакула́чивать, самока́тка, черво́на(я) хусты́на* и др.). Необходимо признать, что даже наличие возможности установить у конкретных неологизмов более или менее точную дату их рождения не меняет сути дела. Общетеоретическое понятие неологизма не имеет чётко очерченных хронологических границ, которые весьма размыты и изменчивы. Таким образом, временной критерий при определении понятия неологизма важен, но относителен и определяется конкретными задачами исследования. Справедливо высказывание А.Г. Лыкова о том, что «постоянная

новизна слов логически немыслима и лингвистически несостоятельна» [Лыков, 2003, с. 121].

Совершенно очевидно, что приведённые диалектизмы уже утратили свойство новизны, которое сначала померкло, а затем и вовсе угасло под воздействием семантической актуальности неологизмов и их активности в коммуникативных процессах. Между тем ощущение новизны – релевантный признак неологизма. Н.М. Шанский, уточняя данный критерий, вводит ещё один, важный, хотя и несколько субъективный, на наш взгляд, показатель – «свежесть» слова, подчёркивая, что «новое слово представляет собой неологизм лишь до тех пор, пока оно имеет на себе отпечаток свежести и стилистического своеобразия» [Шанский, 1964, с. 157]. Действительно, неологизмы, как правило, обозначают реалию, появившуюся недавно. Такие новообразования А.Г. Лыков называет «актуальными неологизмами, то есть неологизмами нашего времени, в котором живёт носитель языка, в отличие от *неактуальных* неологизмов, привязанных к определённым историческим этапам» [Лыков, 2003, с. 121].

В кубанских говорах к актуальным неологизмам можно отнести следующие ЛЕ: *бессмёртник* ‘террорист-смертник’: *Од дурні ти бэссмёртники: в Москвё бóмбу кынулы* (Платнир.); *мóт(н)ик* ‘сухопутный скутер’: *Мóтики, вонь с Корёйи чи с Кытáя. Щас и бабушкы на мóпиках* (Старотит.); *пáндерс* ‘памперс’: *Рáньшы не была пáндырсаф, прóста свивáли* (Арх.); *электросéнс* ‘экстрасенс’: *Я на тиливизару видила электросéнса, как вот назывáют щас* (Новопокров.). В ст-це Новодеревянковской записано устойчивое словосочетание с ироническим оттенком – *лiхвык з рукавáмы* ‘короткая женская кофточка с длинными рукавами’ (модель недавно вошла в моду): *Кáтька, щё ты отó надíла? Цэ ж лiхвык з рукавáмы.*

Ещё один неперемный критерий неологизма – его вхождение / невхождение в диалект. В этой связи возникает проблема отграничения неологизмов от индивидуализмов, представляющих собой в то же время уникальный источник для диалектных инноваций. Весьма убедительная картина трансформации потенциального слова в реальное в ЛЯ представлена

А.И. Смирницким [Смирницкий, 1956, с. 17 – 18]. Переход индивидуализма в неологизм в говоре также теоретически и практически возможно. Полагаем, что подобное превращение мы наблюдали во время полевой экспедиции в ст-цу Копанскую. Информант назвал *жаб'ячим хро́мом* искусственный заменитель кожи, из которого шьют верхнюю одежду: *Щас молодёш куртки ёти но́сить, жаб'ячий хром* (Копан.). У присутствовавших во время записи жительниц этой станции словосочетание вызвало одобрител'ный смех, оно тут же было подхвачено. Считаем, что образность и меткость данного индивидуализма позволит ему включиться в историческую жизнь, обрести статус неологизма и впоследствии, возможно, стать полноправным членом лексической системы говора (как известно, экспрессивность придаёт слову жизнестойкость).

Диалектный неологизм (и в этом его отличие от неологизма ЛЯ) территориально ограничен. В кубанском диалекте зафиксированы узколокальные новообразования, функционирующие в говоре одного населённого пункта: *джитоник* (Каладж.), *мотик, мопик* (Старотит.), *лихвык з рукавами* (Новодерев.) и др. Между тем география диалектных неологизмов может быть весьма обширной. Многие неологизмы в русских диалектах являются полидиалектными. Так, в сибирских говорах зарегистрированы неактуальные неологизмы, которые отмечены и в говорах Кубани: *ки́нщик* ‘киномеханик’, *парт'ёец* ‘член партии’ (от диалектного варианта *партейный*), *почта́рка, почта́льо́нка* и др. [Лукиянова, 1983, с. 68 – 69]. Т.С. Коготкова, проанализировавшая материалы солидного корпуса областных словарей, приводит в своей монографии ЛЕ, снабжённые пометой *нов.*, а также те, новизна которых отражена в толковании. Среди них обнаруживаются ЛЕ, общие с кубанскими, см. напр.: *агроно́мша, группово́дка, плю́шка, председа́тельница, почта́льо́нша* и др. [Коготкова, 1979, с. 257]. Подобные факты подтверждают, что процесс образования новых слов в говорах часто носит универсальный характер. Отсутствие территориального признака при образовании диалектных неологизмов свидетельствует «о нивелировании диалектной речи в целом» [Там же, 277]. Представляется, что статус диалектного неологизма сохраняется у таких ЛЕ благодаря их невхождению в ЛЯ.

Названные признаки неологизмов позволяют различать *актуальные* неологизмы – территориально ограниченные слова или ФЕ, находящиеся на начальной стадии своего вхождения в диалект и не входящие в систему ЛЯ, и *неактуальные*, относительные неологизмы, «неологизмы в прошлом», утратившие отпечаток новизны и «свежести». Среди *актуальных* и *неактуальных* диалектных неологизмов в современных кубанских говорах выделяются две неравные в количественном отношении группы: наиболее многочисленная состоит из вариантов слов ЛЯ, менее многочисленная – неологизмы, образованные внутри лексико-семантической системы диалекта. Преобладание неологизмов первой группы можно объяснить устной формой существования говоров, отсутствием в диалектной речи кодифицированных норм, что, естественно, стимулирует образование вариантов слов ЛЯ.

Следует признать, что диалектическое противоречие двух систем – ЛЯ и диалектного, на которое ещё в 70-х годах XX столетия указывала Т.С. Коготкова, справедливо усматривая в нём специфику современного этапа развития диалектов [Коготкова, 1977, с. 103], наблюдается и в XXI веке. В сущности, появление диалектных вариантов слов ЛЯ обусловлено живым процессом освоения говором слов ЛЯ. Такие новообразования пребывают в постоянной борьбе с литературной нормой, освоение которой приводит к утрате диалектного неологизма.

Собранный материал демонстрирует, что в кубанских говорах самая представительная группа неологизмов – фонематические диалектизмы (см., напр.: *анкассáтор, ахтóбус, вакуйóровать, иродрóм, ироплáн, каркуля́тор, кубáтор, маркомáн, мотоци́к, ниркомáн, пáндерс* и др.). Это, вероятно, обусловлено тем, что для большинства диалектоносителей основной путь заимствования слов ЛЯ – устный, поэтому, воспринимая новую лексему на слух, говорящий употребляет её в том звуковом облике, который запечатлело его языковое сознание. Заметим, что не все исследователи относят фонематические варианты слов ЛЯ к неологизмам, считая их «ложными диалектизмами» [см., напр., Коготкова, 1979, с. 247]. Полагаем, что частотность подобных ЛЕ в высказываниях диалектоносителей свидетельствует о лексикализации тех или иных фонетических процессов в

говоре, что, в свою очередь, позволяет квалифицировать их как фонематические варианты слов ЛЯ и не исключать их из числа диалектных инноваций.

В речи носителей диалекта отмечены также новообразования грамматические (см., напр.: *комбайна, карабка* и др.), словообразовательные (см., напр.: *бессмертник, мотик, мопик* и др.) и семантические (см., напр.: *крестины* ‘торжественное получение свидетельства о рождении ребёнка’, *мурзилка* ‘журнал секты «Свидетели Иеговы»’, *холод* ‘сплит-система’ и др.). Собственно лексические диалектные инновации немногочисленны (см., напр.: *бензинка, качественник, отвинтисты* ‘прихожане церкви адвентистов седьмого дня’ и др.). Отдельные новообразования относятся к диалектизмам смешанного типа. См., напр.: *конбайна, леватра* совмещающие два признака – фонематический и грамматический, *кодёрство* ‘кодирование от алкогольной зависимости’ (фонематический словообразовательный) и др. Довольно редко новое значение развивается у уже функционирующего в говоре диалектизма. Так, ЛСВ ‘неофициальный муж, сожитель’, возникший в силу переоценки института брака, зарегистрирован у трёх диалектных ЛЕ: *дружечка* (первый ЛСВ – ‘милый, дорогой / милая, дорогая’): *Нет эта ни муш. Эта дружычка* (Арх.); *мотузок* ‘стринги’ (первый ЛСВ – ‘верёвочка’): *Наша бабушка стринги называит «матуски»* (Старомыш.); *приймак* ‘сожитель’ (первый ЛСВ – ‘муж, живущий в доме жены’): *Вона незамужня, а так, з приймаком живе* (Новокорс.). Лексический диалектизм *байда* ‘большая широкая вёсельная лодка’ отмечен в значении ‘большая моторная лодка’: *Силы мы з кумом в байду (цэ лотка моторна) и поихалы ситкы трусить* (Гривен.). У слова *дри(о)т* ‘провода’ зафиксирован ЛСВ ‘электропровод’: *Я с хаты у литню кухню дрит протях и пидключив машынку* (Гривен.).

Число диалектных неологизмов, появившихся в кубанских говорах за последние годы, невелико. Большинство из них – это неактуальные неологизмы советского периода, в течение которого лексико-фразеологическая система кубанского диалекта переживала своеобразный «неологический взрыв». Включённые в процесс исторических языковых изменений, неологизмы сами

подвергаются этим изменениям, что неизбежно приводит к изменению их лингвистического статуса. Значительная часть диалектных неологизмов замещается словами ЛЯ. Диалектные структурные варианты слов ЛЯ характерны преимущественно для архаического типа речи и подвергаются коррекции представителями передового слоя носителей говора. В целом ономаσιологические процессы, протекающие в макросистеме кубанских говоров на современном этапе их развития, находятся в стадии торможения и уступают в неравной конкурентной борьбе более активным процессам усвоения лексики ЛЯ. Прослеживается динамика, направленная на освоение носителями говоров литературной нормы и нивелирование диалекта.

Противоположные по своему характеру и результату, архаизация и неологизация сосуществуют в пределах одного синхронного среза. Играя существенную роль в системной организации лексики и фразеологии, поддерживая её статику и динамику, они сохраняют константную часть словарного состава говоров и способствуют его обновлению. К аналогичному выводу приходят исследователи других русских говоров. Так, Г.М. Курбангалеева, много лет изучающая русские говоры Башкирии, делает следующее заключение: «новые для системы элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для данной системы, *порождая* её повышенную вариативность. И эта возможность длительного сосуществования старых и новых вариантов – одна из важнейших особенностей диалектных лексических систем» [Курбангалеева, 2008, с. 85 – 86]. Действие и противодействие процессов архаизации и неологизации, протекающих значительно медленнее, чем в ЛЯ, обеспечивают словарному составу кубанского диалекта динамическую устойчивость.

Выводы

1. Основной массив диалектного ландшафта Кубани составляют говоры кубанского казачества и не казачьей части восточнославянского населения края. Традиционное разделение территории Краснодарского края по этноареальному признаку на районы, где преобладают носители КГУЯО (22 района), и районы, где преобладают носители КГЮЯО (15 районов), следует считать в определённой степени условным из-за смешанного проживания населения во многих районах и населённых пунктах. Фиксация в говоре староверов (хутора Новопокровский и Новонекрасовский) наряду со специфичными ЛЕ, появление которых вызвано иноязычным влиянием, большого количества диалектизмов общекубанского лексико-фразеологического пласта позволяет положительно решать вопрос о правомерности включения этих говоров в кубанский диалектный континуум.

2. Изучение современного состояния говоров предполагает проведение полевых экспедиций, при планировании которых оптимально объединение районов Краснодарского края в 10 лингвогеографических зон на основании общности географического положения и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту. Такой подход делает возможным исследовать языковые факты на уровне микро- и макросистем и максимально полно выявлять специфику современного диалектного ландшафта Краснодарского края, во многом обусловленную не только историей его заселения, но и особенностями географического положения, природными факторами, родом занятий жителей. При выборе информантов целесообразно учитывать два основных критерия: 1) информант должен быть уроженцем изучаемой территории или постоянно проживать на ней большую часть своей жизни; 2) информант должен не владеть или владеть в слабой степени разговорной литературной речью, либо обладать диалектно-литературным двуязычием, либо быть пассивным хранителем диалекта. Опора на указанные критерии позволяет собрать достоверный языковой

материал, проследить степень сохранности диалектных черт в речи диалектоносителей различных категорий, проанализировать языковую преемственность старшего и младшего поколений.

3. Торможению процесса нивелирования кубанского диалекта способствует ряд экстралингвистических факторов. Так, в крае преобладают славяне (90,2%); сельские жители составляют значительную часть населения края (45,4%). Увеличивается доля жителей старше 50 лет. В возрастной группе старше 60 лет резко преобладают женщины. Существенно влияет на степень сохранности диалектных форм речи отношение к говору его носителей. Для многих жителей Краснодарского края кубанский диалект представляет собой базовую ценность, владение им престижно и оценивается как близкое к стандарту. Многие носители КГУЯО владеют диалектно-литературным двуязычием. Переключение кода не наблюдается у носителей КГЮЯО в силу очевидной близости южнорусского диалекта и РЛЯ.

4. Кубанские говоры – важный компонент традиционно-бытовой культуры кубанского казачества, составляющей фон их реального бытования. В новых природных и этносоциальных условиях локальные варианты русской и украинской культур, откуда происходило заселение Кубани, трансформировались, приобрели новые элементы. Итогом произошедших изменений стал оригинальный локальный вариант традиционно-бытовой культуры, занимающий во многом промежуточное положение между южнорусской и украинской традициями. Что касается русских, украинских и белорусских переселенцев 20 – 50-х годов XX столетия, то уже во втором поколении мигранты почти полностью утрачивают метропольные традиции и усваивают местные. Общность культурных традиций играет существенную роль в сохранении структурной устойчивости кубанского диалекта.

5. Смешение КГУЯО и КГЮЯО наиболее наглядно проявляется в лексике. Эти говоры имеют общекубанский лексико-фразеологический пласт, что составляет их релевантную типологическую особенность. Тематически он весьма разнообразен. Это предметы быта, орудия труда, средства передвижения, одежда,

пища, наименования растений, животных, болезней, характеристика человека, его действий, обрядовая лексика и др. Выявленные результаты процессов смешения кубанских говоров на лексическом уровне могут быть использованы для разработки самостоятельного направления в диалектологии – *диалектной лексической контактологии*, анализирующей адаптацию двух или более контактирующих говоров, вызванную их взаимовлиянием и облигаторным воздействием ЛЯ.

6. Для кубанских говоров характерна повышенная структурная вариативность. Значительная часть формальных вариантов не составляет противопоставленных вариантных диалектных различий, поскольку их структурные отличия не связаны с какими-либо особенностями кубанских говоров, обусловленными их языковой основой. Различительные противопоставленные вариантные диалектные различия образуют формальные варианты, по которым дифференцируются и группируются КГУЯО и КГЮЯО. Выявленная относительность противопоставленных формальных вариантов, проявляющаяся в том, что ранее регулярные чередования в результате смешения говоров и под влиянием РЯ превратились в нерегулярные, несистематические, а также то, что структурное варьирование не нарушает семантического тождества слова, сделали возможным включить их в общекубанский лексический пласт.

7. Среди противопоставленных собственно лексических различий были выделены такие, по которым кубанские говоры различаются по их материнскому языку. Однако, как правило, второй член такой бинарной оппозиции представляет собой общенародное слово, а диалектный эквивалент часто воспринимается носителями диалекта как устаревший или устаревающий. Члены дифференцирующих собственно лексических оппозиций могут функционировать и в говоре одного населённого пункта как синонимы-дублиеты. В большей степени кубанским говорам на лексическом уровне присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не столько их языковыми основами, сколько экстралингвистическими факторами. Это лексика флоры, фауны и производственно-промысловая лексика. Бытовая, этнографическая лексика,

лексика народной медицины у старожильческого населения Краснодарского края характеризуется наибольшей общностью.

8. В грамматических системах кубанских говоров на современном этапе развития было выявлено сосуществование диалектных (южнорусских и украинских) грамматических вариантов, а также диалектных и русских литературных вариантов. КГУЯО вбирают в себя грамматические черты контактирующих с ними КГЮЯО и РЛЯ. Причём некоторые формы становятся дублетными, другие различаются стилистически как нейтральный и архаический стиль, а также как бытовой или официальный стиль. В КГЮЯО тоже сосуществуют варианты, среди которых явно преобладают южнорусские и литературные, украинские грамматические черты усваиваются в меньшей степени. Воздействие говоров друг на друга на уровне грамматики является обоюдным, но в этом двустороннем процессе действуют силы, различные по своему удельному весу. Смешение кубанских говоров на грамматическом и фонетическом уровнях является показателем постепенного размывания их исторических основ. Ведущая тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических и фонетических элементов. Однако эти процессы не носят глубинного характера, что способствует относительной устойчивости местных диалектных черт.

9. Типологическое исследование современных кубанских говоров продемонстрировало, что, сохраняя материнские черты, эти говоры модифицируются под влиянием внешних обстоятельств и друг друга. Современные говоры Кубани можно квалифицировать как гетерогенный диалект, неоднородность которого унаследована от сформировавших его говоров – южнорусских и украинских. Этот диалект имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и практически монодиалектную лексическую систему, поскольку в неё входит значительный в количественном отношении общекубанский лексико-фразеологический пласт – ЛЕ, функционирующие в КГУЯО и в КГЮЯО.

10. При определении лингвистического статуса КГУЯО необходимо учитывать следующие интра- и экстралингвистические факторы: 1) генетическую связь КГУЯО с южнорусскими говорами и РЯ; 2) проявление единства в направлении их структурного развития; 3) значительную временную и пространственную дистанцию, отделяющую современные КГУЯО от украинского языка; 4) смешение двух диалектов, с разной степенью интенсивности проявляющееся на всех языковых уровнях; 5) облигаторное влияние на говоры РЛЯ; 6) этническое самосознание местных жителей, в большинстве своём идентифицирующих себя не как украинцев, а как россиян или кубанцев, для которых официальным средством общения является РЯ в форме, близкой к разговорной литературной речи. Указанные характеристики сделали правомерным рассматривать современный КГУЯО как территориальную разновидность РНЯ.

11. Картина кубанских говоров в контексте русских народных говоров представляет собой довольно сложный диалектный континуум. Как единица лингвоэтнографического членения кубанский диалект – это диалект позднего образования, с определёнными этнографическими и языковыми особенностями, присущими говорящему на нём исторически сложившемуся субэтносу – кубанскому казачеству, а также восточнославянскому населению, проживающим в Краснодарском крае. Территорию распространения кубанского диалекта как локального идиома смешанного типа, имеющего восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу, в диалектном членении РНЯ можно охарактеризовать как особую лингвоэтнокультурную зону, основные черты языка которой начали формироваться с конца XVIII века и во многом обусловлены её этногенезом, географическими особенностями края (ландшафтом, климатическими условиями, флорой и фауной), изменением административных границ.

12. Выделение наиболее предрасположенных к архаизации ЛЕ, их описание по ТГ позволили проследить системные количественные и качественные изменения в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров.

Выявленная способность носителей кубанских говоров к реставрации устаревших диалектизмов подтвердила, что структурная устойчивость говоров обеспечивается не только самой системой языка, но и механизмами его усвоения. Проведённое исследование продемонстрировало важность инвентаризации *актуальных и неактуальных историзмов*, а также *собственно архаизмов*. Что касается *архаизмов передового слоя*, то их квалификация всё-таки субъективна, поэтому такие ЛЕ более корректно рассматривать как переходную зону между активным и пассивным слоями лексико-фразеологической системы диалекта.

13. Кубанские неологизмы целесообразно разделять на *актуальные* и *неактуальные*, относительные неологизмы. К *неактуальным* неологизмам относится целая серия инноваций советского периода, среди которых широко представлены имена существительные и устойчивые выражения. Число диалектных новообразований, появившихся в последние годы, незначительно. Большинство диалектных неологизмов – это варианты слов РЛЯ, менее многочисленны неологизмы, образованные внутри лексико-семантической системы диалекта. Преобладание неологизмов первой группы можно объяснить устной формой существования говоров, отсутствием в диалектной речи кодифицированных норм, что стимулирует варьирование ЛЕ, в том числе входящих в говор новых слов ЛЯ. В целом ономаσιологические процессы, протекающие в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров на современном этапе их развития, находятся в стадии торможения, уступая в неравной конкурентной борьбе более активным процессам усвоения лексики ЛЯ.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ

2.1 Структурно-типологическая и грамматическая характеристики лексического состава кубанских говоров

Релевантным для диалектологической науки является вопрос о составе словарного запаса говоров, поскольку он напрямую связан с определением лингвистического статуса диалектов как одной из форм существования НЯ. В поле зрения диалектологов были и продолжают оставаться проблемы, связанные с выявлением параметров диалектного и общерусского слова, определением их позиций в лексической системе диалекта, исследованием результатов взаимодействия и взаимовлияния говоров, ЛЯ и городского просторечия (см. работы Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, А.С. Герда, Р.Т. Гриб, Л.А. Ивашко, Т.С. Коготковой, Н.А. Лукьяновой, О.С. Мжельской, Л.М. Орлова, И.А. Оссовецкого, И.А. Попова, Ф.П. Сороколетова, Ф.П. Филина и др.).

Лексический состав любого говора представляет собой сложное образование и характеризуется совокупностью компонентов, находящихся между собой в определённых отношениях, присущих лексической системе данного говора. Установлено, что диалектная лексическая система «включает общерусские единицы, диалектно-просторечные и собственно диалектные (локально ограниченные в употреблении)» [Блинова, 1975, с. 38 – 41].

Исследование лексики кубанских говоров как макросистемы предполагает выяснение конкретного содержания образующих и организующих её основных ЛЕ, поскольку без проведения их инвентаризации любое теоретическое построение может быть признано лишь более или менее вероятной гипотезой. В кандидатской диссертации Л.Ю. Костиной представлена типологическая характеристика диалектного лексического состава говора одного населённого пункта – станицы Архангельской, где исторически складывался КГЮЯО. По данным составленного словаря дифференциального типа «лексические диалектизмы составляют около 40%; семантические – 12,5%, акцентологические –

1,5%, фонематические – 12%, лексико-грамматические – 2,3%, словообразовательные – 20%, лексико-функциональные – 0,75%; смешанные – 4%, синкретичные – 0,8%» [Костина, 2008, с. 143].

Что касается диалектной лексики, функционирующей на всей территории распространения кубанского диалекта, то до настоящего времени отсутствуют исчерпывающие данные о характере её бытования. Признавая универсальность уже ставшего хрестоматийным определения диалектного слова Ф.П. Филина [Филин, 1961, с. 20], считаем важным уточнить, что, квалифицируя кубанский диалект как идиом смешанного типа, под кубанским диалектизмом, мы понимаем слово, функционирующее в других русских говорах (как правило, южнорусских), в украинском языке или только в говорах Кубани и не входящее в словарный запас РЛЯ.

Устная форма существования, отсутствие кодифицированных норм, создают весьма благоприятные условия для большей «телесной» свободы ЛЕ, функционирующих в диалектах. Характерная для диалектов полилексия в кубанских говорах обусловлена не только самим механизмом развития языка, но и смешением их материнских основ. Это яркая показательная черта определённого корпуса ЛЕ с колеблющейся звуковой оболочкой, отличающей их от слов, имеющих стабильную форму. Структурные варианты могут представлять собой пары и ряды, состоящие из общенародного и диалектного (диалектных) слов или из диалектных слов. Проиллюстрируем формальное варьирование ЛЕ в кубанских говорах конкретными примерами.

Акцентологические варианты: а) двусложные ЛЕ (*áрбуз, бéзмен, бéльмо, го́йдáть* ‘1) качать, укачивать; 2) раскатывать тесто; 3) бегать, прыгая и крича’, *до́чка, за́нять, ко́ра, му́ха, стры́ба́ть* ‘прыгать’, *тра́ва, трудно́, туча́, уго́л, хлопо́к, шма́ра* ‘раст. ряска обыкновенная’ и др.); б) трёхсложные ЛЕ (*бо́рошно́* ‘1) мука; 2) мука высшего сорта’, *весело́, за́слонка, за́тычка, кидáться, кипя́ток, ку́рятник, мо́рицина, осока́, подошва́, ра́душно, решето́, ро́скошно, селезе́нь, ски́даться* ‘быть на кого-л. похожим’, *холодно́, хлопóты* и др.); в) четырёхсложные ЛЕ (*гороши́на, коро́мысло, соломи́на* и др.). Акцентные

изменения, как правило, совмещаются с другими структурными колебаниями, что позволяет выделять отдельные группы структурных вариантов, включающих колебания акцента: акцентно-корневые, акцентно-грамматические, акцентно-словообразовательные, акцентно – «словообразовательно» – корневые, акцентно – «словообразовательно» – грамматические.

Фонематическое варьирование может затрагивать безударные гласные: <А> – <Э> *варгу́н* – *ве[э]ргу́н* ‘изделие из теста – хворост’, <А> – <И> *арья́н* – *ирья́н* ‘напиток из пареного и кислого молока’, <А> – <О> *ажі́на* – *ожі́на* ‘ежевика’, <О> – <И> *кроши́ть* – *крыши́ть*, <О> – <У> *боды́лка* – *буды́лка* ‘стебель растения’ и др. Имеют место и вокалические варианты, отличающиеся ударными гласными: <А> – <И> *га́дкий* – *гы́дкий*, <А> – <О> *кв́ачка* – *кво́чка* ‘1) курица с цыплятами; 2) курица-наседка’, <А> – <У> *ба́хорь* – *бу́хорь* ‘любовник, ухажёр’, <Э> – <И> *де́жка* – *ди́жка* ‘деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста’, <Э> – <О> *блеск* – *блёск*, <И> – <О> *ны́нче* – *но́нче*, <О> – <У> *то́пнуть* – *ту́пнуть*, <У> – <И> *тю́тюшки* – *ти́тюшки* ‘соцветия акации’ и др. Обычно варианты различаются одной гласной фонемой и лишь в редких случаях несколькими: <А> – <О> / <А> – <О> *карава́й* – *корова́й*, <А> – <У> / <Э> – <У> *кашеми́р* – *кушуми́р* и некот. др.

Более характерно для местных говоров консонантное варьирование. В варьирующихся ЛЕ наблюдается мена следующих коррелятивных по звонкости / глухости согласных: <Б> – <П> *бубы́рь* – *пупы́рь* ‘рыба бычок’, <Д> – <Т> *да́мба* – *та́мба*, <К> – <Г> *кру́жево* – *гру́жево*, <П’> – <Б’> *пикéт* – *бикéт*, <С> – <З> *турсу́чить* – *турзу́чить* ‘трясти, трепать’ и др. Соотносительные по звонкости / глухости колебания согласных чаще встречаются в середине или в конце корня. Варианты могут отличаться согласными фонемами по твёрдости мягкости: <Б> – <Б’> *обы́чай* – *оби́чай*, <В> – <В’> *кво́лый* – *квёлый* ‘немошный, слабый’, <Г> – <Г’> *гы́лка* – *гилка* ‘боковой отросток дерева, кустарника; ветка’, <Д> – <Д’> *ду́же* – *дю́же* ‘очень сильно’, <Л’> – <Л> *ма́рля* – *ма́рла*, <М> – <М’> *семь* – *сем*, <П> – <П’> *шпыча́к* – *шпича́к* ‘большая заноза’, <Р> – <Р’> *байстру́к* – *байстру́к* ‘1) внебрачный ребёнок. 2) отчаянный сорванец’, <С> – <С’> *косы́нка* – *коси́нка*,

<Г> – <Г'> *просты́нка* – *прости́нка*, <Х> – <Х'> *бухы́кать* – *бухи́кать* ‘надрывно кашлять’ и др.

Зарегистрированы пары с различением согласных фонем по месту образования. Это губная – переднеязычная: <В> – <С> *вку́сный* – *ску́сный*, <М> – <Н> *постро́мки* – *постро́нки*, <М'> – <Н'> *ме́бель* – *не́бель*; губной – заднеязычный: <Б> – <Г> *бума́га* – *гума́га*, <В> – <Х> *авто́бус* – *ахто́бус*; переднеязычная – губная: <Н> – <М> *наркомáн* – *маркомáн*, <Т> – <П> *тротуáр* – *протуáр*; переднеязычная – заднеязычная: <С> – <Х> *ужасну́ться* – *ужахну́ться*, <Т> – <К> *кебе́та* – *кебе́ка* ‘ум. голова’, <Ш> – <Х> *слу́шать* – *слухáть*; заднеязычная – переднеязычная: <Х> – <Ш> *лёмех* – *лёмеш* и др.

Выявлены пары слов с различением согласных фонем по способу образования. Это щелевая – смычная: <В> – <Б> *ско́взалка* – *ско́бзалка* ‘ледяной каток’, <З> – <Т> *куту́зка* – *куту́тка*, <Х> – <Г> *хризанте́ма* – *гризанте́ма*, <Х> – <К> *Пáсха* – *Пáска*; смычная – смычно-проходная: <Д'> – <Л'> *сва́дьба* – *сва́льба*, <Д> – <Н> *ка́ждый* – *ка́жный*, <П> – <М> *крепдеши́н* – *кремдеши́н*; смычная – аффриката: <Т'> – <Ч'> *хоть* – *хочь*; щелевая – смычно-проходная: <В> – <М> *давно́* – *дамно́*, смычно-проходная – щелевая: <М> – <В> *комба́йн* – *ковба́йн*, <Н> – <Ш> *курга́н* – *курга́иш*; аффриката – щелевая: <Ц> – <С> *ца́пка* – *са́пка* ‘тляпка’, <Ч'> – <Ж> *журча́ть* – *журжа́ть*, <Ч'> – <ШШ'> *чебре́ц* – *щебре́ц*; щелевая – аффриката <ШШ'> – <Ч'> *пóмощь* – *пóмочь* и др.

Возможны модификации слов с взаимозаменой других согласных: <В> – <Л> *освободи́ть* – *ослободи́ть*, <Д> – <Л> *кла́дбище* – *кла́йбище*, <Д'> – <Л'> *сва́дьба* – *сва́йба*, <Д> – <Ф> *фунду́к* – *дунду́к*, <Л> – <Л'> *скамейка* – *скамелька*, <Л> – <Б> *балала́йка* – *балабайка*, <Р> – <В> *хра́брый* – *хва́брый*, <Ц> – <К> *чечеви́ца* – *чечеви́ка*, <Ч'> – <К> *грач* – *грак*, <Ч'> – <Х> *бахча́* – *бахша́*. Достаточно распространена в местных говорах следующая мена согласных: <Р> – <Л>, <Р'> – <Л'>, <Л'> – <Р> *балбе́рка* – *барбе́лка* ‘поплавок рыболовной сети’, *граба́рка* – *граба́лка* ‘совковая лопата’, *гру́да* – *глу́да*, *клирос* – *кры́лос*, *прыга́ть* – *плы́гать*, *про́руба* – *про́луба*, *коридо́р* – *колидо́р*, *регистра́ция* – *легистра́ция* и др.

Зафиксированы ЛЕ, отличающиеся звонкими аффрикатами ДЗ, ДЗ', ДЖ, ДЖ': *звон – дзвон, дзёркало – зёркало, жеркотать – джеркотать* '1) журчать; 2) перен. говорить на чужом языке', *кинжал – киндзял* и др.

Как правило, слова отличаются одной согласной фонемой и лишь в редких случаях несколькими. См., напр.: <Л'>– <Л> / <З>– <З'> *близко – бльзко*, <М> – <Н> / <Р> – <Р'> *амбар – анбарь*, <С> – <З> / <К> – <Г> *луска – лузга* 'рыбья чешуя', <Х> – <К> / <Ч'> – <Ш> *бахча – бакша*, <С> / <Ш> – <Д> / <Т> *скипидар – шкипитар* и др. Имеют место и вокально-консонатные варианты: <Э> – <А> / <Л'> – <Л> *календарь – каландарь*, <Э> – <А> / <К'> – <К> / <С'> – <С> *керосин – каросын*, <Э> – <О> / <Р'> – <Р> *хрен – хрон*, <И> – <А> / <М'> – <М> *помидор – помадор* и др. В некоторых ЛЕ наблюдаются чередования гласная / согласная фонема или наоборот: <А> – <В> *неаккуратный – невкуратный*, <Г> – <И> *где – иде*, <О> – <В> *обуваться – вбуваться* и др.

Выявлены вариантные образования, отличающиеся количеством фонем: а) гласной (*громадный – агромадный, здесь – издэсь, нравиться – наравиться* и др.); б) согласной (*а́стра – ай́стра, га́стра, ико́на – ви́кона, зря – здря* и др.); в) гласной и согласной (*амбулато́рия – булато́рия, стекля́нный – скля́нный, туберкулёз – беркулёз* и др.).

Варианты могут отличаться качеством и количеством гласных и согласных: *амбар – винбар – винбарь, арба́– горба́, деко́кт* (отвар из лекарственных трав) – *деко́х, окно́ – ви́кно́, штукату́р – щикату́р* и др.

Модификации слов иногда обнаруживают отличия в порядке следования фонем: *дылда – ды́дла, ведме́дь – медве́дь, со́ты – о́сты* и др.

Грамматические варианты. Выявленные нами грамматические варианты среди имён существительных могут различаться родовой принадлежностью и типом склонения, что, как правило, проявляется в различии окончаний: *капелю́х – капелю́ха* 'тёплая шапка с наушниками', *побовту́х – побовту́ха* '1) жидкая похлёбка; 2) невкусное, плохо приготовленное блюдо', *поддувало – поддува́л, стул – сту́ло, шарф – ша́рфа* и др.

В некоторых случаях грамматические различия в начальной форме не имеют формальных показаний. Такие ЛЕ представляют собой имплицитные вариантные единицы, их регистрация опирается на контексты, в которых родовая принадлежность существительного имеет синтаксическое оформление. См., напр.: *Кóпань, он кóпаний, кóпань* (Белик.) – *кóпань* (м.р.) ‘колодец без сруба’. *Холоды́льникив ны було́ – кóпань була́...* (Гривен.) – *кóпань* (ж.р.). *Осна была́, и корь был* (Арх.) – *корь* (м. р.). *Сабáка пашо́л на слéду зве́ря* (Дах.) – *собáка* (м.р.). *Какую́ сiту наста́виш, така́я мука́ и бúдит* (Арх.) – *сiта* (ж.р.). *Ста́да у нас так и назывáйицца – адна́до́йна́я ста́да, друга́я – стéльная и маладня́к* (Новопокров.) – *ста́да* (ж.р.). Имена существительные могут отличаться характером парадигмы склонения без родовых отличий: *боле́знь – боле́зня, куде́ль – куде́ля, мышь – мы́ша, свекро́вь – свекро́вья* и др. Отмечены различия в форме числа: *ви́лы – ви́ла, гра́бли – гра́бля, качéли – качéля*.

У глаголов грамматические варианты могут различаться разным оформлением инфинитива. В диалектных вариантах наблюдается редукция конечного гласного, что характерно для КГЮЯО: *везти́ – везть, грести́ – гресть, мести́ – мечь* и др. В КГУЯО возможно варьирование форм инфинитива на –ТЬ / –ТЫ (последняя в настоящее время является архаичной): *воюва́ты, танцюва́ты* и др. Зарегистрированы диалектные глаголы с двумя инфинитивными суффиксами: *идти́ – идти́ть, дойти́ – дойти́ть, найти́ – найти́ть* и др.

Особую группу составляют глагольные пары, где один из глаголов имеет постфикс –СЯ, –СЬ, а другой нет: *зимова́ть – зимова́ться, отрица́ть – отрица́ться, отслужи́ть – отслужи́ться, попи́ть – попи́ться, порабо́тать – порабо́таться, поспóрить – поспóриться, расцветáть (о растениях) – расцветáться* и др. По мнению З.М. Богословской, «появление вторых компонентов в говорах обусловлено близостью их семантики к значению некоторых возвратных глаголов: глаголов косвенно-возвратного значения, общевозвратного значения и др.» [Богословская, 2005, с. 132]. Выявлены вариантные пары, соответствующие возвратным глаголам действительного или страдательного залога ЛЯ: *видне́ться – видне́ть, догово́риться – догово́рить,*

занимáться – *занимáть* и др. К лексико-морфологическим вариантам можно отнести формы 2 лица ед. ч. от глагола *хотéть* – *хошь, хочь* (ср. с лит. *хóчешь*). По всей вероятности, глагольные варианты занимают промежуточное положение между лексико-морфологическими и словообразовательными модификациями слов.

Словообразовательные варианты. Среди них традиционно выделяют три вида варьирования: суффиксальный, префиксальный и интерфиксальный. Кроме того, все три вида модификаций условно квалифицируют как качественные, количественные и качественно-количественные. «Первый вид характеризуется увеличением количества аффиксов, второй – колебанием материальной оболочки одного и того же аффикса или чередованием его с другим аффиксом, третий совмещает обе характеристики» [ср. Богословская, 2005, с. 133]. Имена существительные, имена прилагательные и наречия чаще отличаются суффиксами, глаголы – аффиксами. См., напр.:

Ø(A) – ИН(A) *огорóжа* – *огорóжина*, Ø – К(A) *анчúта* – *анчúтка* ‘1) чёрт; 2) неопрятный, грязный человек’, *брат* – *брáтка*, Ø – ОТКО *там* – *тáмотко*, Ø – ОЧКИ(Ы) *там* – *тáмочки(ы)*, Ø – ОЧКО *тут* – *ту́точко*, Ø – ЫЧА *потóm* – *потóмыча*, А(ТЬ) – КА(ТЬ) *дúмать* – *дúмкать*, АСТ(ЫЙ) – ЧАСТ(ЫЙ) *скибáстый* – *скибчáстый* ‘легко разделяющийся на *скибки*; с наметившимся разделением’, АТ(ЫЙ) – АСТ(ЫЙ) *бородáтый* – *бородáстый*, ЕНИЦ(A) – ЕН(A) *мáсленица* – *мáслена*, ЁНК(A) – ЁХ(A) *жарёнка* – *жарёха* ‘жареное мясо, рыба, картофель, овощи’, И(ТЬ) – ЕВА(ТЬ)– ЮВА(ТЬ) *гостíть* – *гостевáть* – *гостювáть*, ИН(ЫЙ) – ЯЧ(ИЙ) *гусíный* – *гуся́чий*, ЛИВ(ЫЙ) – АСТ(ЫЙ) *крикли́вый* – *крикáстый*, АЧ(ИЙ) – ИН(ЫЙ) *качáчий* – *качíный*, ЛИВ(ЫЙ) – Н(ЫЙ) *проку́дливый* – *проку́дный* ‘проказливый, пакостный’, ОБ(A) – ОРБ(A) *худобá* – *худорбá*, ОВ(ЫЙ) – АН(Ы)Й *камышóвый* – *камышáнный*, ОВ(ЫЙ) – ОВАНН(ЫЙ) *пындыкóвый* – *пындыкóванный* ‘капризный, привередливый’, ОВЩИЦ(A) – УХ(A) *танцóвщица* – *танцу́ха* и др.;

Ø – ВОЗ *вернúться* – *возвернúться*, Ø – ЗА *чумáзый* – *зачумáзый*, *рáньше* – *зарáньше*, Ø – ПО *ранéние* – *поранéние*, ВЫ – С *вы́ругаться* – *сругáться*, ЗА – С

захотеть – *схотеть*, ИС – ЗА *испугаться* – *запугаться*, О – ОБ *одуматься* – *обдуматься*, О – ЗА *овдověть* – *завдověть*, ОБ – С *обрадоваться* – *срадоваться*, ПО – Ø *посидёлки* – *сидёлки*, ПО – ВЗ *подумать* – *вздумать*, ПО – ЗА *повеситься* – *завеситься*, ПО – О *покалечиться* – *окалечиться*, ПРИ – ЗА *привычка* – *завычка*, ПО – С *покалечиться* – *скалечиться*, РАЗ – С *разбудить* – *сбудить*, РАС – ПО *раскулачить* – *покулачить*, С – ИЗ *сделать* – *изделать*, С – ПО *сперва* – *поперва*, С – РАС *спиться* – *распиться*, У – С *укрупнить* – *скрупнить* и др.

Реже ЛЕ отличаются и приставкой, и суффиксом: Ø – ЗА / ОМ – Ø *слёдом* – *завслёд*, Ø – ПО / И(ТЬ)СЯ – Я(ТЬ)СЯ *делиться* – *поделиться*, Ø – ПРИ / ЫШЕК – ОЛОК *колышек* – *приколок*, ПРИ – ЗА / ИСТ(ЫЙ) – ЧИСТ(ЫЙ) *прижímистый* – *зажímчистый*, РАЗ – Ø / ЧИВ(ЫЙ) – ИСТ(ЫЙ) *разговóрчивый* – *говóристый*, РАС – Ø / ИВА(ТЬ) – И(ТЬ) *раскулачивать* – *кулачить*, С – ЗА / У – Ø *сразу* – *зарáz*, С – ПО / А – АХ *сперва* – *поперва́х* и некот. др.

Колебания корня, акцента, аффикса и др. могут наблюдаться в одной варьируемой ЛЕ. Принимая во внимание это обстоятельство и собранный языковой материал, в кубанских говорах можно выделить следующие структурные виды комплексных вариантов.

а) акцентно-корневые варианты: *сёрбать* – *стёрба́ть* ‘1) хлебать ложкой жидкую пищу; 2) с шумом втягивать жидкую пищу’ и др.; б) акцентно-грамматические варианты: *пóкрас* – *покра́са* ‘обряд. красное полотно, которое выносит сваха на утро после первой брачной ночи’ и др. в) акцентно-словообразовательные представлены достаточно широко: *бедáрка* – *бédка* ‘одноконная повозка на двух колёсах’ и др; г) словообразовательно» – корневые представляют собой в большей части суффиксальные вариантные единицы, поскольку мена суффиксов или интерфиксов часто приводит к определённым преобразованиям конца корня: *зáтих* – *зáтишек* – *зáтышок* ‘тихое, защищённое от ветра место’ и др.; д) «словообразовательно» – грамматические варианты: *реза́к* – *резу́ха* ‘раст. осока островатая’ и др.; е) «грамматически» – корневые варианты: *сте́нь* – *сте[э]п* (м. р.) и др.; ё) «словообразовательно» – «грамматически» – корневые варианты: *боды́л* – *боды́лья* ‘стебель растения’ и др.

ж) акцентно – «словообразовательно» – корневые варианты: *шма́ра, шма́ра* – *шма́рюка* ‘раст. ряска обыкновенная’ и др.; з) акцентно – «словообразовательно» – грамматические: *ба́рашек– ба́рашеня́* (ср. р.) др.; и) акцентно – корневые – грамматические: *коно́пля – конопéль* и некот. др. к) акцентно – «словообразовательно» – корневые – грамматические: *го́рло – горля́нка* и др.

При отнесении диалектного слова к тому или иному вариантному типу в некоторых случаях возникают определённые сложности, вызванные возможностью неоднозначной трактовки диалектных вариантов. Такие ЛЕ логично рассматривать как синкретичные варианты. В диссертационном исследовании Л.Ю. Костиной приводится 13 синкретичных вариантов [Костина, 2008, с. 93 – 95]. Практически все они входят в общекубанский лексический пласт, см., напр.: *голодо́вка* ‘голод’ *зача́ть* ‘начать’, *нагна́ть* ‘прогнать’ и др. Предложенный список можно пополнить. Так, прилагательное *ковы́рный* представляет собой либо фонематический вариант слова *ковáрный* (мена фонем <А> / <И> характерна для местных говоров, см., напр.: *Маланка – Мыланка, фата́жен – фы́тажен* ‘керосин’ и др.), либо как лексический диалектизм, образованный от глагола *ковы́рять*, имеющего в кубанских говорах значение ‘обижать’. Примеры синкретичных вариантов в кубанских говорах немногочисленны.

Что касается длины вариантных рядов, то они, как правило, насчитывают два звена. Однако вариантные цепочки могут состоять из трёх и более звеньев:

амбар – анба́р – винба́р – анба́рь – амба́рь – винба́рь, бахча́ – бакша́ – бахша́ – бакча – бокша́; боды́л – боды́лка – буды́лка – боды́лья – бы́лка – бы́лина ‘стебель растения’, *люце́рна – люце́рня – лице́рня – лице́рна – луце́рна – люце́рка – люце́рница* и др. Самый протяжённый ряд состоит из 10 структурных вариантов: *пешком – пе́ши – пе́ша – пешака́ – пе́шки – пе́шки – пешачка – пи́шки – пи́шки – напешу*.

Принимая во внимание высокую степень структурного варьирования ЛЕ в говорах Кубани и рассматривая слово как двустороннюю единицу языка, обладающую единством формы и содержания, мы исходили из того, что «форма

обладает относительной самостоятельностью и не является исключительно пассивным началом» [Зубкова, 1993, с. 23]. В этой связи каждый структурный вариант учитывался как отдельная ЛЕ. Продемонстрируем в сводной Таблице 1 процентное соотношение типов диалектных ЛЕ (общее количество слов – 8235).

Таблица 1 – Процентное соотношение типов диалектных ЛЕ в картотеке Словаря кубанских говоров

Типы диалектных слов	В %
Лексические диалектизмы	38
Семантические диалектизмы	14
Структурные варианты общенародных слов	47
Синкретичные	1

Представленные в таблице данные демонстрируют органическую связь диалектной лексики с лексикой ЛЯ: в сумме структурные варианты общенародных слов и семантические диалектизмы составляют подавляющее большинство диалектных слов словарного состава говоров.

Неотъемлемой частью исследования лексического состава диалекта является выяснение общих закономерностей распределения диалектных ЛЕ по частям речи, поскольку лексико-грамматическая отнесённость является одним из основных признаков слова. Проведённые нами подсчёты позволяют представить общую картину грамматической характеристики диалектных ЛЕ, зафиксированных в картотеке Словаря кубанских говоров (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Количественное и процентное соотношение существительных, глаголов, прилагательных и наречий в картотеке Словаря кубанских говоров

Часть речи	Количество слов	В %
Имя существительное	4381	53,2
Имя прилагательное	942	11,4
Глагол	2316	28,1
Наречие	442	5,3

Из таблицы видно, что в картотеке преобладают имена существительные. Сравним количественные показатели диалектных ЛЕ из первых 10 выпусков СРНГ [СРНГ, 10, с. 3], представив их в Таблице 3.

Таблица 3 – Количественное и процентное соотношение существительных, глаголов, прилагательных и наречий в СРНГ

Часть речи	Количество слов	В %
Имя существительное	16600	45
Имя прилагательное	5021	13,6
Глагол	11340	30,8
Наречие	2838	7,7

Приведённые данные демонстрируют: в словарях дифференциального типа, к которым относятся СРНГ и Словарь кубанских говоров, существительные занимают первое место в иерархии частей речи. Что касается устной (разговорной) речи, то её исследователи признают количественное преобладание в ней глагола над существительными [ср. Коготкова, 1975, с. 296]. Такое положение «является отличительной особенностью диалектной речи и народно-разговорного языка в целом» [Скитова, Огиенко, 1971, с. 33]. Эти же учёные отмечают, что в словаре письменной речи обычно превалируют существительные [Там же]. Несовпадение в распределении слов по частям речи в народно-разговорной речи и в диалектных лексикографических источниках можно объяснить тем, что составители диалектных словарей стремятся прежде всего запечатлеть предметную лексику. Нельзя исключить и того, что в речи диалектоносителей диалектные глаголы менее частотны, чем глаголы общенародные, которые остаются за пределами дифференциального словаря. Сравнение данных РЛЯ и русских народных говоров даёт исследователям полное основание констатировать, что наречия в количественном отношении уступают прилагательным. Аналогичная картина наблюдается и в кубанском диалекте. Эту особенность Е.В. Иванцова справедливо относит к общерусской закономерности [ср. Иванцова, 2002, с. 39 – 40].

2.2 Лексический состав кубанских говоров в генетических координатах

При изучении говоров вторичного образования актуально рассмотреть их лексический состав в генетических координатах. Предлагаемое направление исследования позволяет установить, являются ли ЛЕ, функционирующие в говорах позднего образования, принадлежностью материнской лексической системы, вошли ли они в местный диалект из других языков, непосредственно с ним контактирующих, или представляют собой локализмы, родившиеся «на местной почве». Генетический подход, таким образом, предоставляет важные данные, раскрывающие степень близости говоров позднего образования к материнскому языку, и высвечивает их локальное своеобразие.

При квалификации ЛЕ как локализмов мы ориентировались на данные СРНГ, где собрана лексика русских народных говоров, в том числе южнорусских, – материнских для КГЮЯО, на украинские лексикографические источники, прежде всего на «Словарь украинского языка» Б.Д. Гринченко (Киев 1907 – 1909), в котором отражён лексикон, послуживший базой для КГУЯО, а также на словари РЛЯ. Бесспорно, отсутствие анализируемых слов и ЛСВ в указанных изданиях или их фиксация только в кубанских говорах, на что указывают специальные пометы в СРНГ, не всегда является показателем локальности. Лексикографические лакуны могут свидетельствовать и о низкой степени актуализации этих ЛСВ или слов в материнских говорах. Между тем представляется, что их регистрация раскрывает самобытность лексико-семантического пространства говоров вторичного образования, которая проявляется как в наличии локализмов, так и в актуализации значений и ЛЕ, не зафиксированной в материнском языке.

Изучение лексического состава кубанских говоров в генетических координатах подтверждает, что в них превалируют слова материнских языков, пришедшие в местный диалект в начальный период его формирования. Данный факт вполне закономерен и объясняется экстралингвистической причиной:

переселением на Кубань носителей украинских и южнорусских говоров (воронежских, донских, курских, рязанских, орловских, тамбовских). Показательной особенностью словарного состава кубанских говоров являются параллельные вхождения слов из русского и украинского языков. См., напр.

бакшá ‘бахча’ [Гринченко, I, с. 23], Дон., Ворон., Курск., Ряз. [СРНГ, 2, с. 64]; *балабáйка* ‘балалайка’ [Гринченко, I, с.: 23], Курск., Орл., Южн., Нижне-Дон. [СРНГ, 2, с. 65]; *гóстрый* ‘острый’ [Гринченко, I, с. 319], Курск. [СРНГ, 7, с. 95]; *грак* ‘грач’ [Гринченко, I, с. 321], Смол., Курск., Ворон., Дон. [СРНГ, 7, с. 110]; *дармá* ‘даром’ [Гринченко, I, с. 358], Смол., Орл., Курск., Тамб., Ряз. [СРНГ, 7, с. 273]; *косiнка* ‘косынка’ [Гринченко, II, с. 290], Курск., Тамб., Ворон., Дон. [СРНГ, 15, с. 51]; *пáна* ‘хлеб’ [Гринченко, III, с. 95], Смол., Ряз., Курск., Ворон. [СРНГ, 25, с. 203]; *раiдуга* ‘радуга’ [Гринченко, IV, с. 4], Орл., Курск., Ворон. [СРНГ, 34, с. 85]; *сáхарь* ‘сахар’ [Гринченко, IV, с. 103], Курск., Дон. [СРНГ, 36, с. 156]; *свáйба* ‘свадьба’ [Гринченко, IV, с. 103], Дон., Курск., Ворон. [СРНГ, 36, с. 204]; *свекру́ха* ‘свекровь’ [Гринченко, IV, с. 105], Курск., Смол., Ворон., Дон. [СРНГ, 36, с. 232]; *середá* ‘третий день недели, среда’ [Гринченко, IV, с. 115], Смол., Ряз., Курск., Тамб., Воронеж. [СРНГ, 37, с. 200 – 201]; *старець* [Гринченко, IV, с. 197] / *ста́рец* ‘нищий’ Ряз., Смол., Курск., Дон., Южн. [СРНГ, 41, с. 68]; *сыр* ‘творог’ [Гринченко, IV, с. 122], Ворон., Рост. Дон. [СРНГ, 43, с. 147] и др.

Следует признать, что проблема дифференциации по происхождению и взаимному соотношению родственных языков – русского, украинского и белорусского – всегда представлялась достаточно сложной, поскольку в языкознании не разработаны чёткие критерии разграничения восточнославянской лексики по трём родственным языкам. В силу общности русских и украинских корней и словообразовательных элементов часто бывает совершенно невозможно определить, попало ли слово в кубанский диалект из украинского языка или из какого-нибудь южнорусского говора, где оно сохранилось как пережиток глубокой древности. Кроме того, общеизвестно, что в период с XVI – XVII веков немало слов украинский язык заимствовал из русского. Показательный пример со словом *халя́ва*, попавшим в украинский язык из РЯ, приводит М.Н. Шабалин. «В

наших говорах, – пишет учёный, – оно тоже отмечено. Но как его здесь рассматривать? Можно ли его считать украинизмом?» [ср. Шабалин, 1953, с. 284 – 285]. Подобные случаи неединичны. Определение генезиса многих диалектизмов, справедливо считает М.Н. Шабалин (и с этим трудно не согласиться), осложняется ещё и тем, что словарь В.И. Даля – основной источник, из которого можно почерпнуть исконно русский лексический материал для сопоставления, не всегда чётко разграничивает собственно русское (великорусское) и собственно украинское (малорусское). Его помета *юж* охватывает, вероятно, весь юг Российской империи, в том числе часть современной территории Украины, за исключением Одесской области, Николаевщины и Херсонщины [ср. Шабалин, 1953, с. 286]. Представляется, что для говоров вторичного образования, к которым относятся и кубанские говоры, вопрос о языке-источнике функционирующих в них диалектных слов имеет два аспекта: этимологический, касающийся собственно происхождения ЛЕ, и генетический, позволяющий выяснить, является ли слово принадлежностью материнской лексической системы или представляет собой локализм.

Судьба ЛЕ материнских говоров складывается в кубанском диалекте не одинаково. Одни из них, находясь в активном словаре жителей местных станиц, живут полноценной жизнью, другие постепенно выходят из употребления, третьи – предаются забвению. Так или иначе, слова материнских говоров, бытующие на Кубани, по-своему адаптируются к *местобытованию* (ср. с термином *месторазвитие*, который ввел в научный обиход П.Н. Милюков, сформулировавший тезис о значении такого понятия в развитии культуры). Представляется, что фактор местобытования весьма существенен для диалектного слова, функционирующего в говорах позднего образования.

Адаптация ЛЕ к местобытованию может проявляться как в изменении огласовки, так и в изменении семантики. При этом в говорах вторичного образования фонетические, акцентологические и морфологические трансформации, не нарушающие семантического тождества слова, обусловлены специфическими особенностями диалектной языковой системы; семантические и

фразеологические преобразования зависят от внеязыковых условий, контактирование с которыми приводит к различным преобразованиям в семантической структуре ЛЕ: утрате неактуальных в данной языковой среде значений, а также к приращению новых ЛСВ или их оттенков, появляющихся, как правило, в результате метафорических и метонимических переносов.

Рассмотрим некоторые примеры приращения значений у диалектных слов материнских говоров, зафиксированные в кубанском диалекте.

Так, слово *дегтярь* в кубанских говорах зафиксировано в прямом полидиалектном значении ‘Человек, который топит дёготь или продаёт его’ [Гринченко, I, с. 388; СРНГ, 7, с. 327 – 328]. В ст-це Платнировской у него записан обладающий иронической или презрительной коннотацией локальный переносный ЛСВ ‘неженитый мужчина 30-40 лет’: *Назывáli «дихтяри́» – дятки трыцати́, саракá лет, а он ни жыни́лся. Я ж рассказывал: мой брат ни жыни́лся да трыцати́ лет. Их назывáli «дихтяри́». Ужэ старик, ужэ на́да дитей иметь, симью́ – ни жыни́лся.*

Лексический диалектизм *задріпанка* ‘Неопрятная, неаккуратная женщина замарашка, неряха’ СРНГ фиксирует с пометой Усть-Лабин. Краснодар., 1965 [СРНГ, 10, с. 68]. В КГЮЯО слово попало из КГУЯО, в которых оно является принадлежностью материнского языка (ср.: *задріпанка* ‘Забрызганная грязью, неряха’; см. также: *задріпа, задріпанець, задріпаний* ‘Забрызгавшийся грязью, неряха’, *задріпати, задріпувати* ‘Забрызгивать, забрызгать грязью нижнюю часть платья’ [Гринченко, II, с. 36]). Носители кубанских говоров употребляют фонетические варианты *задрі(ы)панка* как в указанном ЛСВ, так и в локальном – ‘неказистая, невидная девушка или женщина’. Ср. записанные контексты: *Ходэ заныхáйна, ну така́ задріпанка* (Старокорс., Усть-Лаб.) – *Сын тётки Вáльки жыны́всь, узяв таку́ задріпанку: ны ко́жы ны ро́жы* (Старокорс., Усть-Лаб.).

СРНГ фиксирует в воронежских говорах существительное *ковáлик* со следующим толкованием ‘Уменьш.-ласк. к 1. Коваль’ (кузнец) [СРНГ, 14, с. 24]. В Отрадненском районе им называют также небольшую птичку с длинным хвостом, напоминающую при ходьбе кузнеца, бьющего молотом по наковальне: *Сини́цу с*

такім длі́нним хвасто́м мы называ́ли «кава́лик». Он иде́ть и кача́юцца, как на накава́льни сту́чить. А сині́цы ра́зных віда́в е́сть: е́сть у сині́цы длі́нный хвост, е́сть каро́ткий. Если уви́диши, от кава́лик на у́лицы иде́ть, он ади́н ходи́ть (Перед.).

Полидиалектными являются значения ‘1. Глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге. 2. Глубокое место, яма в реке, озере, пруде’ существительного *колдо́бина*, которое МАС регистрирует с пометой *Обл.* [МАС, II, с. 90] (ср. с укр.: *ковдо́бина, колодо́бина* ‘Выбой, ухаб’ [Гринченко, II, с. 271]). Кроме указанных ЛСВ, у ЛЕ отмечено локальное значение, образованное в результате метафорического переноса, – ‘неспокойная, неблагополучная жизнь’: *Шэсть лет така́я калдо́бина: руга́юцца, бью́цца* (Старокорс.).

Лексический диалектизм *куши́ри* на Кубани и на Дону означает ‘густые водоросли в реке у самого берега’: *Сича́с в на́ший рі́чки ра́кив нэ пийма́ши: рі́чка заі́лилась. Во́доросли прям со дна́ расту́т, як воно́ называ́ецця, – кушы́рь* (Канев.). *Та в на́с ло́тка у кушы́ря́х застря́ла* (Новокорс.) [ср. БТСДК, с. 255]. В кубанских говорах, в отличие от донских, ЛЕ употребляется и во множественном, и в единственном числе – *кушы́рь*. Б.Д. Гринченко приводит форму единственного числа с близким толкованием – ‘Водяная крапива’ [Гринченко, II, с. 335]. В других русских говорах фонематический вариант *кушир* также номинирует водяные растения [см. СРНГ, 16, с. 196]. В кубанском диалекте, как подтверждают многочисленные высказывания информантов, слово употребляется еще в одном, локальном, ЛСВ – ‘заросли, чаща’: *Вин тоди́ у кушы́ря́х заблуды́вся* (Новокорс.). *В э́нтих кушы́ря́х я кра́сную ба́рыню кагда́-та ви́дила* (Чамлык.). *Все́ де́цтва с паца́на́ми по кушы́ря́м бе́гали* (Пашк.). *Кушы́ри – э́та проста́ за́расли. Чи́стыи миста́, а там за́расли* (Новоал.).

В двух фонематических вариантах зафиксирован на Кубани лексический диалектизм *по́шерсть, по́шесть* ‘эпидемия, повальная болезнь’: *Як зима́ бува́е сыра́, так у на́с по́шэрсть: усі́ ді́ты боли́ють* (Азов., Старотит.). В аналогичных формах в указанном значении ЛЕ представлена и в словаре украинского языка [Гринченко, III, с. 395]. СРНГ в этом значении также регистрирует два

структурных варианта *пошереть*, *пошесть* [СРНГ, 30, с. 31]. В ст-це Новомышастовской лексема записана в локальном ЛСВ ‘кожное заболевание, высыпание на коже’, образованном по типу метонимического переноса по модели *болезнь* → *проявление болезни*: – Что это у вас? – *Ой! Да цэ пошэсть. Но вонá нэ зарáзна, вонá у мэнэ ужэ пять лет.*

Слово *ти́чка* ‘Стая собак с сукою или волков с волчицею’ в СРНГ подано как локализм с пометой Кубан. 1949 – 1951 [СРНГ, 44, с. 148]. Регистрация ЛЕ в данном значении в украинском языке [Гринченко, IV, с. 267], позволяет признать, что в КГЮЯО она пришла из КГУЯО. Лексема входит в общекубанский лексический пласт: *Ти́чкай у нас заву́ть ста́ю валко́в, кагда́ валчи́ца гуля́йица. Валчи́ца насабира́ла питна́цать валко́в, цэ́лую ти́чку* (Отваж. – дШ.). *Иду́, а там ти́чка саба́к* (Бужин.). На базе данного значения в местном диалекте развился локальный ЛСВ – ‘компания, группа людей’, в котором слово может употребляться с двойственной коннотацией: и с нейтральной, и с неодобрительной. Ср. записанные контексты: *Щас сва́дьба – вжык! Всэ – сва́дьба ко́нчилась. А ра́ншэ вэдэ́ жыны́х нывэ́сту з то́го кра́ю на то́й край, и за ны́м ти́чка людэ́й идэ́ и стива́е* (Ахтаниз.) – *Ты внов ти́чку навёл?* (Дин.).

В СРНГ и в словаре Б.Д. Гринченко прилагательное *голомóзый*: ‘Плешивый, лысый’ [СРНГ, 6, с. 320; Гринченко, I, с. 304] представлено как моносемант; см. также структурный вариант *голомысый* ‘Безволосый или с очень редкими волосами на голове’ [СРНГ, 6, с. 320]. СУМ подаёт слово как полисемант ‘1. Без волос, лысый или бритый. 2. в знач. суц. Про турок, татар, которые имели обычай брить головы’ [ср. СУМ, II, с. 115]. В указанных значениях оно имеет на Кубани широкую дистрибуцию: *Галамо́зый – э́та лы́сый, бизвало́сый* (Зассов.). *Быва́йиць маладо́й, а ужэ́ галамо́зый* (Новобейсуг.). *На лы́сава, без вало́с гаваря́т «галамо́зый»* (Отваж.). *Вин побры́л го́лову и тэпэ́р голомо́зый* (Усть-Лаб., Азов., Анап., Ахтаниз., Марьян., Молч., Незайм., Новопавл., Садки, Смол., Челбас.). *Чирке́сав называ́ли галамо́зы: ани́ бры́ли го́лавы* (Усть-Лаб.). В наших материалах у диалектизма зафиксировано ещё три локальных ЛСВ – ‘без головного убора’, ‘легко одетый или раздетый’, ‘бедный, неимущий’. Их

актуализация представлена в следующих высказываниях информантов: *Сты́дна на лю́ди наказáцца галамóзай* (Константин. – РГК, Удоб.). *Тако́ый ви́тэр, а ты отó хóдыш голомóзая. Кóхту надíнь* (Темрюк, Павлов.). *Кальца́ абруча́льнава ни насíли: галамóзыи бы́ли* (Зассов.).

В украинском языке прилагательное *дохожа́лий* означает – ‘Взрослый, в летах’ [Гринченко, I, с. 436], см. также *дохожа́лість* ‘пожилые лета’ [Там же]. В СРНГ ЛЕ *дохожа́лый* представлена без иллюстраций в двух ЛСВ – ‘1. Имеющий от роду от 22 до 30 лет. Терск., Кубан., 1901. Зрелый, не первой молодости (о юноше, которому пора жениться, или о девушке, которую пора выдавать замуж). Южн. Даль. 2. Опытный, бывалый’ Кубан., 1905 – 1921’ [СРНГ, 8, с. 162]. См. актуализацию второго локального ЛСВ в следующем контексте: *Взялы́сь нас провóдыть рыба́та, и оды́н, зна́чить, ужэ́ дохожа́лый па́рэнь, тако́ый вжэ́, зна́чить, ще́ ж жи́нкой развóдывся, тако́ый вжэ́, ще́, зна́чить, в а́рмиии був* (Старомыш.).

Лексический диалектизм *гойда́ться* ‘Качаться из стороны в сторону или сверху вниз’ отмечен в украинском языке [ср. СУМ, II, с. 106]; в южнорусских говорах ЛЕ зарегистрирована с ударением на втором слоге *гойда́ться* ‘Качаться (на качелях)’ [СРНГ, 6, с. 280]. На Кубани данное слово употребляется с двояким ударением в аналогичном значении: *Внук лю́бэ на качéли гойда́цца* (Старотит.). *А я по дэ́рэвьям гойда́лася* (Копан.). *Цэ́ у нас качéля. Тут ді́ты гайда́юцца* (Бород.). Записан контекст, на основании которого у диалектизма можно вывести ещё одно, переносное значение, – ‘претерпевать жизненные невзгоды, удары судьбы, мыкаться’: *Оста́лася сама́, четы́ри го́да вжэ́ сама́ гойда́юся* (Старотит.).

Глагол *жу́читься* ‘Коробиться, трескаться (о полозе, ободе)’ зафиксирован в уральских и сибирских говорах [СРНГ, 9, с. 234]. Второй ЛСВ ‘Собираться в складки, морщиться’ имеет в СРНГ единственную фиксацию – Усть-Лабин., Краснодар., 1965 [Там же]: *Наскі́ с ризи́нками насі́, што́п ни жу́чились* (Кирпил.).

Семантическому варьированию в кубанских говорах подвергается и общенародная лексика. В большинстве случаев, как подчёркивает Р.Т. Гриб, «в говорах развивается особое, специализированное диалектное значение

общенародного слова, что является отражением общего процесса лексической дифференциации диалектной лексики, обусловленной экстралингвистическими факторами. «Семантическая сетка» данного общенародного слова оказывается различной в говорах и литературном языке» [Гриб, 1988, с. 62]. На данную особенность в своё время обращал внимание И.А. Оссовецкий, утверждавший: «Трудно допустить, что такое сложное целое, как слово <...> совпадает во всех частностях с другим таким же сложным целым, сформированным в пределах другой конкретной лексической системы, то есть чтобы, например, слово данного говора полностью совпадало со словом литературного языка» [Оссовецкий, 1969, с. 9]. Высказанные положения разделяет О.В. Загоровская. По мнению исследовательницы, «несовпадение в семантике общерусских слов в системе ЛЯ и в системе территориального диалекта – явление обязательное. Любое слово в говоре имеет специфику в своей семантике хотя бы на уровне одного из компонентов значения» [Загоровская, 1990, с. 179 – 180].

Среди диалектологов существует и другая точка зрения, согласно которой у слов, функционирующих в диалектах и в ЛЯ, «при всей тщательности поисков не удаётся установить каких-либо отличий семантического, стилистического, фразеологического или другого характера» [Сороколетов, Кузнецова, 1987, с. 129 – 130]. По определению О.И. Блиновой, «общенародные слова составляют такие лексические единицы говора и литературного языка, которые полностью совпадают (по фонемному составу, ударению, значению)» [Блинова, 1973, с. 39]. Н.А. Лукьянова, опираясь на выводы других исследователей, изучавших проблему общерусского слова на большом фактическом материале, констатирует, что в подавляющем большинстве случаев «в диалектной системе общерусское слово является тем же словом, что и в системе литературного языка, а не другим словом» [Лукьянова, 1983, с. 34].

Представляется, что обе обозначенные позиции верны в отношении определённой части ЛЕ. В каждом диалекте можно обнаружить факты как наличия, так и отсутствия различий у слов, входящих одновременно в разные подсистемы НЯ – литературную и диалектную. Что касается говоров позднего

образования, то в семантической структуре функционирующих в них общенародных слов могут выделяться общенародные ЛСВ, полидиалектные ЛСВ и локально-диалектные ЛСВ. В случае отсутствия локальных ЛСВ и при условии тождественности общенародной и диалектной частей значения «семантическая сетка» общенародных слов в говорах позднего образования совпадает с «семантической сеткой» этих же слов в материнских говорах. К несовпадению значений общенародных слов, функционирующих в материнских говорах и в говорах позднего образования, приводит появление у слов локальных ЛСВ, а также изменения в общенародной и полидиалектной частях значения.

Рассмотрим примеры приращения локальных ЛСВ у общенародных слов, бытующих в кубанском диалекте. Так, лексемы *ánгел* и *бес* означают на Кубани 'крещёный ребёнок' и 'некрещёный ребёнок' соответственно: *Ангил – ёта кагда́ крещён, а бес – ищё ни насіли в цёркву* (Новопокр.). Развитие диалектных ЛСВ связано с древними верованиями. Для восточных славян «до крещения ребёнок – это не кто иной, как чертёнок, т.е. вдвойне нечистый; в этот период его не кладут в колыбель и не надевают на него рубашечку» [Зеленин, 1991, с. 327].

В активном словаре жителей Кубани находится семантический диалектизм *гитара* 'сорт жёлтой продолговатой тыквы': *Гитара – длі́нная жо́лтая ты́ква* (Каладж.). *Гитара – сорт кабака́. Пахо́жа на гита́ру* (Кабард.). *Щас на базáри прадаю́ть, иё называ́ють «гитара», ана́ длі́нная, а то прóста гарбузы́* (Кубан.). Диалектное значение представляет собой результат метафорического переноса, в основе которого лежит сходство формы.

В результате метафорического переноса, основанного на сходстве формы и функции, развился локальный ЛСВ 'плацента, детское место' у общенародного слова *гнездо́*. Приведём его актуализацию в записанном контексте: *Ади́н (ребёнок) нижсыво́й нашо́лся... И тот чёрни́нький-чёрни́нький был, а ё́тат ры́жый, и о́н жеэ ии пазадиржа́лся, вот так худо́й, и ка́к-та ии он вот вы́шыл. И сафсе́м вот тут гниздо́ аднаво́, вот тут друго́ва. Уме́сти з гниздо́м вы́шыл... Ат пе́рвава аслабаны́лася, аддыха́ла, лижа́ла. А вто́рой вме́сти з гниздо́м вы́шэл* (Твер.). В

СРНГ у ЛЕ зафиксировано 20 ЛСВ, из которых в наших материалах отмечен только один – ‘семья’.

У общенародного существительного *козёл*, кроме литературных значений, в местных говорах зарегистрировано три локальных ЛСВ. Одно из них – ‘первая волна при наводнении’: *Наваднёния тут часта. Уру́п, он каварный. Кагда́ пёрвая вална́ идёт, то на ние́ гаваря́т казёл* (Перед.). Этот ЛСВ родился по аналогии с развитием переносного ЛСВ ‘белая пена на гребнях волн’ у слова *барáшки*. В результате метафорического переноса, в основе которого лежит сходство формы, у слова *козёл* в кубанских говорах развились ещё два ЛСВ: ‘самодельная электрическая печь на ножках для обогрева помещения’ и ‘уазик’: *Бы́ли таки́и самаде́льными пёчки. Их называ́ли «казёл»* (Ладож.). *То́лик возы́в проду́хты у брыга́ду на на козлу́, ну на ува́зику* (Гривен.).

Слово *куба́нец* наряду с общенародным ЛСВ ‘житель Кубани’, употребляется в локальном значении ‘рыба сазан’: *У куба́нца чишуя́ крупне́й, чем у чикама́са* (Кирпил.). *Куба́нцы на ма́слицэ – атлі́чная йида́* (Брат.). Название рыбы, которая водится в пресных водах, мотивировано названием реки Кубань.

В южнорусских говорах слово *лоха́нка* в диалектном значении не зарегистрировано. В ст-це Зассовской *лоха́нкой* называют толстого человека: – Как у вас толстого человека называют? – *Гладю́чий, лаха́нка*. Значение, характеризующее человека, вероятно, возникло в результате метафорического переноса по внешнему виду. Отметим, что в псковских говорах эта ЛЕ служит для номинации неопрятной женщины [СРНГ, 17, с. 160]. Перенос по типу *бытовой предмет* → *человек* в русских говорах является достаточно продуктивным.

Устойчивую оппозицию имеют в кубанских говорах диалектные наименования растений *неве́(и)ста* ‘спирея белая’ и *жени́(ы)х* ‘1) то же, что бульденеж; цветок калины обыкновенной; 2) жасмин’: – Как эти кусты называются? – *Так то ниве́ста, а э́та жыни́х* (Пашк.). *Ниве́ста и жыни́х есть. Жыни́х – э́нта жасми́н* (Владимир.). *Жени́х тако́й вот, буке́тами бе́лыми цветёт у мае́ или ию́не»* (Желез. – РГК). Если первое слово в значении ‘садовое раст .молочай декоративный’ зарегистрировано и в донских говорах [БТСДК,

316], то значения фонетических вариантов *жени(ы)х* являются локальными. Калина на Руси издавна считалась культовым растением. Её листьями и плодами украшали праздничные столы, свадебные караваи, невесты вплетали гроздья калины в свадебные венки. Накануне свадьбы невеста дарила жениху полотенце, которое вышивала узором в виде листьев и ягод калины. Нужно иметь в виду, что бульденеж, или калина стерильная, является сортом калины обыкновенной. Их основное отличие состоит в наличии бесплодных соцветий и отсутствии тычинок и пестика у бульденежа.

Полидиалектным является значение ‘крёстная мать’ у слова *мамáша* [СРНГ, 17, с. 350], отмеченное и на Кубани. Кроме того, ЛЕ в кубанских говорах имеет локальный ЛСВ ‘рыба с икрой’: *Судака́ (сулу́), мамáшу икря́ну ловы́лы* (Ясен.). В аналогичном локальном значении зарегистрирован также словообразовательный вариант *ма́мка*: – Как называют рыбу с икрой? – *Ма́мка* (Глафир.).

Слово *москвá* употребляется носителями кубанских говоров как в общенародном значении, так и в локальном – ‘сердцевина, мякоть арбуза’: *Маскву́ фсигда́ дэ́тям аддава́ли* (Арх.). В южнорусском диалекте у слова диалектные ЛСВ не зафиксированы.

СРНГ с пометой Кубан. подаёт слово *убо́рщица* в значении ‘пчела, убирающая из улья сор’: *За чистото́й в у́лье следит убо́рщица* [СРНГ, 46, с. 141].

В толковых словарях РЛЯ прилагательное *негожий* имеет пометы *Устар. и прост.* и отсылочное толкование ‘То же, что негодный’ (1. Такой, который нельзя употребить на что-л., использовать для чего-л.; непригодный. 2. Разг. Дурной, скверный) [МАС, II, с. 597]). В этих же ЛСВ оно функционирует в кубанском диалекте. Кроме того, ЛЕ зафиксирована ещё в двух ЛСВ. Это ‘тяжело больной’ (ср. в украинском языке ‘1. Поганий, нехороший // Неспособный физически что-то делать. 2. ред. Ненастный’ [СУМ, V, с. 78 – 79]), которое имеет в кубанских говорах локальный оттенок значения ‘умирающий’: *Вин лыжы́ть ныго́жый. Она́ за ны́м уха́жуе* (Медвед.). // *А мий мужы́к як умыра́в, ужэ́ нэго́жый був, ка́жэ: «Галь, як умру́ я, – ка́жэ, – за́миж нэ ходы́, жывы́ с цы́мы дитьмы́, як зумі́еш»* (Петров.). Устойчивые ассоциации пьянства с болезнью стали основой для

развития у прилагательного локального ЛСВ ‘пьяный’: *Вин вжэ с утра нэго́жый* (Слав.н/Куб.). *Прышла́ с рабо́ты, а Вітька нэго́жый, ужэ дэсь набра́всь* (Пашк., Петров.). В СРНГ ЛЕ представлена как моносемант – ‘ненастный, непогожий’ [СРНГ, 20, с. 376], образованный, вероятно, от диалектного существительного *негода* ‘непогода, ненастье’.

Прилагательное *созрэ́лый* ‘Устар. Зрелый, созревший’ [МАС, IV, с. 258] СРНГ регистрирует с единственной пометой Кубан. – ‘Готовый к выкачиванию (о мёде)’ [СРНГ, 39, с. 226].

Диалектные ЛСВ могут появляться и в результате метонимического переноса. См., напр.: *брига́да* ‘место расположения хозяйственных построек бригады колхозников’, *ве́тка* ‘дерево’, *колхоз* ‘здание правления колхоза’, *плащ-пала́тка* ‘юбка, сшитая из плащ-палатки’, *пло́щадь*, *стані́(ы)ца(я)* ‘центр станицы’: *В брига́ди абéдали, там у нас кúхня была́* (Ладож.). *Иди́ти да те́х ве́так, а там напра́ва навирне́ти* (Усть-Лаб.). *А калхо́с вон, ря́дам с той хатка́й стаи́ть. Вон, кирпи́чный дом* (Новолаб.). *А в вайну́ у нас бы́ли ю́пки – плащ-пала́тки, йих мы адива́ли* (Вознес.). *Станы́ця була́ розбы́та на якісь-таки́ кварта́лы. За́падна, восто́чна и оця́ цэ́нтра́льна, и був цэ́нтр. Я нэ зна́ю, че́гось каза́лы: «у станы́ци».* *Ба́ба и до́си ка́жэ: «у станы́цю»* (Новодерев.).

Переосмыслению подвергаются в местных говорах и общерусские глаголы. На тот факт, что «смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура имени существительного и круг его значений подвижнее», обращал внимание ещё В.В. Виноградов [см. Виноградов, 1953, с. 7]. Приведём некоторые примеры, демонстрирующие наличие локальных ЛСВ у общерусских глагольных лексем, функционирующих в кубанских говорах.

У глагола *вы́кинуть* зарегистрирован ЛСВ ‘вывесить белье во двор, на свежий воздух’: *Пастира́ла пасте́льнае и вы́кинула на дво́р* (Твер.). В русских говорах этот ЛСВ у слова не зафиксирован. В МАС глагол имеет 6 ЛСВ. Вероятно, диалектное значение, записанное на Кубани, развилось на базе 1-го общенародного ЛСВ ‘кинуть наружу, прочь, освободиться от кого- чего-л. как ненужного, выбросить’ [МАС, I, с. 259].

Глагол *вы́линять* (в местной огласовке также – *вы́лынять*) – функционирует в кубанских говорах как в литературных ЛСВ: ‘1. Потерять первоначальный яркий цвет. 2. Сменить старую шерсть (оперение) на новую’ [МАС, I, с. 346 – 347], так и в локальном переносном ЛСВ ‘похорошеть, измениться внешне к лучшему’: *Андрюша був ероldишний, а к трыцаті годім вы́лыняв... Яка була гыдка́, а вы́лыняла – така красы́ва ста́ла* (Старотит.). В украинском языке лексема означает ‘Облинять, отлиняться’ [Гринченко, I, с. 167].

Общеупотребительный глагол *жені(ы)ться*, помимо литературных ЛСВ, а также полидиалектного – ‘выходить замуж’ [СРНГ, 9, с. 125 – 126], зарегистрирован в местных говорах в значении ‘делать что-л. с шумом’: *Шо ты там жэнышся, чи шо? Торохты́ть одно́ горшкы́мы!* (Павлов.). Появление локального ЛСВ мотивировано тем, что на Кубани, как правило, гуляют шумные, весёлые свадьбы. В говоре этой же станицы общенародный глагол *венча́ться* записан в локальном ЛСВ ‘медленно и бестолково делать что-л.; возиться, медлить’: *Вона́ тут винча́лася с ним пивдня́. Потом ёго́ ба́тька забра́в.* Переносное значение у общенародного слова развилось на основе ассоциации таинства венчания с длительным по времени процессом.

Глагол *зарыча́ть* записан в кубанском диалекте в локальном ЛСВ ‘заскрипеть’: *Как двэри зарыча́ть, я встану́* (Надёж.). В других русских говорах (севернорусских и среднерусских) слово реализует следующие смыслы ‘1. Закричать. // Кричать, громко плача. 2. Замычать. 3. Закричать (о птице)’ [СРНГ, 11, с. 14]. В южнорусском диалекте у общенародного слова диалектные значения не обнаружены. Б.Д. Гринченко подаёт ЛЕ как моносемант – ‘Зареветь’ [Гринченко, II, с. 89].

Записанный рассказ информанта позволяет сформулировать у глагола *игра́ть* локальный ЛСВ ‘закипать от злости, ревности’: *Муш был ривни́вый. Сидім кампáнией, пэсни паём. Ага́, ви́жу, што он ужэ игра́ит. Ви́жу, што он ужэ мэчицца. А кум замéтил, шо тот игра́ит. Он иво́ вы́вил в сат. Давáй йиму́: «Кум, ты чё здурéл? Ты за што́ куму́ бьёш? Ана́ и сидіт сриді́ жэныцин, пэсни паёт, и ты ужэ игра́иш!»* (Лесогор.). В СРНГ данный глагол представлен как

межсистемный полисемант, имеющий 17 значений [СРНГ, 12, с. 67 – 69], из которых в кубанских говорах бытуют следующие: ‘1) петь (песни); 2) бродить (о жидкости)’. Можно с большой вероятностью предположить, что локальный ЛСВ связан со вторым значением по сходству представлений о характере протекания действия.

Глагол *ковырять*, помимо двух общенародных ЛСВ: ‘1. Раскапывать что-л., делать в чём-л. углубления. // Рыться в чём-л., доставая, извлекая оттуда что-л. 2. Делать что-л. медленно, неумело (обычно шить, вязать, плести и т.п.)’ [МАС, II, с. 83], актуализирует локальный ЛСВ ‘обижать’: *Умни жэ́нщины, як выхóдят другый раз зáмиж и ёсть дитё, ны рожáють: он свого́ бۇдэ́ любы́ть, а цёго́ бۇдэ́ ковырять* (Усть-Лаб.).

У глагола *крути́(ы)ться* МАС регистрирует 6 ЛСВ, в которых ЛЕ функционирует и в кубанских говорах: ‘1. Совершать круговое движение; вращаться, вертеться. 2. Быть охваченным вихревым движением, вздымаясь, кружиться. // Взметать снег, пыль и т. п.; мести (о ветре, метели и т. п.). 3. *перен.* Разг. Постоянно находиться где-л., подле кого-л. 4. *Прост.* Уклоняться от прямого ответа; хитрить. 5. *Прост.* Быть в постоянных хлопотах. 6. *Страд.* к крутить (в 1 и 2 знач.)’ [МАС, II, с. 184]. Кроме того, ЛЕ употребляется в диалектном ЛСВ ‘кружиться (о голове)’: *С утра́ галава́ крути́цца. Видна, давлéние* (Пашк.). Это значение отмечено в Прибалтике [СРНГ, 15, с. 328]. Полагаем, что для кубанского диалекта данный ЛСВ, отсутствующий у ЛЕ в материнских говорах, можно рассматривать как локальный.

Наряду с общенародным значением ‘Быть, находиться на подножном корму (о скоте, диких травоядных животных, птице)’ [МАС, III, с. 38], глагол *пастись* в КГЮЯО имеет локальное диалектное значение, зарегистрированное в СРНГ, – ‘3. О пчёлах – летать, собирая пыльцу, нектар’ Юго-Вост. Кубан. 1949 – 1951’ [СРНГ, 25, с. 263]. См. также запись, сделанную нами в ст-це Ахметовской: *Пчёлы палитэ́ли пастись, мёт сабирáть*. Из двух других диалектных ЛСВ ‘1. Пастись свой скот. Вост. Ср.Урала, 1964. 2. Есть, кушать. Дон., 1856’ [Там же] – в наших материалах отмечен только второй.

МАС подаёт как моносемант глагол *прогуля́ться* ‘гуляя, походить, пройтись не спеша’ [МАС, III, с. 646]. На Кубани ЛЕ является полисемантом, поскольку употребляется также в локальном ЛСВ ‘вступить в интимные отношения с мужчиной до свадьбы’: *И оста́лысь мы сироты, вси дивча́та: ныхто́ ны прогуля́всь, вси повыхо́дылы за́миж* (Усть-Лаб.). *А у нас, в на́шей компа́нии, бу́ла Шу́ра. Она́ прогуля́лась та бу́ла бэ́рэмина, а ви́н ейи́ бро́сыв, той па́рэнь* (Холм.). В украинском языке данное значение не отмечено. В СРНГ лексема имеет единичную фиксацию: ‘Выпить вина’ Нарым. 1948 [СРНГ, 32, с. 118].

Глагол *расшатáться* в кубанском диалекте функционирует как в общенародных ЛСВ – ‘1. Стать расшатанным, непрочно держащимся, шатающимся. 2. *перен.* Прийти в состояние упадка, ослабнуть. // Расстроиться (о здоровье)’ [МАС, III, с. 907], так и в локальном – ‘стать своевольным, распущенным; распуститься’: *Анато́лий ни пьёт, а разгуля́всь, раишата́всь, Жэ́ня пи́шыт мне «Я ни зна́ю, што То́лик ду́мает, е́дит в командиро́вку: у ниго́ и та́м жэ́нщина, и ту́т дви...»* (Отябр.). Ср. в др. русских говорах – ‘1. Начать бродить без дела, шататься. Даль. 2. Начать качаться, шататься. Смол. 1980. 3. Рассориться, разругаться. Петерб., 1871. 4. Подвигавшись в достаточной мере, избавиться от скованности в движениях (из-за боли), разойтись, разработаться Новг. 1981’ [СРНГ, 34, с. 321].

Глагол *сде́лать* зарегистрирован в трёх диалектных ЛСВ – ‘1) приготовить, сделать готовым к употреблению (о пище, пищевых продуктах); 2) навести порчу, сглазить; 3) сделать аборт’: *На а́бет боро́ц зделала, катлеты* (Усть-Лаб.). *Ба́нка мне гавари́т: «Ва́ший жыне́ зде́лали на сме́рть»* (Арх., Незайм.). *Ана́ (внучка) зде́лала, а мы и ни зна́ли з де́дам, и сын ни зна́л. Э́та мать иё заста́вила* (Каладж.). *Ана́ свиза́лась с мужыко́м, забирэ́мини́ла. А па́том уе́хала и зде́лала* (Зассов.). Два первых ЛСВ представлены в СРНГ [СРНГ, 37, с. 61]; в третьем слово выступает как локализм.

Структурные варианты *тели́(ы)ться* широко употребляются на Кубани в значении ‘Возиться, копать, медленно делать что-л.’, функционирующем также в смоленских говорах [СРНГ, 4, с. 10]. Кроме того, ЛЕ имеет локальный ЛСВ

‘упорно стараться сделать что-л’: *Бабушка Галя кажэ: «И я буду тэлыця, шоб дэдушки пámятнык поставыть»* (Старотит.). СРНГ фиксирует этот глагол в форме повелительного наклонения с частицей *не*: Не телись ‘Не плачь, не реви (о детях)’ Ейск, Кубан., 1916 [Там же]. В местных говорах отмечен также устойчивый оборот *хоть / хучь телісь* ‘о просторном помещении’.

Фонетические варианты *топі(ы)ться* актуализируют в кубанском диалекте локальное значение ‘тонуть’: *Я сама танылась, аткачалы, дваюрóдную систру’ ни аткачалы, мы вмéсти танулы* (Новотит.). *Сынóк в дéцтви топы́вся, но спаслы́* (Нововелич.). В южнорусских говорах у слова нет диалектной семантики. В тверских, новгородских и сибирских говорах оно употребляется в других значениях [СРНГ, 44:, с.245]. В украинском языке глагол имеет два ЛСВ ‘1. Топиться. 2. Расплавляться, растапливаться, оплывать, таять’ [Гринченко, IV, с. 273 – 274], которые МАС подаёт как значения омонимов [МАС, IV, с. 523]. Следует отметить, что этот же глагол актуализирует в кубанском диалекте и значение ‘лишать себя жизни, бросая себя в воду’.

У ЛЕ, попавших в кубанский диалект из материнских говоров или общенародного языка, зафиксированы также локальные отличия на уровне дифференциальных сем (в толковании ЛЕ эти семы выделены нами курсивом). Так, в общекубанский лексический пласт входит слово *сóус* в диалектном значении – ‘тушёные мясо с картофелем’: *Рáньшы сáмо основнэ на свáйби булó сóус – мясо и картóшка* (Екатерин.). Ср.: в русских говорах *сóус* ‘кушанье – картошка жареная с мясом’ Даг., Р.Урал [СРНГ, 40, с. 77]. Существительное *глазóк* в Лабинском районе номинирует ‘отверстие в ухе для серьги’: *Я сама глазóк для сирёшки в ўхи зделала. Да нирóвна. На аднóм ўхи вышы* (Зассов.). Ср.: в общенародном языке ‘3. Разг. Небольшое (обычно круглое) отверстие в чём-л. для наблюдения, надзора’ [МАС, I, с. 419].

Отмечены случаи, когда в новых условиях функционирования слово изменяет эмоционально-оценочную характеристику. Напр., существительное *мармиза* украинские лексикографические источники регистрируют со следующими пометами: ‘Презрительно о лице, морда, рожа’ [Гринченко, II, с.

406]; ‘вульг. Лицо, обличье’ [СУМ, IV, с. 630]. На Кубани ЛЕ употребляется с шутливым, ироническим оттенком, часто по отношению к детям: *Иды́ и умой́ мармы́зу* (Мингрел.).

Изменение коннотативного значения может сочетаться с изменениями на уровне дифференциальных сем. Так, Б.Д. Гринченко фиксирует слово *вы́лупок* ‘Дети’ как бранное слово [см. Гринченко, I, с. 168]. СУМ подаёт его со следующим толкованием ‘1. Про детину. 2. Про людину з негативними рисами’ [СУМ, I, с.426]. На Кубани ЛЕ *вы́лупок* может употребляться и как нейтральная в двух ЛСВ ‘недавно родившийся ребёнок’ и ‘хилый болезненный ребёнок’: *Вы́лупок – цэ нэда́вно роды́вся* (Дядьк.). *Быва́ит, шо симья́ нормальная́, а оди́н бо́лезни́ный. Это вы́лупок. А пото́м той вы́лупок как вы́махаит под два́ мэтра, быку́ рогá вэ́ртэ* (Копан.). См. также: в нейтр. значении – *вы́лупень* ‘ребёнок’: – *У дочкі́ дочка́ и сын. Дво́е вы́лупни́в. – Вылупни? – Цэ́ ді́ты. Вы́лупни* (Анан.).

Лексический диалектизм *ремыга́ть* в наших материалах зафиксирован в двух ЛСВ – ‘1) жевать жвачку (о животных); 2) есть, медленно пережёвывая (о человеке)’: *Забо́ліла корова́ тай пырыста́ла рымыга́ть* (Азов.). *Сыды́ть, два часа́ рымыга́е за сто́лом* (Азов.). Б.Д. Гринченко также отмечает у глагола два ЛСВ ‘1. Жевать жвачку (о волах). 2. О людях грубо: есть, жрать’ [Гринченко, IV, с. 12]. Вторые ЛСВ совпадают на уровне интегральной семы – ‘есть’ и отличаются дифференциальными: ‘медленно пережёвывая’ и ‘с жадностью’. Во втором ЛСВ ЛЕ в кубанских говорах имеет скорее неодобрительную коннотацию.

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, как в поисках новых средств выражения кубанский диалект использует общенародные и диалектные слова материнских говоров, перерабатывая их в семантическом плане, придавая им новые номинативные или экспрессивные функции.

Подчеркнём, что если появление у ЛЕ нового значения или оттенка значения выдаёт контекст (значение собственно реализует себя в контексте), то для констатации утраты значения необходима кропотливая работа с привлечением большого количества информантов. Полагаем, что во многих случаях более корректно говорить об отсутствии сведений об употреблении ЛЕ в

том или ином значении. Между тем отдельные факты очевидны (речь, бесспорно, не идёт о тех случаях архаизации, когда значение слова угасает или вообще «умирает естественной смертью» в силу исчезновения обозначаемой реалии). Количественные изменения в семантической структуре ЛЕ материнского языка правомерно рассматривать на синхронном срезе. Приведём некоторые зарегистрированные примеры.

Слово *банду́ра*, записанное и в черноморских, и в линейных станицах, в кубанские говоры могло прийти либо из украинского языка, либо из украинского через посредство РЯ (МАС приводит его следующее толкование – ‘Украинский многострунный щипковый музыкальный инструмент с широким грифом’ [МАС, I, с. 61]). На Кубани, как и на Украине, эта ЛЕ употребляется также в значении ‘громоздкая вещь’, возникшем на основе метафорического переноса по внешнему виду: *Да там така́ банду́ра, шо ані вдвох єли данислі́* (Новопласт.). Между тем ЛСВ ‘Картофель, растёртый картофель’, отмеченный в украинском языке [Гринченко, I, с. 26], в наших материалах отсутствует.

Слово *горобец(ь)* ‘воробей’ имеет в кубанских говорах, где оно является моносемантом, широкую дистрибуцию. В украинском языке у него зафиксировано ещё два ЛСВ – ‘1. Название вола, цветом подобного оперению воробья. 2. Род орнамента на писанках’ [Гринченко, I, с. 314], не отмеченные в наших материалах. В курских, воронежских, донских говорах этой ЛЕ также называют воробья, при этом в курских говорах диалектизм служит и для номинации соловья [СРНГ, 7, с. 54], что для Кубани не характерно.

Лексический диалектизм *гу́лый* на Кубани, как и на Дону, зарегистрирован в двух ЛСВ ‘1) безрогий (о скоте); 2) имеющий физические недостатки (о человеке)’ [ср.: БТСДК, с. 122]: *Бизро́гая каро́ва – гу́лая* (Арх.). *Чилаве́к беспа́льца – гу́лый* (Ясен.). В СРНГ ЛЕ представлена только в одном значении – ‘Серая (о масти лошади). Курск.’ [СРНГ, 7, с. 216], которое в наших материалах не зафиксировано.

Слово *дуры́нда* в кубанских говорах употребляется в двух ЛСВ – ‘1) дурак и дура; 2) жмых из семян подсолнечника; дуранда’: *Вот дуры́нда, иё на́да в мак*

пасади́ть, шоб ума́ набра́лася (Пашк.). *И траву́, и дуры́нду е́ли* (Пашк.). В смоленских говорах ЛЕ зарегистрирована в двух структурных вариантах – *дуры́(и)нда* и служит также для номинации брюквы [СРНГ, 8, с. 266, 273].

Опрос носителей диалекта, показал, что слово *метéлык* на Кубани, как и на Украине, номинирует бабочку, мотылька; во втором же ЛСВ – ‘листовка, прокламация’, отмеченном в словарях украинского языка [ср. СУМ, IV, с. 687], эта ЛЕ в местных говорах не представлена.

В украинских лексикографических источниках у лексического диалектизма *щабéль* зафиксировано четыре ЛСВ – ‘1) перекладина, ступень в переносной лестнице // поперечные, боковые стенки телеги; 2) ступенька; 3) *перен.* ступень, этап в развитии; 4) звук музыкального ряда’ [ср. СУМ, XI, с. 570], из которых носителями кубанских говоров освоены только первые два. См., записанные контексты: *Щаблі́ – бака́ у тилéги* (Усть-Лаб.). *Трап – это вот так доска́ и по не́й щаблі́* (Новопавл.). На базе предметного ЛСВ в местных говорах возникло УС *як / как щабéль* ‘об очень худом человеке’: *Уну́к до мэ́нэ пры́йіхав. Ну як щабéль. Чи мать ёго ны ко́рмэ?* (Усть-Лаб.).

Возможны также комбинированные случаи: ЛЕ утрачивает значение / значения и приобретает новое / новые. Представляется, что после образования лакуны в семантической структуре ЛЕ как будто стремится к заполнению «пустоты» другим, актуальным для данной языковой среды значением.

В КГУЯО и в КГЮЯО функционирует слово *бубка* ‘ягода’, записанное в донских [БТСДК, с. 57] и смоленских говорах [СРНГ, 3, с. 234]. В Белоглинском и Мостовском районах Краснодарского края этой ЛЕ называют ‘косточку фрукта (абрикоса, вишни и т.д.)’: *Абрико́сы ко́лим на су́шку, а бу́нку удаля́им* (Успен., Андрюк.). В смоленских говорах слово служит для ласкового обращения к человеку [Там же], на Кубани этот ЛСВ не зафиксирован.

В украинском языке существительное *весло́* зарегистрировано в следующих ЛСВ – ‘1. Весло. 2. Род лопатки, которой горшечник размягчает глину. 3. Коромысло’ [Гринченко, I, с. 142]; в русских говорах, в том числе южнорусских – рязанских и орловских – ЛЕ номинирует лопатку для размешивания теста,

растворов [СРНГ, 4, с. 183]. Носители кубанских говоров употребляют эту ЛЕ и в общенародном значении, и в локальном – ‘лопата для выпекания бубликов в русской печи’: *Накачдйиши бубликив, кйдайиши у пичку на висло́* (Бол. Бейс.). *Высло́. Цэ щас лопáта, а тоді высло́ було́. Ма́ма цэ нало́жэ бублыкив на цэ высло́, и в пичь – рас!* (Дядьк.). Другие диалектные ЛСВ у ЛЕ в нашей картотеке не представлены. Отметим, что для наименования коромысла в местном диалекте устойчиво используется акцентологический вариант слова ЛЯ – *коро́мысло*, лопатку для размешивания теста носители диалекта называют – *весёлка* (вероятно, от *весло*), *копы́стка*, *коры́стка*.

Интересен процесс развития дополнительных значений у слова *ганчёрка*. Б.Д. Гринченко отмечает у него два ЛСВ – ‘1. Тряпка, тряпица, ветошка, стирка. 2. Грязное старое платье’ [Гринченко, I, с. 271]. СУМ подаёт слово в четырёх ЛСВ: ‘1. Кусок старой, изношенной тряпки. 2. *перен., презр.* Изношенная, старая одежда. 3. *перен., презр.* О женских нарядах. 4. *перен., презр.* О безвольном, бесхарактерном человеке [ср. СУМ, II, с. 27]. В СРНГ ЛЕ представлена как моносемант – ‘Тряпка для вытирания чего-л. Южн. Даль [с приведением другой формы: *гарнчирка* и с примеч. От гарнец – 7]’ [СРНГ, 6, с. 136]. На основе записанных на Кубани контекстов: *Простэ́лым ганчёрку, покладём бухáнку хли́ба та глэ́чик з молоко́м поста́вым* (Крыл.). *Ти ганчёркы – цэ ду́жэ гря́зни* (Марьян.). *Кáжуть: краси́вой дй́вки хорошо́ и в ганчёрки* (Новопавл.). *Яка́ Нй́нка ганчёрка! Ну гря́зну́ля!* (Дин.) – можно вывести следующие ЛСВ ‘1) тряпка, тряпица; 2) грязная тряпка; 3) *перен.* изношенная, старая одежда; 4) *перен.* неряха’. Четвёртое локальное значение в кубанском диалекте поддерживается УС *гря́зный як ганчёрка: Шо ты явй́вся, гря́зный як ганчёрка* (Мих.).

Слово *гойда* в южнорусском диалекте функционирует в двух ЛСВ ‘1. Взрослая девушка, которая старается казаться девочкой, выдаёт себя за девочку. Курск. 2. Легкомысленная ветреная женщина. Смол.’ [СРНГ, 6, с. 280]. На Кубани эти ЛСВ у ЛЕ не отмечены. В ст-це Зассовской (КГЮЯО) диалектизм употребляется для номинации лентяя, человека, проводящего время в праздном хождении: *Ну гойда! Прагойдал цэ́лый день, ничё ни зделал* (Зассов.).

В воронежских говорах слово *заману́ха* означает ‘Опасное место в реке (глубокое, с крутым обрывом или водоворотом)’ [СРНГ, 10, с. 233]. В кубанских говорах этот ЛСВ не отмечен. В наших материалах ЛЕ зарегистрирована в значении ‘переулок’: *Та воні жылы́ в заману́хи, в кутке́, на криво́й окра́ини у́льци* (Старотит.).

Лексема *капу́ста* в КГЮЮО имеет переносное синтаксически обусловленное значение – ‘о несобранном, медлительном человеке’: «*Капу́стай» чилаве́ка называ́ють ниразваро́тливава* (Зассов.) (ср.: глаг. *раскапу́ститься* ‘разволноваться, размякнуть’, УС *голова́ как капу́ста* ‘о глупом человеке’). Следует отметить, что среди шести значений, представленных в СРНГ, нет ни одного, относящегося к характеристике человека. Из двух ЛСВ, в которых слово функционирует в южнорусских говорах, – ‘3. Щи. 5. Растение бегония’ [СРНГ, 13, с. 50] – в наших материалах отмечен пятый ЛСВ.

Из трёх ЛСВ, представленных в словаре Б.Д. Гринченко у слова *кво́чка*, в кубанских говорах зафиксирован только первый – ‘1. Наседка’. Два других – ‘2. Созвездие плеяды. 3. Название играющего ребёнка в игре в пиж.’ – в наших материалах не отмечены [Гринченко, II, с. 234]. В русских говорах ЛЕ имеет широкий ареал в первом ЛСВ; в псковских и тверских говорах она также служит для номинации быстро говорящей женщины [СРНГ, 13, с. 170 – 171]. В кубанском диалекте ЛЕ в первом значении входит в общекубанский лексический пласт. При этом *кво́чкой* одни информанты называют курицу с цыплятами, другие – курицу-наседку. У ЛЕ зарегистрирован также локальный ЛСВ – ‘сорт зубчатого лука’, представляющий собой результат метафорического переосмысления первого ЛСВ: *Кво́чка – зубча́тый лук. Он на ча́сти распада́ицца, и как у кво́чки цыпля́та-до́льки* (Чамлык.). В лесном Апшеронском районе диалектизм функционирует ещё в одном, локальном ЛСВ – ‘грибы, растущие скученно’.

В ЛЯ слово *крати́вник* имеет следующее толкование: ‘1. Заросли крапивы. 2. Очень мелкая подвижная птичка отряда воробьиных...’ [МАС, II, с. 120]. В кубанских говорах 2-ой ЛСВ не зафиксирован. В Апшеронском районе, помимо первого ЛСВ, ЛЕ функционирует ещё в двух локальных значениях: ‘лепёшки из

крапивы' и 'о человеке, выросшем на *крапівниках*', образованных по типу метонимического переноса, соответствующего следующим моделям: *растение* → *пища из этого растения* и *пища* → *человек, употребляющий эту пищу*. Отметим, что в русских говорах у существительного зафиксировано 7 ЛСВ, два из них номинируют человека: '6. О внебрачном ребёнке. 7. Прозвище' [СРНГ, 15, с. 169]. Значения, связанные с пищей и человеком, который её ест, в СРНГ не представлены. Приведём записанные в Апшеронском районе контексты, в которых актуализируются указанные локальные ЛСВ: 1. *Крапівники: яйчик туды́, мучі́чки – и липёшки паде́лаши* (Кабард.). 2. *Крапівá – э́та жгу́чка. Рва́ли иё, а пабо́м абдава́ли кипитко́м и де́лали липёшки. Если муки́ нет, пря́ма крапівники так де́лали. Мы навы́расли на э́тай крапіви, паэ́таму лю́ди ста́рыи выно́сливие ат ва́с. Зато́ мы, все ста́рыи, до́лга жыву́т. И гаваря́т, все крапівники такі́е до́лга жыву́чие, кто ел крапіву* (Ширван.).

Фонетические варианты *кы́(і)рна* употребляются носителями кубанских говоров в двух ЛСВ – '1) курносый нос; 2) нос': *Кы́рна – нис курно́сый* (Курч.). *На нис так и ка́жутъ – кы́рна* (Бриньк.). Устойчивость первого ЛСВ поддерживается прилагательными *кы(и)рна́тый*, *кы́(і)рно́сый* – 'курносый'; второго – ДФЕ *задра́ть кы́(і)рну* – 'задрать нос; зазнаться, загордиться', – широко бытующими в кубанских станицах. В украинском языке ЛЕ имеет следующее толкование – '1. Короткий, вздёрнутый нос. 2. Про человека с таким носом; 3) *перен., нар.-поэт.* смерть' [СУМ, IV, с. 152] (два последних ЛСВ на Кубани не отмечены). Семантические сетки слова, функционирующего в кубанском диалекте и в русских говорах, совпадают только в первом значении (ср. лексикографическую разработку существительного *кы́рна* в СРНГ – '1. Вздёрнутый, короткий нос. Зап. Брян., 1957. // Нос. Зап. Брян., 1957. 2. Курносый человек. Южн. [?]. Твер. [?]. Даль' [СРНГ, 13, с. 222]).

В украинском языке слово *макітра* имеет три ЛСВ – '1. Род большой глубокой глиняной посуды с круглым дном и большим широким отверстием, употребляющийся для помещения муки, теста, масла и пр., для растирания соли пшена и пр. 2. Котловина. 3. Переносно: голова у человека' [Гринченко, II, с. 399].

СУМ значение ‘котловина’, не отмеченное в кубанских говорах, регистрирует с пометой *Обл.* [ср. СУМ, IV, с. 602]. В южнорусских и переселенческих говорах этой ЛЕ называют посуду различной формы. СРНГ подаёт её как моносемант [СРНГ, 17, с. 310]. На Дону ЛЕ имеет два ЛСВ – ‘1. Большой широкогорлый глиняный горшок. 2. *перен* Глупый пустой человек’ [БТСДК, с. 275]. В кубанском диалекте у фонетических вариантов *макі(ы)тра*, помимо первого прямого значения, которое является полидиалектным, зарегистрировано, ещё три переносных ЛСВ, имеющих иронический оттенок: ‘2) голова; 3) о хитрой женщине; 4) о женщине с пышными формами; 5) о растрепанной женщине’. См. записанные контексты: *На, прикрóй макітру от со́нца* (Челбас.). *Макітра дéльная* (Солён). *Ана́ хітрая макітра, сваиво́ ни упу́стит* (Арх.). *Макітрай у нас ищэ такую называ́ють, хвигу́ристую. А во́т паишла́ макітра, то́лстая таќя* (Арх.). *Хо́дит макітра, па́тлы вися́т* (Мих.). Второй и третий ЛСВ чаще реализуются в составе ФЕ *макі(ы)тра (не) ва́ри(ы)т(ь)* ‘кто-л. плохо / хорошо соображает’, *хи(ы)тра(я) макі(ы)тра* ‘о хитрой женщине’.

Слово *ми́нтус* представлено в украинском языке со следующим толкованием – ‘Ломоть, кусок хлеба, полученный нищим, вообще всякая съедобная подачка нищему; отсюда *ми́нтус* – просто подачка, остатки пищи, даваемые нищим и пр.’ [Гринченко, II, с. 426]. В южнорусском диалекте ЛЕ не отмечена, и данное обстоятельство позволяет считать, что в кубанские говоры она попала из украинского языка. Однако на Кубани лексический диалектизм *ми́нтус* зарегистрирован в двух других локальных ЛСВ – ‘1) вкусная еда, обычно сладости; 2) разборчивый в еде человек’: *У нас вся́кы вкусня́тыны «ми́нтус» называ́лы. Цэ га́рни конхвэ́ты, пряны́кы. Цэ булы́ ми́нтусы* (Слав. н/Куб.). *Ма́тэ звáрэ ло́вко и ёго зовэ́, а вин такы́й ми́нтус був, шо усэ пырыбыра́в у еди́* (Бедняг.). Первый локальный ЛСВ представляет собой переосмысление исконного значения ЛЕ (ср. бытующее народное представление: остатки сладки). Второй ЛСВ развился у слова на базе первого локального ЛСВ.

В русских говорах слово *наклёвыш* зафиксировано как моносемант в значении ‘наклюнутое выводящимся цыплёнком место на яичной скорлупе;

наклев' [СРНГ, 19, с. 326], которое в кубанском диалекте не отмечено. В наших материалах ЛЕ функционирует в двух локальных ЛСВ – '1. Цыплёнок, проклёвывающийся из яйца. 2. ирон. Об очень молодом неопытном парне': 1. *Цыпля́ то́лька начина́йт вывади́цца, та завёцца наклёвыи* (Вознес., Стародерев.). 2. *Та вин жэ ии ще наклёвыи, а вжэ жэны́цца надума́в* (Стародерев.).

И на Кубани, и на Дону *пелю́сткой* (Даль: *пилюстка*) называют заквашенную кочанами капусту [ср. БТСДК, с. 358]. В украинском языке ЛЕ является имеет разветвлённую семантическую структуру: '1. Капустный лист. 2. Кушанье: сваренные капустные листы с мясным фаршем. 3. В причёске гуцульской девушки: прядь, шестая часть волос, идущая на хвост. 4. Широкий зубец, находящийся с каждой стороны ряда тонких зубьев в прядильном гребне' [Гринченко, III, с. 106]. На Кубани ни в одном из указанных ЛСВ эта ЛЕ не зафиксирована. Но у неё обнаружены два локальных ЛСВ: прямое – 'крупно порезанные и заквашенные овощи' и переносное – 'лёгкая одежда': *Там и агуры́, и буря́к, и памидо́ры, и капу́ста. Называ́ицца пилю́сками. Парэ́жуть ота́к палави́нками и тада́ усё ф каду́шку* (Новопокров.). *В нэи усі плáття – пилю́ски... Наді́ла пэлю́ску и ходо́ мэрзнэ* (Новокорс.).

Слово *родни́к* в СРНГ предсталено в нескольких ЛСВ. В воронежских говорах оно номинирует 'Исток реки' (ударение не указано) [СРНГ, 35, с. 139]. На Кубани это значение не отмечено. В ст-це Лесогорской *родника́ми* называют ямки под ребрами у коровы, по которым определяют, молочная она или нет: – А как называются жилы у коровы по бокам? Колодезя? – *Нет. Ну как, вот э́ти, «радники́» их называ́ют, малочныи. А вот как апридили́и, е́сли ани́ внутри́ нахо́дяцца? Как их уви́диши?* В других кубанских станицах (говоры с южнорусской языковой основой) молочность коровы определяют по колодезям: *Каро́ву выбира́ют – каладизя́ правиря́ют, атку́да малако́ биги́т на ве́нам* (Арх.). – А как определить молочную корову? По жилам каким-то на вымени? – *А ище́ есть ни на вы́мини, вот где пу́пави́на, уту́т есть кало́диц тако́й, кало́диц малочныи. От е́сли два па́льца прахо́дит туды́ – э́та зна́чит харо́шая* (корова), *и ат э́тава кало́цца*

идёт жы́ла малóчная (Перед.). Следует отметить, что первый ЛСВ у слова *родні́к*, зарегистрированный в СРНГ, – ‘Колодец’ [Там же].

У прилагательного *му́рый* Б.Д. Гринченко фиксирует, кроме ЛСВ ‘Тёмно-серый, испещрённый пятнами (о масти)’, ЛСВ ‘Смуглый’ [Гринченко, II, с. 455]. В южнорусских говорах ЛЕ также функционирует в двух ЛСВ ‘1. Бурый, чёрно-коричневый или желтовато-серый. Даль [без указ. места]. Дон.’ и ‘2. С полосатой окраской (о скотине)’ [СРНГ, 18, с. 361]. На Кубани ЛЕ зарегистрирована в трёх ЛСВ. Центром номинации первых двух выступает сема ‘цвет, окрас’, на базе которой сформировались значения: ‘бурый (о масти животных)’, ‘рыжий, веснушчатый’ (ср ‘испещрённый пятнами’ в укр. языке): *Карóвы бы́ли чёрна́и, кра́сна́и и му́ра́и бы́ли* (Андрюк.). *Де́вочка конопа́та, така́ му́ра–му́ра* (Ленинград..). Третий ЛСВ ‘хитрый’, вероятно, возникло в результате переосмысления второго, так как по народным представлениям люди с рыжими волосами отличаются хитростью и изворотливостью: *Ох ы му́ра оця́ ки́шка: хова́еця у ха́ти – нэ най́дэи* (Стародерев.). Второй и третий ЛСВ лексического диалектизма являются локальными. Значение ‘смуглый’ в кубанских говорах не зарегистрировано.

Лексический диалектизм *галаса́ть* в словаре Б.Д. Гринченко представлен как моносемант со следующим толкованием – ‘Драть горло, кричать, вопить’ [Гринченко, I, с. 267], см. также *галáс* ‘Крик, шум, вопль’ [Там же]. Отсутствие глагола *галаса́ть* в СРНГ (в нём зарегистрировано только однокоренное существительное *галáс* ‘Крик, шум голосов, шумный говор’ Южн. Даль [СРНГ, 6, с. 105]) позволяет признать, что ЛЕ вошла в КГУЯО из материнского языка. На «кубанской почве» значение глагола было переосмыслено, на его базе родился полисемант, актуализирующий следующие смыслы: ‘1) бегать с криком и шумом; 2) гулять, веселиться; 3) *перен.* сильно кипеть (о жидкости)’: *Вэ́чиром, як ужэ́ корóвы пры́дутъ, як начнэм по у́лицы галаса́ть* (Азов.). *Ой, побижу́ до до́му: в мэ́нэ там борц галаса́е* (Новокорс.). Общим семантическим компонентом, связывающим между собой все три ЛСВ, выступает сема ‘шуметь, издавать шум’.

Не сохранив исходное значение, слово украинского языка приобрело в местных говорах три локальных ЛСВ.

Глагол *закуві́кати* начать пронзительно визжать (о свинье) отмечен в украинском языке [Гринченко, II, с. 55], в тульских говорах [СРНГ, 10, с. 172] и на Кубани, где у него обнаружен также переносный ЛСВ – ‘заплакать, зануть (о человеке)’: *Ну, закуві́кал, куві́калка* (Воронеж.). *Адéть нéчиво, укрьі́цца нéчим: салóмки брóсиш, лóжником адéнишся и куві́кайши* (Вознес.). См. также однокоренное существительное общего рода *куві́калка* ‘плакса’, записанное в стце Воронежской. Значение ‘О сове: закричать’, зафиксированное у ЛЕ в украинском языке [Гринченко, II, с. 55], в наших материалах не представлено, как и украинизм *куві́к* ‘сова’.

В южнорусском диалекте слово *зары́ть* имеет диалектного значение ‘Упасть лицом вниз’ Южн., Слов. Акад. 1902 [СРНГ, 11, с. 13], не выявленное в кубанских говорах. Данный глагол функционирует в них другом, локальном значении – ‘упразднить’: *А камму́ну зары́ли* (Усть-Лаб.).

Глагол *краси́ть* Б.Д. Гринченко подаёт в трёх ЛСВ – ‘1. Делать красивым, украшать. 2. Красить, окрашивать. 3. Свадебный обычай в понедельник: перевязывать женщинам волосы красными нитками по получении известия о целомудрии новобрачной’ [Гринченко, II, с. 300]. Первые два отмечены и в кубанских говорах. Что касается обрядового значения, то оно на Кубани получило несколько иное наполнение – ‘свадебный обычай: украшать одежду гостей бумажными цветами’: – *Ну почала́ я гостэй́ краси́ть*. – Это как? – *Цвиткы́ чипля́ть* (Новотит.). У ЛЕ выявлен ещё один локальный ЛСВ – ‘ругать, возводить напраслину’: *За шо вона́ мэ́нэ краси́ть?* (Старотит.). В южнорусских говорах (тамбовских) у глагола зарегистрирован только 2-ой ЛСВ [СРНГ, 15, с. 176].

Глагол *оби́ть* в РЯ имеет следующую семантическую структуру – ‘1. Ударами отряхнуть, заставить отпасть. // Обл. Ударяя по дереву, заставить его сбросить плоды, осыпаться. 2. Разг. Повредить края чего-л. продолжительным или небрежным употреблением. // Повредить ударами. 3. чем. Прибив, покрыть, обтянуть чем-л. [МАС, II, с. 730]. В кубанском диалекте данный глагол

функционирует в следующих структурных вариантах – *об(б)и́(ы)ть*, которые, помимо указанных ЛСВ, употребляются ещё в локальном ЛСВ ‘обклевать плоды на дереве (о птицах)’: *Шпакы́ у дїда сльїву оббы́лы* (Новокорс.). В южнорусских говорах глагол также зарегистрирован в двух структурных вариантах – *обби́ть / оббива́ть, оби́ть / обива́ть*, актуализирующих гораздо больше смыслов, отсутствующих в наших материалах. Ср.: *обби́ть / оббива́ть* ‘1. Исхлестывать. Смол., 1890. 2. Трещать лён. Брян., 1901. 3. В свадебных обрядах – выбивая, чистить шапку, брошенную к порогу (игра невесты с дружкой). Смол., 1890. 4. Покрывать или обмазывать чем-л. Смол., Курск. 5. Опережать, обгонять кого-л. в чём-л. Калуж., 1905 –1921’ [СРНГ, 21, с. 353 – 354] – *оби́ть / обива́ть* ‘1. Вручную обмолачивать хлеб, лён и т.п. Смол. <...> 5. Оклеивать стены (обоями) Смол., Курск.’ [СРНГ, 22, с. 56 – 57]. В вологодских, архангельских, вятских говорах глагол имеет значение, отличающееся от кубанского дифференциальными семами, – ‘2. Выклевать зерно из колосьев (о птицах)’ [Там же].

К изменениям в семантике, к появлению языковых и речевых контекстуальных переносных значений часто приводит активное употребление слова. При этом общее количество ЛСВ может сохраняться прежним, прирастать или сокращаться.

Первичные значения слов, названные В.В. Виноградовым «опорой и общественно осознанным фундаментом всех других <...> значений и применений» слова [ср. Виноградов, 1953, с. 12], у ЛЕ материнских говоров действительно демонстрируют поразительную устойчивость, подтверждая способность служить «опорой» и «фундаментом» для новых, в том числе локальных, значений. Приращение локальных ЛСВ, как правило, сопровождается переосмыслением, или семантическим сдвигом, что приводит к качественным преобразованиям в семантике слова, перестройке его семантической структуры. Такое варьирование затрагивает стабильное ядро значения, его интенционал, при этом, как известно, «всякое изменение интенционала создаёт новое значение» [Никитин, 1996, с. 43].

Проанализированные примеры демонстрируют, что новые ЛСВ у ЛЕ материнских говоров, функционирующих в кубанском диалекте, образуются в результате переосмысления, сужения или расширения значения. Эти процессы играют существенную роль в обогащении лексико-семантической системы кубанского диалекта. Локальные ЛСВ обладают различным семантическим «весом» и занимают различные позиции в семантической структуре полисемичного слова. На ближайшей периферии находятся локальные значения, входящие в общекубанский лексический пласт, далее – ЛСВ, зарегистрированные в КГУЯО или в КГЮЯО, наконец, дальнейшую периферию занимают узколокальные ЛСВ, отмеченные в говоре одного населённого пункта. Сокращение количества ЛСВ происходит вследствие их утраты, однако в связи с отсутствием исчерпывающих данных об употреблении носителями кубанского диалекта слова в том или ином значении далеко не во всех случаях предоставляется возможность зафиксировать результаты данного процесса.

В большей части лексика материнских говоров, бытующая на территории распространения кубанского диалекта, сохраняет стабильное значение (значения), зарегистрированное в лексикографических источниках – в СРНГ, в словарях русского и украинского языков. В этой стабильности проявляется важное свойство слова как единицы языка, которая «стремится к собственному тождеству (= равенству самой себе), к неизменности и постоянству, ибо каждая единица, по определению, представляет собой относительно устойчивое единство звучания и значения» [Лыков, 2003, с. 183].

С другой стороны, «слово под давлением внешних обстоятельств (внеязыковых реалий) стремится «выйти из себя», измениться в своих значениях и функциях» [Там же]. Заметим: «выйдя из себя», слово в одном из значений способно так отдалиться от значений, с которыми оно сосуществовало, что становится самостоятельной ЛЕ (омонимом). «Отрыв» значения может привести и к полной его утрате. В этом случае «вышедшая из себя» ЛЕ выходит из лексико-семантической системы, в которой она в данном ЛСВ перестаёт употребляться.

Оказавшись в новой диалектной системе, существуя только в устной форме, при отсутствии кодифицированных норм, при прикреплённости высказывания к определённой ситуации, слово проявляет как устойчивость, верность самому себе, своему материнскому языку, так и гибкость, изменчивость, подвижность семантической структуры. Статичность и динамичность как имманентные свойства слова являются показателем его жизнестойкости и принципиальной неисчерпаемости заложенных в нём потенциальных значений.

Определённую самостоятельность лексической системы говоров вторичного образования демонстрируют *собственно локализмы*, под которыми мы понимаем диалектные слова (лексические диалектизмы и варианты слов РЛЯ), не отражённые в лексикографических источниках. Следует признать, что локальные лексические диалектизмы в кубанском диалекте образуются по тем же словообразовательным моделям, что и слова ЛЯ. При этом граница между узуальными, окказиональными и индивидуальными ЛЕ не имеет чётких очертаний. Среди локальных лексических диалектизмов можно выделить мотивированные и немотивированные ЛЕ. Под мотивированностью мы вслед за О.И. Блиновой понимаем свойство слова, связь звучания и значения которого объяснима посредством соотнесения данного слова с однокорневыми и/или одноструктурными образованиями. [Блинова, 1984, с. 66]. Выделяют два типа мотивированности: лексическую и структурную. Соотношение мотивированных и немотивированных слов различно в разных языках. О.И. Блинова, сравнивая процентное соотношение мотивированных слов в СРЛЯ и среднеобских говорах, приводит следующие показатели: 69–70% в ЛЯ и 73% в диалекте, причём среди собственно диалектной лексики говора количество мотивированных лексем составляет 83% [Там же, с. 68].

Анализ лексических локализмов, функционирующих в кубанских говорах, также подтверждает, что среди них преобладают мотивированные слова. Рассмотрим некоторые факты мотивированных локализмов, зарегистрированные в кубанских говорах.

В ст-це Родниковской частотными в рассказах старожилов о своей молодости оказались структурные варианты *брехáловка* и *брёшка* ‘место встречи и гуляний молодёжи’: *Рáньшы сабирáлись на плóщади. «Брихáлафка» назывáлась. Тудá сабирáлась маладёш ... Хадíли на брёшку. Там сабирáлась маладёш.* ЛЕ мотивированы глаголом *брехáть*, который в кубанских говорах является многозначным и означает ‘1) врать; 2) рассказывать, болтать’. Действительно, *на брёшке* молодые люди собирались для общения, здесь они обменивались новостями, знакомились.

Прозрачной внутренней формой обладают названия приспособления для рубки камыша зимой, представляющего собой лезвие с двумя ручками и щитом. Мотивировочным признаком при образовании номинации *двiгалка* является совершаемое субъектом действие, необходимое для приведения механизма в рабочее состояние. В основе номинаций *бiтка*, *биту́лка*, *бóйка*, *стругáчка* лежат совершаемые механизмом действия, направленные на рубку камыша. Во всех наименованиях проявился прагматический подход носителей говоров к номинации данного орудия труда. См. эти локализмы в записанных контекстах: *Двiгалка, у неё лéзвие и две рúчки... Двiгалка, ésta ш у калхóзи. Нас насылáли на рэчку, и éstaй двiгалкай камыш сризáли (Арх.). Камыш на льду́ рiзать – бiткаю. Бiтка рóвная такáя з дiннай рúчкой, как касá, тóлька анá рóвная. Мы давнó с мáмаю рiзали (Кулеш.). А зимóй на льду́ биту́лка былá. Ну, кáтиш ésta биту́лку зимóй на льду́ и збивáиш камыш. Острая, как касá, и две рúчки. И анá збивáит ésta камыш (Успен.). Бóйки вычищáлы камышы́ (Хопёр.). Булá стругáчка. Жéница ту стругáчку ни потянит. Эта з зúбчиками, на двúх дiнных пáлках, диржакáх. И éstaми диржакáми стругáиш на льду́, а потóм згрибáиш... (Канелов.).* В русских говорах, в том числе курских, слово *бойка* номинирует простого устройства аппарат для сбивания масла [СРНГ, 3, с. 66]. Совершенно очевидно, что кубанский и курский диалектизмы появились независимо друг от друга в результате неоднократного действия одной и той же словообразовательной модели, что позволяет квалифицировать ЛЕ, родившуюся на Кубани, как локализм.

Мотивированным является зарегистрированный в Апшеронском и Белореченском районах лексический диалектизм *груша́ник* ‘лепёшка из толчёных лесных груш, куда добавлялось немного кукурузной муки’: *В го́лат спаса́ли груша́ники* (Нижегород.). *По́мню ба́бушка пикла́, ба́бушка и ма́ма пикли́. В лису́ гру́шы сабира́ли, мало́ли их на мясару́пки и нимно́шка туда́ кукуру́зной муки́ дабавля́ли. Кукуру́зу сади́ли и дабавля́ли кукуру́зной муки́ и вот э́та пикли́ липёшки, называ́лись «груша́ники»* (Лесогор.). ЛЕ образована по продуктивной словообразовательной модели «основа производящего существительного + суффикс –АНИК» (см. также слова: *жегуча́ник, крапивя́ник* ‘лепёшка из крапивы’, *картопля́ник, картофля́ник* ‘картофельная лепёшка’ и др.).

Прозрачную внутреннюю форму имеет устаревшее существительное *жму́рочка* ‘коптилка’ (ср. однокоренные глаголы *жмурить, жмуриться*). Самодельный осветительный прибор давал очень слабое освещение, поэтому, в буквальном смысле человеку приходилось напрягать зрение, чтобы что-то разглядеть: *Рабо́тали мы при лу́не и жму́рочки* (Некрас.).

В ст-це Кабардинской записано слово *копни́к* ‘крупный коршун’. Информант так описывает эту хищную птицу: *Капни́к – ко́ршун большо́й. Ну он в аснaвнóм на ко́пнах сиди́т, так ы называ́ли «капни́к». Вот он сиди́т на капне́ и высма́триваит, где гадю́ка, где што. Саска́киваит, то́ка «хлоп» – и пайма́л. Смóтриш: лита́еть, а он гадю́ку пайма́л. Капни́к бо́льшэ, чем ко́пчик* (Кабард.). ЛЕ образована по продуктивной модели: «основа производящего существительного + суффикс –ИК». СРНГ подаёт лексему *копни́к* ‘с пометой Иркут. со следующим толкованием: ‘Человек, который связывает сено в копны’ в [СРНГ, 14, с. 292]. Не вызывает сомнений, что обе ЛЕ появились независимо друг от друга в результате неоднократного действия одной и той же словообразовательной модели. Не относящиеся к одной предметной сфере денотаты обладают общим признаком и поэтому получают одно и то же наименование. Вхождение диалектизмов в разные, не контактирующие лексические системы позволяет, на наш взгляд, рассматривать их как слова-локализмы.

Слово *ку́барь* не отмечено ни в СРНГ (ср. *кубарі́* ‘турнепс’ [СРНГ, 15, с. 377]), ни в словарях украинского языка, что даёт основание квалифицировать его как локализм с корнем КУБ – и суффиксом –АРЬ. На Кубани он номинирует растение белоголовник. Ассоциативная связь между официальным и народным наименованием растения отсутствует. Многие информанты в ст-це Архангельской часто вспоминали этот диалектизм, причём, как правило, в однотипных контекстах: во время голода очищенный стебель *ку́баря* ели, чаще всего дети; растение имеет сладковатый вкус, притупляющий чувство голода, однако его употребление приводило к головокружению, состоянию, близкому к наркотическому отравлению. См. контексты: *А ку́барь е́ли. Цви́тёт бе́лым, ваню́чий, а мы как наиді́мся, а в галаве́ кру́жыца, па́даим тада́; А мы ку́барь е́ли да адурэ́ния, он жы вызыва́ит галавакружэ́ние, а сла́ткий*. Л.Ю. Костина высказывает предположение о том, что «в основу народной номинации положено поведение человека после принятия растения в пищу (ср. нареч. *ку́барем*, глаг. *кубырка́ться, кубыря́ться* ‘кувыркаться’)» [Костина, 2008, с. 62]. Предложенная версия вполне убедительна. Однако возможна и другая. В дореволюционном словаре Л.К. Розенберга отмечен глагол *ку́брить* ‘пьянствовать’ [Розенберг, 1908, с. 40], а приём в пищу *кубаря* вызывал состояние, похожее на опьянение. Тот же Л.К. Розенберг зарегистрировал однокоренное прилагательное *куба́ристый* ‘вертлявый’ [Там же].

Суффиксальным способом образованы многие локализмы, номинирующие человека. Так, с помощью суффикса –К(А) от глагола *выхватить* образовано существительное *вы́хватка* ‘задиристая, бойкая девочка, драчунья’: *У нас была́ адна́ дівчина. То ни дівчина, а паца́н был. Ана́ любо́му мо́рду набьёт. Вы́хватка* (Перед.).

Неповоротливую, полную женщину или девочку в ст-це Крыловской называют *мяку́тка*. См. диалог собирателя и информанта: – А у вас были подружки в детстве? – *По́другы-то? Булы́, булы́. Я яг жэ́ ш. То ж в мэнэ́ сусі́тка була́ тоді́... Давно́ еі́ нэ́ма. Скі́ко жэ́? Та лі́т пять. Мо́жэ, бі́льшэ́... Зі́нка Мака́рэнчиха. Так така́ мяку́тка була́, як ы я. Ели-э́ли но́гы пэ́рэдвигала́*. ЛЕ имеет

прозрачную внутреннюю форму, см. однокоренные диалектные существительные: *мякотушка* ‘мякоть, сердцевина’, *мякушка* ‘1) мягкая часть хлеба; 2) мякоть, сердцевина’.

В нескольких структурных вариантах функционирует в кубанских говорах существительное *о(т)че(а)маха* ‘1) отчаянный, озорной человек; сорвиголова; 2) заводила’: *Ох ы оччамаха, такый, шо нэ дай Бох. Батько тикэ слухае* (Черноер.). *Я у дичтви була ну чистая отчамаха, хужы пацана: и дралась, и бигала так, шо мамка дозвация ны могла* (Васюр.). *Ще тот очимаха! Такэ на свадьби творыв* (Гривен.). Ср. с однокорневыми словами РЛЯ *отчаянный, отчаяться*, а также с диалектным существительным *отчаюга*. Что касается второй части слова –МАХ(А), то, вероятно, её можно рассматривать как экспрессивный суффикс (ср. в кубанских говорах: *дыромаха, костомаха*).

Достаточно частотным в названиях человека выступает суффикс –ЯК (*озорняк* ‘озорник’, *шуряк* ‘шурин’ и др.). Локализмом с данным суффиксом выступает существительное, обладающее лексической мотивированностью, – *пышняк* ‘толстый, тучный человек’: *Ну ты и разьелся, такой пышняк стал и в двэри ни праходиш* (Усть-Лаб.).

Мотивированным является диалектизм *трынкач* ‘любитель играть в карточную игру – *трынку*’. В СРНГ лексема имеет единичную фиксацию с пометой Кубан. [СРНГ, 45, с. 181]. Суффикс –АЧ отмечается и в других ЛЕ, номинирующих человека в кубанских говорах, см., напр.: *брюхач* ‘человек с большим животом’, *кормач* ‘человек, ухаживающий за коровами’ и др.

Суффиксальный способ продуктивен и для образования локализмов-глаголов. См., напр.:

ездачиться ‘груб. ездить’; основа существительного ЕЗД(А) и суффиксы –АЧИ(ТЬ)СЯ: *А Натька вышла замуш просто по ницастью. Вин и нэ собырався на нэй жыныция. Издачився з нэю, и попалы в аварию. Вин нычэго, а йий було плохо. И мать заставыла ёго жыныция* (Тимаш.).

Звездовать ‘обряд. Ходить в рождественскую ночь со звездой’; основа существительного ЗВЕЗД(А) и суффикс –ОВА(ТЬ): *Обруч такый, делают*

иконочку, и свѣчичка там горѣла, и звизда питѣконѣчная. И оцѣ парубкы звиздуютъ (Братков.).

Свайбытыся ‘намечаться (о свадьбе)’; основа существительного СВАЙБ(А) и суффиксы –Ы(ТЬ)СЯ: *В вас там ще ны свайбытыця?* (Новокорс.).

РГК подаёт лексический диалектизм *лушпѣнить* со следующим толкованием: ‘грызть семечки’: *В карман семички насыпиши, идѣш лушпѣниши их* (Некрас.). В СРНГ и в словарях украинского языка ЛЕ отсутствует. В наших материалах зарегистрировано имеющее широкий ареал существительное *лушпѣйка* ‘кожура некоторых плодов (арбузов, дынь, картофеля, семечек)’, поэтому полагаем, что значение однокоренного глагола более корректно представить как ‘очищать от кожуры некоторые плоды (арбузы, дыни, картофель, семечки)’ с оттенком значения ‘грызть семечки’. Глагол *лушпѣнить* образован суффиксальным способом: основа производящего существительного ЛУШП(А), имеющего структурный вариант *лушпѣйка*, + суффиксы –ЕНИ(ТЬ).

Прозрачной внутренней формой обладает образованный суффиксально-префиксальным способом от существительного *изъян* глагол *сызъянитыся* ‘состариться, потерять здоровье’: *Вам типѣрь жыть да жыть, а я ужѣ сызъянилась* (Усть-Лаб.).

К мотивированным локализмам относится ряд сложных слов. Тенденция к их образованию достаточно сильна не только в ЛЯ, но и в говорах. Интегрироваться в одно слово могут самые различные части речи, в результате чего образуются слова разных частей речи. См., напр., сложные слова материнских говоров, функционирующие и в кубанском диалекте: *голопуѣн* ‘бедняк’, *горбольсыѣй* ‘животное с белой спиной’, *домосѣдовать* ‘вести домашнее хозяйство, присматривать за домом’ и др. Среди локализмов, представляющих собой сложные слова, есть имена существительные и имена прилагательные. Так, с единственной пометой *Краснодар*. без иллюстративного примера в СРНГ представлено слово *катавалы* ‘холмистая целинная земля по склону горы, используемая для сенокоса’ [СРНГ, 13, с. 119]. Два структурных варианта *катавалы*, *катавальчики* входит в активный лексикон жителей Отрадненского

района: *Па ётих катава́льчиках, катава́лах касі́ла сэна* (Ильич). В русских говорах зафиксированы существительное *вал*, одно из значений которого – ‘ряд скошенной травы’ [СРНГ, 4, с. 19], а также ФЕ *ката́ть сэно* ‘грести, сгребать сено’ [СРНГ, 13, с. 125], что позволяет предположить: *катава́лы* – место, где *ката́ют ва́лы*, или сгребают скошенное сено. См. также:

блудве́й ‘гулящий мужчина’: *Ёму нычэ́го ни ну́жно: ни жи́нка, ни ди́ты! Ла́зэ скризь! Блудвэ́й прокля́тый* (Гривен.). *Боготвори́тельность* ‘материальная помощь церкви’: *Щас бага́таи ста́ли намага́ть цэ́ркви. Ну как бо́гатвари́тельность* (Каладж.). *До́бропрокля́тый* ‘вспыльчивый, но отходчивый человек’: *Свёкор був до́бропрокля́тый. Ну накрычи́ть, но бы́стро отхо́дэ* (Вышестебл.). *Острохи́трый* ‘прозорливый’: *А я до́ка была́, у ми́ня па́мять о́чень харо́шая была́, ми́ня у стани́цы о́страхи́трай зва́ли* (Тенг.). *Сырзаво́т* ‘молочный завод’: *Сырзаво́т пирираба́туе малако́. Па стани́цы сабира́ють, и калхо́с аддаё́т* (Перед.). *Тугоду́б* ‘глупый, несообразительный человек; тугодум’: *Та вин ны поныма́е, вин тугоду́п* (Старотит.). *Чертопха́йка* ‘дрезина’: – *Па́па рабо́тал на жыле́зной даро́ги. Тади́ ш ни было́ маши́н, а чертопха́йка была́. – Дрезина? – Да* (Новоджер.).

Локализмы могут образовываться в результате универбизации. См., напр., *гречнёвка* ‘гречневая каша: *Гричнёвку вары́ла дитя́м* (Кучуг.); *желе́зница* ‘железная дорога’: *Дашли́ да жыле́зницы, жыле́зница идёт на Са́дки* (Новонекрас.); *защи́тка* ‘защитная лесополоса’: *Та вам на́до до защи́тки дойи́хатъ и нале́во* (Копан.); *зачу́ха, завчу́ха* ‘муж, живущий в доме жены’: – Как у вас называют мужчину, который после свадьбы живёт в доме жены? – *Прима́к, зачу́ха – заве́дущий чужы́м хазя́йствам* (Перед.). *Жына́ умирла́, вот. Там прада́л дом, а сюда́, да ба́бушки, прышо́л в прымаки́. Жыву́ завчу́хаю. А че́ тако́й завчу́ха? За чужы́м хазя́йствам* (Кубан.); *толчу́ха* ‘толчёный картофель’: *А тада́ бо́льшы вары́ли за́тирку, талчу́ху – карто́шку талче́ную* (Перед.).

Продуктивно образование локализмов на основе звукоподражания. Широкою дистрибуцию имеет на Кубани устаревшее существительное *пля́чык* ‘лепёшка из муки, в которую подмешивали траву или маку́ху’. Оно часто

упоминалось в рассказах о голодных годах: *А ма́ма якí-ныбу́ть пля́цыки спичёт из бурья́на и там му́кычка* (Васюр.). *А у на́с пля́цыкы з кукуру́зы пэ́клы́. Пря́мо на плыту́ на ржа́ву кладэ́ш, и никто́ нэ боли́в* (Серг.). – *Чем мы вы́жылы? Конскíм ща́влём. Оцэ́ нарву́, нари́жу, кипятко́м зальо́ и пычу́ пля́цыкы. А Мíшы шэ́сть мíсяцыв, подушка́мы ото́ обмо́стыла, а он: «Ням-ням». Ждэ́. А я на плиту́ ля́паю. И диты́ни шэ́сть мíсяцыв дава́ла йíсты.* – А что такое «пля́цыки»? – *Ола́душки. Траво́й дитё вы́жыло* (Канелов.). Лепёшки, о которых идёт речь, часто пекли из-за отсутствия посуды прямо на верхней поверхности плитки: попадая на горячую поверхность, они издавали своеобразный звук, шлепок (ср. в смоленских говорах *пля́чка* ‘шлепок’ [СРНГ, 27, с. 177]).

См. также: *набульбе́ниться* ‘напиться вдоволь’: *Шо набульбе́нывся молоко́?* (Вышестебл.). *Нагле́каться* ‘напиться пьяным’: *Робы́лы. Як síлы в посáтки: глэк та глэк, глэк та глэк. Як нагле́калысь!* (Медвед.). *Нады́ркать* ‘содрать шелуху с зерна на ручной мельнице, переработав его в крупу’: – *Облу́щивали э́ту кукуру́зу. Кру́пору́шки ходíли просíли. Нады́ркаим: др-р-р, др-р-р.* – «Нады́ркаим»? Это как? – *Ну да. Она́ жэ так: др-р-р, др-р-р* (Гривен.). *Проху́кать* ‘отогреть дыханием просвет на замёрзшем стекле’: *Зимо́й в акне́ праху́кали ды́рачку: ху-ху. И гляди́м на у́лицу* (Зассов.). В данной группе преобладают глаголы, однако звукоподражание может послужить базой и для образования имён существительных. См., напр., *галáй* ‘чайка’: *Гала́й крыча́т: га-га!* (Молч.); *дырды́кала* ‘ручная мельничка’: *До́ма у ка́ждава ва дваре́ дырды́кала стая́ла, кукуру́зу на не́й малóли* (Арх.) и др.

Среди локализмов в наших материалах зарегистрированы также ЛЕ с затемнённой внутренней формой. Их немотивированность может быть вызвана утратой однокоренных слов либо изменениями в структуре слова, в результате чего происходит демотивация лексем.

Так, в Отрадненском районе в активном словарном запасе диалектоносителей находятся лексические диалектизмы *гандéй, гандемóн, гандемóс* ‘самогон’: *На сва́дьбах пíли гандéй* (Чамлык.). – *Варили самогонку на свадьбу? – Гандéй, гандимóн вары́ли на сва́дьбу, мне вары́ли з бурака́* (Владимир.).

Вары́ли ганде́й, гандимо́с (Владимир.). ЛЕ, вероятно, восходят к украинским *ганжа, ханжа* ‘денатурированный спирт’, которые в КГЮЯО не зарегистрированы. Украинские слова этимологами сравниваются с турецким *hansı* ‘трактирщик’ [см. ЕСУМ, 1, с. 467].

Широкое бытование имеют в кубанских говорах обладающие эластичной семантикой прилагательные *пинди́тный, пунды́шный, пындыко́вый* ‘капризный, привередливый, спесивый, чванливый’, представляющие собой структурные варианты: *Ухажё́рив було́ бога́то, но я пинди́тна: той мині́ нэ́ нра́выцца, той ны пы́дходэ́* (Марьян.). *Тако́й сусі́д пунды́шный, шо на кози́ ны пы́дыдыш* (Азов.). *Вин в нас ду́жэ пындыко́вый, того́ и нэ́жэ́наты́ до тры́ццати годі́в* (Новокорс.). При этом однокоренные слова, отмеченные в украинском языке: *пінда* ‘спесь, важничанье, чванство’, *піндження* ‘спесивость, чванство, важничанье’, *піндю́чливий* ‘спесивый, важничающий’, *піндитися, піндю́читися* ‘важничать, спесивиться’ [Гринченко, III, с.151] в наших материалах отсутствуют. В русских говорах функционирует слово *пыня́* ‘О чванливом, кичливом человеке’. Калуж. [СРНГ, 33, с. 194], которое на Кубани не зарегистрировано. В местном диалекте записаны имя существительное *пы́ндыкы* ‘капризы’ и глагол *пындыкува́ться* ‘привередничать, вести себя высокомерно’: *Вона́ як зачнэ́ свойі́ пы́ндыкы показува́ть, так ба́тько йийі́ и по́рэ* (Новокорс.). *Ну и пындыко́ва ана́ пишла́! Цэ́ така́ ламáицца, прэ́цтавляе́ шо́-та с э́бэ. Чё́ ты пындыку́исся? Чё́ ты ламáисся? Чё́ выбра́жáиш? Цэ́ пындыко́ва* (Первореч.). Отмеченный в пос. Кучугуры структурный вариант *кинди́тный* (приведём его контексте: *Тэ́э́рь вы, як бы сказа́ть, ду́жэ кинди́тны, мо́дни, а тоді́...*) обнаруживает отдалённость как от однокоренных слов материнских говоров, так и от слов, функционирующих в кубанском диалекте.

Локализмы, зафиксированные в кубанских говорах, могут иметь структурные отличия от слов материнских говоров. См., напр.: *баргамо́т, баргамо́тка* ‘груша бергамот’ – *бергамо́тина, бергамо́тка* в смоленских говорах [СРНГ, 2, с. 242], *покрычи́ха* ‘женщина, родившая ребёнка без брака’ – *покры́тка* Южн. [СРНГ, 29, с. 18], *пресня́чка* ‘яблоня с пресными яблоками’ – *преснушка* в

донских говорах [БТСДК, с. 416], *прорáнок* ‘прорезная петля на одежде’ – *прорáнка* в курских и рязанских говорах [СРНГ, 32, с. 215], *породу́ха* ‘роженица’ – *породи́ка* в рязанских говорах, *породи́ха* в смоленских [СРНГ, 30, с. 68], *причепéндя* ‘навязчивый, назойливый человек’ – *причепéнда* [Гринченко, III, с. 452], *рéптя* ‘толстый, неповоротливый человек’ – *рéптух* [Гринченко, IV: 13] и др.

В кубанских говорах функционируют также локализмы, имеющие и структурные, и семантические отличия от слов материнского языка. Так, слово *брында́к* представляет собой суффиксальное образование. Суффикс –АК, достаточно частотный в кубанских говорах в номинациях, характеризующих человека (см., напр.: *вахла́к* ‘простодушный человек, простак’, *глупа́к* ‘глупец’ и др.). В СРНГ зарегистрированы однокоренные ЛЕ *брында* ‘1. Девушка небольшого роста, не отличающаяся умом и ленивая. 2. Капризный, обидчивый человек. 3. Распущенная женщина’ [СРНГ, 3, с. 218] и *брындик* ‘1. Щеголь, франт. || Выскочка. 2. Лентяй’ [СРНГ, 3, с. 218–219], а также глагол *брындать* ‘бездельничать, мотаться без цели, без нужды; бить баклуши’ [СРНГ, 3, с. 218]. Лексема *брындик* в первом ЛСВ зафиксирована в ст-цах Ладожской и Некрасовской Краснодарского края [РГК, с. 45]. Высказывания информантов, а также беседы с ним позволяют сформулировать у слова *брында́к*, кроме значения ‘щёголь, франт’, ещё один ЛСВ – ‘гуляка, любитель женщин’: *Брында́к – э́та катóрый нижына́тый, ни сими́и у ниво́ нэту. Э́та гуля́ций мужы́к* (Кабард.).

Совершенно очевидно, что в лексическом пространстве говоров позднего образования локальные варианты занимают особое место, поскольку отражают статику и динамику глубинных процессов развития диалектной лексической системы и механизмы её взаимодействия с материнскими говорами и РЛЯ.

Приведённые факты локального варьирования ЛЕ и образования слов-локализмов демонстрируют, что кубанские говоры, несмотря на имеющееся сходство с материнскими говорами, на так называемую «вторичность», обладают в то же время и определённой самостоятельностью, проходят в русском диалектном континууме собственный путь развития, что позволяет рассматривать их как самобытный и уникальный идиом. Локализмы имеют различную

локализованность на территории распространения кубанского диалекта: их функционирование может охватывать как широкий ареал, так и ограничиваться говором одного населённого пункта. Широкую дистрибуцию имеют в кубанских говорах такие локализмы, как *балáкать* ‘говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой’, *говори́(ы)ть* ‘говорить на кубанском диалекте’, *душá* ‘сердцевина, мякоть арбуза’, *разговáривать* ‘говорить на РЛЯ’, *рóзочка* ‘сорт скороспелых яблок’, *тру́женица* ‘рабочая пчела’ и мн. др. Узколокальными являются ЛЕ *байстрю́к* ‘одинокий, неженившийся мужчина’ (Кулик.), *брехáловка*, *брёшка* (Родник.), *дзы́га* ‘нервная, раздёрганная женщина’ (Кулик.), *дурачо́к* ‘пережёванный хлеб или другая пища; завернутые в марлю или тряпицу, которую дают маленьким детям’ (Старомыш.), *красно́та* ‘красная рыба’ (Долж.), *кро́квы* ‘руки’ (Ярослав.), *мартю́к* ‘подснежник’ (Некрас.), *медвежа́тник* ‘соня’ (Копан.), *пидчипуры́ться* ‘подстричься’ (Кулик.), *побобéть* ‘сморщиться от долгого пребывания в воде (о руках)’ (Кулик.), *суббо́тница* ‘любовница’ (Старомыш.), *сюрту́к* ‘стёганка’ (Старотит.) и др. Представленность / непредставленность локализмов отражает неравномерность проявления потенциальных возможностей частных диалектных лексических систем. В целом семантическое варьирование диалектных и общерусских слов, а также рождение региональных ЛЕ играют важную роль в организации словарного состава кубанского диалекта в его синхронии.

В лексическом пространстве кубанских говоров зарегистрированы также слова, заимствованные в результате прямых контактов диалектоносителей с представителями кавказских народов. Приходится констатировать, что в современных материалах такие языковые факты немногочисленны (как правило, эти ЛЕ вошли в кубанские говоры из материнских языков). Между тем отдельные факты очевидны. См. напр., не отмеченное ни в СРНГ, ни в украинских словарях существительное *айла́н* ‘бузина’. Информант из ст-цы Тенгинской сам обращает внимание на неисконность этого слова, которое прижилось в местном диалекте: *Айла́нам иё, навёрна, ат чиркёсав заву́ть*. Другой пример, слово *мару́шка* ‘женщина, девушка’, зарегистрированное С.Д. Мастепановым. Оно, как отмечает

исследователь, заимствовано казаками от горцев, подстраивающихся под русскую речь [Мастепанов, 2013, с. 55].

Заимствования из языков кавказских народов также могут подвергаться в кубанском диалекте варьированию. Так, ЛЕ *бадриж́ан* зафиксирована в двух ЛСВ. Если первый ЛСВ ‘помидор’ СРНГ трактует как заимствование из азербайджанского языка [СРНГ, 2, с. 41], то второй – ‘прозвище жителей ст-цы Ярославской’, имеющий иронический оттенок, – является локальным: *Рáньша яраслáвских зва́ли «бадриж́анами»: ани́ так памидо́р называ́ли* (Ярослав.).

Слово *кубга́н* М. Фасмер подаёт как заимствование из терского со следующим толкованием: ‘Большой металлический кувшин’ [см. Фасмер, II, с. 396]. В кубанских говорах диалектизм употребляется в двух фонематических вариантах – *кубга́н*, *куба́н*, которые имеют несколько иное значение – ‘глиняный высокий горшок, кувшин с узким горлом, обычно с двумя ручками’: *Эта куба́н у ми́ня был, разби́лся, в нём агури́цы са́лили* (Арх.). *Кубга́н – кушы́н з двумя́ ру́чками* (Новопавл.). *Маки́тра – без ру́чик, а кубга́н – с ру́чками* (Успен.). В БТСДК ЛЕ представлена как полисемант – ‘1. Большой глиняный сосуд объёмом 8 – 12 литров для хранения молочных продуктов. 2. *перен., унич.* Голова’ [БТСДК, с. 246].

Проведённое исследование делает возможным выделить в лексике кубанских говоров следующие генетические пласты: 1) неварьируемая лексика материнских говоров и общенародного языка; 2) локальные варианты ЛЕ материнских говоров и общенародных слов; 3) собственно локализмы; 4) неварьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа; 5) варьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа.

2.3 Лексика тюркского происхождения как важная часть общекубанского лексического пласта

Особое место в лексическом пространстве кубанских говоров занимают тюркизмы. На территории Северного Кавказа в настоящее время проживают

несколько тюркоязычных этносов: балкарцы (Кабардино-Балкария), карачаевцы (Карачаево-Черкесия), ногайцы (Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Шелковской район Чечни), кумыки (Дагестан, Северная Осетия), а также представители других народов, языки которых испытали сильное тюркское воздействие. Многие тюркизмы широко фиксируются в диалектных словарях и в словарях РЛЯ, в силу чего при их изучении далеко не всегда возможно чётко разграничить результаты прямого тюркского влияния и опосредованного смежными языками другого типа. Между тем в ряде случаев вполне правомерно утверждать, что зарегистрированные в кубанских говорах тюркизмы представляют собой наследие древнерусско-тюркских контактов. См., напр.:

арчак ‘деревянный остов седла’ [Ткаченко, 2008, с. 67] при наличии др.-русск. *ерчакъ* ‘лука, деревянный остов седла’ под 1557 г., заимствованного из татар. *arçak* ‘седельная лука’ [Фасмер, I, с. 92], при укр., белорусск. *арчак* ‘седло’, ст.-польск. *jarczak* ‘татарское седло’ [ЕСУМ, 1, с. 90 – 91].

В активном словаре носителей кубанских говоров находятся глаголы *булгачить / побулгачить*: *Адін рас нѣмцы нѣчью прикладам у двѣри как ударили – ані раскрылися. Я спугалась, ані джыркѣчуть, дитѣй набулгачили* (Андрюк.). Ср. также *булга* «тревога, суета», *булгачить*, *булгачить* «приводить в беспокойство, всполошить». При наличии др.-русск. *булгакъ* «смятение», Афан. Никит., *булгачьнь* «тревожный» (в грамм. XV в.; см. Срезн. III, Доп. 27), заимствованных из тюрк., ср. тат., вост.-тюрк. *bulçatak* «перемешивать», др.-тюрк., казах. *bulçak* «смятение», казах. *bulçak* «горделивый, гордый», чагат. *bulçak* «смятение»; см. Радлов 4, 1848; Корш, *AfslPh* 9, 493; *Mi. TEI.*, Доп. 1, 18; 2, 90 [Фасмер, I, с. 238].

В общекубанский лексический пласт входят диалектные фонематические варианты *о(у)чку́р*, отличающиеся начальными фонемами <О> – <У>, что характерно для кубанских говоров (см., напр.: *о(у)звар* ‘компот из сухофруктов’ и др.). Оба варианта отмечаются в восточнославянском континууме: *учку́р* «ремешок, шнурок, поддерживающий штаны», диал. *очку́р* (Гоголь), укр. *очку́р*, блр. *учку́р* (в аналогичном значении лексемы *о(у)чку́р* зафиксированы в кубанских говорах). Приведём их этимологическую разработку, представленную

М. Фасмером: заимств. из крым.-тат., тур. *uđkur* – то же, чагат. *İđkur* – то же (Радлов I: 1517, 1730); см. Корш, *AfslPh* 9, 505, 677; *Mi. TEL.* 2, 182; *EW* 371; Дени, *Mel. Boyer* 100; Локоч 166; Крелиц 59. Неприемлемо произведение из лит., вопреки Карскому (РФВ 49, 21). Диал. *учкар* – то же, терск. (РФВ 44, 109), отражает мену суффиксов, при условии, если это форма передана правильно [Фасмер, IV, с. 180]. В «Казачьем словаре-справочнике» предлагается энциклопедическое толкование слова, демонстрирующее его принадлежность к казачьему лексикону: «тонкий шнур, протянутый внутри мягкого пояса казачьих шаровар; туго затянутый поддерживает их на бедрах и незаметен под бешметом и черкесской» [КСС, с. 948]. В кубанских говорах оба варианта имеют оттенок устарелости и используются также в широком значении ‘шнурок, поясок’, что подтверждают записанные контексты: *Учку́ры мы насі́ли. Эта ф трусы́ адива́ли, фсе́ на учку́рах бы́ла, рызы́нак не́ была...* (Арх.). *Ра́ньшы ж не́ було́ рэ́мні́в – вیره́вки, называ́лись «учку́р»* (Белик.). *Ачку́ры у трусы́ вдива́ли, усё на учкура́х, рэзы́нак не́ была* (Арх.).

Слово *та́бор* (из тюрк.; ср. тур., крым.-тат. *tabug* «укрепление из повозок», чагат. *Tarkug* «укрепление», *tabug* «пояс, ограда» (Радлов 3, 953, 978, 980) [Фасмер, IV, с. 6–7]) в значении ‘полевой стан’ имеет в кубанских говорах широкую дистрибуцию: *Докóсьмся до обі́да и у та́бор – обі́дать* (Платнир.). *Та́бор – дом у стэпу́, у брыга́ди* (Марьян.). – Что это, *та́бор?* – *Та́бор – брыга́да* (Новопавл., Арх., Брат., Елиз., Нововелич., Петропавл., Старомыш., Старотит., Успен., Хопёр.). В аналогичном значении ЛЕ употребляется и на Дону [БТСДК, с. 523]. См. др.-русск. *та́бар* «турецкий лагерь» (Азовск. вз. XVII в.; см. РФВ 158), укр. *та́бор* «лагерь, обоз».

Лексический диалектизм *таганóк* ‘железный треножник для варки пищи на костре’, входящий в общекубанский лексический пласт, образован от существительного *тага́н* при помощи суффикса –ОК: *Бориц вари́ли... Бы́ли таки́и таганки́ на трёх но́шках. Туда́ налива́ли и дрова́ми тапи́ли* (Отваж.). См. *тага́н* уже в Домостр. К. 47, Лексиконе 1704 г. Через тат. *tagan* «станина, таган», тур., крым.-тат. *tygan* «жаровня» (Радлов 3, 795; 1305) [Фасмер, IV, с. 9].

ЛЕ тюркского происхождения в кубанских говорах могут представлять собой наследие украинского языка. См., напр., фонематические варианты *винба́р(ь)*, внешний облик которых позволяет признать их украинизмами (укр. *амбар*, *вінбар*, др.-русск. *анбарь*, *онбар* Домостр. К. (часто); из тур., кыпч., крым.-тат., тат. *ambar* [см. Фасмер, I, с. 75]). Территориальный паспорт подтверждает их вхождение в КГУЯО: *Винба́рь ще де́душка стрóив* (Серг.). *В гарóдах винба́ры такийи бы́ли для зэрна́, здарóвы такийи* (Старокорс.).

Украинская огласовка слова *чѣбит* ‘сапог’ (ср. в укр. *чобит*) также позволяет утверждать, что эта лексема тюркского происхождения (ср. тат. *ĉabat* «лыковый лапоть» [Фасмер, IV, с. 370–371]) вошла в КГУЯО из материнского языка. География ЛЕ демонстрирует, что в данной форме она действительно бытует в кубанских станицах, где исторически складывались КГУЯО: *Дэсь чѣбит загубы́ла* (Елиз., Дин.). В КГЮЯО зарегистрирован русифицированный фонематический вариант *чѣбот* – *Чѣбаты насі́ли*. – А один как называют? – *Чѣбат* (Арх.). В этой форме слово входит в общекубанский лексический пласт.

Другой пример – лексический диалектизм *каю́к* (из тат., крым.-тат., казах. *кајук* – то же (Радлов 2, 93) [Фасмер, II, с. 215]), номинирующий в местных говорах небольшую плоскодонную лодку на две пары весел, выдолбленную из ствола дерева: *Пла́ваю в основно́м на каю́ці, ры́бы, конéшно, ста́ло ма́ло* (Старовелич.). *Я от с тако́го ро́ста рыба́чу. В мэ́нэ був каю́к. Цэ ло́тка така́ самаде́льна. Я до́ма магу́ йиё зде́лать* (Бриньк.). Заключение о том, что ЛЕ пришла на Кубань из украинского языка [Гринченко, II, с. 229] можно обосновать её широкой дистрибуцией в КГУЯО, о чём свидетельствует география ЛЕ, и отсутствием в словарях, отражающих лексику КГЮЯО [Костина 2008; РГК, СКГ]. В донских говорах эта ЛЕ представляет собой полисемант. В первом ЛСВ она совпадает с кубанским диалектизмом, два других ЛСВ: ‘ствол дерева (вербы, тополя), предназначенный для выдалбливания лодки’ и ‘лодка на 10-15 человек’ [БТСДК, с. 213] – в кубанских говорах не зарегистрированы. На Кубани слово употребляется также в значении сказуемого ‘гибель пришла, конец пришёл’: *Ло́тка – каю́к: як пэрэвэрну́вся, так ы каю́к* (Копан.). Этимологи указывают, что

связь этого значения с первым вызвана ненадёжностью лодки (ср. у В.И. Даля одно из толкований слова *каюк* ‘долбушка, однодеревка без набоев, душегубка, лодчонка’ [Даль, II, с. 101]) [ср. Шипова, с. 177].

См. также: *кирпич* (из тюрк.-др.-русс. кирпичь (Домостр. Заб. 137, К. 68), кирпичный, 1 Соф. Летоп. часто [Фасмер II: 238]). В кубанских говорах существительное *кирпич* функционирует в двух фонетических вариантах – [*кырпыч*’, *к’ирп’ич*’] и имеет диалектный ЛСВ ‘сухой коровий или конский навоз, используемый как топливо’: *Называют «кырпыч» кизякы* (Бол. Бейс.). *Овэчий кырпыч горючий* (Николаев.). *Топылы кырпычём, кураём. Зараз у нас газы* (Копан.). *А зимой, як дров нэ хватала, так кирпичамы топылы* (Бород.). Поскольку в словаре Б.Д. Гринченко структурный вариант *кырпыч* зарегистрирован в аналогичном значении [Гринченко, II, с. 239], отсутствующем у неё в РЯ, можно считать зафиксированный в кубанских говорах семантический диалектизм *кырпыч* наследием украинского языка, а слово *кирпич* – его фонетическим русифицированным вариантом.

Из украинского языкового континуума пришло в РЯ слово *люлька* ‘курительная трубка’. В украинский оно попало из турецкого или азербайджанского [см. Фасмер, II, с. 546]. В местных говорах ЛЕ является устаревшей, поскольку употребляется информантами только в рассказах о старине либо в пословицах и поговорках: *Козакы курылы люльки* (Старотит.). *За тютюн и люльку казак и жынку оддасть* (Пашк.).

Языком-посредником могут выступать и донские говоры. Так, С.А. Мызников признаёт более вероятной тюркскую версию происхождения фонематических вариантов *о(а)хán*, называющих ставную крупноячеистую сеть для лова красной рыбы. В отличие от А.Е. Аникина, который, не приводя этимонов, говорит о греческом или иранском источниках [Аникин, 2000, с. 433], С.А. Мызников сравнивает с тюрк. *ау ‘сеть для ловли птиц, рыб’, где -АН суффикс на русской почве [СГТЯЛ, с. 418 – 419], и считает, что факт присутствия данной ЛЕ в донских говорах [БТСДК, с. 28]) придаёт убедительности предположению о проникновении лексемы на Кубань из данного диалектного

континуума [см. Мызников, 2009, с. 214]. Ещё одним подтверждением изложенной версии может служить факт отсутствия данной ЛЕ в украинском языке. Приведём её в записанных на Кубани контекстах, подтверждающих, что она входит в активный словарь носителей диалекта: *Ахán – цэ ж та сама поріжна сітка, тійки на краснюка* (Елиз.). *Піідым стáвить ахán* (Глафир.).

В отдельных случаях можно с большой вероятностью утверждать, что в основе ряда функционирующих в кубанских говорах ЛЕ лежит живое автохтонное влияние смежных тюркских языков. Так, заметное воздействие на говор двух хуторов Приморско-Ахтарского района Краснодарского края – Новопокровского и Новонекрасовского – оказал турецкий язык, поскольку часть жителей этих населённых пунктов – русские переселенцы из Турции, вернувшиеся в Россию в начале 1920-х годов, и их потомки. За приезжими прочно закрепились прозвища *курды* и *курдянки*: *Ф насталах хади́ли, бе́днии бы́ли, нас называ́ли курдя́нки* (Горшкова Евдокея Ефимовна 1924 г.р., жительница хут. Новонекрасовского, родители которой переселились на Кубань из Турции). Из турецкого языка в говор указанных населённых пунктов вошли, напр., такие ЛЕ, как *асма́* ‘виноградная лоза’ (тур. asma), *баджáк* ‘верхняя часть дымохода, расположенная над крышей’ (тур. baja), *да́йма* ‘обычно, постоянно’ (тур. daıma), *капа́к* ‘крышка кастрюли’ (тур. karak), *катра́н* ‘1) смола; 2) смазочный материал’ (тур. katran), *ла́мба* ‘лампа’ (тур. lâmba), *нугу́т* ‘сорт гороха’ (тур. nohut), *рака́* ‘водка’ (тур. rakı), *тава́* ‘большое блюдо’ (тур. tava) и некот. др.

В отдельных случаях возможно с большой вероятностью предположить, что ЛЕ могли быть заимствованы из языков народов Северного Кавказа. См., напр.: *тебе́ньки* ‘кожаные лопасти по бокам казачьего седла на пряжках’ – при карачаево-балкар. *тебенги* ‘деталь седла’; *хабу́р-чабу́р* ‘скарб, вещички, пожитки’ – при карачаево-балкар. *хабур-чубур* ‘барахло’.

Тюркские языки могут выступать в роли языка-посредника, через который происходит заимствование в другие языки, в нашем случае – это русский или украинский. См., напр.: *кума́ч* и в русском и в украинском языках заимствовано из тур., крым.-тат., тат. «красная хлопчато-бумажная ткань» (Радлов 2, 1048), араб.

происхождения; см. Корш, там же; Mi EW 147; TEI. 1, 336; Крелиц 33 [Фасмер, II, с. 415]. Наряду со словом *кумáч* в кубанских говорах функционирует его словообразовательный вариант – *кумáчник*:

В силу того, что кубанские говоры – говоры позднего образования, зарегистрированные в них тюркизмы, как правило, представляют собой наследие материнских говоров, послуживших языковой основой для кубанского диалекта. Не претендуя в дальнейшем на выявление языка-источника, из которого слово попало на Кубань, опираясь на работы, посвящённые изучению тюркизмов в восточнославянских языках, в том числе на имеющиеся этимологические словари (А.Е. Аникина, А. Г. Преображенского, В.В. Радлова, Э.В. Севортян, М. Фасмера, Р.А. Юналеевой, Е.Н. Шиповой и др.), рассмотрим особенности функционирования ЛЕ тюркского происхождения на «кубанской почве».

Нередко эта лексика, как справедливо отмечает С.А. Мызников, имеет широкое распространение именно в казачьих говорах, являясь составной частью общего лексикона у донских, уральских, терских, гребенских, сибирских, а также кубанских казаков [Мызников, 2013, с. 181]. Само слово *казáк*¹ является тюркизмом. К знаковым для казачества Кубани и Дона относится лексема *курéнь*. Её глубокое исследование представлено в статье О.Н. Мораховской, написанной на основе данных ДАРЯ и с привлечением отдельных сведений, находящихся за пределами ДАРЯ [Мораховская, 1975, с. 252 – 285]. В проанализированных О.Н. Мораховской материалах зафиксирована одна звуковая форма – *курéнь* с вариативным ударением – более частотным на втором слоге [см. Там же, 254]. На Кубани ЛЕ функционирует с ударением на втором слоге в следующих фонетических вариантах – *ку[r'é]нь*, *ку[rэ]нь*, *ку[r'í]нь*. Первый отмечается в речи представителей передового слоя местных говоров: в данной огласовке проявляется влияние РЛЯ. Второй – характерен для носителей КГЮЯО, которые произносят твёрдый согласный [P] перед гласными переднего ряда. Третий

---

¹Займств. из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат., *kazak* «своевольный, независимый человек, искатель приключений, бродяга» (Радлов 2, 364 и сл.); см. Бернекер¹, 496; Mi. TEI. I, 330. [Фасмер II: 158].

вариант *ку[r'í]нь* типичен для представителей КГУЯО (см. также: *дид, лито, мисо, обид*). В кубанском диалекте этот лексический диалектизм относится к мужскому роду, колебаний в роде не наблюдается. В формах косвенных падежей, а также в Им. п. мн. ч. гласный [Е] второго слога сохраняется – *куренья, курени*.

На Кубань это слово в значении ‘отдельная часть запорожского казачьего войска» (в старину)’ пришло из украинского языка. Запорожские казаки, проживая совместно с татарами и служа Крымским ханам, объединялись в *курени* и сохранили этот термин, перейдя на окраины Великого княжества Литовского. У них *курени* – это неодинаковое по численности военное содружество односельчан и родственников с *куреным атаманом* во главе и с названием по той местности, откуда в него приходило постоянное пополнение. Куренное устройство запорожцы принесли с собой и на Кубань. В Положении «Об устройстве Черноморского Войска» (Полное Собрание Законов, т. XXVII, № 20508. 13.11.1802) говорится: «Ныне существующий внутренний сего Войска распорядок, основан будучи на правилах прежнего Запорожского, состоит из Войскового Коша, который есть главный стан Войска, и под главным начальством Войскового (Кошевого) атамана составляют его 40 куреней, тех самых наименований, какие существовали в Войске Запорожском, с чинами и служителями по росписи с 1792 году июля в 30-й день означенными» [КСС, с. 459].

По поводу происхождения слова учёными выдвигаются различные версии. Так, М. Фасмер, ссылаясь на В.В. Радлова, признаёт его заимств. из чагат. *Kürän* ‘1) толпа, племя, отряд воинов; 2) пекарня’ и не приемлет сравнения с глаголом *курить* у Фортунатова и Миклошича [Фасмер, II, с. 425]. Г.П. Цыганенко считает, что от слова пошли две ветви значения: 1) «временное жилище для казаков», «шалаш» > «изба»; 2) «войско, расположенное в лагере (курене)» > «войсковая единица». С этим последним значением связано прил. *куренной* (атаман) [Цыганенко, 1989, с. 204]. В РЯ, подчёркивает учёный, оказались по происхождению три слова-омонима *курень*. Так, *курень* от праслав. *кугь «дым», от него в диал. *курень* «курная изба», «баня»; «место в лесу для выжигания угля»,

«временная постройка» и т.п.; *курень* от кур «пыль», от него диал. *курень* «вьюга, метель»; *курень* от тюрк. *küren* «лагерь» [Там же]. Персидский историк XIV века Рашид ад Дин определяет значение слова *курень* как «кольцо». «В старинные времена, когда какое-либо племя останавливалось на каком-нибудь месте, наподобие кольца, а старейший из них был подобен точке в середине круга, это называли *курень*. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той же фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель» [КСС, с. 458]. Высказывается также предположение о происхождении лексемы *курень* от татарского *курэн* «круг» [см. Брысина, 2006, с. 190].

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» это слово приводится со следующим толкованием: ‘1. *Обл.* Шалаш; лёгкая летняя постройка. 2. *Обл.* Жилище, дом (у казаков). 3. В старину – отдельная часть запорожского казачьего войска; военный стан такой части’ и дана ссылка на Росс. Целлариус 1771 г. [БАС, 5, с. 1861 – 1862]. МАС также фиксирует у слова три ЛСВ. Ср.: 1. *Обл.* Шалаш, сторожка (на огородах, бахчах и т. п.). 2. *Обл.* жилой дом в некоторых местах Украины и в казачьих станицах на Дону. 3. *ист.* Отдельная часть Запорожского войска, а также военный стан такой части (с 1600 г до половины XVIII в.) [МАС, II, с. 152]; СУМ подаёт 5 ЛСВ: 1. Лёгкая постройка, сторожка на огороде, баштанах. 2. Жилище. 3. *ист.* Отдельная часть Запорожского казачьего войска. 4. *ист.* Казачье жилище, входящее в такую часть. 5. *ист.* В период гражданской войны – войсковая часть контрреволюционного казачества [СУМ, VI, с. 409]. В РНЯ, как отмечает О.Н. Мораховская, у слова *курень* наблюдается гораздо более широкий круг значений – 35 ЛСВ, которые исследователь группирует по степени их близости в три семантических блока: I. Значения, связанные с пекарней. II. Значения, связанные с выжиганием угля. III. Значения ‘жилище’, ‘помещение для домашних животных’, ‘сооружение, служащее укрытием от солнца и непогоды’ [ср. Мораховская, 1975, с. 253 – 257]. Подобная разветвлённость значений, вероятно, в какой-то степени вызвана тем, что в слове сближаются неславянские и славянские корни.

Функционирование данного лексического диалектизма в речи современных носителей кубанских говоров позволяет выявить семь ЛСВ и два оттенка значения: ‘1. *ист.* Отдельная часть Запорожского войска, а также военный стан такой части (с 1600 г. до половины XVIII в.). 2. *Устар.* Казачье поселение, станица до 1858 г. 3. Казачья хата. // Дом. 4. *Устар.* Хата, в которой жили в степи, крытая соломой или камышом. // Хозяйственная постройка. 5. Шалаш в степи. 6. Землянка. 7. О людях одного куреня’.

Приведём соответствующие контексты, демонстрирующие наличие выявленных значений:

1. *Куринь – цэ у казакив-запорожцив оддильна часть войска* (Дин.). *Кадась козакі воюва́лы, у ніх булы курині* (Бол. Бейс.). 2. *Ну станы́ци ш, оны́ булы ны станы́ци, а курині, вполсэ́цтвиш пырыминовáлы в станы́ци* (Крыл.). 3. *Патом дит купы́в хату напро́тыв ПЭТЭУ. Хátка така́я – курэ́нь. Аблажы́ли ёго кырпычём* (Куш.). *Наш курэ́нь стая́л на краю́ станы́цы* (Усть-Лаб.). 4. *Мы жы́лы по стипя́х, там и дítы... В курэ́нях жы́лы. Цэ хáта, накры́тая солóмой, ві́кна манэ́сэнкы, отó мы там и жы́лы, а зимой – дóма* (Новотит.). *До курэ́ня мы на повóсках йі́халы...* (Старомыш.). *Така́ малэ́нька хátка, отó куринь, малэ́нькая там избу́шка, шоб гуртува́тысь там усё лі́то, у стэпу́... А у курині крòвати стоя́лы, стил, шо и в хáти* (Старомыш.). // – *В мэ́нэ стрóйка, ні́колы сыдítь. – А что вы строите? – А óн, ба́чиш: куринь – гара́ш сы́ну* (Новопласт.). *У ніх курэ́нь для кур бага́тый* (Калниболот. – РГК). 5. *Куринь на ба́штáни як шалáш* (Новопласт.). *Було́ такэ́, шо и ночува́лы в стэпу́. Там булы́ курині. Цэ як шалáш* (Пласт.). *У курені ны було́ ны пычі́, нычэ́го* (Новотит.). 6. *Курэ́нь у вайну́ зде́лали, здесь ад бпмбёи́шки прятáлись* (Зассов. – РГК). 7. *Куринь выпровожа́в казака́ на службу́* (Крыл.).

Словари СРЛЯ – БАС, МАС, а также словарь украинского языка – СУМ не фиксируют у лексемы значение ‘казачье поселение, станица’. Между тем в «Казачьем словаре-справочнике» отмечается, что у казаков слово *курень* означает собрание станиц, станицу, и иногда казацкую избу или избу вообще [цит. по КСС, с. 458]. На Кубани также *куренём* называли не только жилище казака, но и казачье

поселение, представлявшее собой хозяйственную организацию, располагавшую подсобным хозяйством в виде хуторов. *Курени́* носили разные названия: по имени атаманов – их основателей или по названиям городов-метрополий, откуда пришли первые казаки в Запорожскую Сечь: Величковский, Деревянковский, Динской, Крыловской, Кореновский, Каневской, Мышастовский, Тимашевский и др. *Курени* на Кубани переименовали в станицы в 1858 году, и это значение существительного постепенно перешло в разряд архаичных: *Щас ка́жут «стань́ця», а тоді каза́лы «курэ́нь»* (Марьян.).

В отдельных кубанских станицах ЛЕ *курé(и)нь* для обозначения жилища человека не употребляется (вместо него используется слово *хата*). При этом у структурных вариантов *курé(и)нь* в значении ‘казачья хата’ не зафиксирован оценочный компонент (ср. с донскими говорами, где *курéнь* означает не только ‘любой дом в станице или хуторе, но и ‘большой добротный дом’, а также ‘плохой, ветхий домишко’ [Брысина, 2006, с. 191 – 192]). Повсеместно употребительным в кубанских говорах является ЛСВ ‘шалаш в степи’. В диалектологических материалах XIX – первой половине XX века значение ‘укрытие от солнца и непогоды’ также чаще всего реализуется в варианте ‘шалаш’ [Мораховская, 1975, с. 279], которое в словарях СРЛЯ подаётся первым.

Полагаем, что в региональном словаре иерархию значений диалектизма следует выстраивать с учётом его исторического бытования на основе семантических блоков, в которые группируются ЛСВ. Семь зарегистрированных в кубанских говорах значений и один оттенок значения можно объединить в следующие семантические блоки: I. Значение ‘часть войска, военный стан’ (ЛСВ – 1). II. Значение ‘поселение’ (ЛСВ – 2). III. Значение ‘помещение’, ‘сооружение, служащее укрытием от солнца и непогоды’ (ЛСВ – 3, 4, 5, 6 и два оттенка значения). IV. Люди (ЛСВ – 7). Предложенная лексикографическая разработка семантической структуры формальных вариантов *курé(и)нь* последовательно отражает исторический путь развития семантики ЛЕ, демонстрируя, как на основе более общих значений формируются частные, осложнённые конкретными семантическими признаками.

Рассмотрим другие, «знаковые» для казачества слова, связанные с земельными отношениями.

Пай [Шипова, 256]. Данный тюркизм в русских говорах функционирует в 9 ЛСВ [СРНГ, 25, с. 152]. Специфическим для кубанских, донских, ставропольских и терских казаков является значение, в котором ЛЕ представляет собой историзм – ‘основной земельный надел казака, выделяемый казаку по достижении им шестнадцатилетнего возраста из станичного *юрта*’. В кубанских говорах наряду со словом *пай* функционируют его структурные варианты – *пайка*, *паёк*: *Была у нас два сына да атёц из мужыко́ф. Вот на них нам зёмлю и давали. Три мужыка – три пая. Каждый пай – на шэсть гикта́роф (Желез.). Тады́ на сына зэмли давались, тики на сына, як паёк палуча́лы (Бриньк.). А патом пайки́ стали дили́ть (Брат.). Браты́ за путя́ на пайкы́ йи́здылы сапа́ть (Сев.)*. Величину пая устанавливало собрание (станичный сбор) ее «десятидворных» представителей; она зависела от прироста населения и размеров *юрта*; новопоселенные станицы наделялись землею из земельного фонда Войска с расчетом по 30 десятин на каждого взрослого мужчину; с ростом населения пай постепенно уменьшался, иногда — до пяти десятин. По обычному праву вдовы получали половину пая, а вдовы с сиротами — полный пай [КСС, с. 620]. На Кубани у ЛЕ зарегистрирован ещё один ЛСВ ‘земельный надел колхозника’: *Мне пай да́ли, но пришло́сь э́тат пай прада́ть да гас правэ́сть (Арх.)*.

Баг. Заимствовано из турецкого или крымско-татарского языков (тур. *bağ* ‘виноградник, сад’, крымско-тат. *bağ* [ср.: ЕСУМ, 1, с. 108]). Лексический диалектизм функционирует на Кубани в двух грамматических вариантах – *баг* и *ба́га* – в значении ‘казачий земельный надел, где выращивался виноград и фруктовые деревья’: *Ба́гы – каза́чий наде́л. На то́м багу́ виногра́т (Ахтаниз.). Тут бу́лы единоли́чны ба́гы (Кучуг.). Сис́тра па́ехала паха́ть, а я ба́гу карау́лила (Новопокр.)*.

Юрт [Шипова, с. 431]. В кубанских говорах, как и в донских [см. БТСДК, с. 601], этот лексический диалектизм означает ‘1) земельные угодья одной станицы; 2) объединение нескольких станиц с их земельными наделами и угодьями;

3) часть станицы, которая пользовалась определённым участком земли': *А другія отó станы́ци, дэ юрты́ бѣльшэ, – Староминскáя, Кущѣвка, там стипя́ бѣльшэ. Шо такэ́ юрт? Отó та зэмля́, шо станы́цю окружде́. У нас от бѣльшы нэ було́, як дэ́сятъ киломѣтрив стѣп. Тут казáчий пай – зэмля́ дава́лась рáньшы, до два́цать трѣтѣго́ году (Старомыш.). В нáшэй станы́цы бѣла читьри́ юрта́, и у кáждава бѣла́ свая́ зимля́ (Каладж.).* В аналогичных значениях в местных говорах зарегистрировано устойчивое выражение *юртовáя земля́*.

Баз [Шипова, с. 47]. Важное предназначение в хозяйстве казака и современного станичника имеет *баз* 'огороженное место, как правило, с крытыми помещениями, где содержат скот': *В нас базы́ булы́. У базу́ два́цать голов скоты́ны (Бриньк.). Був загорѣжэ́нный баз для скота́, выво́дылы тудá молодня́к, скот и сáми выйи́жжáлы жы́ты, усю́ пты́цю выво́зылы на стѣп (Старомыш.).* Диалектизм входит в общекубанский лексический пласт. Широко употребительным на Кубани является и суффиксальное образование *базок*: *Сви́ны у нас – в баску́ (Ахмет.). А базкы́, там курэ́й дэ́ржуть (Дружн.). Худѣба в баску́ (Новопавл.).*

Кара́гач, кара́ич [Шипова, с. 165]. Эти структурные варианты номинируют дерево 'вяз лиственный, берест', которое можно назвать «казачьим». Приведём расширенное толкование слова, дающее не только описание внешнего вида дерева, но и раскрывающее его значимость в жизни казака-воина: *кара́ич* – «порода крепкого, низко растущего степного дерева с витой желтоватой древесиной; нижняя часть изогнутого ствола, благодаря вязкости и твёрдости, служит лучшим материалом для выработки деревянных частей горско-казачьего седла – арчака или ленчика» [КСС, II, с. 55]. Слова *кара́гач, кара́ич* М. Фасмер фиксирует с ударением на втором слоге [Фасмер, II, с. 191]. На Кубани ЛЕ функционирует в двух акцентно-фонематических вариантах: *карага́ч, кара́ич*: *Карага́ч – ли́ственная де́рива, твѣрда́й парѣды (Андрюк.). Тапи́ли в аснавнѣм ака́цыей и карага́ч (есть де́рива такое) (Успен.). Карага́ч как я́синь (Владимир.). Кара́ич – на лы́стьях обѣрѣчки ро́зови (Хопѣр.).* Слово имеет русский эквивалент – существительное *ильма* [Фасмер, II, с. 191], не зарегистрированное наших

материалах (МАС фиксирует слово *ильм* ‘Большое лиственное дерево с ценной древесиной, распространенное в Европе’ [МАС, I, с. 911]).

Мажара [Шипова, с. 227]. ЛЕ является устаревшей, однако часто всплывает в воспоминаниях информантов: *Мажары бы́ли, шэсть аршы́н у длину́, шараба́ны* (Воздвиж.). *Си́но мы вазы́лы на мажара́х* (Батур.). СРНГ с пометой *Краснодар*. даёт слову следующее толкование ‘казачья (выделено нами) телега для двух лошадей или волов’ [СРНГ, 17, с. 292]. Ср. толкование, предложенное М.Фасмером: ‘большая, длинная телега с высокими выгнутыми боками (обыкновенно для перевозки сена)’ [Фасмер, II, с. 557]. В ст-це Архангельской записан словообразовательный вариант – *мажарка*: *У нас свая́ была́ мажарка, свай́ магази́ны бы́ли*. М. Фасмер регистрирует также фонематические варианты: *мажара́, маджара́, можара́* [Фасмер, II, с. 557]. См. также ещё один фонематический вариант, зафиксированный на Дону, – *маджяра* ‘широкая телега’ [БТСДК, с. 274].

Маи́та́к [Шипова, с. 232]. В местных говорах этим лексическим диалектизмом называют породу низкорослых степных лошадей, наделённых силой и выносливостью, но не обладающих большой резвостью: *Маи́та́кы́ нискоро́слы, ро́блять на вси́х рабо́тах* (Елиз.). – Как называют коня-тяжеловоза? – *Маи́та́к* (Ильич). На Дону лексема отмечена в трёх ЛСВ: 1. Лошадь по третьему году. 2. Старый конь. 3. Кастрированный конь [БТСДК, с. 280].

Чумбу́р [Шипова, с. 385]. Слово означает ‘запасной третий повод от кольца удил, специально для привязывания коня’: *У коня́к – чумбу́р, а у их (быков) – налы́гач* (Кущ.). Данный лексический диалектизм отмечен и в говорах донских казаков [БТСДК, с. 584]. М. Фасмер регистрирует два фонематических варианта – *чумбур, чембур* «поводок лошади» [Фасмер, IV, с. 331].

Шарова́ры [Шипова, с. 413]. В кубанских говорах слово номинирует часть традиционной мужской казачьей одежды: брюки с красными лампасами по боковому шву: *Ну яка хво́рма? Куба́нка, шарова́ры... Шарова́ры – цэ штани́ с кра́снымы вста́вкамы* (Елиз.). *Казакі хо́дють в шарава́рах с кра́снымы лампа́сами* (Усть-Лаб.). ЛЕ уже освоена русской языковой стихией, поскольку получила

русский орфографический облик, напоминающий русские слова с соединительной гласной О. На факт переоформления указывают данные академического словаря конца XVIII века, в котором ещё приводится слово *шаравары* с серединным А [ср. Юналеева, 1982, с. 67]. От слова *шаровары* в украинском языке известны образования: *шароварний*, *шароварики*, *шароварки* [Там же, с. 68], которые в кубанских говорах не отмечены.

Отдельного описания заслуживают историзмы, находящиеся на периферии словарного запаса современных носителей кубанского диалекта, но сохранившиеся в исторических и архивных документах. Удачная, на наш взгляд, попытка совмещения лингвистического анализа тюркизмов с привлечением исторических сведений была предпринята Б.Е. Фроловым в статье «Тюркизмы в военной лексике черноморских казаков конца XVII – начала XIX века» [Фролов, 2008, с. 226 – 229]. Использование исторических данных позволяет во многих случаях выявить время вхождения ЛЕ в казачий лексикон, а также проследить изменения в её семантической структуре, вызванные экстралингвистическими факторами. Следует отметить, что часть тюркизмов является достоянием РЛЯ, что выводит их за пределы диалектологических изысканий. См., напр.: *башлык*, *бешмет*, *карман*, *халат* и др.

Особый интерес представляют ЛЕ тюркского происхождения, которые употребляются в кубанском диалекте в значениях, не зарегистрированных в лексикографических источниках. Оказавшись в диалектной среде, эти слова проходят свой, особый путь семантического развития, демонстрируя своеобразие кубанского лексико-семантического пространства [см. об этом также Борисова, Костина, 2015а, с. 124 – 128].

Так, лексическому диалектизму *барантá*, представляющему собой историзм, М. Фасмер даёт следующее толкование – «самоуправная месть, состоящая из угона скота, разорения аулов, грабежей и т.д., вост.-русс., кавк., донск. (Даль)» [Фасмер, I, с. 124], см. также [Шипова, с. 61]. СРНГ отмечает у слова три ЛСВ, обнаруживающие некоторые различия на уровне дифференциальных сем: 'Стадо *баранов*'. Терск. 1900. 'Стадо *овец* и *баранов*'. За

Кубанью, Дон., 1929, 'Стадо овец, в особенности пасущихся на горах.' Тифл., Бирюков [СРНГ, 1, с. 107]. В Черноморском войске, как свидетельствуют исторические документы, слово употреблялось в значении 'скот' [Фролов, 2011, с. 227]. РГК регистрирует у него ещё два локальных ЛСВ. Один из них – 'шумная, бестолковая компания': *Барантá сабралáсь на лугу́ и рыгóчуть* (Отваж.). Данный ЛСВ возник в результате метафорического переноса по модели *стадо* → *компания людей* (см. аналогичный путь развития переносного значения у функционирующего в кубанских говорах семантического диалектизма *шáйка* '1) стадо свиней; 2) компания, группа людей; 3) шумная разгульная компания'). В ст-це Зассовской у существительного записан ЛСВ – 'несмышленный ребёнок': *Барантá бижы́ть сламя́ гóлаву прýма пад автóбус* (Зассов.).

Интересен процесс развития локальных ЛСВ у лексического диалектизма *бугáй*, которое в прямом значении 'племенной бык', имея в русских диалектах широкий ареал [СРНГ, 3, с. 235 – 236], входит также в общекубанский лексический пласт. Кроме прямого значения, у слова в говорах есть ряд переносных ЛСВ, в том числе характеризующих человека. На Кубани такими полидиалектными значениями являются: 'о крупном, сильном мужчине' и 'о женолюбивом мужчине'. В ст-це Передовой был зарегистрирован локальный ЛСВ с ироническим оттенком 'о мужчине с громким голосом': *Если грóмкий гóлас, назывáють «бугáй». У нас тут адíн был па-сасéцтву. И вот ужé большóй он и усё бунíть, плáчить: «Бу! У-у-у!» А йивó дражнíли «бугáй*. Появление у слова переносного значения, по всей вероятности, вызвано тем, что громкий мужской голос похож на рёв *бугая* (аналогичная ассоциация, как отмечают исследователи, привела к возникновению у этой ЛЕ, функционирующей в восточнославянских языках, семемы 'выпь', поскольку выпь издает звуки, чем-то напоминающие рёв быка [ср. Шипова, с. 90]; см. также в кубанских говорах однокоренное существительное *бугаéц* 'выпь'). Слово *бугáй* в наших материалах записано также в локальном ЛСВ 'большой палец': *Все пáльцы назывáюцца, как виздé, а большóй у нас «бугаём» завéцца* (Некрас.). *Бугая́ на прáвай руке́ нет* (Родник.). Его синонимом-дублетом в данном значении выступает существительное *бык*.

В кубанских говорах функционирует серия структурных вариантов: *бузе(и)во́к* [Шипова, с. 92], *бузові́к*, *бу́зе(и)вок*, *бу́зилок*, номинирующих годовалого либо двухлетнего телёнка: *Бу́зивак – подро́шший тилёнак* (Арх.). *Бузиво́к – цэ тыля́ гадава́лэ, ще ни каро́ва* (Марьян.). *Бу́зилак – э́та тилёнак* (Кубан.). В СРНГ лексический диалектизм представлен в форме *бу́зевок* в двух аналогичных ЛСВ: ‘1. Годовалый телёнок. 2. Двухлетний телёнок’ [СРНГ, 3, с. 256]. В украинском языке *бузівок* зафиксирован только в первом значении [Гринченко, I, с. 107]. На Кубани этот лексический диалектизм употребляется ещё в двух локальных ЛСВ ‘крупный, здоровый малыш мужского пола’ и ‘шустрый, беспокойный малыш мужского пола’, образованных на базе метафорического переноса и связанных с первым ЛСВ по типу радиальной полисемии: – Называют в вашей станице упитанных детей «бу́зивок» или «бузиво́к»? – *Ну да. Вот мой читьри с палавінай килагра́мма раді́лся, вот и бу́зивак* (Зассов.). *О! Тако́й «бу́зивак», называ́ли. Пло́тнинький тако́й. Ах ты, бу́зивак!* (Владимир.). *У сасе́дий ма́льчик – бузиво́к, и ни ска́жыш, што то́ка го́дик испо́лнился* (Арх.). *«Бу́зилак» и на тилёнка ска́жутъ, и на рыбёнка* (Кубан.) – *Бу́зивак – тако́й нипаслу́шный, вре́дный, бо́йкий тако́й. И тиля́та таки́и есть, а есть спако́йныи* (Упор.).

Кабáн [Шипова, с. 147] номинирует в кубанских говорах кастрированного кабана (ср. «вепрь, (дикая) свинья, боров» укр., блр. кабан [см. Фасмер, II, с. 149]): *Кастри́рованного называ́ют «кабано́м»* (Старомыш.). *Если кастри́руют, то ни «хря́к», а «каба́н» называ́ют* (Успен.). В данном значении слово имеет широкую дистрибуцию. Некастрированного кабана носители кубанских говоров называют *кнур*, *хряк*. Дифференциация некоторых самцов домашних животных по признаку *кастрированный / некастрированный* наблюдается и в других номинациях (см. также: *бугай* ‘некастрированный бык’ и *бык* ‘кастрированный бык’, *баран* ‘некастрированный баран’ и *ва́лух* ‘кастрированный баран’).

Карга́ [Шипова, с. 170] буквально означает 1) «ворона», 2) «старуха». В наших материалах у ЛЕ отмечены оба ЛСВ. Между тем данная ЛЕ употребляется носителями местного диалекта и для номинации галки. См. высказывания информантов: – Какие птицы у вас обитают? – *Карга́, грак, горобэ́ць*. – Карга –

это ворона? – Да (Молч.). – Цэ у нас ни галки называють, а «каргі». А каргі налитела, скільке каргі налитела – буде дощ (Шаб.). Подчеркнём, что записи сделаны в одном районе – Щербиновском. Вероятно, появление у ЛЕ значений, представляющих собой согипонимы, можно объяснить похожестью этих птиц.

В словаре М. Фасмера тюркизм *кермэк* [Шипова, с. 180] трактуется как «дубильный корень» [см. Фасмер, II, с. 225]. На Кубани ЛЕ имеет три ЛСВ, связанные между собой по типу цепочечной полисемии: ‘1) *раст.* съедобное растение с высоким стеблем; обладает лечебными свойствами; 2) лепёшка из муки, в которую добавляли траву; 3) плохо испечённый, твёрдый хлеб’. Первый и третий ЛСВ зарегистрированы и на Дону [БТСДК, с. 215]. Узколокальным является второй ЛСВ: *Шо йілы у войну? Кэрмэк напичуть, хліба ны було* (Старотит.).

В кубанском диалекте у слова *кизяк* [Шипова, с. 210], которое МАС регистрирует со следующим толкованием – ‘Высушенный в форме кирпичей навоз, употребляемый как топливо в южных и юго-восточных районах СССР’ [МАС, II, с. 60], записано переносное экспрессивное значение ‘*груб.* о дрянном человеке’: *Щас прымазываюцца у казакі. Какой ты казак! Ты кизяк! Где ты у казачестве был?* (Перед.).

Структурные варианты *курага* [Фасмер, II, с. 425], *курга* / *курагычка* / *куражїна* на Кубани функционирует в нескольких ЛСВ ‘1) дерево мелкий абрикос и его плоды; 2) сушёные без косточек плоды этого дерева’. Данные значения являются полидиалектными. В ст-це Новодеревянковской лексема используется для номинации любых сушёных фруктов: яблок, груш, слив: *Курга – сухафрукты. И яблаки, и грушы сушыли. То курга.*

Слово *кунак* («друг», кавк. (РФВ 44, 97), также у Пушкина, Л. Толстого и др. [Фасмер, II, с. 417]; см. также [Шипова, с. 209]) отмечено в словарях ЛЯ. У образованного от него глагола *куначить* ‘водить дружбу с кем-л.’ в местном диалекте зафиксирован локальный ЛСВ ‘распивать с друзьями спиртные напитки’: *В мого друга була бабушка, так вона нам кажэ, колы мы пъяни прыйдэм: «Шо, куначили?»* (Новокорс.).

В донских говорах лексический диалектизм *махán* [Шипова, с. 232] обнаруживает разветвлённую систему значений: ‘1. Мясо свиное. 2. Конина. 3. Протухшее мясо. 4. Падаль. 5. Кусок любого мяса для приманки. 6. Толстый, тучный человек’ [БТСДК, с. 279]. На Кубани ЛЕ функционирует в двух фонематических вариантах – *махán*, *макán*, а также в двух ЛСВ, второй из которых – локальный: ‘1) падаль; 2) большой живот’: 1. *Галадава́ли... Усе́, де́тачка, пириэ́ли, адíн махán ни э́ли. Вот дохля́тину, как лю́ди расска́зуют, мы ни э́ли* (Арх.). 2. *У ниво́ ба́льшой ма́кán* (Усть-Лаб.).

Лексические диалектизмы *сапéт* [Шипова, с. 279], *сапéтка* в наших материалах отмечены в двух ЛСВ ‘1) плетеная длинная корзина для хранения кукурузы; 2) небольшой сарай для хранения зерновых’: 1. *Кукуру́зу храны́лы в сапэ́тах, ви́шалы сапэ́т на стíнку в сара́и* (Старотит.). *Для кукуру́зы сапéтка з ды́рачкамы* (Марьин.). *Сапэ́тки – э́та корзи́ны, соло́му, се́но носи́ть* (Копан.). 2. *А зэрно́ сы́палы у сапэ́ты. Сапэ́ты булы́ як сара́й, чуть поны́шче, пра́вда. Воны́ булы́ пэрэгорóжэны. У оды́н видди́л сы́палы муку́, у други́й – зэрно́, у трэ́тий – насíння* (Старомыш.). *Сапéтка стаи́ть. Э́та сара́й для кукуру́зы* (Марьин.). Второй ЛСВ представляет собой локализм.

Общепринятое существительное *сунду́к* [Шипова, с. 293] ‘большой ящик для хранения вещей с крышкой на петлях и с замком’ зарегистрировано на Кубани в локальном переносном устаревшем значении – ‘о девочке, родившейся в казачьей семье’: *Повиту́ха дверь прыоткро́е и спрósэ, хто роды́ця, з ву́лицы: «План чи сунду́к?» И получа́лось так, шо у íх сунду́к, а план оды́н. А вот у Близнюки́в наоборо́т: тры сы́на и дочь – значит у íх тры́ планá и оды́н сунду́к* (Дядьк.). Развитие локальных образных ЛСВ у слов *план* и *сундук* произошло вследствие того, что земельный надел нарезался казаку только на ребёнка мужского пола, дочерям же родители должны были собрать сундук с приданым.

Лексический диалектизм *тума́к* [Шипова, с. 334] в русских говорах представляет собой полисемант [СРНГ, 45, с. 241]. Широкий ареал имеет пятый ЛСВ ‘О глупом, бестолковом, неграмотном человеке’ [Там же], в котором ЛЕ функционирует и на Кубани. Помимо указанного значения, у слова записан

локальный ЛСВ ‘болезнь, проявляющаяся временным помутнением рассудка’, образованный на основе метонимического переноса *болезнь* → *человек, страдающий этой болезнью*: *Йисть така бали́знь – тумак. Чилавэк дэлаицца малаумный, пириодами* (Батур.).

Рифмованное образование *хабу́р-чабу́р* [Фасмер, IV, с. 215] на Кубани употребляется как в значении ‘скарб, вещички, пожитки’, так и в локальном ЛСВ ‘всякая всячина (о разнородных предметах)’. Ср. записанные контексты: *Собра́ла у чувáл хабу́р-чабу́р и пишла́ з дыты́ной до ма́мы у станы́цю* (Марьян.) – *Злыва́ю цэй хабу́р-чабу́р у каду́шку, а звэрху гнит* (Бриньк.). *Пашла́ в хозма́х, накупы́ла всякый хабу́р-чабу́р: мо́юци, срэ́цтва от таракáнив* (Старотит.). В ККС приводится существительное *хабу́р* «багаж, дорожные вещи» [КСС, с. 967] (ср. в кубанских говорах в аналогичном значении *хабары́*).

В общекубанский лексический пласт входит лексический диалектизм *чувáл* [Шипова, с. 400] ‘большой мешок’. В аналогичном значении ЛЕ функционирует и на Дону [БТСДК, с. 582]. В ККС представлено её толкование, содержащее некоторые дифференциальные признаки: ‘*брезентовый мешок на 80 кг зерна*’ [КСС, с. 1044]. На Кубани у ЛЕ зарегистрированы ещё два архаичных локальных ЛСВ: ‘одежда из мешковины’ и ‘обмотки на ноги из мешковины’, образованные по типу метонимического переноса по модели *материал* → *одежда из этого материала*: *Та с чувáлив шы́лы и плáття, и ю́пки, и ко́хты. В стэп идэ́ш в чувáли, в клуп – в чувáли* (Старомыш.). *И сапо́х нет, адни́ чувáлы* (Тбил.).

Лексический диалектизм *чурэ́к* М. Фасмер подаёт со следующим толкованием – ‘большая печёная лепёшка продолговатой формы из пресного теста’ [Фасмер, IV, с. 386]; см. также [Шипова, с. 404]. Записанные на Кубани контексты позволяют внести некоторые уточнения в толкование ЛЕ ‘лепёшка *из кукурузной муки, в которую часто добавляли траву*’: *Чурэ́кы робы́лы с чэ́го-нэбу́дь, з бурья́ну* (Марьян.). *Мы пыклы́ чурэ́кы ис кукурузна́й крупы́* (Бриньк.). *Кукуру́зу налама́ли, с э́нтай му́ки дэлали чурэ́к и́ли кáшу. У каво́ чурэ́к – те ужэ́ бага́тыи бы́ли* (Отваж.). ЛЕ употребляется в кубанских говорах также в значении ‘чёрствое мучное изделие’: *Сасэ́тка пираго́м угасты́ла. Да э́тат чурэ́к ни*

угрызёш (Арх.). На базе второго ЛСВ появилось УС *сухой как чурэк* ‘о чёрством мучном изделии’: *Хлеб сухой как чурэк – и ни угрызёш* (Пашк.). Первый ЛСВ слова *чурэк* демонстрирует изменения в семантической структуре на уровне дифференциальных сем – ‘из кукурузной муки’, ‘с добавлением травы’, приводящие к уточнению, специализации значения, отражению в семантике ЛЕ специфики её местообитования (ср. в донских говорах ‘1. Хлеб из ржаной или пшеничной муки. 2. Неудачно испечённый хлеб’ [БТСДК, с. 584]). Слово входит в общекубанский лексический пласт.

Тюркизмы активно участвуют в словообразовательных процессах. Так, восемь производных зарегистрировано у лексического диалектизма *кавун* [Шипова, с. 149] ‘арбуз’ – *кавунчик* ‘арбуз небольшого размера’: *Ты кавунчики везёш?* (Канелов.); *кавуніха, кавунка, кавуніця, кавунічка* ‘женская особь арбуза приплюснутой формы’: *У кавунá пópка шырóкая, а у кавуніхи ўзінькая* (Чамлык.). *Кавунка, вонá красна, послáще* (Николаев.). *Кавуніця: жóпка – упáдина туды* (Копан.). *Кавунічка слáще кавунá* (Нововелич.); *кавунóвый, кавунячий* ‘арбузный’: *Бабушка варыла мёт кавунóвай* (Успен.). *Кавунячий мэд дэ́лалы* (Старотит.); *кавунці* ‘плетущееся по земле растение с колючими семенами в виде горошка с шипами’: *Ой! До тэ́бэ кавунці поначипля́лысь!* (Новокорс.).

Пять дериватов, отличающихся суффиксами и чередованием фонем <K>//<Ч> на стыке корня и суффикса: –ОВ(ЫЙ), –АН(ЫЙ), –АЧ(ИЙ), –Н(ЫЙ), –КОВ(ЫЙ) зафиксировано у входящего в общекубанский лексический пласт лексического диалектизма *кабак* [Шипова, с. 145] ‘тыква’: *кабакóвый, кабачáный, кабачáчий, кабачкóвый, кабáчный* ‘тыквенный’: *Варылы раньшы адну́ кашу кабако́ву* (Бород.). *Кáшы разни варыли: и кабачáну, и кукурузя́ну, и пыны́шину* (Ольг.). *Варю кабачáчу кашу* (Бород.). *Кабáк кускáмы па́рылы и кашу варылы кабачкóву* (Камыш.). *Та я и щáс варю́ кабáчну кашу* (Елиз.).

На базе акцентологических вариантов *гарбуз* [Шипова, с. 115], *гарбу́з* ‘тыква’ образовано четыре прилагательных с суффиксами –Н(ЫЙ) / –ОВ(ЫЙ) / –ЯН(ЫЙ) / –ЯЧ(ИЙ): *гарбу́зный, гарбузо́вый, гарбузя́ный, гарбузя́чий* ‘тыквенный’: *Я и щáс варю́ гарбу́зну кашу* (Мек.). *Щи и кáша гарбузо́ва – цэ наилу́ча йида*

(Парк.). *Кабакы́ булы́, так гарбузя́ну ка́шу вары́лы. Молоко́ як було́, так з молоко́м любы́лы гарбузя́ну ка́шу* (Марьян.). ...*гарбузы́ са́дым. Из ны́х зимо́ю ва́рым гарбузя́чу ка́шу. А вона́ така́ до́бра, да е́сли малако́м ище́ палы́ть...* (Серг.).

От лексического диалектизма *кайда́л* [Шипова, с. 152] образовано слово *кайда́льник* ‘пастух’ (Кирпил. – РГК) с суффиксом –НИК, который в РЯ выделяется у существительных, обозначающих лиц по их отношению к занятию, профессии (ср. на Дону – *кайда́льщик* в аналогичном значении [БТСДК: 204]).

Общепринятое *самáн* [Шипова, с. 275] имеет в кубанских говорах 6 диалектных производных. Так, на базе существительного *самáн* ‘строительный материал: глина перемешанная с соломой’ образованы фонетические варианты – *самани́(ы)на* ‘один саманный кирпич’, представляющие собой суффиксальные производные с суффиксом единичности –ИН(А) / –ЫН(А), продуктивным в кубанских говорах в целом (ср.: *хлебина, вышина, макушина*). Для строительства средней по величине хаты из самана требовалось до 4-х тысяч штук саманного кирпича. *Самани́(ы)ны* имели разный размер, самые маленькие называли *саману́нькамы* – суффиксальное производное с уменьшительным суффиксом –УНЬК(А): *И ото́ рíжуть саману́нькы на со́рок сантимéтров, и кла́лы хáты* (Ахтаниз.). Суффиксальным способом образовано и слово *саману́шечка* ‘маленькая хата из самана’: *Саману́шычку ужэ́ пастро́или ма́линькую* (Арх.). См. также диалектные прилагательные *самано́вый* и *саманя́чий* – словообразовательные варианты прилагательного *самáнный*, функционирующего в РЛЯ: *Хáта була́ самано́ва* (Копан.). *У нас самáнный, саманя́чий дом* (Арх.).

Другим строительным материалом, широко применяемым на Кубани, был *турлу́к* [Шипова, 275]. В местных говорах этот тюркизм зафиксирован в значении ‘жердь для крепления чего-либо; // *собир.* ветки’. В ст-це Линеиной словом *турлу́к* называют также ‘дом из сплетённых веток, обмазанный глиной’ (результат метонимического переноса) [РГК, с. 358]. На базе существительного образован глагол *турлу́чить* ‘класть *турлу́к* при постройке хаты’: *Я сам хáту турлу́чил*. На Кубани строили также каркасные с плетневой техникой хаты.

Плетневая техника и построенная с её применением хата назывались – *турлúчной*: *Самáнна хáта типлúша, а турлúчна холоднúша* (Старомыш.).

Лексический диалектизм *сула* [Шипова, с. 291] ‘судак’ на Кубани имеет два деривата, отличающиеся гласными фонемами <О> / <И> в префиксе – ПОД / ПИД. Это тот случай, когда производные обнаруживают в кубанских говорах территориальные различия – *подсу́лак* (в КГЮЯО) / *пидсу́лок* (в КГУЯО) ‘судак небольшого размера’. См. контексты и географию: *А ўтрам аднú патсу́лки лавúлись* (Бород., Новонекрас., Новопокров.). *Паймáл питсу́лка* (Ширван.). *Малэ́нькый судáк – цэ пидсу́лок* (Елиз.). В местном диалекте функционирует также прилагательное *сулúный* ‘относящийся к *суле*’: *Сулúная икра́ укúсная* (Тенг.).

От лексического диалектизма *тагáн* [Шипова, с. 301] префиксально-суффиксальным способом образован глагол *натагáнить* ‘наварить, нажарить в большом количестве’: *Натагáнила як на малáнину свáдьбу* (Бород.).

Слово *чугун* [Шипова, с. 400] ‘небольшой чугунок’ является словообразовательной базой, на основе которой суффиксальным способом образовано существительное *чугу́нка* ‘примитивная печь’: *Чугу́нка бы́ла. Чугуно́к прабывáиш и тудá трубу́. Ну анá ш малинькая, тагда́ угля́ мáла бы́ла. Бурьяно́м прато́иш, и анá гары́ть. Пиристáл паткля́дывать, анá астывáить* (Успен.).

При помощи суффикса –К– от лексического диалектизма *ча́кан* [Шипова, с. 373] ‘раст. Рогоз широколистый’ образована ЛЕ *чакáнка* ‘подстилка из *чакана*’: *На чикáнках спáлы дúты: у го́лову пальтúшку кладэм и спыть дитё* (Серг.).

В местном диалекте зарегистрированы образованные на базе тюркизмов существительные с уменьшительными суффиксами: –ИК(ЫК): *учку́р – учку́рык* ‘тоненький поясок’; –ОК: *казáн* [Шипова, с. 150] – *казано́к* ‘небольшой котёл с выпуклым дном’, *каю́к – каючо́к* ‘небольшая лодка’, *коту́х* [Шипова, с. 198] – *котушо́к* ‘1) небольшой сарай для домашней скотины и птицы; 2) небольшой сарай для хранения топлива’; *чебак* [Шипова, с. 380] – *чебачо́к* ‘небольшой лещ’; –ЧИК: *казáн – казанчик* ‘небольшой котёл’, *кочáн* [Шипова, с. 199] – *кочанчик* ‘небольшой початок кукурузы’, *чаву́н – чаву́нчик* ‘небольшой чугунок’, *чувáл – чувáльчик* ‘небольшой мешок’ и др. Некоторые ЛЕ тюркского происхождения

имеют словообразовательные варианты с суффиксом –АК(А) / –ЯК(А), придающим ЛЕ эмоционально-экспрессивный тонус: *бугая́ка, казача́ка, чувалья́ка*.

ЛЕ тюркского происхождения могут претерпевать в кубанских говорах структурное варьирование. Так, общенародное слово *алыча* [Шипова, с. 3] в кубанских говорах имеет диалектные структурные варианты – *лыча́, луча́* и *лучи́на*: *Мы дитьми́ хаді́ли рва́ли гру́шы, лучу́* (Успен., Арх.). *Нарві́ лучи́ны – кампóт свáрим* (Арх.).

Структурными вариантами слова *арба* [Шипова, с. 35] являются ЛЕ *га́рба, горба́* ‘телега’, которые функционируют наряду с *гарба́* (все три варианта имеют фрикативное начальное [γ]): *Га́рба – цэ такы́й воз, як шараба́н на колёсах. Ті́льке шараба́н знима́ют, а стано́влища дробы́на. Ото́ тили́га як я́щик з до́сок, у не́й пшыні́цу, сі́но, солóму во́зят* (Бриньк.). *Гарба́ прои́дэ, гря́зи наро́бэ пі́сля дождя́, а як засо́хнуть – на доро́ги одні́ груткы́* (Азов.). *Горба́ – тилéга така́* (Копан.). Произношение [О] на месте [А] в первом предударном слоге отмечается и в других словах (см., напр.: *ка(о)бы́ця*).

В активном словаре носителей кубанских говоров находятся три структурных варианта *жерде́ля* [Фасмер, II, с. 47], *жердела́, жерде́ла* ‘дерево дикий абрикос и его плоды’: *Ну хай воны́ бۇ́дуть вам абрыко́сы, а мині́ воны́ жырдéли* (Новощерб.). *Сушы́ли жырдéли* (Бород.). *Жэрдилá ни уради́ла в ё́там гаду́* (Каладж.). *Бо́льшэ́ у нас са́дють жырдéлы* (Елиз.). ЛЕ входят в общекубанский лексический пласт, отмечаются и в речи городских жителей края. Ср. с ЛЕ *жердела́, жерде́л, жерде́ля, жерде́ла*, воронежск., донск. (Миртов), *жерде́л* (Шолохов); укр. *жерде́ла* [Фасмер, II, с. 47].

Прилагательное *игре́ний* [Шипова, с. 141] «светло-рыжий (о лошадиной масти)», конь игрень, в песнях (Даль); как и многие названия лошадиных мастей заимств. из тюрк. [см. Фасмер, II, с. 116 – 117]. В кубанских говорах зарегистрирован его структурный вариант с суффиксом –ЕВ(ЫЙ) *игре́невый* ‘гнедой или рыжий со светлой гривой и хвостом’: *Игре́невая коня́ка – цэ тёмно-ры́жая, у які́х грыва́ свéтлая и хвост* (Елиз.).

Единичную фиксацию в наших материалах имеет слово *кайда́л* ‘стадо’ (Кирпил. – РГК). Согласно Миклошичу из тат. *kajtal* «стадо», «хутор в степи, при котором есть земля и скот» астрах. (РФВ 63, 130), «стадо овец», «толпа», донск. (Миртов) [Фасмер, II, с. 161]. Чередование корневых фонем <Т> и <Д> – характерная особенность кубанских говоров (см., напр.: *лента* – *ленда*, *бидон* – *битон* и др.). См. также в донских говорах однокоренные слова с фонемой <Д>: *кайдалить*, *кайдалыцик* [БТСДК, с. 204].

В кубанском диалекте наряду со словом *кызя́к* ‘топливо из сухого навоза, перемешанного с соломой, в виде кирпичей или лепёшек’ функционируют его структурные варианты – *кизе́к*, *кызя́к*: *Бы́ли у на́с кызя́ки, с каро́вы бы́ли. Мы их з ба́бушкой липи́ли, станки́ тагда́ бы́ли* (Владимир.). *Бе́дна мы жы́ли. Дроф, угля́, как сича́с, не́ была. С-пат лашаде́й кизе́ки наделе́лиш бис хи́мики и то́пиш хатёнку* (Тбил.). *Тоди́ топы́лы плыту́ кызя́кымы коро́вчымы* (Старокорс.). М. Фасмер приводит большее количество фонематических вариантов: *кызя́к*, *кизе́к*, *тизя́к*, *тизе́к* [Фасмер, II, с. 231]. География ЛЕ подтверждает их вхождение в общекубанский лексический пласт. Единичную фиксацию в наших материалах имеет записанный в ст-це Архангельской словообразовательно-грамматический вариант – *кизе́йка*: *Называ́лась «кизе́йка», и тапи́ли ёю*. В донских говорах отмечено два структурных варианта *кизе́к* и *кызя́к*, имеющие два ЛСВ: 1. Топливо из сухого навоза с соломой в виде кирпичей или лепёшек. 2. Кирпич-сырец из глины и соломы [БТСДК, с. 215].

Лексический диалектизм *кура́й* [Шипова, с. 211] ‘раст. качим метельчатый, перекасти-поле’ имеет в кубанском диалекте три структурных варианта – *кура́*, *кура́йна*, *кура́нда*: *Кура́й у лисопо́лосу нанысе́ ви́тыр... кураёв... Ну така́ трава́. Пирикаті-по́ли ана́, называ́лы «кура́й». На виза́нку навью́чиш и та́циш да до́му. А тут нага́мы пода́выш ёго, шоб вин у пи́чку зали́з. И топы́лы* (Медвед.). *То кура́ растёт* (Родник.). *Кура́йна – э́та пирикаті-по́ле* (Кирпил.). *Пирикаті-по́ле называ́ли «кура́нда»* (Шаб.). Согласно лингвогеографическим данным, на территории бытования кубанских говоров самым распространённым названием растения является именно *кура́й* (52% обследованных населённых пунктов). ЛЕ

имеет обширный ареал, охватывающий север, северо-запад, запад, центр Краснодарского края и в большинстве случаев это единственное диалектное наименование соответствующего растения [Костина, 2008, с. 209].

У лексического диалектизма *чакан* зарегистрирован словообразовательно-акцентологический вариант – *чаканець* ‘раст. Рогоз широколистый’: *Нас Кубань спаса́ла, да е́сли б ни пла́вня, мы б ни зна́ю... Там чаканьця́ кореньця́ копа́лы, а там ко́рень такы́й, вы́сушым ёго, и мука́ пото́м ужэ́* (Вареник.).

Тюркизмы активно участвуют и во фразеомообразующих процессах. См., напр.: *базáр* [Шипова, с. 48] – *базáр стои́т* ‘беспорядок’, *бирю́к* ‘волк’ [Шипова, с. 81] – *стрю́к, бирю́к и зя́яц* ‘плохая, сомнительная компания’, *буга́й* – *общественный буга́й* ‘перен.; ирон. о женолюбивом мужчине’, *взя́ть на бугая́* ‘совершить обмен’, *гла́дкий как буга́й* ‘о толстом, здоровом мужчине’, *бугаём гляде́ть / смотре́ть* ‘глядеть / смотреть злобно’, *робы́ть як бугай* ‘много и изнурительно работать’, *бу́зивок* – *нае́сться, напы́ться как бу́зивок* ‘много съесть или выпить’, *гарба́* – *скрыпе́ть як нема́зана(я) гарба́* ‘ворчать’, *куга́* [Шипова, с. 203] ‘раст. семейства камышовых, рогоз’ – *куга́ зеле́ная* ‘молодой, неопытный человек’, *посто́лы* [Шипова, с. 262] ‘обувь из свиной кожи’ – *отки́нуть посто́лы, посуши́ть посто́лы* ‘умереть’, *чува́л* – *гроши чувалами заробля́ть* ‘много зарабатывать, наживать’, *учку́р* – *на учку́р не нани́жешь* ‘очень много’ и др.

Лексика тюркского происхождения обогатила кубанский диалект в различных тематических сферах. Назовём некоторые из них, иллюстрируя примерами и поясняя значение ЛЕ, не рассмотренных выше.

«Растительный мир»: *арбуз* [Шипова, с. 36], *гарда́л* [Шипова, с. 115] ‘раст. горчица’, *жерде́ля / жердела́ / жерде́ла*, *каба́к*, *каву́н / кавунчик, кавунка / кавуныця́ / кавунычка*, *кара́гач / кара́ич*, *кочан / кочанчик* ‘початок кукурузы’, *куга́ / курага́ / курга́ / курагы́чка / куражы́на*, *кура́й / кура / куранда*, *кермек, тал* [Шипова, с. 304], *тала́* ‘ива прутьевидная’, *чакан / чаканец(ь)* и др.

«Питание»: *а(и)рья́н* [Шипова, с. 27] ‘напиток из пареного и кислого молока’, *бекме́с* [Шипова, с. 76] ‘1) арбузная патока; 2) тростниковый мёд’, *буза́* [Шипова, с. 91] ‘брага’, *кайма́к* [Шипова, с. 153] ‘густая пенка, снятая с

кипячёного или топлёного молока’, *нардёк* [Шипова, с. 245] ‘варёная арбузная патока’, *рака́* [Шипова, с. 264] ‘самогон’, *чурёк*, *юра́га* [Шипова, с. 431] ‘пахтанье, остатки от сметаны или сливок после сбитого масла’ и др.

«Быт»: *бакла́га* [Шипова, с. 52] / *бакла́жка* ‘сосуд для воды’, *казáн* / *казанок* / *казанчик*, *ка́нтерь* [Шипова, с. 160] ‘весы типа безмена’, *рунду́к* [Шипова, с. 266] ‘1) деревянный сундук или ящик для хранения зерна и муки; 2) крыльцо, нижняя широкая площадка у крыльца’, *сунду́к*, *таган* / *тагано́к*, *чаву́н* / *чавунёць* / *чаву́нчик*, *чакáнка*, *чува́л* / *чуваляка* / *чувальчик*, *чугун* / *чугунок* и др.

«Одежда»: *бузулу́к* [Шипова, с. 48] / *бузлу́к* ‘подковка для обуви с шипами’, *ме́шты* [Шипова, с. 242] ‘суконные выстеганные валенки’, *о(у)чку́р*, *посто́ль*, *чи́рикі* [Шипова, с. 395] ‘1) мягкие кожаные туфли без каблуков, закрывающие ногу не выше щиколотки; чувяки; 2) грубая повседневная обувь’, *шарова́ры* и др.

«Средства передвижения»: *га(о)рба́* / *гарбы́чка*, *каю́к* / *каючо́к*, *кулáс* [Шипова, с. 205] ‘большая лодка’, *мажара* / *мажарка* и др.

«Строительство»: *баз* / *базо́к*, *кабы́шнык*, *коту́х* / *котушок*, *куре(и)нь*, *самани́(ы)на*, *самано́вый* / *саманя́чий*, *саману́нька*, *саману́шечка*, *сапе́т*, *сара́йка* [Шипова, с. 279] ‘сарай’, *турлу́к*, *турлу́чить*, *турлу́чный* и др.

Рассмотренные примеры не исчерпывают весь список функционирующих в кубанских говорах лексем тюркского происхождения. Однако их тематическое разнообразие позволяет признать тюркизмы важной частью общекубанского лексического пласта, которая, с одной стороны, придаёт самобытность лексико-семантическому пространству кубанских говоров, с другой, демонстрирует общность кубанского диалекта с другими казачьими говорами.

Выводы

1. Территориально ограниченную часть лексико-семантического пространства кубанских говоров составляют кубанские диалектизмы – слова, функционирующие в других русских говорах (как правило, южнорусских), в украинском языке или только в говорах Кубани и не входящие в словарный запас

РЛЯ. Яркой, показательной чертой многих кубанских диалектизмов является полилексия, отличающая их от слов, имеющих стабильную форму. Она обусловлена не только самим механизмом развития языка, но и смешением двух материнских основ кубанского диалекта. Структурные варианты могут представлять собой пары и ряды, состоящие из общенародного и диалектного (диалектных) слов или из диалектных слов (максимальная длина ряда – 10 ЛЕ). По данным картотеки Словаря кубанских говоров (8235 ЛЕ) установлено процентное соотношение типов диалектных ЛЕ: лексические диалектизмы – 38%, семантические диалектизмы – 14%, структурные варианты слов ЛЯ – 47%, синкретичные – 1%. Выявлено также процентное соотношение слов, относящихся к четырём самым крупным грамматическим разрядам: существительные – 53,2%, глаголы – 28,1%, прилагательные – 11,4%, наречия – 5,3%. Типологическая характеристика диалектных ЛЕ и их обзор по грамматическим категориям позволили выяснить значимость в стратегии развития словарного состава кубанского диалекта различных типов диалектизмов, принадлежащих к знаменательным частям речи.

2. Исследование словарного состава кубанских говоров в генетических координатах показало, что в них преобладает лексика материнских языков. Её адаптация к *местобывтованию* может проявляться в изменении как огласовки, так и внутренней структуры. Структурные трансформации обусловлены особенностями диалектной языковой системы; семантические и фразеологические – внеязыковыми условиями, под влиянием которых в семантической сетке ЛЕ происходят различные преобразования: утрата неактуальных в данной языковой среде значений, а также приращение новых ЛСВ или их оттенков, изменение эмоционально-оценочной характеристики. Новые ЛСВ у слов материнских говоров, функционирующих в кубанском диалекте, образуются в результате переосмысления, сужения или расширения значения, играющих существенную роль в обогащении лексико-семантической системы диалекта. Локальные ЛСВ занимают различные позиции в семантической структуре многозначного слова. На ближайшей периферии находятся локальные значения, входящие в

общекубанский лексический пласт, далее – ЛСВ, зарегистрированные в КГУЯО или в КГЮЯО, дальнейшую периферию занимают узколокальные ЛСВ, отмеченные в говоре одного населённого пункта.

3. Семантическому варьированию в кубанских говорах подвергается не только диалектная, но и общенародная лексика. В семантической структуре общенародных слов могут выделяться общенародные ЛСВ, полидиалектные ЛСВ и локально-диалектные ЛСВ. В случае отсутствия локальных ЛСВ и при условии тождественности общенародной и диалектной частей значения «семантическая сетка» общенародных слов в говорах позднего образования совпадает с «семантической сеткой» этих же слов в материнских говорах. К несовпадению значений общенародных слов, функционирующих в материнских говорах и в говорах позднего образования, приводит появление у слов локальных ЛСВ, а также изменения в общенародной и полидиалектной частях значения. Диалектные ЛСВ у общенародных слов, как правило, появляются в результате метафорического или метонимического переносов. Среди локализованных слов преобладают мотивированные ЛЕ, образованные по тем же словообразовательным моделям, что и слова РЛЯ. Граница между узуальными, окказиональными и индивидуальными ЛЕ не имеет чётких очертаний.

4. Локальное варьирование ЛЕ и образование слов-локализмов продемонстрировали, что кубанские говоры проходят в русском диалектном континууме собственный путь развития, что позволяет рассматривать их как самобытный и уникальный идиом. Функционирование локализованных слов может как охватывать широкий ареал, так и ограничиваться говором одного населённого пункта. Представленность / непредставленность локализованных слов в КГУЯО и в КГЮЯО отражает неравномерность проявления потенциальных возможностей их лексических систем. В целом семантическое варьирование диалектных и общенародных слов, а также рождение региональных ЛЕ играют важную роль в организации словарного состава кубанского диалекта в его синхронии.

5. Благодаря генетическому подходу были получены важные сведения о степени близости говоров вторичного образования к материнскому языку и

выявлено их локальное своеобразие. Исследование лексики в генетических координатах позволило составить максимально полное представление об источниках и путях формирования словарного состава кубанских говоров и выделить в нём следующие генетические пласты: 1) неварьируемые ЛЕ материнских говоров и общенародного языка; 2) локальные варианты ЛЕ материнских говоров и общенародных слов; 3) собственно локализмы; 4) неварьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа; 5) варьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа.

6. Важную часть общекубанского лексического пласта, подтверждающую значительную общность кубанских говоров на лексическом уровне, составляет лексика тюркского происхождения, большая часть которой попала в кубанский диалект из материнских языков. Тюркизмы обогатили словарный состав кубанских говоров в различных тематических сферах, органично «вросли» в него, став принадлежностью общего казачьего лексикона. Одна их часть проявила поразительную стабильность, другая – подверглась переосмыслению, модифицировалась внешне и внутренне, включилась во фразеомообразующие процессы. Предложенная лексикографическая разработка семантической структуры слова *курé(и)нь* последовательно показала исторический путь развития семантики слова, представив, как на основе более общих значений формируются частные, осложнённые конкретными семантическими признаками. Рассмотренные особенности функционирования тюркизмов продемонстрировали, что, оказавшись в диалектной среде, эти ЛЕ проходят свой путь семантического развития, участвуя в создании своеобразия кубанского лексико-семантического пространства.

ГЛАВА 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ

3.1 Теоретические основы изучения кубанских фразеологизмов

Выяснение фразеологического состава кубанских говоров предполагает систематизацию фразеологизмов, а также уточнение некоторых теоретических вопросов, связанных с их изучением.

Фиксация кубанских ФЕ началась ещё в XIX веке. Благодаря собирателям и ценителям народного слова: В. Билозерскому, В.А. Водарскому, Н.С. Державину, А.Е. Пивню, Л.К. Розенбергу, М.А. Харламову – многие народные выражения сохранились в печатных изданиях. Обстоятельная характеристика дореволюционных фольклорно-этнографических сборников и публикаций, содержащих паремиологические и фразеологические материалы, записанные на Кубани, дана в кандидатской диссертации В.П. Чалова. Учёный упоминает также относящиеся к советскому периоду статьи Л.И. Семилуцкой-Горчаковой и М.А. Садиленко, подчёркивая, что в них, наряду со стремлением опубликовать бытующие в кубанских говорах ФЕ, обнаруживается и стремление к их филологическому описанию [см. Чалов, 1981, с. 29 – 42].

Собранные на Кубани к началу 80-х годов XX столетия устойчивые выражения послужили надёжной базой для глубокого историко-этимологического исследования, проведённого В.П. Чаловым. Его диссертация «Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, быт и духовную культуру» (М., 1981) представляет собой поистине фундаментальный труд, в котором проанализированы источники происхождения, пути становления, закономерности образования и семантического развития диалектной фразеологии говоров Краснодарского края, воплощающей специфические черты быта кубанского казачества, его истории и воинской службы. Учёный приходит к заключению о том, что на развитие и становление кубанской фразеологии оказали влияние два фактора: 1) совместное проживание на одной территории русских, украинцев и кавказских народов и 2) военизированный уклад жизни, определивший способ восприятия

действительности носителей местных говоров, что нашло отражение примерно в 800 ФЕ, составляющих 30% общекубанской фразеологии. Избранный В.П. Чаловым этнолингвистический аспект в изучении диалектной фразеологии Кубани позволил произвести историческую реконструкцию сформировавших её субэтнических культурных пластов. Сделанный в диссертации вывод об образовании в кубанских говорах общекубанского лексического, фразеологического и фольклорного фондов является весьма важным основанием для объединения диалектной лексики и фразеологии Кубани в единую лексико-фразеологическую макросистему [ср. Чалов, 1981, с. 178 – 181].

Приходится констатировать, что с начала 80-х годов XX века исследовательский интерес к изучению кубанской фразеологии несколько угас. В словаре «Русский говор Кубани» (1992 г.) представлены отдельные ДФЕ, записанные на востоке и юго-востоке края. Первый по времени региональный фразеологический словарь, составленный преподавателями Армавирского пединститута В.И. Андрущенко, Р.Я. Ивановой и Т.Г. Ивановой, появился на Кубани только в 1994 году. Это «Словарь фразеологизмов говоров Кубани» (СФГК), в который включены диалектные, разговорные, а также просторечные ФЕ (всего более 1000 единиц), собранные во время диалектологических экспедиций, выписанные из газетных и архивных источников, а также из произведений кубанских писателей. В 2006 году словарь был переиздан, получил новое название – «Фразеологический словарь говоров Кубани» (ФСГК), в нём увеличилось количество ФЕ (1500), пополнился авторский коллектив, в который вошла В.М. Пелих. Лексикографический труд армавирских диалектологов отразил устойчивые словосочетания, записанные преимущественно в восточной части территории Краснодарского края. Авторский словарь П. Ткаченко «Кубанский говор» (2008 г.) также содержит отдельные местные ФЕ, пословицы, поговорки, но без указания их географии. В словаре говора одного населённого пункта – станицы Архангельской Тихорецкого района (говор с южнорусской языковой основой), вошедшем в диссертационное исследование Л.Ю. Костиной,

зафиксирована 91 ДФЕ [Костина 2008]. В картотеке, послужившей основой для создания полисистемного Словаря кубанских говоров, – около трёх тысяч ДФЕ.

Языковой материал демонстрирует богатство и неоднородность кубанской фразеологии, что вызывает необходимость уточнить принятые в настоящем исследовании понятия *диалектный фразеологизм*, *диалектный кубанский фразеологизм*, *объём фразеологического состава диалекта*.

Позиции учёных по поводу трактовки термина *диалектный фразеологизм* расходятся. Одни вслед за Ф.П. Филиным относят к диалектным лишь такие «устойчивые сочетания, в которых имеются диалектные слова или диалектные значения слов» [ср. Филин, 1961, с. 150], а устойчивые сочетания, состоящие только из общенародных слов и бытующие в говорах, диалектными не считают, поскольку «нет данных, которые могли бы определить такие факты как диалектные явления, имеющие изоглоссы на территории русских говоров» [ср. Филин, 1961, с. 150 – 151]. Другие исследователи признают диалектными обе названные группы ФЕ. Согласимся с В.П. Чаловым, который считает, что критерии выделения ДФЕ удачно сформулированы К.Н. Прокошевой: «диалектный фразеологизм выделяется, с одной стороны, на основании территории его распространения, с другой – по отношению к общенародному языку. Следовательно, диалектным является фразеологизм, имеющий локальное распространение и не входящий во фразеологический состав общенародного языка» [цит. по Чалов, 1981, с. 26]. Такое определение может удовлетворить фразеологов, исследующих фразеологию говоров, находящихся в составе гомогенного языкового массива. Однако для говоров Кубани необходимо определение, применимое для анализа ФЕ, функционирующих в КГЮЯО и в КГУЯО.

В.П. Чалов предлагает два определения. По мнению учёного, ДФЕ для КГЮЯО следует признать «устойчивые сочетания слов, известные русским и украинским говорам Кубани или украинскому литературному языку, но не отмеченные в русском литературном языке» [Чалов, 1981, с. 27]. К ДФЕ в КГУЯО исследователь относит «фразеологизмы украинского или русского

происхождения, оформленные по законам украинской фонетики и грамматики или употребляющиеся в речи без перевода, не известные в украинском литературном языке» [Там же, с. 28].

Таким образом, для В.П. Чалова при определении *диалектного кубанского фразеологизма* точками отсчёта выступают две разные языковые системы – система РЛЯ и система украинского литературного языка. Между тем совершенно очевидно, что для носителей современных КГУЯО литературным эталоном является РЛЯ, с которым эти говоры непосредственно контактируют. Квалифицируя кубанский диалект как идиом смешанного типа, считаем правомерным относить к кубанским фразеологизмам устойчивые сочетания слов, входящие в общекубанский фразеологический пласт, а также в КГЮЯО или в КГУЯО, но не входящие в систему РЛЯ. Такое понимание термина *кубанский фразеологизм* отвечает параметрам, предложенным К.Н. Прокошевой: 1) локальное распространение (территория распространения кубанских говоров); 2) невхождение во фразеологический состав общенародного языка, которым для носителей кубанских говоров является РЯ [ср. Прокошева, 1975, с. 4].

Понятие *объём фразеологического состава диалекта* также вызывает научные споры. У лингвистов нет единого мнения о том, какие признаки ФЕ являются релевантными, а какие носят несущественный, второстепенный характер. По этой причине одни учёные считают фразеологизмами только те устойчивые сочетания слов, которые обладают образностью, оценочностью и экспрессивностью. Другие относят к фразеологии все устойчивые сочетания. Е.В. Брысина предлагает рассматривать диалектную фраземику как полевою структуру и вычленять ядро и периферию. Ядерную зону занимают ФЕ, которые по типологии В.В. Виноградова относятся к фразеологическим сращениям, фразеологическим единствам и фразеологическим сочетаниям. В периферийную зону включаются устойчивые сочетания слов, фразеологический статус которых не столь однозначен [ср. Брысина, 2003, с. 12 – 13]. Представляется удобным при определении границ диалектной фразеологии рассматривать её в узком и широком смысле. В узком смысле к фразеологии относятся образные устойчивые

сочетания, выполняющие в речи экспрессивно-оценочную функцию, принадлежность которых к объекту фразеологии не вызывает сомнений. В широком смысле фразеология объединяет устойчивые номенклатурно-терминологические сочетания (УНТС), устойчивые сравнения, сочетания-аппозитивы (большинство из них выполняет номинативную функцию, аппозитивы с коннотативным значением в кубанских говорах встречаются редко – *роздай-беда, гром-баба*), формулы этикета (приглашения, благодарности, приветствия, тосты и т.п.), формулы проклятия, а также пословицы и поговорки, претерпевшие процессы исторической фразеологизации.

В настоящем исследовании принимается широкая трактовка понятия *объём фразеологического состава диалекта*. При таком подходе нижней границей фразеологизма является двусловное образование, причём одним из компонентов может быть служебное слово; верхняя граница фразеологизма – сложное предложение. Все рассматриваемые в составе фразеологии сочетания слов, безусловно, различаются между собой по степени структурно-семантической слитности, по образности и по функциональной значимости. Между тем все они являются устойчивыми воспроизводимыми сочетаниями, что обеспечивает им повторяющееся употребление в речи носителей говоров и позволяет рассматривать их в пределах единого фразеологического пространства кубанского диалекта.

Помимо собственно диалектных фразеологизмов в речи носителей кубанских говоров широко употребляются литературные и просторечные. См., напр., устойчивые выражения, зарегистрированные в кубанских говорах и в РЛЯ: *вольный казак* ‘свободный, ни от кого не зависящий человек’, *брать в шоры* ‘решительно воздействовать на кого-л., заставлять поступать определённым образом’, *выносить сор из избы* ‘разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми’)’ и мн. др. Не менее яркий пласт образуют просторечные ФЕ: *дубовая голова* ‘о глупом человеке’, *дать (давать) дуба* ‘умереть (умирать)’, *закусить удила* ‘действовать, не зная удержу, идя напролом, не считаясь с обстоятельствами, со здравым смыслом, распалившись’, *не пришей кобыле хвост*

‘ненужный, лишний; не имеющий определённого положения’ и мн. др. Что касается проблемы разграничения собственно диалектной и просторечной фраземики, то, на наш взгляд, её адекватное решение представлено Е.В. Брысиной, которая предлагает относить к диалектным ФЕ, включающие в свой состав в качестве компонентов просторечные слова, активно функционирующие в говоре, но не зафиксированные словарями СРЯ как просторечные [см. Брысина, 2003, с. 11].

Своеобразие кубанской фразеологии, безусловно, составляют ФЕ, локально ограниченные в употреблении. Среди них можно выделить:

– ФЕ, полностью состоящие из территориально ограниченных ЛЕ (*гудувать жданыкамы* ‘обнадёживать напрасными обещаниями’, *на сидало* ‘на отдых, в постель’, *скавчатъ як цуценя* ‘тихо плакать, ныть’, *як дзыга* ‘о подвижном человеке’, *як до́вбур* ‘об упёртом человеке’, *як пойда* ‘о человеке в одежде большого размера, длинной’, *як щабель* ‘об очень худом человеке’ и др.);

– ФЕ, состоящие из диалектных и общенародных ЛЕ (*((в)поймать гáву* ‘прозевать’, *закудыкивать дорóгу* ‘приносить неудачу, спрашивая куда идёшь? вместо (г)де идёшь?’, *засмеяться на кутний* ‘заплакать’, *чёртова люшня* ‘о неуклюжем человеке’, *получить облызня* ‘получить отказ’, *рвать ба́рки* ‘торопиться, спешить’, *замёрзнуть як цыган пид вентерыной* ‘очень сильно замёрзнуть’ и др.);

– ФЕ, полностью состоящие из общенародных слов, но не входящие в состав РЛЯ (*стремена́ выбивать* ‘создавать шаткое, неуверенное положение у кого-л.’ (дЧ.), *возвращаться к старым конюшням* ‘возвращаться к прежней жизни’, *чужими пирогами родителей поминать* ‘пользоваться плодами чужого труда’, *сбрызнуть святой водичкой* ‘побить ремнём или лозинной’, *под коры́том сидеть* ‘быть не замужем, когда младшая сестра вышла замуж’, *собрать обручи* ‘поспешно уйти, уехать’, *шубу сшить* ‘лишить привилегий, званий и т.п.’ (ФСГК), *вей трава́* ‘безразлично’, *как заячий жир ста́ять* ‘быстро исчезнуть’ и др.);

– устойчивые выражения, формально совпадающие с литературными, а также просторечными устойчивыми выражениями, но имеющие в диалекте

другое значение (*ни уха ни рыла* ‘о невзрачном человеке’ – в ЛЯ ‘совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т.п.)’, *закусить удила* ‘замолчать, прекратить препираться’ – *Прост.* ‘действовать не зная удержу, идти напролом, не считаясь с обстоятельствами, со здравым смыслом’, *как в(у) рот воды набрал* ‘исчез, затаился где-то’ – в ЛЯ ‘онемел, лишился дара речи’, *как рыба в воде* ‘о замкнутом, необщительном человеке’ – в ЛЯ ‘свободно, непринуждённо, хорошо (чувствовать себя где-л.)’ и др.;

– структурные варианты литературных и просторечных устойчивых выражений (*взять на ус* – *намотать себе на ус* ‘принять к сведению, взять на заметку, хорошенько запомнить что-л.’, *гáрыть зу́бы* – *скалить зубы* ‘смеяться, хохотать, насмеяться’, *и усом не моргнуть* – *и усом не ведёт* ‘не обратить внимания, не реагировать на что-л.’, *пусти́ть кра́сного ко́чета* – *пустить красного петуха* ‘устроить пожар’, *зу́бы на польи́цю скла́дувать* – *класть зубы на полку* ‘испытывать нужду, ограничивать себя во всём необходимом, голодать’, *трепа́ться как рыба об лёд*, *биться як рыба подо льдом* – *биться как рыба об лёд* ‘тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать’, *пи́шки(ы) пид сти́л ходы́ть* – *пешком под стол ходить* ‘быть ребёнком’ и др.).

Рассмотрим диалектный фразеологический состав кубанских говоров более подробно.

3.2 Номинативные и экспрессивные кубанские фразеологизмы

Традиционно ФЕ классифицируют с точки зрения их эмоционально-экспрессивной окраски и выделяют отличающиеся своей коммуникативной функцией номинативные и экспрессивные ФЕ. К номинативным ФЕ относятся диалектные УНТС, состоящие из двух, реже трёх компонентов, не отличающиеся образностью и экспрессией. Номинативные ДФЕ создаются носителями диалекта для конкретизации того или иного понятия. Для отграничения УНТС от экспрессивных ФЕ и для анализа их содержания оптимально, как справедливо

отмечает А.И. Фёдоров, опираться на тематическую классификацию УНТС [ср. Фёдоров, 1980, с. 32]. Рассмотрим семантику УНТС, зафиксированных в кубанских говорах, распределяя их по тематическим группам (ТГ).

Названия растений и их частей:

бэ(и)лый арбуз / каву́н ‘сорт арбуза’, *жёлтый арбу́з* ‘тыква’, *са́харный / сла́дкий бурá(я)к* ‘сахарная свёкла’, *бычий глаз / воловое око* ‘сорт крупного чёрного винограда’, *голова Иванова* ‘одуванчик’, *минда́льский горé(и)х* ‘миндальный орех’, *ра́йское дéрево* ‘клевещина’, *ко́няцкий то́поль* ‘тополь серебристый’ и др.

Названия диких и домашних животных, птиц, рыб, насекомых:

степной бирю́к ‘степной волк’, *бороздёный бык* ‘бык, идущий в ярме справа по борозде’, *земляной зя́ц / зя́йчик* ‘тушканчик’, *шлёнска(я) овца́* ‘порода тонкорунных овец’, *пти́ца налётная* ‘перепёлка’, *бэ(и)ла(я) рыба́* ‘частиковые рыбы: лещ, судак, чехонь и др.’, *гулевой скот* ‘нерабочий, отгуливающий на пастбище скот’, *крупна(я) худоба́* ‘крупный рогатый скот’ и др.

Названия явлений природы, состояния погоды:

добра(я) вода́, сла́дка(я) вода́ ‘1) пресная вода; 2) дождевая вода’, *волокну́стые облака́* ‘перистые облака’.

Названия продуктов питания, пищи и напитков:

холо́дный борщ ‘окрошка’, *ба́бские дро́жжи* ‘дрожжи, приготовленные в домашних условиях’, *ру́шена(я) ка́ша* ‘каша, приготовленная из *рушеной* кукурузы’, *кислый кисе́ль* ‘кисель из ягод’, *бога́тая кутья́* ‘обряд. кутья, приготовленная на Рождество’, *голо́дна(я) / бэ(и)дна(я) кутья́* ‘обряд. кутья, приготовленная на Крещение; постная кутья’, *спе́та(я) рыба́* ‘сушёная, провяленная рыба’ и др.

Названия жилых и хозяйственных построек, их частей, строительных материалов, способов строительства:

латяна́(я) горóжа ‘забор, изгородь из продольно прибитых к столбам реек’, *по(и)д корешо́к* ‘способ покрытия крыши дома камышом или рогозом’, *кру́глая кры́ша* ‘четырёхскатная крыша’, *кру́глый лис* ‘неотёсанные брёвна’, *глуха́(я)*

стенá / стéнка ‘стена, противоположная лицевой стороне строения’, *большá(я) / вельíка(я) хáта* ‘лучшее помещение дома, зал’, *шелёванáя хáта / дом* ‘дом или хата, обитые шелёвками’ и др.

Названия предметов быта:

отливной горшóк ‘горшок, покрытый глазурью’, *электрическа(я) гру́бка* ‘электропечь’, *кратíвный мешóк* ‘мешок из толстого домотканого холста’, *хозяйско(е) мы́ло* ‘хозяйственное мыло’, *канёвое одеяло* ‘пикейное одеяло’, *стряпу́ща(я) печь* ‘печь для приготовления пищи’, *глухой утю́г, печёвый утю́г* ‘утюг, нагревающийся в печи’ и др.

Названия одежды и обуви:

асёрские гало́ши ‘калоши, изготовленные асёрами – ассирийцами (айсорами) – жителями села Урмия Курганинского района’, *шахтёрские гало́ши* ‘галоши из литой резины’, *пёрсиковый платóк* ‘платок с ярким рисунком’, *бёлый подо́л* ‘нижняя юбка’, *желе́зные чу́ни* ‘обувь из железа, в которой косили зимой камыш’, *буха́рска(я) ша́пка* ‘мужская шапка из овчины’, *шпа́нова(я) шу́ба* ‘шуба из сатина на овечьем меху’ и др.

Названия почвы и земельных участков:

войсковá(я) земля́ ‘земля, находящаяся во владении казачьего войска’, *гуля́ща(я) земля́* ‘целина’, *добáвочна(я) земля́* ‘пай, который получала казачья семья на сына, достигшего совершеннолетия’, *земля́ запóльная* ‘невспаханная земля’, *распаши́на(я) земля́* ‘земля для посадки огородных растений, находящаяся в личном пользовании’, *толо́чная земля́* ‘земля, на которой выпасали скот’, *лёгка(я) почва́* ‘плодородная, жирная, удобренная почва’ и др.

Названия трудовых процессов:

выла́мывать / лома́ть ры́бу ‘вынимать рыбу из рассола’, *гла́ди(ы)ть пид / под руку́* ‘штукатурить стены хаты вручную’, *мазать пид / под доску* ‘штукатурить стены хаты с помощью досточки’, *наде́ть ша́пку* ‘покрыть дом или хату крышей’, *пахáть в(у) / на свáл* ‘пахать участок с середины поля по расширяющемуся прямоугольнику к краям’, *соли́ть в(у) ко́рень* ‘солить что-л. в

крепком рассоле’, *спеть ры́бу* ‘засолить рыбу’, *ткать в (у) кру́жку* ‘делать рисунок в клеточку при тканье’ (РГК) и др.

Название инструментов, механизмов и их частей:

чуло́чна(я) го́лка, *вяза́льная го́лка* ‘спица’, *тка́цкий верста́к* ‘ручной ткацкий станок’, *бороздно́е колесо́* ‘правое, большее по размеру колесо плуга’, *полевое колесо* ‘левое, меньшее по размеру колесо плуга’, *шлёнски(е) но́жницы* ‘специальные ножницы для стрижки овечьей шерсти’, *сеть двухперсто́вая* ‘сеть, ячейки которой равны двум пальцам’, *снасть наживная* ‘крючковая снасть’ и др.

Название транспортных средств:

лисapéд с мото́рчиком ‘мопед’, *бы́страя по́мочь*, *санита́рная повозка* ‘машина скорой помощи’, *воловы́е са́ни* ‘розвальни’ и др.

Анатомические названия:

теля́чий зуб ‘молочный зуб’, *вяза́(я) кисти́ка* ‘шейный позвонок’, *показно́й па́лец* ‘указательный палец’, *подмизи́нный па́лец* ‘безымянный палец’, *бро́дяща(я) по́чка* ‘блуждающая почка’.

Названия болезней, их симптомов, способов лечения, врачей:

подзвоно́чна(я) боли́знь ‘остеохондроз’, *чёрна(я) боли́знь*, *бо́жья боль* ‘эпилепсия’, *врач по живото́ным / по худо́бе*, *ско́тский врач* ‘ветеринар’, *напа́дки на се́рдце* ‘сердечный приступ’, *Анто́нов ого́нь* ‘гангрена’, *ти́хое поме́шание* ‘тихое помешательство’, *голово́ной тиф* ‘сыпной тиф’, *вылива́ть испу́г / переполо́х* ‘лечить заговором от испуга’, *пра́вить живото́* ‘помогать при родах’ и др.

Названия некоторых категорий людей:

ме́ньший гу́рт ‘компания детей младшего возраста’, *ста́рший гу́рт* ‘компания детей старшего возраста’, *важка́(я) жи́нка* ‘беременная женщина’, *ма́те хре́стна* ‘крёстная мать’, *спортсме́нка по лисапедáм* ‘спортсменка, занимающаяся велоспортом’, *ста́рша(я) поё́нка* ‘старшая среди работниц фермы, выпаивающих телят молоком’ и др.

Название религиозных праздников, постов, памятных дат:

Алёшка тёплый / тёплый Алексей ‘День святого Алексея, весенний праздник 30 марта (17 марта по ст. ст.)’, *Свят ве́чер / ви́чер* ‘ночь под Рождество’,

Ще́(и)дрый ве́(и)чер ‘вечер накануне Нового года, когда ходят по домам с *щедро́(и)вками*’, *Проща́льное воскресе́нье* ‘Прощёное воскресенье – последнее воскресенье перед великим постом, когда православные верующие просят друг у друга прощения’, *Мясо́д сви́нчый* ‘период от Рождества до масленицы’, *Хоминá недéля* ‘первое воскресенье после Пасхи’, *громо́вой пра́здни(ы)к* ‘церковный праздник Ильин день, 2 августа (20 июля по ст. ст.)’, *стра́шна(я) пя́тница / пя́тница* ‘страстная пятница’ и др.

Игры:

(и)гра́ть в(у) гусе́й ‘играть в гуси-лебеди’, *(и)гра́ть в(у) жере́бца* ‘прыгать на палке, изображая всадника с лошадей’, *в(у) жу́та́ (и)гра́ть* ‘играть в различные игры с применением жгута’, *в(у) казанки́ игра́ть* ‘играть в бабки’, *(и)гра́ть в(у) ко́льцо* ‘принимать участие в игре с кольцом’, *(и)гра́ть в(у) кре́мушки* ‘игра в камешки’, *в(у) скака́лки (и)гра́ть* ‘играть в классики’, *в(у) хоро́нки / в(у) хоро́нички(и) гра́ть* ‘играть в прятки’ и др.

Названия обрядов, их участников и обрядовых действий:

ста́рший боя́рын, ста́рший дру́жко́ ‘главный из близких друзей жениха, участник свадьбы’, *выкупа́ть / выкупа́ть не́весту* ‘свадебный обряд выкупа невесты’, *дари́(ы)ть да́ры* ‘дарить подарки жениху и невесте’, *ста́рша(я) дру́жка*, ‘главная из близких подружек невесты, участница свадьбы’, *подста́рша(я) дру́жка* ‘помощница старшей дружки’, *веси́льни роди́тели* ‘родители молодой на второй день свадьбы, над которыми совершаются шуточные обряды: возят на тачке, валяют в грязи, купают и переодевают’, *иска́ть не́весту* ‘шуточный обычай: родня невесты после брачной ночи ищет спрятанную в доме жениха невесту, после чего все отправляются гулять к родителям невесты’, *купа́ть ба́тьки́в / роди́телей* ‘шуточный свадебный обычай купать родителей, предварительно прокатив их на тачке и испачкав в грязи’, *ста́рша(я) сва́шка* ‘старшая распорядительница на свадьбе’, *танцова́ть на ря́днi* ‘свадебный обычай: на второй день гости танцуют на разостланном за воротами дома *рядне*, *на ря́дно* льют воду и кидают мелкие деньги, которые невеста должна собрать’ и др. Основная часть обрядовых УНТС номинирует реальные обрядовые действия.

При этом, лишённые образности, они обладают большей семантической значимостью, чем свободные словосочетания, поскольку отражают сложившуюся в данном диалектном сообществе традиционную систему запрограммированных действий участников обряда, его временные и пространственные рамки.

Фольклорные произведения:

пéсня гуртовáя, пéсня компаньёвская ‘хоровая песня’, *пéсня постовáя* ‘песня, которая поётся в пост’, *пéсня свáдьбишина* ‘свадебная песня’ и др.

Военно-административные терминологические словосочетания, названия как войска в целом, так и его отдельных представителей:

наказный / наказной атамáн ‘начальник казачьего войска по назначению царя, в отличие от выборного войскового атамана’, *станичный атамáн* ‘атаман станицы’, *линейская станица* ‘линейная станица’, *линейский казак* ‘линейный казак’, *золотые батальоны* ‘воинские подразделения, создававшиеся в Крымскую войну 1853 – 1856 гг. из ополченцев казаков, не состоявших на военной службе или уволенных с неё по возрасту’ (дЧ.), *ди́кая дивизи́я / брига́да* ‘воинское подразделение из нескольких полков, в которых до революции и в гражданскую войну служили преимущественно горцы Кавказа’ (дЧ.), *желе́зная / стальна́я дивизи́я* ‘названия прославленной 18-й дивизии Таманской Красной Армии’ (дЧ.) и др.

Разное:

доро́га колёсная ‘шоссе’, *заво́д рыбоспéтный* ‘рыбзавод’, *цеге́льный заво́д* ‘кирпичный завод’, *полевой листок* ‘стенная газета, которую выпускали в поле’, *бе́лая ма́га* ‘белая магия’, *чёрная ма́га* ‘чёрная магия’, *вытяжнóй приз* ‘скаковой приз победителю на бегах’ (РГК), *ветена́рный пункт* ‘ветеринарный пункт’, *гра́льный струме́нт* ‘музыкальный инструмент’, *прито́нный уча́сток* ‘место на берегу реки, удобное для вытаскивания сетей’ и др.

Среди приведённых УНТС можно выделить такие, которые не связаны с какими-либо специфическими чертами этнической общности или с законами развития языка. Другую группу составляют специфичные УНТС, относящиеся к военному быту, к материальной и духовной культуре казаков Кубани: *золотые*

батальоны, линейская станция, линейский казак, забивать (забить) кол и др. Ряд кубанских УНТС представляют собой русско-украинские дублиеты: *белый арбуз, петров батог, вручить тыкву, святой угол* (в КГЮЯО) и *белый кавун, петрив батиг, вручить гарбуз, святой угол* (в КГУЯО). Однако большая часть УНТС входит в общекубанский фразеологический пласт: *стани(ы)чный атаман, войсковый / войсковой атаман, бур(я)к сахарный, старша(я) дружка, кутний зуб, голодна(я) кутья, канёвое одеяло, глуха(я) стена / стёнка* и др.

У ряда кубанских УНТС зафиксированы эквиваленты, представляющие собой результат процесса имплицирования. См., напр.: *красная барыня, чёрная барыня – барыня* ('боярышник с красными или с чёрными ягодами'), *бацько-мать – баткы(и)* ('родители'), *буркун жёлтый – буркун* ('раст. донник'), *ткацкий верстак – верстак* ('ручной ткацкий станок'), *кавуняча(я) душа – душа* ('сердцевина, мякоть арбуза'), *собачья рожка – рожка* ('мальва, просвирник курчавый'), *вершкова(я) / кувшинна(я) сметана – сметана* ('сливки'), *хлеби(ы)на хлэ(и)ба – хлеби(ы)на* ('булка хлеба') и др. УНТС *кошевой / кошевой атаман, куренной / куренной атаман*, как отмечает В.П. Чалов, подверглись процессу имплицирования ещё в XVIII веке [Чалов, 1981, с. 101].

Отдельные УНТС имеют эквиваленты-универбы: *пупоризна(я) бабка – пупоризка* ('женщина, перевязывающая пуповину новорожденному'), *шпанская вишня – шпанка* ('сорт крупной сладкой вишни'), *пупатый горох – пупарик* ('сорт гороха'), *кутний зуб – кутняк* ('зуб мудрости'), *утреинее молоко – утреини(ы)к, утроини(ы)к* ('молоко утреннего удоя'), *сани козырные – козырики* ('лёгкие выездные сани с облучком и задком'), *подкатной сарай – подкат* ('сарай для хранения кормов и с.-х. инвентаря без передней стенки, открытый'), *сдоровой сало – сдор* ('нутряное сало'), *лазоровый цветок – лазорик* ('степной тюльпан'), *напихаста(я) хата – напихачка* ('постройка турлучного типа'), *райское яблочко – райка, рачка* ('райская яблоня и её плоды') и др.

Большая часть УНТС относится к именным, глагольные представлены в четырёх ТГ – *Названия трудовых процессов, Названия обрядовых действий, Названия игр, Названия болезней, их симптомов, способов лечения, врачей.* В

последней ТГ можно выделить УНТС, номинирующие действия, которые сопровождаются заговорами. См., напр., выражение *выливать волос на колос*: на загноившийся палец кладутся ржаные колоски, которые поливаются тёплой водой. Мокрота, приликая к колосьям, тянется, как нити, напоминающие волос (отсюда название недуга). Совершая эти действия, целитель *шепчет*, заговаривает болезнь. Между тем манипуляции, направленные на излечение больного, не всегда имеют магическое вербальное сопровождение. Рассмотрим выражение *рвать / дёргать (порвать / подёргать) чемер / чемеря рвать* 'лечить от головной боли'. По воспоминаниям собирателя местного фольклора, доцента кафедры истории русской литературы и критики КубГУ Л.Б. Мартыненко, детство которой проходило в Приморско-Ахтарском районе, маленьким детям, перегревшимся на солнце, головную боль лечили следующим народным способом: бабушка наматывала на палец колечко волос на макушке (*чемер*) ребёнка, дёргала и спрашивала: «Ну шо прошла головочка?» Можно предположить, что чудесное выздоровление наступало благодаря самовнушению: ребёнок знал, что его полечили, следовательно, болезнь должна пройти.

Отсутствие в ТГ наречных и адъективных УНТС можно объяснить номинативной ролью анализируемых единиц. Их семантика складывается из значений составляющих их компонентов, но не сводится к сумме этих значений так же, как нельзя свести значение слова к сумме значений составляющих это слово морфем. На данную особенность обращает внимание исследователь сибирской фразеологии А.И. Фёдоров, ссылаясь, в свою очередь, на убедительное доказательство В.З. Панфилова о несводимости значения слова к сумме морфем, из которых оно состоит [ср. Фёдоров, 1980, с. 37 – 38].

Смысловым стержнем подавляющего большинства УНТС является имя существительное, которое, как правило, сохраняет прямое предметное значение. У кубанских УНТС в роли опорных слов обычно выступают общенародные слова: *арбуз, атамán, горло, дом, дорога, земля, зуб, казák, каша, колесо, корень, корова, купать, молоко, палец, песня, продавать, спортсменка, тополь, трава, юбка* и др. Лексические диалектизмы и варианты слов ЛЯ в функции опорных слов

отмечены реже: *арбуз*, *бурáк* ‘свёкла’, *вётка* ‘дерево’, *го́лка* ‘спица’, *вúхо*, *гру́бка* ‘печка’, *кавúн* ‘арбуз’, *худóба* ‘домашний скот’, *цыбу́ля* ‘лук’ и некот. др.

Ряд УНТС номинируют предмет метафорически: *деви́цы в зéлени* ‘садовый цветок, нигелла’, *медвéжье (в)úхо* ‘коровяк скипетровидный’, *коша́чы усы* ‘почечный чай, ортосифон тычиночный’, *о́гненный шар* ‘жёлтый георгин’, *тёщин язык* ‘кактус с длинным плоским стеблем, сансевиерия’ и др. Образование УНТС на основе вторичной номинации – явление известное и в ЛЯ, и в диалекте. Употребление УНТС в стилистически нейтральной речи, лишённой какой бы то ни было экспрессии и оценочности, стирает образное представление, мотивирующее их денотативное значение.

В подавляющем большинстве УНТС называют, а не характеризуют предметы или действия. Исключения составляют единичные случаи. Так, устойчивое словосочетание *каца́нский борщ* ‘борщ, сваренный из красной свёклы’ – обладает очевидной презрительно-иронической коннотацией. См. высказывание информанта: *Каца́нский борщ, он кра́сный. Мы назывáим «каца́нский борщ». Шо ты отó свары́ла! Каца́нский борщ!* (Ясен.). В то же время УНТС *каца́нская печь* ‘русская печь’ лишено какой бы то ни было оценочности. Иронический оттенок имеет устойчивое сочетание *жаба́чий хром* ‘заменитель кожи, из которого шьют верхнюю одежду’. Шутливой и иронической коннотацией обладает записанное в ст-це Старотитаровской устойчивое сочетание *це́нтра́льна(я) ля́да* ‘входная дверь’: *А ну закрый́ це́нтра́льну ля́ду!* Лексический диалектизм *ляда* имеет на Кубани широкий ареал, им называют дверцу на чердак, в погреб, а также в *сажок*, где держат свиней, в ст-це Успенской ЛЕ зарегистрирована в значении ‘ставня’. Рассмотренные обороты сочетают в себе и терминологические, и собственно фразеологические признаки. Их, по мнению А.И. Фёдорова, следует называть номенклатурно-терминологическими фразеологизмами [ср. Фёдоров, 1980, с. 39].

У некоторых кубанских УНТС внутренняя форма демонстрирует эксклюзивность и новизну образов. Оригинально название подушки, набитой перьями, ощипаннми с живой птицы, – *жива́(я) поду́шка*: *У нас жывы́и паду́шкы булы́, иж жыво́го гусака́ и из гу́скы, лёхкии паду́шкы* (Шев.). Необычна

номинация дыхательного горла – *гóрло*, (*з*)*де пáски едýт*. Поэтично УНТС *невéста в(у) капрóне* ‘спирея белая’, записанное в ст-це Кабардинской: *Дéрива бéлым цвитётъ, назывáим «нивéста в капрóни»*. *Вётки такии, как винóк у нивéсты. Анá пахóжа на бáрыню*. Это пышный многолетний куст с белыми мелкими цветами в Белоглинском районе называют *богáтой неvéстой*. Комнатный цветок, растущий кучно и дающий много отростков, в русских говорах получил название *семéйка* [СРНГ, 37, с. 145]. На Кубани УНТС *дружная семéйка* номинирует некоторые обильно цветущие сорта бегонии. Они, по некоторым поверьям, притягивают в дом любовь, благотворно влияют на взаимоотношения в семье, делая её дружной и сплочённой.

В основе образования аппозитивного сочетания *Смали-копна́*, записанного в ст-це Передовой, также лежит народное поверье, которое предупреждает: в день, когда все православные христиане отмечают церковный праздник в честь Смоленской иконы Божией матери, нельзя стирать белье – к удушеннику, нельзя работать на огороде, косить сено – к пожару. Приведём рассказы информантов, подтверждающие действенность одного из указанных запретов: – *На Смалí-капну́ нильзý сэна вазítъ – згарítъ*. – А что такое Смали-копна? – *Эта прáзник бальшой цыркóвный – Смалéнская* (Панченко В.Л., 1968 г. р.). *Паéхали за сэнам. Бáбушки сказа́ли: «Ни ётти на Смалí-капну́»*. *Ни паслу́шали их, паéхали. Заéхали ужé ф стани́цу. Вирёфка пиритёрлась, а из выхлопной трубы вылитáит ака́лина – и на сэна. Пря́м ф стани́цы, двéсти мэтраф ад до́ма. Другóй слúчий: паéхали на Смалí-капну́ за сэнам. Тилéгу налажýли сэна. Сэли пирикурítъ. Адíн вы́брасил аку́рак – стох на тилéги загарéлся. Што смагли́ – аткида́ли. Но сэна праваня́лась – ужé карóвы ни йидя́т* (Панченко С.А., 1963 г. р.). Императив глагола *смалí* образован от *смáлить* ‘жечь, палить, обжигать’, см. также *смáлина* ‘запах палёного’. Слова связаны чередованием гласных <А>//<О> с общеславянскими *смола*, *смоль* [ср. Фасмер, III, с. 684], от которых произведён древнерусский гидроним *Смольня*, откуда и название города *Смоленск* [ср. Фасмер, III 690].

Сохранившиеся и на Украине, и на метропольных территориях кубанских казаков легенды о происхождении кавказского слепца (их краткое содержание

приводит М.В. Семенцов [Семенцов, 2003, с. 75 – 90]) позволяют объяснить появление ряда УНТС, номинирующих это животное. По одному из преданий, оно рождено собакой, которая обратилась женщиной. По другой версии щенки рождались у женщины в наказание за её грехи. Ещё один вариант легенды гласит, что рождение у женщины щенков происходило в девятом поколении рода, ведущего своё начало от собаки. Отсюда следующие УНТС: *зіньске / зіньска / жіньске / жёнський щеня / щенок*. Злые щенки первыми нападают на человека, впиваясь зубами в икры ног. За эту свирепость Господь наказал их, лишив зрения (у зверьков полностью отсутствуют глаза, на месте которых проходит кожаная складка, идущая от углов рта к затылку). Данная особенность положена в основу образования УНТС *слепой кутёнок*. В 1992 году этнограф М.В. Семенцов в хуторе Левченко записал местное предание о происхождении кавказского слепца от сына богатого казака, которого отец, чтобы выиграть спор о плодородном поле у бедняка, закопал по горло в землю (сын должен быть подтвердить принадлежность поля отцу и откликнуться на его зов) [Там же]. В наказание за обман, совершённый таким чудовищным способом, род богатого казака был проклят: сыновья его сына родились зверьками, обреченными вести подземный образ жизни. Следует отметить, что в некоторых населённых пунктах Краснодарского края (Тамань, пос. Приморский) УНТС *зиньске щеня* номинирует крота. Аналогичное значение имеет выражение *зінське щеня* в украинском языке [СУМ, III, с. 574]. Между тем наличие у УНТС двух значений, представляющих собой межсистемные согипонимы, – явление редкое для кубанских говоров.

Стремление к однозначности, обусловленное их терминологичностью, можно отнести к одной из характерных особенностей УНТС. В наших материалах зафиксированы единичные факты наличия у УНТС нескольких значений. Так, жители ст-цы Старотитаровской растения тысячелистник и конский щавель называют *заткны гузно*. Объяснить это можно тем, что отвар обоих растений помогает от расстройства кишечника. Большой редкостью является и развитие у УНТС переносных значений. См., напр.: УНТС *дікая дивізія* ‘1) устар. воинское подразделение из нескольких полков, в которых до революции и в гражданскую

войну служили преимущественно горцы Кавказа (дЧ.); 2) о шумных, озорных детях (Спок., Тбил. – ФСГК).

Как правило, УНТС не входят в состав ДФЕ. Однако возможны отдельные исключения. Так, УНТС *зіньске щеня́* является компонентом трёх УС: *кі(ы)даться як зіньске щеня́* ‘злобно нананпадать на кого-л.’ (Новодерев.), *сігать як зіньске щеня́* ‘высоко подпрыгивать (чаще о расшалившихся детях)’, *злий як зіньске щеня́* ‘о злом, свирепом человеке’ (Старотит.). В ст-це Новодонецкой выражение *злю́чая как жéнский щенóк* употребляется только для характеристики женщины [цит. по Семенцов, 2003, с. 75 – 90]. См. также УС *вы́рядыть як старшу дру́жку* ‘прогнать с позором’ (Старотит.), поводом для появления которого, вероятно, послужили многочисленные шуточные припевки, высмеивающие старшую подружку невесты (см., напр., шуточная припевка, записанная в ст-це Кубанской: *Вот жыниха́ привили́, гра́ют пэ́сни: «Пралыта́ит лён, лён, выганя́ла дру́жычку вон-вон, зачём бы́ло бра́ты, як тупе́рь выганя́ты»*).

Один и тот же образ может накладываться на разные объекты номинации. Ср.: в кубанских говорах – *водяной бугай* ‘жук. *Hydrophilus piceus*’ и в донских, где *водяной бугай* имеет два ЛСВ: ‘1) Выпь. 2) перен. Ворчун’ [БТСДК, с. 57]. Согласимся с А.И. Фёдоровым, который подчёркивает, что «роль внутренней формы у диалектных терминологических словосочетаний выше, чем у терминологических словосочетаний ЛЯ; она в ряде случаев не только мотивирует содержание устойчивого словосочетания номенклатурно-терминологического типа, но и передаёт образные ассоциации, свидетельствуя о конкретном характере мышления народа, обусловленного его трудовым опытом» [Фёдоров, 1980, с. 32].

Проведённый анализ демонстрирует, что одни кубанские УНТС отражают общий характер мышления, общность жизненных условий многих народов и возникают в результате обобщения человеком наблюдений над окружающим миром и над самим собой, другие свидетельствуют об этнокультурном своеобразии характера мышления носителей кубанских говоров. Отличительная черта всех УНТС, в том числе образных, – принадлежность к нейтральному стилю речи, где они используются как номинативные единицы.

Обратимся к экспрессивно-окрашенным устойчивым выражениям, зарегистрированным в говорах Кубани. Они не только называют то или иное явление объективной действительности, но и содержат в себе указание на определённое отношение говорящего к этому явлению. В таких ФЕ присутствуют «экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны» (О.С. Ахманова), как правило, проникающие друг в друга. В лексикографических изданиях они отражаются с помощью одних и тех же словарных помет, что подтверждает сложность, а часто и невозможность их дифференциации.

Как известно, все экспрессивные ФЕ делятся на две группы: 1) собственно экспрессивные, в значении которых наряду с понятийным содержанием присутствует количественная характеристика явлений, процессов, признаков; 2) экспрессивно-эмоциональные, в которых указание на степень и количество сочетается с репрезентацией эмоций, оценок, чувств. ФЕ первой группы соотносятся с наречиями меры и степени с общим значением ‘сверх меры’, а также с количественными наречиями с общим значением ‘очень много’ или ‘очень мало’. В кубанских говорах в количественном отношении преобладают ДФЕ второй группы. Экспрессивность ФЕ тем богаче, чем полнее в их семантике выражены коннотативные элементы, чем оригинальней и неожиданней положенные в их основу образы. Экспрессивность ФЕ создаётся за счёт использования разнообразных средств.

Одно из них – выражение ФЕ представлений об алогичных, нереальных действиях, состояниях, признаках: *репьях в(у) крапынку* ‘о нелепом, несуразном человеке; чудо в перьях’, *чурка с глазами* ‘об очень некрасивом человеке’, *вари(ы)ть воду* ‘издеваться, мучить кого-л’, *дым возить* ‘ездить порожняком’, *женить молоко* ‘разбавлять молоко водой, имея выгоду при продаже’, *иска́ть ко́сти в молоко́* ‘привередничать’, *ха́рю кра́сить* ‘пьянствовать’, *в(у) ма́сле купáться* ‘жить в достатке’, *умы́ть мозги́* ‘начать мыслить здраво’, *молочко́ на ве́рбу полéзло* ‘молока у коровы стало меньше’ и др.

Экспрессия у устойчивых выражений часто возникает благодаря внутренней рифме: *не ба́чить ни ла́ски ни ска́зки* ‘не испытывать в полной мере

родительской любви, внимания, заботы’, *ни дити́ночки ни былі́ночки* ‘об одиноком, бездетном человеке’, *невѣстке на отмѣстки* ‘назло’, *идти́ как мак цвѣсти́* ‘идти в нарядной, праздничной одежде, в приподнятом настроении’, *хвоста́ться, лишь бы не оста́ться* ‘принимать участие в чём-л., хотя в этом нет нужды’, *день блы́сну, тры дни кы́сну* ‘кто-л. часто болеет, имея кратковременные улучшения в состоянии здоровья’, *не болѣла, не горѣла, как с пѳлочки сняли* ‘кто-то неожиданно умер’, *сам пью, сам гуляю, сам стелю́ся, сам лягаю́* ‘об одиноком человеке, свободном от семейных обязательств’, *пога́ному сва́ту хоть быка́ в ха́ту* ‘о человеке, которому ничем не угодишь’, *сами родители, сами победители* ‘о самостоятельных, не прибегающих к помощи других людях’ и др.

Экспрессивность может появляться в результате гиперболизации или, напротив, значительного преуменьшения мотивировочного признака, выраженного ФЕ: *глаза́ по шесть копѣек* ‘о сильном удивлении’, *за ша́пку сухарѣй* ‘очень дешёво’, *глу́пый по са́му(ю) завязку́* ‘об очень глупом человеке’, *сорок килограмм в мокрой куфайке* ‘о человеке с небольшим весом’, *все кы́(и)шкы(и) повы́студыть* ‘сильно замёрзнуть’, *все и ка́пельки / кро́шечки подобра́ть* ‘быть очень похожим на кого-л.’, *зе́млю но́сом подпира́ть* ‘быть слишком худым, истощѣнным, немощным’, *хлебну́ть по са́мые глаза́* ‘испытать, пережить многое (о нужде, горе и т.п.)’, *бурьяны́ в ви́кна загляда́ют* ‘о заросшем огороде’, *жисть сном прошла́* ‘о быстротечно прожитой жизни’ и др.

Использование необычных сравнений также способствует повышению эмоционального тонуса. См., напр.: *как сара́й с пристро́йкой* ‘о неуклюжем, нескладном человеке’, *дурны́й ~ як са́ло без хлі́ба, як сапо́г* ‘об очень глупом человеке’, *пьяны́й як дубы́на* ‘об очень пьяном человеке’, *бе́гать как ку́цый хвост за за́йцем* ‘ухаживать за девушкой’, *гонять как солѣного зайца́* ‘ругать, устраивать нагоняй’, *ката́ться как на блю́де* ‘жить вольготно, богато’, *лома́ться як сдо́ба на помойны́це* ‘воображать’, *как коты́ соса́ли* ‘о слипшихся, долго не расчѣсывавшихся волосах’, *как свѣкор пелѣнки мыть* ‘очень долго’, *посинѣть як ку́рячий пуп* ‘очень сильно замёрзнуть’ и др.

Экспрессивность у устойчивых сочетаний возникает и за счёт тавтологии, поскольку «экспрессивна сама идея тавтологичности» [Потебня, 1899, с. 562]. Безусловно, обычное повторение слов, если они только усиливают семантику, не изменяя её, не следует, как справедливо отмечает А.И. Фёдоров, зачислять в разряд ФЕ [Фёдоров 1980, с. 172], хотя подобные повторы могут быть достаточно регулярными. См., напр., зарегистрированные в кубанских говорах следующие регулярно воспроизводимые сочетания слов: *голь голём*, *голь гольцём* ‘об очень бедном человеке’, *замухря́ замухрёй* ‘о некрасивом, неказистом человеке’, *кулёма кулёмою* ‘о неудельном человеке’, *тума́к тумакём* ‘1) о глупом человеке; дурак дураком; 2) о человеке, плохо разбирающемся в каком-то деле’ и др.

К образным тавтологическим выражениям можно отнести такие, как *го́ном гнать* ‘выгонять, заставлять уйти’, *хоть дёрн дері* ‘о сдобном, пышном хлебе’, *ёдом есть* ‘донимать, изводить кого-л.’, *земля́ землёй* ‘о чём-л. очень чёрном’, *лежмя́(а) лежа́ть* ‘бездельничать’, *леп лёпом* ‘обильно, в большом количестве (об урожае)’, как *лізень слиза́л* ‘кто-л. или что-л. быстро исчезло’, *недогрёбки сгребáть* ‘донашивать старую одежду с чужого плеча’, *сло́ны слоня́ть* ‘бездельничать’, *хо́дором ходіть* ‘быть весёлым, энергичным’, *чин чинарём* ‘в полном порядке, очень хорошо; так, как следует’, *чужа́(я) / чужо́й чужина́* ‘о чужом, неродном человеке’ и др.

В кубанских говорах зарегистрированы также словосочетания, у которых экспрессивность появляется благодаря созвучию рифмующихся искусственно созданных звуковых комплексов, лишённых образных представлений. Такую экспрессивность В.М. Мокиенко назвал «фонетической» [Мокиенко, 1980, с. 148]. Эти словосочетания близки к тавтологическим. Однако они только по форме похожи на слова, соединённые по типу устойчивых сочетаний. См., напр.: *ке́дя(и)-муке́дя(и)* ‘1) медленно, еле-еле; 2) неохотно, без желания’, *ку́нтики-пу́нтики*, *пы́ндыкы-мы́ндыкы* ‘что-л. вкусное’, *те́ти-ме́ти*, *тю́ти-му́ти* ‘деньги’, *хабу́р-чабу́р* ‘всякая всячина’, *хала́й-бала́й* ‘кое-как, как попало’, *не хала́м-бала́м*, *не хухры́-мухры́* ‘не пустяки, не фунт изюму’, *хурда́-мурда́* ‘харчи, некалорийная пища’, *ча́пу-ля́пу* ‘о медленной, неуклюжей походке’, *шала́х-вала́х* ‘кое-как,

небрежно’, *шарлдый-марлдый* ’1) те, на ком едут верхом при игре в чехарду; 2) те, кто находится в зависимом, подневольном положении’, *ширы-пыры-растопыры* ‘разговор не по существу’, *не шурум-бурум* ‘совсем, совершенно, ничего (не понимать, не знать)’ и др.

Некоторые ФЕ данного типа минимально мотивированы: в их составе выделяется гендиадис – рифмованное сложение слов, в котором один из компонентов соотносится со значимым словом, а другой является асемантичным [ср. Журавлёв, 1982, с. 84 – 86]. В кубанских говорах это следующие устойчивые выражения: *ни ду́ху ни ху́ху* ‘абсолютно ничего’, *кустру́льки-мастру́льки* ‘кухонная посуда’, *пундыкы-мундыкы* ‘деликатесы’ (*пундик* ‘род пирожного’ [Гринченко, III, с. 499]), *салаты-малаты* ‘разнообразная еда’, *всякы тákы-брякы* ‘всякая всячина’, *хохла-мохла* (ФСГК) ‘люди разных национальностей, проживающие в одном населённом пункте’ (вероятно, *хохла* от *хохол*), *ширь-пырь-нашатыйрь* ‘о человеке, который делает всё наспех, некачественно’, *шалтый-болтый* ‘1) устар. особый язык для общения с адыгейцами; 2) плохо, лениво’ (дЧ); 3) о человеке без определённых занятий, бездельнике’, *шуря-буря* ‘фольк. сильная буря с ветром’ (дЧ) (асемантизм первого существительного вызван выпадением согласного [Т]: *штуря* в кубанских говорах означает ‘буря, метель’), *шушера-мушера* ‘мусор, отходы’ (*шушера* ‘мусор, отходы’).

В экспрессивных ДФЕ могут совмещаться несколько из перечисленных способов. См., напр.: внутренняя рифма, гиперболизация или преуменьшение мотивировочного признака – *как встанет, так до неба достанет* ‘о высоком человеке’; внутренняя рифма и выражение ДФЕ представлений об алогичном действии: *кот влез на сáло и кричит: «мáло»* ‘о скупом человеке’; внутренняя рифма и необычное сравнение: *голова́ как дом совéтов с пустым кабинéтом* ‘о человеке, который думает в данный момент о постороннем’ (СФГК) и др. Экспрессивные ДФЕ в подавляющем большинстве входят в активный словарный запас носителей кубанских говоров. Собственно экспрессивность и продлевает им жизнь в диалекте.

Что касается структуры кубанских фразеологизмов, то они всегда выступают как определённое структурное целое составного характера, складываясь из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях. Различают три структурных типа ФЕ: ФЕ-словоформы, ФЕ-словосочетания, ФЕ-предложения. Проиллюстрируем указанные типы на материале кубанских ДФЕ.

ФЕ-словоформы: *с гудкóм* ‘с плачем’, *с душкóм* ‘о человеке с упрямым, своенравным, капризным характером’, *с кандибóбером* ‘с гонором’, *с-пид ножа́* ‘по принуждению, без желания’, *не под шéрсть* ‘не по нраву’ и др.

ФЕ-словосочетания: *обдúтый кусо́чек* ‘лакомый кусочек’, *кусо́к выглядáть* ‘быть лишним ртом в семье’, *набыть кéндюх* ‘наестся до отвала’, *полы / штаны́ подлатáть* ‘покусать (о собаке)’, *сидéть в поро́гах* ‘проявлять излишнюю скромность’ и др.

ФЕ-предложения: *аж в нутре всё оборва́лось* ‘кто-л. сильно испугался’, *гíмна загорíлысь*, *аж шку́ра говоры́ть* ‘у кого-л. появилось очень сильное желание сделать, приобрести что-л.’, *зубы слипа́ются* ‘о чём-то очень сладком’, *два́дцать мозгóв вы́скочило* ‘у кого-л. появилась сильная усталость от тяжёлой работы’, *пóчта напáла* ‘у кого-л. началось расстройство желудка, понос’ и др.

Языковой материал позволяет выделить ряд структурных особенностей, характерных для кубанских ФЕ.

1. Активность конструкции со сравнительными союзами *КАК / ЯК*. Её частотность отмечается и в РЛЯ, в котором УС, как правило, оформлены как союзные конструкции [см. Лебедева, 1999, с. 13]. УС в его эксплицитной форме – это многокомпонентное образование, отражающее логическую формулу сравнения А – С – как В, где А – субъект сравнения (то, что сравнивается), В – объект сравнения (то, с чем сравнивается), как – модус сравнения, а С – основание (признак) сравнения [Лебедева, 1999, с. 169]. Зафиксированные в кубанских говорах УС в большинстве своём соответствуют двум логическим формулам сравнения: С – КАК / ЯК – В и КАК / ЯК – В. Данный факт позволяет признать, что для УС, функционирующих в кубанских говорах, каноническая

(трёхкомпонентная) формула сравнения не характерна. Проиллюстрируем наполнение указанных активных конструкций конкретными примерами.

С – КАК / ЯК – В, где основанием сравнения является глагол, причём С и В могут меняться местами: *беречь как святу́ю па́сочку* ‘относиться очень бережно и трепетно к кому-, чему-л.’, *бу́читься як тело́к* ‘проявлять упрямство’, *воня́ть как цыга́н* ‘издавать сильный запах пота’, *лежа́ть як дрючо́к* ‘лежать неподвижно // не испытывать влечения к женщине’, *ходи́ть как опоённая ло́шадь* ‘ходить удручённым чем-л.’, *шкандыба́ть як кля́ча* ‘ковылять, хромать’ и др.;

С – КАК / ЯК – В, где основание сравнения – имя прилагательное: *как дере́во глухо́й* ‘об оглохшем человеке’, *гол як бубен* ‘о бедном человеке’, *до́вгый як драбы́на* ‘о высоком человеке’, *дурно́й как сту́па* ‘об очень глупом человеке’, *звягу́чий как звоно́к* ‘о ком-л., имеющем звонкий голос’, *личма́нистый как луна́* ‘о круглолицем человеке’, *худы́й як гы́чка* ‘об очень худом человеке’ и др.

Достаточно распространена модель КАК / ЯК – В. В ней, как правило, объектом сравнения является имя существительное, которое может иметь при себе распространитель, выраженный прилагательным, другим существительным с предлогом или без предлога: *як были́на* ‘об одиноком человеке’, *як / как гво́зди(ы)ки(ы)* ‘ровно, не шатаясь’, *як дрот* ‘о чём-л. упругом’, *як копы́ця* ‘о толстом человеке’, *як короле́к* ‘о человеке небольшого роста’, *как парши́вый курёнок* ‘о слабом, болезненном ребёнке’, *як на майдáне* ‘на всеобщем обозрении’, *як матрёнка* ‘о человеке, который часто меняет место жительства’, *як / как соро́ка в масле́к* ‘с любопытством’, *как сто́ян пад до́м* ‘о человеке крепкого телосложения’, *як горобы́ни яйця́* ‘о чём-л. небольшого размера’ и др.

Гораздо реже объектом сравнения выступает имя прилагательное: *как купаны́й* ‘о мокром, вспотевшем человеке’, *как натопта́нный* ‘о плотном, упитанном человеке’, *как обчёсанны́й* ‘о человеке с точёной фигурой’, *как / як скаже́нный* ‘о злом, взбешённом человеке’ и др.

Необязательность основания (признака) С, как подчёркивает В.М. Огольцов, объясняется тем, что «этот признак оказывается выделенным уже в коллективном сознании говорящих и для его проявления достаточно указания

на сам факт сравнения при элементе В» [Огольцов, 1978, с. 80 – 81]. Наши данные это полностью подтверждают. См., напр.: *грязный як / как ганчёрка – як / как ганчёрка* ‘об очень грязном человеке’, *сухой как чурёк – как чурёк* ‘о чёрством мучном изделии’ и др. Кроме того, УС вообще может терять свой внешний структурный показатель. См., напр.: *солёный як / как рона – як / как рона – рона* ‘о чём-то очень солёном’: *Квасылы огурцы, рассол делалы: огурцы получались солёны як рона* (Ольг.). *Памидоры как рона* (Пашк.). – *Ну як рыба? – Та цэ рона!* (Старошерб.); *как кулёма – кулёма* ‘о неудельном человеке’: *О! Как кулёма зделала: пригатовила плоха* (Упор.). *Вот кулёма: город пишла в обид полоть* (Ленинград.).

Другие модели компарации в местных говорах не столь активны. К ним относятся: а) УС, соответствующие формуле А – КАК / ЯК – В: *жисть як красна(я) перчина* ‘о тяжёлой, горькой жизни’, *пыка як прытыка* ‘о большом лице’ и некот. др.; б) УС с творительным сравнения: *дурным старцем выгледеть* ‘плохо выгледеть, быть некрасивым’, *ястребом / бугаём коситься* ‘смотреть злобно’, *напухнуть балабушкамы* ‘об отёчных конечностях’ и некот. др.; в) с формой сравнительной степени прилагательного при существительном в Р.п.: *черней земли* ‘очень чёрный’ и некот. др.; г) с придаточным сравнительным предложением: *как плащеничку вынесли* ‘о наступившей тишине’, *как нитка колыхаётся* ‘об очень худом человеке’, *живут(ь), як пчёлы в улик лезут* ‘о людях, живущих в тесноте’ и некот. др.; д) УС со сравнительными союзами, синонимичными союзам *як / как*: *как будто с неба сорватый* ‘о человеке небесной, неземной красоты’, *спына наче перепыханная* ‘о болях в спине’, *як наче с Библии читае(т)* ‘о человеке, который легко вспоминает прошлое и рассказывает о нём’, *шо с горы котыться* ‘очень легко что-л. сделать’ и некот. др.

2. Активность конструкций с сочинительными союзами:

И – *бытых и ранытых* ‘абсолютно всех, все подряд’, *пхать сырое и варёное / сырым и варёным* ‘помогать продуктами и вещами’, *тянуть живое и мёртвое* ‘воровать всё подряд’, *и шие и брые* ‘о кокетке, заигрывающей с мужчинами’ и др. НИ / НЫ – НИ / НЫ *ни пять ни шесть* ‘ни то ни сё’, *ни с тех ни с сех*

‘неизвестно почему, без видимой причины’, *ны хатыны ны лозыны* ‘абсолютно ничего’ и др. ТА / ДА: а) в значении И – *старі вѣщи, брыль та клѣщи* ‘шутл. о старых, ненужных вещах’, *шкѹра да кѹсти* ‘об очень худом, измождѣнном человеке’, *шѹри та вѹри* ‘пренебр. ‘о женских нарядах’ и др.; б) в значении НО – *пѣрвого десятка, да не пѣрвой сотни, пѣрвой сотни, да не пѣрвой тысячи* ‘не очень-то хороший, не бог весть какой’, *швыѣдко, та гыѣдко* ‘сделать что-л. быстро, но плохо’, *хочь седая борода, да неумная голова* ‘о человеке, который с годами не стал мудрым’ (дЧ.) и др. А – *не сейчас, а зарас* ‘немедленно, сию минуту’, *дуй не дуй, не к колбасѣ, а к яйчкам* ‘скоро весна, Пасха’ и др.

3. Активность конструкций с уступительным союзом *ХОТЬ / ХОЧЬ / ХУЧЬ*. Зафиксированные в кубанских говорах ФЕ, соответствующие данной модели, распадаются на две группы. Первую составляют обороты, имеющие в своём составе глагол в форме повелительного наклонения, который, как правило, сопровождается зависимым от него существительным: *хочь пид стріху не веды* ‘о девушке, женщине с ярким румянцем’, *хоть уздѣчку надевай* ‘о невозможности удержать кого-л. от каких-л. безрассудных поступков’, *хоть в кармаѣ носі* ‘о человеке маленького роста’ (ФСГК), *хучь глазами свети* ‘очень темно’, *хучь репу сей* ‘о грязи в ушах’ (дЧ.), *хочь килѹк теши* ‘об упрямом, не поддающемся уговорам, убеждениям или о непонятливом человеке’, *хочь саранчу топчи* ‘о больших ступнях’ и др. Вторая группа немногочисленна, в неё входят ДФЕ, глагола в своём составе не имеющие: *синіцу хочь в пшеѣцу* ‘о худом, неполнеющем человеке’ и др.

4. Активность конструкций с частицей *НЕ*: *не весь дѹма* ‘умственно неполноценный; не в своём уме’, *в(у) хату не влѣзь* ‘1) грязно, неубрано; 2) тесно’, *из квасѹв не вылазит* ‘постоянно болеть’, *из гѹря не выхѹдит* ‘жить в постоянных страданиях’, *не за цапову дѹшу* ‘ни за что (пропасть)’, *лыха не йісты* ‘не знать горя, трудностей’, *не потеряѣть гачи* ‘не опозориться’, *лѹчше быть не наѣдо* ‘о ком- или о чѣм-л. очень хорошем’, *без кого-л. и вода не освяѣтится* ‘о ком-л. любопытном, назойливом’, *из десятка(у) не выкинешь* ‘о людях, добившихся

высокого социального и общественного положения’, *не грéет, не знобíт* ‘безразлично, все равно’ и др.

5. Среди ДФЕ, равных по структуре словосочетанию, типичность и регулярность моделей: глагол + имя существительное с предлогом или без предлога и прилагательное + имя существительное. Продуктивность ДФЕ, относящихся к первому разряду, характерна и для ЛЯ [Шанский, 1969, с. 110]. Проиллюстрируем их на примере кубанских фразеологизмов:

глагол + имя существительное с предлогом или без предлога: *(в)пойма́ть слезу́* ‘заплакать’, *выжима́ть цу́рками* ‘добиваться чего-л. с большим трудом’, *на узде́чках держа́ть* ‘контролировать поведение кого-л.’, *гре́блю загаты́ть* ‘умереть’, *заплева́ть глаза́* ‘выразить крайнюю степень презрения’, *дрогале́й лови́ть (пойма́ть)* ‘мёрзнуть (замёрзнуть)’, *разно́сить гро́ши* ‘тратить деньги’, *свалы́ться с копыто́к* ‘свалиться с ног от изнеможения’, *сверка́ть лы́тками* ‘носить короткую одежду (платье или юбку выше колен)’, *за петелькы́ тяга́ть* ‘трепать за одежду на груди’ и др.

В ДФЕ, соответствующих данной конструкции, порядок компонентов бывает как прямым, так и обратным. Глагол в них, как правило, может реализовывать категории лица, времени, вида, наклонения, в прошедшем времени – рода. Что касается имени существительного, то оно способно изменять лишь форму числа. В состав ДФЕ глагольного типа могут включаться также прилагательные, местоимения, числительные, выступающие в роли определений к существительным, и другие существительные. См., напр.: *бу́ть на деся́том ца́рстве* ‘испытывать чувство восторга, безграничного счастья’, *переда́ть кутте́ ме́ду* ‘переборщить’, *на свий хлиб пийты́* ‘перейти на самостоятельное обеспечение’ и др.

Подавляющее большинство кубанских глагольных фразеологизмов номинируют действия и состояния человека. ДФЕ, отражающие процессы, явления, состояния в природе, в предметах, немногочисленны. См., напр.: *идти на ущерб* ‘принимать форму серпа (о луне)’, *рэвом реветь* ‘громко кричать (о животных)’. Подобная картина наблюдается и в других говорах. Так, по

подсчётам А.И. Фёдорова в сибирских говорах они составляют 98% от общего числа глагольных фразеологизмов, и только 2% указывают на явления природы, животного и растительного мира [Фёдоров, 1980, с. 86].

Вторая частотная в кубанских говорах модель – прилагательное + имя существительное / имя существительное + прилагательное. К ФЕ этой модели примыкают обороты, имеющие следующую структуру: имя существительное + местоимение; имя существительное + числительное. См., напр.:

ба́ба (в)уса́та(я) ‘о слабохарактерном и трусливом мужчине’, *приблудный байда́к* ‘сожитель’, *общественный буга́й* ‘о женолюбивом мужчине’, *буры́ян зелёный* ‘о молодом, неопытном человеке’, *заты́чка дегтя́рная* ‘человек, с которого за всё спрашивают’, *с пе́рвыми кочета́ми* ‘очень рано’, *пу́ста(я) кубы́шка* ‘о глупом человеке’, *дурна́(я) куря́тина* ‘дело плохо’, *горобы́на(я) ничь* ‘бессонная, беспокойная ночь’, *девча́чий пасту́х* ‘мальчик, любящий играть с девочками’, *воню́ча(я) спидны́ця* ‘о женщине непристойного поведения’ и др.

Другие конструкции оказались менее активны. Назовём некоторые из них: существительное + предложно-падежная форма существительного (*каза́к в ю́бке* ‘боевая, смелая женщина’ и некот. др.); предложно-падежная форма существительного + Р.п. существительного (*на расхва́т ша́пок* ‘очень поздно’ и некот. др.); предложно-падежная форма существительного + предложно-падежная форма существительного (*от Рожде́ства / от Риздва́ до Коля́дки* ‘очень мало времени’ и некот. др.); предложно-падежная форма существительного + прилагательное (*с гадю́чих спыно́к* ‘о злом, ехидном человеке’ и некот. др.); предложно-падежная форма существительного + местоимение (*на ка́ждом / на ка́жном молодике́* ‘очень часто’ и некот. др.); прилагательное + предложно-падежная форма существительного: (*хи́трый на го́лову* ‘умный’ и некот. др.); прилагательное + предложно-падежная форма субстантивированного прилагательного (*ла́сый на чужо́е* ‘имеющий виды на чужую собственность’ и некот. др.); прилагательное в Р.п. + наречие (*хитрого́ чуть* ‘ничего особенного сложного’); причастие + прилагательное в Т.п. (*зелёным со́рванный* ‘молодой, неопытный, глупый’ и некот. др.); причастие + существительное в Т.п. (*туманом*

припаленный ‘неумный, недалёкий человек’ и некот. др.); предложно-падежная форма местоимения + предложно-падежная форма местоимения (*от тебя до меня* ‘мало, недолго’ и некот. др.); местоимение сам + предложно-падежная форма местоимения (*сам от себя* ‘самостоятельно’ и некот. др.); глагол + наречие (*поробыть чёрно* ‘причинить вред, навести порчу’ и некот. др.); глагол + местоимение (*брать на себе* ‘принимать близко к сердцу’ и некот. др.); глагол + междометие (*справлять ги-ги / гы-гы* ‘беззаботно проводить время’ и некот. др.); деепричастие + существительное (*не прикладая рук* ‘усердно, без усталости’ и некот. др.); наречие + предложно-падежная форма существительного (*не совсём с умом* ‘о плохо соображающем человеке’); предложно-падежная форма числительного + существительное в Р.п. (*в три пота* ‘напряжённо, интенсивно выполнять какую-л. работу’) и некот. др.

6. Преобладание среди ДФЕ, равных по структуре предложению, простых (двусоставных или односоставных) предложений. Проиллюстрируем их конкретными примерами.

ДФЕ, структурно организованные как двусоставные предложения: *бёсиво нашло* ‘кто-л. находится в возбуждённом, нервном состоянии’, *блòхы напáлы* ‘кто-л. ведёт себя капризно’, *аж бульбы схвátываются* ‘кто-л. крепко спит, похрапывая’, *гóре осадíло* ‘кого-л. горе привело в угнетённое душевное и физическое состояние’, *порошнiя сы́плется* ‘кто-л. очень стар и дряхл’, *кисли́цы / кисльiцы сня́ться* ‘1) ожидается что-то плохое, хотя человек этого не предполагает; 2) об очень своенравной, дерзкой или неумелой, ленивой девушке, которая в будущем причинит тому, кто об этом ещё не подозревает, большие неприятности’, *свáйба рубáшку на́йде* ‘средства найдутся’, *росá вы́ступыла* ‘у кого-л. выступила испарина на лбу, кто-л. почувствовал сильную слабость, упадок жизненных сил’, *слезá слезу́ побывáла* ‘у кого-л. слёзы текли ручьём’, *аж тiлòчко тру́сытся* ‘кто-л. испытывает сильную усталость или голод’ и др.

ДФЕ, представляющие собой какую-л. разновидность односоставных предложений. См., напр.: *грудкой не докiнешь* ‘кто-л. недостижим, недоступен для кого-л.’; о человеке, занимающем высокое положение’, *óко колi* ‘о полной

темноте, мраке’, *постира́ли и повеси́ли суши́ть* ‘кто-л. отсутствует и неизвестно где находится’, *хлеба не просят* ‘не мешает, не доставляет неудобств, не лишнее о запасе чего-л.’, *и в завете не было́* ‘нет и в помине’, *нема́ сала́* ‘нет желания, старания’, *шукáй вѣтра в по́ле* ‘не вернёшь обратно, не найдешь’ и др.

ДФЕ, структура которых представляет собой сложное предложение, в наших материалах немногочисленны. Среди них есть ДФЕ, равные по структуре: сложносочинённому предложению (*семь лет мак не родил, и голоду не было́ / симь лит мак не родыв, и голоду не було́* ‘о том, без чего можно обойтись’, *Христос в небесах, а моя душа в телесах*; ‘кто-л. пришёл пьяным’, *пошла по ма́сло, и в печи́ пога́сло* ‘кто-л. ушёл и долго отсутствует’ и др.); сложноподчинённому предложению с придаточными предложениями различных типов (*вы́шла рать, что гла́зом не обня́ть* ‘устар. о многочисленном войске’ (дЧ.), *каза́ла На́стя, як уда́тся / сказа́ла На́стя, как уда́тся* ‘то ли будет, то ли нет’, *при ца́ре Митро́хе, колы́ люде́й було́ тро́хи* ‘очень давно’ и др.); бессоюзному предложению (*заря́ приго́нит(ь), заря́ уго́нит(ь)* ‘о работе от зари до зари’ и др.).

Проведённый анализ демонстрирует, что для кубанских устойчивых выражений характерно разнообразие моделей и неравномерность представленности по структурным типам.

3.3 Компонентный состав кубанских фразеологизмов

Все ФЕ сверхсловны, то есть членятся на компоненты, которые лишь формально соотносятся со словами. Именно поэтому семантика устойчивых сочетаний не вытекает из суммы значений их компонентов. Компонент ФЕ представляет собой семантически преобразованное слово, причём механизм семантического преобразования компонентов фразеологизма до сих пор недостаточно изучен. ДФЕ, как известно, могут включать в качестве компонентов как литературные, так и диалектные слова. Все исследователи русских народных говоров, как справедливо отмечает Л.А. Ивашко, обращают внимание на высокий

процент общеупотребительных слов в составе ДФЕ [Ивашко, 1981, с. 81]. Кубанский диалект не является исключением. Между тем активность тех или иных общеупотребительных слов в образовании ДФЕ нельзя назвать одинаковой. Отдельные лексемы могут образовывать целые ряды фразеологизмов. Фразеологический ряд (термин И.А. Федосова) – это «группа ФЕ, иногда очень значительная по объёму, которая объединяется общим для них словом и принадлежит к одному стилистическому пласту» [Федосов, 1977, с. 29].

Широко употребительна в составе ФЕ соматическая лексика (см. об этом подробнее у Л.А. Ивашко [Ивашко, 1981, с. 81 – 82]). По данным нашей картотеки многие общенародные соматизмы образуют ряды фразеологизмов, или фразеологические серии. Поскольку устойчивые антропоморфные сочетания составляют в говорах Кубани значительный пласт, проиллюстрируем фразеологическую активность общенародных соматизмов отдельными примерами. Наибольшим числом ДФЕ в кубанских говорах представлены фразеологические ряды со следующими общенародными соматизмами:

ГЛАЗ / ГЛАЗА / ГЛАЗКИ: *чёрный глаз* ‘о взгляде человека, приносящем болезнь, несчастье, порчу’, *глаза́ в кучу* ‘о полном безразличии’, *загриба́стые глаза́* ‘о завистливом, жадном человеке’ (СФГК), *ни в оди́н глаз не ви́дет* ‘совсем, никогда не видеть; в глаза не видеть’, *полосова́ть глаза́ми* ‘смотреть с ненавистью’, *глаза́ порва́ть* ‘пристально всматриваясь куда-л., с нетерпением ожидать появления кого-л.’, *не своди́ть глаз с гла́зом* ‘не спать, не смыкать глаз’ (СФГК), *яви́ть глаза́* ‘прийти, появиться’, *пропа́ли глаза́ / гла́зики* ‘у кого-л. от слёз пропало зрение’ (СФГК), *глаза́ отымáет(ь)* ‘кто-л. или что-л. поражает своей красотой’ и др. В ДФЕ со словом *ГЛАЗ* прослеживается его связь как с самим органом зрения, так и со способностью человека к зрительному восприятию окружающего мира. Большинство ДФЕ этой серии отражает внешний вид человека, его поведение, физическое и эмоциональное состояния. Две ДФЕ *глаза́ ма́зать* ‘очень мало’ (СФГК), *хучь глаза́ми свети* ‘очень темно’ являются адвербиальными.

ГОЛОВА / ГОЛОВЫ / ГОЛОВКА: *деревянная голова* ‘о человеке бестолковом, тупом’, *в(у) голову заглядать* ‘бить по голове’, *сидать на голову* ‘командовать кем-л.’, *головка болыт(ь)* ‘что-л. может сломаться или разбиться’, *была бы голова, будет и булава* ‘к знаниям нужна ещё практика, смекалка’ (ДЧ), *в голове жуки гудят* ‘у кого-л. сильно повысилось давление’, *не журь голова* ‘бесшабашный человек’, *голова як макі(ы)тра* ‘о круглой, большой голове’, *голова как капуста*, *голова як черепяна(я) миска* ‘о глупом человеке’ и др. Семантика 13 устойчивых выражений с компонентом *ГОЛОВА* связана с умственной и психической деятельностью человека, с характеристикой его мыслительных способностей. 16 ДФЕ относятся к другим понятийным сферам.

ЗУБ / ЗУБЫ / ЗУБОЧКИ: *зубы выскалить* ‘умереть’, *в(у) зубы заглядать* ‘выражать боязнь, подобострастие’, *кляцать зубами* ‘сильно голодать’, *оголять зубы* ‘смеяться’, *пересчитать все зубы* ‘избить или жестоко наказать’, *продавать зубы* ‘вести легкомысленный образ жизни’ (СФГК), *кровь с зубов* ‘обязательно’, *зубами из рук не вырвешь* ‘о жадном, корыстном человеке, который своего не отдаст’ (СФГК), *зуб книзу глядит(ь)* ‘старость пришла’, *зубочки как перемытые* ‘о белых крепких зубах’ и др. ДФЕ данной серии относятся к различным понятийным сферам, в большинстве своём связанным с характеристикой человека, его действий и состояний.

НОГА / НОГИ: *ног не видно* ‘о быстром беге’, *ногами в гроб лечь* (СФГК) ‘умереть’, *два лаптя на одну ногу* ‘о людях, очень сходных по внешнему виду, по характеру’, *ноги побить / уби(ы)ть* ‘сходить куда-л. впустую, зря’, *подтоптать под ноги* ‘опозорить своим неблагоприятным поступком, лишить уважения окружающих’ (СФГК), *ноги порвать* ‘сильно устать, дойти до изнеможения от ходьбы; остаться без ног’, *под ногами топтать* ‘унижать’, *эле ноги тягать* ‘быть слабым и немощным от старости или болезни’, *со всех ног упасть* ‘свалиться, упасть’, *как раку ногу обломать* ‘очень легко и просто’ и др. В данной серии преобладают ДФЕ, характеризующие действия, поведение, состояние, характер человека, его походку, бег, внешний вид.

НОС: *запахать носом* ‘упасть лицом вниз’, *кунять носом* ‘дремать’, *нос наварить* ‘напиться пьяным’, *натереть нос перцем* ‘досадить кому-л., привести в состояние озлобленности, ярости’, *совать нос в(у) чужой колодец* ‘вмешиваться в чужие дела, в чужую жизнь’, *носом в(у) грязь упасть* ‘опозориться, попасть в неприятное положение’, *кóзы в(у) носе ночувáлы* ‘у кого-л. засушки в носу’, *нос не туда затёсан* ‘кто-л. не способен что-л. делать’, *в(у) носе не кру́гло* ‘у кого-л. нет способностей, навыков для выполнения какого-л. дела или работы’ и др. В ДФЕ с компонентом *НОС* прослеживается его связь с самим органом обоняния.

РОТ: *на по́лный рот* ‘досыта, до отвала, жадно (есть)’, *болéть (заболéть) рóтом* ‘пить или начать пить алкогольные напитки’, *лóжку изо рта́ брать* ‘не кормить’ (ФСГК), *заглядáть в рот* ‘очень внимательно или подобострастно слушать кого-л.’, *раззявить рот* ‘начать сильно кричать, браниться’, *рвать рот* ‘зевать’, *рот коры́том* ‘о полном непонимании’, *рот не вгавáе* ‘груб. кто-л. часто и много ест’, *в(у) рот не влéзешь* ‘не переговоришь кого-л.’, *во рту́ / в рóте как эскадрóн переночевáл* ‘гадко, горько (о неприятном ощущении во рту при тошноте или после похмелья)’ и др. Семантика устойчивых выражений с компонентом *РОТ* прежде всего соотносится с речевой деятельностью или с её отсутствием, с восприятием речи, а также с действиями и характеристикой человека, связанными с процессом употребления пищи и алкоголя.

РУКА / РУКИ / РУЧКА: *с го́лыми рука́ми* ‘без средств к существованию’, *быть на чьи́х-то рука́х* ‘являться предметом забот, попечений; лечь на чьи-л. плечи’, *ка́пнуть на ру́ки* ‘дать взятку’, *на рука́х купува́ть* ‘покупать товар у тех, кто продаёт с рук, на рынке’, *итаны́ в рука́х нести́* ‘поспешно убегать’, *и в ру́ку не плю́нуть* ‘ничего не дать, ничем не одарить’, *протяга́ть ру́кы* ‘драться; распускать руки’, *с(з) рука́мы прыйма́ть* ‘принимать с большой охотой’, *сгорну́ть ру́ки* ‘отчаяться’, *аж ру́ки горя́т / зудя́т/ свербя́т* ‘у кого-л. возникло большое желание что-л. делать’, *ру́ки чу́хаются* ‘о сильном желании подраться’, *як рука́ми(ы) отобра́ло* ‘сразу, совершенно, бесследно прошло (о недомогании, болезни, чувствах, переживании)’ и др. В устойчивых выражениях данной серии наглядно проявляется широкая синтагматика существительного *РУКА*.

(В)УХО / (В)УШИ / (В)УХИ: по самые (в)у́хи ‘сверх всякой меры; очень сильно; по уши’, *сво́ими (в)уша́ми* ‘непосредственно сам услышал, убедился’, *наста́вить / насторбу́чить (в)у́хи* ‘1) насторожиться, поставить уши в направлении звука (о животных); наострить уши; 2) приготовиться с напряжённым вниманием и интересом слушать, прислушиваться; наострить уши’, *оборва́ть (в)у́ши / (в)у́хи* ‘наказать, оттрепав за уши’, *за (в)у́ши / (в)у́хи не оття́нешь* ‘об очень вкусной пище’, *прохлопать (в)ухами* ‘пропустить нужный момент’, *(в)у́хи распусти́ть* ‘доверчиво слушать’, *съездить по (в)ушам* ‘побить’, *аж за (в)у́хами пи́щит* ‘кто-л. ест с жадностью, с большим аппетитом’ и др. В ДФЕ со словом УХО прослеживается прежде его связь с самим органом слуха.

ЯЗЫК / ЯЗЫКИ: язы́к подвя́занный ‘о человеке, способном грамотно выражать свои мысли’, *налома́ть язы́к* ‘научиться красиво говорить, рассуждать’, *образова́ться на язы́к* ‘овладеть русским языком (о горцах)’ (дЧ.), *переверну́ть язы́к* ‘перейти с местного диалекта на литературный язык’, *языка́ не поверта́ть* ‘молчать’, *хло́пать языко́м* ‘бесполезно болтать, пустословить’, *язы́к повернулся* ‘кто-л. сказал то, что сказать трудно, невозможно, неудобно’ (ФСГК) и др. Подавляющее большинство устойчивых выражений данной серии характеризуют речевые способности человека.

Другие общенародные соматизмы не столь фразеологически активны. Ряд соматизмов зафиксированы в наших материалах в составе ДФЕ только один раз: КОЛЕНИ – *язы́к во́зле колéн телена́ется* ‘о состоянии сильной усталости’. МОРДА – *показа́в че́рт мору́ду, а сам бу́льк в во́ду* ‘о человеке, который сказал, что делать, но не показал, как делать, и не помогает’ (СФГК). ПАЛЕЦ – *па́лец в рот не закла́дй* ‘кто-л. таков, что может за себя постоять, таков, что с ним нужно быть осторожным, так как он может воспользоваться промахом другого’. РЕ́БРА – *сто черте́й под ре́бра* ‘пожелание всяких бед и несчастий’. ШЕЯ – *стихну́ть с ше́и* ‘избавится, освободиться от кого-н. или чего-н.’ и некот. др. Компонентами ДФЕ могут быть сразу два соматизма. См., напр.: *зуба́ми из рук не вы́рвешь* ‘о жадном, корыстном человеке, который своего не отдаст’ (СФГК), *но́гы на плéчи* ‘пешком быстро направиться куда-л.’, *язы́к во́зле колéн телена́ется* ‘о состоянии

сильной усталости' и др. Представим количественное соотношение ДФЕ с общенародными соматизмами в Таблице 4.

Таблица 4 – Количественное соотношение ДФЕ с общенародными соматизмами

Общерусский соматизм	Количество ДФЕ
РУКА / РУКИ / РУЧКА	44
ГЛАЗ / ГЛАЗА / ГЛАЗКИ	39
ЯЗЫК / ЯЗЫКИ	33
НОГА / НОГИ	31
ГОЛОВА / ГОЛОВЫ / ГОЛОВКА	29
ЗУБ / ЗУБЫ / ЗУБОЧКИ. РОТ	26
(В)УХО / (В)УШИ / (В)УХИ	14
НОС	13
ПЯТКИ	9
ОКО / ОЧИ	8
СЕРДЦЕ	7
ПУП / ПУПЫ. КИШКА / КЫШКИ / КИШКЫ	5
ГУБА / ГУБЫ. КОСТИ. ЛОБ	4
ЖОПА	3
БАШКА. ЖИВОТ. КУЛАК / КУЛАКИ. НОГОТЬ / НОГТИ. ПУЗО. СПИ(Ы)НА. СРАКА	2
ГРУДИ / ГРУДЬ. КОЛЕНИ. МОРДА. ПАЛЕЦ. ПЛЕЧИ. РЁБРА. ШЕЯ	1
Всего	312 (13 с двумя соматизмами)

Безусловно, приведённые подсчёты относительно, так как не представляют собой сплошное обследование по определённой программе, однако и они весьма показательны, поскольку отражают употребительность приведённых устойчивых выражений в речевом общении.

Другой яркий фразеологический пласт в местных говорах образуют ДФЕ, компонентами которых являются зоонимы. Как известно, анималистическая фразеология представляет собой одну из наиболее распространённых и древних форм языковой номинации, поскольку именно через сравнение с животными человек постигал окружающий мир и самого себя как часть этого мира.

Общепородную анималистическую лексику, входящую в состав кубанских устойчивых выражений, можно разделить на 8 ТГ (см. Таблицу 5).

Таблица 5 – Общепородная анималистическая лексика в составе кубанских ДФЕ

Тематическая группа	Лексические единицы	Кол-во ЛЕ
Домашние животные	<i>бык, баран, вол, кляча, кобель, кобыла / кобыли(ы)ца(я), коза, козёл, ко(и)нь, корова, ко(и)т, ко(и)шка, лошадь, овца, поросёнок, свинья, собака, телёнок / телок</i>	18
Орнитонимы	<i>воробей, ворон, ворона, гусь, дрозд, журавль, коршун, курица, пава, петух, селезень, синица, сова, соловейко, сорока, сыч, утка, цыплёнок, ястреб</i>	19
Инсектонимы	<i>блоха, вошь, жук, комар, моль, муха, пчела, саранча, шмель</i>	9
Ихтионимы	<i>вобла, ле(и)щ, рыба, сазан, сом, таранка, треска, тюлька</i>	8
Звери	<i>волк, лис, медведь, мышь / мыша, обезьяна</i>	5
Рептилионимы	<i>гадюка, черепаха</i>	2
Земноводные	<i>жаба, лягушка</i>	2
Ракообразные	<i>Рак</i>	1
Всего		64

Повадки, поведение, внешний вид животных становятся предметом постоянных наблюдений человека, и он как бы проецирует их на себя самого. Наибольшую фразеологическую валентность в кубанских говорах обнаруживают лексемы *собака, волк, ко(и)нь, кобыла / кобыли(ы)ца(я)*. Проиллюстрируем способность участвовать во фразеомобразующих процессах наиболее фразеологически активных общепородных зоонимов.

Самым частотным зоонимом в составе кубанских ФЕ является слово *СОБАКА / СОБАКИ / СОБАЧКА* (30 ДФЕ): *к соба́кам* ‘1) выражение злобы, пренебрежения к кому-л., желание отделаться; 2) прахом (пойти)’, *соба́к дразни́ть / дра́тува́ть, на соба́ках шерсть би́ть, соба́кам се́но коси́ть, на соба́к га́вкать / бреха́ть* ‘заниматься бесполезным делом, бездельничать’, *от семи́ / от ста соба́к отбре́шется* ‘о человеке, который может постоять за себя’,

роска́зувати про рогату(ю) соба́ку ‘рассказывать небылицы’, *чепля́ть собак* ‘наговаривать, клеветать на кого-л., необоснованно обвинять в чём-л.; вешать собак’, *соба́ки не возьму́т* ‘ничего не случится с кем-л.’ (ФСГК), *хоть собак гоня́й* ‘о холодном помещении’, *мане́нька соба́чка до сме́рти / до ста́рости шарча́* ‘о невысоком, щуплом человеке, который в зрелые годы выглядит моложаво, поэтому его возраст трудно определить’, *с бе́шеной соба́ки хоть ше́рсти клоч* ‘о готовности довольствоваться небольшой выгодой из практически безнадежного источника’, *на Ива́на Купа́ла соба́ка в борщ упала, де́вки тянут грабля́ми, а па́рни зуба́ми* ‘о купальских гаданиях на венках и игрищах’ (дЧ.), *заго́биться як на собаке* ‘быстро зажить, перестать болеть (о ране, нарыве и т.п.)’, *люби́ть как соба́ка па́лку* ‘бояться, ненавидеть’, *нахватáться как соба́ка блох* ‘напиться пьяным’, *ненавѣдеть як червы́ву соба́ку* ‘испытывать чувство ненависти, смешанное с презрением’, *ста́рше попо́вской соба́ки* ‘очень старый’, *як соба́ке колтун / коуту́н* ‘о чём-л. ненужном’, *пья́ный як соба́ка* ‘об очень пьяном человеке’, *как у соба́ки репьяхо́в* ‘очень много, в избытке’, *робы́ть як соба́ка* ‘много, изнурительно работать’, *ру́кы-но́гы як у ра́ка, а сам ры́жий як соба́ка* ‘о рыжем некрасивом человеке’, *ру́кы-но́гы як у ра́ка, а сам ста́рый як соба́ка* ‘о старом человеке со скрюченными конечностями’, *скубты́сь как соба́ки* ‘сильно ссориться, ругаться’, *споро́ть как соба́ку / к соба́кам* ‘сильно избить плетью, ремнём’, *ходи́ть як соба́ка за су́чкой* ‘проявлять сильную привязанность к кому-л.’, *яка́ соба́ка покусáла* ‘чем вызвано такое странное поведение; что случилось с кем-л.’, *язы́к как у соба́ки хвост* ‘о болтливом человеке’, *зийти́сь як кішка з соба́кою* ‘жить без регистрации брака’, *на кішку вельі́ке, а на соба́ку малé* ‘об одежде не по размеру’. В донских говорах компонент *собака* также является наиболее частотным в составе ДФЕ с зоонимами, встречаясь 18 раз [Брысина, 2003, с. 78].

Собака ассоциируется в русской культуре как с отрицательными понятиями: злобой, голодом, нищетой, тяжёлой жизнью, так и с положительными: верностью, преданностью, дружелюбием, полезностью в быту и в этномедицине (использовавшиеся в народной медицине лечебные свойства собаки подробно описаны М.В. Семенцовым [Семенцов, 2003, с. 75–90]). Люди верили в то, что

собака обладает вещим чутьём и даром предсказывать будущее. Не случайно с собакой связывается целый ряд народных примет. Так, если собака воет, поднимая голову вверх, быть пожару. Если собака воет во дворе, роет землю под домом – к покойнику. По народным поверьям, у собаки есть и магические свойства. Так, если беременная женщина ударит собаку, то младенец родится с собачьим волосом на спине (*гостриц*), кроме того, ребёнок будет корчиться от боли и выгинаться. По предположению Л.К. Алахвердиевой, эта ЛЕ как символ хитрости и большого ума заимствована из тюркских языков [Алахвердиева, 2000, с. 52]. Отражение в слове указанных символических значений подтверждается в старинной пословице – *казаки обычаем собаки*, означающей, что казаки – мастера на военную хитрость, где «слово *собака* сближается по своему значению со словами *мастер, хитрец, дока*» [Брысина, 2003, с. 80]. В.П. Чалов приводит украинские ФЕ «*в тебе собачий хист, нема собачого хисту*, отмеченные в драме В. Мовы (*хист* ‘способность, дарование, дар, талант’») [см. Чалов. 1981, с. 74]. В речи носителей кубанских говоров зафиксировано выражение *нема́ / не хватает хисту*. Компонент *собачий*, по всей вероятности, опускается из-за стремления избежать грубости, поскольку прилагательные *соба́чий, рассоба́чий* дилектоносителями часто употребляются в составе бранных ДФЕ, см., напр.: *соба́ча(я) душа́, рассоба́ча(я) душа́*.

В ДФЕ, функционирующих в кубанском диалекте, положительные смыслы у слова *собака* не зафиксированы (к аналогичному выводу приходит исследователь донских говоров Е.В. Брысина [Брысина, 2003, с. 79]). Наличие у ЛЕ негативной оценочности подтверждается также тем, что болезнь холеру называют в заговорных текстах, записанных на Кубани, *чёрной собакой*. См. также широко известные на Кубани поговорки, имеющие ироническую коннотацию: *Звання казачье, а життя собачье. Жизнь / життя собачья, зато воля казачья*. В кубанских ДФЕ слово *собака* чаще служит для усиления интенсивности каких-либо действий, признаков или состояний (*ста́рше поповской соба́ки, пья́ный як соба́ка, робы́ть як соба́ка, скубы́сь как саба́ки, споро́ть как соба́ку*). Существительное *собака* носители кубанских говоров могут

соотносить с мужским родом, отсюда употребление ЛЕ в устойчивом сравнении *ходь́ть як соба́ка за су́чкой*.

Фонетические варианты *ВОЛ(В)К* / *ВОЛ(В)КИ(Ы)* входят в состав шестнадцати ДФЕ: *не ба́чить / не ви́деть/ не ню́хать ш(с)мале́ного во́л(в)ку(а)* ‘не знать трудностей’, *лезть во́лку в пасть* ‘подвергаться опасности’ (ФСГК), *с Га́нниного зача́ття до Хреще́ния волкі бе́гають* ‘о дне 9 декабря’, *во́в(л)кі(ы), вы́(о)ють* ‘о заросшем, запущенном огороде, саде’, *хоть волко́в гоня́й* ‘о холодном помещении’, *не пе́рвая во́лку зима́ зимова́ться* ‘не впервой’, *хоть волк траву́ ешь* ‘ничего нет’, *и волк тра́вушку не ешь* ‘о безразличии к чему-л.’, *волк тебе́ отдуби́* ‘недоброе пожелание’, *па́хнет сма́ленным во́л(в)ком* ‘назревают какие-то неприятности’, *во́лки дыха́ют(ь) с зуба́ми* ‘старые привычки неистребимы’, *волк зи́му съел* ‘об оттепели’, *как волк в шерсти́* ‘страшный, обросший’, *забра́ться как волк в коша́ру* ‘нахально войти куда-л.’, *нае́ться как волк куре́нком* ‘не насытиться’, *рабо́тать как волк* ‘тяжело и изнурительно работать’. ДФЕ со словом *вол(в)к* актуализируют весьма специфические признаки, которым носители диалекта наделяют этого хищника: опасный, нахальный, запущенный, страшный, верный старым привычкам, выносливый, страдающий от жестокой судьбы (от голода, холода, человека). Сравнение казака с волком, представленное в пословице *Казак что волк: что ухватит, то и съест*, символично отражает тяготы полной лишений казачьей жизни.

Лексема *КО(И)НЬ* в нашей картотеке зафиксирована в 13 устойчивых выражениях: *на коня́* ‘устар. в качестве подарка брату невесты’, *конь в(у) ю́бке* ‘о женщине крепкого телосложения, грубоватой’, *быть на коне́ и под конём* ‘много испытать’, *дать коню́ нага́йку* ‘подстегнуть коня, заставить его ускорить бег’, *конём игра́ть* ‘скакать’, *хоть / хучь конём грай* ‘о просторном помещении’, *конём не догна́ть* ‘1) о том, кто быстро бегаёт; 2) не вернуть за давностью лет’, *с коня́ не сла́зит* ‘постоянно участвовать в военных походах, воевать’, *конь во́зит во́ду и воево́ду* ‘конь используется и для хозяйственных, и для военных нужд’ (дЧ.), *дурни́й як туре́цкий кинь* ‘об очень глупом человеке’, *краси́(ы)вы́й как/ як ко(и)нь си́(ы)вы́й* ‘ирон. о постаревшем, некрасивом человеке’, *норови́тый як конь* ‘об

упрямом, с норомом человеке’, *комáндувать як цыган ко́ньмы* ‘подчинять окружающих своей воле’. Многие ДФЕ со словом *ко(и)нь* представляют собой наставления, поучения, своеобразные кавалерийские заповеди, которые употребляются в прямом смысле. См., напр.: *хороший казак коня своего сам холит; конь – это душа казака; без коня казак кругом сирота; нету ничего дороже казаку, чем конь; береги коня, как зеницу ока; терпи, казак, атаманом будешь, а умрёшь – с коня в рай попадёшь* и др. Подобные выражения можно рассматривать как фразы пословично-поговорочного типа. Их содержание сводится к следующему: 1) они говорят о важном значении коня в жизни казака; 2) советуют беречь, холить коня, верного друга и помощника казаку на войне; 3) отражают любовь к этому животному [Чалов, 1981, с. 111 – 112].

Структурные варианты *КОБЫЛА / КОБЫЛИ(Ы)ЦА(Я)* зарегистрированы в составе устойчивых выражений 12 раз: *ста́рой / бе́лой кобы́лы сон* ‘небылицы’, *кобы́ла ногáйская* ‘1) о не в меру резвящемся подростке (чаще – девочке); 2) о развязно ведущей себя женщине’, *кобы́ла стры́жена(я)* ‘пренебр. о девушке или женщине с короткой стрижкой’, *иржа́ть як кобы́ла(ы)* ‘громко смеяться (о девушках или женщинах)’, *иска́ть у тата́рина кобы́лу* ‘ирон. заниматься бесполезным делом’, *у кобы́лы хвосты́ обку́сывать* ‘сердиться, досадовать, горько сожалеть по поводу чего-л. упущенного, непоправимого’ (дЧ.), *у кобы́лы под пу́зом кату́хи очища́ть* ‘ироническая насмешка над конюхом, наездником’ (дЧ.), *на криво́й кобы́ле не объе́дешь* ‘о человеке, которого не обманешь, не проведёшь’, *пристегни́ / прише́й кобы́ле хвост* ‘о чужом, постороннем человек’, *как кобы́ла неме́цкая / ногáйская* ‘здоровый / гладкий’, *как кобы́ла ногáйская ска́чет / но́сится / на́сается / бе́гает* ‘о том, кто быстро бегает и скачет’ (дЧ.), *стро́йна(я) як кобы́лыця* ‘о стройной девушке или женщине’. У носителей кубанских говоров существительные *кобы́ла / кобы́ли(ы)ца(я)* вызывают следующие ассоциации: небывальщина, необузданность, резвость, подстриженность, слишком громкий голос, грациозность.

В девяти ДФЕ зафиксированы слова *ЖАБА / ЖАБЫ, КУРИ(Ы)ЦА(Я) / КУРЫ / КУРОЧКА, СВИ(Ы)НЬЯ / СВИ(Ы)НЬИ* и *РАК*.

ЖАБА: не то рак, не то жаба ‘очень пьяный’, ни жаба ни рак / ни рак ни жаба ‘об обессиленном, уставшем человеке’, тѣкы жаб колотѣ ‘о тупом (тупых) ноже (ножах)’, жабѣ по око ‘о мелком водоёме’, жабѣ цѣцку / тѣткы / сѣсѣкы далѣ ‘1) кто-то умер; 2) что-то испортилось’, руки / ноги как у жабы ‘об очень холодных конечностях’, как / як жабѣ цѣцку / тѣткы / сѣсѣкы даст ‘ирон. никогда’, наѣстѣся / наѣстѣся как / як жабѣ мулякы(ы) ‘напиться пьяным’, прычепѣтѣся як жабѣ на пенѣк ‘примоститься на самом краешке’. Жаба у носителей кубанских говоров ассоциируется с чем-то холодным, обессиленным, безжизненным, вызывающим отвращение, ничтожным и мелким.

КУРИ(Ы)ЦА(Я) / КУРЫ / КУРОЧКА: помѣт из-под жѣлтой курицы ‘нелестная характеристика человека’ (ФСГК), спать и кур бѣчитѣ ‘чутко, некрепко спать’, кому что / шо, а кури(ы)це прѣсо ‘о человеке, который говорит только о своём, не слушая других’, куры загребут(ѣ) ‘о застенчивом, робком, беспомощном человеке’, нѣгде кури(ы)це / курке клюнуть ‘1) очень тесно; 2) о большом количестве людей; 3) кто-л. весь избит; нет живого места на теле’, успѣть с курьми / с курами на базѣр ‘прийти вовремя’, рябой как кури(ы)ца(я) ‘о конопатом человеке’, сѣрдце как курочка клюѣт ‘о слабом сердцебиении’, как / як той соловѣйко, што курѣй / кур душит ‘о резком, неприятном голосе певца’. Орнитоним *курица* ассоциируется у носителей говоров с робостью, беспомощностью, ограниченностью, никчемностью, чутким, некрепким сном, конопатостью.

СВИ(Ы)НЬЯ / СВИ(Ы)НЬИ: будѣшь ты сви(ы)нѣй пастѣ ‘угроза ленивому ученику’, не дал Бог сви(ы)нѣ рог ‘кто-л. не имеет каких-л. способностей или возможностей’, трѣм сви(ы)нѣям йѣсты не раздѣле ‘о медлительном, ленивом, нерасторопном человеке’, выкачатѣся як сви(ы)нѣя ‘очень сильно испачкаться’, как сто сви(ы)нѣй дурной ‘об очень глупом человеке’, как сви(ы)нѣя под лопухом ‘о смешном, нелепом внешнем виде человека’, как сви(ы)нѣ сѣргѣ ‘ничуть, нисколько, совершенно не идѣт’, как сви(ы)нѣ нѣба не видѣт ‘чего-то не достигнуть не добиться из-за отсутствия способностей’. Для носителей диалекта

актуальными являются следующие характеристики свиньи: неряшливая, глупая, ограниченная, несуразная и нелепая внешне, не способная постоять за себя.

РАК: не то рак, не то жаба ‘очень пьяный’, ни жаба ни рак / ни рак ни жаба ‘об обессиленном, уставшем человеке’, *выпустить рака изо рта / из рота* ‘насплетничать’, *пóтчевать печёным раком* ‘наказать, побить’, *нелюды́мый як рак* ‘о замкнутом, нелюдимом человеке’, *как раку но́гу обломáть* ‘очень легко и просто’, *ру́кы-но́гы як у ра́ка, а сам ры́жий як соба́ка* ‘о рыжем некрасивом человеке’, *ру́кы-но́гы як у ра́ка, а сам ста́рый як соба́ка* ‘о старом человеке со скрюченными конечностями’. Слово *рак* обладает широким диапазоном символических значений: усталость, отсутствие сил, замкнутость, нелюдимость, криворукость и кривоноготь, ничтожность.

КО(И)ШКА / КОШКИ встречаются в ДФЕ 8 раз. Кроме приведённых выше двух ДФЕ с компонентом *собака*, эти ЛЕ отмечены ещё в шести ДФЕ: *ки́шка сыдя́ча(я)* ‘худая, щуплая женщина или девушка’, *ко́шка на дыбо́шки* ‘о человеке, не терпящем оскорблений и бросающемся в драку на своего обидчика’, *по животу́ ко́шки ла́зят* ‘у кого-л. появилось большое желание выпить спиртное’, *як ки́шка з(с) кошеня́мы* ‘о заботливо относящейся к детям женщине’, *ко́шки скубу́т* ‘о тяжёлом и тоскливом душевном состоянии’, *ко́(и)шке хвоста́ не завяза́ть* ‘ничего не делать по дому’. Данный зооним у носителей кубанских говоров ассоциируется со следующие смыслами: худобой, внешней непривлекательностью, вызывающей брезгливость (ср. *как кошка драния*), строптивостью, непощением обидчиков, заботливым отношением к детям.

В Таблице 6 отражено количественное соотношение ДФЕ с общенародными зоонимами. Безусловно, эти данные не являются исчерпывающими. Однако они позволяют увидеть общую картину фразеомобразующей активности / пассивности общенародных зоонимов в кубанских говорах.

Таблица 6 – Количественное соотношение ДФЕ с общенародными зоонимами

Общенародный зооним	Количество ДФЕ
СОБАКА / СОБАКИ(Ы)	30
ВОЛ(В)К / ВОЛ(В)КИ(Ы)	16

Продолжение Таблицы 6

Общенародный зооним	Количество ДФЕ
КО(И)НЬ	13
КОБЫЛА / КОБЫЛИ(Ы)ЦА(Я) / КОБЫЛЫ	12
ЖАБА / ЖАБЫ. КУРИ(Ы)ЦА(Я) / КУРЫ / КУРОЧКА. РАК. СВИ(Ы)НЬЯ / СВИ(Ы)НЬИ	9
КО(И)ШКА / КОШКИ	8
БЫК / БЫКИ. МЫШЬ / МЫША / МЫШИ. РЫБА / РЫБКА.	7
ЗАЯЦ / ЗАЙЧИКИ. ПЕТУХ / ПЕТУХИ / ПЕТУШКИ	6
ГУСЬ / ГУСИ. МУХА.	5
ЖУК / ЖУКИ. КО(И)Т. КОЗА / КОЗЫ. СОРОКА / СОРОКИ	4
ЛОШАДЬ / ЛОШАДКА. ОВЦА / ОВЦЫ. ПОРОСЁНОК / ПОРОСЯТА. ТЕЛОК / ТЕЛЯТА	3
БЛОХИ. ВОШЬ. ДРОЗД / ДРОЗДИК. КОЗЁЛ. ЛЯГУШКИ. МЕДВЕДЬ. ОБЕЗЬЯНА. ТЮЛЬКА. ЧЕРЕПАХА	2
БАРАН. ВОБЛА. ВОЛЫ. ВОРОБЕЙ. ВОРОН. ВОРОНА. ГАДЮКА. ЖУРАВЛЬ. КЛЯЧА. КОМАРЫ. КОРОВА. КОРШУН. ЛЕ(И)Щ. ЛИС. МОЛЬ. ПАВА. ПЧЁЛЫ. САЗАН. САРАНЧА. СЕЛЕЗЕНЬ. СИНИЦА. СОВА. СОЛОВЕЙКО. СОМ. СЫЧ. ТАРАНКА. ТРЕСКА. УТКА. ЦЫПЛЁНОК. ШМЕЛИ. ЯСТРЕБ	1
ВСЕГО	224 (11 с двумя зоонимами)

В ДФЕ, компоненты которых представляют собой анималистическую общенародную лексику, активно проявляется своеобразное олицетворение, наделение животных качествами человека. Зоонимы в составе ДФЕ выступают как символы, выражающие определённую идею. А.Ф. Лосев писал, что «символ заключает в себе обобщённый принцип дальнейшего развёртывания свёрнутого в нём смыслового содержания, т.е. символ может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно – как механизм передачи этой информации» [Лосев, 1982, с. 184]. Символические смыслы, выраженные в зоонимах, входящих в состав ДФЕ, демонстрируют в большинстве своём соответствие общерусской культурной традиции, что особенно наглядно проявляется в наличии структурных диалектных вариантов общенародных ФЕ. Ср.: *балакучий як сорока – болтливый как сорока, боязкой як заяц – трусливый как заяц, выкачаться как свинья – испачкаться как*

свинья, копытый як черепаха – медлительный как черепаха и др. Между тем удалось обнаружить ДФЕ, отражающие специфичные представления носителей кубанских говоров о тех или иных представителях фауны. Ср.:

БАРАН

В РЯ: не входит в число типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека. Современные русские могут называть *бараном* или обращаться к образу *барана* для характеристики: человека очень глупого, «тупого», упрямого; человека, покорного судьбе и/или не сопротивляющегося обстоятельствам; человека с очень кудрявыми волосами. В СРЯ есть ряд выражений, связанных с *бараном*: *как баран на новые ворота [смотреть]*; *согнуть [скрутить] в бараний рог* [см. Русское культурное пространство, 2004, с. 58 – 59].

Носители кубанских говоров могут обращаться к образу *барана* и для характеристики навязчивого, надоедливого человека. См., напр., УС *прыскипáться как барáн* ‘пристать, повести себя навязчиво’: *Ну, гаваря́т так: прыскипáлся как барáн. Ну, барáн жы, как он, он жы прыскипáлся: пакá иму́ шо ни да́ш с руки́, он ни атайде́ть, бу́дит итти́ за таба́ю. Эта у нас пёрвая была́ пагаво́рка: «Што ты да мине́ прыскипáлся как барáн?»* (Упор.).

ВОБЛА

Современные русские могут называть *воблой* очень худую женщину и употреблять это слово в устойчивом сравнении *как вобла сушёная*.

Носители кубанских говоров употребляют существительное *во́бла* в УС *реве́ть як во́бла* ‘громко, во весь голос рыдать’ (ср. в СРЯ УС *реветь как белуга* в аналогичном значении): *Му́жа ныда́вно похороны́ла. Так тижыло́. Пры́йду́ домо́й, рэву́ як во́бла* (Старотит.).

ДРОЗД / ДРОЗДЫК

В РЯ: не входит в число типичных русских мифологических образов; не выступает как стереотипный образ. Современными русскими употребляется в выражении *дать дрозда* ‘наказать, побить’.

ДФЕ *давать (дать) дрозда* зафиксирован на Кубани в двух ФСВ: '1) быстро убежать; 2) расправиться с кем-л., разгромить; 3) ругаться; 4) делать что-л. с энтузиазмом, подъёмом' (ФСГК). Носители кубанских говоров могут обращаться к образу *дрозда* для характеристики подвижного, шустрого человека, см. УС *як дрóздык: Я як дрóздык з діцтва, ну подвы́жна* (Хопёр.). Эта птица действительно отличается способностью быстро передвигаться по земле прыжками.

КОРШУН

В РЯ: ястреб (коршун) входит в число русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека или его поведения. Современные русские могут называть *ястребом* (*коршуном*) или обращаться к его образу для характеристики: воинственно настроенного человека, готового быстро и стремительно «нападать» на своего противника, используя в том числе и хитрые, неблагородные методы; политика, считающего, что любой конфликт может быть решён в первую очередь военным путём; человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с Я. (К.); человека, хищно выжидающего удобный момент для нападения на потенциальную «жертву», поведение которого отличается безжалостной агрессивностью, беспринципностью, кровожадностью, желанием уничтожить своего оппонента [см. Русское культурное пространство, 2004, с. 172 – 173].

Носители кубанских говоров могут обращаться к образу *кóршуна* в ДФЕ *не йість до́хлого кóршуна* 'не знать горя, нужды, трудностей': *Мой дядя был в плину́. Он ча́ста гавары́л: «Ни йілы вы до́хлава кóршуна»* (Нижегород.). Усилительный эффект у выражения возникает вследствие того, что коршун, питаясь падалью, грызунами, лягушками, реже насекомыми и мелкими птицами, воспринимается как «нечистая» птица, а *дохлый* коршун – падаль вдвойне. Падаль на Кубани употребляли в пищу только в страшные голодные годы, что было проявлением крайности, поэтому *йість до́хлого кóршуна* – образно означает: дойти до крайне бедственного положения. Приведём показательное высказывание информанта, записанное в ст-це Архангельской: *Галадава́ли... Усе́, де́тачка, пири́эли, аді́н маха́н ни э́ли. Вот дохля́тину, как лю́ди раска́зуют, мы ни э́ли.*

КУРИЦА

Относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека. Современные русские могут называть *курицей* или обращаться к образу К. для характеристики: глупого и бестолкового человека, обычно женщины (*куриный ум, куриные мозги*); человека, как правило, женщины, полностью погружённой в домашние проблемы, мелочно и навязчиво опекающей своих детей (в этом случае вместо слова *курица* может употребляться его синоним *наседка*); человека (как правило, женщины), неспособного постоять за себя, теряющегося в трудных ситуациях. В СРЯ есть ряд слов и выражений, связанных с курицей: *кудахтать* <*раскудахтаться*>, *как курица лапой* [*писать*], *курам на смех*, *мокрая курица* [см. Русское культурное пространство, 2004, с. 107 – 108].

Носители кубанских говоров могут обращаться к образу *ку́рицы* и для характеристики рябого человека (ср.: *курочка-ряба*). См. УС *рябо́й как ку́рица* ‘о конопатом человеке’: *Как пригре́ит, так он рябо́й как ку́рица* (Бород.).

МУХА

В РЯ: относится к числу русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека. Современные русские могут называть *мухой* или обращаться к образу *мухи* для характеристики: навязчивого, очень надоевшего человека, реже – группы лиц, идеи (*назойливая* <*надоедливая*> *муха*); человека, воспринимаемого говорящим как мелкое, ничтожное существо. В РЯ есть целый ряд выражений, связанных с мухой: *белые мухи*, *делать из мухи слона*, *до белых мух*, как <*будто, словно, точно*> *сонная муха*, *какая* <*что за*> *муха укусила*; *будто* <*словно, точно*> *муха укусила*; *мрут* <*дохнут*> *как мухи*, *мухи дохнут* <*мрут*>, *мухи не обидит*, *мухой* [*слетать, сбегать, сделать что-либо*], *под мухой*, *прожжужжать* [*все*] *уши*, [*слетаться, налететь*] *как мухи на мёд* [см. Русское культурное пространство, 2004, с. 125 – 128].

Носители кубанских говоров могут обращаться к образу *му́хи* и для характеристики человека, имеющего плохое зрение, а также сильно замёрзшего:

слепá(я) му́ха и мэ́рзнуть як му́ха: А ось и вырытыно́! От слипа́ му́ха: ны ба́че вырытына́! (Старомыш.). А я робы́ла на парника́х. У тры́цать трэ́тим з робóты ни выла́зила. Вин у конто́ри, а я мэ́рзла як му́ха, а здоро́ві ще булі́ (Старомыш.).

МЫШЬ / МЫША

В РЯ: входит в число типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека или его поведения. Современные русские могут называть *мышью* (*мышкой*, *мышонком*) или обращаться к образу М. для характеристики: незаметного, непривлекательного, невзрачного человека (*серая мышка*); человека, который ведёт себя тихо и незаметно и старается не привлекать к себе внимания; человека, который с помощью хитрости может легко проникнуть в труднодоступные или запретные места; человека, воспринимаемого беззащитным, беспомощным, «трепещущим от страха», несоизмеримо маленьким по сравнению с окружающей его действительностью. В СРЯ есть выражения, связанные с *мышью*: *беден как церковная мышь*, *дуться / надуться как мышь на крупу*, [*и*] *мышь не проскочет <не проскользнёт>*, *мокрый <промокнуть> как мышь*, *мышинная возня* [см. Русское культурное пространство, 2004, с. 128 – 131].

Носители кубанских говоров могут обращаться к образу *мыши* для характеристики излишне суетливого человека. См. УС: *бі́гать як за́ссанна(я) мы́ша* ‘проявлять излишнюю суетливость’: *Вона́ щас бі́гае як за́ссанна мы́ша: хо́че ха́ту на сэ́бэ пэ́рэпыса́ть* (Старотит.). Усилительный эффект данному УС придаёт определение *за́ссанна(я)*, создающее образ заполошного, напуганного существа, вызывающего презрительное отношение у окружающих. УС *попрыбега́ть як мы́ши* ‘быстро и в большом количестве прибежать’ не имеет отрицательной коннотации, в нём *мышь* также ассоциируется с быстротой, а множественное число существительного указывает на большое количество тех, кто прибежал. Приведём фрагмент беседы с информантом из ст-цы Дядьковской: – Люди раньше более дружные были? – *Та ты шо! Ра́ньшэ... Я ужэ́ стал тут жы́ть, надума́в пэ́рэстро́ить дом. Ті́ко гукну́л, так вси як мы́шы попрыбига́лы. И глы́ны привэзлы́, салóмы. Замиша́лы всё, абма́зали всё.* Слово *мышь* и его

диалектный грамматический вариант *мы́ша* употребляется в составе УС *жить як мы́ша в(у) кру́пах* ‘жить богато, в достатке’: *Та вин жывэ́ як мы́ша у кру́пах. Бага́та* (Копан.).

Своеобразие перечисленных символических значений, вероятно, обусловлено спецификой образной номинации в кубанском говоре. Лежащий в её основе коллективный опыт данного диалектного сообщества отражает бытовые и природные условия, специфику хозяйственной деятельности и т.п. и определяет особенности образного мышления кубанских казаков, которые проявляются в создании нетипичных (с точки зрения носителя РЛЯ) образов, в необычности семантических решений.

Помимо соматизмов и зоонимов, в местных говорах выделяются и другие общеупотребительные существительные, проявляющие заметную фразеологическую активность. Следует признать, что вообще с именем существительным в ней не может сравниться ни одна часть речи. Так, в наших материалах 50 ДФЕ включают в качестве компонента существительное ЧЁРТ. В христианской мифологии нечистая сила, чёрт, – существо враждебное и чуждое человеку, его поведение противоречит человеческим нормам, его поступки вызывают осуждение, причиняют вред. ДФЕ с компонентом ЧЁРТ выражают различные смыслы. Отдельная серия ДФЕ представляет собой ругательства и сетования: *ма́тери твоёй чёрт, сто чертёй твоему́ батьку́* ‘незлобное ругательство, пожелание чего-л. недоброго’, *сто чертёй под рёбра* ‘пожелание всяких бед и несчастий’, *хай ему чёрт, бода́й их черты́* ‘недоброе пожелание’, *чёрти кинули* ‘сетование по поводу какой-л. неудачи’ (ФСГК), *черт(и) не взяли* ‘выражение досады по поводу существования кого-л.’ (СФГК), *хай кого-л. чёрт стёгне(ть)* ‘недоброе пожелание’.

Во многих ДФЕ со словом *чёрт* актуализируются различные характеристики человека (его поступков, действий, внешности, характера, образа жизни и т.д.). Структурно эти ДФЕ весьма разнообразны, среди них можно выделить:

– словосочетания: *чёрт тьюшенный* ‘о бешеном, сумасшедшем, ненормальном человеке’, *не буть тике у чёрта на рогах* ‘побывать во многих отдалённых местах’, *лезть к чёрту в зубы* ‘предпринимать что-л. заведомо рискованное, обречённое на неудачу’, *попасться как чёрт в вершу* ‘попасть впросак’, *и чёрта смять* ‘много съесть’, *чёрту нос утерёт* ‘о сильном, деловом человеке, имеющем превосходство в чём-л.’ (СФГК), *чихнуть чёрту в(у)хвост* ‘пьянствовать’ и др.;

– предложения: *чёрт ему за свата* ‘кто-л. крайней независим и смел в действиях и поступках’, *хочь чёрта дай* ‘сделай непременно, неотложно, во что бы то ни стало’, *чёрт крюком не достанет* ‘о богатом человеке’ (СФГК), *чёрти мордуют* ‘кто-л. кричит, шумит’ (дЧ.), *слыгáлся чёрт с дьяволом* ‘один другого не лучше; два сапога пара’, *черт летыть и крыла звишав* ‘о человеке, который идёт и все сваливает на своём пути’ (СФГК), *чёрти с квасом съели* ‘пропало, неизвестно куда исчезло’ (ФСГК), *с тих хуторив, шо чёрт сдурив* ‘о буйном, ревнивом человеке’ и др.;

– устойчивые сравнения: *как чёрт в боклаге / в рукомойнике* ‘о человеке, находящемся в постоянных хлопотах, непрерывном труде’, *любит, как чёрт сухую грушу / вербу* ‘не любит’ (дЧ), *как чёрти катались / покатались* ‘1) о растрёпанном, неприглядном виде человека, чаще подростка; 2) о неуравновешенном, злом человеке’, *прожить як у того чёрта в(у) пекле* ‘прожить тяжёлую жизнь, находиться в постоянных трудах, не знать отдыха’, *скакать як чёрт* ‘об очень быстро движущемся коне или всаднике’; *смотреть / коситься чёртом* ‘смотреть злобно, недоброжелательно’ и др.

ДФЕ с существительным *чёрт* зарегистрированы также со следующими значениями: ‘беспорядок’ – *чёрти просо искали, чёрти гонки стоят, черт летив и ноги свишав / чёрт летел и ноги свесил* (ФСГК), ‘сильный ветер’ – *губатый чёрт*, ‘нет кого-л. или чего-л.’ – *чёрт ма* (СФГК), ‘очень рано’ – *ещё чёрти на кулачках не дрались*, ‘о чём-л. ненужном, малоценном’ – *распароват да чёрту подароват* (дЧ.), ‘о неожиданной неприятности’ – *земля лопнула – чёрт*

выскочил, 'за что, за какие средства' – за како́го чёрта, 'о норовистом, необъезженном коне' – чёрти не садíлись.

В разнообразной семантике приведённых ДФЕ находит отражение весьма своеобразное отношение носителей кубанских говоров к мистическим представлениям, связанным с «нечистой силой». С одной стороны, суеверный страх (см. бытующую на Кубани поговорку *Бога бойся, а чёрта не гневи*) и вызванная им защитная реакция – презрение, уничижение, ирония, с другой стороны, определённое восхищение удалью и ловкостью чёрта (в местных говорах зарегистрировано имеющее положительную коннотацию существительное *чертя́ка* в значении 'удалец, молодец'; различную палитру чувств и эмоций выражает однокоренной глагол *чертовáться*, имеющий следующие ЛСВ: '1) заниматься делом, доставляющим много хлопот; 2) дурачиться; 3) злиться'). См. также другую известную поговорку: *Чим чёрт н[э] шут[э], покы Бог спыть.*

ДФЕ с теонимом *Бог* в кубанских говорах не столь многочисленны, как ДФЕ с демонизмом *чёрт*, хотя весь жизненный цикл казака от рождения до смерти сопряжён с православием и его святынями. В наших материалах зарегистрировано 14 ДФЕ с теонимом *БОГ*: *Бога за бо́роду пойма́ть* 'обрести удачу, успех, богатство' (ФСГК), *идти́ до Бо́га* 'умирать' (ФСГК), *не на́шего Бо́га* 'чужой, другой веры или другого склада человек', *ни до Бо́га ни до люде́й* 'о человеке, не умеющем находить общий язык с людьми', *Бо́гом поцело́ванный* 'талантливый, одарённый, умный человек', *дожда́ться от Бога у́спитка* 'получить наказание', *Бог уберёг* 'удалось избежать каких-л. неприятностей', *не дал Бог сви́ньё рог* 'кто-л. не имеет каких-л. способностей или возможностей', *жда́ли его́ как Бо́га, а он пришёл как Иису́с* 'о пьяном', *хай Бог не дово́де* '1) выражение предупреждения, предостережения и нежелательности, недопустимости чего-л.; не приведи (не дай) Господи (Бог); 2) выражение оценки, характеристики чего-л., обычно со стороны силы, интенсивности и т.п.', *накажи́ кого-л. Бог горо́ховым пирижко́м* 'недоброе пожелание', *как у Бо́га за дверьми́* 'беззаботно, беспечно', *як (как) у Бога в раю́* 'очень хорошо, комфортно',

суродовать / расчаву́чить как / як Бог черепáху '1) избить; 2) испортить что-л'. Ограниченная фразеологическая активность теонима *Бог*, по сравнению с демонизмом *Чёрт*, вероятно, связана с нежеланием упоминать *Бога* всуе.

Слово *ДУША* в общеупотребительном значении зафиксировано в наших материалах в 27 ДФЕ: *в(у) ду́шу* 'по душе, по нраву', *не до души́* 'не по нраву', *душо́ю* 'без денг, без имущества', *оди́н душо́й* 'одинокий', *души́ не нагрéть* 'о чувстве сильного холода', *окуну́ть ду́шу* 'напиться спиртного и буяннить' (Розенберг), *пропа́сть / сги́нуть не за цапову душу* 'пропасть ни за что', *расти́ на чи́стой душе́* 'расти без применения химических удобрений (о посевах)', *стлится душо́й* 'измучиться от переживаний', *стовбы́чить над душо́й* 'надоедать своим присутствием, докучать; стоять над душой', *ду́шу травя́ть* 'расстраивать воспоминаниями', *душа́ кро́вью затека́ет* 'кто-то испытывает острое чувство жалости и сострадания', *душа́ кипи́т(ь)* 'кто-л. испытывает сильные душевные переживания', *душа́ ло́пается* 'кто-л. сильно переживает, испытывает душевные муки; сердце разрывается', *душа́ тле́ет* 'кто-то испытывает душевные переживания, тоску', *душа́ наза́д трепану́ла* 'кто-л. сильно испугался', *лу́чше спать на камыше́, но шоб была́ по душе́ / по душе́ – на камыше́* 'жить счастливо в супружестве' (дЧ.), *как боля́чка на душе́* 'обуза', *как у латы́ша – хрен да душа́* 'о бедном, нищем человеке'. См. также ругательства: *анцыбуля́ньска(я) душа́*, *бисова душа́*, *зара́зна(я) твоя́ душа́*, *кля́та(я) душа́*, *рассоба́чья твоя́ душа́*, *соба́ча душа́*, *ха́мова душа́*. Бранное выражение *городови́цка твоя́ душа́* адресовано иногородним.

Фразеологическую активность проявляет в местных говорах существительное *ЗЕМЛЯ* (11 ДФЕ): *бра́ться / взя́ться землёй* 'чернеть, изменять цвет (о коже покойника или смертельно больного человека)', *воня́ть землёй* 'быть старым, дряхлым; стоять одной ногой в могиле', *из-под землі́ вы́копать* 'найти любыми средствами; из-под земли достать', *с землі́ не выхо́дить* 'постоянно трудиться на земле, в сельском хозяйстве', *держáться за зéмлю* 'крестьянствовать, жить и трудиться в сельской местности' (дЧ.), *не держáться за зéмлю* 'жить в сельской местности, но не заниматься сельским трудом',

держись за зéмлю зубáми ‘вставай, поднимайся (говорят упавшему на землю)’ (дЧ.), *зéмлю нóсом подпира́ет* ‘кто-л. слишком худой, истощённый, немощный’, *в(у) зéмлю смóтрит(ь)* ‘кто-л. очень стар и немощен’, *земля́ землём* ‘о чём-л. очень чёрном’, *чернёй земли́* ‘очень чёрный’.

Среди общерусских глаголов большую активность в местных говорах обнаруживает глагол *ДАТЬ (ДАВАТЬ)*, зарегистрированный в составе 63 ДФЕ. На его повышенную активность в образовании ДФЕ обращают внимание многие исследователи русских говоров (см. Брысина, 2011, с. 147; Ивашко, 1981, с. 88). В кубанских говорах целая серия ДФЕ с данным глаголом имеет общую интегральную сему ‘наказать’: *дать (давать) ~ бо́ю, бубна, бубдева, выхлобу́чки, джё(о)зу, дра́ла, ды́му, клóчки, колошма́тки, лупарей, лупци, мёмеля, мя́ла, прочухáнки(у), разгón, тырсулём, тюрри, чертулём, чёсу, чих-ных, швы́ру*. Дифференциальными семами у данных ДФЕ являются ‘битьём’ или ‘словесно’. Следует отметить, что значения ‘наказать битьём’ и ‘наказать словесно’ в речи носителей диалекта часто не дифференцируются, что характерно для русских говоров в целом (на данную особенность обращает внимание В.М. Мокиенко [цит. по Ивашко, 1981, с. 89]). ДФЕ *дать (давать) уснитка* буквально означает ‘ударить (ударять) носком сапога или ботинка’. Значение ‘удар рукой’ актуализируют ДФЕ *дать (давать) духопéли (духопел ‘удар рукой’* [см. Гринченко, I, с. 459]). В ДФЕ *дать (давать) ~ батогá, дрючка́, ремня́ки(ы), чёрны* существительные номинируют орудие действия – *батог / батиг* ‘кнут с длинной ручкой’, *дрючо́к* ‘палка, жердь’, *ремня́ка* – структурный вариант общенародного слова ремень, *чёрна* (вероятно, от *черпак* ‘разливательная ложка’). Можно предположить, что в ДФЕ *дать (давать) мосты́* существительное также означает орудие избиения – бревно, доску, толстую жердь (см. *мост, мостик* в СРНГ, 18, с. 287 – 289). В ДФЕ *дать (коню) нагайку* ‘подстегнуть коня, заставить его ускорить бег’ компонент *конь* является факультативным. Место удара актуализируется в ДФЕ, соответствующей модели глагол *дать (давать) + сущ.* в Р.п.: *дать (давать) ~ буханцев / буханцов (буханец ‘удар, шлепок, чаще по спине’)*. Место удара отражается также в конструкции глагол *дать (давать) +*

предложно-падежная форма существительного: *дать (давать) ~ по мусалам* ('по щекам'), *в потылыцю / потылицу* ('по затылку'), *по сопáтке* ('по носу и губам'). ДФЕ *дать (давать) плю́ху* означает 'ударить по лицу' (ср. оплеуха). В состав ДФЕ *дать (давать) бубна* входит диалектизм *бубны*, который в кубанских говорах функционирует в свободном значении 'толчки, пинки'.

Значение 'поучать, давать наставления' выражает ДФЕ *дать (давать) натáчку* (ср.: в донских говорах в аналогичном значении *дать (давать) натáчки* [БТСДК, с. 313]). ДФЕ *(не) дать / (не) давать потáчки* употребляется в значении '(не) дать / (не) давать поблажки' (ср.: диал. существительное *потачка* и общенародный глагол *потакать*).

ДФЕ *дать (давать) джóзу* в ст-це Новоминской зафиксирована также в значении 'вести себя вызывающе, находясь в алкогольном опьянении'. При этом лексический диалектизм *джоз* в говоре данного населённого пункта употребляется и в свободном значении 'самогон'. Для характеристики поведения человека, ведущего разгульный образ жизни, используется глагольный фразеологизм *дать (давать) ко́поти*. Значение 'бездельничать, заниматься бесполезным делом' актуализирует ДФЕ *горобца́(я)м ду́ли дава́ть*, имеющая структурный вариант *горобца́(я)м ду́ли крути́(ы)ть*. Лицемерное поведение номинирует устойчивый оборот *укусить и мёду дать*. ДФЕ *и ноздриться не даёт* характеризует недоступного человека, не поддающегося уговорам' (ФСКИГ).

ДФЕ *(не) дать (давать) ~ поря́док, раху́бы, ума́, ла́ду* означает '(не) навести (наводить) порядок'. Лексический диалектизм *раху́бы* употребляется в кубанских говорах и в свободном значении. Полагаем, что его устойчивости в говоре способствует наличие однокоренных ЛЕ: *рахо́бный* 'сообразительный, очень умный', то есть с порядком в голове (в донских говорах прилагательное обозначает 'грязный, растрёпанный (о человеке)' [БТСДК, с.455]), *нераху́бный* 'неряшливый, неопрятный', *обраху́бить* 'привести в порядок, обустроить'.

Глагольная ДФЕ *дать (давать) укорóт* функционирует в значении 'урезонить, приструнить'. ДФЕ *не дава́ть никакóго разворóта(у)* означает

‘лишать возможности проявлять свою самостоятельность, стеснять в каких-л. действиях’.

Структурно-семантическая модель со значением ‘быстро убежать’ в местных говорах представлена выражениями *дать (давать) драпакá, дрáла* (глагол + отглагол. сущ. в Р. п.). Устойчивый оборот *дать (давать) круголя́* означает ‘пройти (проходить) или проехать (проезжать) окольным путём’ (наречие *круголя́* ‘вокруг, кругом’ употребляется и в свободном значении). По модели глагол + отглагол. сущ. в Р. п. построен ДФЕ *дать зевакá* ‘проворонить, прозевать’.

Интенсивность действия глагол *дать (давать)* усиливает в ДФЕ, имеющих одинаковую структуру – глагол + сущ. в Р. п., – *дать (давать) песнякá, дать (давать) шамиля́*. Первая ДФЕ означает ‘громко запеть (петь)’. ДФЕ *дать (давать) шамиля́*, имеет два значения. Первичное – ‘исполнять (исполнить) танец «шамиль», заимствованный у народов Северного Кавказа’. На базе этого значения впоследствии появилось второе – ‘пускаться (пустить) в энергичный пляс’ (поясним, что групповым танцам, получившим название «шамиль», действительно присущи сложные плясовые фигуры и быстрый темп; подробное описание танца см. В.И. Чурсина [Чурсина, 2003, с. 172 – 173]).

К устаревшим и обрядовым относится устойчивое выражение *дать (давать) кабака́ / гарбуза́* ‘отказать сватам, вручив им во время сватовства тыкву’. ДФЕ *дать (давать) отлуп* обладает более широким значением ‘решительно отказать’.

В четырёх ДФЕ за глаголом закреплена форма императива: *аллюра давай* ‘бегом, быстрее’, *хочь чёрта дай* ‘сделай непременно, неотложно, во что бы то ни стало’, *дай, да нема́* ‘о желании иметь то, что в настоящий момент недоступно’, *сею, вею, дай копёю* ‘о чрезмерно щедром человеке’, *дайте ходу парохóду* ‘пропустите’ (два последних ДФЕ обладают внутренней рифмой и иронической коннотацией). В форме прошедшего времени глагол употребляется в двух ДФЕ, равных по структуре простому предложению, – *жа́ба ци́цку / ти́тьку / си́ську дала́* ‘1) кто-то умер; 2) что-то испортилось’, *не дал Бог сви́ньё рог* ‘кто-л. не имеет каких-л. способностей или возможностей’. В компаративном обороте *как /*

як жа́ба ци́цку / ті́тьку / сі́ську даст ‘никогда’ глагол имеет форму простого будущего времени.

Совершенно очевидно, что в приведённых ДФЕ глагол, как правило, играет вспомогательную роль, направленную на реализацию образности, заложенной в имени существительном.

Наряду с общерусскими словами в состав ДФЕ входят их структурные варианты, отражающие фонетические и грамматические особенности местных говоров, а также представляющие собой результаты лексикализации.

Акцентологические: *с землі не выхóдыть* ‘постоянно трудиться на земле, в сельском хозяйстве’, *бісова дочка́* ‘незлобное ругательство’, *ни туча́ ни гром нипочём* ‘кто-л. ничего не боится’, *накры́ться как цы́ган вéнтером* ‘одеться не по погоде, легко’, *кішки повы́студить* ‘сильно замёрзнуть’, *хозяйка на всю крóвать, аж до до́лу* ‘о ленивой женщине, любящей долго спать или лежать в постели’ и др.

Фонематические: *балаба́йка – нос как балаба́йка* ‘о широком, толстом книзу носе’, *ведме́дь – как ведме́дь* ‘о крупном человеке; как медведь’, *гы́дко – гы́дко щéпкай (щéпками) взять презр.* ‘о чём-л. или о ком-л, вызывающем неприязнь’, *инды́к – наду́ться як инды́к* ‘о человеке, выражающем своим видом обиду и недовольство’, *жилётка – от жилётки рукава* ‘о полном отсутствии, утрате чего-л.’, *ка́жний – в(у) ка́жну(ю) бо́чку чоп* ‘о человеке, который лезет не в своё дело’, *коты́ться – шо с горы́ коты́ться* ‘очень легко’, *слю́нка ко́тыться* ‘кто-л. испытывает сильное желание попробовать, съесть или выпить что-л., обычно вкусное’, *я́рманка – успеть с ко́зами на я́рманку* ‘прийти вовремя’ и др.

Грамматические (отражают изменение отдельных грамматических категорий, видоизменённое формообразование разных частей речи): *гра́мма* (ж.р., 1-е скл.) – *одна́ гра́мма* ‘очень мало’; флексия –И в Д. п. и П. п. ед. ч. сущ. с основой на –А – как *дрючкóм по голові* ‘неожиданно, внезапно’; флексия –АХ у сущ. мн. ч. с предлогом *ПО* при глаголах любого лексического значения – *бить / удáрить по петушка́х* ‘скрепить договор пожатием рук’ (ФСГК); флексия –ИВ у сущ. Р.п. мн.ч. – *прыста́ть як гимно́ до спидныкі́в* ‘везти себя навязчиво,

назойливо»; в форме 3-го л. мн. ч. обобщение окончания 1-го спряжения –УТ(Ь) – *но́ги гуду́т* ‘кто-л. испытывает сильную усталость’; [Г’] в окончаниях глаголов 3-го лица ед. и мн. ч. настоящего и простого будущего времени – *аж те́ло дрожи́ть* ‘кто-л. испытывает сильный страх’; отсутствие конечного [Г] в окончаниях глаголов 3-го л. ед. ч. настоящего и простого будущего времени – *как будто с Би́блии чита́е* ‘о человеке, который легко вспоминает прошлое’ и др.

Словообразовательные: *на побеге́ньках* – *на побегу́шках* ‘1) для мелких услуг, несложных поручений; 2) в зависимом положении’.

Смешанные: *бабуша́чьи* (ср.: бабушкины) – *бабуша́чьи сказки* ‘небылицы’, *ды́хать* (ср.: дышать) – *шоб кому-л. ды́хать не було́* ‘проклятие’, *загляда́ть* (ср.: заглядывать) – *загляда́ть в(у) буты́лку* ‘выпивать; заглядывать в рюмку’, *загляда́ть в(у) чужи́(е) горшкы́* ‘совать нос в чужие дела’, *кы́пьяток* (ср.: кипяток) – *як кы́пьяток* ‘о чём-л. очень горячем’, *в(у) печенка́х* (ср.: в печёнках) – *сыде́ть в(у) печенка́х* ‘очень досаждать, раздражать, надоедать до крайности’, *це́рква* (ср.: церковь) – *люде́й як до це́рквы* ‘о большом количестве посетителей’ и др.

Число семантических диалектизмов в составе местных ФЕ незначительно. Подобная особенность характерна и для донских говоров [см. Брысина, 2003, с. 92]. Приведём примеры зарегистрированных в говорах Кубани ДФЕ с семантическими диалектизмами: *гно́й* ‘навоз’ – *как конского гно́ю* ‘очень много’. *Гора́* ‘верх’ – *некогда́ / ніколы́ в(у) го́ру гляну́ть* ‘быть очень занятым какой-то работой’. *Деды́* ‘белые, кучевые облака’ – *деды́ на не́бе посидáлы* ‘о кучевых облаках в ряд, предвещающих дождь’. *Подлы́й* ‘1) плохой; 2) некрасивый’ – *подлы́й як ды́ня* ‘о пожелтевшем от болезни человеке’. *Стáрец* ‘нищий’ – *как ста́рцы / як старці́* ‘очень бедно’, *як у ста́рця* ‘о чём-л. очень бедном’, *как под дурны́м ста́рцем* ‘о больших ступнях’, *дурны́м ста́рцем вы́глядеть* ‘иметь некрасивый внешний вид’. В отдельных случаях диалектное значение общерусского слова находится в говоре на стадии угасания, что приводит к ограничению синтагматики ЛЕ. Так, в современных кубанских говорах у прилагательного *на́глый* диалектный ЛСВ ‘внезапный, неожиданный: «наглое нападение», «наглая смерть»’ [ККС, с. 192] актуализируется только в сочетании с

существительным *смерть* – *на́глая смерть* ‘внезапная, скоропостижная смерть’. Аналогичный пример диалектное значение ‘мысль’ у общерусской лексики *завет*, которое реализуется только в устойчивом выражении – *и в завете не было* ‘не думал, не предполагал, не мыслил’. Такие факты, по всей вероятности, являются переходными от свободного словосочетания к фразеологизму.

Лексические диалектизмы, входящие в состав ДФЕ, как правило, функционируют в диалекте в свободном значении, что повышает их способность включаться во фразеомообразовательные процессы. См., напр.: *гле́[э]чик* ‘горшок с узким горлом для молока’ – *побы́ть гле́чiky* ‘поссориться’. *Гы́лка* ‘ветка, отросток дерева’ – *гы́лка до́вга(я)* ‘о высоком человеке’. *Жу́йка* ‘жвачка’ – *в жу́йкаx ходи́ть* ‘быть бедно одетым’. *Постолы́* ‘обувь из кожи домашних животных’ – *посуши́ть постолы́, отки́нуть постолы́* ‘умереть’. *Ря́жка* ‘широкая, низкая деревянная кадка’ – *закида́ть ря́жками* ‘выразить кому-то неодобрение, презрение’. *Сажо́к* ‘хлев, где держат свиней’ – *как в(у) сажку́* ‘скрыто для обозрения’. *Ты́рса* ‘опилки’ – *аж ты́рса сы́плется / сы́палась* ‘1) кто-л. очень стар, дряхл; 2) кто-л. споро, быстро и хорошо выполняет какую-л. работу’. *Хыта́ться* ‘шататься, качаться’ – *од ви́тру хыта́ться* ‘быть очень худым, измождённым’. *Шелёвка* ‘досточка, которой обшивают стены хаты’ – *как шелёвка* ‘об очень худой девушке или женщине’ и мн. др.

Отдельные ЛЕ зафиксированы только в составе ДФЕ, что по-своему продлевает им жизнь в диалекте. См., напр.: *глузд* ‘ум, разум, смысл, сознание’ [Гринченко, I, с. 290; СРНГ, 6, с. 207] – *с глузду сы́йхатъ / зы́йхатъ* ‘сойти с ума’, *за́става (за́ставка)* ‘заслонка, ставень для удержания воды, идущей на мельничное колесо’ [ср. Гринченко, II, с. 100; в близком значении *заста́вка* в воронеж. говорах, см. СРНГ, 11, с. 55] – *во все́ за́ставы* ‘во всю силу; интенсивно’, *за́шпор* ‘острая боль на поверхности рук от мороза’ [*за́шпори* Гринченко, II, с. 119] – *за́шпор / за́шпурy зайти́(ы)* ‘о руках или ногах, потерявших чувствительность от холода’, *па́мор(о)ки* ‘память, сознание, рассудок’ [СРНГ, 25, с. 185] – *заби́ть / отби́ть па́мор(о)ки* ‘лишить, лишиться памяти, способности соображать’, *скракли́* ‘деревянный брус для соединения

нескольких парных упряжек быков // быки, соединённые несколькими парами при помощи таких приспособлений' [СРНГ, 38, с. 98] – *остаться на скраклях* 'остаться ни с чем, с носом' (РГК) и некот. др.

Многие лексические диалектизмы являются компонентами кубанских устойчивых выражений хотя бы один раз. По наблюдениям, проведенным на материале донских говоров Волгоградской области, лексические диалектизмы, обладая разной степенью активности, в большинстве своём употребляется в составе ДФЕ два и более раза. Таких ЛЕ в донских говорах более 150 [ср. Брысина, 2003, с. 93]. В нашей картотеке их более 50: *анчутка, баглай, балакать, балакучий, барки(ы), бати(о)г, бачить, бенеря, бзык, бирюк, бугай, бузевок, бура(я)к, вентерь, гава, годувать, грец(ь) / грецак, гузно, кат, кочет, крашенки(ы), кырпа, ласый, лещётки, мазни(ы)ца(я), маки(ы)тра, нема, нехай, при(ы)скипать, при(ы)тыка, пыка, репаный, рядно, сибильда, скаженный, скракля, треба, успиток, учкур, хай, хмара, хряк, цурка, чухаться, швайка, шукать, юшка* и др. См. примеры неоднократного употребления лексических диалектизмов в составе кубанских ФЕ:

Бато(и)г 'кну́т с длинной ручкой' – *с-нид батогá* 'по принуждению, под страхом наказания, не по своей воле делать что-л.; из-под палки', *дава́ть (дать) батогá* 'побить кнутом', *с батогóм сто́ять* 'принуждать кого-л. к чему-л.', *как по водé батогóм* 'напрасно, бесполезно'. *Бачить* 'видеть' – *ти́ко и ба́чили* 'о внезапном и быстром исчезновении кого-л.; только и видели', *би́лого сви́та не ба́чить* 'белого света не видеть', *не ба́чить имале́ного вол(в)ку* 'не знать трудностей', *не ба́чить тоби́ свогó дыты́ны* 'недоброе пожелание', *роды́ться, хресты́ться, тако́го не ба́чить* 'о состоянии сильного удивления' и др. *Грец(ь)* 'чёрт – *до греця́(á), до гре́цу(ю)* 'много', *к гре́цу(ю), к греця́м* 'прочь долой вон (гнать, прогонять), *до греця́(á)/ до гре́цу(ю)* 'много', *на греця́(я)* 'совсем не нужно', *ны(и) греця́(á)* 'ничего', *греця́(á) два* 'ничего подобного, ничуть; чёрта с два', *грець зна́ет(ь)* 'в знач. межд. чёрт знает', *греци́ кы́нулы* 'о внезапном падении, потере равновесия', *гре́ц(ь) но́сит(ь)* 'кто-л. пропадает, шатается,

болтается где-то; чёрти носят’, *грéци размурдовáлы* ‘кто-л. впал в ярость, в раздражение’ и др.

В наших материалах отмечено несколько ДФЕ, диалектные компоненты которых представляют собой семантически неясные, «затемнённые» слова, зафиксированные в местных говорах только в составе устойчивых выражений. Так, в кубанских лексикографических источниках отсутствует существительное *коряки*, входящее в качестве компонента в ДФЕ *коряки лупить* ‘отказывать сватам’, зарегистрированную, по данным ФСГК, как в КГЮЯО (Мостовской район), так и в КГУЯО (Тимашевский район). Приведём иллюстрации из указанного регионального словаря: *Да не нравится ей Пашка. Придётся коряки лупить сватам* (Тим. – ФСГК). *Что-то часто коряки сватам лупить стали, капризные стали девчата, подавай им принцев* (Мост. – ФСГК). В украинском языке лексема *коряк* имеет два ЛСВ ‘1. Ковш. 2. Деревянный черпак для набирания зерна или муки’ [ср. СУМ, IV, с. 303]. В кубанских говорах отмечены лексемы *корец(ь)*, *корчик* ‘ковш, черпак’. Между тем образное переосмысление прямого значения выражения *лупить коряки* ‘бить ковшом, черпаком’ не способствует воссозданию прототипа данного фразеологизма. Опора на зафиксированные в СРНГ слова *коряк* и *коряка* позволяет высказать две версии по поводу образования кубанского устойчивого выражения. Так, существительное *коряк* по данным СРНГ представляет собой межсистемный омоним, означающий ‘Большой кусок хлеба. Южн. Сиб.’ [СРНГ, 15, с. 42]. По существующему обычаю сваты приносили с собой в дом невесты *хлеб / хлиб*. В случае отказа (на Кубани это называлось *давать / дать отлуп*) хлеб не брали, отсюда предположительно и возникло данное устойчивое выражение, означающее буквально ‘не принимать хлеб’, образно – отказывать. Если опираться на одно из значений другого полисистемного омонима – *коряка*, функционирующего в ярославских и рязанских говорах, – ‘О несговорчивом, упрямом человеке’ [СРНГ, 15, с. 42], можно допустить, что образной основой ДФЕ является проявление несговорчивости, которое соответствует поведению невесты, отказавшей сватам.

Затемнена внутренняя форма у ДФЕ *ходіть по сибильду́* ‘ходить компанией рвать для девушек то, что растёт в садах и огородах’: *Паца́нами на сибильду́ хаді́ли: рва́ли дивча́там цвита́, я́блаки в чужы́х ага́родах и сада́х* (Удоб.). Представляется, что прототипом ДФЕ могло стать свободное словосочетание, в котором существительное *сибильда́* предположительно называет породу сельдей (на Дону в данном значении зарегистрирован лексический диалектизм *сиби́ль* [БТСДК, с. 483]; в ст-цах Зассовской и Родниковской *сибильдой* называют очень худого человека, ср. в ЛЯ *селёдка* в аналогичном значении). Не исключено, что на базе прямого значения словосочетания ‘ходить за рыбой, за уловом’ (такие походы часто были групповыми) в результате переосмысления появилось переносное ‘ходить компанией за какой-л. добычей’.

Существительное *хлюц* по имеющимся у нас данным употребляется только в составе УС *мо́крый як хлюц* ‘о сильно вымокшем человеке’: *Явы́вся мо́крый як хлюц. Тэпэ́р ще забо́ліе* (Старотит.). Значение слова *хлюц* Б.Д. Гринченко представляет с ремаркой предположительно: струя дождя? [Гринченко, IV, с. 404], см. также глагол *хлюцити* стекать? [Там же]. СУМ уже снимает вопрос в толковании и трактует слово как ‘Сильный дождь: ливень’ [СУМ, XI, с. 90]. Опрошенные нами информанты, в речи которых было зафиксировано УС, значение диалектизма назвать не смогли.

Иногда, напротив, носитель диалекта, объясняя значение ДФЕ, толкует входящую в неё в качестве компонента диалектную лексему, не имеющую в лексикографических источниках однозначного толкования. Приведём запись, в которой зафиксирована ДФЕ *бенэ́ря занэсла́* ‘кто-л. полез, куда не следует’: *Було́, вну́ки там, зали́ээ, крычи́ть ба́бушка: «Чэ́го тэ́бэ бэ́нэ́ря занэсла́?!» Бэ́нэ́ря – цэ урага́н. Шо ты поли́з туды́?* (Старокорс.). Из высказывания информанта совершенно очевидно, что у него определение значения существительного *бенэ́ря* не вызывает никаких затруднений. Вероятно, в данном случае сыграло роль созвучие лексем *бенэ́ря* и *бу́ря*. Между тем Б.Д. Гринченко квалифицирует это слово как неясное. Размышляя о нём, лексикограф высказывает предположение, что это, по-видимому, какая-то болезнь. Не чума ли? Сравн. *бенде́рська чума*;

быть может, *бенеря* испорченное *бендеря*? *бенеря його прынесла* аналогично выражению *холера його прынесла* [см. Гринченко, I, с. 49]. СУМ трактует значение лексемы как близкое к ‘нечистая сила, нечистый, бес’ [СУМ, I, с. 156]. В аналогичном значении лексема записана в ст-це Старотитаровской: – Вам знакомо такое слово – *бенеря*? – *Бэнэря – цэ нэчіста сыла*. В этой же ст-це лексический диалектизм *бэнэря* зарегистрирован в ДФЕ, равном по структуре предложению, – *бенэря не хвате* ‘ничего плохого не случится; черти не возьмут’.

Не имеет толкования в словаре украинского языка лексема *стейка*, входящая в состав устойчивого оборота *ны стэйкы ны гэйкы*, записанного в ст-це Старотитаровской. Б.Д. Гринченко, ссылаясь на М. Номиса, приводит в словарной статье на данное слово устойчивое выражение *ні стейки ні гейки* со следующим объяснением: не стоит и не идёт, подобно русск. выражению ни взад ни вперед [ср.: Гринченко, IV, с. 201]. Междометие *гэйка* в значении ‘ехать вперёд’ помещено в словаре украинского языка в составе этой же поговорки [см. Гринченко, I, с. 278]. Эта ФЕ в кубанских говорах подверглась переосмыслению. В говоре ст-цы Старотитаровской она означает, во-первых, ‘абсолютно ничего (не понимать, не знать): *Вин такый дурный: ну ны поныма ны стэйкы ны гэйкы*. Во-вторых, номинирует того, кто не сидит и не стоит на месте: *Ну така дытына: ны стэйкы ны гэйкы. Ну ны сыдыть ны мынуты на місти*.

К затемнению значения ЛЕ может привести изменение её внешнего облика. Так, о человеке, который много ест, но остаётся при этом худым, говорят: «*Надо его с подла покормить*». Восстановить каноническую форму слова – *подол*, утратившего в Р.п. в разговорной речи в результате редукции гласный [О], помогают этномедицинские знания: человеку с излишней худобой, чтобы поправиться, нужно было идти за лошадьё, которую знахарка вела, пяясь назад, и при этом кормила из *подола* платья тремя хлебами: пшеницей, овсом и ячменем.

В ДФЕ *ны кісточек ны рісточек* ‘абсолютно ничего (об отсутствии пищи)’ у слова *рісточка*, зафиксированного только в составе данной ДФЕ, добавилась согласная фонема <Т> (ср. укр. *рісочка* ‘1) капля, росинка; 2) крошка’ [Гринченко,

IV, с. 24]), что продиктовано, вероятно, созвучием *кисТочка – рисТочка: Пойілы и ны аста́вылы ны кісточик ны рісточик* (Новотит.).

В наших материалах также есть случаи изменения и внешнего облика компонента ДФЕ, и значения ДФЕ, зарегистрированной в материнском языке. Записанная в ст-це Старотитаровской ДФЕ *чмылы́ слухать* ‘быть в бессознательном состоянии’ (см. контекст: *Та вин лыжы́ть, чмылы́ слухае. На́до в больны́цю ёго*) представляет собой фонетически и семантически преобразованное выражение украинского языка – *слухати чмеля* ‘лежать на земле от удара’, помещённое в словаре Б.Д. Гринченко в словарную статью на существительное *Чміль, чмеля́* ‘шмель’ [Гринченко, IV, с. 467]. СУМ подаёт данную ФЕ в следующей форме *чмелів слухати* и объясняет её с помощью отсылки к выражению *джмелів слухати* ‘бути в стані запаморочення’, то есть быть в бессознательном состоянии. Из приведённой иллюстрации: *Як зложив [Халявський] кулаки, як хряпне себе по голові, що насилу устояв і довго чмелів слухав* [СУМ, XI, с. 346] – следует, что ФЕ означает ‘испытывать признаки сотрясения мозга’. В ФСГК представлено бытующее в Лабинском и Мостовском районах выражение *имелэй (чмелэй) слухать (слу́шать)*, которое актуализирует совершенно иной смысл – ‘оказаться вдруг в одиночестве, в тишине’.

Выяснение лексического состава кубанских устойчивых выражений, строительным материалом которых выступают общенародные и территориально ограниченные слова, выявление поливалентных и моновалентных компонентов ДФЕ демонстрируют особенности лексического наполнения фразеологизмов в смешанных говорах.

3.4 Устойчивые выражения с компонентом-именем собственным

Отдельный пласт в кубанской фразеологии составляют устойчивые обороты, включающие в качестве компонентов имена собственные или образованные от их основы с помощью суффиксов -ОВ, -ЕВ, -ИВ, -ЕВСК притяжательные прилагательные. Следует отметить, что многие устойчивые

выражения данной группы отличаются яркой эмоциональной окраской и экспрессивностью.

Так, имена *Христос*, *Исус* входят в состав следующих экспрессивно-окрашенных устойчивых выражений: *(как) Исус Хри(ы)стос на колеснице / по горлышку прокатился, как Хри(ы)стос босиком по душе ходит* ‘приятно после чего-л., обычно после выпитого алкоголя’, *Господи Исусе, на комине гуси* ‘шутл. возглас удивления’, *Господи Исусе, уперёд (куда́ не надо) не суйся* ‘шутл. ответ на междометие «Господи Исусе»’, *Исус Хри(ы)стос залез на стос и помалкивает / поглядывает* ‘пренебр. об иконах’, *Хри(ы)стос залез на стос* ‘шутл. о ком-л. забравшемся вверх (на крышу и т.п.)’, *Хри(ы)стос в небесах, а моя душа в телесах* ‘о пренебрежении к церковным заповедям и преимуществе материальных интересов над духовными’, *рюмочка Хри(ы)стова при(ы)шла к нам из Ростова, а паспорта у ней нема́, так отут ей и тюрьма́* ‘шутл. присловье за чаркой’, *Хри(ы)стова слеза́* ‘водка’. Приведённые ДФЕ добродушно-шутливы или ироничны. К нейтральным можно отнести две ДФЕ: *Хри(ы)стовы портянки(ы)* ‘блины, которые пекут на Вознесение в память о том, что Христос, возносясь на небо, сбросил их, потому что ходил по грешной земле’, *Хри(ы)ста́ слави(ы)ть* ‘колядовать’. Положительной оценочной характеристикой обладает устойчивое выражение *воинство Хри(ы)сто́во*, которым называют казаков как истинных защитников православия. В целом семантика приведённых устойчивых оборотов, в определённой степени отражающая духовную культуру казачества, свидетельствует о его неоднозначном отношении к национальной религии: с одной стороны, глубокая вера кубанских казаков в Бога (одно из основных условий вступления в казачество была и продолжает оставаться православная вера), с другой стороны, шутливо-ироническое отношение к религиозным канонам.

Особо почитали кубанские казаки Пресвятую *Богородицу*. С образом Богоматери связаны бытующие на Кубани структурные варианты – *богородична(я) / богородская трава́* ‘Чебрец обыкновенный, тимьян’. Появление УНТС, вероятно, обязано библейской легенде о том, что дева Мария родила Иисуса, Бога-Сына, на подстилке из тимьяна [Легенды и мифы о растениях...

2015, с. 468]. Как правило, наименования с именем *Богородицы* получают растения, обладающие полезными, лекарственными свойствами (см. об этом подробнее В.Б. Колосова, 2009, с. 93 – 94). Чебрец Маршалля не является исключением, его отвар применяют при различных заболеваниях органов пищеварения, почек и дыхательных путей, настой этой травы считается очень хорошим средством для лечения кашля у детей.

Во многие устойчивые выражения, представляющие собой термины ботаники и этномедицины, входит имя *Адам* и образованное от его основы притяжательное прилагательное *адамовый*: *Адамова голова* ‘название травы, которой птицеловы окуривали сети, чтобы попадалось больше птиц’, *Адамово ребро* ‘трава, настоем которой лечили лихорадку’, *Адамов корень* ‘название травы и снадобья от разных, чаще мужских болезней’ (подробнее о семантике растительных образов, связанных с Адамом, см. Часовникова, 2003, с. 90 – 142). Можно привести также шутивное название водки – *Адамовы слёзы (слёзки)* и поговорку *Адам и Ева у райского древа и то согрешили*, в которой актуализируется идея о необходимости прощать вину.

Ряд кубанских народных ботанических терминов имеют в своём составе и другие имена: *Аверьянов корень* ‘растение валериана’, *Ванины кудри* ‘декоративное раст. мыльнянка лекарственная’, *Петров крест* ‘трава, которую пьют при бесплодии’ (по народным поверьям, эта трава оберегает от нечистой силы) и др. В основу номинации растений могут быть положены разнообразные признаки, формирующие символический образ растения (цвет, размер, форма и т.д.). Напр., растение *Ванины кудри* имеет пушистые листья, розовые или белые махровые цветы, напоминающие вьющиеся волосы, трава *Петров крест* – крестообразный корень. Виноград барбару называют на Кубани *Аронова борода*. В.П. Чалов даёт этому УНТС следующее определение – ‘сорт столового белого винограда’ [Чалов, 1981, с. 155]. На самом деле, ягоды у барбару фиолетово-розовые. В основу номинации положен не их цвет, как, вероятно, посчитал исследователь, что и привело к неточности толкования, а широкая коническая форма грозди, напоминающая бороду (в классической христианской

иконографии, сложившейся к X веку, Аарон, старший брата Моисея, изображался как седовласый, длиннобородый старец).

Диалектные наименования некоторых растений, включающие в качестве компонента имя собственное, образованы по мотивационной модели «*библейский мотив*» → *название растения*. Так, согласно украинской легенде, «святой Пётр сорвал прутик цикория, чтобы отогнать овец, и с тех пор это растение получило имя *Петрів батіг*» [цит. по Колосовой, 2009, с. 89]. Есть и другие версии, связанные с мотивом хождения Христа по земле. По одной из них «Святой Пётр отгонял детей от Христа стеблем цикория, говоря: «Геть, з дороги, а то покуштуєтэ мого батижка!», а потом бросил его на землю. Мальчики подняли его и назвали *Петровым батогом*» [Колосова, 2009, с. 231]. По другой версии легенды Петр ходил по созревающим полям и сгонял прутиком, как батогом, с хлебных колосьев разных жуков и букашек, чтобы они не портили хлеба. Пройдя все поле и согнав с него вредителей, Петр бросал свой батог на землю, а тот сразу давал корни и начинал расти. Поэтому цикорий чаще всего растет по краям полей и обочинам дорог — там, где бросил его святой Петр [ср. Левкиевская, 2000, с. 142]. Форма *Петр'ов бат'ог* русифицированная, в кубанских станицах, где исторически складывались КГУЯЮ, цикорий, как и в украинском литературном языке, называют *Петрів батіг* [СУМ, I, с. 111]. В станицах, где исторически складывался КГЮЯЮ, часто можно услышать гибридную форму: *Петр'ов батіг* [*П'итров бат'их*].

В основу диалектной номинации растения зверобой – *Иоаннова кровь* – легла этимологическая легенда о происхождении растения из крови Иоанна Крестителя. В.П. Чалов приводит сохранившееся предание, записанное в ст-це Родниковской, в котором евангельский сюжет получает своеобразную доработку. Иродиаде на блюде приносят отрубленную голову Крестителя, упрекающую царицу в незаконном сожителстве с Иродом. Чтобы заставить голову замолчать, Иродиада приказала вытянуть ей язык и стала колоть его иголкой. Кровь густыми каплями падала на землю. И в тех местах, куда попадали кровавые капли, вырастало и начинало цвести красивое растение, названное с той поры *Иоанновой кровью*

[ср. Чалов, 1981, с. 163]. Существуют и другие этиологические легенды, объясняющие народные названия зверобоя, связанные с кровью [см. Колосова, 2009, с. 157]. Следует отметить, что в золотистых венчиках цветков зверобоя действительно содержится красный, похожий на кровь пигмент, представляющий собой природный краситель. На Кубани это растение применяли в народной медицине от кровохаркания и мочеиспускания кровью.

Среди библейских имён в местных ФЕ употребляется и имя царя Соломона, олицетворяющего мудрость (ср. в ЛЯ УС *мудрый как Соломон*). Оно входит во ФЕ, представляющие собой грамматические варианты: *Соломóн (с Соломóном) за пáзухой* ‘о мудром, умном человеке’: *Есть такии люди умныи, пра них гаваряйт «Саламóн за пáзухай». Вот он му́дрый чилавék: с Саламóнам за пáзухай* (Прим.-Ахт.).

В местных говорах зарегистрирована ДФЕ *жить на пи́ще свято́го Анто́ния* ‘жить впроголодь, голодать’ – вариант литературных ФЕ – *вкушать от пищи святого Антония, сидеть на пище святого Антония*. По преданию, христианский аскет Антоний Фивский (3 – 4 вв.), питался в пустыне травами и кореньями.

Ряд устойчивых выражений, включающих в качестве компонентов имена христианских святых, обозначают определённые дни народного календаря: *на Евдошку* ‘День святой преподобной Евдокии (Авдотьи Плющихи) – 14 марта (1 марта по ст. ст.)’, *на Алёшку* ‘день 30 марта (17 марта по ст.ст.)’: *На Евдошку сажают картошку. И на Алёшку* (Бужин.). Часто к имени святого добавляется дополнительное прозвище, несущее в себе сельскохозяйственную идею. См., напр.: *весняно́й Никола (Мыкола), весняный Мыколай* ‘день 22 мая (9 мая по ст. ст.)’, *зимний Ми(ы)кола, Никола Мокрый* ‘день 19 декабря (6 декабря по ст. ст.)’, *Алёшка тёплый* ‘30 марта (17 марта по ст. ст.)’, *Акулина задери хвосты* ‘26 июня (13 июня по ст. ст.)’. Последняя ДФЕ, как и прибаутка «– *Кулина, Кулина, когда тебе именины? – Когда коровы хвосты задеруть*», возникла в результате наблюдений над скотом, который в сильную жару после 26 июня (*д*)зыкует или *бзыкует*, т.е. задирает хвосты и отгоняет ими оводов и слепней (овод – *зык, дзык*).

Некоторые устойчивые выражения с именами святых называют состояния погоды или атмосферы: *Демьян мосты́ ковал, а Кузьма́ раскова́л* ‘об оттепели в день 14 ноября (1 ноября по ст. ст.)’, *Карпу́шка за но́с хватáе(ть)* ‘шутл. холодно’ (святой апостол Карп (из числа 70-ти), ученик и спутник святого апостола Павла; день его памяти 4 января), *ба́бье ле́то до Петра́* ‘о холодных утренниках и росах после 29 июля’ (дЧ.), *свято́й Петро́ ове́ц го́нит* ‘о колебании воздуха в жаркий день’ (дЧ.).

ДФЕ, в состав которых входят имена канонизированных церковью женщин, не отражают благоговейного отношения к этим святым. Часто эти ДФЕ обладают шутливо-иронической коннотацией. Так, с именем *св. Варвары-великомученицы*, день которой приходится на 17 декабря (4 декабря по ст. ст.), связаны устойчивые выражения *Варвара ночь урвала, пришла Варвара – ночи урвала*, т.е. ночи стали короче, дни длиннее. ДФЕ *голоколенная Варвара, Варвара штаны разорвала* являются шутливым ответом на вопрос «Какой сегодня или скоро будет праздник?» В ответе заключена насмешка над церковью и её святыми. В пословицах: *Справляла Варьки (17 декабря / 4 декабря по ст. ст.) да Савки (день 18 декабря / 6 декабря по ст. ст.) и легла голая вдоль лавки; просаввилась, проварварилась, голая на тот свет отправилась* – чувствуется сарказм, высмеивание тех людей, кто *праздники пытае, а сам латки латае*. Шутливо-ироническая окраска этих выражений объясняется тем, что происхождением своим они связаны с народным анекдотом о благочестивой женщине, отмечавшей все религиозные праздники и умершей в нищете. После её смерти соседки не нашли в доме покойницы одежды, чтобы достойно похоронить её.

Имена *Савки, Варвары, Варьки* в приведённых ДФЕ уже не обозначают конкретные даты, но являются обобщёнными названиями православных праздников. Таким образом, имена собственные, обозначающие единичные понятия и называющие определённую дату, с течением времени утрачивают единичность и переходят в нарицательные имена.

Женские имена встречаются ещё в нескольких устойчивых выражениях, связанных с календарным циклом: *На зачатие Ганны волчьиные тички (свадьбы)*

бегают; с Ганниного зачаття до Хрещения волкі бегают ‘22 декабря (9 декабря по ст. ст., зачатие праведной Анной Пресвятой Богородицы)’; *Евдоха сыр разбросала; Евдоха сыр кидает, детей искает; Евдоха масленицу пропила-прогуляла и детей своих порастеряла, а теперь плачет* ‘о снеге после 14 марта (1 марта по ст.ст.)’. Снег этот, по поверью, является сыром, которым беспечная святая приманивает своих потерявшихся детей.

Возвращение обряда привело к реактуализации устойчивого выражения *води(и)ть Ма(ы)ланку* ‘разыгрывать при щедровании шуточную свадьбу Маланки и Василия (31 декабря и 1 января христианами отмечаются как дни святых Мелании Римляныни и Василия Кессарийского)’: *В нас була старуха, ну божэ́стинна. Вона знала оці коля́дки, щидри́вки и нас учи́ла. И мы ходы́лы и колядовáть, Мала́нку воды́лы* (Марьян.). Для носителей кубанских говоров характерно произношение на месте [А] в слабой позиции звука близкого к [Ы], отсюда двоякое произношение имени святой – *М[а]ланка* и *М[ы]ланка*.

Устойчивые обороты с мужскими именами в своём составе количественно превышают ДФЕ с женскими именами. Это можно объяснить тем, что церковь канонизировала чаще мужчин-святых, нежели женщин.

Рассмотрим наиболее интересные, с нашей точки зрения, примеры. *Илье́ на боро́ду оста́вить, Илье́ на боро́ду*. Первое значение оборота – ‘1) *устар.* название обряда, посвящённого окончанию жатвы’ – устарело. Оно отражает древний обряд, сущность которого заключалась в том, что при жатве пшеницы или ржи на загонах оставляли кусты несжатых, колосья связывали в кучу и говорили, что это остаётся Илье на бороду как жертвоприношение, чтобы в следующем году был богатый урожай. Есть другие версии. Одна из них, более современная, – забота о птицах. По другой – несжатые колосья, которые на Кубани называют *не[э/ы]дожди́нок*, символизируют незавершённость земных дел человека и вечное его пребывание в мире [ср. Ткаченко, 2008, с. 185; словарная статья *Недожди́нок*]. В других русских говорах также известны выражения: *борода Ильи, Илье на бороду, оставлять Илье на бороду, Миколина борода, Миколу на бороду*. Многочисленные варианты этой ФЕ свидетельствуют о былой актуальности

обряда, которая в настоящее время утрачена. На Кубани обрядовая формула получила переосмысление, приобрела шутливо-иронический оттенок и употребляется для характеристики лиц, не доделавших какую-либо работу. Таким образом, второе значение оборота – ‘2) *шутл., ирон.* оставить недоделанной какую-л. сельхоз. работу’. Известны и другие ДФЕ с именем Илья: *Илья́ бóчки с водо́й везёт* ‘о громае во время дождя’, *Илю́шка/ Илюха пу́стыми каду́шками тарахти́т(ь)* ‘о послегрозовых раскатах грома’, *Илю́-проро́ка за бо́роду пойма́л* ‘чьё-л. предсказание сбылось’, *Илья́ в ре́чку помочи́лся, Илья́ проро́к насса́л в(у) ставо́к* ‘о запрете купания после 2 августа (20 июля по ст. ст.)’.

Широко распространены в кубанских говорах ФЕ с именами *Хам, Ирод, Иуда*, которые, как правило, негативно характеризуют обозначаемых ими лиц. Данные имена из собственных перешли в разряд нарицательных и называют людей, нарушивших общепринятые нормы морали, что, естественно, порицается подавляющим большинством диалектного сообщества. См., напр.: *тру́сится, как Иуда́ с кошелько́м* ‘о жадном человеке’ (компаративный оборот навеян евангельским текстом об Иуде Искариоте, продавшем Христа за 30 серебрянников). Можно привести ещё целую серию ДФЕ, представляющих собой бранные выражения в адрес тех, чьи поступки вызывают у окружающих осуждение и раздражение: *Иродова дочка, Иродов сын, Иродовы дети, Иродово племя, Иродова душа́, Ха́мова душа́, Ха́мово ко́дло, Ха́мское отро́дье*.

К бранным относятся и ДФЕ с компонентом *Магомет (Махомет)*: *Махометова душа, Махомед-сукин сын*. Для кубанских казаков, вынужденных вести длительную войну на Кавказе против «азиятов», то есть кавказских горцев, исповедающих ислам, имя мусульманского пророка стало синонимом разбойника, человека, для которого нет ничего святого. На базе мужского имени образовано зарегистрированное нами в говоре села Шабельское женское имя *Махометка*, актуализирующее аналогичные смыслы. В.П. Чалов приводит дразнилку богатых казаков или их детей: *Куркуль Магомет продав (продал) батька за конфет, а матку за дыньку, свою господыньку*. Эта дразнилка в настоящее время употребляется редко, но образовавшаяся на её основе сжатая ДФЕ *куркуль*

Магомет в детской речи служит для характеристики жадных детей и обладает негативной оценочной характеристикой [ср. Чалов, 1981, с. 159].

Кроме библейских имён, в ДФЕ употребляются и светские имена. С именем атамана Г.К. Матвеева кубанские историки связывают происхождение поговорки, записанной в очерке П. Короленко о черноморцах в 1874 г. В ней содержится недвусмысленный намёк на подкуп некоего А.Г., полное имя которого неизвестно. П. Короленко пишет: «Об атамане Матвееве ничего сказать не могу: скудные материалы не позволяют разобрать вполне действий его по управлению войском, но не могу скрыть сложившейся про него между черноморцами пословицы: *Матюха розвишав уха, А.Г. стогне, та в карман горне*». Эллиптированный вариант *Матюха розвишав уха* появляется в печати значительно позже (в 1886 г.): «... народ был недоволен войсковым атаманом Матвеевым и говорил: *Матюха розвишав уха*». Устойчивое выражение характеризует глупого человека. По мнению В.П. Чалова, за ним вряд ли стоит представление о конкретном историческом лице или событии. Собственное имя *Матюха* и в других говорах очень давно было переосмыслено в экспрессивное слово и обросло экспрессивными ассоциациями. Обобщённо номинируя глупого, простоватого человека, оно стало в один ряд с другими, подобными ему именами, обладающими экспрессивными коннотациями, как-то: *Тюха, Матюха, Паньтюха, Колупай* (ср. *колупаться* ‘медленно делать что-л.’). Пренебрежительной коннотацией обладают и следующие ФЕ: *собрались Тюха да Матюха* ‘всякий сброд’, *Тюха Матюхе песеньку запел, Тюха Матюху по уху задел* ‘1) о нестройном пении; 2) о беспричинной ссоре, драке’. В некоторых пословицах ДФЕ *Тюх(а)-Матюх(а)*, отмечены с иной оценочно-коннотативной семантикой ‘хитрец, прикидывающийся простаком; себе на уме’: *На вид Тюха-Матюха, но с ним не вешай уха; Не смотри, что Тюх-Матюх, а на баб собачий нюх* [Чалов, 1981, с. 69 – 71].

Относительно происхождения компонента *матюха* в составе ДФЕ *тюха-матюха* можно высказать и другое предположение. Не исключено, что *матюха* – это фонематический вариант нарицательного существительного *макуха* (замена

согласной переднеязычной фонемы <Т'> на заднеязычную согласную <К> (диссимиляция по месту образования) характерна для кубанских говоров, см., напр.: *тiсто* и *кiсто* 'тесто', *тiтюшки* и *кiтюшки* 'соцветия акации' и др.). Приведём ЛЕ *макуха* в записанных контекстах: *Вона́ ж тобі обманывае, кру́тыть, як хо́четь, тобо́ю, а ты и слухаеиш – маку́ха* (Васюр.). *Муи был харо́шый, краси́вый, но гулю́н. А я была́ така́я маку́ха, ты че́, шоп прóтив му́жа сказа́ть. Лапу́ мне ве́шал на у́хи* (Перед.). – Как у вас называют нерасторопного человека? – *Маку́ха* (Усть-Лаб.). ЛСВ лексического диалектизма *маку́ха* 'о бесхарактерном человеке' и 'о нерасторопном человеке' можно квалифицировать как переносные, образованные на базе прямого значения 'жмых из семян подсолнечника' (метафорический перенос по модели *растение* → *глупый человек* в кубанских говорах является регулярным; см., напр.: *кабáк* '1) тыква; 2) перен. о глупом человеке', *колбя́к* '1) пень; 2) перен. о глупом человеке'). Подтверждением высказанной версии служит также то, что лексический диалектизм *маку́ха* зафиксирован нами в ст-це Передовой как в свободном значении, так и в составе устойчивого выражения *тюха-макуха* 'застенчивый человек, не умеющий за себя постоять'.

Народная номинация *Кузьмичёва трава́* 'эфедра, или хвойник двухколосковый' появилась в честь Фёдора Кузьмича Муховикова (Муховникова), знахаря, жившего в селе Виловатом, Бузулукского уезда Самарской губернии. В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (ЭСБЕ) сообщается, что этот целитель использовал отвар какой-то травы от ревматизма, хронического расстройства пищеварения и катара дыхательных органов. Фёдор Кузьмич был широко известен не только в России, но за границей, «к нему приезжали пациенты даже из Германии, Франции и Англии; из одной Самары приезжало к Кузьмичу до ст. Марычевки более 10000 чел.» [ср. ЭСБЕ, 16а, с. 948]. Научное название растения – *Ephedra vulgaris* – было определено Н. Партанским в «Памятной книжке Самарской губ. на 1890 г.».

В двух структурных вариантах функционирует на Кубани ДФЕ *никола́евска(я) ба́рышня / дэ́вка* 'старая дева'. Входящее в него притяжательное

прилагательное образовано от имени русского царя Николая II. Это имя, безусловно, обладает «энциклопедической компетентностью» [Сапожникова, 1987, с. 107] и вызывает в сознании носителей диалекта устойчивые ассоциации с понятием исторического времени, уходящего в далёкое прошлое. Отсюда вполне объяснимо, почему девушку, девичество которой продолжается очень долго (образно выражаясь, начинается ещё со времён царствования Николая II), относят к старым девам.

«Энциклопедически компетентно» для носителей кубанских говоров имя *Шамиль* (1797 – 1871 гг.). Это национальный герой народов Северного Кавказа, признанный в 1834 году имамом теократического государства – Северо-Кавказский имамат, в котором объединил горцев Западного Дагестана, Чечни, Черкесии. Имя этого предводителя кавказских горцев является компонентом ДФЕ *дать (давать) шамиля́* ‘1) исполнять (исполнить) танец «шамиль», заимствованный у народов Северного Кавказа; 2) пускаться (пуститься) в энергичный пляс’. При исполнении первой части танца хор медленно и распевно начинал песню: «На горе стоял Шамиль, / Богу он молился. / Руки к сердцу приложил, / Низко поклонился» [Чурсина, 2003, с. 172].

В ст-це Ленинградской при опросе по Программе ЛАРНГ информант, характеризуя умного, здравомыслящего человека, использовал УС *здравомысленный як Путин*.

Во время экспедиции в Темрюкский район (2016 г.) записано устойчивое выражение *Троекуровска(я) псарня* ‘о большом количестве собак’. Приведём фрагмент беседы диалектологов (Д) с Бублик Пелагей Константиновной (БПК), 1938 года рождения, коренной жительницей ст-цы Запорожской; в разговоре принимала участие соцработник (Соцраб.).

БПК: – *Тро́е цуцыня́т привила́. Троеку́ровска пса́рня!* Д: – А откуда вы это выражение знаете? Кто такой Троекуров? Соцраб.: – А вы что Пушкина не читали? Д: – Мы-то читали. А вот бабушка откуда его знает, если она даже первый класс не окончила? БПК: – *Лю́ды ка́жуть*.

Имена собственные в составе ДФЕ могут быть связаны с устным народным творчеством. Так, ДФЕ стали сказочные формулы: *при царé Митрóхе, колы́ людéй бу́ло трóхи* ‘очень давно’, *за царя́ Панька́, когда́ земля́ была́ тонка́* ‘очень давно, в старину’. Популярная у всех восточных славян сказка о сыне, который неуважительно называл отца Кузьмой и тогда лишь назвал его отцом, когда попал под воз с сеном, трансформировалась в поговорку, записанную В.П. Чаловым в станице Новолабинской в двух вариантах: *Под воз попал, так и Тимоху батькой назвал; На свете поживешь – и Тимоху батькой назовешь* [Чалов, 1981, с. 148 – 149]. ДФЕ *страшнáя Лютра* ‘злая некрасивая женщина’ и *ра(о)спали́(ы)ться как / як Лютра* ‘очень рассердиться’ восходит к известным только на Кубани казачьим преданиям о злой волшебнице Лютре, которая в борьбе казаков с турками помогала врагам. Шутливое выражение *наш Карпó розполукарпýвсь на малé[э]нькы полукарпе[э]ня́та* ‘о главе многодетного семейства’ представляет собой скороговорку.

Став компонентом ФЕ, имя собственное часто приобретает оценочно характеризующий смысл. При этом наделение имени собственного положительными или отрицательными характеристиками, как правило, произвольно. На произвольность употребления собственных имён в составе поговорок и пословиц в своё время обращал внимание В.И. Даль, который писал: «Ко внешней одежде пословицы надо отнести личные имена. Они большею частью взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры...» [Даль, 1984, с. 17]. Приведём зарегистрированные в кубанских говорах устойчивые выражения, в состав которых входят светские имена, наделённые оценочно характеризующим смыслом: *не хвали́ Ахрiську и не гудь Панька́* ‘один другого не лучше’, *ни Вáня ни Мáня* ‘слабохарактерный человек, не имеющий собственных убеждений’, *це Вáська моéй ба́бе тётка* ‘всё пропало’, *би́гать як Гáнна без со́ли* ‘суетиться без толку’, *ни одiн Дани́ла* ‘абсолютно безразлично’, *швiдкá(я) Кулы́на* ‘ирон. о человеке, делающем всё наспех, некачественно’, *где Мака́р теля́т не пас* ‘очень далеко’, *допа́лся как Марты́н до мы́ла* ‘шутл.-ирон. о человеке, жадно

набросившемся на что-л. желанное’, *швы́дка На́стя* ‘расстройство желудка’, *как / як Ма́рья поу́лич(ш)ная* ‘неодобр. о ничем не обременённой женщине’ и др.

Иронический оттенок имеет ДФЕ *выхо́дыть за́муж за Пидлопа́тного* ‘умирать’. См. записанный диалог: – Ба́бушка, не болейте, мы вас ещё замуж выдадим. – *Ха-ха-ха! За Пидлопа́тного. Я бу́ду выхо́дыть за́муж за Пидлопа́тного, дэ я́мы копа́ють для смэ́рти. Ха-ха-ха...* (Старотит.). Вымышленная фамилия *Пидлопатный* в составе ДФЕ обладает прозрачной внутренней формой, образована по аналогии с фамилиями на –НЬЙ, см, напр.: *Криничный, Пшеничный* и др. «Говорящей» является фамилия *Храпови́цкий* в ДФЕ *нача́ть Храпови́цкого* ‘крепко уснуть’ (ср.: просторечный структурный вариант *зада́ть Храпови́цкого* [ФСРЯ, с. 163]) – *Васы́ль до́ма чи ни? – До́ма, та вжэ нача́в Храпави́цкава* (Темрюк).

В ст-це Ярославской зарегистрированы два УС, характеризующие очень жадного человека, – *жа́дный как ба́бка Епичка, жа́дный как Матве́й Гре́кович: Если ска́жут, што жа́дный как ба́пка Епичка, то э́та аби́да си́льная. Сосе́т у ми́ня жа́дный как Матве́й Гре́кавич: из-за де́них сы́на радно́ва ни пажале́л.* Фиксация данных УС в говоре одного населённого пункта позволяет предположить, что входящие в них антропонимы называют реальных людей, проживавших ранее в этой станице и поразивших своих земляков непомерной скупостью. Устойчивые выражения, включающие в свой состав в качестве компонентов имена и фамилии реальных членов диалектного сообщества, как правило, функционируют в говоре одного населённого пункта. Так, в ст-це Старотитаровской было зафиксировано УС *як Хома́ Никифо́рович*. Информант Р.И. Журавлёва (1942 г.р.) использовала этот компаративный оборот для характеристики недотёпного человека. На вопрос о том, кто такой *Хома́ Никифо́рович*, Раиса Ивановна ответить не смогла. Между тем жительница этой же ст-цы А.Н. Котелевич вспомнила, что во второй половине XX века в ст-це проживал Середа Фома Никифорович, который работал в совхозе конюхом: *«Хома́ Никифо́рович, вин був нэдотэ́пный, манэ́нький, вин на ко́нях йи́здыв. Ходы́в с кнуто́м: «Гэй! Гэй!» Вин був больны́й с рождéния».*

ДФЕ с именами собственными могут быть и узкосемейными. См. фрагмент беседы с А.Ф. Коваленко (в девичестве Башмакова, родилась в ст-це Новопластуновской в 1946 г.): *У нас Крыны́шным называ́ют таво́, кто ест и всигда́ у ниго́ па́дала са рта́. Вот эта всигда́ бы́ла ота́к, пря́ма всё гря́знае: па́дала са рта́ у ниво́. Патаму́ всех и называ́ли вот: «як Крыны́шний». Он всигда́ был гря́зный, ниапря́тный.* В лексиконе семьи Башмаковых отмечены и другие УС с именами собственными: *як дид Пранько́* ‘о ленивом человеке’, *як Кацо́ля* ‘о неопрятном человеке’, *нис як у бабы Бурта́нки* ‘о человеке с большим красным носом’, *нога́ як у Слесаря́* ‘о человеке с большим размером стопы’. Все имена, фамилии, прозвища в приведённых УС принадлежат конкретным людям: родственникам, соседям, товарищам по работе.

В нашей картотеке зафиксировано 7 ДФЕ, в состав которых входят топонимы: *на Кавка́з* ‘на кладбище’, *Москву́ ви́дно / вы́дно* ‘об ощущении вкуса кислого фрукта’, *рассказать от Тамани до Рязани́* ‘рассказать от начала до конца’, *как до Москвы́ ра́ком, как до Шанха́я* ‘очень далеко (в пространственном или временном отношении)’, *рюмочка Хри(ы)сто́ва пришла́ к нам из Ростова́, а па́спорта у не́й нема́, так оту́т ей и тюрма́* ‘шутл. присловье за чаркой’. В Темрюкском районе в рассказах-воспоминаниях многих информантов о жизни до и после Великой Отечественной войны часто упоминалось устойчивое выражение *жить с Керчи́* ‘отовариваться в г. Керчь, где снабжение было лучше и не было количественных ограничений при покупке’: *Так шо жылы́ с Кэ́рчи. И по́сли войны́, и муку́ оттуда́ възлы́, и усэ́* (Старотит.). В ст-це Передовой записано устойчивое выражение *чтоб потом не говорили на Байбарысе* ‘о нежелании распространения неприятных слухов’. Приведём его в высказывании С.А. Панченко 1963 г. р.: *Ешти, угаца́йтись, ни сиди́ти, шоп патом ни гавары́ли на Байбары́си, што я вас пло́ха нака́рми́л.* Использование топонима *Байбарыс* мотивировано тем, что этот хутор является самым отдалённым населённым пунктом Отрадненского района: то, что станет известным на *Байбарысе*, тем более узнают в других станицах и хуторах.

ДФЕ с именами святых в своём составе отличаются от ДФЕ со светскими антропонимами, пожалуй, только источником происхождения. Первые – восходят к религиозным сюжетам, вторые – к фольклорным жанрам или включают в качестве компонентов имена широко известных личностей, членов диалектного сообщества, знакомых определённому кругу людей, вымышленных персонажей. Топонимы в составе кубанских устойчивых выражений встречаются редко.

Выводы

1. Квалифицируя кубанский диалект как идиом смешанного типа, считаем правомерным относить к кубанским ФЕ устойчивые сочетания слов, входящие в общекубанский фразеологический пласт, а также в КГЮЮО или в КГУЮО, но не входящие в систему РЛЯ. Принятая в настоящем исследовании широкая трактовка понятия *диалектная фразеология* позволила считать нижней границей ФЕ двусловное образование (причём одним из компонентов может быть служебное слово); верхней границей ФЕ – сложное предложение. Определение содержания понятий *диалектный фразеологизм*, *диалектный кубанский фразеологизм*, *объём фразеологического состава диалекта* важно для выявления как региональных, так и общих закономерностей образования и функционирования ДФЕ в смешанных говорах. Помимо ДФЕ в речи носителей кубанских говоров широко употребляются литературные и просторечные ФЕ. Своеобразие кубанской фразеологии составляют локально ограниченные в употреблении ФЕ, в семантике которых отражаются идеалы и аксиологические представления старожильческого населения края, материальная и духовная культура данного региона.

2. Значительный корпус среди кубанских устойчивых выражений образуют УНТС, состоящие из двух, реже трёх компонентов, не обладающие образностью и экспрессией. Отграничение номинативных ФЕ от экспрессивных ФЕ для последующего анализа их содержания опиралось на тематическую

классификацию УНТС. Кубанские УНТС были объединены в 20 ТГ: *Названия растений и их частей, Названия диких и домашних животных, птиц, рыб, насекомых, Названия явлений природы, состояния погоды, Названия продуктов питания, пищи и напитков, Названия жилых и хозяйственных построек, их частей, строительных материалов, способов строительства, Названия предметов быта, Названия одежды и обуви, Названия почвы и земельных участков, Названия трудовых процессов, Название инструментов, механизмов и их частей, Названия транспортных средств, Анатомические названия, Названия болезней, их симптомов, способов лечения, врачей, Названия некоторых категорий людей, Названия религиозных праздников, постов, памятных дат, Игры, Названия обрядов, их участников и обрядовых действий, Фольклорные произведения, Военно-административные терминологические словосочетания, названия как войска в целом, так и его отдельных представителей, Разное.* Одна часть УНТС не связана с какими-либо специфическими чертами этнической общности, другая относится к военному быту, к материальной и духовной культуре казаков Кубани.

3. Характерная особенность УНТС – стремление к однозначности, обусловленное их терминологичностью. Отдельные устойчивые выражения, сочетающие в себе и терминологические, и собственно фразеологические признаки, представляют собой номенклатурно-терминологические фразеологизмы. Смысловой стержень подавляющего большинства УНТС – имя существительное, сохраняющее прямое предметное значение. Опорными словами обычно выступают общенародные слова. Среди УНТС преобладают именные, глагольные отмечены в четырёх ТГ – «*Названия трудовых процессов*», «*Названия болезней, их симптомов, способов лечения, врачей*», «*Игры*», «*Названия обрядов, их участников и обрядовых действий*»; наречная и адъективная группы не обнаружены, что объясняется номинативной ролью анализируемых единиц. Ряд УНТС имеет эквиваленты-универбы или эквиваленты, представляющие собой результат процесса имплицирования. Как правило, УНТС не входят в состав ДФЕ. Среди кубанских УНТС выявлены русско-украинские дублиеты. При этом многие

УНТС входят в общекубанский фразеологический пласт. Одни кубанские УНТС возникают в результате обобщения человеком наблюдений над окружающим миром и над самим собой, отражая общность жизненных условий многих народов, другие свидетельствуют об этнокультурном своеобразии характера мышления носителей кубанских говоров.

4. Экспрессивно-окрашенные фразеологизмы в кубанских говорах составляют яркий, активно реализующийся в речи пласт языковых единиц. Экспрессивность ДФЕ создаётся за счёт использования разнообразных средств, к которым относятся: выражение ДФЕ представлений об алогичных, нереальных действиях, состояниях, признаках; внутренняя рифма; гиперболизация или, напротив, значительное преуменьшение мотивировочного признака; использование необычных сравнений; тавтология; созвучие рифмующихся искусственно созданных звуковых комплексов, лишённых образных представлений; совмещение нескольких способов. Кубанские ФЕ принадлежат к трём структурным типам: ФЕ-словоформы, ФЕ-словосочетания, ФЕ-предложения. Имеющийся языковой материал показал неравномерность представленности кубанских ФЕ по структурным типам и позволил выделить следующие активные модели: конструкции со сравнительными союзами *КАК / ЯК*, среди которых преобладают компаративные обороты, соответствующие двум логическим формулам сравнения: $C - КАК / ЯК - B$ и $КАК / ЯК - B$ (где B – объект сравнения, C – основание (признак) сравнения); конструкции с сочинительными союзами: *И; НИ / НИ – НИ / НИ; ТА / ДА; А*; конструкции с уступительным союзом *ХОТЬ / ХОЧЬ / ХУЧЬ*; конструкции с частицей *НЕ*; ДФЕ, равные по структуре словосочетанию, среди которых типичны и регулярны модели: *глагол + им. сущ. с предлогом или без предлога* и *сущ. + прилаг.*; преобладание среди ДФЕ, равных по структуре предложению, простых (двусоставных или односоставных) предложений.

5. Компонентами кубанских ФЕ выступают диалектные и общенародные слова. Преобладание ДФЕ, состоящих из общенародных лексем, отражает общую тенденцию, характерную для всех русских говоров. Ряды ФЕ образуют многие

общенародные соматизмы. В картотеке Словаря кубанских говоров зафиксировано 312 ДФЕ с общенародными соматизмами. Наибольшую фразеологическую активность проявляют слова *РУКА / РУКИ / РУЧКА* (44 ДФЕ), *ГЛАЗ / ГЛАЗА / ГЛАЗКИ* (39 ДФЕ), *ЯЗЫК / ЯЗЫКИ* (33 ДФЕ). Другой яркий пласт образует анималистическая фразеология – 224 ДФЕ, в состав которых в качестве компонентов входит 64 общенародных зоонима. Наиболее частотные из них: *СОБАКА* (30 ДФЕ), *ВОЛ(В)К* (16 ДФЕ), *КО(И)НЬ* (13 ДФЕ), *КОБЫЛА / КОБЫЛИ(Ы)ЦА(Я)* (12 ДФЕ). Выявленные символические смыслы, выраженные в зоонимах, входящих в состав ДФЕ, продемонстрировали в большинстве своём соответствие общерусской культурной традиции. Обнаружены также ДФЕ, отражающие специфичные представления носителей кубанских говоров о тех или иных зоонимах. К другим фразеологически активным общенародным существительным относятся: демонизм *ЧЁРТ* (50 ДФЕ), теоним *БОГ* (14 ДФЕ), слова *ДУША* (27 ДФЕ), *ЗЕМЛЯ* (11 ДФЕ). Среди общенародных глаголов наибольшую активность (63 ДФЕ) обнаруживает глагол *ДАТЬ (ДАВАТЬ)*, который, как правило, играет вспомогательную роль, направленную на реализацию образности, заложенной в имени существительном.

6. В состав ДФЕ входят также структурные варианты общенародных слов, отражающие фонетические, грамматические и словообразовательные особенности местных говоров. Число словообразовательных вариантов слов ЛЯ и семантических диалектизм в составе местных ДФЕ незначительно. Лексические диалектизмы по сравнению с семантическими обнаруживают большую фразеологическую активность. Они, как правило, функционируют в говоре в свободном значении, что повышает их способность включаться во фразеологические процессы. Многие лексические диалектизмы являются компонентами кубанских устойчивых выражений хотя бы один раз. Обладая разной степенью фразеологической активности, они могут употребляться в составе ДФЕ два и более раз. Таких ЛЕ в картотеке более 50. Немногочисленны ДФЕ, в состав которых входят устаревшие или семантически неясные слова.

7. Яркий пласт в кубанской фразеологии составляют экспрессивные ФЕ и УНТС, включающие в качестве компонентов имена собственные или образованные от их основы притяжательные прилагательные. Это имена Бога, святых, пророков, а также светские имена. Устойчивые выражения с именами святых в своём составе и устойчивые выражения со светскими антропонимами имеют различные источники происхождения. Первые – восходят к религиозным сюжетам, апокрифическим сказаниям и т.п., вторые – к фольклорным жанрам: сказкам, анекдотам, частушкам, шуточным песням, к именам широко известных личностей, к именам членов диалектного сообщества, знакомым определённому кругу людей, к именам вымышленных персонажей, каждое из которых выражает некую идею, заложенную в ДФЕ. Часть имён собственных спонтанно приобретает в составе ДФЕ оценочно характеризующий смысл. Топонимическая лексика в составе кубанских устойчивых выражений нечастотна.

ГЛАВА 4. МОДЕЛЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЫ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИСИСТЕМНОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ

4.1 Теоретические основы изучения лексики и фразеологии кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой как макросистемы

Тезис о системности лексики и фразеологии не вызывает возражений у учёных, представляющих разные лингвистические школы и направления. Подход к словарному составу языка как к явлению системному, концептуально разработанный в трудах Ф. де Соссюра, стал традиционным для лексикологии. Под лексико-фразеологической системой обычно понимается вся область смысловых отношений ЛЕ, своеобразие их группировок, характер взаимодействия друг с другом и с элементами других подсистем языка. Таким образом, лексико-фразеологическая система представляет собой внутренне организованное целое, которое создаётся благодаря единству отношений, сложившихся между составляющими её компонентами. «В понятие системности лексики включены два взаимообусловленных характерных признака этого уровня: во-первых, лексическая система как набор словарных единиц (слов и оборотов, являющихся назывными средствами), во-вторых, лексическая система как форма организации этих единиц и способы их взаимодействия» [Фомина, 1990, с. 11].

Положение о лексике и фразеологии как о системно организованном целом применимо не только к ЛЯ, но и в полной мере к диалектам. Оно стало исходной методологической основой в исследовании лексики и фразеологии русских народных говоров. На сегодняшний день отечественными диалектологами в указанном аспекте написано немало работ на материале различных говоров (исследования Л.И. Баранниковой по волжским говорам, О.И. Блиновой и В.В. Палагиной по томским говорам, А.Ф. Войтенко по говорам Московской области, С.А. Мызникова по русским говорам Поволжья, И.А. Оссовецкого и Т.С. Коготковой по рязанским говорам, Ф.Л. Скитовой по пермским говорам, О.К. Сердюковой по говору казаков-некрасовцев и др.). Что касается говоров

Кубани, то их лексика и фразеология объединялись учёными в две лексико-фразеологические системы: лексико-фразеологическую систему КГЮЯО и лексико-фразеологическую систему КГУЯО, которые рассматривались изолированно (данный подход нашёл отражение и в региональной лексикографии).

Между тем определение лингвистического статуса кубанского диалекта как диалекта смешанного типа делает возможным объединение двух лексико-фразеологических систем в единую макросистему. Теоретическое обоснование объединения лексики и фразеологии КГУЯО и КГЮЯО в единую макросистему даёт концепция диалектного языка, согласно которой диалектный язык определяется как сложная система диалектных микросистем, варьирующих общие и различительные признаки [Аванесов, 1964, с. 11]. Такое понимание диалектного языка позволяет говорить не об общности и различии лексико-фразеологических систем КГУЯО и КГЮЯО, а о вариативности русского диалектного языка, составной частью которого они являются.

Практическим подтверждением правомерности рассмотрения лексики и фразеологии КГЮЯО и КГУЯО как макросистемы служат экстралингвистические сведения – история края, его географические и этнокультурные особенности, а также интралингвистические данные, в том числе ареального характера. Кубань в силу специфики своего исторического развития – уникальный регион, где на протяжении вот уже трёх столетий элементы традиционной восточнорусской культуры взаимодействуют с элементами южнорусской культуры. Наиболее интенсивно этот процесс протекал во второй половине XIX века, когда в крае проходил процесс формирования единого этнокультурного пространства. Это отмечают и выдающийся дореволюционный историк, исследователь кубанского казачества Ф.А. Щербина, и ведущий этнограф нашего времени Н.И. Бондарь. К аналогичному выводу приходит В.П. Чалов в кандидатской диссертации, представляющей собой историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества [Чалов, 1981, с. 27 – 28]. Как показывают исследования историков и этнографов, в этот период самосознание казаков претерпевает существенные

изменения. На смену традиционным – линейцы, черноморцы, хопёрцы, кавказцы – приходит осознание различными казаками общности судеб, связанных с территорией Кубани. Законодательный акт 1860 года (указ императора Александра II «О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска»), а также образование в этом же году Кубанской области закрепляют новую субэтническую общность – кубанские казаки. В процессе складывания субэтнуса одновременно происходит формирование его культуры, важнейшей составной частью которой является язык, в данном случае – кубанский диалект.

Экстра- и интралингвистические факторы позволяют представить модель лексико-фразеологической системы кубанских говоров как макросистему, состоящую из двух подсистем: лексико-фразеологической системы КГЮЯО и лексико-фразеологической системы КГУЯО, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя частные диалектные системы (лексико-фразеологическую систему говора одного населённого пункта или нескольких, если в них говорят одинаково). Частная лексико-фразеологическая система содержит элементы как общие, присущие всему кубанскому диалекту в целом, так и различные, характерные для отдельных (отдельного) говоров (говора) и создающие те специфические диалектные различия, которые отличают КГЮЯО от КГУЯО, а также говор одного населённого пункта от говора другого (других) населённого пункта (населённых пунктов). При таком подходе диалектная лексико-фразеологическая система выступает как некое обобщение, отвлечение от частных лексико-фразеологических систем отдельных говоров, однако и сами говоры также являются неким обобщением. В процессе их изучения исследователь моделирует частную диалектную лексико-фразеологическую систему, основываясь на лексиконе конкретных диалектоносителей.

Метод моделирования, на наш взгляд, оптимален для изучения лексики и фразеологии кубанских говоров. Согласимся с утверждением Л.Э. Калнынь о том, что «адекватное представление об устройстве и функционировании диалекта

достигается методом моделирования диалектных систем разного уровня» [Калнынь, 2002, с. 51]. При этом «... модель сначала должна вырабатываться (выявляться) на основе индуктивных операций с массовым материалом, а затем она уже может проецироваться на тот же материал для дедуктивных приёмов анализа» [Толстой, 1982, с. 4]. Поддерживая указанные положения, считаем, что применение метода моделирования делает возможным, во-первых, систематизировать довольно обширный языковой материал, во-вторых, создаёт необходимые условия для его презентации в одном лексикографическом издании, предоставляющем надёжную базу для обобщающих разноаспектных научных изысканий. Такой словарь является полисистемным, или полидиалектным. В диалектной лексикографии это самый распространённый тип словаря, включающий лексику нескольких говоров, бытующих в определённой диалектной зоне (см., напр.: «Архангельский областной словарь», «Словарь вологодских говоров», «Словарь смоленских говоров», «Ярославский областной словарь» и др.). Словарь, как справедливо подчёркивает А.С. Герд, «не единица системы языка, он не в языке, он вне языка. Словарь – это форма представления знаний о языке, которая привносится извне» [Герд, 2013, с. 138]. Будучи способом презентации лексики и фразеологии, словарь позволяет определённым образом эксплицировать лексико-фразеологическую систему.

В словаре лексика и фразеология, которым свойственна постоянная динамика, предстают в статичном состоянии, то есть остановившимися в своём развитии, что позволяет подвергать их системному анализу. Каждая новая ЛЕ или фразеологизм, не представленные в словаре, могут органично вписаться в те множества, которые вычлениются в словнике. При этом словарь отражает не только статику лексико-фразеологической макросистемы, но и результаты её динамики: применение целого ряда словарных помет позволяет проследить такие динамические процессы, как архаизация и неологизация, реактуализация, расщепление коннотации, структурное и семантическое варьирование ЛЕ, появление новых ЛСВ. Каждое значение подтверждается иллюстрациями,

демонстрирующими естественную жизнь лексикографируемой единицы в сфере диалекта.

Словарная статья полисистемного словаря, безусловно, является неким конструктом. Более того, в отдельных случаях она действительно представляет собой географическую сводку бытования на обследуемой территории тех или иных ЛЕ в их значениях. Однако в большей части словарные статьи многозначных ЛЕ в Словаре кубанских говоров отражают семантическую структуру одного слова, поскольку в целом лексика кубанских говоров обладает значительным единством, что подтверждает география, фиксируемая после каждого иллюстративного примера. Необходимо признать, что степень дифференциации семантики в словаре напрямую зависит от полноты собранного материала, к которой, бесспорно, стремится каждый составитель, но которая на практике в силу специфичности лексикографируемого объекта, принадлежащего к устной речевой стихии, часто является относительной. Таким образом, словарную статью полисистемного словаря можно рассматривать как открытую модель, в которой представлены внутрисловные и межсловные отношения ЛЕ на уровне микро- и макросистем.

Самыми мелкими, далее не делимыми единицами системности языка являются, как известно, микросистемы, образованные словами и устойчивыми сочетаниями слов, связанными различными лексико-семантическими отношениями. Совершенно очевидно, что о лексико-семантических отношениях корректно говорить лишь тогда, когда ЛЕ объединены общей речевой практикой и скреплены системно-семантической корреляцией. В противном случае они являются разносистемными и должны квалифицироваться как разнодиалектные синонимы, антонимы, полисеманты и омонимы, то есть как лингвогеографические категории. Полагаем, что лексико-семантические отношения в говорах Кубани можно рассматривать как межсистемные и внутрисистемные. Межсистемные отношения возникают между ЛЕ, функционирующими только в КГЮЯО, с одной стороны, и в КГУЯО, с другой стороны. Внутрисистемные отношения – между ЛЕ, входящими в одну

лексическую систему. Между тем, как показывают наблюдения, лексические и фразеологические синонимы, полисеманты и омонимы, противопоставленные друг другу территориально, могут относиться к смешанной (одновременно и разно- и однодиалектной) синонимии, полисемии, омонимии. Данное явление весьма характерно для кубанских говоров.

Принципиально важным, на наш взгляд, является также вопрос о том, представляет ли лексико-фразеологическая макросистема кубанских говоров живую функциональную систему или это некая абстракция, которая не поддаётся непосредственному наблюдению. В своё время Р.И. Аванесов в статье «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка» предложил интерпретировать национальный язык как систему систем. Учёный сформулировал положение о том, что фонетическую систему СРЯ в целом можно считать языковой реальностью не только в структурно-языковом отношении, но и как средство общения [Аванесов, 1947]. Данная трактовка впоследствии была подвергнута критическому переосмыслению [Калнынь, 1973; Горшкова, Калнынь, 1984; Калнынь, 2002]. Большинство учёных признаёт, что диалектный язык, как и НЯ в целом, не имеет прямого соответствия с текстом, а макросистема диалектного языка может быть представлена только на уровне модели. Однако необходимо подчеркнуть, что само понятие макросистемы относительно. Е.А. Нефёдова ставит вполне правомерный вопрос о макросистемах более низкого ранга, которые исследователь моделирует на материале говоров, обладающих генетической и исторической общностью, занимающих компактную территорию и рассматриваемых как фрагменты общей макросистемы диалектного языка [ср. Нефёдова, 2008, с. 13]. По мнению диалектолога, которое мы разделяем, имеются все основания предполагать, что существуют определённые предпосылки для обретения макросистемами более низкого ранга свойства реального функционального тождества [ср. Там же].

Потенциальные функциональные возможности лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта связаны с динамикой развития современных говоров, поддерживаемой экстралингвистическими факторами: проживанием в

одном населённом пункте носителей КГУЯО и КГЮЯО, миграцией и смешением населения в пределах Краснодарского края, вызванными разного рода причинами, в результате чего неизбежно возникает «столкновение» в одном контексте разных членов диалектного различия (подчеркнём, что подобная ситуация весьма характерна для Краснодарского края; миграционные и этносоциальные процессы на территории Кубани достаточно обстоятельно описаны в исторических работах (см. О.В. Матвеев, В.Н. Ракачёв, Д.Н. Ракачёв «Этнические миграции на Кубани: история и современность» (2003 г.), Б.Е. Фролов «Поселение Черноморского казачьего войска на Кубани» (2005 г.) и др.). Нельзя не учитывать и следующее обстоятельство: реально носители КГУЯО знают многие слова из КГЮЯО и наоборот, что также говорит в пользу потенциальной воспроизводимости диалектных ЛЕ. Это знание часто проявляется при языковой рефлексии диалектоносителей в беседах с диалектологом о том, что везде говорят по-разному. Кроме того, в местных говорах многие диалектизмы представляют собой слова, общие для украинского языка и южнорусского диалекта, которые обладают очевидным генетическим родством. Е.А. Нефёдова называет ещё один, существенный на наш взгляд, фактор – внутреннюю эволюцию говоров, приводящую к стиранию ярких диалектных различий (по предположению исследователя, прежде всего в лексике) [ср. Нефёдова, 2008, с. 14].

Всё сказанное выше позволяет утверждать, что имеются объективные основания объединять лексику и фразеологию, зарегистрированную на всей территории распространения кубанского диалекта, в единую лексико-фразеологическую макросистему, обладающую свойством реального функционального тождества. Таким образом, лексико-фразеологическая макросистема кубанского диалекта – это обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное образование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом.

Поскольку модель лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта отражается в Словаре кубанских говоров, необходимо остановиться на его характеристике. Согласимся с мнением А.С. Герда о том, что «в принципе теоретическая концепция Словаря задаётся дедуктивно» [Герд, 2013, с. 141]. При этом словарь, реализуя уже разработанные теории языка, порождает, в свою очередь, новые методы презентации языкового материала. Каждое словарное произведение, с одной стороны, опирается на уже накопленный лексикографический опыт, с другой – воплощает собственные подходы в обработке представленных в нём данных. Что касается использованных в Словаре кубанских говоров лексикографических приёмов, то они подробно описаны в Проекте словаря [Борисова, 2005, с. 6 – 45]. Уточнения требуют пополнившиеся источники лексикографического издания, а также принципы формирования иллюстративной зоны. Следует также изложить скрепляющую идею словаря.

4.2 Источники словаря и география лексических единиц

Начало работы над Словарём кубанских говоров было положено в 2005 году с выходом в печать книги «Кубанские говоры: Материалы к словарю» [Борисова, 2005]. В ней был представлен проект будущего словаря, в котором оговаривались материалы и источники лексикографического издания, его характер, структура, принципы оформления словарной статьи, грамматические и стилистические пометы, способы определения значений слов и устойчивых сочетаний, подача иллюстративного материала, отражение географии слов и ФЕ. В проекте намечались пути решения теоретических и практических вопросов, касающиеся презентации кубанских говоров в региональном лексикографическом издании.

В процессе написания проекта словаря необходимо было опираться на реальную языковую базу. Именно поэтому параллельно составлялись словарные статьи, на которых апробировались изложенные в проекте теоретические положения и лексикографические принципы. Опубликованные словарные статьи по мере дальнейшего изучения и научного описания говоров Кубани подверглись

существенной доработке автором словаря. Так, у ряда ЛЕ были выявлены не зафиксированные ранее значения, расширена география, в некоторых случаях уточнена произносительная форма, грамматические и стилистические характеристики, добавлены или заменены оправдательные примеры, внесены поправки в оформление словарных статей. Работа над словарём приобрела существенную протяжённость во времени, благодаря чему был собран и описан значительный по объёму языковой материал.

Важный вопрос при создании регионального словаря – вопрос о формировании его картотеки, без которой невозможно составление текста словаря, представляющего собой результат обобщения собранных контекстов, отражающих разнообразную информацию о ЛЕ. Только анализируя материалы картотеки и классифицируя их определённым образом, лексикограф может представить семантическую разработку ЛЕ, максимально точно сформулировать толкование, а также указать разнообразные стилистические характеристики.

Основной языковой базой Словаря кубанских говоров являются полевые записи, сделанные во время диалектологических экспедиций, проводимых под руководством автора [см. ПриложениеВ]. В словарь также вошли сведения, собранные методом языкового существования студентами филологического факультета Куб ГУ – коренными жителями кубанских станиц, которые, проживая в диалектной среде, фиксировали речь своих близких. Ценная информация была получена из записей, сделанных самими носителями диалекта, которых удалось увлечь собирательской деятельностью. Это Н.А. Борисенко (ст-ца Азовская), А.Н. Никонова (ст-ца Динская), А.Н. Котелевич (ст-ца Старотитаровская). К рукописным источникам относятся данные картотеки «Говоры Кубани», хранящейся на кафедре современного русского языка Куб ГУ (работа по её созданию, начатая ещё в конце 1950 – начале 1960-х гг., продолжается и по настоящее время), картотеки Научно-исследовательского центра традиционной культуры (она формируется с 1975 года и ежегодно пополняется новыми материалами), личный архив составителя словаря.

Наблюдение над говором одного населённого пункта и последующее лексикографирование диалектного лексикона отдельных семей их членами часто приводит к созданию интровертных словариков (определение *интровертный* в данном случае подчёркивает, что фиксация диалектных слов и ФЕ осуществлялась как бы изнутри, а не извне, то есть рукопись создавалась не диалектологом). Подробный анализ словарика, составленного школьниками села Шабельское см. [Борисова, Костина, 2013а, с. 53 – 61]. Разные по объёму словников интровертные словарики передавались нам и в других станицах и сёлах края. Безусловно, представленные в них сведения, – это только начальный этап лексикографической обработки диалектных единиц. Между тем «первозданность» собранного материала проливает свет на многие вопросы, связанные с фонетическим обликом ЛЕ, их семантикой и употреблением, делая подобные рукописи ценным фактологическим источником.

В составленном нами словаре есть ссылки на «Словарь фразеологизмов говоров Кубани» (Армавир, 1994) – СФГК. Другие опубликованные лексикографические источники, частично нашедшие отражение в библиографическом указателе «Говоры Кубани» (1982 г.), а также содержащие диалектный языковой материал работы историков и этнографов края, привлекались нами для верификации имеющегося языкового материала. В словарь помещались некоторые слова и ДФЕ из кандидатских диссертаций по говорам Кубани, – М.Н. Шабалина [Шабалин, 1952] и В.П. Чалова [Чалов, 1981].

Наличие определённого материального «задела» в виде имеющихся картотек, печатных материалов, личных архивов собирателей и самих информантов, плотное экспедиционное обследование территории распространения кубанских говоров сделали возможным сформировать уникальную в своём роде эмпирическую базу для лексикографической презентации кубанского диалекта. Значительный объём словника, включение в лексикографический дискурс ЛЕ, зарегистрированных в КГЮЮО и в КГУЮО, существенно отличает составленный нами словарь от других диалектных словарей, отражающих местную лексику и фразеологию.

На сегодняшний день существуют ещё три региональных словаря, отражающие диалектную лексику Кубани. Это депонированная рукопись – словарь «Русский говор Кубани» (1991 г.) под редакцией Е.П. Шейниной и Е.Ф. Тарасенковой (РГК), а также вышедшие в открытой печати авторский словарь П. Ткаченко «Кубанский говор» (1998 г.), переизданный с добавлениями в 2008 году, и «Словарь Кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион» (2009 г.), составленный армавирскими диалектологами В.М. Пелих, В.И. Андрищенко, Р.Я. Ивановой, Т.Г. Ивановой (СКГ). Эти издания, несмотря на принципиальные концептуальные расхождения в принципах отбора и лексикографической обработки ЛЕ, безусловно, являются важными этапами в становлении региональной лексикографии Кубани. Однако приходится признать, что они не дают достаточно полного представления о языковой ситуации в крае.

РГК при всех его несомненных достоинствах (высокий уровень лингвистического описания, привлечение разнообразных источников фактического материала) отражает диалектную лексику, записанную в так называемых линейных станицах, расположенных восточнее устья реки Лабы, на территории, отведённой царским правительством в конце XVIII – XIX веков казакам Кавказского линейного войска. Речь жителей Таманского полуострова, а также степных пространств правобережья Кубани, от её устья до впадения реки Лабы, не нашла отражения в данном издании, что, впрочем, логично вытекает уже из названия словаря. В процессе его создания учёные исходили из того, что КГЮЯО и КГУЯО неправомерно рассматривать в рамках единой макросистемы и, следовательно, помещать в общий словарь. Этот тезис, справедливый в отношении начального периода формирования кубанского диалекта, привёл к искусственному, на наш взгляд, устранению из словаря украинских ЛЕ и выражений. Необходимо пояснить, что в составленном нами словаре ссылки на РГК отсутствуют. Однако в связи с тем, что составители РГК опирались на кафедральную картотеку, которая является языковой базой для нашего словаря, мы не исключаем (хотя картотека значительно пополнилась и продолжает пополняться) повтора некоторых иллюстративных примеров. Между тем

поскольку предлагаемые нами принципы лексикографического описания не совпадают со структурой словарной статьи, принятой в РГК, мы считаем вполне корректным на данный лексикографический источник не ссылаться.

Говоры восточного региона Краснодарского края стали также объектом лексикографирования армавирских диалектологов. СГК составлен в основном на базе имеющейся кафедральной картотеки, в качестве дополнительного источника привлекались сведения из произведений кубанских писателей, прежде всего уроженца Отрадненского района И.Н. Бойко, а также В. Бардадыма, А.А. Первенцева, П.П. Радченко и др. Сопоставление словников РГК и СКГ предоставляет интересные сведения о том, как во времени складывается судьба многих диалектных ЛЕ, функционирующих на одном и том же пространстве.

Авторский словарь П. Ткаченко отражает слова и ФЕ западной и юго-западной частей Краснодарского края. Его создатель – житель ст-цы Старонижестеблиевской, где исторически складывались КГУЯО, или кубанская *балачка*. В этом издании практически отсутствуют иллюстративные примеры, представляющие собой записи речи носителей диалекта (в чём заключается принципиальная позиция автора), не разграничиваются слова и формы слов, не введены грамматические и стилистические пометы, не указывается сфера фиксации. Кроме того, авторский словарь, как совершенно справедливо отмечает сам П. Ткаченко, не может претендовать на абсолютную полноту отражения кубанского диалекта.

Перечисленные лексикографические источники представляют собой *дифференциальные* (или стремящиеся к дифференциальности) региональные *моносистемные* толковые словари, отличающиеся разной степенью проработанности диалектного материала, что, бесспорно, нисколько не умаляет их значимости для описания определённой части лексико-фразеологического состава кубанского диалекта. Между тем тот факт, что исторически сложившиеся лексико-фразеологические системы КГЮЯО и КГУЯО при наличии определённых отличий обладают значительным единством, даёт полное

основание объединить их лексику и фразеологию в *полисистемном* словаре и изучать её как единую макросистему.

По объекту лексикографирования составленный нами Словарь кубанских говоров представляет собой *первый* региональный *полисистемный* словарь, поскольку в него включены слова и ФЕ, бытующие на всей территории распространения кубанских говоров, о чём свидетельствует их география. Описанный в нём диалектный материал собирался на территории Краснодарского края, а также за его пределами, в местах, где исторически селились кубанские казаки, в частности, в Майкопском и Красногвардейском районах Республики Адыгея. Максимально полная фиксация информации о географии ЛЕ, к которой мы стремились в процессе составления словаря, в перспективе сделает возможным составление на его основе Лексического атласа кубанских говоров. География сбора диалектного материала представлена в Приложении Г. Приведённые в нём данные наглядно демонстрируют неравномерность охвата населённых пунктов по районам и городским муниципальным образованиям. Однако по сравнению с двумя другими региональными словарями в полисистемном словаре кубанских говоров география показана наиболее широко (это сведения из 37 районов и 4-х городских муниципальных образований Краснодарского края, двух районов Республики Адыгея; всего 271 н/п). Ср.: «Русский говор Кубани» (17 районов, 2 района Республики Адыгея; 102 н/п.), «Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион» (19 районов; 34 н/п. и ссылки на 14 районов без указания н/п.). В авторском словаре П. Ткаченко территориальный паспорт слов не приводится.

4.3 Концепция словаря и характеристика его основных параметров

По характеру отбора лексики Словарь кубанских говоров является словарём *дифференциального* типа. Традиционно дифференциальным считается лексикографическое издание, в которое помещаются «слова, имеющие локальное

распространение и в то же время не входящие в словарный состав ЛЯ (в любую его разновидность)» [Филин, 1961, с. 22]. Слова, отобранные по дифференциальному принципу, составляют основной корпус словника. Как известно, возможно и более широкое понимание дифференциальности, а именно как принципа отличия лексики говоров от нормированного ЛЯ [Гецова, 1970, с. 5]. Разделяя данный подход, мы включали в словарь архаичные слова ЛЯ, поскольку, периферийное положение этих ЛЕ, фактически выводит их за пределы лексической системы ЛЯ [ср. Там же, с. 26]. В говорах эти лексемы в большинстве своём лишены оттенка устарелости: *мир* 'народ, люди', *о́чи* 'глаза', *убира́ть* 'нарядно одевать кого-либо', *убира́ться* 'наряжаться, одеваться' и др.

По вопросу о включении / невключении в региональное издание слов, входящих в городское просторечие, но пока не зафиксированных словарями СРЯ, мы разделяем позицию многих диалектологов, считающих такие лексемы органической частью словарного состава говоров [Блинова, 2002, с. 49; Брысина, 2003, с. 11; Брысина, Кудряшова, Супрун, 2008, с. 60]. Эти ЛЕ, находящиеся на пути от диалекта через полудиалект к просторечию, относятся к разным ТГ и принадлежат к разным частям речи. См., напр.: *бура́(я)к* 'свёкла', *граба́рка* 'совковая лопата', *бухы(и)кать* 'кашлять', *дру́жка* 'свидетельница на свадьбе', *дубки́* 'цветы семейства хризантем', *жерделя / жердѐла* 'дерево дикий абрикос и его плоды', *заколеть* 'сильно замёрзнуть', *каба́к* 'тыква', *каза́н* 'большой котёл', *колоту́н* 'сильный холод', *кугу́т* 'некультурный, грубый человек', *лазо́рик* 'степной тюльпан', *синенькие* 'баклажаны', *майка* 'сорт ранней черешни и её плоды', *пуши́ть*, *тяпа́ть* 'рыхлить землю при помощи тямки', *си́ненькие* 'баклажаны', *соус* 'тушёное мясо с картофелем', *шкандыба́ть* 'хромать, ковылять', *шпа́нка* 'сорт крупной тёмной вишни и её плоды', *шпорі(ы)ш* 'горец птичий' и др. В речи жителей приморских городов края активно употребляется рыболовецкая лексика: *ба́йда* 'большая широкая вёсельная лодка', *сула́* 'судак', *по(и)дсу́лок* 'небольшой судак', *шаран* 'сазан' и др.

В процессе лексикографирования были выявлены также просторечные ЛЕ, имеющие в толковых словарях РЛЯ помету *Прост.*, но обладающие в кубанских

говорах некоторыми отличиями (фонематическими, акцентологическими, словообразовательными, грамматическими, а также стилистическими). Так, слово *барахло́* МАС фиксирует в двух ЛСВ: *Прост.* '1. Подержанные вещи домашнего обихода; домашний скарб. 2. Негодные вещи, хлам. // *Бран.* О дрянном человеке' [МАС, I, с. 63]. На Кубани эта ЛЕ имеет широкую дистрибуцию в значении – 'вещи', что подтверждают многочисленные высказывания информантов: *За столо́м поздравля́лы з зако́ним бра́ком. Тогда́ барахло́ до́бре да́рылы* (Бород.). *Пры́дана було́: крава́ть да сунду́к. Сунду́к був по́лан барахло́* (Батур.). Просторечное слово *у́шлый* в словаре С.И. Ожегова приводится со следующим толкованием: 'То же, что дошлый (дошлый – (разг.) 'способный дойти до всего, смышлёный, ловкий')' [Ожегов, 1989, с. 692; 145]. В кубанских говорах у этого прилагательного отмечено иное значение с явно негативной эмоциональной окраской – 'хитрый, изворотливый': *Таки́х у́шлых, як Федо́сий, ма́буть, и ны на́йдыш: из воды́ сухы́й вы́лизэ* (Азов.). У просторечных ЛЕ, функционирующих в кубанских говорах, зарегистрированы и акцентологические сдвиги. Так, слово *зати́шек* 'тихое, защищённое от ветра место' – в кубанских говорах при том же значении имеет ударение на первом слоге и несколько иную огласовку: *за́тишок, за́тышок*. Ср. записанный контекст: *У за́тышки, як у ха́ти, ты́хо та те́пло* (Азов.). *Иды́ у за́тышок* (Пашк.).

В словник помещались локальные этнографизмы и историзмы. Необходимо признать, что термин *этнографизм* не имеет строгого определения. Согласимся с учёными, разделяющими этнографизмы «на два вида: *общерусские* и *локально русские*» [Сороколетов, Кузнецова, 1987, с. 137]. Первые номинируют предметы и явления, не свойственные другим народам и воспринимаемые как чисто русские, национальные. Это такие слова, как *бе́рдо, кросна, лапти, повойник, сарафан* и др. Подобные ЛЕ логично рассматривать как общелитературные и не включать в диалектный словарь, так как они не ограничены территориально в своём употреблении. Другое дело, второй тип, то есть *локально русские этнографизмы*, обозначающие предметы, характерные для определённой местности или для определённого сообщества людей (в нашем случае таковым является казачество в

целом). Среди этнографизмов этой группы в кубанских говорах выделяются и русские, и украинские ЛЕ, а также слова, заимствованные из языков народов Кавказа. Именно поэтому применительно к Кубани подобные этнографизмы целесообразно называть не локально русскими, а – *этнографизмами-локализмами*. Это такие ЛЕ, как *куба́нка* ‘невысокая папаха с плоским красным, синим или малиновым верхом’, *нага́йка* ‘холодное оружие казака: ременная плеть с костяной или металлической ручкой, имеющая на конце небольшую свинцовую деталь; во время езды на лошади находилась в левой руке, в остальное время – за голенищем’, *шарова́ры* ‘часть традиционной мужской казачьей одежды: брюки с красными лампасами по боковому шву’, *ша́шка* ‘традиционная часть казачьего вооружения: холодное оружие с острым клинком’ и др.

К этнографизмам тесно примыкают *историзмы* – слова ЛЯ, вышедшие из употребления в связи с утратой тех реалий, которые они обозначали. Это, напр., такие ЛЕ, как *есау́л* ‘казачий офицерский чин, равный капитану в пехоте; без звёздочек’, *подъесау́л* ‘казачий офицерский чин, рангом ниже есаула, равный штабс-капитану в пехоте; с четырьмя звёздочками’ и др. В связи с возрождением казачьего движения многие историзмы вновь переходят в активный словарный запас. Зарегистрированные в речи информантов этнографизмы-локализмы и историзмы как неотъемлемая, органичная часть лексической системы кубанских говоров, отражающая историю, быт и культуру кубанского казачества, также включены в словарь.

Из топонимической лексики в словарь помещались отдельные местные названия населённых пунктов: *Ахтани́зовка* – ст-ца Ахтанизовская, *Каладжá*, *Каладжинка* – ст-ца Каладжинская, *Чамлы́к* – ст-ца Чамлыкская, *Ширванка* – ст-ца Ширванская и др.

В соответствии с лексикографической традицией в Словарь кубанских говоров помещались диалектные устойчивые выражения.

Дифференциальный подход при формировании словника позволил, с одной стороны, избежать его избыточности, с другой – максимально полно отразить территориально ограниченную лексику и фразеологию Кубани.

Дифференциальный словарь, как справедливо отмечают Ф.П. Сороколетов и О.Д. Кузнецова, предоставляет значительно больше возможностей показать черты и особенности, отличающие словарный состав говоров от лексики ЛЯ [ср. Сороколетов, Кузнецова, 1987, с. 122].

Между тем, разделяя идею о том, что в результате смены научной парадигмы российского языкознания основной вектор современных диалектологических изысканий меняется с дифференциального на недифференциальный подход к анализу диалектной речи [ср. Демешкина, 2014, с. 276], считаем перспективным объединение в одном лексикографическом издании обоих подходов, что позволяет, опираясь на лексикографическую базу, изучать и отдельные языковые явления, имеющие территориальную ограниченность, и диалект как целостную систему, включающую в себя общерусские, просторечные, собственно диалектные элементы, взаимодействующие с ЛЯ и городским просторечием как формами НЯ. Недифференциальный подход, традиционно применяемый при составлении словарей полного типа, отражающих лексику разной системной принадлежности, может продуктивно использоваться и в словарях дифференциального типа, если в них в качестве оправдательных примеров помещать текстовые фрагменты. К таким словарям относится Словарь кубанских говоров. В нём на практике совмещаются два подхода в представлении материала: дифференциальный, по которому формируется словник, и недифференциальный, являющийся основным при создании иллюстративной зоны словаря, где особое предпочтение отдаётся микротекстам, позволяющим на их основе изучать специфику диалекта как особой формы коммуникации.

Составленный нами Словарь кубанских говоров можно охарактеризовать как региональный толково-переводной полисистемный словарь, отражающий лексику и фразеологию кубанского диалекта на синхронном этапе его бытования с широкой программой предоставления информации о диалекте в целом и об отдельной ЛЕ: орфографической (заголовочное слово в канонической форме), фонетической (транскрипция, иллюстрации), формальной (структурные варианты), семантической (толкование), грамматической (грамматические

пометы, иллюстрации), стилистической (стилистические пометы, иллюстрации), синтагматической (устойчивые выражения, иллюстрации), парадигматической (синонимы, полисеманты, антонимы, омонимы), деривационной (однокоренные слова), синтаксической (иллюстрации), этнокультурной (толкование, иллюстрации), ареальной (территориальный паспорт).

Словарь в систематизированном виде предоставляет важные сведения для типологического исследования лексико-фразеологического состава кубанского диалекта в его территориально-ограниченной части: характер семантической структуры диалектных единиц, их тематическое разнообразие, структурные и семантические варианты, синонимические, антонимические и омонимические отношения, лексем-параллели, география которых даёт относительно исчерпывающую информацию об общности и различиях в лексике кубанских говоров и типах лексических различий (противопоставленные / непровотивопоставленные).

Самостоятельной значимостью обладает иллюстративный материал, позволяющий применять недифференциальный подход к изучению диалектной речи как особой формы коммуникации. В этой связи остановимся подробнее на принципах формирования иллюстративной зоны словаря.

4.3.1 Принципы формирования иллюстративной зоны словаря

Важнейшей составляющей толкового словаря является его иллюстративная зона. Роль иллюстраций для диалектного словаря трудно переоценить. В нём оправдательные примеры не только служат дополнительным средством отражения значения ЛЕ, подтверждением её стилистических особенностей, зафиксированных при помощи соответствующих помет, но и передают самобытную народную речь, ту языковую среду, в которой «живёт» диалектное слово. В целом иллюстративный материал диалектного словаря представляет научный интерес не только с диалектологической точки зрения. Он может

послужить фактологической базой для других наук: лингвистики текста, фольклористики, музыковедения, этнографии, географии, устной истории.

Формирование иллюстративной зоны диалектного словаря включает несколько аспектов, связанных с определением источников оправдательных примеров, их количеством в словарной статье, а также структурной организацией иллюстративного материала. В этой связи необходимо остановиться на характеристике иллюстративной зоны полисистемного Словаря кубанских говоров с учётом указанных параметров. Разделяя позицию многих диалектологов о том, что «писатель, несмотря на виртуозность владения народной речью, не может считаться авторитетным диалектоносителем» [Брысина, Кудряшова, Супрун, 2008, с. 62], мы не включали в словарь материал, эксцерпированный из произведений кубанских писателей. Оправдательные примеры для словарных статей извлекались нами из материалов, послуживших базой для создания словника словаря, и представляют собой записи устной речи диалектоносителей. Каждая словарная статья содержит одну или несколько иллюстраций. При этом один иллюстративный пример приводится в случае единичной фиксации ЛЕ или при отсутствии второго примера. См., напр.:

АЛИМО́Н ... *Алимóн, он кі́слый* (Кирпил.). ГУБЫ́ТЬ ... *Два ра́за губы́ла очкы́* (Вышестебл.). ЛЕ́ЛЬКА ... *У нас крёсную называ́ют «лёлька»* (Некрас.).

Подавляющее же большинство словарных статей полисистемного Словаря кубанских говоров включает несколько оправдательных примеров, записанных в разных населённых пунктах, что позволяет не только подтвердить толкование слова, но и привести его грамматические формы, а также расширить состав ЛЕ, с этим словом контактирующих. См., напр.:

МАХО́ТКА ... *Махо́тка – цэ нэ́большо́й горшо́чик, у кото́ром ма́сло взбива́лы и смэ́тану дэ́ржа́лы* (Дин.). *Махо́тки бы́ли палиро́ванныи, з гли́ны, ну вот тудá налива́ли ме́ду* (Ладож.). *Махо́тки булы́, глэ́чики глы́няны, заква́ску там заква́сива́лы* (Копан.). ЧА́КАН ... *Ха́ты укрыва́лы камышо́м и ча́каном* (Слав. н/Куб.). *Маткы́ плылы́, с колхо́за бра́лы яки́сь такы́ станкы́, маткы́ плылы́ с*

чаканá (Киев.). *С чáкана пúхлы* (Колесник.). *Чáкан дудачками растёт, йигó вырыва́ли и кушали* (Некрас.). *Чáкан ра́ньшэ йи́лы, бо опу́хли б з го́лоду* (Забойск.).

В словарной статье, включающей варианты, оправдательные примеры приводятся для каждого варианта:

АРНО́ВКА ... ГАРНО́ВКА ... *А ще кутю́ гото́вылы з арно́фки* (Крыл.). *А гарно́вку мы у калхо́зи пакупа́им* (Бород.). **БОБЫ́РЬ ... БУБЫ́РЬ ... ПУПЫ́РЬ ...** *И бобури́, э́то щас бычкы́ называ́юцца, а ра́ньшэ – бобыри́* (Темп). *Есть рыба бычэ́к, дак мы йиво́ завём бубыре́м* (Тенг.). *Ры́ба была́: кара́сь, платва́, пупыри́ – то́лстыи таки́и, и икры́ мно́га* (Успен.).

Что касается структуры иллюстративного материала, то она не является единообразной. Часть иллюстративных примеров в словаре традиционно представляет собой одно или несколько несвязанных между собой предложений, записанных в одном или в разных населённых пунктах. См., напр.:

ЗА́МУЖ ... ЗА́МИЖ² .... *За́муш ниудáчный был* (Копан.). *Ка́бы зна́ла, што тако́й за́муш бу́дэ, дак я вéг бы ни выхадíла* (Тенг.). *Ни да за́мужа мне тагда́ бы́ла* (Вознес.). *За́миж мий був нэвда́чный* (Ахтаниз.). **НЕМО́ЖНО ...** *Брат присла́л письмо́: «Как нимо́жна, а прыйи́жжэй дамо́й»* (Воздвиж.). *Блох було́ нэмо́жно* (Новотит.). *У мэ́нэ спына́ больи́ть, нымо́жно пошывылы́ця* (Копан.). *А жарá яка́ днём! Нымо́жно!* (Серг.).

В качестве иллюстраций приводятся также ответы информантов на вопросы, многие из которых задавались собирателями по Программе ЛАРНГ. Следует признать, что часто полученные ответы являются однословными, напр.:

МУДРЯ́К ... – Как вы зубмудрости называете? – *Мудря́к* (Анап.). **ПИДХАЛЫ́МНЫЙ ...** Как у вас льстивого человека называют? – *Пидхалы́мный* (Высел.).

Если информант приводит в своём ответе синонимическую пару, синонимический ряд, согипонимы, структурные варианты, то иллюстрация помещается в словарную статью на любое из слов. См., напр.:

БАГЛА́Й ... – Как у вас толстых людей называют? – *Багла́й, рэ́птя* (Смол.). **ШЕЛЁ́ВКА ...** – Как у вас называют худую женщину? – *Хударба́, тарáнка,*

шылёвка (Зассов.). ЛОБОДА́ ... – Какую траву в голод ели? – *И калáчки, и лабаду́* (Новопавл.). ДУ́ШКА ... – Середину арбуза у вас называют «душа»? – *Да, душá, ду́шка* (Старощерб.).

В процессе работы мы, безусловно, стремились фиксировать диалектную единицу в составе предложения. Отсюда в словаре возможны однословные иллюстрации, дополненные короткими предложениями:

БАРА́Н ... – Как у вас мякоть арбуза называют? – *Барáн. Дай минí баранá* (Новопавл.).

Признавая важность соответствовать насущному требованию современной диалектной лексикографии – запечатлеть жизнь слова и жизнь человека в слове, при отборе оправдательных примеров для иллюстративной зоны словаря мы особое предпочтение отдавали *лексорассказам* и *прецедентным текстам*. Рассмотрим эти формы подачи иллюстративного материала более подробно.

4.3.2 Прецедентные тексты в иллюстративной зоне словаря

В словарные статьи полисистемного Словаря кубанских говоров мы по возможности помещали иллюстративные примеры, представляющие собой прецедентные тексты (термин Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987, с. 216]) – ПТ. Этот феномен уже стал объектом исследования лингвистов (см. работы В.В. Красных, Ю.А. Сорокина и И.М. Михалевой, В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, И.В. Захаренко и др.). Особенности функционирования ПТ в речи носителя диалекта достаточно обстоятельно описаны в диссертационных сочинениях отечественных диалектологов Е.В. Иванцовой и В.Д. Лютиковой [Иванцова, 2002, Лютикова, 2000]. Между тем роль ПТ в создании иллюстративной зоны регионального словаря изучена недостаточно.

С учётом территориального признака ПТ разделяются на общенародные и диалектные ПТ. Под *диалектными* ПТ следует понимать имеющие локальное распространение, регулярно воспроизводимые диалектоносителями тексты, в которых находит выражение самобытная народная культура. Среди них мы

выделяем *собственно региональные* ПТ, характерные для конкретной территории, в частности, территории функционирования кубанского диалекта, и *региональные варианты* общенародных ПТ. Тексты первой группы состоят из общерусских ЛЕ или включают в свой состав диалектизмы. См., напр.: *Казáк нэ биз дóли, ры́ба нэ биз лускы́*. Тексты второй группы имеют общерусские эквиваленты. Ср., напр.: *Жысть прожы́ть – ны по́ле пэ́рэйты́. – Жизнь прожить – не поле перейти*.

Лексическое наполнение диалектных ПТ, несмотря на устную форму их существования, довольно устойчиво. Этому во многом способствуют определённый ритм, рифма, краткость и языковая традиция, которая хотя и отличается заметной стабильностью, но не является незыблемой. Действительно, исторически сложившиеся фольклорные формы могут подвергаться творческой переработке носителями диалекта. Ср., напр.: как передаётся разными информантами формула одного и того же рождественского гадания на жениха: *Як бۇ́дуть мого́ чило́вика звать?* (Старотит.) – «*А як мого́ чёлови́ка звать?*» (Запорож.). Ср. также: *Ка́жуть: малэ́нька соба́чка до смэ́рти шарча́* (Усть-Лаб.) – *Манэ́нька соба́чка до ста́рости шарча́* (Новомалорос.). Возможна и некоторое сокращение лексического состава ПТ при сохранении общего смысла: *Май – сий да дбай, ию́нь – хочь сий, хочь плюнь* (Пашк.) – *Май – дбай, ию́нь – хош плюнь* (Старомыш.).

Знание диалектных ПТ убедительно свидетельствует о принадлежности к одному диалектному сообществу. Как правило, использование ПТ характерно для людей старшего поколения, которое является хранителями многих жанров традиционной словесной народной культуры, песенной и прозаической, знатоками свадебного, крестильного и других обрядов, носителями мифологических верований и представлений. Кроме того, им (особенно женщинам) известен большой пласт обрядовых песен и причитаний. Речь диалектоносителей, сохранивших в активном словаре уникальное фольклорное богатство, отличается поразительной образностью, особой задушевностью и экспрессивностью. А.П.Евгеньева обращает внимание на то, что «глубокое внимание к слову, умение ценить его выразительность и меткость, характеризуют

язык не только художников устного слова, но и рядового представителя того или иного говора» [Евгеньева, 1963, с. 17]. Однако приходится признать, что речь не каждого рядового носителя говора насыщена фольклорными реминисценции. Среди идиолектных ЯЛ учёные выделяют два основных типа, используя при этом разную терминологию: «стандартная и нестандартная ЯЛ» [Нерознак, 1996, с. 114], «типичный, рядовой, средний носитель языка и творческая ЯЛ» [Чулкина, 1987, с. 3].

Работая с информантами, мы отдавали большее предпочтение нестандартным ЯЛ. Они способны к длинным монологам, насыщенным диалектным материалом. Такие люди охотно контактируют с собирателем, легко дают ответы на поставленные вопросы. Лингвокреативной языковой личностью является наш постоянный информант – А.Н. Котелевич (1947 г. рожд., в девичестве Чугунная), проживающая в ст-це Старотитаровской. Фиксировать рассказы Александры Николаевны мы начали в 2006 году и продолжаем по настоящее время. Кроме того, ей было предложено самостоятельно записывать диалектные, по её мнению, слова и устойчивые выражения. Применённый метод самонаблюдения: позволил значительно увеличить корпус диалектных единиц, известных данному информанту. В настоящее время А.Н. Котелевич находится на пенсии. До выхода на пенсию она в течение многих лет заведовала детской библиотекой. Александра Николаевна свободно владеет диалектно-литературным двуязычием, в её монологах много пословиц, поговорок, присказок. Ею также составлен небольшой рукописный сборник шуточных рассказов, услышанных от родственников и знакомых. Из бесед с А.Н. Котелевич и предоставленных ею записей нами было зарегистрировано около 400 ЛЕ, в том числе ФЕ. Необходимо отметить, что хранители уникального фольклорного наследия встречаются практически в каждом населённом пункте, где проводился сбор диалектного материала. Это Александра Николаевна Никонова (1939 г. рожд.) из села села Первореченского Пластуновского района, отец которой украинец, а мать русская, (в настоящее время живёт в ст-це Динской); Валентина Григорьевна Лемента (1939 г. рожд.) из ст-цы Новомалороссийской и мн. др. География иллюстраций

полисистемного Словаря кубанских говоров свидетельствует, что ПТ, в состав которых входят диалектные ЛЕ, чаще встречаются в высказываниях носителей КГУЯО. Данный факт отчасти можно объяснить тем, что ПТ, зарегистрированные в речи носителей КГЮЯО, как правило, состоят из общерусских ЛЕ, что значительно снижает их «лексикографичность», то есть возможность включения в словарную статью в качестве иллюстрации.

Введение в речь фольклорных реминисценций осуществляется носителями диалекта разнообразными способами. Обычно это неопределенно-личные конструкции – *кажут(ь), говорят(ь)* и двусоставные предложения – *люди говорят(ь), люди кажут(ь), есть / е така(я) не(и)сня, при(ы)сказка* и т.д., в которых находит отражение истинность коллективного опыта, проверенная не одним поколением. Между тем возможно и спонтанное употребление ПТ, которые естественно вплетаются информантами в ткань повествования. Включение ПТ в рассказ часто происходит по просьбе диалектолога, предлагающего собеседнику вспомнить пословицы, поговорки, прибаутки и т.д. Частотны случаи, когда информанты на предложенное собирателем диалектное слово-стимулируют отвечают ПТ. Ср., напр.:

КУПУВАТЬ ... *Так отó и жывуть: жывуть ни горюють, хліба ни купують* (Куш.). БУСОРЬ ... – *Какие вы знаете пословицы или поговорки? – В на́шэй станы́ци рáзни выражэ́ння употрыбляють: и шутлы́вы, и з насмішкою: чи ты чу́ла, чи ны чу́ла, як до тэ́бэ гопоті́в, чі́риз чэ́ртову соба́ку, чі́риз бусарь полыті́в* (Новомалорос.). КОЗА́ ... *Кóзы? Е така́ пры́каска: в но́си ко́зы ночува́лы* (Пашк.).

Для носителей кубанских говоров характерно в процессе рассказа о своей жизни переходить на песню, соответствующую их эмоциональному состоянию:

МАНЭ́НЬКИЙ ... *Дытэ́й на́до воспытува́ть, покы́ воны́ малі́. Ще е така́ пісня: «Ой, нэ́нько моя́, а я ж до́чка твоя́, тоді́ було́ бы́ты, вчы́ты, як манэ́нка була́»* (Дин.). НАСИ́ННЯ ... *Я ще малá була́ и спивáла: «На горóди бузина́, шей чэ́рнэ́ насі́ння, а хто мэ́нэ́ поцылу́е, заслу́жэ́ спасі́ння»* (Старомыш.). СЕРЕ́ДА́ ... *Ну я вспóмныла пэ́сню: «Я в сэ́рэду роды́лэ́ся – бу́дэ́ міні́ горэ́. Ни пиду́ я за*

старого: боро́дою ко́лэ» (Полтав.). ЧУ́НИ ... – Что такое чуни? – Чу́ни? Щас заспива́ю: Ой вы чу́ни, мои чу́ни, шоп соба́кы ны почу́лы! (Челбас.).

Зарегистрированные в рассказах информантов «включения» фольклорной речи в диалектную, а также «переключения» с диалектной речи на фольклорную и наоборот служат убедительным подтверждением тезиса об их тесной генетической связи, основанной на том, что исторически фольклор и диалект имели одних и тех же носителей.

Воспроизводимые носителями говоров диалектные ПТ относятся к различным фольклорным жанрам. Это пословицы, поговорки, прибаутки, частушки, присказки, загадки, строчки из народных песен, тосты, дразнилки, гадания, заговоры, а также народные приметы. Отдавая особое предпочтение ПТ при формировании иллюстративной зоны словаря, мы принимали во внимание то обстоятельство, что фольклор Кубани, обладая очевидной самобытностью, испытал заметное влияние украинского языка и украинской культуры, что особенно наглядно проявилось в паремиологии и в песенном искусстве. Учитывая этот факт, мы не использовали фольклорные произведения как источник словаря, в который помещались слова и ФЕ, функционирующие в разговорной речи носителей кубанских говоров. Диалектные ПТ, в состав которых входят диалектизмы, включались нами в словарную в качестве дополнительных иллюстраций к лексикографируемым ЛЕ, подтвердившим своё существование в бытовом общении информантов:

ПЫ́КА ... А вин як даст ёму́ в пы́ку (Цибанобал.). Прóсэ пы́ка чэрэвы́ка, та нэ як нэ вы́просэ (Марьян.).

В словарную статью помещались и такие иллюстрации, в которых лемма находится за пределами ПТ. Оправдательный пример такой словарной статьи является своеобразным «текстом в тексте»:

ПОГОРДЫ́ТЬСЯ ... Вот то́жэ така́я пёсня, шо пагарды́вся ей, шо ванá, мол, плаха́. Паéхал в Росси́ю, «другую́ найду́, абъйй́хал Росси́ю и тры гарада́, ни найшо́л я кра́ше, як та сирота́» (Твер.). ~ ПОХВАТА́ТЬ В ОДНУ́ РУ́ЧКУ. ... Ма́ма в калхо́зи. А систра́ гавары́т: «Ну, ско́ра абéдать будим? Люп, ско́ра

абéдать б́удим?» А ванá стáнэ так ат сóнца, як тень – знáчить (часóв жэ ни булó), знáчить ужэ абéт. Нáда абéдать. Налъём так у чáшку шо, и шоп ктó-та пёрвы́й – нет. Раз, два, тры – пахватáлы в адну́ рúчку, да и всё. Хто успéл. Гаваря́т: ни успéл лóшку взять, в чáшки дóнышка видáть (Нижегород). СТАРДÓМ ... Вот я часту́шки пéла: «Рáньшы бы́ла харашо́, щасли́вае дéцтва. А типéрь мы пастарéли, куда́ ш нам дéцца?» В стардóм (Михайл.).

В таких случаях ПТ не участвуют в семантизации леммы, их предназначение состоит в том, чтобы создать общий этнокультурный фон словарной статьи,

Содержащийся в ПТ смысл может поясняться носителем диалекта. Эти комментарии, представляющие собой часть иллюстрации и обладающие важной информативной значимостью, также помещались в словарную статью. См., напр.:

ВÓВНА́ ... Ищé поговóрка такá: хоть клок, хоть вóвна, як бы кышка́ пóвна. Цэ такóго значéния: шо естэ йи́сты, нэ пэрэбырáй и б́удэш сы́тый (Старотит.). ПОБА́ЧИТЬ ... Ще такá послóвыця е: «Сказáв слипый́: побáчим, сказáв глухый́: почу́им». Цэ дiло бызнадéжно, ни́чэго и ждaть (Новомалорос.). СМАЛЫ́ТЬ ... Свынни́ ны до порося́т, ёсли йии смáлють. Цэ чéловику ны до когó нымá дiла, колы́ ёго здóрово боля́чка прыдавы́ла (Новомалорос.).

ПТ могут помочь диалектологу при семантической разработке диалектного слова. Приведём примеры семантизации диалектных единиц, которая проводилась с опорой на ПТ. Так, прилагательное *поспé(и)лый* входит в бытующую на Кубани поговорку *мрут / у(в)мирают(ь) не старí, апоспé(и)лы*. ЛЕ *поспé(и)лый* широко употребляется в местных говорах в значении ‘спелый, зрелый (о плодах)’, зафиксированном еще Словарём Академии наук 1847 г. [СРНГ, 30, с. 201]. Однако эта ЛЕ может функционировать и в других значениях, выявить которые помог анализ употребления слова в составе ПТ. Составители сборника «Рушничок на колышке ...» приводят поговорку с этой ЛЕ: *мрут не поспiли, а постигли*, предлагая следующий дословный перевод: «Умирают не созревшие, а успевшие (подошедшие)». И далее: «Говорят часто во время похорон молодых людей» [Алмазов, Пукиш, 2004, с. 68]. Предложенное толкование не совсем

точно. *Постыглый* в данном случае актуализирует значение ‘настигнутый’ (ср. укр. глагол *постигати / постигти* ‘1) Созревать, созреть. 2) Поспевать, поспеть, быть готовым. 3) Настигать, настичь, придти. 4) Успевать, успеть. 5) Холодать, похолодать [Гринченко, III, с. 370]), Итак, смерть настигает человека независимо от его возраста, поэтому *мрут не поспілі, а постигли*, где *поспілі* ‘старые, дряхлые’, а *постигли* ‘настигнутые смертью’. Зарегистрированная нами поговорка *вмирають(ь) не старі, а поспілы* обладает двояким смыслом. Её можно понимать так: ‘умирают не старые, а дряхлые’, то есть *поспілы* обозначает ‘дряхлый, очень старый’ (этот ЛСВ отмечен и в СРНГ с пометой Р.Урал [СРНГ, 30, с. 201]; см. также *спёлый, спёлые годá* в аналогичном значении [СРНГ, 40, с. 130]). Возможна и другая трактовка: ‘смерть настигает человека независимо от возраста’. В этом случае у ЛЕ *поспілы* обнаруживается локальное значение ‘проживший отведённый ему свыше срок’. Приведём актуализацию его в высказывании информанта: *Брат и нэстарый ще був, а умэр. Як кажуть: вмирають не старі, а поспілы* (Старомыш.).

Рассмотрим другой пример. У глагола *казать* в кубанском диалекте, как и в некоторых южнорусских (воронежских, курских, орловских, тульских) говорах, помимо ЛСВ с интегральной семой ‘говорить’, отмечен ЛСВ с интегральной семой ‘петь’ [СРНГ, 12, с. 313]. Благодаря записанной нами присказке *парубкы казали, а дівчины спивали* у диалектного глагола *казать* выявлен оттенок значения, не зафиксированный в СРНГ, – ‘о мужском пении’. На существование гендерных различий в тематике песен и в манере их исполнения обращали внимание наши информанты. Так, близкая подруга автора В.В. Ганыч запомнила слова своей бабушки – Н.И. Мамай, 1920 г.р., коренной жительницы ст-ы Полтавской. Вспоминая о своём детстве, Н.И.Мамай, рассказывала, что во время обряда колядования *казала* только *парубкóвые* песни, потому что других песен просто не знала (в девять лет она потеряла обоих родителей и воспитывалась старшими братьями, которые и научили её *казать парубкóвые пісни*).

Приведённые примеры подтверждают значимость ПТ для региональной лексикографии, поскольку обращение к ним предоставляет исследователю уникальную возможность глубже познать внутренний мир диалектного слова и «высветить» его семантический потенциал. На эту особенность произведений устного народного творчества, подчёркивая их ценность для диалектного словаря, указывал Ф.П. Сороколетов, справедливо считавший, что в фольклорных текстах «слово предстаёт в словесном окружении, дающем возможность точнее представить его семантическое значение» [Сороколетов, 2011, с. 124].

ПТ часто являются базой для образования ФЕ. Так, докучная сказка про белого гуся трансформировалась в ДФЕ *сказка про белого гуся* (ср. с лит. синонимом *сказка про белого бычка*). В этих случаях ПТ предстают в словарных статьях в свёрнутом варианте – в виде ДФЕ.

Промежуточное положение между ФЕ и ПТ занимают номинативные фразеологизмы-предложения, представляющие собой образные и выразительные эквиваленты слов, что сближает их с фразеологизмами-словосочетаниями (см., напр.: *без сту́ку, без грю́ку, перевезли́ как су́ку* ‘тихо, незаметно’, *при ца́ре Митро́хе, колы́ людéй було́ тро́хи* ‘очень давно’, *за ца́ря Панька́, когда́ земля́ была́ тонка́* ‘очень давно, в старину’ и др.). Равные по структуре простым или сложным предложениям по форме они больше тяготеют к ПТ. Отдельные номинативные фразеологизмы-предложения могут употребляться и в редуцированном виде, превращаясь в устойчивые словосочетания: *без сту́ку, без грю́ку, при ца́ре Митро́хе, до ца́ря Панька́*. При выборе оправдательных примеров для номинативных фразеологизмов-предложений, в которых они выступают как часть предложения, предпочтение отдавалось тем иллюстрациям, где максимально раскрывается значение ДФЕ. См., напр.:

~ **ВО́В(Л)КИ** **ВО́ЮТЬ**. ~ **ВО́В(Л)КЫ́** **ВЫ́ЮТЬ**. *презр.* О заросшем, запущенном огороде, саде. *Круго́м бурья́н, аш во́вки во́ють* (Тенг.). *У нас есь поговóрка. Раз зарóс горóт, ка́жуть: «Там у ни́х ужé во́лки вы́ють»* (Старотит.). ~ **ХОТЬ** **ВО́В(Л)КЫ́В** **ГО́НЯЙ**. О холодном помещении. *В ха́ти хо́лодно: хоть вовки́в гоня́й* (Новодерев.).

Зарегистрированные в речи носителей кубанских говоров ПТ отличаются тематическим разнообразием. Так, мировоззрение носителей диалекта раскрывается в текстах философского содержания, отражающих универсальные категории бытия. Приведём некоторые из них.

Рождение и смерть человека

ГОДЫ́НА ... *Смэ́рть да роды́ны нэ ждуть го́дыны* (Пласт.). ДОМОВЫ́НА ... *Я вжэ постары́лась. Кажу́ вну́чки: «Хибá ты ны ба́чиш, якá я старá. Мини́ в домовы́ну ляга́ты порá». Е така́ пи́сня* (Елиз.). ЗАСТРАШИ́ТЬ ... *Смэ́ртью мэ́нэ нэ застрашы́ш. Ой, дивча́та, щас така́ жы́сть, шо бо́йся жы́ть, а нэ вмэра́ть* (Пашк.). ЗАХОВА́ТЬСЯ ... *Од смэ́рти, дивча́та, нэ захова́ишся* (Вышестебл.). ПОКЫ́ ... *Бох ду́шу ны ви́зьмэ, покы́ вонá самá ны вы́лытэ* (Пашк.). ТРУНА́ ... *Ски́кы нэ жы́вы, а грóшэй нэмá на труну́* (Елиз.). *Шо за смэ́рть ду́мать: труну́ впрок ни гото́влять* (Дин.).

Жизнь и доля

ВАЖКЫ́Й ... *Такá в мэ́нэ тяжо́ла жы́сть, дивча́та. Я сыро́та, муж погы́п, ди́ток нэмá. Як у то́й пи́сни: «Важка́ ж моя́ ги́рка до́ля, знать така́я Бо́жья во́ля»* (Елиз.). ЖИСТЬ ... *Жы́сть прожы́ть – ни по́ле пэрэйти́». Так ы́ в мэ́нэ: трудо́на жы́сть, така́ тяжо́ла жы́стя бу́ла* (Бриньк.). ЗАВСЕГДА́ ... *Я рыву́, а ба́бушка ка́жэ: «Ни рыви́: за чэ́рным днё́м завсигда́ кра́сный бува́»* (Бород.). ЛУ́СКА́ ... *Казáк нэ биз до́ли, ры́ба нэ биз лускы́* (Дин.).

Свобода и воля

КОЗА́ЧИЙ ... *Ще на́шы диды́ каза́лы: «Хочь жы́знь соба́ча, зато́ во́ля коза́ча». Во́ля – цэ́ для козака́ са́мэ гла́внэ* (Дин.). СОБА́КА ... *Тот соба́ка, шо би́гает на во́ли, тот и лу́чче* (Старомыш.). СТЕП ... *Ще стары́кы каза́лы: «Стэп та во́ля – коза́цька до́ля»* (Елиз.).

Вера в Бога, православное отношение к Вселенной

ВИДТИ́ЛЯ ... *Бох нэ ты́ля – побáче и витти́ля* (Старомыш.). КРЫ́НЫЦЯ́ ... *Ски́льке ны палива́й из крыны́ци, то́го ны бу́дэ, шо звэ́рху Госпо́дь насы́лае* (Шев.).

Пространство

ВИКНО́ ... *Рáньшы дўмав, шо оцэ всэ и йисть, шо в станы́ци, а раз поі́хав з батько́м в го́рот, та як подывы́вся, так ы дыву да́вся: сті́ко всёго. Да, ны ті́кэ свит, шо в викні́, и за викно́м ще бі́льшэ (Старомыш.).*

Время

ТРО́ХИ ... *Цэ було пры царé Митро́хе, колы́ людэй́ було́ трóхи (Елиз.). ЩЕ ... – А по́мниш, как мы в де́цтви на кры́шу ла́зили, а дет нас ганя́л? – Та ты ще вспóмни, шо бы́ла да царя́ Панька́, кагда́ зимля́ была́ тонка́ (Пашк.).*

Осмысление и оценка прошлого, настоящего и будущего

БА́ЧИТЬ ... *Жылы́ диды́ – ны ба́чили биды́, бۇдутъ жыть вну́кы нэ обэ́рэшя му́кы (Старомыш.). ЗА́РАЗ ... За́раз и рак – ры́ба (Вышестебл.). ЙИСТЬ ... Шас така́ жызнь. Диды́ кы́слэ йі́лы, а у вну́кив оско́ма на зубáх (Дин.). ЛЯКА́ТЬСЯ ... Рáньшы вовко́в ляка́лысь, а щас – людэй́. (Черноер.). ПОБА́ЧИТЬ ... Шо бۇдэ – побáчим, а шо було́, вжэ ба́чили (Старотит.).*

Причина и следствие

ГА́РНЫЙ ... *Дóбра ры́пка – гáрна ю́шка (Старотит.). ГРЯЗЮ́КА ... Грязю́ка ни са́ла: памы́л – ацта́ла (Пашк.). ДЕ ... В шы́сят дэ́вятом году́ було́ наводне́ние: пив-Тимрю́ка залы́ло. Ну дэ вода́, там и бидá (Темрюк). ГУЗНО ... Ба́бушка мая́ гаварі́ла: «Шо зрóблэно у гузні́, нэ пэрэ́робыш и у ку́зни» (Пашк.). НАСИ́НЯЧКО ... Якé кориня́чко, такé и насиня́чко (Батур.). НЕМА́ ... Ума́ нымá, щитáй кали́ка (Марьян.). РАЗВО́ДЫТЬСЯ ... И в на́шэ врэ́мя разво́дылысь: од бычá ушла́, от калачá ны ушла́ бы (Ахтаниз.). ХМА́РА ... Дошү́ бэз хма́ры нэ бува́е. На всэ е прычы́ны (Дин.). Ю́ШКА ... Дэшо́ва ры́пка – пога́на ю́шка (Вышестебл.).*

Старость и болезни

БОЛЕ́ЗНЯ ... *Пражы́ли пи́сят пят лет. Мнóга. Ну што зде́лаиш: балэ́зня никаво́ ни кра́ситъ. Во́сим лет я за нím (за мужем) праухáжывала, я паиті́ ни спала́ (Перед.). ПЕРЕВЕРНУ́ТЬСЯ ... Стары́й чёлови́к – цэ больны́й. Сама́ оста́лась, сама́ горóт обробля́ю. Я пэрэ́вэрну́сь, а трут жэ ш жалко́ (Старотит.).*

Внешняя и внутренняя красота человека

БОЛТУХ ... На лічка как яйчка, а в сирётки – бóлтух (Андрюк.).
 ГАНЧІРКА ... Кáжуть: красівой дівки хорошó и в ганчірки (Новопавл.).
 НАРА́ВЫТЬСЯ ... Нэ славыця красáвыця, а шо кому́ нара́выця (Пашк.).

Любовь

А́БЫ́ ... Выхóдыть зáмиж, дивчáта, náдо по любви. Ну и шó, шо вин нэбогáтый. Як кáжуть: хоть на камышы́ абы до душы́ (Старомыш.). БА́ЧИТЬ ... Я чáсто спра́шывала: «Бабúся, ты миня́ любиш? А анá: «Як нэ бáчу – душá мрэ. Як побáчу – з душы́ прэ» (Прикуб.). ДРОБЫ́ТЬ ... Ой, подру́га, дробы́, дробы́, а тó ябúду дробы́ть! Ой, подру́га, любы́ Кóлю, а тó я бúду любы́ть (Ленинград.). ОТРИЦА́ТЬСЯ ... Вот бы́ла чисту́шка: «Я калхóзница, ни атрица́юсь я. Я любы́ть тибя́ ни сабирáюся» (Сувор.).

Отдельную группу составляют ПТ, отражающие принятые в данном диалектном сообществе морально-этические нормы. Народная афористика представляет собой «своеобразный неписанный моральный кодекс народной жизни, пронизанный заботой о создании высоконравственной личности» [Прокошева, 1988, с. 9].

Тексты, утверждающие важность для человека иметь собственный дом

ЗРУ́ЧНО ... Як кáжуть: в чужóй хáти нэ зру́чно и прясты́ (Пашк.). КАТ ... Вин казáв: «Нэ пиду́ приймако́м жыть: чужá хáта ху́жы кáта» (Дин.). ЛОБОДА́ ... Внук як жыны́всь, я казáла, шоп вин стрóбився, мы з дй́дом помóжым. Знáйтэ такú писню: «Зробы́ хáту з лободы́, а в чужу́ю нэ вэды́. Бо чужáя такáя, як свэкру́ха лыхáя» (Пласт.). РИ́ДНЫЙ ... Як кáжуть: своя́ хáтка – ридна́ мáтка (Копан.). СВЕКРУ́ХА ... Ой, дивчáта: чужá хáта такá, як свыкру́ха лыхá (Елиз.).

Тексты, отражающие отношение к браку и отношения в браке

ВИВЦЯ́ ... Бúду сы́ва як вивця́, но нэ пиду́ за вдовця́ (Старомыш.). ГО́ЛКА ... Муш и жына́ – цэ одно́ цэ́лэ. Куды́ гóлка, туды́ и ны́тка (Дин.). ГОРОБЕ́Ц(Б) ... Ну́жно жыны́ця, шоб бу́ла симья́, дй́ты. И горобэ́ць оды́н ны жывэ́ (Елиз.). ДИ́РКА ... Черэвы́к, черэвы́к, якá в тэ́бэ дй́рка! Якый́ сам мужынёк, такá в ёго́ и жй́нка (Брат.). ДО́СВЕТКИ ... Дóсвиткы? Шо́ цэ такэ́? Ось я вам проспивáю:

«Казав міні бацько, шоб я ажыніўся, по дбсвіткам нэ ходыў та й нэ волочыўся» (Старомыш.). ЖИСТЬ ... Жысть была нислаткая, тяжолая. Ни спишыти, дивчата, замуш. Есть жы паслбвица: «Бабы каюцца, дэвки замуш сабираюцца». Я каялась, шо замуш вышла. Как харашо у маме жыть (Твер.). ЗАЖУРЫТЬСЯ ... Хибá ны выдно, хто нэжынатый – лычко билэнькэ, чупчик патлатый, хибá нэ выдно, хто ажыніўся – скорчився, змбрцився и зажурыўся (Старомыш.). ЗАМИЖ ... Ой! дивчата: выйты замиж ны напáсть, яг бы замижом ны пропáсть (Старотит.). ИНДЫК ... Осъ, я вам заспивáю: «Мужык пропыв индыкá – жинка хбдэ трындыкá» (Нововелич.). ПОКРОВА ... Прыхбдэ Покрбва, дивка рэвэ як корбва. Пот Покрбв обычно свáтали дэвушэк. И рэвэ та дэвушка, котбра остáлась нэзасвáтанной. Цэ щитáлось позбром (Старомыш.). СТАРЕЦ(Ь) ... Хочь за старця, лыж бы нэ остáця (Елиз.). Ббду сыва як вивця, но нэ пбду за старця (Старотит.). ТРББА ... Идэш замиж – знай, шо трбба пбзно лягты, рáно встáты. А щас... (Серг.). ЧБЛОВИК ... Ныма чбловика – купыла бы, а е – продалá бы (Старотит.).

Тексты, отражающие взаимоотношения детей и родителей, вопросы воспитания

ГАРНЫЙ ... Покы воны мали, усй хорбци. Прáвду кáжуть: гáрна Горпына, пока дытына. А пбвыростáють, так куды шо дивáция. Вжэ нэ такы хорбци (Елиз.). ДЫХАТЬ ... Мали дбты спáть ны дабуть, а здорбви дыхáть ны дадбуть (Старотит.). КРОВАТЬ ... Дытыну воспбтуй, покы попэрэк крбвати лэжыть (Старотит.). МАНЭНЬКИЙ ... Дытэй нáдо воспбтувать, покы воны мали. Ще е такá пбсня: «Ой, нэнько моя, а я ж дбчка твоя, тодб було ббты, вчбты, як манэнька булá» (Дин.). МАТЫ...Мáты однобю рукбю бье, а другобю глáдэ. Вонá и поругáе за дбло, и пожалие (Дин.). Дивчата шьють и спивáють, а мáтэ порэ и плáче (Старомыш.). НАСБНЯ ... Бáцько пыв, и вин пье. Отб и кáжуть: якы корбнья, такы насбння (Дин.). ПРОГУЛЯТЬСЯ ... «Мамáша срáзу дагадáлась, што дочь абмáнута булá. Идб, идб ты, дочь раднáя, где нбчку тёмную булá!» Видити? Тбжэ старынная пбсня. Вот видбши: прагулялась дбчка – и идб! Выганяетъ мать (Твер.). ~ ЯК СКЛЮ. ... Прáильна гаварят: «У якбй мáтэри

сбвисть як склб, у той и сын харбш» (Брат.). ЦУЦЕНЯ... Дождалась сучка помочи: сама лыжыть, а цуцынята гавкають. Цэ як диты пидраслы да сталы помогать (Новомалорос.).

Тексты, отражающие особое отношение к материнству и детям

БАБУНЯ ... Бабуня наша часто казала: «Диты до врэмя – внуки до гроба» (Старомыш.). ДЕТЫНКА ... Ищэ така поговорка була часто, и нэ то, шо там мама, а други люды казали: «Мини надо яйцэ, мясцэ, сальцэ, бо у мэнэ дэтынка сосэ» (Старотит.). ДЕТЫНА ... Кажуть люды: колы мала дытына падае, Бох иши солбмку пидстилае (Новомалорос.). ЖИНКА ... Жинка шо торба: шо полбжыш, то и нысэ. Цэ значит, шо хто родыця: хлбпэц чи дивка, – цэ од жэнишыны ны завысыт (Старомыш.). ЗРИМНЯТЬСЯ ... Жыла в чужых людэй, а воны хочь и хорошб до мэнэ относылысь: ны былы, иисты давали, а фсэ ш такы ридна дытына з чужбй ны зримняйиця (Брат.). КАВУН ... Я кажу внуки: «Рожайтэ дитэй! Хата бэз дитэй шо кавун бэз мякоти» (Елиз.). МАТЫ ... Маму нхто заминить ни смбжыт, дивчата. Нимае у тэбэ маты, нима тоби свиту (Бород.). РИДНЫЙ ... Но диты ны тэ, шо ридна матэ (Новомалорос.). ЧЁЛОВИК ... Я вам, дивчата, так скажу: чёловик нэ на ви́к, а диты до гроба. Диты – цэ для жэнишыны самэ гла́внэ (Старомыш.).

Тексты, отражающие семейные, родственные отношения

ВИДТИЛЯ ... – Хтось усравсь? – Нывистка. – А дэ вона? – Та вивци пасэ, а виттиля вйтэр нысэ (Старотит.). ДОЧКА ... Дочка кажэ: «Ма, идыть до нас жыть». А я нэ хочу до их итты: лучшы быть у сына за столбм, чим у зятя пид столбм (Марьян.). КАЖНЫЙ ... Кажна хата своим горим напхата (Вышестебл.). КИСТКА ... Нэвистка – чужа кистка. Цэ значит, шо чужа дытына, чужбй кбсти дытына, нэ твоя, всэ равно будэ нэ родня (Старотит.). ПОКЫ ... Ще мама наша казала: покы дида, покы и хлиба. Цэ значит, шо колы есть в домй муцина, симье лучче жывэця, ужэ вона голодувать ны будэ (Старотит.). СГАДАТЬ ... Як нэ илы пивдня, то нэ згадувала ридня. А як прыйшов обид, так згадав увэсь рид (Елиз.).

Тексты, отражающие отношения между людьми

ГОДЫ́ТЬ ... *Вот так я усім годы́ла, усім робы́ла* (Вышестебл.). ОГУ́ДИТЬ ... *Ось я вам пра папа́ Якава раскажу́. Вин так каза́в: «Ни грэх ку́шать у по́ст, а грэх чилаве́ка агу́дить»* (Бород.). ПІ́ШКИ ... *Ра́ньшы вовко́в ляка́лысь, а щас – людэ́й. Мы ра́ньшы до Сла́вянска ходы́лы пішкы* (Черноер.). ТРЕ́БА ... *На про́шынного го́стя бога́то трэ́ба. Раз прыгласы́лы гостэ́й, то стил на́до бога́то накры́ть* (Елиз.).

Тексты, освещающие правила ведения хозяйства

ДБАТЬ ... *Як ка́жуть: «Май – дбай, ию́нь – хош плюнь».* Цэ зна́чить: *в маю́ хорошо́ раба́тай, а в ию́ни мо́жно оддыхну́ть* (Старомыш.). *Прыде́т май – корм дбай* (Елиз.). *Воны́ хорошо́ жы́вуть. Сы́ну машы́ну купы́лы. В йих тры тэпльы́цы, пчэ́лы. Ну хто дба́е, тот и ма́е* (Елиз.). ДЕ ... *Зима́ спросэ́, дэ лі́то було́* (Старотит.). ЗРА́НКУ ... *Если начинáе дождь зра́нку, надивáй дра́нку, э́сли з обид, то запряга́й и до до́му идь* (Брат.). НАДБА́ТЬ ... *Нас прыучáлы к раба́ти, шоб мы могли́ надба́ть на зыму́, загото́выть на зі́му. Если як надба́йши, та́к ы поисы́* (Крыл.). РУБА́ТЬ ... *Лі́том рубáй дрова́, а зымо́й бу́дэ трава́* (Елиз.).

Тексты, отражающие отношение к труду

ГУ́ЗНО ... *Як бы нэ ро́т и гу́зно, то и робы́ть нэ ну́жно* (Старомыш.). ДО́БРЕ ... *На Кубáни до́брэ жы́ть: оды́н ро́бэ, сим лэ́жы́ть. А як со́нцэ прыпы́чэ, и послі́дний уты́чэ* (Дин.). ЖНІ́ВА ... *Жнива́ пайдۇ́ть – ба́бы э́ли жы́вуть ... Со́нцэ на нибисá – ба́ба на жнива́* (Некрас.). ОБРОБЫ́ТЬ ... *Иду́ с сапо́ю, наморы́лась. А сусі́тка: «Дэ ты була́?» Кажу́: «Зо́я, есь така́ пісня: тры горо́да обробы́ла, одна́ ды́ня уроды́ла – гуляю́ я»* (Вышестебл.). ПЕРЕРОБЫ́ТЬ ... *Усэ́й раба́ты нэ пэрэ́робыш* (Марьян.). РОБЫ́ТЬ ... *Пра́знык цэрко́вный, так ны́чэго нэ робы́лы, ны́ззя було́ робы́ть. Но нэ всі́ пидчиня́лысь. Був у станы́цы Мыко́ла Журы́ло, цэ́й Мыко́ла каза́в, шо робы́ть нэ грі́х, а нэ робы́ть – гріх* (Старовелич.). СПО́РТЫТЬ ... *«Трут чило́віка нэ спо́ртыть», – каза́в нам, ді́тям, ба́тько* (Старомыш.). ТРУПЯ́К ... *От пры́скаска у на́с така́: «Бох любэ́ трупяка́, а раба́та – дурака́»* (Ахтаніз.). ШУКА́ТЬ ... *Кто хо́чит – тот ро́бит, кто ни хо́чит – тот пры́чину шука́ит* (Спок.).

Тексты, отражающие социальную справедливость и несправедливость

ДО ... *Власть всигда да багáтых рыла ворóтэ* (Куш.). ЗÁМИЖ¹ ... *Жылы бідно. Ну нычэго в нас ны булó. Мы як жынылыся, люды казáлы: гóре жынылося, нуждá зáмишшла* (Пашк.). РОБЫ́ТЬ ... *Тоді у кулако́в рабо́тныки булы. А тыпэ́р хто рóбэ, той и ку́ша* (Старомыш.). ХУДО́БА ... *Для худóбы биднякá дарóга на пóле вузкá. Цэ знáчит трудна жыть бідным лю́дям* (Бород.).

Тексты, освещающие правила торговли, товарно-денежных взаимоотношений

БАЗА́РЬ ... *Базáрь цэ́ну ска́жэ* (Пашк.). ХОЧЬ¹ ... *Дэ́них ны дава́лы, трудодэ́нь писáлы: «Трудодэ́нь, трудодэ́нь! Дáйтэ хлї́ба хочь на дэ́нь»* (Новотит.).

Тексты, отражающие отношение к пище

А́БЫ́ ... *А я гаварю́: «Как назва́л, так назва́л, абы́ абéдать пазва́л»* (Новопокров.). БУТЬ ... *Був бы хлeп, а щáстте прїде* (Желез.). ВО́ВНА́ ... *Ицэ́ поговóрка такá: хоть кло́к, хоть во́вна, як бы кышкá пóвна. Цэ́ тако́го значéния: шо есть йїсты, нэ пэрэбырай и будэши сы́тый* (Старотит.). ВЫБАЧА́ТЬ ... *Дивчáта, ку́шайтэ варэ́ныкы: йїштэ, умочáйтэ та другэ́ выбачáйтэ* (Старомыш.). ЙЙ́СТЫ ... – *Дай мэні йїсты. – Да нідэ сісты* (Нововелич.). КУТО́ЧОК ... – *Дивчáта, сидáйтэ обїдать. – Спасибо, мы уже обедали. – На хоро́шый кусóчэк найдэ́ця кутóчэк* (Старотит.). НЕХА́Й ... *Чим добру́ пропадáть, ныхáй лүчышы пу́зо лóпнэ* (Старотит.). СНІ́ДАТЬ ... *Як кáжуть: «Снідалы, обїдалы – раз йїлы»* (Старотит.).

Тексты, отражающие отношение к алкоголю и пьянству

ЛА́ВА ... *Пья́ному и пид лáвой богáто мїста* (Старомыш.). НИКО́ЛЫ ... *Пья́ный проспї́ця, а дура́к никóлы* (Елиз.). СПІ́НА ... *С пїва балїть спїна, с мёду – галава́* (Лаб.). ХОЧЬ ... *А горїлка як хоро́ша дївка – хочь кóго з умá звидé* (Старомыш.).

В представленных в словаре ПТ находит отражение негативное отношение носителей говоров к отрицательным качествам человека. В них высмеиваются и осуждаются глупость, излишняя болтливость, лень, жадность, недалёковидность, изнеженность, трусость, супружеская неверность:

АЛА́ ... *Нет ума́, хучь тада́ крычи́ «ала́»* (Отваж. – дШ.). БА́ЧИТЬ ... *Тю!*
Вин ба́че за лісом, а ны ба́че тид нісом (Старотит.). ВУХО ... *Смишно́ дураку́, шо*
вўхи на баку́ (Усть-Лаб.). ~ ГУЛЯ́ТЬ ЯК ПЁС. ... *Вин гуля́л як пёс, по всім дворам*
хвостом виля́л (Бриньк.). ДЕ ... *Тобі дэ сіро, там и вовк. Цэ ка́жуть таму́, шо*
вин пуглы́вий. Усёго бо́иця. Всэ ёму́ ка́жыця стра́йнэ (Новомалорос.).
 ЛЕДА́ЧИЙ ... *Сыды́, Вэ́кла, ще ны смэ́ркло. Цэ ка́жуть на лыда́чу ба́бу, шо всэ*
врэ́мя нычэ́го ны ро́бэ, а сыды́ть на ла́вочки до ві́чира (Елиз.). ЛО́ДАРЬ ...
Лодарю усэ́гда пра́знык (Елиз.). ЛЮДЫ́НА ... *Жа́дна люды́на сваім хлі́бам нэ*
пади́лиця (Цибанобал.). МЛЫН ... *Млын мэ́лэ – мука́ бу́дэ, язы́к мэ́лэ – лы́хо бу́дэ*
 (Старомыш.). НЕМА́ ... *Ума́ нымá – щитáй кали́ка* (Марьян.). ПИ́ВЕНЬ ... *Сказáв*
півэ́нь ку́рыци, а вонá всий у́лыци (Старомыш.). СПА́СИВКА ... *Погáному*
порося́ти и в Спа́сивку хо́лодно. Спа́сивка – цэ пра́знык в а́вгусти мэ́сяци: жарá, а
хтось всэ замырза́е (Новомалорос.). ТИ́КО ... *Тётя пакóйна каза́ла: «Дураки́ всю*
жись тика́ свае́й ду́рю и украша́юцца» (Куш.). Ю́ШЕЧКА ... *Як ка́жуть: сама́*
варэ́нычкы йисы́, а нам ю́шычки дасы́. Цэ так ка́жуть про жа́дну люды́ну
 (Старомыш.).

ПТ, в которых отмечаются положительные качества человека, в иллюстративных материалах немногочисленны. Одобряются трудолюбие, выносливость в работе, покладистость, умение находить с людьми общий язык:

ДВУЖИ́ЛЬНИЦА ... *На мэ́нэ каза́лы двужы́льница: нэ і́ст, нэ пьэ́, нэ сэ́рэ*
– тикэ́ ро́бэ (Ленинград.). ТЕЛЯ́ ... *Я кажу́: «Ны ругáйся со свыкру́хой: покі́рливэ*
тыля́ двух ма́ток сосэ́» (Старотит.).

В словаре зафиксированы ПТ, в которых проявляются языковая рефлексия диалектоносителей, их восприятие представителей других народов и социальных групп. Эти ПТ приводятся в шестой главе.

В ПТ проявляются также эмоциональные состояния человека: ГОЛО́ТА́ ...
А мы ра́ди: разгуля́лась голота́, аж лохмо́тья отлита́ (Ленинград.). ЗАЛЁ́ТКА ...
Висила́ я, висила́. Висили́ла два сила́. А из трэ́тьива сила́ сибé залётку завила́. – А
кто такой залётка? – Ухажо́р или как жыні́х (Родник.). НЕМА́ ... *В компа́нии*
знали, шо Анто́н пьэ́т то́лько во́тку. А пел он вот э́ту пі́сню: «Шо за хозя́ин, шо

за Хома! Пригласив у гости, а выиыть нэма» (Пашк.). ОСОКА́ ... Дядько любыв спивать, як гости собыруця: «Зэлэное жыто, зэлэнэ, хоробые гости у мэна. Зэлэное жыто, осока, прэйихалы гости здалэка» (Петров.). ТАНКА ... Я помню по мамыных расказах, вин выходыв на улыцю и спивав: «Ой! Кубань ты моя хлиборобная! Хлеб за танку оддала – сама голодная!» (Слав. н/Куб.). ТЕЛЯ́ ... Тобі надо расказаць, а мині ніколы. Надо хлеб пакты и по тыля пойти, и як бы мині и Васыля найты. Шо тобі ище расказаць? (Полтав.). ХОЧЬ¹ ... Деніх ны давалы, трудодэнь писалы: Трудодэнь, трудодэнь! Дайтэ хлеба хочь на дэнь (Новотит.). Я мно́го чистушык знаю: «Выйду, ма́ма, за цыгана. Хочь родная мать убей. Карты в руки, шаль на плечи – и обманывать люде́й» (Полтав.).

Отдельную группу образуют ПТ, представляющие собой советы на различные случаи жизни, основанные на народной мудрости и проверенные опытом нескольких поколений.

ГАРНЫЙ ... Вона була гарна дівчина, а замиш нэ вышла. Отó так, дивчата: нэ родыся красна, а родыся щасна (Бород.). ГРЕБОВАТЬ ... Ни грёбуи тем, шо ад душы (Бол. Бейс.). ДУРЫ́НДА... Вот дурында, иё нада в мак посадить, шоб ума набралася (Пашк.). ЖИ́НКА ... Хлопцы, пыть нэхорошо. Ще старикы каза́лы: «Дэржы, казак, в руках жынку, а нэ рюмку» (Елиз.). Любы жынку як душу, а трясы як грушу (Дин.). ЗАГУБЫ́ТЬ ... Ще буся наша каза́ла: «Найшов – ны радуйся, загубыв – ны плачь» (Старотит.). ЙИ́СТЬ ... Солóму йиш, а хвист трубой дэржы. Яг бы ты ны був бідэн, а ны показуй цёго (Старомыш.). КОВА́ЛЬ ... Зять взявся машынку стиральну пачинить, та ни пачинив, а даламал. Ни каваль, так ы рук ни пагань! (Пашк.). КРЫ́НЫЦЯ ... Люды кажутъ: «Ны погань крыныци – самому згодыця» (Дин.). КУПЛЯ́ТЬ ... Самое главнэ, од говорять як старыйи люды: «Нэ купляй хату, а купляй сосидэй» (Ахтаниз.). ЛА́ЯТЬ ... Вітэр лаять низя. Ни вітэр, ни дощ (Новопавл.). ЛЯГА́ТЬ ... Лягай з курьмі, дочка, а уставай з пытухамы. Кто рано встал, тому́ Бох дал (Куш.). О́ГНИК ... Ни плюй у агонь, а то о́гники на губах будуть (Кирпил.). РАЗДЯ́ВА ... Нэ сыди на пороги: раздявой будэи! (Пласт.). ~ КАК РЕПЬЯ́Х ЗА КОЖУ́Х. ... Дивчата, диржытися за харобыва му́жа как рипях за кожу́х (Бриньк.). САЖ ...

Не сматри́ на дэ́вку, шо до цэ́рки идэ́, а сматри́, шо да са́жа (Некрас.). СБУДУВА́ТЬ ... *Жыть на́до в сво́ей ха́ти. Вот так: збуду́й ха́ту з лободы́, а в чужу́ю нэ иды́* (Пашк.). СЕРЕ́ДЫНА ... *Я запóмнила, как ба́бушка мая гавари́ла: «Упэ́рэт нэ суйся и взáди нэ волочи́сь – колыха́йся у сэ́рэдыни»* (Пашк.). ШУКА́ТЬ ... *Ще ка́жуть: «Нэ шука́й биду́, вонá тэ́бэ сама́ най́дэ»* (Мал. Бейс.).

Немногочисленны тексты, в которых раскрываются эстетические взгляды носителей диалекта. Как правило, в них отрицаются или высмеиваются качества, не соответствующие народным представлениям о красоте.

~ ГОЛОВА́ ЯК КАВУ́Н ... *А ё́сли у ко́го появи́вся жыных, на́до бу́ло ёго оцыны́ть и сказа́ть подру́гам, то обиза́тэльно прымыня́лось: «Ой, Го́споди! Ву́ха здоро́ви, голова́ як каву́н, нос вопце́ свыня́чий!»* (Семисвод.). ЛУПА́ТЫЙ ... *Вин лупа́тый: в ёго о́чи, як у ра́ка, и вин ры́жый, як соба́ка* (Усть-Лаб.).

ПТ, отражающие казачий уклад, в иллюстративной зоне словаря немногочисленны. Это отчасти обусловлено тем, что во многих них отсутствует диалектная лексика. См., напр.: *Душа – Богу, жизнь – царю, слава – казаку. Казак сам не ест, а лошадь кормит. Казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом. Конь для казака дороже всего. Конь – это душа казака* и др. В словарь вошла полная горькой иронии присказка: *Дид був ко(а)за́к, ди́ты – сыны́ ко(а)за́ч(ь)и, а вну́ки – хвосты́ соба́ч(ь)и* (см. БУТЬ). На основе старинной пословицы *Казáцкому / коза́цькому ро́ду нема́ / нет перево́ду*, появившейся ещё в XVII веке и отражающей первоначально процесс массового показаченья крестьянства и горожан, образовалась многозначная ДФЕ, в которой отражается словесная реакция на радостное известие о рождении мальчика и характеристика положительных качеств человека:

КАЗА́ЦКИЙ. ~ КАЗА́ЦКОМУ РО́ДУ НЕМА́ ПЕРЕВО́ДУ. ~ КАЗА́ЦКОМУ РО́ДУ НЕТПЕРЕВО́ДУ. 1.– *Васи́ль, ты чув, шо Мары́я родила́ позавчэ́ра? – Та ты шо? – Да, ма́льчика найшла́! – О, э́та харашо́. Казáцкаму ро́ду нет пирыво́ду. Адни́м казакóм бо́льшы ста́ла* (Александр. – дЧ.). 2. Характеристика положительных качеств человека. *В нас джыгитóвки на ма́й бува́ють. Хто*

пёрвай прыс вазьмёт, прыятна пасматрэць: казацкаму роду нима пирыводу (Новолаб. – дЧ.).

См. также: БАЙРА́К ... *Казакі, ані паходную, апасную жызнь вилі. Как гаварыцца: где байра́к, там и каза́к* (Пашк.). БА́ЧИТЬ ... *Я зразу догадавсь, шо йшій ба́цько каза́к: каза́к казакá ба́че издалэка́* (Елиз.). ЗАЖУРЫ́ТЬСЯ ... *Ще така́ паслóвыця е: «Як каза́к народы́всь, сатана́ зажуры́всь»* (Дин.). КОЗА́К ... *У козакá и таракáны пáшуть* (Пашк.). КУПУВА́ТЬ ... *Дóброго атама́на выбэра́ють, а нэ купу́ють* (Старомыш.). СПЕВА́ТЬ .... *Есть така поговорка: «Колы́ (когда) казакы́ спива́ють, вóроги пла́чуть»* (Старомыш.). ТРÉБА ... *Е ще така́ паслóвыця: на граны́ци нэ трэ́ба свитлы́ци* (Старотит.).

Многочисленны ПТ, представляющие собой обрядовые и ритуальные формулы. Среди них куплеты песен, частушки, присказки, которые приводились информантами в рассказах о том или ином обрядовом или ритуальном действии. Достаточно устойчивы формулы свадебного обряда. Обрядовые и ритуальные ПТ мы стремились помещать в словарные статьи, посвящённые обрядовой лексике и фразеологии:

ВЫКУПА́ТЬ НЕВЕ́СТУ. ... *Прыходюць выкупáць нивэ́сту, спрашываюць: «Ско́лька сто́ить нивэ́ста?» «Сто рублёй диньга́мы и кабанá с рага́мы»* (Перед.). ~ СТА́РША(Я) ДРУ́ЖКА. ... *Я за дру́шку пóмню: «Стáрша дру́шка ко́са, вы́миняла мишо́к прóса. За стíл захиля́ецця, прóсом запыхáецця»* (Дядьк.). ДРУЖКО́ ... *Ищэ́ пэ́сня а дру́жко́: «Ни тибé, дру́жко́, дру́жкава́ць, а тибé, дру́жко́, свынéй пасть з длі́ннаю лама́кай, с чэ́рнаю саба́каю»* (Отваж.). ~ ПРИВЯЗА́ТЬ ЧА́ЙНИК. ... *Ни гляді́ ты на миня́, на маю́ пахо́дачку. Привизáла тибé ча́йник, привижу́ й кало́дачку* (Новолаб. – дЧ.). СВЕТА́ЛКА ... *Свита́лка була́. Свита́лка та́кжэ пэрэ́вязана, с цвита́чкамы сыды́ць в рука́х. А щэ́ пóмню я часту́шку пра свита́лочку: «На́ша свита́лка манэ́нька (два́ раза), як жа́ба раба́нька. Пид ста́лом прыга́е дру́жочик пугáе»* (Дин.). ~ СТА́РША(Я) СВА́ШКА. ... *А вот про ста́ршу сва́шку я таку́ часту́шку пóмню: «Стáршая сва́шка – рохля́ (два́ раза), пид поро́гом здо́хла. А боя́ры танцюва́лы и ту сва́шку растопта́лы»* (Дин.). ХОЗЯ́ИН ... *Када́ пирихаді́ли у но́вую хату, хазя́ина зва́ли с сабо́й. На́да*

грить: «Хазяин мой, пайдём са мной, пирихажу на новае жытыльства, да тибé заву с сабой» (Кубан.).

Обрядовые ПТ украшают словарные статьи, посвящённые словам или ФЕ, не имеющим прямого отношения к обрядам. См., напр.:

БУРЯЧОК ... Якіх тіко прысказок ны було, як начинáлы дары́ть! Казáлы: «Дарю́ бурячэк, шоб ны бу́в дурачэк!» (Новошерб.). **ВАРЁХА** ... Наўтра бисéда. Мать навары́ла варёху, и усé крыча́т: «Дай, ма́ти, варёхи хоть трóхи. Мы ш у тибé учёра ни булі, мы у тибé варёхи ни пулі» (Каладж. – дШ.). **ДБАТЬ** ... Так спивáлы: «А мы пірьячко дра́лы, ну кому́ там – Та́ни іли Ва́ли – подушычкы дба́лы» (Белик.). **ДОГОДИТЬ** ... Нивéсту-сирату́ виду́ть на кла́дбище. Иду́ть и игра́ють: «Вы пайді́ти ва цэркавь, вы уда́рьте грóмка а ко́лкал, вы разбе́йти мать сыру-зёмлю, раскалі́те грабаву́ю даску́, разбуді́те (каво́ там) па́пачку, ма́мачку, тупе́рь мне на́да дать саве́т и паря́дачик, как к чужы́м лю́дям иттíть и чужы́м лю́дям дагади́ть» (Кубан.). **ЖИТО** ... А козу́ муціны воды́лы. И спивáлы: «Ой, дэ коза́ хо́дэ, там жы́то ро́дэ. Дэ коза́ туп-туп, там жы́то сто куп» (Дядьк.). Ще таку́ каля́тку спивáлы: «Я жы́то нэ жа́ла, золоты́й крэст дэ́ржа́ла» (Нововелич.). **ЖУРЫТЬСЯ** ... – Что пели матери жениха, когда он приводил в дом невесту? – Тубі́, ма́ты, нэ журы́ця, тубі́, ма́ты, вэсэлы́ця. Тубі́, ма́ты, ха́ту мэсты́, тіко поря́док вэсты́ (Петров.). **КРОИТЬ** ... Каравáй кро́ят (рі́жут), а дру́жкы спивáют: «Дру́жко́ каравáй кро́е, а дру́жкы за стíл захыля́юця, каравáём запыха́юця» (Платнир.). **ПОДЫВЫТЬСЯ** ... Таки́и пэ́сни гра́ли: «У на́шэва свáта салóмина ха́та, прышла́ свынн́я падывы́лася, со́ смиху заката́лася» (Отваж.). **РО́ДНЫЙ** ... У Краснада́ри выступáли, усю́ сва́дьбу вилі́ и пэ́сни пэ́ли: «Уж ли вэ́тры, вэ́тры буйны́, вы пайді́ти на высаку́ гару́ да уда́рты грóмким ко́лакалам, да разбуді́ти ро́дную ма́мачку». Так пла́кали у клубі́ лю́ди, а нивéста галóсит да причі́тует (Кубан.). **СЛУ́ХАТЬ** ... Ма́ма прыхо́дэ и э́той вэ́рбой нас бье́ и прыговáрюе: «Нэ я бью́, вэ́рба бье́, шоб нэ боли́лы, шоб слухáлы роді́тэлэй, шоб нэ було́ пожа́ра нэяко́го» (Староджер.). **СПОЧИВА́ТЬ** ... А потóм казáлы: «Мы тут будэ́м гуля́ть, спивáть, таньцюва́ть, а молоді́ ныхáй иду́ть спочивáть». И закры́вають их у спáльни (Новошерб.).

Немногочисленны в наших материалах тексты, передающие содержание тостов:

ГОРЛЯНКА ... *Шось в горлянки дэрэнчіть, ма́буть, на́до промочіть* (Ахтаниз.). НЕМА́ ... *А я ищѣ тако́й дѣдушкин тост по́мню: рю́мачка Христо́ва пришла́ к нам из Расто́ва, но па́чпарта у не́й нима́ – так ы уту́т ей и тюрьма́* (Усть-Лаб.). РУ́МКА ... *Пе́рвая ру́мка ко́лам, утарáя – сакало́м, а трэ́тия – ма́линькими пта́шычками* (Некрас.).

В словаре зарегистрированы лишь три гадальные формулы:

ГАДА́ЛКА ... *И бу́ла така́ гада́лка: прыхо́дыть до ха́ты, дэ жы́вуть лю́ды, пид ви́кно́. И спра́шуеш: «Як бу́дуть мого́ чоло́віка звать?»* (Старотит.). ВИКНО́ ... *А ні́чью пид Хрэ́щённе бі́гайм до ви́кна́ и кры́чым: «А як мого́ че́ловіка звать?»* (Запорож.). КРО́ВАТЬ ... *Ді́вка кладэ́ у изго́ловья кро́вати ма́тэри та́йно сковоро́ду́ и ка́жэ: «С ким ми́ні ви́к ви́кова́ть, того́ тибé блы́намы уго́ца́ть»* (Бойко-Пон.).

Информантами очень редко упоминаются тексты заговоров. Это, вероятно, можно объяснить тем, что они известны достаточно узкому кругу людей, которые, как правило, неохотно соглашаются беседовать с собирателями.

ГЫ́КАЛКА ... *Як гы́калка напа́ла, кажы́: «Гы́калка, гы́калка, пиды́ до воды́, на друго́го напады́, хочь на быка́, хочь на коро́ву, хочь на дівчину че́рнобро́ву»* (Новокорс.).

В ст-це Старощербиновской был записан заговор от ангины. Информант Д.А. Сковорода воспроизвёл его со слов своей покойной бабушки: *Мая́ ба́бушка уме́ла личіть анги́ну. И вот я запо́мнил, што ана́ гавари́ла: «Я по по́лю ходы́ла, зи́ньске щеня́ давы́ла, пятьмы́ па́льцaмы, сидьмо́ю доло́нию»* (см. ЗИ́НЬСКЕ ЩЕНЯ́).

В связи с тем, что в беседах с информантами диалектолог просит их вспомнить эпизоды из своего детства, в зарегистрированных записях встречаются ПТ «детской» тематики: загадки, прибаутки, присказки, фразы из народных сказок и т.д. См., напр.:

БУЛЬБА ... Как у тётушки в Апрóси вы́дулися бۇльбы с нóсу (Отваж. – дш.). ~ ВА́НЯ-КУБА́НЯ. ... Ва́ня-куба́ня, палити́ на нéпка, там твай́ дéтки ку́шают канфéтки. Э́та мы в дéцтви так гавары́ли (Арх.). ВОРОНЕ́Ц(Ь) ... Варанéц крáсный. Зага́тка: шо цэ такэ́? Крaснэ́ньке, малéньке, фсэ́ пóле абсéял? Цэ варанéц (Бол. Бейс.). ГО́РОСТЬ ... Мы какы́ш йи́лы. Отó ви́змэм ко́рочку зни́мым, потóм поката́емо и ка́жэмо: «Качд́й-молочд́й, у мэ́ду мачд́й». И тоди́ йимó. Вин тоди́ слáтки, дэсь го́рость дивáйицця (Нововелич.). ЗИ́НЧИК ... Рыб́ята крыча́ть: «Зи́нчик, зи́нчик, сять на мизи́нчик!» (Брат.). КАВУ́Н ... Дóжжык, дóжжык, пырыста́нь! Мы пойи́дим на баи́тан кавуна́мы бы́цця, ды́нямы мыры́цця (Челбас.). КУДКУДА́ЧИТЬ ... Дид пла́че, ба́ба пла́че, а ку́рачка кудкуда́че: «Нэ́ пла́чь, дид, нэ́ пла́чь, ба́ба. Я знису́ вам яи́чко нэ́ золотэ́, а протэ́» (Фёдор.). ЛА́СТИВКА ... Слу́хайтэ́ зага́тку: спэ́рэди шы́льцэ, зза́ди вы́льцэ, на груди́ би́лый рушнычэ́к. Цэ ла́стивка (Старотит.). ПОЛЬЧКА ... Покла́лы на польч́ку, а яи́чко упáло: мы́шка би́гла, хвóстыком зачипы́ла – и упáло, розбы́лось (Фёдор.). ПОЯ́РКОВЫЙ ... Зага́тка: стай́ть Ирма́к, на ём калпа́к, ни шы́т, ни бра́н, ни пая́ркавы́й. Э́та снeх на пнэ́ (Тбил.). ТИ́КО ... Як ти́ко дóждик идэ́, мы каза́лы: «Дóждик, дóждик прыпусты́, нас до дóма ны пусты́. Ключи́ком, замóчком, шóвковым платóчком» (Дядьк.).

Среди ПТ, в которых сформулированы народные приметы, значительный корпус составляют предсказания погоды.

Предсказания погоды:

на плохую и хорошую погоду: ВЁ́ДРО ... Лóвлят бóжьё карóфку и пыта́ють у ниё: «Бóжьё карóфка, вёдро́ и́ли нина́стье?» Ежы́ли палити́ть – к вёдру, папалзёт – бۇдэ́ плаха́я пагóда (Марьян.). ВЫ́СОКО ... Ла́стачка как литáить ниска – г даждю́, а вы́сака – к пагóди (Перед.). МОЛОДИ́К ... Если малади́к ади́н рох вниз, вот ви́дрó, карóчи гаваря́, ни дэ́ржыцця на рагу́, на ни́жним, то на дóить. А ё́сли то́лька стай́т вот так, рага́ми вверх, то будит суха́я пагóда (Кабард.). НЕГО́ДА ... Прыме́та така́я: на пагóду сматрэ́ть на ка́мни, на ско́лу. Если ка́мни на ско́ли ро́завыи – зна́чит пагóда за́втра будит или маразья́ка здарóвый. А ё́сли ка́мни си́нии, то ни́гóда будит (Нижегород.). ТА́БОР

... Дош как апридиляли (тиливизараф жа не была). Так у стипь как вийдим и слухаим. Слышна-та глуха (када харошая пагода). А када с табара на табар слыхатъ, шо делаицца, то г дажжю (Тбил.). ТЁПЛО ... Кот лезитъ на лижанку, на тилло – значить будит холодно. Наабарот если – значить тепло (Твер.).

На хорошую погоду: МОЛОДЫК ... Кажуть, шо колы молодык народывся рожкамы увэрх – дожжя нэ будэ (Бриньк.). ЦВИРЧАТЬ ... Цвиркуны цвирчатъ к харошей пагоде. Ночью ани цвирчатъ. Утрам солнышка вийдя, тилло будя (Тбил.).

На дождь: БУЛЬБЫ ... Бутьбы схватываюцца в калюжах – г даждю (Тбил.). ВОРКОТАТЬ ... Если галки варкочут, литают, кружацца, шумят – значит ветер будитъ (Брат.). ГОРОБЕЦ(Ь) ... Гарапы в пыли купаюцца – на нигоду (Зассов.). ДЕДЫ ... Диды плавают – будэ дош (Дядьк.). ~ ДЕДЫ НА НИБЕ ПОСИДАЛЫ. ... Бачиш, диды на нэби посидалы, дош будэ (Старотит.). КАРГА ... Цэ у нас ни галки называють, а «каргы». А каргы налитела, скильке каргы налитела – будэ дош (Шаб.). КРЕКАД ... На дош крэкады квакать начинають (Марьян.). НЕГОДА ... На нигоду миртвяки сняцца (Кубан.). НЫЗОВА ... Нызова подула – г даждю (Старотит.). ОБИРАТЬСЯ ... Глидиш, если куры абираюцца – значит г даждю (Зассов.). ПАЦ(Ь) ... Пацы лезутъ пат пол и грызутъ там – значит дош будитъ (Тбил.). ПОГОДА ... На пагоду паизда шумят – эта г даждю. Вот идёт поист, да, вот мы сколько сидим, и ни слышна, да, а тут, каг бутта вот тут, на двару, идёт (Кабард.). На пагоду соль мокрая, сахар. В саянки прями вада (Кабард.). СОЛЯНКА ... Соль макрие у саянки – на дош (Твер.). СПОКОЙ ... Прымёт многа. Как мухи литают, как ани ни дають спакоя – г даждю (Отваж.). ТЕРНЫК ... Птички хаваюцца в тернык – на дош (Твер.).

На ветер: ВЕТРЮГАН ... Расу ждатъ надать у июли месяцы. Ночью выпадаа. Если нету, буря завертя усё. Витрюган падымицца (Тбил.). СОНЕЧКО ... Як сонычко заходэ и краснэ – значить на витэр (Старотит.).

На мороз: БИРЮК ... На морос бирюки выютъ (Марьян.). ЗОЗУЛЯ ... Мороз будэ, колы зозуля на сухом дэриви кукуе (Марьян.). СІВЕРНО ... А на

марос знаю: шо як мий крѣх у сажу салому начнѣ склѣдувать, так сівирна станѣ, хѳладна будѣ (Марьян.). СИДАТЬ ... На марос: сонцѣ сидѣе, ѣсли гарыть на захѳди, – на марос (Твер.).

На метель: ГРАК ... Граки – дармаѣды. Как залитять тучами у степь и жрутъ. Единоственна граки к завирухи сами купающа. Указывать могутъ. Мабуть, ани пальзительны в другом, ни знаю... (Тбил.). ЗАВИРУХА ... А вот гѣлки, када по зими ходють, снѣх будѣ. Как закружыть митѣль, завируха (Тбил.).

Зарегистрированы также ПТ, в которых предсказываются неудача, несчастье, беда.

Предсказания неудачи, несчастья, беды

БАБЬЁ ... На маѣй свѣдьби калисѳ у линейки упѣла, пасунулась юзам. Тут бабьѳ: «Ой! Жыть ни будите! Зѣвтра разайдуца! Примѣта плахѣя!» А я з бѣпкой пражыл пиисят два гѳда (Перед.). ВАРНЯКАТЬ ... Самѣ знаю: примѣта вѣрная. Ицѳ мать варнякала. Кагда доц на свѣдьби, щѣсте им будѣ (Тбил.). ВЕРТАТЬСЯ ... Виртѣца – плахѣя примѣта (Андрюк.). Вся станыця ишла козакѣв провожатъ. И так слидять, як оны посидѣють на коны и в галѳп. Если конь споткнувся – козѣк нѣ вѣртѣиця до дѳму (Гривен.). ПОРѣЧНЯ ... Уж быть бидѣ: парѣшня плѣчить (Ярослав.). ЖИСТЬ ... Нищѣстие им (молодожѣнам) будѣ, када нафстрѣчу свѣдьби похараны. Усѣ жысть пирипаганина будѣ (Тбил.). ИЗУВѢРИТЬ ... Если кукушка кукуѳе, ѣта анѣ саапѣаить смерть. Кукушка, глѣвна, на такоѣй. на сухой, вѣтачки (я как щѣс вижу). ѣта я ужѣ изувѣрила. Всѳ прѳйдина. То на маму, то на Тѳлика (Нижегород.). ПОХОВАТЬ ... Е так птыця – сыч. Вин крычитъ: «Похѳав, похѳав». Цѣ на смѣртъ (Старотит.). ПРѢЙМАТЬ ... Кажуть, шо нычѳго чѣрѣс порѳх ныззѣ прѢймають от людѣй, бо у хѣту мѳжѣ вийты бидѣ абѳ якѣ другѣ нѣщѣстие (Старовелич.). ХУДУДУТ ... ХУДОТУТ ... Как худудут крикниит, жди бидѣ (Кирпил.). Худотут, вин крычитъ: худѳ тут! худѳ тут! ѣто шо-то будѣ во двѳре (Дядьк.).

Отдельные приметы могут предсказывать как несчастье, беду, так и что-то хорошее: КУКУРЕКАТЬ ... Мѣчуха рассказывала, шо сидѣм с сасѣткой и слышым, шо питухи кукурѣкают, та аднѣ сасѣтка грит: «Тибѣ гѳрѣ будѣ, а минѣ

рѣдасть: питухі крычѣт». Ну пасмиялися – и усѣ. А к вѣчиру узнаѣт, шо у ма́чухи брат намѣр, а да то́й сасѣтки мать прыѣхала в го́сти (Кубан.).

Записаны приметы, *предсказывающие пол будущего ребёнка:*

ДЖУ́ЛЬЙЙ ... Если бѹдит лицѹ чѣстае – знѣчит ма́льчик ради́цца, а ѣсли джу́лая, с пятнами – дивчи́на (Перед.). ЖО́ГА ... Я пѣрвым хадѣла, миня́ жѹга запика́ла. А ма́ма гавары́ла: «Эта бѹдит ма́льчик, раз жѹга запика́ит» (Перед.).

Записаны также и некоторые другие приметы: *РЕПЬЯ́Х ... Мно́га риппяхѹф прицыти́лась – знѣчит мно́га жынихѹф бѹдит (Арх.). СПЕВА́ТЬ ... Питу́х спивѣе, ка́жуть: бѹдут го́сти (Дядьк.).*

В отдельную группу можно выделить *сельскохозяйственные прогнозы:*

БОГА́ТО ... Если ду́жэ богáто мыш – бѹдэ нѣурожа́й (Фонтал.). ЛАПÁТЫЙ ... На Крищѣние када́ снѣх лапáтый навали́ла, ох ы харѹшый уража́й зимля́ далжна́ уродить (Тбил.). МОКРОТА́ ... Када́ макрата́ в апрѣли, гáрна па́шня бѹдя, сэна мно́га. Усѣх напѹя апрѣль (Тбил.). СТАВО́К ... В наро́ди так гаваря́т: «Илья́ прарѹк нассáл ф ставѹк». Эта знѣчит, што начинáйицца макрѹта и да Ильи́и ну́жна лук убра́ть (Арх.). ЮГА́ ... Раз идѣть юга́ – знѣчитъ бѹдетъ за́суха (Упор.).

Тематическое и жанровое и разнообразие ПТ, зарегистрированных в высказываниях информантов, позволяет признать их уникальной «энциклопедией народной жизни», поскольку они действительно отражают практически все стороны человеческого бытия. Облачённая в языковую форму, в них образно и лаконично, часто иронично отражается система взглядов на мир: философия, моральные и нравственные устои, эстетические предпочтения, а также непосредственные наблюдения человека над природой и над самим собой, религиозные и мистические верования. Безусловно, не все ПТ, помещённые в словарную статью регионального словаря, способствуют раскрытию значения диалектного слова, выявлению его внутреннего потенциала, установлению его устойчивых связей с другими словами. Однако все ПТ содержат уникальные экстралингвистические сведения, являются ярким украшением иллюстративной

зоны словаря, демонстрируя колорит народной речи и богатство духовного мира её носителей.

4.3.3 Лексорасказы в иллюстративной зоне словаря

ПТ в иллюстративной зоне словаря подаются либо как отдельные предложения, либо в рамках *лексорасказа*. Лексорасказом мы называем особую форму подачи оправдательных примеров. Предлагаемый термин имеет прозрачную внутреннюю форму. Буквально он означает – *рассказ*, ключевой в котором является лексикографируемая ЛЕ (сокращённо – *лекс*). Лексорасказ представляет собой микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой ЛЕ, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи.

Задача лексикографа – установить в макрорасказе носителя диалекта границы лексорасказа, оставив достаточно информации для раскрытия значения леммы, для демонстрации её синтагматики и парадигматики, этнокультурных особенностей, а также для сохранения микросюжетной линии, объединяющей отдельные предложения в структурно-семантическое единство. Необходимо подчеркнуть, что благодаря богатому экспедиционному опыту включение микротекстов в словарные статьи региональных словарей становится весьма распространённым явлением. Между тем принципы их формирования и лексикографической обработки нуждаются в специальном обсуждении, опирающемся на конкретную лексикографическую практику. Способ представления иллюстративного материала в форме лексорасказа в наибольшей степени соответствует задачам, стоящим перед диалектной лексикографией, – отражать жизнь слова и жизнь человека в слове. Именно поэтому при отборе оправдательных примеров лексорасказам мы отдавали особое предпочтение.

По форме речи зафиксированные нами лексорасказы можно распределить на две группы: монологические и диалогические. Подобное разделение вызвано

наличием среди диалектоносителей монологистов и диалогистов (идея такой дифференциации носителей языка принадлежит авторам книги «Язык и личность»). Пространные монологи характерны для многих пожилых людей. Особенно склонны к ним женщины, проживающие в сельской местности. На данную особенность обращает внимание Р.Ф. Пауфошима, справедливо отмечая, что «способность произносить длительные монологи, редкая у современных горожан, свойственна многим пожилым людям (преимущественно женщинам), живущим в деревне» [Пауфошима, 1989, с. 47]. Наши наблюдения этот тезис полностью подтверждают. Среди зафиксированных нами лексорассказов преобладают монологи, поскольку большинство наших информантов – пожилые местные жительницы. См., напр.:

~ ДУРНЫЙ ЯК САЛО БЕЗ ХЛІБА. ... *Як булы малы, на нас нападáлы вошы. Дружыла я з дивчáтамы. Прийшла до их, а воні вси побры́ти. Я вырну́лась до до́му и кажú ма́тыри, шоб мынэ то́жэ побры́ла. Ужэ здорова бу́ла, а дурна́ як са́ло биз хлі́ба* (Новомалорос.). КОЛКОЛ ... *Цэ́ркву слама́ли в тры́цать пя́там гаду́. Но́чью. А ра́ньшэ ду́жа ко́лкал звані́л. Бы́ла два ко́лкала. Нимо́й Навало́кин стал* (Новолок.). ЛЯПЭ́НЫК ... *Папа́ню поста́вылы сторожувáть в вимба́ри. Став вин носы́ть у карма́ни потро́шку зырно́, а воно́ було́ ще и тра́влынэ. Ну я́кось ёго́ мы́лы, мо́лолы да пы́клы ляпэ́ныкы* (Медвед.). ПОСНУ́ТЬ ... *Ма́ма то́пэ, ну пидклада́е у пі́чку. Соло́ма горы́ть, мы грійимся та́мочкы. Пока́ ма́ма йісты зва́рэ, мы бі́ля пі́чки там и посну́лы* (Кулик.). СКЛО ... *Я мно́го йі́здыла, мно́го ві́дувала. Есть така́ рэ́чка, Ворскло́ назывáицца. Цэ, ка́жуть, ще Пэ́тр Пэ́рвай купáвся и потэ́рял скло з очкі́в. Ото́ и завэ́цца Ворскло́ – скло вкрал* (Новотит.).

Диалогичные лексорассказы представляют собой либо диалоги собирателя и информанта, либо двух информантов. Поясним, что в словарной статье реплики диалектолога подаются в орфографической записи обычным шрифтом:

ЗЛÉПОК ... – *Хлибы́на: вырху́шка, спид, бака́, злэ́пок. Злэ́пок – ныудáчный хлиб палу́чівся. У харо́шого, уда́чного хлі́ба злэ́пка ныко́лы ны будэ́. – А что говорили, когда давали «злэпок» ребятам? – Гавары́лы: «Йиш, шоб дивчáта лы́плы»* (Дядьк.). ЗОЛОТНІ́К ... – *Я с му́жым жы́ла. У нас три го́да не́ была*

дитэй. Мать атвила з ба́пки, ана́ сказа́ла, што залатні́к ни на ме́сти. Ана́ мне всё напра́вила, увиза́ла, и я читьрѣх радила́. – А золотник – это что такое? – Я вот сама́ ни зна́ю. Ба́пка мне ни абъя́сни́ла. Там внут́ри вот, где пупо́к. «Он хо́дит», – гавари́т. А йиво́ вот, как ляжыши, па́льцэм нажымáши, от ту́т, ни́жэ пупка́, и он, залатні́к, бьѣца, как сэ́рцэ (Владимир).. ~ ХОТЬ ПОД МЕШО́К, ХОТЬ ПОД ГОРШО́К. ... – А е́сли ду́мають жы́ни́ть па́рня, выбира́ють, шоп ана́ была́ ро́слая: хоть па́д мишо́к, хоть па́д гаршо́к. – А это как? – Ну е́сли ана́ ро́слая, ана́ мишо́к мо́жыт панéсть и гаршо́к. А ма́линькая, ана́ жы мишо́к ни мо́жыт панéсть и то́лька гаршо́к. Вот и цы́ни́лися де́фки, какáя ба́льшая и ро́слая. Ана́ на фсе́ згади́цца (Арх.). ХОЗЯ́ИН ... И вдру́х слы́шу: па каридо́ру што́-та ца́к-ца́к-ца́к, патхо́дит ка мнѣ. – И кто это был? – Дамаво́й, хазя́ин. Дахо́дит да крава́ти да маéй, вот так за бы́льцы бирѣть и трисѣть. Я руко́й па ё́м: ма́ц-ма́ц. А он кашла́тый тако́й (Зассов.). ШВО́РНЫК ... – Я на база́р ходы́в, но там збру́ю ныхто́ нэ ро́бэ. – Так бэры́ мэнэ́ шво́рныком. Я всю жысь вы́рис з э́тими коня́мы, я их люблю́. – Давáй, я с атама́ном пэрэ́бала́каю (Новомыш.).

Лексорасказы часто представляют собой повествование в лицах:

ВЫПРА́ШИВАТЬ ... Мы паи́ли с ма́маю стира́ть (тада́ и на Лабе́ стира́ли), и бра́тик Ко́ля с на́ми. А он з дру́гам в ле́се был, и мы идѣм, а он гавари́т: «Де́вачка, э́та твой?» А брат атвича́ит: «Я иѣ брат». А ма́мка выпра́шываит у ми́ня: «Хто э́та тако́й?» Ана́ стро́гая была́ (Темирг.). ~ ЯК ПУ́ЖАНЫЙ КИТ. ... А до Ра́йки ходы́лы два бра́та. А вин пья́ный, питхо́дэ: «Шо вы тут расси́лысь? Щас стрэ́лять буду́!» Ра́йка: «Та́ ты шо́, Павло́, здури́в?» А оды́н пльгнуп и выхва́тил ружьѣ. И воны́ избы́лы ёго́ так, хай Бох мы́луе. Вин прыби́х до до́му у ха́ту и закры́вся, и лыжы́т як пу́жсаны́й кит (Новодерев.). ПЛОЩА́ДКА ... Де́душка ка́жэ: «А Та́сю на́до одда́ть в ясли». А ма́ма ка́жэ: «Шо у нас и́сты ны́чѣго?» А де́душка ка́жэ: «Если лю́ды побáчуть, шо у нас е, шо и́сты, то до нас пры́йдут и бу́дут шука́ть зирно́, и забы́рут. Есть у нас и́сты, нымáе, а Та́сю на́до на плоца́тку одда́ть». И оддалы́ мэнэ́ на плоца́тку (Пашк.). ~ ЗАПЛЕ́ВУВАТЬ (ЗАПЛЕВА́ТЬ) ГЛАЗА́. ... А то́ стари́к был тако́й. Утром фста́нить, гляди́ть на не́ба: «Ба́бы, бири́тя адѣжу, до́ц бу́дя». – «Та што́ вы!» –

«Да вот заплаўята глаза!» Ни брали, а дощ как хлыне, да нитки прамакали (Брат.). СГОВОР ... Он мне гаварит: «Ты ищѣ маладая, но я буду ждать. Как только тебе васимнацать сравняица, то буде зговар, и все – ты мая будиши» (Кулеш.).

Частотно в лексорасказах совмещение повествования в лицах и самоцитации:

ЗАВИСЫТЬСЯ ... Я работаю и спрашу: «Па, можно куплю я часы?» «Та, дочка, будэм строица, гроци нужни». Я туди рассердылася и кажу: «Пиду щас завиюсь» (Староджер.). КРИЧАТЬ ... Скока там мине была, можыт, лет восимь, только да калитки дайду – свыннѣ крычит, ни пускаит. Пахадю, пахадю, апятъ тока падайду да калитки – крычит свыннѣ нивазможна. Я пашла да бабушки-навитухи и крычу: «Бабушка!» «Чиво?!» «Свыннѣ крычит, ни пускаит у калитку. Я баюсь дамой иттит!» «Иди, детка, ни бойся, ана ужэ ни будэ крычат». Вот такое была, я никагда ни забуду (Подгор.). ПИДБОРКА ... Прижжѣе якое до мэнэ сыстра с Краснодара с сыночком. Я кажу ему одын рас: «Лѣша, накопи мини морковки». Вин пишов у сарай. Ныма, ныма. Ось прыходэ: «Тѣтя Тѣня, я ны могу накопат: лопата ны лизэ». Дывлюсь, а вин стоить с лопатой-пидборкой. Я смюсь: «Та ны пидборку надо брать, а штыковку» (Вареник.). ~ НА КОЛЯСКЕ СТРУСИТЬ. ... Я прибегла и на пѣчку русскую палѣзла. А бабушка как закрычит: «Ты там дитѣначка задушыш! Куды ты палѣзла?!» А мама ужэ радилá, и на пѣчку палажыли этага дитѣначка. А мама лижала там, у нас краватъ была. Я бабушки гаварю: «А де вы иѣ взяли?» А ана гаварити: «На каляски струсила». На яблани – каляски. Вот я помню (Перед.). ~ ЧУЖА(Я) ЧУЖИНА. ... Мы са свикрухай дружна жыли. А ана да дочка пашла жыть и ни ужылась с радной дочкай. Я ей гаварю: «Ма, ну чѣ вы уходити?» А ана: «Знаши, Зи́на, ты все равно мне чужая чужына, а э́та ш дочка радная» (Зассов.).

Лексикограф должен стремиться сформировать лексорасказ, состоящий из вступления, основной части и заключения. Такая композиция придаёт иллюстративному материалу цельность и завершённость:

ПОВМОЧАТЬ ... *Нас трое у мамы. Йдём у садык, вони нам однё яйчко розибьють у мыски и по кусочку хліба. Мы ото повмочали и пишли (Марьян.).*

Записанные нами лексорассказов соответствуют традиционно выделяемым функциональным типам текстов. Это повествование, описание, рассуждение. Самым частотным является повествование, что можно объяснить его распространённостью в рассказах о прошлом, представляющем собой область воспоминаний, отражающих пережитый жизненный опыт нескольких поколений (заметим, что особая направленность в прошлое (пассеизм) – характерная черта мировоззрения представителей традиционного слоя носителей говора). Как правило, повествование как функциональный тип текста имеет трёхчастную структуру: завязку (начало события), кульминацию (развитие события) и развязку (конец события). См., напр.:

ВЫТЯГНУТЬ ... *Цэ у нас с Тамарой такэ було. Солёма завальлася и накрыла ей. И вона так, глухо так пот солёмой плаче. Я сюда-туда скубу, скубу. Я скубла, рвала солёму, пока ручки побачила. Тоді вытягла ей, вытягла (Старотит.).* **ПОЛУДЁНКА** ... *Курай «перекати-поле» мы называли. И полудёнка дуге, и они, курай, срывающа и бижать. А мы думаем: вовкы. А мы подростки, и нам страшно (Курч.).* **ПОЛЯКАТЬСЯ** ... *Раз нічыю ночували діты (йих було четвыро, шоб ны страшно). Пидишов до балагана вовк и сидив до світа. Они так палякались, шо одна дівчинка захворала після того и вмэрла (Новомалорос.).* **РАСКИПЕТЬСЯ** ... *Я кагда-та паймал галавнэй, бросил в калодизь. Дитишки паставили самавар, а он забился. Глянули, а там галавён раскипелся (Андрюк.).* **СОЛОНКОВАТЫЙ** ... *Десять-питнацать дней астаёцца да атёла, карова даёт малако. Но ано ужэ саланкаватае. И тагда гавариши заведуциму, што давайте эту карову брасать, малако у ей саланкаватае (Новонекрас.).*

Следующий функциональный тип текста – описание – содержит изображение явления действительности, в котором перечисляются и раскрываются его основные признаки. Достаточно распространёнными оказались предметные описания, которые можно объединить тематически.

Описание блюд и способов их приготовления, см., напр.: ~ КРАПИВНИЙ МЕШОК. ... Я помню, как мы варили мёт из буряка и с яблак: буряк в пёчки мама натамила, в мишок крапівный палажыла, гнёт – и тудá-сюда льёцца э́тат сок, а потóm мы варили мёт с яблаками (Усть-Лаб.). ~ СОЛЫТЬ В(У) КОРЕНЬ. ... А рыбу салили в густом рассоли, кагда жарá. Есть такáя, ну как тихналогия, назывáицца «ф коринь». Э́та знáчит: рыбу распластóвывают, внúтринасти выбрáсывают, засыпáют солью. Анá стаит дня три в рассоли, потóm вытáсуют, лóжат с ви́шни лист, укрóп тудá, питру́шку, лаврóвый лист и пириклáдуют аднá на адну́, и рассóльчикам. И назывáицца салить «ф коринь». Рассól дéлаицца пагу́ци, и анá вот «кариннáя рыба» гаваря́т (Шаб.).

Описание одежды и обуви, см., напр.: БУЗУЛУК ... Люды хóдють прóсто, а дэ́душка бузлук здéлал. Бузлукы́ на нóгы надэ́нэ и хóдэ. Металлiчески, там такы́ шыпы́ здéланы, шоп нэ сковзáицца (Старотит.). КÓХТА ... Ну шы́ли кóхты такiи. Знáчит, такáя бальшу́щая, как пальтó, чуть ни на калéна, чуть ни на пýткам. Бальшóе такóе... Удваём и траём стáним, мóжна закры́цца э́тим пальтóm (Перед.).

Описание болезней, их проявлений и лечения, см., напр.: КАРТОШIНА ... – Как избавлялись от бородавок? – Гýски мáзалы: картошы́ну разризáли на чыты́ри чáсти, и кáждой мáжыш по гýзки, а потóm складáиш и в ворота́х, у глухóм углу́, нáда закопáть. Шоб онá пырыгнýла, картошы́на (Дядьк.). СУХОТЫ ... – Бы́ли сухóты. – Как лечили сухоты? – Да бáпки насiли. Анá калабóк с тéста запика́ла и читáла малiтвы. Ана, знáчит, читáит, и в э́тат калабóк ухóдит балéзнь. А потóm калабóк аддава́ли саба́ки (Зассов.).

Описание построек, см., напр.: САПÉТ ... А зэрнó сы́палы у сапэ́ты. Сапэ́ты булы́ як сарáй, чуть поны́шче, прáвда. Воны́ булы́ пэрэгорóжэны. У оды́н виддiл сы́палы муку́, у другóй – зэрнó, у трэ́тий – насiннá (Старомыш.). СТОЛБЯ́НКА ... Хáты рáньшы столбя́нки дéлалы, заплитáлы. Фóрост рубáлы, столбы́ стáвылы, тоди́ лáты, а тоди́ фóростом заплитáють, ногáмы мiсють и ля́пають, омáзують (Васюр.).

Описание предметов быта, см., напр.: КРЕСА́ЛО ... Стáрую вáту нахадíли, прасу́шывали. Нахадили кáмэнь, крэмéнь, и жылéска штоб бы́ла такя́ то́лстая. Вот и крыса́ла (Зассов.). ОСЛОНЧИК ... А ослончик – цэ вам щас скажу́: цэ такá скамэ́йка длинэ́нька, и в нэй читьри но́жки, но нэ́ як стул и табурэ́тка, а ось як тры сту́ла вмíсти. И такá доска́ звэрху лэ́жала (Слав. н/Куб.).

Описание средств передвижения и их частей, см., напр.: ГА́РБА ... Га́рба – цэ такы́й воз, як шараба́н на колёсах. Ти́льке шараба́н знима́ют, а стано́влица дробы́на. Ото́ тили́га як я́щик з до́сок, у нэй шы́ницу, сiно, солóму вóзят (Бриньк.). ГРОБ ... Ходо́к – цэ четы́ре колэса́, дно и дви до́скы по бока́м. Цэ ходо́к. А на ходо́к ста́вылы без до́сок, ста́вылы, ну тоди́ называ́лы «грон», ну я́щик такы́й дэрэвя́нный. Знача́ть, той ходо́к був мэ́тра тры, и уто́ он такы́й дли́нный и вышы́ной дэ́-то полтора́ мэ́тра. И то ходкы́ называ́лысь «гроба́» (Кулик.).

Описание рыболовецких снастей, см., напр.: ВЕНТ ... – Вот мы ста́вылы с кúмом вынтэ́ря. – Что? – Вэ́нты. – А что это? – Ну такá снасть. Вэ́нты. Ну вот таки́ круга́, там по шэ́сть бо́чик, по тры́ бо́чки. И ста́выца (Анан.). ВЭ́НТЕРЬ ... У ниво́ винтиря́ таки́и бы́ли зде́ланы... Тако́й о́бат, а патóм ищэ́ о́бат, а мэ́жду ними́, значит, сётка́ натягиваи́ца на э́тат о́бат. Тако́е атвэ́рстие, патóм слéдующие так идё́ть. Вот с э́тай старáны фхот е́сть, а с той старáны нет, и вот ры́ба рас – заплы́ла сюда́, а назáт ужэ́ ни вирне́цца... Ну называ́ица «вэ́нтарь» (Арх.).

Описание животных и рыб, см., напр.: ЛАСКИ́РЬ ... Тут во́дица ры́ба – ласки́рь. Ана́ такя́ ма́линькая с кра́снинькими пёрышка́ми и пахо́жса паэ́таму на краснапёрку. Иё́ испо́лзуют и как примáнку на большу́ю ры́бу (Тенг.). СЛЕПУ́Х ... Слипúх е́сть, да. Кро́т чэ́рный, а слипу́х сэ́ринький. Большо́й тако́й длины́, нос у ниво́ пята́чком, как у парасё́нка, ни гла́с нет, ничиво́, а пры́гаит! Да всё слипу́х таска́ит (Владимир.).

Описание растений и их частей, см., напр.: КОЧА́Н ... Кукуру́за, качаны́ бу́лы, зёрна бу́лы про́сто такы́, шо ку́рыца проглоты́ть ны мо́гла. Качаны́ бу́лы:

по сорок сантимéтров качáн (Курч.). РО́ЖА ... Рóжа е. Такой цвётóк, прýмо высóкий стéбэль и цвэты на нэй отакí: прýмо жóвтэньки, бывáе рóзовы такí (Бриньк.).

Описание обрядов и обрядовых действий, см., напр.: ~ ЗАБИВАТЬ (ЗАБИТЬ) КОЛ. ... Если в семье жыни́вся пíслéдний рибёнок, то у сáмый пíслéдний дэнь свáйбы промэ́ж калíтки в зэмлю забывáвся дэрывя́нный кол. Цэ знáчило, шо в цём двори́ бíльшэ нэ будэ свáйбы. Кáжный из гостéй дóвжэн був удáрыть молоткóм по кóлу. Для смíху кол и зэмлю рýдом полывáлы водóй... И кáжный раз, колы́ промáзувалы, бры́зги з муля́кой лытíлы на гостéй. Хтось и спицáльно быв нэ по кóлу, а мýмо (Красн. Нива). ~ ПАЛÍ(Ы)ТЬ ПОСТÉЛЬ. ... Падру́ги начивáли, пéсни пéли, а у́трам пастéль пали́ли. Ну вот кúчичик налóжут, адну́ кúчку пасирéтки салóмки. И харавóдам хóдют, и пéсни паю́т свáдибны́е (Успен.).

Описание гаданий, см., напр.: ДЗÉРКАЛО ... Я гадáла на дзэ́ркало у двэна́цать чисóф нóчи. Сви́чку, шоп нэ було́ свíту, свíтыш, и сыдю́ над дзэ́ркалом. Накрывáй чим-ныбу́ть сам себе́ и дывы́сса в дзэ́ркало (Ахтаниз.). Гадáлы: насыпáлы пыны́чки на пóл, воды́чки у плóшычки и дзэ́ркало. Ось дывы́мся, шо пэту́х будэ робы́ть. А мий пэту́х зэрно́ поклэвáв, во́ду пэрэ́кынув, у дзэ́ркало подывы́вса... (Мингрел.). КАЛÓШ ... Гадáлы... И кы́далы, кы́далы, и я як кы́нула – и нымá калóша. Стою́ на одной́ ногí, а дивчáта хóдят, шука́ють калóш (Елиз.).

Описание игр, см., напр.: ~ БА́БА-КУ́(Ы)ЦА. ... Мы игра́ли в ба́бу-кы́цу. Ста́вили одного́ столбóм, завязывали гла́зá, прýтались и крычáли: «Кы́ц-кы́ц-кы́ц!» Хто поймáйица, тот и ёсть ба́ба-кы́ца (Дин.). ~ В(У) ЖУТА́ (И)ГРАТЬ. ... В жута́ гра́лы. Сидáлы в крух, а однэ́ бíгае с тря́пкою, ззáду поклáв кому́, як онó догада́лось, бижы́ть за тобо́ю. А ты́ бижы́ш на ёго мíсто сидáть. Як узивáв – знáчить штра́ф (Журав.).

Лексорассказы-описания являются органичным продолжением словарного толкования слов и устойчивых выражений, дополняя его важными деталями.

Третий функциональный тип текста – рассуждение. Как известно, его основная цель – изложить, подтвердить или опровергнуть какую-либо мысль. Лексорассказ, относящийся к данному функциональному типу, как правило, состоит из трёх частей: тезиса (какой-либо мысли), аргументов, содержащих доказательство или опровержение его истинности, и заключения. В лексорассказах-рассуждениях вывод может отсутствовать. См., напр.:

ДЕРБА́НИ(Ы)ТЬ ... *А жызьнь ни ра́дасна. Ну ни ра́дасна. И дирба́нят, и дирба́нят бэс канца́ э́ти цэ́ны. Насто́ка уничтажа́ют чилаве́ка* (Медвед.). **ЛІ́ХВЫЧЕК** ... *Тоді́, шоп муці́на тургува́в! Ты шо! Та такы́й страм! Та шоп ру́сский ще сто́яв на база́ри тургува́в, оцэ́ дэ́ржа́л лі́хвычкы та трусы́. Сты́дно бу́ло* (Слав. н/Куб.). **МАКУШІ́НА** ... *Шо щас: йі́сты хлип – от нэ́ такы́й, ото́й нэ́ такы́й. А ра́ньшэ́ макушы́ны отако́й кусо́чэ́к – и цэ́ зо́лото бу́ло* (Нововелич.). ~ **ЯК КОШЕНЯ́ ПОХЛЕБА́ТЬ**. ... *Щас мо́лоді́ жа́лују́ця, шо ма́ло мо́лока́. Та ра́зи ш воно́ бу́дэ, када́ вона́ хви́гуру со́блюда́е и нычэ́го нэ́ йі́сть: як кошэ́ня похлиба́е су́ну або́ борщу́* (Старомыш.). ~ **С(З) РУКА́МЫ ПРЫ́ЙМА́ТЬ**. ... *У мэ́нэ уну́чка на права́ зда́ла. Та на шо́ оно́ жэ́нице? Ты учи́сь портня́жыть. Мо́дистка – э́то хоть дэ́ пойді́, так тэ́бэ́ с рука́мы пры́ймуть* (Садки). **СГЕ́ПАТЬ** ... *А щас свай́бы! Роди́тили одда́лы по ты́щи за ка́ждого го́стя. На ты́щу до́ма мо́жно таку́ свай́бу згэ́пать! За дэ́нь чэ́лови́к по́йсть на ты́щу?* (Марьян.).

Для составленных нами лексорассказов характерна неоднородность их типологической структуры. Как правило, в ней, дополняя друг друга, сочетаются два типа речи.

Описание и повествование, см., напр.:

ВАГА́НЫ ... *До шы́стидися́тых годі́в пры́данэ́ вызу́ть: и ото́ скры́ню, и обиза́тільно бу́ло – э́то вага́ны. Дэ́рэвья́ни вага́ны. Вот такэ́ до́вблё́нэ. В осно́вном у на́с робы́лы из вэ́рбы. Вэ́рбу зва́ляю́ть, то́всту вэ́рбу. И туди́ выда́лбляю́ть. И в оці́х вага́нах мисы́лы ті́сто* (Марьян.). **ГРАБА́РКА** ... *Ана́ сича́с у магази́ни называ́ица «савко́ва лапа́та». А ра́ньшэ́ называ́лы и́й у на́с «граба́рка». Патаму́ шо нэ́ю на́да набира́ть там і́ли зэ́млю граба́ркаю, і́ли там му́сарь якы́й грузы́ть, і́ли у́галь. Ра́ньшэ́ цы́мы граба́ркамы разгружа́лы ваго́ны*

угля. Она в віди савочкам зделана, то грабарка. Цэ кають як: «Быры пабольшэ и кидай падальшэ» (Бузин.). ЛУПНУТЬ ... Я, відно, задрэмала. И вот прысньлося: идэ чэрт. Настоящий муціна, токо с рогамы, лохматый. Я тут глазамы як лупнула, как выскочила с корпуса и побижала в другый корпус (Калуж.). МЛАДЕНЧЕСКА(Я) ... Нападёт, бывала, такая балезнь на дитэй – младенческая. Ат ниё мала хто выжывал. Или заикалися патом, или нинармальными станавилися. Маю плимьяницу как скалечила, ана, бедная, галовачку набак свирнула и лжыть, фся красная. Паслали за бапкой. Ана пришла, фсе окна пазакрывала, тимно у хати стала. Патом плимьяницу чёрным платком накрыла, с хаты фсех павыганяла. Малитвы какйи-та читала. А утрам как ничиво ни було (Желез.). СОЯШНЫЦИ ... Болезня була «сояшныци». Точно ны знаю, как назват. Но я сама в дэцтви, в двинацать – трынацать лет пиринисла иё. Но, навэрное, заворот кишэк. Дужэ здорowo болив жывит: спырва кругом пупа, а тоді вэсь жывит. Так болив, шо я по всій доливки в хати лазыла и крычала од боли. Тоді нагукалы жэницину. Вона мэнэ начала личить. Я лягла на спыну, вона на пузо (жывит) постаवलв мыску з водою (воды трошкы), в воду поставила глыняный кушын, в ёго положыла паклю с прядива и запальла. А як загорилась пакля, пырывырнула кушын ввэрх дном и потрошкы, потрошкы стало мині лэкишэ, и я заснула – и пырыстало болить (Азов)..

Повествование и рассуждение, см., напр.:

~ ЯК КАША ЗАКОПАНА. ... Загонь сичас на пичь дытыну, так она тоби и глаза повыдыра. А мы – на пичи. Ты шо! У нас русьски печи: як каша була закопана, там вси диты. Оцэ мама, було, прыйдэ з работы: чи тут каша закопана, вси собырались (Дядьк.). КОКО ... Всигда на кладбище ныслы яйця (я с мамой ходыла), и диты кажут: «Тётя, дай коко!» Раньшэ и яйцям булы ради, а щас кокы лжсат, и ныхто ны бэрэ (Новодерев.). ОРДЕР ... Муш у миня гирой был, ордир палучил, убили йиво. Я и йиво и ни видила, ордир. А мне радости многа, што он пагип награждённый? Пусть бы жыф был биз ордира (Новолаб.). СТЁБНУТЬ¹ ... Если гости прыйшлы, всех дитэй загналы на пичь, занависочку задёрнули. Як тикэ выглянули, бэрэ батько батих, тикэ стёб! Всё, заховались. А

сичас стѣбны, так ще пид сѹт попадѣш (Пласт.). ЦЕБѢРКА ... Бабушка старѣнька скажэ: «Он цыбѣрка, пийды набѣры воды». Видро! Цыбѣрка. И нихто и слова ни мох сказать прѣтиф. А сичас? Скажы, ага. Так цыбѣрку ту на голову одѣнут (Новодерев.).

Описание, повествование и рассуждение, см., напр.:

~ ХОЧЬ ПИД СТРИХУ НЕ ВЕДЫ. ... Умира́ла, умира́ла моя́ ма́ма. Я иду́ на рабо́ту, а́на́ ка́жэ: «Сыно́к, нэ ходы́ сѣдня на рабо́ту, я бу́ду ужэ́ сѣдня умира́ть. Сыно́к, скажы́ хоть мыни́, прожыла́ пошты́ дѣвяно́сто лит, скажы́, сыно́к, дэ, з яко́го бо́ку хочь у мѣнэ́ сѣрцэ́». О́на́ нэ зна́е, дэ у нѣ́й сѣрцэ́. А са́му тоды́ хочь пид стрі́ху нэ вѣды́. Ро́зова, кра́сна, краси́ва, ли́чко, щѣ́чки ро́зови. А ца́с пожылти́ли дѣвча́та фси́ круго́м. Есть́ така́ ста́ра посло́вица: хоть пид стрі́ху нэ вѣды́. Ро́зова, кра́сна на лы́чко. Нэ вѣды́, а то и ха́та згоры́т. Нэ вѣды́ йши́ пид стрі́ху, бо стрі́ха згоры́т (Новошерб.). КИЗЯ́К ... Кизя́к быв ко́нский, добавля́лы тро́шки глы́ны и воды́, и во цѣ́ замі́шывалы. А пото́м бра́лы тря́почку и оцѣ́ ма́залы доли́вку – пол. И шо́ интѣ́рсно: кизя́к жэ́ и ко́нский, значы́ть должно́ ж воно́ воня́ть, а воно́ ни воня́ло в ха́ти, освижа́ло (Киев.). ХОЗЯ́ИН ... Домово́й есть. Я ви́дыла. Есть-есть, обиза́тильно в ка́ждом до́ми до́лжын бы́ть хозя́ин. Ни бу́ду брыха́ть, я одну́ го́лову ви́дыла: голо́ва́ як сы́то, ота́к кру́гла, глаза́ голу́бі, а во́лос кра́сный (Незайм.).

Для каждого лексорассказа характерен свой набор выразительных средств. Под выразительностью речи мы вслед за Б.Н. Головиным понимаем «особенность её структуры, способствующей поддержанию внимания своей организацией» [Головин, 1988, с. 182]. К выразительным средствам, способствующим концентрации внимания в лексорассказе на лемме, можно, на наш взгляд, отнести: повтор леммы (лексический повтор), контактное употребление ЛЕ, вступающих с леммой в синонимические или антонимические отношения, употребление однокоренных с леммой слов («усилительная тавтология» – термин А.П. Евгеньевой [Евгеньева, 1963, с. 101]), сравнение леммы, её рифмовку, иронию, употребление леммы в ПТ, а также комбинацию перечисленных выразительных средств. Проиллюстрируем их конкретными примерами:

Повтор леммы, см., напр.:

МЫША ... *Мамка напычэ с макухы такі вот катлётки, закрые в кладовку. А я в акно влізу и паатламую на кусочку... Мамка аткрые сундук: «Чёртова мыша! Пааткусывала кáжду катлétу! Тэпэрь йісты ныльзья!» А Литка кажэ: «Ма! А чэ йісты ныльзья?! Дэ мыша та?! Мыша убíгла, а мы всё равно поимó». А Литка шэпче мэнэ: «Цэ ты?» Кажу: «Не, прáвда, мыша» (Нововысоч.).*

~ **НАЛЫВАТЬСЯ ЯК ОГУРЧИК**. ... *У мэнэ сыно́к быв такый худэсэнькый. А одна жэ́нщина идэ та кажэ: «Скупáй ёго у огу́рцови гудыни, проварі и скупáй, и вин будэ наыва́цця як огу́рчик». Я ста́ла купáть. Мы як глянулы, а вин, нам так и каза́лы, шо вин будэ наыва́цця як огу́рчик (Николаев.).*

~ **ПИДСАДЫТЬ ПИД КОРЫТО**. ... *А я нэ хотéла за ёго выхо́дыть за́миж, потому́ шо у мэнэ сис́тра два́цать пя́того го́ду и брат дваца́того го́ду – ныжсына́тый, потому́ шо вин на костыля́х ходы́в. Потому́ шо тоді был поря́док такый, шо ёсли я вы́йду за́миж, а ти оста́нуцця, то як врóди я их пид коры́то пидсады́ла. Ну така́ поговóрка, така́ послóвыця, шо я врóди прэдала́ их, пидсады́ла пид коры́то (Зареч.).*

САХИРЬ ... *Рэшы́ли поі́хатъ учі́цця. И вот мы идэм: я, Тамáра и брат Тамáрын. Я в магази́н як глянула, там – са́хирь! Мы йиго́ нэ ба́чили, на ху́тори нэ було́ са́хирю, канфэ́т вапи́це нэ зна́лы сло́во. Я як глянула, та кажу́: «У-у-у! Сті́кэ са́хирю!» Так оны́ мэнэ са́хирем дразны́лы (Старонижестебл.).*

СТРІ́ХА ... *А чэ вин варабэ́й – ны зна́ймо. Мо́жэ, патаму́ шо вор. Прылыты́ть, паклюе́-паклюе́, а патóм раз – и пы́т стрі́ху. Пы́т стрі́ху зали́з, глядь: ныко́го ныма́. Вы́лытив, апя́ть раз-раз, найвсь и тика́ апя́ть пы́т стрі́ху (Бузин.).*

Употребление синонимов, см., напр.:

ЗАТУЛЬІТЬ ... *Тётка кажэ: «Смотры́ть, ны робы́ть шкóду. Минé Бóзинька усé раска́жэ». А мы взяли́ той са́харь доста́лы, грызэм, а воно́ вы́дно. Тоді Бо́га затулы́лы, закры́лы, зави́сылы – усé спра́вылысь (Журав.) – затулы́лы, закры́лы, зави́сылы.*

ЗАШИ́БНУТЬСЯ ... *У нас гре́ки стая́ли. И Ксе́ния – така́ красáвица, у йі́х до́чка. И ана́ правині́лась за што́-та. И прие́хал ста́рый-ста́рый, и йиё́ адда́ли за ста́рага, рас ана́ зашы́бну́лась (Брат.) – зашы́бну́лась, правині́лась.*

МА́ТЫ² ... *Парни́кі капа́ли длі́нныи, как мая́ ха́та і́ли да́жы*

большы, а патом рамаами накрыва́лися, а патом виза́ли чика́нки, или ма́ты. Эта щас плёнка. А тада́ кугу́ виза́ли, как асо́ка, и накрыва́ли паве́рх, шоп те́пла бы́ла (Темирг.) – чика́нки, ма́ты. РАСШАТАТЬСЯ ... Анато́лий ни пьёт, а разгуля́всь, раишата́всь. Жэ́ня пи́шыт мне: «Я ни зна́ю, што То́лик ду́мает, е́дит в командиро́вку: у ниго́ и та́м жэ́ница, и ту́т дви...» (Октябр.) – раишата́всь, разгуля́всь. ЦЫГА́НОЧКА ... Цыга́начка – ме́линькии-ме́линькии я́блочки, си́льная-си́льная. Ме́линькии я́блочки, та от таки́и. Ра́ичка и вона́ же цыга́начка, кра́снинькии (Владимир.) – цыга́начка, ра́ичка.

Тавтология, см., напр.:

~ ПРОЩА́ЛЬНЕ ВОСКРЕСЕ́НЬЕ. ... У мэ́нэ ди́ты хоро́щи. Алла прыйшла́ и ка́жэ: «Сиго́дня Про́щальнэ вокрисе́нье, просты́ть мэ́нэ!» Я кажу́: «И мэ́нэ просты́, Бох просты́ть, и я проща́ю» (Черноер.) – про́щальнэ, просты́ть. ЖА́ЛЬ ... Сэ́стра в мэ́нэ мэ́нша. Я до то́го йи́и любы́ла, з у́ма сходо́yla. Лу́че хай мэ́нэ два́ ра́за побью́ть, но йи́и шоб нэ бы́лы. А вона́, в нэй нэ було́ жа́ли. Вона́ мэ́нэ нэ жа́лила (Марьян.) – жа́ль, жа́лила. ЛУ́ЧИНА² ... Жра́ть хо́чицца, на гара́ици лу́ку по́льныи карма́ны накладём, патом спу́стимся и ла́мпу зажыга́им, стикло́ дало́й, ришо́тку дало́й, ади́н хвити́ль гара́ить – и лучи́ну пичём (Куш.) – лу́ку, лучи́ну. ПОЧУ́ХАТЬ ... Я зломáла ру́ку, накладáлы гипс. И до чёго свырбы́ть, а нэ почу́хать. Мини́ зробы́лы таку́ из бума́гы тру́бочку, и я оцэ́ ш тико́ так ру́ку: чух-чух-чух (Вышестебл.) – почуха́ть, чух-чух-чух. РУКА́ВЩИК ... Я паца́ном рабо́тал рука́фщикам: диржа́л рука́ф. Рука́ф висит с камба́йна, штоб зирно́ ни рассыпа́лась, ве́шают рука́ф из мишкави́ны. Камбайне́р кричи́т: «Сматри́, ни атарви́ рука́ф!» А я рас атарва́л (Арх.) – рука́фщикам, рука́ф. ЧУГУ́НКА ... Чугу́нка бы́ла. Чугуно́к прабива́иши и тудá трубу́. Ну ана́ ш ма́линькая, тагда́ угля́ ма́ла бы́ла. Бурьяно́м прато́пиши, и ана́ гара́ить. Пириста́л паткла́дывать, ана́ астыва́ить (Успен.) – чугу́нка, чугуно́к.

Ирония, см., напр.:

ДЕРЕВЫ́НА ... Када́ на Тро́ицу ма́ма ма́зала доли́вку, крыча́ла: «Дивча́та, а ну бы́стро нарва́лы ве́ток!» И мы ны то́, шо ве́ток, мы от ра́дости дыривы́ну чу́ть ли ны прыта́цилы в ха́ту (Семисвод.). КОНДЫ́ЛЬ-КОНДЫ́ЛЬ ... Ось

прыходэ Сковоротка, жыных, вин жы вдовэць, а мы вдовы. Погулялы в дурака. Встáлы. Ра́йка пиднялэсь и пишла, а я кандыль-кандыль, пока ш розийдусь. Вин кáжэ: «Возьми иё в нывысты, а вона и до кровати ны дойдэ» (Калуж.). КУПЛЁННЫЙ ... Диты ходылы по хлиб в магазын, а мы пэклы самы, и мне хотелось: дивчáта нысуть хлиб. Я: «Ма, ну кода мы ужэ будим хлиб покупáть, шо мы ёго пэчём и пэчём». «Да ще, моя дóчичка, наистысь куплённого хлиба» (Марьян.). СТРАМЁНЬЕ ... В восьмой класс ходю и нэсу ту ш кашóлку. А хтось жэ побáчив ис хлóпцэв и кáжуть: «А Рáя шла шось там с кашóлкой». О-о-о! Я бильшэ нэ пиду никадá. Страмэнье! (Старонижестебл.). ~ ТИ́КО ИБА́ЧИЛЫ. ... В нас прыданэ возылы тра́ктором. Тáк шо интырэсно булó! Нэ тáк, шо щáс – урррр! Пробиглы – и всэ: тiко и бáчили (Новопласт.).

Сравнение леммы, см., напр.:

КУБЫ́ШКА ... На гарóде и кубы́шки расли, ёто такiе ты́квачки, тóльки дли́нные, как гру́шы. У ийх вóду диржáли. Вы́долбють снутрi усё и налива́ють, вада усигдá халóдная у ийх. Бальшы́е ани́ бы́ли. Вóду какую нальёш, такую вазмёш – ни грéйица (Вознес.) – кубы́шки... дли́нные, как гру́шы. ЛЕ́ЖЕНЬ ... А лёжынь пикуть тiльке для молодых. Вин як каравáй, ёго лiнтой пэрэвязують, а на дрóгый дэнь дають молоды́м ийсты (Бриньк.) – лёжынь як каравáй. САНДÓЛЬ ... В ыю́ни шаранá хтó зна скiкэ. И отó такi сандóли в вiди выл, и утó нанiзываиш и лóвыш утó тáкочки (Курч.) – сандóли в вiди выл. ЧУ́НЬКИ ... Появы́вся клéй рэзи́новый, началы́ с кáмэры дéлать такi, ну мы казáлы «чу́ньки», в вiди глубóких калóш. Воны́ высотóю от пóлу примéрно сантимэ́трив пятнáцать, ну у нiх нэ зádникив нэмáе, нычёго, улытэ, кáмэра. Идэш, воны́ скóбзаюця, пáдаеш (Старотит.) – чу́ньки в вiди глубóких калóш. ШАПЛЫ́К ... А кáк простуды́ булы. Шаплы́к, ну как бóчка. О тудá мáтэ трав накидáе, нальé горячий воды́ туды́, и утó мы там, залáзим тудá вдвоём, троём. И сыды́м хохóчим (Пашк.) – шаплы́к, ну как бóчка.

Употребление леммы в составе ПТ, см., напр.:

БАЗÓК ... За столóм з дiдом балáкаим, а внук (вин в пя́том клáсси) влиз в наш разговóр. А дид и кáжэ: «Твоё дiло тэля́че: пососáв и в базóк. Сыды́ и нэ

вмішуйся в разговор старших» (Вышестебл.). ЗАМИЖ ... Жылы бідно. Ну нычэго в нас ны було. Мы як жынылыся, людэ казэлы: гóре жынылося, нуждэ зэмиш ила (Пашк.). ЗРИМНЯТЬСЯ ... Жыла в чужых людэй, а вонэ хочь и хорошó до мэне относэлысь: ны былы, йісты давалы, а фсё и такы рідна дытына з чужой ны зримняйиця (Брат.). МАКУ́ХА ... Уну́чка однэ плаття куповэла, другэ, трэ́тте носыть нэ хóче. Я кажу: «Сыта корóвка, кóли маку́ху ны йисть» (Елиз.). НЕМА́ ... Уну́чка нэвдэчно замиж вэйшла: погáно жывóть. Вин ныдэы ны рóбэ, батэко пье. Ну такэ нывэжна сымья. Я кажу: «Ну чим ты думала, як зэмиж ишлэ?» Ну та шо казэть: нымэ умэ – ны купыш (Старотит.).

Комбинация выразительных средств

Повтор леммы и употребление синонимов, см., напр.:

БАЗÓЧЕК ... Як должнэ корóва тылы́ця, всигдэ такі базóчки былы: там для тыляток, тут корóви стоять у рят. Базóчки всигдэ доярка былыла звёсткою. По одному тылятки дэржат вот в этых базóчках. Базóчик – загон. Корóва рóдэ, и срэзу туды тылятко (Дружн.) – синонимы: базóчик, загон. КАМКА́ ... На мóри, на Пэрэсыпи, богáто камкі. Камкэ – зэлэнка такэ. У нас грэбу́ть эту камку́ и су́шуть. А тоді прывóзюць до дóму, засти́ляюць, напрымэр, потолкы́ (Ахтаниз.) – синонимы: камкэ, зелэнка. КРЭЙДА́ ... У нас на потолку́ був крух ис крэйды. И отó прыйду́, стáну на шó, зали́зу, одибью́ на потолку́ крэйды и нэсу́ у шкóлу. А там туді, як учітільница прóсэ: «Ни в когó мела нет?» Я отó вы́тяну и дам (Пласт.) – синонимы: крэйда, мел. НА́НКА ... Сінію нáнку прадавалі. Мάма купіла мне сіній нáнки этай на ю́пку. Ну, бясь. И ишы́ла мне: тут две склáдачки и тут две склáдачки. И гавары́ть: «Гляді, эта тóльки у цэркву хаді́ть» (Успен.) – синонимы: нáнку, бясь. САЧÓК ... Мάма сибé ишы́ла жыкэтку, чэрнага матирья́лу, я прашу́: «Мам, ну дай сачёк, я схажу́ у клуп». А анэ: «Натáш, я и у цэркву пайду́». А я: «Мам, ну дай!» Ну дась мне этат сачёк, разришы́ть (Арх.) – синонимы: сачёк, жыкэтку.

Повтор леммы и употребление антонимов, см., напр.:

ГЛУПО́Й ... Тут у нас глупыйи есть. Мальчійшка мáлинький, йивó сабáка парвэла. Ну óн глупой и стал. И старуха глупая́ есть. Была́ умная, жыла́, жыла́ –

умá лишы́лась (Новолаб.) – *глупáя* – *у́мная*. РАЗГОВА́РИВАТЬ ... РАЗГОВА́РЮВАТЬ ... *Нам ковхо́з дава́в путёвкы чи курсо́вкы в санато́рий. Пои́хало нас пять. Ну мы: дава́йти разгова́ривать, та дава́йтэ тíкы разгова́рювать. Ва́ля, ны бала́кай* (Старокорс.) – антонимы: *разгова́ривать / разгова́рювать* – *бала́кай*. УТРОШНИК ... *Малако́ есть у́трашник и вичёрашник. Утрашник у каро́вы гара́зда лу́чшы, патаму́ ита но́чью ана́ то́лька пирива́риваит, што за де́нь накапи́лась. Паэ́таму называ́ють: «ну ты жва́чная каро́ва». Вот сича́с как вичёрашник прынису́ть – ну вади́чка. Как у́трашник прынису́ть – набо́льшы смита́ны* (Перед.) – антонимы: *у́трашник* – *вичёрашник*.

Повтор леммы и тавтология, см., напр.:

ЗО́НА ... *Появы́лась мате́рыя – зон. Пошы́лы исподни ю́пки с кружыва́мы, а мэни́ ма́ма ка́жэ: «Нарвы́ вы́шню на варэ́ныкы». А я ми́рила цю зо́ну и поли́зла на вы́шню. А воно́ ж, з ве́ткы рвэш, а за́дницэ́й товчэ́ш. Встаю́, а у мэ́нэ вся моя́ зо́на в вы́шни* (Канелов.) – тавтология: *зона, зон*. ЛО́ЖНИК ... *Ло́жник стили́ли на пе́чку. Лажы́лись свёрху, хо́ладна наўтра – пад ло́жник ляга́лы. Укрыва́цца не́чим было́* (Ильич) – тавтология: *ло́жник, лажы́лись*. ПОКРЫ́ЧИ́ХА ... *Булы́ в нас покры́чы́хы. Ну цэ́ ти, шо дыты́ну до винця́ ма́лы. Каза́лы «покры́чы́ха», бо вона́ вжэ́ покры́та, да нэ́ винце́м, а дыты́ною* (Кучуг.) – тавтология: *покры́чы́ха, покры́та*. РОЖЕСТВОВА́ТЬ ... *На Рожы́ство́ рожы́ству́ють, звизду́ де́лають. Бува́е, хоро́шу звизду́ зде́лають, двойну́ю, у сирётку устро́млялы свэ́чку. Свича́ горы́ть, и уто́ со звиздо́й рожы́ству́ють* (Брюх.) – тавтология: *Рожы́ство́, рожы́ству́ють*. СТРУГА́ЧКА ... *Комы́ш поко́сят. Була́ струга́чка. Жэ́ница́на ту струга́чку ни потя́нит. Э́та з зу́бчы́ками, на дву́х длі́нных па́лках, диржака́х. И э́тими диржака́ми струга́иш на льду́, а пото́м згриба́иш. А пото́м приво́зят гарбу́, кида́им туды́ и везэ́м до до́му топы́ть* (Канелов.) – тавтология: *струга́чка, струга́иш*.

Повтор леммы и сравнение леммы, см., напр.:

ДОСА́ДНЫК ... *Доса́днык як а́сма. Жмэ́ чэ́лови́ка. Лю́ды задыха́юцца. Доса́днык ба́бкамы лі́чицца. Рука́мы на́да рабо́татъ. И мо́лытва́ есть «Очче́ наш»* (Дядьк.) – *доса́днык як а́сма*. ДРА́ЧКА ... *В со́рок трэ́тим была́ арно́вка,*

пишніца, и була як мясорўпка – драчка. Это на ту драчку, добавляиш картошычку в ту муку и катаиш пышычки (Канелов.) – як мясорўпка – драчка. ПЕРЭРЭЗ ... «Пэрэрэс» называлась ранышэ кадўшка шырокая. Сел в пэрэрэс, и накрывають рядном, шоп ни астывала. Анó бы́ла диривяннае, как кадўшка, то́лька ровнае, кру́глае. Вот купалися там (Отваж.) – пэрэрэс как кадўшка. ПУТАНКА ... А он ни ходит да жыны́, к йиму́ пўтанки ходють. Ты знаиш, кто э́та пўтанки? Нет? – Нет.– А я тибé скажу́, што за пўтанки. Брошынки – развадящи, а пўтанки – э́та как праститўтки (Апш.) – пўтанки как праститўтки. ТАЛА́ ... Тала́ врóди как вирба́, но ни вирба́, прóста аднавó с нёю симейства. Тала́ вóду любить, у са́май вады́ растёт, и у лису́ ея́ фстрётить мóжна то́лька в мóкрых тёмных миста́х (Тенг.) – тала́ врóди как вирба́.

Повтор леммы и ирония, см., напр.:

БАССЕЙН ... У нас в станы́ци дом продава́лы. Напыса́лы в газэту: «Продаеця́ дом з бассэйном». Ну люды́ с сэвыра купылы́ чэрэс посрэдняка, прыйихалы́ и ка́жуть: «А дэ́ у вас тут бассэйн?» (Старотит.). ЖИРНЫЙ ... Вот сматрjú на тиливизару «Дава́й пажэ́нимся». Ду́маю: о! какии́, жи́рнаи! Ей вон ни нра́вицца. Гля́ниш: тако́й муци́на! Зараба́туить, машы́ну имеет, свой дом. А анá кавы́рзуить, ка́бы ей вирталёты. Ду́маю: о! какии́, жи́рнаи! А мы... (Бесстраш.). ~ ЛЕЖА́ТЬ ЯК ДРУЧО́К. ... Нэ́ було́ бизобра́зий. Шоп там прогуля́лась яка́. Я так ча́сто, було́, смию́ся с свогó та ка́жу: «От интэрэ́сно: дружы́лы, дружы́лы. Було́, лыжы́ть оцэ́, лыжы́ть биля́ мэ́нэ як дручэ́к. Ёго́ нычу́ть... ныдэ́ нычэ́. Война́, навэрно́, потрипа́ла. Отó так... лыжы́ть биля́ мэ́нэ як дручэ́к» (Марьян.). РОБЫ́ТЬ ... Я так хорошо́ научи́лась чэ́рну икру́ робы́ть, так уку́сно. А як я научи́лась робы́ть, и икра́ за́кончилась (Старотит.). ШЛЯ́ПА ... А як ра́диво появи́лося, колхо́зникам тико́ провóдылы. Шля́пы таки́ булы́. И ба́бушка у нас була́ и ка́жэ: «Дэ́ воны́ ф шля́пи поми́цаюцца?» (Калуж.).

Повтор леммы и её упоребление в составе ПТ, см., напр.:

МОЛОДЫ́К ... Ба́бушка так расказа́ывала: э́сли ты сыды́ш на у́лыци и паба́чиш малады́ка, то на́до наказáть малады́ку дэ́ньги и сказа́ть: «Малады́к, малады́к, на тибí на рост, а минí на здарóвье». И тада́ вин помóжэ. А э́сли с

собою дэних нымáе, то хады́ть за ны́мы спицáльна ныльзя́ (Бузин.). ЦУЦЕНЯ́ ... Дэ́душка прыйі́хав на ху́тор горбо́ю на коро́ви. Посады́в нас на горбу́. Ма́ма пла́чуть. А мы ра́ди, шо в станы́цю йі́дым, поштí шо у го́рот. Нычэ́го: цуцы́ня́т забра́л, а су́чка хоть куда́ за цуцы́ня́тами прыбежы́ть. Цэ́ така́ бу́ла погово́рка. И пра́вда, ма́мка скры́ню погрузі́ли, и так мы ста́ли в станы́ци жы́ть (Старонижестебл.).

Употребление леммы в составе ПТ и рифма, см., напр.:

БАТРАКОВА́ТЬ ... Симвя́ была́ бальша́я, дите́й мно́га... и фси́ йі́сты про́сят. Вот и пришло́сь мне с ра́нних лет батракава́ть. А батракава́ть – ни пе́сни спива́ть (Желез.). КРЫ́НЬЦЯ́ ... Вона́ (невестка) с сы́ном развыла́сь и щас вну́ку нэ́ разриша́е до нас ходы́ть. Э́, кажу́, Ната́ша, нэ́ плюй у кры́ны́цю, прыгоды́цяя воды́ напы́цяя (Старомыш.). СТАВО́К ... В наро́ди так гаваря́т: «Илья́ праро́к насса́л ф ставо́к». Э́та зна́чит, што начина́йицца макро́та и да Ильи́и ну́жна лук убра́ть (Арх.).

Употребление синонимов и антонимов, см., напр.:

~ ДО́БРА(Я) ВОДА́. ... Тоди́ ры́лыся колодизя́. Ну, пра́вда, в одны́х колодизя́х бу́ла гирка́ вода́, шо употрибля́ть нызя́ бу́ло ны для пы́щи, ны для пы́тъя, ті́ко полыва́ть зэ́млю. А в други́ колодизя́ с хоро́шой, до́брой водо́й, кото́ру мо́жно пы́ты (Полтав.) – синонимы: с хоро́шой, до́брой водо́й; антонимы: гирка́ вода́ – до́брой водо́й. ПОДИ́ЛЬЧИВЫ́Й ... У нас ба́бушка бу́ла ще́дра, и до́бра, и поді́льчива. А ма́ма, как тоби́ сказа́ть, скупэ́нька бу́ла: она́ лі́шню копы́рку ныко́му нэ́ даст (Сев.) – синонимы: поді́льчива, ще́дра, до́бра; антонимы: поді́льчива – скупэ́нька.

Рифма и тавтология, см., напр.:

ПАСТЬ ... ПА́СТИ ... ПА́СТЫ ... То́лька каза́в: «Мо́пéт ку́пытэ́, бу́ду па́сты твои́х индюки́в». А я гаварю́: «На́чав исы́ – зна́чить пасы́» (Полтав.) – рифма: исы́ – пасы́; тавтология: па́сты – пасы́.

Тавтология и ирония, см., напр.:

ЧУХАНЬЕ ... Мы з братом любылы чухаця. Вин кажэ, шоб я чухала пэрвой. Ну я чухаю доўго. А він быстрынько прочухав мині и спатъ. Отó и всэ чуханне (Вареник.) – чухаця, прочухав, чуханне.

Повтор леммы, синонимы и ирония, см., напр.:

ПЕЛЮШКА ... Я пылёнкі постирала. Муш говоріт: «Давай, я пиду повешаю!» А отэц и говоріт: «Пытроб, шо ты за козак, шо ты пылюшкы вйшаиш?!» И прыцтавляиш, мы и ны жылы, так ы розийшысь. Отак пылюшкы... (Марьян.) – синонимы: пылёнкі, пылюшкы. ПОЛУМЫСОК ... Одын раз мині ніколы було, а сын прышо́л со шкóлы. Я кажу: «Бэры полумысок, насыпай собі кушать». А вин: «Шо вы казали? Полумысок! Нэ буду йісты». Взял той полумысок. «Пиду бабусю спрощу, шо вонó. Если бабуся скажэ, шо полумысок, я з нэго істы нэ буду, давайтэ тарэлку» (Старотит.) – синонимы: полумысок, тарэлка. ЦЫБУЛЯ ... Унучка прыйіхала до бабушкы и кажэ: «Я, бабушка, лук ны люблю!» А бабушка кажэ: «А цыбулю будэиш йісты?» Вонá кажэ: «Цыбулю буду». А вонá ны зна, шо цэ такэ – цыбуля. Вонá с Кэрчі прыйіхала (Старотит.) – синонимы: цыбуля, лук.

Повтор леммы, синонимы и её употребление в составе ПТ, см., напр.:

РЕШЕТО .... У нас е рэшыта такэ. Цэ рэшыта, а па-нашыму сита, муку сіять. Пэсня яка тóжы паёца за цэ рэшыта: «Ой! кума, дай минэ рэшыта, я мукі те прасію, завтра уранце прынэсу, прынэсу» (Первореч.) – синонимы: рэшыта, сита.

Повтор леммы, тавтология и ирония, см., напр.:

СПИВАНИЕ ... Мий руково́дытіль хóра такы на мэнэ надэжды возлагал. А я вышла замуш. И на́до було на співку пóсли рабóты. Вин (муж) дывілся, дывілся и катигорічно говоріт: іли співание, іли ён... Я сидю, слухаю и думаю: ну никудышне співанне (Старовелич.) – тавтология: співание, співку.

Повтор леммы, еёупотребление в составе ПТ и рифма, см., напр.:

БАТРАКОВАТЬ ... Симвя́ была́ больша́я, дитей мно́га... и фсі́ йісты прóсятъ. Вот и пришлóсь мне с рáнных лет батракава́тъ. А батракава́тъ – ни пэсни спива́тъ (Желез). ~ В(У) ГОРУ. ... А мать нас научіла. Як пичь тóпэ, то

крыча́ть в трубу́: «Дым – в го́ру, а папа́ня – до до́му!» И мы всигда́, тро́е, пыта́лись засу́нуть в пичь го́лову и як мо́жно гро́мче крыча́лы: «Дым – в го́ру, а папа́ня – до до́му!» Но ба́тько, коне́чно, с войны́ нэ верну́вся (Новомин.). ТОПО́ЛЯ ... Як станы́цю бомбы́лы, так у нас бу́ла тётка. Зала́зыла вы́соко, а там сто́яла топо́ля, як ка́жуть, сэ́рэдь по́ля. И тётка на топо́лю зала́зыла. А мы крычи́м: «Ну шо там?» А она́ ка́жэ: «Станы́ця горы́ть» (Новомин.). МАКУ́ХА ... Ой! дивча́та, мы и маку́ху е́ли. Пае́ш и маку́ху, кагда́ галаду́ха (Некрас.).

Кроме названных средств языковой выразительности, концентрации внимания на лемме способствует её позиция в лексорассказе. При формировании лексорассказа мы стремились придерживаться трёхчастной композиции, что позволяет представить иллюстративный пример как законченное лексикографическое произведение и не перегружать его избыточной информацией. Лемма может входить в любую из его частей.

Максимально сильной позицией леммы является её употребление информантом в каждой части лексорассказа. См., напр.:

БЕДА́РКА ... Бида́рка – це́ повозка на дву́х колёсах. У нас у станы́ци бу́ла тико́ одна́ бида́рка, у Васи́ля Довжэ́нка. Так то́й бида́рку купы́в, тико́ шоб до це́рквы йи́здыть (Старовелич.). ЗАМАШНИ́НА ... Мать расказа́ывала, што у ни́х замашни́на бу́ла. Я, гавари́т, ни хате́ла в э́тай замашни́ни хады́ть. Мне зде́лали э́ту пла́ття, а я, гавари́т, ни хате́ла в э́тай замашни́ни хады́ть, иё тка́ли с кана́пí (Арх.). КИСЛИ́ЦА ... Идём у ле́с, сабира́им ди́кии гру́шы и́ли кисли́цы. И вот ка́да мёт ва́рыш, э́ти кисли́цы тудá умести́ с хвостика́ми, и ани́, ка́да сва́рыцца мёт, са́хару туды́ ни сы́пши, про́ста э́тат сок ади́н. И э́ти вот кисли́цы пря́м янтарны́, аш се́мички ви́дна у кисли́ц (Темирг.). МАНЕ́ЖКА ... Снача́ла ка́чка, а пато́м ужэ́ падрасли́ – мане́шка. Да пяти́ лет спа́ли у э́тай мане́шки. Муш для пе́рвава мальчи́шки зде́лал э́ту мане́шку и па́кра́сил иё кра́скай. (Арх.). ШОВКО́ВЫЦЯ ... Оту́т, ря́дам, за углу́м, здра́ова бу́ла шовко́выця. И ве́чера́м по́сли вайны́ (а шо ж мы бу́дэм йи́сты) ба́рэ́м хли́ба та и на шовко́выцу. Взя́лы хли́ба кусо́к и пи́шлы на шовко́выцу, та и всэ́ (Кулеш.).

Употребление лексикографируемой единицы во вступительной и заключительной частях («кольцевой повтор») лексорассказа также является сильной позицией. См., напр.:

КОПАНЬ ... *Холодыльникив ны було – копань була, ф копани усэ. До корзынки до якоьсь привязувалы вирёфку и опускалы туды, ф копань. Вмісто холодыльника було там. Богато ны варылы, на сёдня. Но як оцэ така жарá, так ф копани оно́ було* (Гривен.). **ЛОТОЧКИ** ... *А я рас пайіхала у Краснадар, зайшла у магазін и кажу: «Дайти мине лóточкы». А прадавцы и глаза повылуплялы, ны поіймутъ. А апасля спрашывають: «Чувякы, да?» Я кажу: «Хай ваны сказяця ци чувякы, я усё врэмя кажу: лóточкы»* (Серг.). **ОБАПОЛЫ** ... *Мы у колхози выпісуylim абáпалы. Дóски, як пыляют на пыльни, у стройбригади, от йіх остаюцца рэйки, по бокам брывна отпылювалы. Вот и топылы йімы: порубайиш, слóжыш у сарай. Браы абáпалав богато, они дышóви* (Елиз.). **ПОСИДЕНКИ** ... *Пашла на пасиденки, интирэсна: хлóпцы з дивчáтами разгаваривають, заслушалася. Пришла дамóй – весь узóр папутан. Ругде мени мэты: «Ни пуцу на пасиденки!»* (Дин.).

К сильной позиции относится также положение леммы в заключительной части лексорассказа («кольцевой повтор» охватывает начало словарной статьи – заголовочное слово – и конец иллюстрации):

ВПЯТЁХ ... *Мама прышла: ну чё вы? Разломáлы б (курицу), мині кусóчек оста́вылы, а сáмы б ужэ поійлы. Ни. Ждымо́ маму. Обизáтельно жда́лы маму. И мы впятёх сидáим за стіл* (Сев.). **ЗЕНАВЫДЕТЬ** ... *Одын хлóпыць у мэ́нэ влюбівся. От мині бидá була: глаз з мэ́нэ ны зводэ, да ще посадылы за одну́ па́рту. Я ёго прямо зынавыдыла* (Новомалорос.). **ОТКИДАТЬ** ... *Жыли в адной кóмнати. Тут адін брат спит, тут рядам друго́й спит ж жо́нами. И мамка пасриди́ни. Да, тада́ была так, тада́ был закóн тако́й. Сичáс с радитилем ни хóчуть жыть. А рáньшы радитилей никагда́ ни аткида́ли* (Твер.). ~ **ПОСАДИТЬ ПОД КОРЫ́ТО**. ... *Ані миня́ клюва́ли, далби́ли. И би́ли миня́, шо я замуш рáньшы вы́шла, са́ма мэ́нша. Гавары́ли: «Пасади́ла нас пат кары́та!»* (Арх.). **УТОРЫ** ... *В бо́чки дно вы́валилась. А я загуби́л не́скалька до́ньев, а вста́вить – ни вста́вил.*

Прихажу́ к ациу́: «Пап, ну как мне замéрить? Ана́ и́ли праско́чить, и́ли ба́льшая». Дет мне и гавари́т: «Вон, ви́диши цы́ркуль у миня́ висит, и шэсть круго́в на уто́рам» (Успен.).

Слабые позиции лексикографируемой единицы – её употребление во вступительной или в основной частях лексорасказа. В таких случаях для концентрации внимания на лемме следует соблюдать следующее правило: части, в которых лемма не представлена, не должны превышать трёх предложений.

Лемма входит во вступление лексорасказа, см., напр.:

КОПТЮ́ЛЬКА ... *Та вэ́чирам засвэ́тють каптю́льку, тапазбыра́юцца ба́бы, та сэ́мичик панажа́рють и лу́скають. Ото́ и развличэ́нне фсэ́ було́ (Высел.).*
МАКУ́ХА ... *Маку́ху вазьму́, пагрызу́, а тагда́ как начну́ рвать. Ана́ ужэ́ ни идёт нам, а мы́ ё́ фсэ́ э́ли (Гарк.).*
МА́ТЕР(Б) ... *Ма́тирь свою́ я так любы́ла. Була́ манэ́нькою, всэ́ за нэ́ю пла́кала вычира́мы: боя́лась, шоб она́ ны вмэ́рла (Новомалорос.).*
МЛАДЭ́НСКА(Я) ... *Сынóчка накры́ла младэ́нская. Сказáли: на́да накры́ть винча́льным пла́тым. Паку́да нашли́, пришли́, накры́ли – всё равно́ у́мир (Чамлык.).*
ХРОН ... *А ось дивча́та, я вам а хро́ни расскажу́. Я ёго посады́ла тут, у закуто́чку, а моя́ сыстра́ посады́ла у агаро́ди, так ви́н разри́сся по всёму́ двору́ и так забива́ усэ́, шо ни да́й Бох (Бриньк.).*

Лемма входит в основную часть лексорасказа, см., напр.:

БА́РНИЧАТЬ ... *Було́, як сядэ́ш на ко́ни да гало́пам! Вро́дэ жылы́ да ба́рничалы. Кавуны́ збира́лы, но́чью пацо́лнухи рубáли. Во́ду на пра́зники святы́лы, акрапля́ли двир. Ста́рых уважа́лы (Бол. Бейс.).*
ЗАХУДА́ТЬ ... *Я дэ́вачку нянчила. А сты́дна прасы́ть йи́сты. И так я захудáла сама́: шку́ра на мни́ да ко́сти. Хазя́йка ка́жэ: «Шо ты, Ва́ля, захудáла?» А ма́ма ка́жэ: «А ты ей йи́сты даéш?» «Да, аставля́ю». «А ка́жыши, шоп ана́ кушала?» «Нет». «Да ана́ срóду нэ́ во́змэ сама́» (Медвед.).*
В(У) ОЧА́Х ЖЭ́ВТЕ ... *Я ду́маю: я ту́точки з обры́ва нырну́. А там, вы́дно, круговоро́т ото́й був. Закруты́ло мэ́нэ, а в оча́х жо́втэ. И сама́ соби́ кажэ́ у води́: «Оцэ́ ужэ́ всэ́» (Староджер.).*
СТАРЧИ́ХА ... *Я цэ́ запо́мнила. В нас ха́та була́, и на глухо́й стинé викно́, и ото́ ш ниско́ ви́кна булы́. И старчи́ха, дэ́вочка, стои́ть и грызе́ буря́к сыры́й. Ба́бушка понислы́ шо́-то. На́до було́*

подава́ть (Новопавл.). **У́ЛЬЦЯ** ... *Люды посхóдяця, сосіды. Тряпкы покыдають и лэжа́ть на то́м кураю́. Ульця. Всигда́ люды до ба́бушкы ходы́лы. Богáто. И жэ́нщины, и муці́ны. Хто на лáвках сыды́ть, а хто кухва́йку кінэ, ляжэ́ и лижы́ть на кураю́* (Новопавл.).

Представленные в иллюстративной зоне словаря лексорассказы тематически весьма разнообразны. Особый интерес вызывают те из них, которые составлены на основе воспоминаний очевидцев или непосредственных участников событий, ставших уже достоянием истории. В этих лексорассказах отражается «ненаучное», но поистине народное восприятие прошлого. Приведём некоторые из них, группируя их тематически.

Казачий уклад

ПАЙ ... *А ра́ньшэ́ було́ ось як: на ка́ждого сы́на дава́лы зімлю, свий пай бу́в. Ось богáто сынові́й було́ – богáто було́ и зимлі́. А у ко́го дивча́та булы́, той зимлі́ нэ́ имі́в. Цэ́ було́ ті́кэ у казаки́в, а городовы́кі цэ́го нэ́ имі́лы* (Елиз.). **СПРА́ВИТЬ** ... *Хто бага́тый, тот справля́лся, а хто бе́дный, тот шол в адде́л к атама́ну. Там гавары́т: «Гаспади́н атама́н, на́да казаку́ спра́вить». Тот пішы́т бума́шку, иде́ть с ні́ми памо́шник в мастирску́ю, и шью́ть все́, шо на́да. И будь добр распишы́сь, и каза́к иде́ть служы́ть* (Елиз.). **СПРАВЛЯ́ТЬ** ... *Када́ каза́к шол на службу́, йигó на́да бы́ла справля́ть. Казаку́ на́до бы́ла каня́, и баишы́к, и бу́рку. Инага́родних гасуда́рства справля́ла. Он пашо́л служы́ть, куфа́ичку наде́л. А йигó́ и адэ́нут, и абую́т* (Елиз.). **СПРАВЛЯ́ТЬСЯ** ... *Инага́родних гасуда́рства справля́ла. Патаму́ шта́ у йі́х ни було́ зимлі́. А у казако́в була́ зимля́. Ані́ са́ми справля́лись. Хто бага́тый, тот справля́лся, а хто бе́дный, тот шол в адде́л к атама́ну* (Елиз.). **СТАКА́НЯГА** ... *Абы́чна у казако́в бутылі́ пятилі́тровыи́ и качано́м заткну́ты. Во́тка му́тная бы́ла. Ну́ я ны зна́ю, пі́ли ны рю́мкымы́, а стака́нягамы́ такы́мы пі́лы. Го́споди, и пья́нымы́ ны бы́лі* (Первореч.). **Ю́РТ** ... *А други́я ото́ станы́ци, дэ́ юрты́ би́льшэ́, – Староми́нская́, Кущэ́вка, там стипя́ би́льшэ́. Шо́ такэ́ ю́рт? Ото́ та зэ́мля, шо́ станы́цю́ окружа́е. У на́с от бо́льшы́ нэ́ було́, як дэ́сятъ киломе́трив стэ́п. Тут каза́чий пай – зэ́мля дава́лась ра́ньшы́, до два́цать трэ́тэ́го го́ду* (Старомы́ш.).

Жизнь до революции

ПАЙКА ... Дед мой ще тут жыл. Булы у нас и зѣмли: имѣли пайку свою у стѣну, и лошадей, и хату, ничѣм ни нуждались. Мабуть, лучче самого царя жыли (Марьян.). СКОПЩИНА ... Раньшы-та как была. Скопщина. Мужыкі работали, аддают мужыку дѣсять дисятин: палавину йиму, палавину хазяину. Пацолнухаф, кукурузянки, будылки – часть мужыку, часть хазяину (Гейм.). СТАРОВЫНА ... Цѣ як у старовыну байстрюков, их якось прызиралы, а сийчас этого нет. А в старовыну дажэ матэр ссылалы на ссылку на трыцать лит, шоб не бачила дитыну, если ты прыжыла. Это було у нас, у Дядьковской, у старовыну (Дядьк.). УПРАВЛЯТЬСЯ ... В школу ходылы ны усі диты. Диты пособлялы родитѣлям у полі, на огородах, дома управлялыся со скотыной или робылы батракамы у кулакив (Шаб.). ~ БРАТСКА(Я) ХАТА. ... Була ще у станыци брацька хата, так йиі называлы. Цѣ значить, шо цю хату робылы усі гуртом... А потѣм, як пострѣять, так там була абѣ школа, абѣ які станычни собрання збыралы, та и молоді прыходылы сюды на гулянки (Старовелич.).

Раскулачивание

ДЕТЫНКА ... Зѣмлю одибралы. Вывѣзылы на воззал – у товарнякі – и погналы в Вологоцкую облась. Цѣ було дѣло в трыцать вторѣм году. Родылась у мамы дытынка, моя сыстрычка, у вагѣни в холѣдном. Дытынка замѣрзла, так моя мама всѣ врѣмя за той дытынкой плакала, стикѣ и жыла (Медвед.). КУЛАЧИТЬ¹ ... Булы у нас куркулі, да йих и в наймы ходылы. Кулачили йих, высылалы. Адна симья токо и вирнулась у сваю хату (Сев.). И я казачка, адні казаки и мама. Наши прадиды в Гуриівскай, там, жыли. Ну, там у нѣх, видиш, как была: кагда радился сын, двацать пять сотак наделу дают зимлі. Зѣмли давали, и вот у нѣх пять сынавей была и две дѣчки – мама и ищѣ систра. У нѣх была свая маслабойня. Работали ані, и табак. Рабочих нѣ была, все и нивѣски; жыли, строили аддельна, а работали вмѣсти. Ну, а потѣм начили кулачить, тада паразѣхались (Лесогор.). НЕХАЙ ... Их покулачили, выгнали з хаты. Там щас жывуть другы люды. И нѣхай жывуть: у нас всѣ е (Вышестебл.). РАСКУЛАЧКА ... Началась раскулачка в трыцатѣм году: раскулачивалы свѣкра,

свикру́ху, Олю мою́ з му́жэм вы́гналы з до́му, огра́былы всё. Это коммунисты и комсомольцы (Октябр.).

Голод 30-х годов

КАБА́К ... Страшно́й го́лод був в тры́цать второ́м, тры́цать трэ́тим. Ушла́ мать на ху́тор Пролита́рский. Йий там далы́ кусо́чек кабака́. Идэ оттуда́, а ей ка́жуть там: «Аню́та, в тэ́бэ брат умэ́р». А она ка́жэ: «Сла́ва Бо́гу! Оцэ́й каба́к мий бу́дэ» (Дядьк.). МЫША́ЧИЙ ... В тры́цать трэ́тим гарба́мы возы́лы. Здо́хлы з го́лоду мно́го. А мы вы́жылы. Ходы́лы, мыша́чы но́рки иска́лы. Мышы́ на зимо́вку кукуру́зу пряталы. У но́ры. Лопа́той раздо́лбыш и вы́тацциш (Казаче-Малев.). НАВКО́ЛЮШКЫ ... Люды́ схова́ють качаны́ кукуру́зы у плы́тку. Комсю́кы и тудá лизу́ть, забыра́ють послі́дни. Папа́ня роска́зував: люды́ па́дають навко́люшкы, про́сють (Новомалорос.). РИЗА́ЧКА... Ну тогда́, у тры́цать трі́тым, голодо́вка бу́ла. А мы с Ната́шэй вы́жылы. А пото́м як откры́лась у станы́ци дизинте́рия. Шо нэ́ ску́шае че́ловік, и обиза́тильно такы́й поно́с, такы́й и с кро́вью. Называ́иця «риза́чка» по-на́шыму языко́ви, шо мы бала́каим. От э́та риза́чка и зарі́зала Ната́шу. Оста́лася я одна́ (Нововелич.). СА́ДИВКА ... Тра́ктор са́дэ кукуру́зу. А воно́, голодо́вка страшна́. То́лько захова́еця за буго́р, а мы на колéнках, и дэ са́дивка шла, по то́й кана́вке, собыра́лы кукуру́зу (Старотит.). ~ ТИ́ХОЕ ПОМЕ́ШАНИЕ. ... Са́мэ був го́лот у тры́цать читвэ́ртом. Муш ти́хвом забо́лів и умэ́р, и в мэ́нэ получи́лося ти́хое помэ́шание: дэ хто йі́дэ, а я чипля́юся на пидво́ды. А рэ́бёночик бэз груди́ по́мэр (Серг.).

Колхозное строительство

~ ВЫСКА́КИВАТЬ (ВЫ́СКОЧИТЬ) ИЗ КОЛХО́ЗА. ... В тры́цатых годáх мо́да така́ бу́ла: выска́кивать ис колхо́за. Уцэ́ запыса́вся, а на дру́гый дэнь выпі́суюця. Я прыхо́дю до до́му, надива́ю хрэ́стик. Ма́мка ка́жэ: «Ты и колхо́знык!» Я кажу́: «Я вжэ́ вы́скочив ис колхо́за» (Старотит.). КОНБА́ЙН ... А вжэ́ як привизлы́ конба́йн, як пусты́лы ёго́, ба́бы крыча́т: «Ой! Пропáл хлеб!» Мы ж росты́лы, достава́лося го́рько (Брат.). С-ПИ́Д ... А бу́ла тут одна́ ба́пка, Нау́мыха. Як нача́лы паха́ть форзо́намы, а она́ ка́жэ: «Я с-пит форзо́нив ни бу́ду

хліба йісты, вин б'удэ карасіном воняць» (Брат.). ~ СПАСЬБІБО ВАМ В(У) ША́ПКУ. ... Позабыра́лы коро́в у колхо́з – ни молока́, ни ма́сла. Спасьбібо вам в ша́пку – да́жэ дыты́ни больно́й молока́ нэмде (Старомыш.). ТРА́ХТОР ... А вот по́мню, как прые́хал пе́рвый рас тра́хтар с камму́ны паха́ть. У на́с камму́ны ни было́. А атку́да вон прые́хал, я ужэ́ ни по́мню. Так мы бигі́м за тем тра́хтарам как на музе́й глиде́ть. Наро́да ско́льки бы́ла, сматре́ть прибегли (Гейм.).

Великая Отечественная война

МУЖЧИ́НСКИЙ ... А вайна́ была́, Го́споди! И сқырдава́лы, и малаты́лы, и шо тілька ни де́лалы – усё на на́шых рука́х. И муци́нска рабо́та то́жса (Марьин.). НАВЗРЫ́В ... Война́ ко́нчилась. Пла́чут, ту́жуют, абнима́ют, ра́дуюцца. А хто гума́гу палучи́лі – плаче навзры́в. Ба́тька паги́н за Ро́дину (Серг.). Война́ ко́нчилась. На́до би́хты до цэ́рквы. Прыи́хав архырэ́й с Краснода́ра. Все сто́ять навко́люшкы и рыву́ть навзры́в (Медвед.). ПЕРЕЛЯ́КАННЫЙ ... Куба́нь кра́сна була́, тру́пив бога́то пла́вало: и нэмцив, и на́шых. Я ду́жэ пэ́рэлякана була́, з трудо́м до станы́ци добра́лась (Новодмитр.). ПЕРЕХЫ́ЛЬТЬСЯ ... Дэсь взяв́ся самолёт и на́чав нас строчи́ть. А вин, не́миц, пэ́рэхылы́вся с самолёту и смие́цця. Цэ я по́мню (Старотит.). ~ С УМА́ СТРО́НУТЬСЯ. ... Война́ прокля́та забрала́ Ва́сю. Свит би́лый у глаза́х почирне́л, думала́ с ума́ строну́сь, да ди́ты нэ да́лы помэ́рэть (Новотит.). ЯК НА́ЧЕ ... Бо́нбы литя́ть, чу́ю: там вби́ло, там ра́ныло. А мы, як на́че Бох спаса́в. Ныко́го нэ трону́ло (Бол. Бейс.).

Оккупация

ЗАХОВА́ТЬ ... А то́ ще було́. Вот прибига́йить ахвице́р: «Тётя, заховайти́ мині, бо німци догоня́ют». Я ёго у шыхванэ́р заховала́ (Старомыш.). САПУ́ХА ... При не́мцах замыка́ли нас, прытали́ у ру́скаю пе́чку. И о́т мы у мазу́ти там, у сапу́хе сиде́ли, гало́днаи, хало́днаи сиде́ли (Успен.). СТЁБНУТЬ¹ ... Німиц ми́не спра́шивал: «Гди кра́сный партиза́н?» Я гаварю́: «Ни зна́йма». Так он ми́не как стёбнул, а у ми́ня диті́на ма́лая на рука́х (Азов.). ТЕРНЫ́К ... Там доро́га така́ була́, тэрны́к тама́ був, тэрны́к и тэрны́к. И воні́ там заховала́ солда́та. Тэрны́к – э́то тэ́рэн, кусты́ тэ́рна, тэ́рнови́ кусты́. Ну мы называ́лы тэрны́к, и у то́м тэрныку́ воні́ ёго закопа́лы (Вареник.). ~ В(У) ШУ́РШУ. ... Собра́лы нас. Мы вас

будэм на Кубань гнать, топыть усэх. А тут нѣщи самолѣты як давай бомбыть. Нѣмци в шуршу, а мы по хатах (Нововелич.).

Лексорасказы, обладая предметным сходством (предмет лексорасказа – короткий эпизод), трёхчастной композицией, несут в себе и отличительные черты, диктуемые индивидуальными особенностями рассказчика – диалектной личности: тематическое своеобразие содержания, эмоциональная трактовка изображаемого, специфические приёмы воплощения. В лексорасказах проявляется и индивидуальность лексикографа, поскольку именно ему отводится роль «редактора», превращающего отрезок речевого потока в самостоятельное и законченное лексикографическое произведение. Иллюстрации-лексорасказы имеют большое преимущество по сравнению с иллюстрациями-предложениями. Они дают гораздо больше лексикологических сведений о лемме, позволяют наглядно проследить процесс её лексикографической интерпретации, предоставляют более широкую ознакомительную информацию о говоре в целом, а также обладают большей информативностью: в них воссоздаются историческое прошлое и настоящее Кубани, отображаются природа края, материальная и духовная культура его коренных жителей, прослеживаются судьбы конкретных диалектоносителей, их мировидение.

Выводы

1. Определение лингвистического статуса кубанского диалекта как диалекта смешанного типа сделало правомерным объединение его лексики и фразеологии в единую макросистему, состоящую из двух подсистем: лексико-фразеологической системы КГУЯО и лексико-фразеологической системы КГЮЯО. Каждая из них включает в себя частные диалектные системы, содержащие элементы как общие, присущие всему кубанскому диалекту в целом, так и различные, характерные для отдельных (отдельного) говоров (говора) и создающие те специфические диалектные различия, которые отличают КГЮЯО от КГУЯО, а также говор одного населённого пункта от говора другого (других) населённого пункта

(населённых пунктов). Диалектная лексико-фразеологическая система выступает как некое обобщение, отвлечение от частных лексико-фразеологических систем отдельных говоров, однако и сами говоры также являются неким обобщением. В процессе их изучения исследователь моделирует частную диалектную лексико-фразеологическую систему, основываясь на лексиконе конкретных диалектоносителей. Применение метода моделирования лексико-фразеологических систем подтвердило его оптимальность при изучении лексико-фразеологического пространства кубанских говоров.

2. Лексико-фразеологическая макросистема кубанских говоров моделировалась на материале генетически и исторически родственных говоров, занимающих компактную территорию и рассматриваемых как фрагменты общей макросистемы диалектного языка. В этой связи лексико-фразеологическую макросистему кубанских говоров правомерно характеризовать как живую систему, обладающую свойством реального функционального тождества, состоящую из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом. Потенциальные функциональные возможности лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта связаны с динамикой развития современных говоров, поддерживаемой экстралингвистическими факторами: миграцией и смешением населения в пределах Краснодарского края, в результате чего неизбежно возникает «столкновение» в одном контексте разных членов диалектного различия. Учитывалось и то, что реально носители КГУЯО знают многие слова из КГЮЯО и наоборот. Кроме того, в местных говорах многие диалектизмы представляют собой слова, общие для украинского языка и южнорусского диалекта, обладающих очевидным генетическим родством. Ещё один существенный фактор, приводящий к нивелированию ярких диалектных различий, – внутренняя эволюция говоров.

3. Модель лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта отражена в Словаре кубанских говоров, представляющем лексику и фразеологию

кубанского диалекта на синхронном этапе бытования с широкой программой предоставления информации о диалекте в целом и об отдельной ЛЕ: орфографической, фонетической, формальной, семантической, грамматической, стилистической, синтагматической, парадигматической, деривационной, синтаксической, этнокультурной, ареальной. Словарь отражает как статику лексико-фразеологической макросистемы, так и результаты её динамики (архаизацию и неологизацию, реактуализацию, расщепление коннотации, структурное и семантическое варьирование ЛЕ, появление новых ЛСВ). Словарная статья полисистемного словаря, как и сам словарь, – открытая модель, в которой представлены внутрисловные и межсловные отношения ЛЕ на уровне микро- и макросистем. В словаре в систематизированном виде даны необходимые сведения для типологического исследования лексико-фразеологического состава кубанского диалекта.

4. По объекту лексикографирования Словарь кубанских говоров – *первый* региональный *полисистемный* словарь, включающий ЛЕ, зарегистрированные на всей территории распространения кубанских говоров. География в нём представлена наиболее широко по сравнению с другими словарями кубанских говоров – это сведения из 37 районов и 4-х городских муниципальных образований Краснодарского края, двух районов Республики Адыгея (всего 271 населённый пункт). По характеру формирования словника Словарь кубанских говоров является словарём *дифференциального* типа. Широкое понимание дифференциальности позволило поместить в него устаревшую лексику ЛЯ, которая, занимая периферийное положение, фактически находится за пределами его лексической системы. В словарь также вошли просторечные ЛЕ, не зафиксированные словарями СРЛЯ; этнографизмы-локализмы и историзмы; из топонимической лексики – отдельные местные названия населённых пунктов. Дифференциальный подход к формированию словника решил проблему его избыточности и сделал возможным выявить особенности, отличающие словарный состав говоров от лексики литературного языка.

5. Ведущим при создании иллюстративной зоны словаря стал недифференциальный подход, состоящий во включении в словарные статьи лексорассказов – микротекстов, содержание которых направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в них лексикографируемой ЛЕ, а также на создание общего этнокультурного фона словарных статей. Лексорассказ создаётся на основе макрорассказа информанта лексикографом, задача которого – оставить достаточно информации для раскрытия значения леммы, для демонстрации её синтагматики и парадигматики, этнокультурных особенностей, а также для сохранения микросюжетной линии, объединяющей отдельные предложения в структурно-семантическое единство. Деление лексорассказов на монологические и диалогические обусловлено наличием среди диалектоносителей монологистов и диалогистов. Как правило, лексорассказы представляют собой часть монолога, поскольку большинство информантов – пожилые сельские жительницы, склонные к монологическим высказываниям. Записанные лексорассказы относятся к традиционным функциональным типам текстов: повествование, которое оказалось наиболее частотным, описание и рассуждение. Типологическая структура многих лексорассказов неоднородна, в них обычно сочетаются два типа речи: описание и повествование, повествование и рассуждение.

6. Концентрации внимания в лексорассказе на лемме способствуют следующие средства языковой выразительности: повтор леммы, контактное употребление ЛЕ, составляющих с леммой синонимическую или антонимическую пары, употребление однокоренных с леммой ЛЕ, сравнение леммы, её рифмовка, ирония, употребление леммы в составе прецедентного текста, а также комбинация названных выразительных средств. Важно и место леммы в лексорассказе. Она может входить в любую из частей лексорассказа, который должен иметь трёхчастную композицию, что превращает иллюстративный пример в законченное лексикографическое произведение и не перегружает его избыточной информацией. Максимально сильная позиция леммы – её вхождение в каждую из частей лексорассказа. Сильными позициями являются также употребление леммы

во вступительной и заключительной частях или только в заключительной части лексорасказа. Слабыми – употребление леммы во вступительной или основной частях лексорасказа. В подобных случаях с целью концентрации внимания на лемме следует придерживаться следующей установки: части, в которых она отсутствует, не должны превышать трёх предложений.

7. Лексорасказы, обладая предметным сходством (предмет лексорасказа – короткий эпизод), трёхчастной композицией, несут в себе и отличительные черты, диктуемые индивидуальными особенностями рассказчика. В лексорасказах проявляется также индивидуальность лексикографа, превращающего отрезок речевого потока в самостоятельное и законченное лексикографическое произведение. Иллюстрации-лексорасказы продемонстрировали большие преимущества по сравнению с иллюстрациями-предложениями: они дают гораздо больше лексикологических сведений о лемме, позволяют наглядно проследить процесс лексикографической интерпретации, предоставляют более широкую ознакомительную информацию о говоре в целом, а также обладают большей информативностью, поскольку в них отражается жизнь носителей диалекта во всех её многообразных проявлениях. Зафиксированные лексорасказы разнообразны по содержанию. Особую ценность представляют те из них, которые записаны со слов очевидцев или непосредственных участников событий, ставших уже частью истории. В них раскрывается «ненаучное», но поистине народное восприятие прошлого.

8. В иллюстративную зону словаря помещались также ПТ (*собственно региональные и региональные варианты общенародных ПТ*), которые подавались либо как отдельные предложения, либо в составе *лексорасказа*. Знание ПТ – один из важных показателей принадлежности к одному диалектному сообществу. Их включение в речь обычно присуще лингвокреативным языковым личностям, как правило, представителям старшего поколения, унаследовавшим фольклорное богатство и сохранившим его в активном запасе. Фольклорные реминисценции вводятся диалектоносителями в свои рассказы различными способами. Основными являются подчёркивающие истинность коллективного опыта

неопределенно-личные конструкции – *кажут(ь), говорят(ь)* и двусоставные предложения – *люди говорят(ь), люди кажут(ь), есть / е така(я) не(и)сня, при(ы)сказка* и т.д. Зафиксированные «включения» фольклорной речи в диалектную, а также «переключения» с диалектной речи на фольклорную и наоборот подтвердили тезис об их генетической связи, основанный на том, что исторически фольклор и диалект имели одних и тех же носителей.

9. Зарегистрированные диалектные ПТ принадлежат к различным фольклорным жанрам. Это пословицы, поговорки, присказки, прибаутки, строчки из народных песен, частушки, загадки, фразы из народных сказок, тосты, дразнилки, гадания, заговоры, обрядовые и ритуальные формулы, а также народные приметы. ПТ часто служат базой для образования ДФЕ. Промежуточное положение между фразеологизмами-словосочетаниями и ПТ занимают номинативные фразеологизмы-предложения. ПТ, в состав которых входят диалектные ЛЕ, чаще встречались в высказываниях носителей КГУЯО. Зарегистрированные в речи носителей КГЮЯО ПТ, как правило, состоят из общенародных ЛЕ, что значительно снижает возможность включения их в словарную статью в качестве иллюстрации. Содержащие уникальную экстралингвистическую информацию ПТ украшают иллюстративную зону словаря, раскрывают богатство народной речи и духовного мира её носителей. Выявленное тематическое разнообразие ПТ продемонстрировало, что фольклорные реминисценции охватывают практически все области человеческого бытия, являясь своеобразной энциклопедией народной жизни.

ГЛАВА 5. ДИНАМИКА И СТАТИКА СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЕ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ

5.1 Полисемия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров

Изучение лексики и фразеологии кубанских говоров как макросистемы предполагает обращение к изучению парадигматических отношений, к которым относится явление полисемии. Вызванная действующим законом асимметрии знака и значения, многозначность является универсальным свойством языка (диалекта). Будучи естественной и широко распространённой, она представляет собой одну из важнейших закономерностей, отражающей при помощи языковых знаков связи между реалиями объективной действительности, устанавливаемые человеком в ходе познания окружающего мира. Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках народов мира неодинаков, можно считать полисемию одним из ярких признаков, в котором проявляется их национальная специфика и самобытность.

Все исследователи лексики русских народных говоров обращают внимание на многочисленные случаи неоднозначного употребления слов. Об этом свидетельствуют и данные диалектных словарей. На материале русских говоров лексическая многозначность исследовалась учёными в различных аспектах: рассматривались типы смысловых отношений между значениями многозначного слова, анализировалась связь полисемии с другими лексическими категориями, ставился вопрос о дифференциации диалектных омонимов и полисемантов, разрабатывались принципы их представления в лексикографических изданиях (см. работы О.И. Блиновой, Э.В. Васильевой, О.В. Загоровской, Т.А. Корованенко, Е.А. Нефёдовой, Ф.П. Сороколетова и др.).

Изучение многозначности в макросистеме кубанских говоров предполагает уточнение вопроса о географии бытования каждого ЛСВ, что позволит сделать

вывод о вхождении ЛЕ в общекубанский лексический пласт. В противном случае разные ЛСВ следует относить к межсистемной полисемии, которая, как показывают данные полисистемного Словаря кубанских говоров, представлена немногочисленными фактами. См., напр.: *бахилы* ‘1. Сапоги с короткими голенищами. (Ахтаниз., Красносельск.) – КГУЯО. 2. Ботинки на толстой подошве’ (Арх.) – КГЮЯО. *Сачок* ‘Устар. 1. Жакет. (Арх.) – КГЮЯО. 2. Короткая женская верхняя одежда типа полупальто’ (Кучуг.) – КГУЯО.

Актуализация разных ЛСВ одного слова отмечается и в разных населённых пунктах, говоры которых имеют одинаковую языковую основу. Подобные факты также представляют собой межсистемную полисемию. См., напр.: *вылупок* ‘1. Недавно родившийся ребёнок. (Дядьк.). 2. Хилый болезненный ребёнок’ (Копан.). *Кухли(ы)к* ‘1. Глиняный кувшин. (Васюр.). 2. Небольшая бутылка. (Новокорс.). 3. Ковшик’ (Вышестебл.). *Хатына* ‘Устар. 1. Большая комната. (Шаб.). 2. Спальня’ (Старомыш., Калуж., Пласт.). *Цёгла* ‘Устар. 1. Кирпич. (Анапа, Батур., Бол. Бейс., Бород., Дядьк., Елиз., Канелов., Копан., Крыл., Марьян., Медвед., Нововелич., Новодерев., Новопавл., Сев., Серг., Слав.н/Куб., Староджер., Старокорс., Старомыш., Старонижестебл., Старотит., Шаб., Ясен.). 2. Саманный кирпич’ (Глафир., Старощерб.) – КГУЯО. *Молодайка* ‘1. Невеста. (Новолок.). 2. Младшая невестка. (Новопокров.). 3. Молодая замужняя женщина, ещё не родившая (Вознес.). *Черёда* ‘1. Общественное стадо коров. (Некрас.). 2. Стадо свиней’ (Брат.) – КГЮЯО.

Приведённые языковые факты наглядно демонстрируют, что семантическая сетка ЛЕ обусловлена не только языковой основой кубанских говоров, но и принадлежностью слова к конкретной частной микросистеме (говор одного населённого пункта), которая состоит как из общих элементов, присущих всему кубанскому диалекту в целом, так и из различных, характерных для отдельных говоров (говора) и создающих те специфические диалектные различия, которые отличают говор одного населённого пункта от говора другого населённого пункта (населённых пунктов). Наличие в кубанских говорах межсистемных полисемантов не противоречит идее объединения функционирующих в них ЛЕ в

единую макросистему, поскольку она представляет собой некое обобщение, отвлечение от частных лексических микросистем.

Актуальным при изучении полисемии в кубанских говорах является вопрос о возможности перегруппировки значений многозначного слова, входящего в частные микросистемы. Фронтальный анализ семантического объёма диалектного существительного *макы́(і)тра* проведён в кандидатской диссертации Л.Ю. Костиной [Костина, 2008, с. 2004 – 2007]. Максимальное количество ЛСВ у данной лексемы, как показывает собранный материал, – четыре: ‘1. Глиняный горшок. 2. *ирон.* Голова. 3. Женщина с пышными формами. 4. Хитрая женщина’. В результате проведённого обследования удалось установить, что более чем в половине обследованных населённых пунктов края картографируемое слово употребляется носителями диалекта в двух, трёх и четырёх ЛСВ. Применение лингвогеографического метода позволяет наглядно отразить на семантической карте группировку значений ЛЕ, функционирующей в разных микросистемах (говор одного населённого пункта) [см. Костина, 2008; Приложение 6. Карта № 7]. Приведённый пример демонстрирует наличие в кубанских говорах фактов смешанной полисемии, при которой слово может быть одновременно межсистемным и внутрисистемным полисемантом, а также внутрисистемным моносемантом и межсистемным полисемантом.

Рассмотрим внутрисистемную многозначность – слова, ЛСВ которых зафиксированы в одном населённом пункте, то есть функционируют в частной диалектной микросистеме. Как и другие лексические категории, диалектная полисемия обладает определённым набором признаков. Традиционно по характеру языковой мотивированности значений выделяют два типа полисемии: метафорическую и метонимическую. При метафорической полисемии связь значений, как известно, основывается на сходстве обозначаемых предметов, явлений, признаков языковой действительности. Сходство может быть по внешним признакам, по месту положения, по вкусу, по выполняемым функциям и др. Метафорический перенос наименования – самый распространённый и активный способ семантического переосмысления слова и развития его

семантической структуры. В результате метафоризации образуются собственно номинативные и образно-экспрессивные значения. Достаточно прочно закрепились в кубанских говорах значения слов материнского языка, возникшие на базе метафорического переноса, продуктивного и для образования локализмов.

Наиболее распространёнными являются модели *животный мир* → *человек* и *растительный мир* → *человек*, отражающие вековой духовный опыт диалектоносителей. В основе этих двух типов метафоры заложена прагматичная оценка реалий окружающей действительности, связанная с конкретными образами, вербальной реализацией которых являются диалектные наименования представителей флоры и фауны: *ва́лух* '1. Кастрированный баран или козел. 2. О неповоротливом, нерасторопном человеке'. *Га́ва* '1. Ворона. 2. О рассеянном человеке, раззяве'. *Зверы́на, зверя́ка* '1. Зверь, животное. 2. *перен.* О злом, жестоком человеке'. *Кы́ця* '1. Кошка, киска. 2. О худенькой девочке или девушке, не отличающейся хорошим аппетитом'. *Ла́нка* '1. Большая корова. 2. О дородной, полной женщине'. *Ла́стивка* '1. Ласточка. 2. *обычно в обрац.* Ласковое название женщины, девушки, девочки'. *Мы́ша* '1. Мышь. 2. О юрком, быстром человеке'. *Цу́ценя́* '1. Щенок. 2. *руг.* О молодом невоспитанном человеке'. *Шарчо́нок* '1. Мелкорослая собачка. 2. О человеке маленького роста' и др.

Частотны в местных говорах и глаголы, номинирующие поведение животных и человека: *бунéть* '1. Реветь (о животных). 2. *перен.* Громко плакать'. *Вы́лупыть* '1. Высидеть, вывести (цыплят). 2. *перен.* Родить ребёнка'. *Гарче́ть* '1. Рычать (о собаке). 2. *перен.* Браниться'. *Кувика́ть* '1. Издавать сильный визг (о свинье). 2. *перен.* Плакать'. *Наежа́читься* '1. Поднять торчком щетину, шерсть, готовясь напасть или защищаться (о животных). 2. *перен.* Внутренне напрячься, приготовиться к отпору'. *Напоросы́(и)ть* '1. Родить поросят (о свинье). 2. Родить много детей (о женщине)'. *Ремыга́ть* '1. Жевать жвачку (о животных). 2. *груб.* Медленно жевать (о человеке)'. *Ска(о)вча́ть* '1. Жалобно повизгивать, тихо выть (о собаке); скулить. 2. *перен.* Плакаться, ныть' и др.

Зарегистрированы одно прилагательное и наречие: *Порóсная* '1. О супоросной свинье. 2. О беременной женщине'. *Ры́стью* (нареч.) '1. Рысью (об аллюре лошади). 2. Быстро, бегом'.

Широко представлены метафорические наименования человека, образованные на основе диалектных наименований реалий растительного мира: *бурéлый* '1. Недозревший, начинающий краснеть помидор. 2. О молодом, только начинающем приобретать опыт человеке'. *Замóрух* '1. Недозревший плод. 2. О хилом, слабом человеке'. *Калб́як* '1. Пень. 2. ирон. О глупом, бестолковом человеке'. *Опу́енок* '1. Зародыш огуречный, завязь. 2. О маленьком мальчике'. *Хлуды́(и)на, холуды́на* '1. Хворостина. 2. О высоком, худом человеке' и др.

Метафорические переносы по моделям *растительный мир* → *человек*, *животный мир* → *человек* уходят своими корнями в далёкое прошлое, поскольку основываются на древних верованиях и обрядовых традициях народа. Подобный перенос отмечается во многих языках, что подтверждает универсальный характер данного способа образования эмоционально-оценочной лексики.

Для номинации человека, его действий и состояний используются также переносные употребления названий, относящихся к явлениям и состояниям природы: *буруны́ть* '1. Бурлить (о воде). 2. перен. Шуметь, кричать'. *На́волочь* '1. Туман, дымка. 2. О человеке, не внушающем доверия'. *Нахню́пыться* '1. О пасмурной погоде. 2. Нахмуриться'. *Хма́рный* '1. Пасмурный. 2. перен. Мрачный, грустный' и др.

Достаточно распространён «обратный» перенос, соответствующий моделям: *человек* → *животный мир*, *человек* → *растительный мир*, *человек* → *явление или состояние природы*: *деды́* '1. Дед и баба. 2. Белые кучевые облака, предвещающие дождь'. *Кошлáтый* '1. Косматый, нечёсанный. 2. Раскидистый (о растении)'. *Мама́ша* '1. Крёстная мать. 2. Рыба с икрой'. *Невéста* '1. Девушка или женщина, вступающая в брак, а также девушка, достигшая возраста, при котором можно вступать в брак. 2. Садовое раст. спирея белая'. *Рожáть* '1. Производить на свет младенца. 2. 1 и 2 л. не употр., -ет. Приносить плоды, давать урожай' и др.

Зафиксирован случай «зеркального» метафорического переноса. Ср.: *дурáк* ‘глупый человек’ → *дурáк* ‘сорт крупной тыквы’ и *кабáк* ‘тыква’ → *кабáк* ‘о глупом, неумном человеке’ [Усть-Лаб. – СРНГ, 12, с. 280].

Продуктивность перечисленных моделей наглядно демонстрируют тесную связь человека и природы, их естественное, органичное единение.

К регулярным тематическим метафорам можно отнести перенос по типу *бытовой предмет* → *человек* и *бытовой предмет* → *части тела человека*: *балабóн* ‘1. Колокольчик. 2. О болтливом человеке’. *Вы́вар(ь)ка* ‘1. Посуда, в которой кипятится бельё. 2. О большом животе’. *Гóйдалка* ‘1. Качели. 2. О женщине, которая не любит сидеть дома и шатается по соседям. 3. Об очень высокой девушке или женщине’. *Дзы́га* ‘1. Юла, волчок. 2. О подвижном человеке, чаще ребёнке’. *Калга́н* ‘1. Деревянная или глиняная чашка. 2. *перен.*; *ирон.* Голова’. *Шкорбу́н* ‘1. Старый ботинок. 2. *перен.* Дряхлый старик’ и др.

Как видно из приведённых примеров, в основе переносных значений лежат либо внешнее сходство человека с предметом, обозначаемым производящим словом, либо ассоциации, связывающие поведение человека, называемого производным словом, с функциональными особенностями предмета, обозначаемого производящим.

Перенос по сходству наблюдается и в модели *бытовой предмет* → *явление природы*: *воз* ‘1. Повозка с кладью. 2. Созвездие Большая Медведица’. *Ча́пельник* ‘1. Сковородник. 2. Созвездие Большая Медведица’ (РГК). *Поло́ник* ‘1. Половник. 2. Созвездие Большая Медведица’.

Регулярной метафорической моделью является модель *бытовой предмет* → *наименование растения или его частей*: *батóг* ‘1. Кнут в виде длинного ремня на деревянной палке. 2. *чаще мн.* Побег на огурцах, арбузах’. *Гита́ра* ‘1. Струнный щипковый музыкальный инструмент с деревянным корпусом-резонатором в форме восьмёрки. 2. Сорт длинной жёлтой тыквы’. *Гле́чик* ‘1. Горшок с узким горлом для молока. 2. *чаще мн.* Помидоры продолговатой формы’. *Серёжка*

‘1. Кольцо, продеваемое в мочку уха для украшения. 2. Комнатный цветок фуксия’.

Зарегистрированы переносы по модели *животное* → *растение*: *баран* ‘1. Некастрированный баран. 2. Сердцевина, мякоть арбуза. 3. Алоэ с узкими, скрученными листьями’. *Вол(в)к* ‘1. Хищное животное, родственное собаке. 2. Об арбузе или помидоре плохого качества, мякоть которого несладкая и несочная’. *Жерёбчик* ‘1. Жеребёнок. 2. Сорное растение, сходное с клевером’. *Козлик* ‘1. Детёныш козы. 2. Козлобородник коротконосиковый’.

ЛСВ некоторых многозначных лексем соотносятся по модели *лицо* → *лицо*, характеризующееся сходным поведением или качествами: *подлокотник* ‘1. Лгун. 2. Лстец’. *Ра(о)збышак(х)а* ‘1. Разбойник, буйан. 2. Отчаянный ничего не боящийся человек, сорвиголова. 3. Шалун, баловник, негодник’. *Худорба* ‘1. Немощный, болезненный. 2. Худой’.

Устойчивость переносных значений, образованных на основе бытийной метафорической модели, можно объяснить тем, что в качестве производящей базы для метафорической деривации носители диалекта склонны выбирать привычные им образы предметов и лиц, сопровождающие их в обыденной жизни. Как показывают наблюдения, для диалектных систем характерны те же модели метафоризации, что и для ЛЯ.

Рассмотрим ЛЕ, многозначность которых возникает в результате метонимического переноса. Данный перенос, как известно, базируется на смежности, соположении обозначаемых реалий. Как справедливо отмечает Т.С. Коготкова, «основанная на психологической ассоциации, т.е. на вещной связи в самом широком её понимании, метонимия особенно характерна для народно-разговорной речи» [Коготкова, 1979, с. 163]. Под «связью предметов», которой характеризуется метонимия, понимают широкий круг отношений, куда входят смежность во времени и пространстве или вовлечённость в одну ситуацию [Кронгауз, 2001, с. 156]. Метонимия характеризуется не только разнообразием, но и регулярностью моделей: «этот тип перенесения наименований объединяет в себе целый ряд более или менее самостоятельных и подводимых под отдельные

«формулы» подтипов (то есть «целое – часть», «материал – предмет из данного материала» и т. д.; ср. также перенесение наименований из одной области чувственных восприятий в другие, перенесение названий по типу «действие – результат», имя собственное – нарицательное» и др.)» [Шмелев, 1964, с. 65]. Разнообразие и регулярность подтипов метонимической полисемии иллюстрируют и материалы, представленные в нашей картотеке. См., напр.:

Действие → *результат действия*: *шитво́* '1. Действие по знач. глагола *шить*. 2. То, что шьётся или сшито'. *Действие* → *инструмент действия*: *шелёвка* '1. Действие по знач. глагола *шелёвить* (процесс обшивки стен *шелёвками*). 2. Досточка, которой обшивают стены хаты'. *Инструмент* → *субъект действия*: *шва́йка* '1. Большая игла для сшивания изделий из кожи и войлока. 2. Швея'. *Материал* → *изделие из него*: *Матрёшка* '1. Материал в клетку. 2. Небольшой шерстяной платок в клетку'. *Скло* '1. Стекло. 2. Стекланный сосуд для керосиновой лампы'. *Рядно́* '1. Холст из пеньковой или грубой льняной пряжи. 2. Покрывало или простыня из такого холста. 3. Половик'. *Черепо́к* '1. Обожжённая глина. 2. Посудина из обожжённой глины'. *Растение* → *изделие из него*: *пря́диво* '1. Конопля. 2. Пряжа'. *Хмыз* '1. Молодая лесная поросль, мелкие ветки. 2. Веник из мелких веток'. *Ча́кан* '1. Рогоз широколистый. 2. Рогожа из чакана'. *Животное* → *изделие из него*: *барáн* '1. Некастрированный баран. 2. Подстилка для ног из овчины'. *Шлёнка* '1. Порода тонкорунных овец. 2. Шерсть овец данной породы'. *Шпа́нка* '1. Порода овец с густой короткой шерстью. 2. Шерсть овец данной породы'. *Продукт* → *блюдо из данного продукта*: *варены́(и)ця(а)* '1. Тесто, раскатанное для вареника. 2. Вареник, сваренный без начинки'. *Денату́р, денату́ра* '1. Денатурат. 2. Самогон'. *Ква́ша* '1. Тесто. 2. Запаренный пшеничный солод, смешанный с фруктами и запечённый'. *Ло́кша* '1. Домашняя лапша. 2. Суп из домашней лапши'. *Болезнь* → *орган, поражённый данной болезнью*: *завáлка* '1. Ангина. 2. Гланды'. *Па́калки* 'Устар. 1. Ангина. 2. Гланды'. *Болезнь* → *человек, страдающий данной болезнью*: *дры́стун* '1. Понос. 2. Человек, страдающий поносом'. *Младéнец* '1. Дитя,

ребёнок. 2. *мн. не употр.* Детская болезнь – спазмофилия, тетания (судорожное состояние), вызванная испугом или сглазом и приводящая, как правило, к смерти или инвалидности’. *Бытовой предмет* → *обрядовый предмет*: *костыль* ‘1. Палка. 2. *Устар. и обряд.* Атрибут свадебного обряда: шест (палка), украшенный лентами, с которым невеста с *дружкой* ходят по дворам и приглашают гостей (использовалась для отгона собак)’. *Бытовой предмет* → *обряд*: *заслонка* ‘1. Печная заслонка. 2. *Устар. и обряд.* Осмотр хозяйства жениха родней со стороны невесты, который проходил на первой неделе после сватовства и завершался небольшим застольем’. *Обрядовая пища* → *обряд*: *каравай* ‘обряд. 1. Вид хлеба, который выпекают на свадьбу. 2. *Устар.* Вечер у жениха, который устраивался на четвёртый день после свадьбы и завершался раздачей каравая’. *Пища* → *обрядовая пища*: *вечёря* ‘1. Ужин. 2. *обряд.* Кутья с мёдом, которую в рождественский сочельник носят дети по домам родственников и соседей, за что хозяева, съедая по ложечке, дарят ребятишкам калачи, конфеты, мелкие деньги и т.д.’. *Пирог* ‘1. Хлеб. 2. *обряд.* Свадебный хлеб’. *Хлеби́(ы)на* ‘1. Целый выпеченный хлеб, булка хлеба. 2. *обряд.* Свадебный каравай’. *Вместилище* → *вместимое*: *площа́дка* ‘1. Детский сад. 2. Посещающие детский сад дети’. *Цёрква* ‘1. Церковь. 2. Прихожане, находящиеся на службе в церкви’. *Единичность* → *собираемость*: *скотиня́ка* ‘1. *собир.* Скотина. 2. Об одном животном’. *Тю́тина* ‘1. Тутовое дерево и его плоды. 2. Заросли тутовых деревьев’. *Худо́ба* ‘1. *собир.* Домашний скот и птица. 2. Домашнее животное’. *Часть* → *целое и целое* → *часть (синекдоха)*: *масля́нка* ‘1. Сорт подсолнечника с мелкими чёрными семечками. 2. Мелкие чёрные семечки’. *Ско́лка* ‘1. Гора. 2. Верхушка горы’. *Станы́(и)ця(а)* ‘1. Большое селение в казачьих районах. 2. Центр станицы’. *Столбя́нка* ‘1. Столб в каркасе набивной хаты. 2. Турлучная хата’. *Сурло́* ‘*груб.* 1. Большое полное лицо. 2. О человеке с таким лицом’. *Хрон* ‘1. *мн. не употр.; раст.* Дикий хрен. 2. *собир.* Листва хрена’. *Ха́та* ‘1. Жилище в одну или две комнаты из самана под камышовой или соломенной крышей. 2. Комната’. *Чесночи́на* ‘1. Головка чеснока. 2. Зубчик чеснока’.

Весьма распространены в кубанских говорах родо-видовые отношения, которые актуализируются не только в разных словах, но и между разными значениями одного слова. Анализ семантической структуры многозначных лексем, зафиксированных в региональных источниках, демонстрирует, что ЛСВ одного слова могут представлять собой гипероним и согипонимы либо несколько согипонимов (эквонимов) при отсутствии гиперонима, который выражается другой ЛЕ (как диалектной, так и общенародной). Таким образом, можно выделить два типа родо-видовых отношений между ЛСВ полисемичного слова: гиперо-гипонимические и гипо-гипонимические отношения. Формирование видовых значений в семантической структуре слова можно объяснить значимостью отдельных предметов и их характеристик для носителей говоров, а также географическими условиями, особенностями быта и духовной культуры.

Рассмотрим некоторые ЛЕ, семантическая структура которых представляет собой родо-видовую парадигму, состоящую из гиперонима и двух гипонимов. Так, РГК подаёт существительное *завёска* в трёх ЛСВ: первое значение ‘фартук’ (Некрас., Удоб.) – гипероним. Два других – ‘парадный фартук’ (Ладож., Воздвиж.) и ‘рабочий повседневный фартук’ (Ладож., Воздвиж., Воронеж.) – представляют собой гипонимы. Обращает на себя внимание, что ЛСВ-гиперонимы, как правило, относятся к более позднему временному периоду семантического развития слова. Представляется, что они возникают в результате постепенного стирания существенных в прошлом дифференциальных признаков предметов. См. также *цеба́(э)рка* ‘1. Деревянное ведро. 2. Ведро из оцинкованного железа, расширяющееся кверху. 3. Ведро любой формы’. Лексическим диалектизмом *чу́ни* в местных говорах называют ‘тапочки’, ‘глубокие галошии’ и, наконец, ‘домашнюю обувь’. Другой лексический диалектизм *бо́рошно́* зарегистрирован в наших материалах в следующих ЛСВ: ‘Устар. 1. Мука. 2. Мука высшего сорта’. В словаре РГК семантическая структура этого существительного подана как родо-видовая парадигма, состоящая из трёх членов: гиперонима и двух гипонимов: ‘(устар.). 1. Мука. 2. Ржаная мука. 3. Пшеничная мука’ [РГК, с. 43]. Сопоставление двух словарных статей, составленных на основе

материалов, собранных в разное время, позволяет наглядно проследить изменения в семантике слова: сокращение количества ЛСВ, утрата некоторых дифференциальных сем, вероятно переставших быть актуальными, актуализация новых дифференциальных сем. Следует отметить, что при наличии гиперонима в семантической структуре многозначного слова, функционирующего в кубанских говорах, родо-видовая парадигма представлена, как правило, одним гипонимом. См., напр.: *ветрюга* '1. Ветер. 2. Сильный ветер'. *Віхоть* '1. Ветошь, тряпка. 2. Небольшая кухонная тряпочка'. *Деревыіна* '1. Дерево. 2. Высокое дерево'. *Курник* '1. Курятник. 2. Птичник'. *Начинка* '1. Начинка. 2. Мясная начинка, мясной фарш'.

Более характерны для кубанских говоров гипо-гипонимические отношения между ЛСВ многозначного слова. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в роли гиперонима часто выступают общенародные слова или описательные обороты. Необходимо подчеркнуть, что функционирование ЛСВ-гипонимов в говоре одного населённого пункта – явление для кубанского диалекта достаточно распространённое. В отличие, напр., от архангельских говоров, где видовые значения, зарегистрированные у многозначных ЛЕ, «имеют обычно разную территориальную характеристику» [Нефёдова, 2008, с. 31]. Приведём примеры подобных многозначных ЛЕ: *ба́бка* '1. Устар. Женщина, принимающая роды. 2. Женщина, лечащая травами'. *Ба́йда* '1. Большая широкая вёсельная лодка. 2. Большая моторная лодка'. *Брыль* '1. Соломенная шляпа с большими полями. 2. Мужская шляпа с полями'. *Бу́бон* '1. Бубен. 2. Тулумбас (старинный ударный музыкальный инструмент, род литавр)'. *Вагані* '1. Деревянное или железное корыто. 2. Оцинкованный таз'. *Во́дка* '1. Род хлебного вина. 2. Самогон'. *Калáчик* '1. Просвирник низкий. 2. Герань'. *Кво́чка* '1. Курица с цыплятами. 2. Курица-наседка'. *Коту́х* '1. Помещение для свиней, мелкого скота и кур. 2. Сарай для хранения топлива'. *Кра́сный* '1. Рыжий. 2. Коричневый'. *Обы́грывать* '1. Свадебный обряд – величать в песнях жениха. 2. Свадебный обряд – выпрашивание денег у жениха' (Удоб. – РГК). *Трус* '1. Заяц. 2. Кролик'. *Холобу́да* '1. Шалаш. 2. Небольшая постройка, обычно временная или плохая'. *Чи́стик*

‘1. Железная лопатка для очистки лемеха от земли. 2. Железная лопаточка для прореживания посевов некоторых сельскохозяйственных культур’. *Щербá*

‘1. Бульон. 2. Уха’.

Проведённый анализ многозначных слов позволяет утверждать, что, реализуясь в лексическо-фразеологической макросистеме кубанских говоров, лексическая полисемия обнаруживает в первую очередь общеязыковые характеристики этого феномена.

Одним из важных вопросов является вопрос о пропорции полисемичных и моносемичных диалектных слов в говоре. Данные картотеки Словаря кубанских говоров позволяют представить соотношение однозначных и многозначных слов 7352:883 (объём словника 8235 ЛЕ). Представим в Таблице 7 распределение количества диалектных ЛСВ у слов, принадлежащих к основным грамматическим классам.

Таблица 7 – Распределение количества диалектных ЛСВ у слов, принадлежащих к основным грамматическим классам

Часть речи	Лексические единицы							Пропорция
	Одно-значные	Многозначные						
		2 ЛСВ	3 ЛСВ	4 ЛСВ	5 ЛСВ	6 ЛСВ	7 ЛСВ	
Имя сущ.	3861	391	104	15	7	–	3	3861/520
Имя прил.	876	48	16	1	1	–	–	876/66
Глагол	2073	219	20	4	–	–	–	2073/243
Наречие	395	44	3	–	–	–	–	395/47
Всего	7205	702	143	20	8	–	3	7205/876

Преобладание среди многозначных слов ЛЕ с двумя ЛСВ демонстрирует, что наиболее распространённым типом лексической многозначности в кубанских говорах является бисемия. Семантическая структура слов, включающая три и более ЛСВ, соответствует традиционно выделяемым топологическим типам.

Цепочечная полисемия: *голомóзый* ‘1. Устар. и презр. Прозвище черкесов и татар, бривших по обычаю голову. 2. Лысый, безволосый. 3. Без головного убора.

4. Легко одетый или раздетый. 5. Бедный, нищий'. *Оклунок, клунок, уклунок* '1. Неполный мешок. 2. Небольшой мешок. 3. Узелок'. *Шелёвка* '1. Действие по знач. глагола *шелёвать*. 2. Досточка, которой обшивают стены хаты 3. *перен.* Очень худая девушка или женщина'.

Радиальная полисемия: *баран* '1. Некастрированный баран. 2. Подстилка под ноги из овчины. 3. Сердцевина арбуза. 4. *раст.* Алоэ со скрученными листьями'. *Бугай* '1. Бык-производитель. 2. *перен.* О крупном, сильном мужчине. 3. *перен.; ирон.* О женолюбивом мужчине. 4. Об упрямом, упёртом мужчине. 5. *ирон.* О мужчине с громким голосом. 6. Большой палец на руке. 7. *ед. не употр.; обряд.* Атрибут свадебного стола: две бутылки с горилкой, водкой или вином, связанные лентой и украшенные цветами'. *Швайка* '1. Большая игла для сшивания изделий из кожи и войлока. 2. Швея. 3. *перен.* Очень проворный, быстрый в движениях человек. 4. О маленьком ребёнке.

Смешанный тип: *будка* '1. Крытый кузов. 2. Летняя кухня. 3. Комната в летней кухне, чаще без окон; чулан. 4. Сарай для хранения зерна'. *Квочка* '1. Курица-наседка. 2. Курица с цыплятами. 3. *раст.* Сорт зубчатого лука. 4. Грибы, растущие скученно'. *Колдоби́на*. '1. Глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге. 2. Глубокое место, яма в реке, озере, пруде. 3. *перен.* Непокойная, неблагополучная жизнь'.

Что касается проблемы многозначности в области фразеологии, то она включает несколько аспектов, связанных с выяснением степени её распространённости по сравнению с лексической полисемией; с разработкой критериев выделения разных значений ДФЕ; с определением способов превращения моносемичной ДФЕ в полисемичную. Учёные констатируют, что во фразеологии полисемия представлена в меньшем количестве по сравнению с лексикой. Так, Н.М. Шанский отмечает, что «... в фразеологической системе полисемия распространена несравненно уже, чем в лексике, и не имеет такой многоцветной и выразительной формы, какая характерна для словарного состава» [Шанский, 1969, с. 55]. Е.И. Диброва приводит подсчёты моносемичных и полисемичных ФЕ по ФСРЯ, которые демонстрируют: «из более 4000 ФЕ

многозначными являются 600 ФЕ, что составляет 15% от их общего количества» [Диброва, 2008, с. 79].

Во «Фразеологическом словаре говоров Кубани» (ФСГК) представлены как полисеманты 134 ФЕ (из 1500 ФЕ), то есть менее 9%. При этом к их числу отнесены ФЕ, выделение у которых фразеолого-семантических вариантов (ФСВ), с нашей точки зрения, является неоправданным, поскольку между ФСВ не обнаруживается семантическая близость, что дает основание квалифицировать их как ФСВ омонимичных ДФЕ. Так, некорректным представляется выделение двух ФСВ у ДФЕ *дым в глаза́ пускáть* '1. Приукрашивать. 2. Говорить неправду, лгать' [ФСГК, с. 199] (ср. с моносемичной общенародной ФЕ *пускáть (пустить) пыль в глаза* в аналогичном значении 'создавать ложное впечатление о себе у кого-л., представляя себя, своё положение и т. п. лучше, чем есть на самом деле [ФСРЯ, 1968, с. 370]. Приведённый пример не исчерпывает всех случаев неоправданной презентации ДФЕ как полисемантических. Полагаем, что наличие подобных фактов подтверждает сложность эпидигматики ФЕ, особенно характерной для ФЕ, функционирующих в диалектной среде. Между тем даже при наличии подобных фактов следует признать, что в ФСГК явно преобладают моносемичные ФЕ.

В картотеке полисистемного Словаря кубанских говоров полисемичные ДФЕ составляют менее 8% от общего числа зарегистрированных в нём ДФЕ. В словаре говора ст-цы Архангельской зафиксирован 91 фразеологизм, из которых только два являются многозначными (2,2%) [Костина, 2008]. Вероятно, бедную полисемию во фразеологических системах говоров и ЛЯ можно объяснить структурной сложностью этих единиц.

Что касается вопроса о способах образования у ДФЕ новых значений, то современные исследователи признают сходство в семантических структурах ФЕ и многозначных слов: «... между значениями многозначных ФЕ имеются отношения метафоры, метонимии, синекдохи и функционального переноса, т.е. те же смысловые отношения, что и в составе многозначного слова» [Диброва, 2008, с. 79]. Новое значение у ФЕ, действительно, может быть образовано в результате переноса. Следовательно, о наличии подобной ситуации корректно говорить лишь

тогда, когда в первом значении ФЕ представляет собой фразеологическое сочетание, которое может послужить «фундаментом», своеобразным прототипом для создания вторичного, переносного значения. Как правило, многозначные фразеологизмы в своих разных значениях различаются и по степени семантической слитности компонентов.

Так, в результате переосмысления фразеологического сочетания *гóпки станові́ться (стать)* ‘подниматься (подняться) на задние лапы; стать на дыбы (о лошади)’: *Ло́шадь пуга́ица и гóпки станові́ца* (Арх.) – возник второй ФСВ ‘резко проявлять (проявить) несогласие’, квалифицируемый нами как фразеологическое единство: *Я нахаді́ла ниве́сту сы́ну, а он гóпки станові́ца* (Арх.). См. также *на дыбкы́ стоять (стать)* ‘подняться на задние лапы; стать на дыбы (о лошади)’: *Коня́ка на дыбкы́ ста́ла – я спужа́лась* (Высел.). На его базе образовалось два переносных значения: ‘резко проявлять (проявить) несогласие’ и ‘всеми силами, всячески защищать (защитить), отстаивать (отстоять) кого-л. или что-л.’: *Витя́ на дыбкы́ стал: ны́ буду́ вчи́ца, буду́ рабо́тать* (Пашк.). *Шо ты ду́маиш, за Ста́лина нам хто раскáзывал? Мы лóзунгы зна́лы: «Всэ для побéды». И вси-вси стара́лысь, на дыбкы́ сто́ялы* (Высел.).

ДФЕ *го́ном гна́ть* ‘гнать скот, птицу собственным ходом на дальнейшее расстояние’ послужило основой для образования у нее второго ФСВ ‘прогонять, заставляя уйти’. Приведём записанные контексты: 1. *Согна́лы скоты́ну и потóм го́ном гна́лы в пла́вни* (Ахтыр.). 2. *Сын, як був малы́й, так крыча́в: «Я тикэ́ твой!» А тоді́, як прыйду́ть сэстры́чки, дивча́та, так вин го́ном гонэ́* (Пласт., Ахтыр.).

У ДФЕ *коня́кой (конём) не догна́ть* зарегистрировано значение ‘о том, кто быстро бегаёт’: *А вонá бигала́ стра́шно: коня́кой нэ́ дого́ныш* (Новодерев.). Переносным является второе значение ‘не вернуть за давностью времени’: *Мо́ладасть, вонá праліте́ла – канём ни дагна́ть* (Новотит., Новодерев.).

ДФЕ-словоформа *в(у) шу́ришу* означает в первом значении ‘кто куда, в разные стороны, врассыпную’. У неё зафиксирован второй ФСВ ‘подальше от ответственности, от участия в деле’. Ср. контексты: *Мы спуга́лись и у шу́ришу*

(Пашк.) – *Как на сабрáнии выступáть, то фсе гарáзды, а как работáть, то в шу́риу* (Пашк.).

Обрядовые ФСВ также могут стать фундаментом для образования у ДФЕ, номинирующих определённые обрядовые действия или их участников, вторичных переносных значений. Так, ДФЕ *одри́зана(я) ски́ба* в первом обрядовом значении номинирует невесту, разрезавшую хлеб, принесённый сватами, что означало её согласие выйти замуж: *Розри́зала хлибы́ну. Цэ вонá соглáсна. Цэ вонá одри́зана ски́ба* (Бриньк.). На базе этого значения у ДФЕ развилось второе – ‘человек, отделившийся от семьи, ставший самостоятельным’: *Сын уйíхав з дóму в двáцать шэсть. Вин вжэ одри́зана ски́ба* (Бриньк.).

Первое значение ДФЕ *вестí /води́(ы)ть журавля́* – ‘ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Такий, такой журавель», а также другие песни и славить молодую после брачной ночи’: *Адгуля́ли сва́дбу – журавля́ водю́ть. Ряжыныи наряжа́юцца: па́рня наряжа́ют нивэ́стай, де́фку наряжа́ют жынихóм, ф цыга́н наряжа́юцца. Я фсигда́ наряжа́лась цыга́нкаю, кагда́ журавля́ ви́ли* (Темирг., Пятихат.). На базе первого значения впоследствии было образовано второе – ‘пьянствовать, забросив все дела’: *Ня́нька с кумо́й горо́д посады́ли, тепе́р журавля́ водю́ть вовсю́ ка́ждый день* (Пятихат. – дЧ.).

Широко бытует в кубанских станицах устойчивое выражение *забивáть (заби́ть) кол / чоп*: *Если в симье́ жыни́вся пислédний рибёнок, то у са́мый пислédний дэнь свáйбы промэ́ж калитки в зэмлю забывáвся дэрывя́нный кол. Цэ знáчило, шо в цём двори́ бильше́ нэ будэ́ свáйбы. Ка́жный из госте́й до́вжэн був уда́рыть молотко́м по ко́лу. Для смíху кол и зэмлю ря́дом полывáлы водо́й... И ка́жный раз, колы́ прома́зувалы, бры́зги з муля́кой лыти́лы на госте́й. Хтось и спи́цáльно быв нэ по ко́лу, а мы́мо* (Красн. Нива, Арх., Новокуб.). Обрядовое значение ДФЕ послужило основой для появления второго ФСВ ‘отметить завершение работы’: *Сиво́дня убирáйим паслédнюю кле́тку (о винограде) и забивáйим кол* (Новокуб. – СФГК, Арх.).

Устаревший обрядовый ФСВ ФЕ *повѣситъ / навѣситъ / почепитъ / привязать чайник* – ‘отказать при сватовстве’ отражает обычай в случае отказа сватам вместо четверти с водкою при согласии ставить на стол чайник; либо, узнав, что идут сваты, вешать у калитки чайник, означающий «от ворот поворот»: *Пришли сватать, а їм чайник навѣсили* (Андрюк.). *Ни гляди ты на миня, на маю паходачку. Привизала тибѣ чайник, привижу ї калодачку* (Новолаб. – дЧ.). Впоследствии это значение стало базой для образования второго ФСВ ‘отказать кавалеру или обмануть его’: *Кажуть: чайнык почипыла, повисила – обманула мужыка* (Бол. Бейс., Андрюк., Новолаб.).

ДФЕ *завязать (завязывать) голову* связана с давно изжившим себя обычаем надевать на голову замужней женщины *шлычку* или платок. В нейтральном значении ‘выйти замуж’ ДФЕ ещё функционирует в диалекте, приведём записанное высказывание информанта: *Она молодá була, як голову завязала* (Бриньк.). Как отмечает В.П. Чалов, в результате переосмысления значения обрядового выражения появилось значение ‘неудачно выйти (выходить) замуж или жениться’ [Чалов, 1981, с. 72], которое, вероятно, вызвано представлениями о тяжёлой доле замужней казачки.

В говоре ст-цы Старомышастовской обрядовое выражения *голодная кутья* ‘кутья, приготовленная на Крещение; постная кутья’ употребляют также с ироническим оттенком в значении ‘отсутствие пищи, еды’. Приведём его в записанном диалоге: – *Шо на ужсын? – Галодная кутья. Халадильник пустой.*

Следует отметить, что вторичные значения обрядовых ДФЕ, как правило, имеют шуточный или иронический оттенок.

Каждое значение ДФЕ может быть также образовано «... в результате поочерёдной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, которое по отношению к частным значениям фразеологизма выступает в качестве общего источника метафоризации. Именно поэтому между частными значениями существует тесная смысловая связь» [Жуков, 1986, с. 199 – 200]. В кубанских говорах таким способом образованы значения ДФЕ *бзык / дзык / зык напал* ‘1) о беспокойном поведении животных в период течки; 2) о проявлении нервозности у

человека', базой для которых послужило свободное словосочетание *бзык / дзык / зык напал*, где фонематические варианты *бзык / дзык / зык* означают 'овод'. См. также: *как на колу́* '1) некрасиво; 2) неудобно'; *как осённая му́ха* '1) надоедливый человек; 2) злой человек'; *из пу́шки не пробьёшь* '1) о грязной, засаленной вещи; 2) о затхлом, тяжёлом воздухе в помещении', *в(у) куширя́х сидеть* '1) не иметь карты для отбоя; 2) спрятаться, затаиться, переждать опасность' (*кушири́* '1) трава, растущая со дна водоёма, водяная крапива; 2) густой кустарник, заросли'), *тёщин язык* '1) цветок из семейства кактусовых с длинными плоскими листьями; 2) участок невспаханной земли' и др.

Внутренняя семантическая деривация может развиваться и на основе собственного, фразеологического значения. См., напр.: *жа́ба цы́цку далá / даст(ь)* '1) кто-то умер / может умереть; 2) что-то испортилось / может испортиться'. Другой пример: *ноги откинуть* в двух ФСВ '1) крепко спать от усталости; 2) умереть' (ФСГК). В данном случае семантическая деривация очевидна. Между тем производным можно рассматривать как второе значение, так и первое. С одной стороны, второй ФСВ мог развиваться на базе первого ФСВ по ассоциации крепкого сна со смертью (ср. с УС *спать как убитый*). С другой стороны, сильная усталость также вызывает устойчивые ассоциации со смертью (ср.: *смертельно устать, смертельная усталость*). Следует признать, что для ДФЕ, функционирующих в местных говорах, внутренняя семантическая деривация не характерна. Значения отдельных УНТС могут представлять собой согипонимы. См., напр., *до́бра(я) вода́* и *сла́дка(я) вода* '1. Пресная вода. 2. Дождевая вода'.

Проведённый анализ явления полисемии в кубанских говорах демонстрирует, что функционирующим в них многозначным ЛЕ и устойчивым выражениям присущи как внутренняя статика, так и внутренняя динамика: с одной стороны, ЛСВ и ФСФ проявляют стремление к семантическому единству, с другой – обнаруживают определённые отличия. Данное противоречие отчасти объясняет преобладание диалектной бисемии среди многозначных слов и ДФЕ.

5.2 Синонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров

Необходимость описания синонимии в кубанских говорах, как и других лексических категорий, обусловлена той важной ролью, которую играют синонимы в системной организации словарного состава диалекта. Приходится признать, что на материале кубанских говоров синонимия рассматривалась лишь фрагментарно [Борисова, 2007, с. 462 – 472; 2008а, с. 18 – 21; 2011а, с. 209 – 211]. Между тем в отечественной региональной лексикологии эта ономазиологическая категория получила достаточно глубокое освещение (см. работы Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, С.Р. Качинской, Т.С. Коготковой, Н.А. Лукьяновой, Л.К. Лыжовой, Е.А. Нефёдовой, В.В. Палагиной, Г.А. Ракова, Т.Б. Юмсуновой и др.).

Одной из существенных проблем при отборе синонимических средств лексической системы учёные называют проблему разграничения структурных вариантов слов и однокоренных синонимов. Как справедливо отмечает О.С. Ахманова, «в языке происходят разнообразные процессы, которые то приводят к семантической дифференциации вариантов одного и того же слова и превращению их в разные слова, то к сглаживанию семантических различий и совпадению первоначально различных слов в одном слове» [Ахманова, 1957, с. 215]. Действительно, семантическая нестабильность слов (как нам представляется, особенно свойственная им в диалектах) может вызвать либо расширение или, напротив, сужение их значения. Показательный пример в этой связи приводит Е.Ф. Тарасенкова. Ссылаясь на словарь Л.К. Розенберга, она констатирует, что «на момент лексикографирования слова *чапельник*, *чапля*, *чаплейка* являлись синонимами: *чапельник* – ‘приспособление, сделанное из железа (без ручки) для доставания из печи сковороды’; *чапля* – ‘то же, но набитое на ручку’; *чаплейка* – ‘то же, либо набитое, либо не набитое на ручку’. Однако подобная дифференциация значений постепенно исчезла, и эти слова стали означать одно и то же, превратившись в варианты» [Тарасенкова, 1966, с. 178].

Квалификация синонимов и вариантов непосредственно связана с фундаментальной языковедческой проблемой – проблемой отдельности слова, поскольку её органичной частью являются междусловные и внутрисловные отношения. Первые, как известно, реализуют различные системные связи, в том числе синонимию. Внутрисловные отношения – отношения варьирования. Разнокорневые образования (глоссы), имеющие тождественные или близкие значения, рассматриваются как синонимы. Однокорневые образования синонимичны в том случае, если они различаются оттенками значения и аффиксами одновременно. Семантически тождественные однокорневые образования, имеющие различные аффиксы, представляют собой словообразовательные варианты. Эти «три признака варианта: 1) общая корневая часть; 2) лексико-семантическая общность; 3) звуковые различия, не выражающие лексико-семантических различий» [Смирницкий, 1956], – были выдвинуты А.И. Смирницким ещё в 1954 году, став фундаментом для всех дальнейших разработок проблемы вариативности слова.

Разграничение однокорневых синонимов и вариантов чрезвычайно важно и в практической лексикографии для унификации лексикографической презентации однокорневых образований. При семантизации однокорневых синонимов указываются различия в оттенках значения, в эмоционально-оценочной характеристике: *кнур* ‘некастрированный кабан’ – *кнуро́к* ‘молодой некастрированный кабан’, *лопа́с* ‘односкатная крыша, навес’ – *лопа́сик* ‘небольшой навес’ и др. Часто члены диалектного сообществе не осознают смысловых оттенков однокорневых ЛЕ. Напр., ЛЕ *горо́д* ‘1) огород; 2) двор’ и *городя́ка*, ‘1) большой огород; 2) большой двор’, имеющие с точки зрения лексикографа различия в дифференциальных семах, могут употребляться информантами и как синонимы, и как словообразовательные варианты. По утверждению информанта (запись сделана нами в ст-це Ахтанизовской в 2005 г.): *Горо́д и городя́ка одина́ково*. Подобные случаи существенно осложняют квалификацию синонимов и вариантов и требуют привлечения большого количества контекстов, подтверждающих или не подтверждающих наличие

отличий в значениях однокоренных ЛЕ. Как показывают имеющиеся материалы, для современного состояния местного диалекта отчётливо намечается следующая тенденция – утрата детализации в значениях, но сохранение структурной вариативности, поскольку однокорневые словообразовательные варианты значительно превышают в количественном отношении однокорневые синонимы.

Помимо дифференциации однокорневых синонимов и вариантов необходимо различать в лексике говоров «синонимичность» и «параллелизм», на что впервые указал Ф.П. Филин ещё в 1936 году [Филин, 1936]. Впоследствии выдвинутое им положение нашло поддержку у большинства диалектологов [см. Баранникова, 1963; Коготкова, 1979; Нефёдова, 2008; Рожкова, 2016 и др.]. Справедливо высказывание Л.И. Баранниковой о том, что «синонимы в отличие от рядов, представленных параллелями, не должны осознаваться как слова чужого говора, они равноправные или, точнее, почти равноправные члены лексической системы, что наблюдается при образовании смешанных или переходных говоров» [Баранникова, 1963, с. 392]. Как показывают наблюдения, ЛЕ с одинаковым или близким значением, противопоставленные друг другу территориально, могут функционировать и как внутрисистемные синонимы. Г.А. Раков называет это явление «смешанной (одновременно и разно- и однодиалектной) синонимией» [Раков, 1988, с. 10]. Описание синонимических отношений в говорах Кубани предполагает выявление общего и вариативного в диалектном лексико-фразеологическом массиве на уровне синонимических парадигм, то есть установление наличия / отсутствия количественных и качественных различий того или иного синонимического ряда в подсистемах. География ЛЕ позволяет выявить для целого ряда ЛЕ внутрисистемные, межсистемные, а также смешанные синонимы.

В говорах Кубани смешанные синонимы – естественное и закономерное явление. Приведём высказывания информантов, в которых наблюдается столкновение внутрисистемных и разносистемных синонимов: *У нас жабриём называ́ют, а у глафиря́н – кура́нда. Круго́м кура́й, а мы ка́жэм жабри́й* (Николаев.). *У Глафи́ровки кура́нда, а у нас нэ́трэ́ба* (Молч.). *Пыту́х... пыту́х у*

нас так и е. Півень называють, кóчит называють, но я ны прывыкла так называ́ть (Елиз.). *Мы патало́к называ́им, а в Атра́днай – гары́це* (Арх.). *Пору́ски – цыпля́, а мы́ ка́жым – курча́* (Ахтаниз.) и др. Подобные факты – один из веских аргументов правомерности объединения лексики и фразеологии кубанских говоров в единую макросистему. Необходимо подчеркнуть, что для значительной части лексических параллелей ареалы оказываются пересекающимися, и в зоне пересечения данные ЛЕ выступают как внутрисистемные дублиеты. Таким образом, межсистемные синонимы, или параллели, под влиянием тесных междиалектных контактов могут менять свой лингвистический статус в зависимости от территории бытования, что является показателем динамики синонимии кубанского диалекта, лексико-фразеологическая макросистема которого не является замкнутой и изолированной.

Что касается самого понятия синонима, то учёные вынуждены констатировать, что оно не имеет в лингвистике единого определения. Традиционно синонимами называют слова одной и той же части речи, у которых лексические значения полностью или в большей своей части совпадают, нейтрализуются, поэтому в данных контекстах могут быть взаимозаменяемы [Апресян, 1995, с. 60 –73; Касаткин, 1995, с. 41 – 44]. При этом отмечается, что «подобное определение «не опирается на строгую теорию толкований и поэтому само по себе не обеспечивает формального установления факта синонимичности – несинонимичности двух выражений» [Апресян, 1995 а, с. 218]. Указанные языковые единицы называют «точными синонимами» и «квазисинонимами». Значения точных синонимов полностью совпадают. Значения квазисинонимов совпадают в большей их части, хотя и не полностью, либо отличаются эмоциональной окраской. О.И. Блинова использует несколько иную терминологию: «синонимы абсолютные, или дублиеты, – с тождественным значением, синонимы относительные, или семантические, – с близким значением, синонимы экспрессивно-стилистические, различающиеся стилистической окраской» [Блинова, 1973, с. 154].

Рассмотрим точные, абсолютные синонимы, или лексические дублиеты, частотные в речи диалектоносителей. См., напр.: *Двігалка, анá жы назывáцца бiтка, éта вот касiли камыiш в рэках...* (Арх.). *Гаваряць «поздорóвкацца», «поздрáствовацца» ицё гаваряць* (Вост.). *Висёлка? Да цэ копыiтка, такá лопáточка, варэнне мишáють, курэй пáтралы, давылы ёю* (Дин.). *Ни гаварылы «радылá», а гаварылы «нашлá», «прывылá»* (Ей-Укр.). *Скарлупка, лузгá, шылушка – адинáкава* (Родник.). *Дéлалы, назывáлось «гáтка» – вымостка такá из бурьянá, с комышá там. И там дiких утыт ловылы...* (Старотит.). *Дiчку назывáли и «жырдёлы», и «курагá» назывáли* (Успен.). Диалектологи справедливо отмечают, что часто структура и содержание подобных высказываний представляют собой типичный перевод, в котором диалектное слово толкуется другим, как правило, литературным. В тех случаях, когда собиратель предварительно объясняет информанту цель беседы, состоящую в фиксации местных слов, рассказчик преднамеренно акцентирует на них внимание. См., напр.: *Вiдиш, зилёны грóночки. По-руски «кiсточки», а по-нашыму «грóночки»* (Ахтаниз.). *Бэлызна – цэ жэрэх* (Гривен.). *Ваганi – éта вáнна, тазóк* (Львов.). *Бодáецца это по-нашыму «кóлицца». Цэ щас бодáецца* (Новопавл.). *Вэлык дэнь – цэ Пáска* (Пласт.). *Завёртушы – па-вáшыму галупцi* (Тенг.).

Использование слов-дублетов обычно наблюдается в тех ситуациях, когда участники коммуникации принадлежат к разным языковым сообществам. Однако введение синонимов в речь может происходить и самопроизвольно, без уточнений модального характера: *«у нас так, а у вас так», «это по-хохольски, по-хохляцки», «это по-кубански», «это по-русски»*. См., напр.: *Хорошó дивчáта ест спивáють, прям хорошó поюць* (Братков.). *Мать на горiще былá, я ей штó-то подавáла на чирдáк з дробыiны* (Елиз.). – *Вы вот замуж выходили, какого цвета у вас было платье? – Капýснае. А у другiх рóзавая плáтъя. Ну капýснае дю́жэ красiвае: свéтла-зилёная, шоп вiдна былá, што нивéста* (Кулеш.). *Пахáлы, сэялы, убывáлы, молотылы, усé жэ́ницины рабóталы, робылы* (Новоберез.). *Я тиливiзор бáчила, дывылась* (Убин.). *Ну, а травá – éта былá настаяннае питáние. Кучиря́вка, кудря́вка. Щас я иё ни вiжу. Кудá анá надивáлась?* (Успен.).

Фиксация гомогенных (внутрисистемных) синонимов осуществлялась и в процессе опроса информантов по Программе ЛАРНГ. См., напр., фрагменты отдельных бесед: – Вот говорят: «привередничать», «капризничать», а ещё как говорят? – *Ну ковэрзува́ть, выкома́риваця, кондры́чиця* (Смол.). – Как у вас толстых людей называют? – *Багла́й, рэ́нтя* (Смол.). – Как у вас называют замкнутого, нелюдимого человека? – *Байда́к, бирю́к* (Смол.). – Как называют курицу с цыплятами? – *Кво́чка и так ы́ ё, а естэ называ́ють хлопну́ха, квохту́ха. Цэ вона́ ужэ́ цыпля́т во́дэ* (Елиз.).

Общепризнано, что в диалектах, в отличие от ЛЯ, наблюдается избыточное облачение в разные формы одного и того же содержания. Кубанские говоры не являются исключением. Опираясь на данные областных словарей, Т.С. Коготкова относит эту особенность к явлениям универсальным для лексической системы современного говора [ср. Коготкова, 1979, с. 111].

Что касается семантических / идеографических синонимов, то при их выделении оптимально применение метода компонентного анализа (МКА), позволяющего обнаружить общее и отдельное в семантической структуре синонимичных слов. Детальные обзоры по разработке этой методики приведены в работах отечественных учёных [см. Арнольд, 1966; Ахманова, Глушко, 1969; Гулыга, Шендельс, 1976; Долгих, 1974; Кузнецова, 1971; Раков, 1977; Селиверстова, 1975; Шафиков, 1996 и др.]. Современные лингвисты успешно используют МКА при изучении разных аспектов языковой структуры, что свидетельствует о его универсальности. С.А. Васильев справедливо называет его «одним из важнейших инструментов, с помощью которого мы можем проникать в тайны внутренней организации языка как системы, в частности в тайны структурной организации семантической системы языка» [Васильев, 2006, с. 467]. Основное достоинство МКА заключается, на наш взгляд, в возможности эксплицировать семантические факты, скрытые от непосредственного наблюдения. Работая со словарными толкованиями, в некоторых случаях мы прибегали к их трансформации, чтобы структурировать значение диалектного слова для последующего анализа. В частности, использовался приём подстановок,

закрывающийся в преобразовании семантической структуры лексемы путём замены некоторых входящих в неё слов синонимами [см. Арнольд, 1966].

Проиллюстрируем применение МКА на конкретных примерах. Обозначим интегральные семы в толковании ЛЕ обычным шрифтом, дифференциальные – курсивом: *куплённый*, *купóванный*, *прода́жный* ‘купленный’ – *магазинский* ‘купленный в магазине’; *солонковáтый* ‘солёный, солоноватый’ – *солонючий* ‘очень солёный’. Три первых синонима синонимического ряда *красный*, *рудый*, *жу́лый* ‘рыжий’ – дублиеты; прилагательные *красно-рыжий* ‘огненно-рыжий’ и *красновáтый* ‘слегка рыжий, рыжеватый’ являются по отношению к ним семантическими синонимами, поскольку обозначают более насыщенный цвет и менее насыщенный цвет, соответственно. Представим другие синонимические пары и ряды идеографических синонимов, выявленные на основе МКА.

Так, для синонимов-дублиетов *годо́к*, *одногóдчик* = *солётственник* ‘ровесник’ идеографическим синонимом выступает существительное *односу́м* ‘одногодок, *сослуживец по армии*’ (от общей *сумы*, в которой хранились продукты казаков-однополчан в походе).

Квазисинонимы *векову́ха* и *засидёлка* номинируют в говорах Кубани женщину, не вышедшую замуж, оставшуюся одинокой. Прозрачная внутренняя форма ЛЕ позволяет выделить в их значениях имплицитные семы, характеризующие незамужнюю женщину по возрасту. Совершенно очевидно, что *векову́ха* гораздо старше *засидёлки*, для которой шанс изменить свою судьбу ещё окончательно не потерян.

Словообразовательными вариантами *ветрогóн*, *ветрю́га*, *ветрюга́н*, *ветруга́н*, *ветрюга́ч*, *ветря́к* называют на Кубани сильный, пронизывающий ветер. Их идеографическим синонимом является слово *бёлебенъ*, в семантической структуре которого есть дополнительные семы ‘морозный’, ‘*дующий на открытом возвышенном месте*’: *Бэлыбэнь* – *цэ такый холóдный морóзный вiтэр, дўе на открýтом возвышынном мiсти* (Старотит.). Данное значение находит семантическую поддержку в другом ЛСВ, зарегистрированном у этой

ЛЕ, – ‘открытое ветрам место, возвышенность, окраина’: *На бэлыбни такый холодный вiтэр дўе* (Старотит.).

Отличия на уровне дифференциальных сем обнаруживаются в семантической структуре синонимов *богатенький*, *замóжный* и *грошевы́тый* с общей интегральной семой ‘богатый’. Первые два – дублиеты. В значении прилагательного *грошевы́тый* присутствуют дифференциальные семы ‘имеющий’, ‘много’, ‘денег’, вытекающие из его прозрачной внутренней формы. Ср. контексты, подтверждающие указанные значения: *Мы биднэнько жылы́, а засвiтав мэнэ замóжный жэных: у йiх було́ богáто худóбы, зэмля́ булá* (Камыш.). *Подру́шка, вонá щитáлась богатэ́нка: у нiх хозя́йство було́ здоро́во* (Николаев.). – *Мий дид був грошывы́тый, и мы рэшы́лы у ёго позы́чить грóщив на машы́ну* (Старотит.).

Глаголы *кудэ́лить*, *кудóвчить*, *турз(с)у́чить* объединяются общей интегральной семой ‘таскать, трепать’. Приведём их в высказываниях информантов, что поможет раскрыть общее и отличное в их значениях: *Вонá мэнэ зажа́ла и дава́й мэнэ кудóвчить по землі* (Бедняг.). *Взял за грутки́ и на́чал турсу́чить* (Упор.). *Ана́ миня́ схвати́ла за во́лосы и дава́й кудэ́лить, ана́ миня́ так кудэ́лила, так...* (Новолаб.). В семантической структуре диалектизма *кудэ́лить* следует выделить дополнительную сему ‘за волосы’. В аналогичном значении ‘оттаскать за волосы’ употребляется в местных говорах и ДФЕ *кудэ́лю сыгра́ть* (ср.: *кудэ́ля* ‘пучок шерсти для пряжи’; см. также *ку́дла*, *кудла́й*, *кудла́тый*, *роску́дланый* ‘растрёпанный человек’). Таким образом, лексический диалектизм *кудэ́лить* – квазисиноним дублиетов *кудóвчить* = *турз(с)у́чить*.

ЛЕ *бэ́кнуться*, *гэ́кнуться* / *гу́кнуться*, *гэ́пнуться*, *очертя́читься*, *уби́ться*, *чма́кнуться*, *шелéснуться* имеют общую интегральную сему ‘упасть’. В семантической структуре слова *уби́ться* можно выделить дифференциальные семы ‘сильно’, ‘ушибиться’; у глаголов *бэ́кнуться*, *гэ́кнуться* / *гу́кнуться*, *гэ́пнуться*, *чма́кнуться*, *шелéснуться* – дифференциальную сему ‘с шумом’, обусловленную их фонетическим обликом, что позволяет квалифицировать их как

идеографические синонимы по отношению к диалектизмам *очертячиться* и *убиться*.

Общая интегральная сема у глаголов *смучиться* и *стлить* – ‘измучиться’. Первый – означает и физические, и душевные страдания, ср.: *Быкы́ у нас булы́. Отó пока́ ёго заприжóш, смучи́шся з ным* (Старомыш.). *Гóре такэ́! Вонá смучи́лась, и сэ́рцэ у нэй нэ вы́дыржало* (Елиз.). Второй – служит для выражения душевных мук и переживаний, отсюда его вхождение в устойчивое в выражение *душóй стлить*: *Та я душóй стли́ла, покы́ сы́на дождалась с а́рмыи* (Старотит.).

Квазисинонимы с различным стилистическим значением представляют собой пары и ряды, в которые входят нейтральные и экспрессивные стилистически маркированные ЛЕ, актуализирующие качественно-количественную характеристику реального предмета и выражающие его эмоциональную, социальную и индивидуальную оценку. Эмоциональную оценку обычно связывают с экспрессивностью. Широкое понимание стилистического значения, принятое в настоящем исследовании, позволяет определить его как экспрессивно-оценочно-эмоциональный компонент (коннотацию) в семантике ЛЕ. Как известно, экспрессивы несут на себе двойную нагрузку – номинативную и экспрессивную, при этом их номинативная функция оттеснена на второй план выполняемой ими экспрессивной функцией. Семантическая основа экспрессивности представляет собой неразрывное единство экспрессивности (выразительности), эмоциональности (дополнительной дистрибуции к экспрессивности) и образности. Значения стилистически маркированных слов квалифицируются как эмоциональные; оценочные (интенсивность), имеющие две разновидности – квалитативные (качественные) и квантитативные (количественные); оптимистические (образность).

Следует признать, что определение состава стилистически маркированной лексики в диалекте во многих случаях представляет собой довольно сложную задачу. Диалектная речь, как справедливо отмечает Т.С. Коготкова, являясь чужим языком для исследователя, вызывает огромные затруднения в стремлении осмыслить её стилистически [Коготкова, 1979, с. 75]. При отнесении слова к

стилистически маркированной лексике нами использовались различные критерии. Формальным признаком, как известно, может быть наличие аффиксов, способных выражать субъективную оценку. Особенно широкий репертуар экспрессивных аффиксов имеют имена существительные. Прилагательным и производным от них наречиям экспрессивность придают суффиксы со значением степени проявления признака. Экспрессивность диалектизмов может выражаться и при помощи префиксов. Следует, однако, заметить, что эти же приставки связаны с выражением грамматических значений результативности, финальности, резкого начала или неожиданного действия и пр., поэтому их роль формального признака экспрессивности второстепенна на фоне производящей основы, которая обычно и является носителем качества и меры экспрессии. Безусловно, применяя данный критерий, необходимо учитывать, что во многих диалектных словах происходит десемантизация аффиксов, в результате чего лексема утрачивает экспрессивность. Эмоционально-экспрессивная окраска может быть связана и со звуковой формой ЛЕ, необычность которой придаёт им особую выразительность.

Часто показателем стилистической маркированности ЛЕ служит метафорический перенос наименования, то есть семантическая производность. Метафорические экспрессивы могут не иметь формальных признаков и показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал осознается носителем диалекта благодаря устойчивости моделей метафорического переноса. Многие диалектизмы в местных говорах являются производными ЛЕ (семантическими или словообразовательными дериватами), что делает их мотивированными. Благодаря смысловым связям с производящими словами создается экспрессивность производных ЛЕ. Другая часть эмоционально-экспрессивной лексики не обладает формальными признаками указанного свойства. Это ЛЕ, у которых показателем экспрессивности является наличие соответствующего семантического компонента в структуре значения. Важным критерием определения стилистической маркированности слов мы признаём тематический критерий. Общеизвестно, что много эмоционально-оценочных ЛЕ

относится к сфере «Человек». Наконец, достаточно надёжным приёмом является соотнесение лексики стилистически маркированной с лексикой нейтральной.

Неоценимую помощь в стилистической классификации ЛЕ сыграло и то обстоятельство, что многие из них записывались нами в диалектологических экспедициях, что позволило на месте производить «опознание» слов с эмоционально-экспрессивной окрашенностью и исходя из непосредственного функционирования диалектизмов определять их лингвистические и паралингвистические параметры. Рассмотрим некоторые квазисинонимические ряды, состоящие из нейтральных и стилистически маркированных ЛЕ.

Так, самого младшего мальчика в семье носители кубанских говоров называют *мызы́нец(ь)*, *вы́шкребок*, *послёдух*, *послёдышек*. ЛЕ *мызы́нец(ь)*, *послёдух* и *заскрёбыш* воспринимаются как нейтральные: *Я старша, а брат був мызы́ныць* (Ахтаниз.). *Сын ётат – паслёдух* (Чамлык.). Эмоциональную окраску слову *послёдышек* придает уменьшительно-ласкательный суффикс –ЫШЕК. ЛЕ с прозрачной внутренней формой *вы́шкребок* употребляется с ироническим и пренебрежительным оттенками, выражающими реакцию окружающих, в том числе старших детей, не одобряющих привилегированное положение в семье младшего ребёнка, которого родители обычно любят больше остальных и балуют: *Вин вы́шкрыбок, ёго ны руга́ють, а нам достаё́ця* (Ахтаниз.).

Нейтральное существительное *рака́* ‘самогон’ (ср. арака) имеет эмоционально-экспрессивные синонимы – *чемергёс* и *косоры́ловка*. См. показательные контексты: – Как у вас называют самогон? – *Рака́, чимиргёс, касары́лавка. Ха-ха-ха!* (Перед.). *Раку́ ш дразни́ли «чимиргёс»* (Кубан.).

Серией словообразовательных вариантов представлено в говорах Кубани наименование свекрови – это *свекро́вка*, *свекро́вья*, *свекру́ха*, *свёкра*, *свекру́ся*, *свекру́шка*. Все ЛЕ обладают нейтральной коннотацией. См. записанные контексты: *Мы тры го́да жылы́ со свыкро́вкой* (Незайм.). *Вот мая́ ма́ма гавары́ла, и свикро́вья гавары́ла: «Шур, мали́ся Бо́гу»* (Арх.). *Га́рна у мэ́нэ була́ свэкру́ха* (Марьян.). *Свёкра ще жыва́* (Брат.). *Свыкру́ся до нас ча́сто прыхо́дыла* (Новопавл.). *Свикру́шка с на́ми жыла́* (Новопавл.). Во время экспедиционного

обследования говора ст-цы Архангельской (2008 г.) зафиксирован их квазисиноним с отрицательной оценочной характеристикой, – *свеку́рва*: *Сюда́, дифча́та, ни б́удим захадіть: тут мая́ бы́фшая свіку́рва жывёт, другіх пайдёмти запісы́вать*. Экспрессив образован в результате свёртывания синтаксической конструкции. Яркая отрицательная коннотация появляется благодаря языковой игре: ср.: *свеКРовь* – *ку́РВа* [Костина, 2008, с. 67]. Носители русских говоров *ку́рвой* называют сплетницу, плутовку, хитрого, лицемерного человека [см. СРНГ, 16, с. 113].

Как нейтральный воспринимается диалектизм *ро́повка*. Информант из ст-цы Старотитаровской О.Г. Титаренко (1967 г.р.), рассказывая о своей матери, так поясняет данное слово: *Ма́ма була́ ро́повка. Ро́повка – ёто така́ по́лна, пы́шна*. Квазисинонимом слова *ро́повка* является слово *жирну́ха* ‘толстая женщина’, обладающее презрительной оценочной характеристикой, обусловленной её прозрачной внутренней формой. Ольга Григорьевна так комментирует эту ЛЕ: *Жы́рну́ха – так гру́ба ска́жут, як поро́ся откóрмли́на*.

Архаичные существительные *спидни́ца* и *блоши́ца* номинируют в КГЮЮЯ ночную рубашку. Первое воспринимается как нейтральное, у второго РГК указывает помету *ирон.*, что, вероятно, вызвано прозрачной внутренней формой ЛЕ (ночные рубашки женщины надевали, чтобы не кусали блохи).

Нейтральный лексический диалектизм *щербá* ‘уха’ имеет в кубанском диалекте квазисиноним – *юшечка*, эмоциональную окраску которому придаёт уменьшительно-ласкательный суффикс –ЕЧК(А) (ср. с нейтр. *юха́* ‘уха’).

Эмоционально экспрессивными синонимами глагола *(й)исть* / *(й)исты* ‘есть, употреблять пищу’ выступают синонимы-дублиеты *жра́точки(ы)* = *істочки(ы)* ‘ласк. есть, кушать’: *Так хотілось істы́, як соба́кам, а то́ мо́жэ и бі́льшэ* (Смол.). *Ді́точки ість хотя́т, пры́дэши до до́му, до ха́ты, гото́выть на́до* (Бриньк.). – *Источкы хо́чу, а нымá істочкы* (Дядьк.). *Йі́стачкы хо́чицца* (Ей-Укр.). *А вéчирам так жра́тачки хо́чицца* (Зассов.).

Глаголы *куштува́ть* и *солонéтать* имеют значение ‘пробовать, отвековать пищу’. Первая ЛЕ употребляется как нейтральная, вторая – с шутливым и

ироническим оттенком. Ср.: *Булó такэ рáньшэ: ниві́стку вóзьмутъ, она́ рáно встаé и борцъ вáрэ и свыкру́хи нэсэ́ куштува́тъ* (Новотит.) – *Солопэ́тайтэ, солопэ́тайтэ! – Спасы́бо, я вжэ́ набурэ́ндывся* (Нововелич.).

Часто квазисинонимы отличаются и дифференциальными семами, и стилистической маркированностью. Так, младшую дочь носители местных говоров называют *меньшу́ха*: *Миня́ ма́ма па́джэ́ливала: я миньшу́ха бы́ла* (Арх.). Суффикс –УХ(А) далеко не всегда несёт экспрессивную нагрузку, многие диалектные существительные с этим суффиксом функционируют в говоре как нейтральные, см., напр.: *стари́шу́ха* ‘старшая дочь’, *спеву́ха* ‘певунья’ и др. Квазисинонимом ЛЕ *меньшу́ха* является слово *заскрёбушка*, которое не только эмоционально окрашено, что находит выражение в уменьшительно-ласкательном суффиксе –УШК(А), но и включает в семантическую структуру дополнительные дифференциальные семы: ‘обычно поздний ребёнок’: *Заскрёбушка, ка́да́ па́слэ́дний рибё́нак* (Бород.).

Квазисинонимом дублетов *вискы́ = волóсья = волокно́* ‘волосы’ выступает имеющее оттенок грубости существительное *пáклы* – фонематический вариант общерусского *патлы* ‘растрёпанные волосы’. Ср.: *Вискы́ ни распуска́ли, то́льки с ко́сами хади́ли* (Успен.). *Ма́нька всигда́ ходы́ла с растрёпанны́ми волóсьями* (Смол.). – *Распусты́ла пáклы! Трясе́т ту́та пáкламы* (Днепр.).

Значение ‘глаза’ в кубанских говорах актуализируют ЛЕ *óчи, бу́льки(и), вы́тарачки, вы́трешкы*: *Спы, закрыва́й óчи* (Нововелич.). *Бу́льки вы́тарцила и мовчи́т* (Петров.). *Шо ты уста́вил сва́й вы́тарачки?!* (Тбил.). *Вы́ставэ сво́й вы́тришкы и дывы́ця на тэ́бэ* (Старотит.). Доминанта диалектного квазисинонимического ряда – существительное *óчи*, воспринимается диалектоносителями как нейтральное (в отличие от носителей ЛЯ). Остальные синонимы ряда экспрессивно окрашены. Кроме того, лексический диалектизм *бу́льки(и)* имеет в своей семантической структуре дополнительную сему ‘навыкате’; на Кубани функционирует также прилагательные *бу́лька́тый*, ‘о человеке с глазами навывкате’: *Прыхо́дыла та Ва́лька, бу́лька́тая* (Петров.).

ЛЕ *бирю́к*, *вовк* являются нейтральными. Их квазисинонимами выступают имеющие в значении дифференциальные семы ‘*ма́тёрый*’, ‘*крупный*’ существительные *вовéло*, *волча́ра*, экспрессивность которых создаётся за счёт суффиксов –ЕЛ(О) (ср. экспрессивы с аналогичным суффиксом: *пузело* ‘большой живот’, *хавело* ‘большой рот, пасть’) и –АР(А) (ср.: *мужича́ра* ‘крупный мужчина’): *Вовéло* – *цэ такый ма́тёрый вовк, вовчи́ца* (Старотит.). – Как у вас называют ма́тёрого волка? – *Ну как... валча́ра* (Усть-Лаб.).

ЛЕ в силу многозначности может входить в разные синонимические ряды. Так, прилагательное *ря́сный* ‘1) обильный (об урожае); 2) пышный (об одежде)’ в первом ЛСВ синонимично ЛЕ *си́льный*, *роди́мый*; во втором – составляет синонимическую пару с семантическим диалектизмом *по́л(в)ный* (об одежде). Глагол *пе́рхать* ‘1) кашлять; 2) задыхаться’ в первом ЛСВ входит в синонимический ряд *бухы́кать*, *кахы́кать*, *пе́рхать*; во втором – синонимичен глаголу *задвоха́ться*. В первом ЛСВ ‘заниматься делом, доставляющим много хлопот’ глагол *чертова́ться* – член синонимического ряда *валáндаться*, *мордова́ться*, *музды́каться*, *чертова́ться*; во втором – синонимичен глаголу *трындыка́ть*. Лексический диалектизм *чикиля́ть* ‘1) идти; 2) хромать’ в первом ЛСВ является синонимом глаголов *идти́ть*, *чимчикова́ть*, *шпилькова́ть*; во втором – вступает в синонимические отношения с ЛЕ *дыбула́ть*, *клы́гать*, *шкандыба́ть*, *шкандыля́ть*. Приведённые языковые факты демонстрируют, что один из источников синонимии – развитие и изменение значений слова.

Объединение синонимов в синонимические ряды происходит на основе интегральных элементов значения. Г.А. Раков справедливо отмечает, что статус термина «синонимический ряд следует определять как общее, родовое понятие, поскольку количественное и качественное наполнение ряда может быть различным» [ср. Раков, 1988, с. 36]. Синонимические ряды в говорах могут быть простыми, или двучленными, и сложными, или многочленными. Исследователь предлагает выделять три типа синонимических рядов: «дублетные ряды, дублетно-синонимические ряды и собственно синонимические ряды» [ср. Раков, 1988, с. 36 – 37]. Проиллюстрируем их на материале кубанских говоров.

Дублетный диалектный ряд является в них наиболее распространённым типом. Он состоит из лексических дублетов. См., напр.: *ажі́на* = *жеві́ка* ‘ежевика’, *бирючо́нк* = *вовченя́* ‘волчонок’, *би(ы)тый* = *дрюко́ванный* ‘о бывалом, опытном, много видевшем и испытывавшем человеке’, *би́(ы)ться* = *бруха́ться* = *коло́ться* = *пыря́ться* ‘бодаться’, *бога́то* = *чимало́* ‘много’, *боги́нка* = *вико́нка* ‘иконка’, *боле́(и)знь*, *боле́(и)зня*, *боле́сть* = *безздоровье* = *хвороба́*, *босяка́* = *разука́* ‘босиком’, *буля́ка* = *хлебя́ка* ‘большая булка хлеба’, *бухы(и)кать* = *кахы́кать* = *пе́рхатъ* ‘кашлять’, *вергу́н* = *хру́стик* ‘изделие из теста – хворост’, *вершо́к* = *сметана́* ‘сливки в отстоявшемся молоке’, *весёлка* = *ра́йдуга* ‘радуга’, *голова́стики* = *панычи́* ‘вьюнок трёхцветный’, *дарма́* = *ду́рно*, *надурня́к* ‘даром’, *детворня́* = *ребятёжь* ‘детвора’, *догоды́ть* = *подла́дыть* ‘угодить кому-л.’, *жадо́ба* = *жидя́ра* = *кугу́т* = *ске(и)с* ‘жадный скупой человек’, *жмень*, *жме́ня* = *приго́рша* ‘пригоршня’, *заде́лать*, *поде́лать*, *сде́лать* = *поробы́(и)ть* ‘навести порчу, сглаз’, *кульба́ба* = *поддува́нчик*, *сдува́нчик* ‘одуванчик’, *плы́гать* = *си́гать* = *стры́бать* ‘прыгать’, *туча́* = *хма́ра* ‘дождевая или грозовая туча’, *шкворе́ц* = *шпак* ‘скворец’, *щебре́ц(ь)*, *че́бор*, *че́бчик* = *со́нни(ы)к*, *со́нюшка* ‘чебрец’ и мн. др.

В диалектном дублетно-синонимическом ряду (включает не менее трёх компонентов), два обязательно должны быть в дублетных отношениях; остальные позиции занимают синонимы разных типов: *ку́пленный*, *купо́ванный* = *прода́жный* ‘купленный’, *магази́нский* ‘купленный в магазине’; *куте́ня*, *куте́нок*, *куте́нок*, *кутю́к*, *кутючо́к* = *цуце́ня* = *це́ня* (‘щенок’), *шарча́*, *шарчо́нок* (‘щенок, маленькая собачка с короткими лапами’) и др.

Диалектный собственно синонимический ряд состоит из разных типов синонимов: *поба́ны(и)ть*, *попра́ть* (устар.) ‘постирать’, *проковба́сить* (ирон.) ‘постирать на скорую руку’. Следует отметить, что данный тип синонимических рядов в кубанских говорах нечастотен.

Выявленные синонимические ряды насчитывают от 2 до 14 звеньев. Средняя длина ряда – 2 – 3 синонима. Довольно протяжённые ряды представлены в тематической сфере «Человек» (см. гл. 6). На данную особенность обращал внимание О.Н. Трубочёв, который подчёркивал: «синонимическая плодovitость

языка проявляется в отношении всего, что связано с человеком» [Трубачёв, 1991, с. 267]. Рекордным в кубанских говорах является синонимический ряд, состоящий из синонимов-слов, с общим значением ‘бродить, шататься без дела’, – 14 глаголов (см. 6.3.).

Повышенная структурная вариативность ЛЕ, присущая говорам, в том числе кубанским, способствует вхождению в синонимические ряды структурных вариантов. См., напр.: *áрбуз=ка(в)у́н*; *денату́р / денату́ра = синю́ха* ‘денатурат’, *жа́ба / жабáк = кря́ка / кряку́н = ля́гва / лягу́н* ‘лягушка’, *спи(ы)на / спи(ы)ня́ка = горб / горбы́на / горбя́ка* и др.

Широко в местных говорах представлены синонимы и среди ФЕ. Общеизвестно, что фразеологическую синонимию необходимо отличать от фразеологической вариантности, которую В.М. Мокиенко справедливо относит к одному из самых характерных свойств фразеологии [Мокиенко, 1989, с. 10]. На диалектическую изменчивость ФЕ обращал внимание ещё В.В. Виноградов, отмечавший, что «в речевой деятельности так же, как и в индивидуальном стиле, границы слова и фразы особенно зыбки, текучи, неопределённы» [Виноградов, 1946, с. 46]. Под вариантом ФЕ понимается словосочетание, являющееся разновидностью исходной ФЕ, в которой могут происходить формальные и лексические замены, однако «всевозможные колебания в лексико-структурном и грамматическом выражении исходной традиционно употребляемой фразеоформы ФЕ не доходят до нарушения её тождества. Образный стержень остаётся стабильным» [Бушуй, 1986, с. 6].

Варьирование компонентов в составе устойчивых выражений в кубанском диалекте может быть обусловлено как языковой основой говоров, влиянием диалектной фонетической, морфологической и лексической систем, так и действием целого ряда факторов, к которым относятся образование, возраст носителя диалекта, стремление обновить и сделать более понятной образную основу ФЕ, усилить её экспрессивность. Определённую роль играет также модус коммуникации, поскольку при переходе носителей говоров на разговорный ЛЯ возможна замена диалектных компонентов ФЕ на литературные. Собранный

языковой материал позволяет выявить следующие направления развития варьирования устойчивых выражений в говорах Кубани:

1. Акцентологическое варьирование компонентов: *багла́и* / *багла́и напáли* 'лень нашла', *не ба́чить смале́ного* / *смале́ного во́л(в)ку* 'не знать трудностей', *людя́м* / *лю́дям о́чи дра́ть* 'надоедать, мозолить глаза', *посинеть як ку́рачий* / *кура́чий пуп* 'очень сильно замёрзнуть' и др.

2. Фонематическое / фонетическое варьирование компонентов: *на дурни́цу* / *дурни́цу* 'даром, за чужой счёт', *отби́ть па́морки* / *па́морки* 'лишить, лишиться памяти, способности соображать', *пы́ндыкы-мы́ндыкы* / *пу́ндыкы-му́ндыкы* 'деликатесы', *па́нского* / *па́ньского ро́ду* '1) о человеке с вьющимися волосами; 2) белоручка, неженка', *во́лки(ы)* / *во́вки(ы) во́ють* / *вы́ють* 'о заросшем, запущенном огороде', *на учку́р* / *очку́р не нани́жешь* 'очень много (детей)', *порохня́* / *порошня́ сы́плется* 'кто-л. очень старый и дряхлый' и др.

3. Лексико-грамматическое (словообразовательное) варьирование компонентов: *женáтое* / *женёное молоко́* 'молоко, разбавленное водой (обычно на продажу)', *дрыко́м* / *дрычко́м не добы́ешь* 'о крепком, обычно немолодом человеке', *обду́тый* / *обду́тенький кусо́чек* 'лакомый кусочек', *ра́чки(и)* / *ра́чкой ла́зять* 'ползать на четвереньках', *накрыть* / *укрыть мокро́м рядно́м* 'огорошить', *куде́лю* / *куде́лева сыгра́ть* 'оттаскать за волосы', *по шнуру́* / *шнурку́ ходи́ть* 'быть послушным, беспрекословно повиноваться', *як муша́* / *муша́к* 'о человеке, который много и тяжело работает' и др.

4. Грамматическое (формообразовательное) варьирование компонентов: *к грецю́* / *к греця́м* 'прочь, долой, вон (гнать, прогонять)', *иржа́ть як* / *как кобы́ла* / *кобы́лы* 'о громко смеющихся девушках или женщинах', *охватáть лы́сканца* / *лы́сканцев* 'получить удар / удары ладонью', *чужо́й* / *чужа́я чужина́* 'о чужом, неродном человеке', *як хма́ра* / *хма́ры* 'мрачный, хмурый', *в ка́жнюю* / *в ка́жну бо́чку чоп* 'о человеке, который лезет не в своё дело', *бе́сиво нашло́* / *нахо́дит* 'кто-л. находится в возбуждённом, нервозном состоянии' и др.

5. Синтаксическое варьирование компонентов: *би(ы)ть языко́м по зубáм* / *язы́ко зу́бы би(ы)ть* 'бесполезно болтать, пустословить', *из* / *с деся́тка* / *деся́тку*

не вы́кинешь ‘о людях, добившихся высокого социального и общественного положения’, *метр с кѣпкой / в кѣпке* ‘о человеке маленького роста’, *насыпать соли (перцу) на / под хвост* ‘навредить кому-л., отомстить, досадить’, *в нашем полку нѣту толку / с нашего полку нѣту толку* ‘о неразберихе, беспорядке, отсутствии дисциплины, единоначалия в каком-л. обществе, коллективе людей’ (дЧ.), *пахать в(у) свѣл / на свѣл* ‘пахать участок с середины поля по расширяющемуся прямоугольнику к краям’, *ходить в норки / по норках* ‘в голодное время собирать зерно из нор полевых мышей’ и др.

6. Лексическое варьирование компонентов: *задрать (задирать) нос / кырпу* ‘зазнаться’, *шайками / ряжками закидать* ‘выразить крайнюю степень презрения’, *на учкур / верёвку не нани́жешь* ‘о большом количестве чего- или кого-л.’, *все и капельки / крошкы подобрать* ‘быть очень похожим на кого-то’, *свернуть / скрутить вязы* ‘искалечить кого-то или искалечиться самому’, *куры загребу́т / заклю́ют* ‘кто-л. робок, застенчив, не умеет за себя постоять’, *аж в нутре всё оборва́лось / оторва́лось / переверну́лось* ‘кто-л. сильно испугался’ и др.

Поясним, что к лексическим вариантам в составе ФЕ относятся не только синонимы-дублиеты, но и соотносительные формы существительных-зоонимов с супплетивной основой.

7. Квантитативное варьирование (редукция компонента / компонентов): *го́лый, бо́сый и простоволо́сый – го́лый, бо́сый* ‘очень бедный’, *хоть на маши́ну грузи́ и вывози́ – хоть на маши́ну грузи́* ‘очень много’, *до́вгый як драбы́на – як драбы́на* ‘об очень высоком и худом человеке’, *Илье́ на бо́роду оста́вить – Илье́ на бо́роду* ‘1) устар. название обряда, посвящённого окончанию жатвы; 2) шутл., ирон. оставить недоделанной какую-л. сельхоз. работу’, *сам пью, сам гуляю, сам стелюся, сам лягаю – сам пью, сам гуляю* ‘о свободном, ни от кого не зависящем человеке’, *нога́ как под дурны́м ста́рцем – нога́ как под ста́рцем* ‘о больших ступнях’, *без стуку, безгрюку перевезли́, как су́ку – без стуку, безгрюку* ‘тихо, бесшумно’ и др.

8. Совмещение нескольких типов варьирования: *базáр / базáрь стои́т / стои́ть* ‘беспорядок’, *не ба́чить / не видеть шмале́ного / смале́ного во́л(в)ку /*

во́л(в)ка ‘не знать трудностей’, *за́шпор / за́шпоры зайти́ / позаходь́ть* ‘о руках или ногах, потерявших чувствительность от холода’, *зальи́(и)ть са́ла / смо́лы за шку́ру / шки́рку* ‘доставить много неприятностей, причинить зло’, *в(у)го́ру / го́ры покаты́ть / покоты́ть* ‘справиться с любой тяжёлой работой; горы своротить’ и др.

9. Варьирование, обусловленное языковой основой кубанских говоров (первый вариант – в КГУЯО, второй – в КГЮЯО): ‘неожиданно’ – *як дрючкóм по голови́ / как дрючкóм по головé*, ‘жениться не на ровне’ – *не по се́[э]бе дéрево зрубы́ть / не по себе́ дéрево срубíть*, ‘1) пытаться скрыть что-л. неблагоприятное; 2) чрезмерно экономить’ – *натягивать шки́рку на киси́ль / натягивать шку́рку на кисéль*, ‘выйти замуж раньше старшей сестры или брата’ – *пидсады́ть (пидкы́нуть, пидтопта́ть) пид коры́то / посади́ть под коры́то*, ‘недолго’ – *от Риздва до колядки / от Рожества до колядки*, ‘о том, кто быстро ест’ – *як засе́[э]бе[э] кы́дае / как за себя́ кидáет(ь)*, ‘о самой дальней родне’ – *ри́дный Хвёдор / родный Ф(Хв)ёдор*, ‘большая комната в доме, зал’ – *велька хата / большая хата* и др. Постепенное размывание исторических основ кубанских говоров под влиянием РЛЯ приводит к тому, что носители КГУЯО могут употреблять в своей речи русифицированные варианты. Между тем носители КГЮЯО нередко в целях повышения экспрессивности используют огласовку, характерную для кубанской *балачки*, которая придаёт выражению повышенный эмоциональный тонус.

Варьироваться может только один член устойчивого выражения или несколько компонентов, или все компоненты. В зависимости от этого выделяют:

1) двучленную вариантную парадигму – *ве́рхи брать / ёздить* ‘полностью подчинить кого-то с помощью силы, психологического влияния’, *вы́вернуть рубаи́ку / шу́бу* ‘1) очень сильно разозлиться; 2) очень сильно наказать’, *вы́пустить ра́ка изо рта́ / из ро́та* ‘насплетничать’, *дрю́ком / дрючкóм / дры́ном / ко́лом не добы́ешь* ‘о крепком, обычно немолодом человеке’, *ку́рице / ку́рке не́где клю́нуть* ‘1) очень тесно; 2) кто-л. весь избит; нет живого места на теле’, *ру́ку*

наломать / наломить ‘приобрести навык в выполнении какой-л. работы’, *укусить и зубы спрятать / схоронить* ‘совершить проступок и скрыть содеянное’ и др.;

2) многочленную вариантную парадигму – *не бачить / не видеть / не нюхать шамалёного / смалёного вól(в)ку / вól(в)ка* ‘не знать трудностей’, *гáдко / гýдко щéпкой / щéпками(ы) / на щéпку / пáлочкою взять / брать* ‘о чём- или о ком-л., вызывающем неприязнь, отвращение’, *глаза́ / глáзки обморóженные / заморóженные* ‘о наглom, бесстыжем человеке, которого ничем не смутить’ (СФГК), *глядеть / смотре́ть бугаём / чёртом / дьяволом* ‘глядеть / смотреть злобно’, *ки́даться / ски́даться ли́цом / ли́чиком* ‘быть похожим на кого-л.’, *сва́йба / сва́дба сорóчку / рубáшку найде / найдёт* ‘средства найдутся’ и др.

Компоненты вариантных общенародных и диалектных ФЕ могут представлять собой структурные варианты или лексические эквиваленты. См., напр.: *с бусорью / с придурью, б́лого св́та не бачить / белого свёта не видеть, свернуть вязы / свернуть шею, стовбы́чить над душой / стоять над душой, хова́ть концы в(у) воду / прятать концы в воду, як (как) дзыга / как юла, як хма́ра / как туча* и др. Реже происходит замена общенародных компонентов на общенародные, напр.: *взять на ус / намотать себе́ на ус, ломы́ть горя́чку / порóть горя́чку, на ширóкую ла́пку / на ширóкую но́гу, се́рдце в(у) пя́тках побывáло / се́рдце в пя́тки ушло́, як рука́мы отобра́ло / как рукой сняло́* и др.

Приходится признать, что граница между вариантностью и синонимией в сфере диалектной фразеологии весьма подвижна. Особенно это касается тех случаев, когда между компонентами ФЕ обнаруживаются тесные семантические или тематические связи. К лексическим вариантам мы склонны вслед за Л.А. Лебедевой относить и такие устойчивые выражения, в которых наблюдается смещение смысловых акцентов [см. Лебедева, 1999, с. 41]. Подчеркнём, что в подобных случаях главный семантический компонент остаётся неизменным, а семантику второстепенных компонентов можно свести к некому обобщению. Так, в ДФЕ *пы́ва не зва́рышь* и в общенародной ФЕ *каши не сварышь* главными компонентами являются не существительные, а глагол, номинирующий в прошлом ритуально-обрядовое действие (обобщённое значение второстепенных

компонентов – ‘какая-л. насущная пища, напиток’; общая основа для образного переосмысления при создании ФЕ – не сваришь ‘какую-л. насущную пищу, напиток’). У ДФЕ *дело говядиной пахнет* и общенародного выражения *дело пахнет керосином* главный компонент – глагол *пахнет* (второстепенные компоненты имеют обобщённое значение ‘какой-л. тяжёлый запах’). См. также ФЕ *гимна / соли / снега не выпросишь* (главный семантический компонент – глагол, существительные имеют обобщённое значение ‘что-л. не представляющее собой ценности’); *бразжка заварилась / каша заварилась* главный семантический компонент – глагол, существительные имеют обобщённое значение ‘горячительное блюдо’). См. также: *с-под батогá / из-под палки, без гóду три дня / без году неделя, душа́ крòвью затека́ет / сердце крòвью облива́ется, як железо / как жость, при царе Митрохе / при царе Горохе, заглядать в(у) бутылку / заглядывать в(у) рюмку* и др.

Что касается сравнительных союзов в составе УС, то, как справедливо отмечает Л.А. Лебедева, их изначальная грамматическая функция ослаблена, и «употребление сравнительных союзов в составе УС является позицией нейтрализации различий между ними, так что в составе УС они выступают как синонимы, между которыми возможен свободный выбор. Исключение составляют лишь немногочисленные УС, в которых объектная часть содержит глагольную форму, то есть может быть интерпретирована не как сравнительный оборот, а как сравнительное предложение...» [Лебедева, 199, с. 42]. В кубанских УС диалектные и общенародные сравнительные союзы выступают как варианты: *як / как, навроде / вроде, наче / будто, як будто / как будто, як наче / как будто*. Наиболее частотными являются варианты *как / як*. При этом вариантные пары представляют собой синонимы.

Разграничение фразеологических вариантов и синонимов чрезвычайно важно в практической лексикографии, поскольку благодаря ему устанавливаются как форма заглавного словарного блока, так и количественный состав ФЕ, представленных в словаре. Под диалектными фразеологическими синонимами обычно понимают выполняющие одинаковую синтаксическую функцию ФЕ,

имеющие общую денотативную соотнесённость и разные образные представления, определяющие их общее содержание [ср. Фёдоров, 1980, с. 131 – 132]. Что касается синонимичных кубанских ФЕ, то они должны принадлежать либо одной из подсистем, либо входить в общекубанский фразеологический пласт.

Приходится признать, что границы функционирования кубанских ФЕ не во всех случаях чётко установлены. При их определении мы опирались на сведения из населённых пунктов, где производились записи диалектной речи. Бесспорно, мы отдаём себе отчёт в том, что какая-то часть ДФЕ, в том числе синонимических, осталась нами не зафиксированной. Между тем имеющийся языковой материал позволяет сформировать разнообразные, обладающие разной протяжённостью синонимические ряды. Приведём некоторые из них, группируя ДФЕ в зависимости от соотнесённости с определённой частью речи.

Адвербиальные фразеологические синонимы с общим значением:

‘абсолютно безразлично’: *ни одін Дани́ла, вей трава, не грéет, не знобіт, и жáлю máло, и волк тра́вушку не ешь.* ‘Очень легко и просто’: *шо с горы́ коты́ться, хитрого чуть, как семечку разгрызть, как ра́ку но́гу обломáть.* ‘Очень мало, недостаточно’: *одна́ гра́мма, глаза́ ма́зать, с гульки́н хвост, как кобелю́ му́ха.* ‘Неожиданно’: *як / как дрючко́м по голови́(é); як чувáлом по горби́(у).* ‘Очень поздно’: *в свиня́чий / свинский́ голос; к собáчьим загвинам.* ‘Очень темно’: *хучь глаза́ми свети́, óко коли́.* ‘Очень тесно’: *ку́рке не́где кли́нуть, нет никакого развороту.*

Глагольные фразеологические синонимы с общим значением:

‘бегать без толку, суетиться’: *би́(é)гать ~ як вша́ по гаши́нку, як Га́нна без со́ли, як ку́цый по я́рманке, як за́санна(я) мы́ша, як бе́шена(я) худóба.* ‘Вмешиваться в чужие дела, в чужую жизнь’: *совáть нос в(у) чужо́й коло́дец, заглядáть в(у) чужие́ горшкы́(и).* ‘Голодать’: *жить во́здухом, жить го́лодом, жить на пи́ще святого́ Антония́, кла́цать зубáми, печь аплодисме́нты, звёзды́ счита́ть.* ‘Замёрзнуть’: *дрогалéй пойма́ть, души́ не нагрéть, все кы́шкы пове́студы́ть, заме[э]рзнуть ~ як цуцэ́ня, як цыган пид вентеры́ной, як му́ха,*

посинѣть як кúрачий пуп. ‘Наесться до отвала’: набы́ть ке[э]ндюх, пѣльку набы́ть, нае́стья, напы́ться как бúзивок, поначиня́ть кышкы; пу́зо распоро́ть. ‘Обидеться’: губы закопы́ли(ы)ть / накопули(ы)ть, наду́ться ~ як инды́к, как ко́вальский мех. ‘Оттаскать за волосы’: впутаться в(у) причёску, заглянуть в(у) в чу́ба / в(у) голову; кудѣлю / кудѣлева сыгра́ть. ‘

Синонимический ряд с общим значением ‘драться’ состоит из двух ДФЕ: *протяга́ть ру́кы, чу́хать кулаки́(ы)*. Вторая ДФЕ в отличие от первой употребляется в двух видовых формах и поэтому синонимична с ней только в форме несовершенного вида. Синонимом ДФЕ *почухать кулаки(ы)* является ДФЕ *в метѣлицы сгуля́ть ‘подра́ться’*.

В ДФЕ *штаны в(у) руках нести* глагол употребляется только в форме несовершенного вида, глагольный компонент в ДФЕ *хвостом накры́ться, собрать обручи, гребануть як на взлѣт утка* – в форме совершенного вида. По данной причине эти ДФЕ входят в разные синонимические ряды: ‘убегать’: *дава́ть ~ драпака́, дра́ла, штаны в(у) руках нести* и ‘убежать’: *да́ть ~ драпака́, дра́ла, хвостом накры́ться, собрать обручи, гребануть як на взлѣт утка*.

Синонимический ряд с общим значением ‘плакать’ включает следующие ДФЕ: *ловы́ть рѣву, рѣвы роспуска́ть, реве́ть як во́бла, рѣвом реве́ть, голосо́ить на ду́мки, скавча́ть як цуценя́, скребти́ рѣдку*. С ними семантически соотносятся, но не являются их синонимами ДФЕ *наробы́ть пла́чу и слезу́ (в)пойма́ть*, в которых глаголы употребляются только в форме совершенного вида.

Субстантивные фразеологические синонимы с общим значением:

‘беспорядок’: *базáр(ь) стои́т(ь), в(у) хáту не влѣзешь, чѣрти про́со иска́ли, чѣрти го́пки сто́ят, черт летíв и но́ги сви́шав. ‘Старя дева’: николáевска(я) ба́рышня, засидѣ́вша(я) дѣ́вка. ‘Сомнительная компания’: стрю́к, бирю́к и заяц; шо́ха да еро́ха; тю́ха, матю́ха и колупáй с бра́том; одна́ шáйка-лѣ́йка. Дальний или сомнительный родственник’: *через доро́гу на (в)пры́сядки(ы), на́шему забóру двою́родный плетѣ́нь, Петро́ ба́бе рíдный Хвѣ́дир, как / як чѣ́рт козе́ дядька. ‘Человек, который лезет не в своё дело’: в(у) ка́жну бо́чку чоп, в(у) ка́жной мотни́ за́тычка. Количество синонимических рядов этой группы в кубанских говорах**

незначительно. На подобную ситуацию в сибирских говорах обращает внимание А.И. Фёдоров [Фёдоров, 1980, с. 140].

Адъективные фразеологические синонимы с общим значением:

‘Бедный’: *бидный як церковна(я) мыша, голый, босый и простоволосый, ни хатыны ни лозыны, гол як бубен, как у латышá – хрен да душа́.* ‘Быстрый, юркий’: *як дрóздык, як мы́ша, юркый як лиц.* ‘Грязный’: *грязный як / как~ ганчёрка, греця́(а)к, мазныця, ма́ра, шаромыга, замурзанный / забреханный як порося.* ‘Очень злой’: *як живы́й сатана́, злы́й як зы́ньске щеня́, як скажённый.* ‘Недосягаем, недоступен для кого-л.’: *грудкой не докинешь; крюком не достанешь.* ‘Неуклюжий’: *чёртова люшня́, как сара́й с пристро́йкой.* ‘Одинокий’: *ни дитиночки ни былиночки, оди́н душо́й, як были́на, оди́н как ле́ший на боло́те.* ‘Просторный (о помещении)’: *хоть / хучь конём грай, хоть / хучь телись.*

Преобладание синонимических парадигм глагольного типа можно объяснить особой потребностью диалектоносителей выразить экспрессивную оценку определённым действиям. Эта же причина оказывает влияние на длину синонимического ряда (см., напр., в гл. 6.2. ДФЕ с общим значением ‘пустословить, болтать’ – 11 ДФЕ; в гл. 6.3. ДФЕ с общим значением ‘заниматься заведомо бесплодной, бесполезной деятельностью’ – 17 ДФЕ, ‘сидеть без дела, бездельничать’ – 8 ДФЕ и др.). Большое количество членов в синонимических рядах глагольного типа в отдельных случаях вызвано суеверными стремлениями носителей диалекта эвфимистически назвать какое-либо действие или состояние (см. напр., синонимические ряды с общим значением ‘умереть’ – 14 ДФЕ; ‘похоронить’ – 7 ДФЕ в микрополе «Смерть» в Приложении Е).

Синонимичные ДФЕ могут обнаруживать различные оттенки значения. Так, ДФЕ *заболеть рóтом* и *кы́нуться в(у) вóдку, уклю́нуться в(у) алкогóль*, входящие в синонимический ряд с общим значением ‘напиться пьяным’, означают также ‘страдать алкогольной зависимостью’. Другие дополнительные семы обнаруживают ДФЕ *окуну́ть ду́шу* – ‘напиться спиртного и *буянить*’ (Розенберг); *увидеть тёщу* – ‘напиться до *тошноты*’ (Розенберг). Дублиеты *ловыть рёву, рёвы* *ропускать* ‘плакать’ не являются абсолютными синонимами следующих ДФЕ:

реветь як *вобла*, *рёвом реветь* ‘громко, во весь голос плакать, рыдать’, *голосыть на думкы* ‘плакать в голос, вспоминая кого- или что-л.’, *скавчать* як *цуценя* ‘тихо плакать, ныть’. См. также: дублиеты *дать* ~ *драпакá*, *дрáла*, *хвостом накрыться*, *собрать обручи* ‘убежать’ и их квазисиноним *гребануть* як *на взлёт утка* ‘быстро, стремительно сорвавшись с места, убежать’. Как идеографические синонимы следует квалифицировать ДФЕ *узду́ затыну́ть* и *по(и)дтоптать под каблук*, поскольку в семантической структуре второй ДФЕ есть дополнительные семы ‘обычно о зависимости мужа от жены’. Семантически неравнозначны некоторые члены рассмотренной выше разветвлённой синонимической парадигмы с общим значением ‘очень много’, дающие количественную характеристику скоплению животных, рыбы, насекомых или множеству неодушевлённых предметов. Так, различаются оттенками значения ДФЕ *на рубль сто голов* ‘чего-то очень много, чаще мелкой рыбы’, как *комаров* ‘очень много мелких предметов’. Идеографическим синонимом в синонимическом ряду с общим значением ‘очень много людей, народу’ – *до ідола, людéй як до цёрквы, до греца́(я)* – является ДФЕ *на учку́р / очку́р не наніжешь* ‘очень много детей’.

ДФЕ могут отличаться эмоциональной окраской. См., напр., ДФЕ *затéпаться до са́мой поты́лицы* и *вы́качаться як свыння́* с общим значением ‘очень сильно испачкаться’. Первый член синонимической пары воспринимается как нейтральный, второй – как грубый. Различной коннотацией обладают УС, характеризующие болтливого, разговорчивого человека: *балаку́чий як ра́диво* (нейтр.), *брехливый як староста* (одобр.), *брехливый як сорока* (ирон.), *сла́бый на вто́ры / в уто́рах* (презр.). Однако в подавляющем большинстве ДФЕ не обнаруживают эмоционально-экспрессивных отличий, поскольку все они, как правило, обладают повышенным эмоциональным тонусом. Данное обстоятельство объясняется тем, что основной функцией ФЕ является не номинативная, а экспрессивная, состоящая в том, чтобы характеризовать и эмоционально оценивать предмет мысли.

В синонимические отношения вступают диалектные и общенародные ФЕ. Появление таких пар и рядов обусловлено влиянием ЛЯ и просторечия. См.,

напр.: *землѣй вонять* ‘быть старым, дряхлым’. В ЛЯ этой ДФЕ соответствует ФЕ *стоять одной ногой в могиле*. См. также: *а́нгел, то́лько без кры́лушек* = волк в овечьей шкуре, *в(у) свиня́чий го́лос* = к шапочному разбору, *долго́в как усоба́ки репьяхо́в* = в долгах как в шелках, *репья́х в(у) кра́пынку* = чудо в перьях, *бу́ть на де́сятом ца́рстве* = быть на седьмом небе, *бе́речь как святу́ю па́сочку* = дорожить как зеницей ока и др. Безусловно, если у диалектоносителей появится осознание, что синонимичные ФЕ представляют собой явление местной диалектной речи, такие устойчивые выражения будут постепенно вытесняться из лексико-фразеологической системы диалекта. Этот процесс уже идёт, поскольку традиционный говор остаётся принадлежностью людей старшего поколения. Надо полагать, что сложнее архаизация или вытеснение местных ФЕ будет протекать в тех случаях, когда их образное содержание находит опору в условиях природной и социальной среды. См., напр., такие синонимические пары: *на ве́рбе гру́ши – развесистая клюква*, *стро́йная як кобылы́ця – стройная как березка*, *ду́рный як са́ло без хлі́ба – ду́рный как осёл*. В отдельных случаях ДФЕ по сравнению с литературными оказывается шире по семантике, что также способствует их устойчивости в лексико-фразеологической системе диалекта. Так, напр., ДФЕ *не́где ку́рице / ку́рке клю́нуть*, совпадающая с литературной ФЕ *яблоку негде упасть* в значении ‘о большом скоплении людей’, употребляется ещё в двух ФСВ ‘очень тесно’ и ‘нет живого места на теле’.

Проанализированный материал демонстрирует, что синонимические отношения представлены в кубанском диалекте достаточно широко как в плане количества синонимических парадигм, так и в плане их типологического разнообразия. Полагаем, что дальнейшее изучение богатства лексической и фразеологической синонимии кубанского диалекта должно быть направлено на лексикографическую презентацию синонимов в отдельном словаре, на их семантическую и стилистическую дифференциацию, на фиксацию изменений в синонимических парадигмах, вызванных облигаторным влиянием РЛЯ и перекрёстным воздействием друг на друга КГУЯО и КГЮЯО.

5.3 Омонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров

Омонимия в диалекте, как и в ЛЯ, – абсолютно естественное явление, вызванное закономерной необходимостью – эволюцией его лексико-фразеологической системы. Суть омонимии достаточно точно, на наш взгляд, раскрывает Л.В. Малаховский, определяя её как неизбежное следствие случайного характера результатов закономерных языковых изменений [ср. Малаховский, 1990, с. 15]. Само появление омонимов действительно следует воспринимать как случайность, сопутствующую указанной закономерности. Вероятно, желая подчеркнуть эту парадоксальную особенность омонимии, М.М. Маковский называет её «незакономерной закономерностью» [Маковский, 1980, с. 8]. Образование омонимичных пар и их устранение в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров представляют собой два разнонаправленных процесса. При этом устранение омонимов – замедленный, тормозящий, статичный процесс: попадая в речевую стихию, совпавшие по форме слова и ФЕ практически не создают конфликтной ситуации, поскольку в большинстве контекстов значение слова и ФЕ проявляется однозначно, что приводит к нейтрализации омонимии и не требует её преодоления.

Гораздо более сложным является разграничение диалектных омонимов и полисемантов, необходимое для унификации принципов их подачи в диалектных словарях, для более точного выявления объёма словарного состава говора и определения семантической перспективы его дальнейшего развития. Дифференциация омонимии и полисемии как смежных лексико-семантических явлений непосредственно связана с решением сложной теоретической проблемы – установлением семантических границ слова. Напомним уже ставшее научным афоризмом высказывание академика В.В. Виноградова о том, что «семантической границей слова является омоним» [Виноградов, 1986, с. 21]. Придавая большое значение вопросу «о пределах тождества слова – при многообразии его фонетико-морфологических и предметно-смысловых превращений и изменений»

[Виноградов, 1977, с. 39], учёный относил данную проблему к «одной из самых неотложных и вместе с тем запутанных, очень далёких от решения» [Там же, с. 289].

Действительно, разделение ЛЕ на омонимы и полисеманты продолжает вызывать немало затруднений. Сложность разграничения кроется, на наш взгляд, в теоретической неразработанности вопроса о критериях дифференциации лексических омонимов и отдельных значений полисемичного слова, в неопределённости понятия близости и отдалённости значений. В лингвистической литературе предлагаются десятки определений омонимии, в которых релевантными признаками этой лексико-семантической категории называются единство в плане выражения единиц и их различие в плане содержания. Между тем по вопросу о том, какие именно признаки плана выражения и плана содержания существенны для установления омонимии и как они соотносятся между собой, имеются серьёзные расхождения [см. Ахманова, 1957, с. 104; Булаховский, 1953, с. 46 – 47; Виноградов, 1975, с. 299; Маслов, 1998, с. 107; Реформатский, 1996, с. 90; Шмелев, 2003, с. 77 – 78 и др.].

Учёные называют несколько способов разграничения этих смежных лексико-семантических явлений: подбор синонимов к каждому из значений [Галкина-Федорук, 1954, с. 14 – 19], учёт словообразовательных возможностей слов [Фалькович, 1960, с. 85 – 88; Шумилов, 1956, с. 32–35], выявление различий в наборе морфологических категорий для двух из значений [Апресян, 1995]. Ещё один метод – мотивационно-понятийный, в основе которого лежит принцип выделения общей этемы (аналога семы, морфемы, этимологически неделимой единицы), при наличии которой материал необходимо трактовать как полисемантический [ср. Руснак, 1988, с. 69 – 72]. Следует признать, однако, что ни один из перечисленных способов в отдельности, ни их совокупность не являются достаточно надёжными как в лексикологии, так и в диалектологии, на что неоднократно указывали многие учёные [Апресян, 1995; Ахманова, 1957; Сороколетов, Кузнецова, 1987 и др.]. По мнению Ю.Д. Апресяна, поиски «критериев» красноречиво свидетельствуют о том, что ищущие не располагают

строгими определениями соответствующих лингвистических понятий. При их наличии незачем искать дополнительные (не используемые в тексте самих определений) критерии для распознавания языковых объектов [ср. Апресян, 1995, с. 184]. Таким образом, учёный вскрывает глубинную сущность проблемы, а именно: отсутствие строгих определений таких лексико-семантических явлений, как омонимия и полисемия.

В диалектной лексической системе, как справедливо отмечают Ф.П. Сороколетов и О.Д. Кузнецова, трудность дифференциации полисемии и омонимии обусловлена не только спецификой диалектной макросистемы, в границах которой определяются омонимы, сложностью семантики диалектных слов, но и рядом других объективных причин: отсутствием диалектных слов в ЛЯ и, следовательно, невозможностью для лексиколога и лексикографа соотнести конкретный семантический комплекс с чем-то известным. Неполная выявленность лексикализованных фонетических явлений, а также лексико-семантических процессов, реализующихся в диалектных словах и изменяющих их материальную сторону, также служат препятствием при разделении диалектных ЛЕ [ср. Сороколетов, Кузнецова, 1987, с. 186]. Такой признак омонимии, как общность или различие происхождения важен при выделении гетерогенных и гомогенных омонимов. Ф.П. Филин подчёркивал недопустимость смешивать омонимы гомогенные с гетерогенными и считать гетерогенные омонимы за одно слово [ср. Филин, 1961, с. 38]. Выделение в диалектных словарях омонимов, разных по происхождению, признаётся всеми лексикографами. Между тем неразработанность этимологии многих диалектных слов осложняет установление семантических границ слова и квалификацию совпадающих по форме диалектных единиц по данному признаку.

При подаче омонимичных ЛЕ в Словаре кубанских говоров мы опирались на имеющиеся данные следующих словарей: этимологических, диалектных, украинского и русского языков, а также принимали во внимание зафиксированные в местных говорах лексикализованные фонетические явления и некоторые другие лексико-семантические процессы, приводящие к модификации

внешнего и внутреннего облика диалектного слова. Представим по частям речи пары слов, относящиеся к бесспорным фактам гетерогенной омонимии.

Имена существительные

*Бабáйка*¹ ‘существо наподобие домового, которым пугают детей’ – словообразовательный вариант диалектного существительного *бабáй* (*бабá*, *бабáй* «дед, старик», диал. заимств. из тур., чагат. *babá* «отец, дед» [см. Фасмер, I, с. 99]). *Бабáйка*² ‘гребное весло’ – М. Фасмер ссылается на А. Преображенского, который допускает связь с *бабáшка* «поплавок на удочке», и считает это слово производным от *ба́ба* «короткий столбик, чурбан» [см. Там же, с. 100].

*Ба́бка*¹ ‘1) женщина, принимающая роды; 2) женщина, лечащая травами; 3) петелька для крючка на одежде; часть застёжки’ – слово детского языка [см. Фасмер, I, с. 99]. *Ба́бка*² ‘деревянный кол с металлической планкой, на которую кладут косу и отбивают молотком’ – ср. с *ба́ба* «короткий столбик, чурбан», значение слова приводит А. Преображенский, однако о его происхождении он ничего не говорит [см. Там же, с. 100].

*Байра́к*¹ ‘овраг, промоина’ – фонематический вариант диалектного существительного *барáк* ‘овраг’, зарегистрированного в рязанских говорах [см. Фасмер, I, с. 123]. *Байра́к*² ‘барак’ – фонематический вариант общенародного слова *барáк* ‘примитивное жилое строение’. М. Фасмер считает возможным заимствование данного слова из французского – *baquoce*, которое восходит к итальянскому *barassa* [см. Там же].

*Весёлка*¹ ‘деревянная лопаточка для замешивания теста, мешалка’ – ср. с семантическим диалектизмом *весло́* ‘деревянная лопата для выпекания бубликов’, зафиксированным в кубанских говорах. *Весёлка*² ‘радуга’ – слово зарегистрировано в русских говорах [СРНГ, 4, с. 180] и в украинском языке [Гринченко, I, с. 142], см. также украинское прилагательное *веселко́вий* ‘радужный’ [Там же]. Происхождение существительного можно мотивировать прилагательными *весёлый*; *веселко́вий*. Подобная мотивация обнаруживается в русском и белорусском языках: радуга < *radoga* ↔ *radь* «рады» [Фасмер, III, с. 431]. Возможна и другая версия: мотивированность глаголом *висеть*.

*Дерка́ч*¹ ‘птица дергач, коростель’ – фонематический вариант существительного *дерга́ч*; лексема *деркач* в указанном значении зарегистрирована в южнорусских говорах [СРНГ, 8, с. 24] и в украинском языке [Гринченко, I, с. 371]. А. Преображенский приводит объяснение С. Аксакова, связывающего происхождение слова с криком птицы, очень похожим на слог «дёрг», повторяемый ею иногда до 15 раз сряду [ср. Преображенский, I, с. 217]; ЕСУМ также указывает на образование слова на основе звукоподражания – «издавать звук дер (про деркача)» [ср. ЕСУМ, II, с. 40]. *Дерка́ч*² ‘веник-голик для уборки двора’ – слово отмечено в южнорусских говорах [СРНГ, 8, с. 24] и в украинском языке [Гринченко, I, с. 371]; вероятно, образовано от глагола *драть*.

*Кабáн*¹ ‘кастрированный кабан’ – семантический диалектизм («вепрь, (дикая) свинья, боров» укр., блр. кабан; заимств. из тат., казах., кыпч., азерб. *kaбан* [см. Фасмер, II, с. 149]). *Кабáн*² ‘большая укладка снопов продолговатой формы’ – М. Фасмер предполагает, что слово *каба́н* «стог, скирда, кладь продолговатой кладки»; заимствовано, возможно, через удм. *Kaban* – то же из чув. *kaBan*, родственного кыпч., башк., бар. [см. Там же].

*Клу́ня*¹ ‘1) овин; 2) сарай, в котором держат мелкий скот; 3) навес, под которым молотят зерно; 4) летняя кухня, времянка’ – обычно объясняют как заимств. из польск., однако М. Фасмер считает, что лучше видеть здесь заимств. из балт. [см. Фасмер, II, с. 255]. *Клу́ня*² ‘мешок’ – ср. с однокоренными существительными *оклу́нок* = *клуно́к* [Гринченко, III, с. 47]; см. также в кубанских говорах лексический диалектизм *оклу́нок* ‘1) неполный мешок; 2) небольшой мешок; 3) узелок со скарбом’. *Клу́ня*³ ‘неопрятная, неухоженная женщина’ – переносное значение диалектного существительного *клу́ня* ‘наседка’ (ср. аналогичный перенос в кубанских говорах: *клу́ша* ‘1) наседка; 2) неповоротливая, неуклюжая женщина; 3) неопрятная, неухоженная женщина’).

*Комо́лка*¹ ‘дыня продолговатой формы, семена которой собраны в комок’. ЛЕ представляет собой структурный вариант диалектизма *комо́вка* (замена фонемы <В> на фонему <Л> достаточно частотна в местных говорах, см., напр.: *волна* – *вовна* ‘овечья шерсть’, *мо́лчки* – *мо́вчки* ‘молча’ и др.). Лексема *комо́вка*, в

свою очередь, является структурным вариантом диалектного существительного *комкóвка*, имеющего прозрачную внутреннюю форму (от *ком*, *комок*, в который собраны семена дыни): *Камкóвка ху́жы, чем калхóзница* (Усть-Лаб.). Слово *комóлка*² ‘корова без рогов’ – образовано суффиксальным способом от диалектного прилагательного *комóлый* ‘безрогий’.

*Куль*¹ ‘1) связка камыша, веток; 2) вид женской причёски: волосы, стянутые на затылке’ – ср. укр. *куль* ‘связка; мотня невода, сети’; обычно считают заимств. из лат. *culleus* «кожаный мешок» [см. Фасмер, II, с. 412]. *Куль*² ‘колдун’ – «чёрт, злой дух»; заимств. из ханты *kol* – то же *kol* [см. Там же].

*Лучина*¹ ‘дерево алыча, а также плоды этого дерева’ – образовано при помощи суффикса –ИН(А) от диалектного существительного *луча́* <*лыча* <*алыча*. *Лучина*² ‘головка лука, луковица’ – структурный вариант существительного *лук*.

*Мужичка*¹ ‘иностранка, не казачка’ – слово образовано суффиксальным способом от существительного *мужик*. В словарях РЛЯ имеет помету *Устар.* и толкуется как ‘Женщина из простого народа, крестьянка’ [МАС, II, с. 424]. *Мужичка*² ‘мелкий дождь, переходящий в снег’ – ЛЕ представляет собой структурный вариант следующих лексических диалектизмов: *мыгы́чка*, *мгы́чка*, *мыжи́чка*, *мжи́чка*, образованных от диалектных структурных вариантов *мыгы́чить*, *мжи́чить* ‘моросить (о мелком снеге с дождём)’.

*Окри́п*¹ ‘укроп’ – ср. с укр. *кри́п* ‘укроп’ [РУС: 728]; для местных говоров характерно наличие фонематических вариантов, отличающихся количеством фонем, см., напр.: *огудина* – *гудина* ‘стебли и листья огородных растений’. *Окри́п*² ‘кипяток’ – см. укр. *окри́п* ‘кипяток’ [РУС, с. 189], а также зарегистрированное в кубанских говорах существительное *окро́п* ([И] // [О]).

*Сёрка*¹ ‘1) боковина спичечной коробки, о которую зажигают спички; 2) сердцевина карандаша, графит’ (Кирпил. – РГК) – образовано от существительного *сёра* при помощи суффикса –К(А). *Сёрка*² ‘рыба краснопёрка’ (Кирпил. – РГК) – от прилаг. *серый*, см. также диалектная ЛЕ *серика* ‘что-л. серого цвета. Ряз.’ [СРНГ, 37, с. 214].

*Ско́лка*¹ ‘1) заколка для волос; 2) булавка’ – ср. с глаголом *сколо́ть*. *Ско́лка*² ‘1) гора; 2) вершушка горы’ – образовано от диалектного существительного *ско́ла* ‘1) скала, гора; 2) верх горы’ при помощи суффикса –К(А).

*Ти́чка*¹ ‘1) стая собак или волков с сучкой; 2) компания, группа людей; 3) разгульная компания’ – от диалектного глагола *тичковáться* ‘водить компанию’. *Ти́чка*² ‘кожаный потник, подстилка под седло’ (Воронеж. – РГК) (вероятно, первоначально *ки́чка* от *кичím* «кожаный потник, чепрак, подстилка под седло»; из тюрк.: ср. тур. *kiçim* «лошадиная сбруя» [см. Фасмер, II, с. 241]; затем *ти́чка*).

*Хурда́*¹ ‘буря, метель’ (Новопокровск., Турк. – РГК) – фонематический вариант существительного *хурта́* (Кулеш., Успен.); см. также *хурта́* кур. буран, метель, кура, вьюга, падара; *хуртовáть* кур., вор. вьюжить, мести [см. Даль, 4, с. 569]; в кубанских говорах отмечены глаг. *хурдели́ть*, *хурти́ть* ‘вьюжить’. *Хурда́*² ‘отара слабых овец’ (РГК без указ. места) – ср. *хурта́ть* «быть хилым, прихварывать», блр. *хурта́ць* – то же. Сближается с чешским *churavŭ* «болезненный, хилый, тощий» [см. Фасмер, IV, с. 285]; в отдельных ЛЕ, зарегистрированных на Кубани, также наблюдается замена в сильной позиции глухого согласного на звонкий: *хурта́* – *хурда́*, *коля́зочка*, *ле́нда*, *нарци́зы*.

Имена прилагательные

*Еду́чий*¹ ‘едкий’ – словообразовательный вариант прилагательного *едкий*. *Еду́чий*² ‘пригодный в пищу, съедобный’ – ср. с однокоренным существительным *еда*.

*Луна́тый*¹ ‘большеглазый, с глазами навывкате’ – образовано от глагола *лу́пать* ‘моргать глазами’. *Луна́тый*² ‘о масти животного со светлыми пятнами’ – фонематический вариант прилагательного *ла(о)на́тый* ‘пёстрый, цветастый’ (чередование [У] и [О] характерно для кубанского диалекта).

*Подхо́жий*¹ ‘похожий’ – словообразовательный вариант прилагательного *похо́жий*. *Подхо́жий*² ‘здоровый, крепкий, полный, тяжёлый (о ребёнке)’ – ср. с глаголами *подходи́ть* / *подойти́*, имеющими значение ‘подняться / подниматься, вздуться / вздуться (о тесте)’ с пометой *Разг.* [МАС, III, с. 285].

Глаголы

*Бурхану́ть*¹ ‘вылить, выплеснуть’ – можно предположить, что ЛЕ образована на основе звукоподражания, имитирующего плеск воды при её выливании из какой-либо ёмкости. Подобные глаголы, соотносительные с так называемыми «глагольными междометиями», первоначально означают звук и его произведение, а впоследствии – различные энергичные действия: бросок, удар, рывок и т.д. См. также в кубанских говорах: *грюк* – *грю́кнуть* ‘стукнуть’, *сте́б* – *сте́бнуть* ‘хлестнуть’, *чвок* – *чво́кнуть* ‘ударить’ и др. *Бурхану́ть*² ‘боднуть’ – фонематический вариант бытующего в местных говорах глагола *брухану́ть*, восходящего к *брукáть* ‘бить, лягать задними ногами; бодаться рогами; бросать’ [см. Фасмер, I, с. 220]; см. также зарегистрированное на Кубани прилагательное *брухли́вый* ‘бодливый’.

*Кувáть*¹ ‘ковать’ – фонематический вариант глагола *ковать*, восходящего к ст.-слав. *ковати* [Фасмер, II, с. 270]; ЛЕ *кувáть* в аналогичном значении зарегистрирована и в украинском языке [Гринченко, II, с. 318], и в русских говорах, в частности в смоленских [СРНГ, 15, с. 389]. *Кувáть*² ‘куковать’ – слово образовано на основе звукоподражания, отмечено в украинском языке [Гринченко, II, с. 318].

*Кула́чить*¹ ‘вбивать кулаком глину в потолок’ – от *кулак*¹ ‘1. Кисть руки с согнутыми и прижатыми пальцами’ [МАС, II, с. 194]. *Кула́чить*² ‘раскулачивать’ – словообразовательный вариант глагола *раскула́чивать*; см. также *кулак*² ‘1. Богатый крестьянин-собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков. 2. Стяжатель’ [МАС, II, с. 195].

*Отворáживать*¹ ‘превращать в творог’ – словообразовательный вариант глагола *створа́живать*; см. также однокоренное существительное *творог*. *Отворáживать*² ‘исцелять ворожбой, избавлять от чего-л. ворожбой’; ср. антоним *заворáживать*; см. также глаголы *ворожить*, *приворожить* и зарегистрированную на Кубани диалектную ЛЕ *ворожбе́я* ‘ворожба’.

*Топы́ться*¹ ‘отапливать, топить’ – образован от *топыть* ‘отапливать’.
*Топы́ться*² ‘тонуть’ – представляет собой семантический вариант глагола *топи(ы)ться* ‘лишать себя жизни, бросаясь в воду’.

Наречия и категория состояния

*Зáвидно*¹ ‘безл. О чувстве зависти, испытываемом кем-л.’ – акцентологический вариант наречия *зави́дно*; см. однокоренные слова: *зависть*, *завистник*, *завистливый*, *завидовать*. *Зáвидно*² ‘засветло’ – лексический диалектизм образован по аналогии с общенародным наречием *зáсветло*: ср. *за-светло*, *за-видно*; см. также однокоренные слова: *вид*, *видный*, *видеть*.

Приведённые примеры омонимов демонстрируют, что гетерогенная омонимия часто является результатом фонетических, морфонологических, морфологических преобразований, произошедших в разные периоды развития диалекта и приведших к формальному сближению разных по происхождению ЛЕ [см. об этом также Борисова, 2010 г, с. 127 – 137; 2010 д, с. 293-296; 2011б, с. 90 – 93].

Разные по происхождению ЛЕ иногда могут сближаться в сознании диалектоносителей и восприниматься ими как разные ЛСВ одного слова. В подобных случаях происходит так называемая *деомонимизация* (термин Л.В. Малаховского). Данное явление, обратное «распаду полисемии», логично назвать *лексической конвергенцией* (схождением двух ЛЕ, слиянием их в одно слово): слово не теряет, а, напротив, притягивает значение совпадающей с ней по форме ЛЕ, оно органично вписывается в семантическую структуру благодаря наличию осязаемой семантической связи, эксплицирующейся в высказываниях носителей диалекта. В кубанских говорах таким показательным примером являются ЛЕ *пáпа*, *пáпка* ‘1) отец, папа; 2) хлеб (обычно в разговоре с детьми)’. Приведём фрагмент беседы с информантом из ст-цы Старотитаровской А.Н. Котелевич: – *Я пóмню: в нáший симьé на хлiб казáлы «пáпа»*. – Почему папа? – *Ну пáпа жэ рiжэ хлiб, а мáма насыпáе в тарiлку*. В диалектном значении ЛЕ зарегистрирована и в смоленских, рязанских, курских, воронежских, сибирских говорах [СРНГ, 25, с. 203]. М. Фасмер, указывает на её широкое

распространение, поясняет, что лексема восходит к лат. *pappa* ‘каша’ (ср. с *papa* ‘уменьш. название отца’, заимствованного из франц. *papa*) [Фасмер, III, с. 200]. Подобные явления немногочисленны, однако они наглядно демонстрируют подвижность и зыбкость границ между омонимией и полисемией не только со стороны полисемии, когда выпадает «промежуточное звено» [см. Будагов, 1958, с. 85] и слово превращается в два омонима, но и со стороны омонимии, когда омонимичные слова сливаются в одно полисемичное слово (аналогичное явление отмечали Buysens, 1965, с. 85 – 86; Кацнельсон, 1965, с. 60 – 61; Малаховский, 1966, с. 178 – 181). Квалификация фактов лексической конвергенции в говоре, или деомонимизации, безусловно, требует особого подхода, учитывающего восприятие носителей диалекта, которое является важным показателем для диалектолога при установлении тождества и отдельности слова.

Появление гомогенных омонимов вызвано тем, что «в истории языка происходят постоянные смещения семантических границ слова, непрерывно протекают процессы превращения лексико-фразеологических форм слова в отдельные слова омонимы» [Виноградов, 1975, с. 41]. Выделение омонимов, возникших в результате распада полисемии (гомогенных омонимов), – более сложная процедура, чем выделение омонимов гетерогенных. Она, как справедливо замечает А.Г. Лыков, «всегда осуществляется с большим трудом и часто происходит «на глазок», приблизительно» [Лыков, 2003, с. 216]. Действительно, ни один учёный ещё пока не смог установить, какое критическое семантическое расстояние должен преодолеть ЛСВ, чтобы покинуть семантическое пространство своего исходного слова и образовать новое, самостоятельное слово. Полагаем, что континуальность «чистой» семантики не позволяет назвать объективные единицы, которыми это расстояние можно измерить, поэтому интуиция исследователя, а также учёт языковой компетентности диалектоносителя остаются единственным инструментом при разграничении полисемантов и омонимов.

Субъективность подхода часто приводит к тому, что одно и то же явление получает в разных работах разную характеристику, что негативно сказывается на

составлении региональных словарей. На эту серьёзную проблему обращали внимание многие диалектологи (см., напр., Ганцовская, 2004; Ермолаева, 2000; Козырев, 1997; Корованенко, 1981; Мызников, 2001 и др.). Данный вопрос рассматривался и на материале кубанских говоров [см. Борисова, 2011, с. 90 – 93]. Приведём некоторые примеры лексикографических расхождений в региональных словарях кубанских говоров. Так, РГК подаёт как омонимы слова *долóнь*¹ ‘ладонь’ и *долóнь*² ‘ток’ [РГК, 97]. Однако прозрачная внутренняя форма ЛЕ делает, с нашей точки зрения, некорректной предложенную составителями словаря трактовку. Очевидный метафорический перенос, на основе которого у диалектизма *долóнь* развилось значение ‘ток – площадка для молотьбы’, позволяет рассматривать существительное *долóнь* как полисемант.

Иногда, напротив, одинаковый фонетический облик провоцирует составителей словаря на сведение разных по происхождению ЛЕ в одну словарную статью. Так, РГК подаёт как полисемант существительное *черепа́шка* ‘1) ракушечник; 2) устрица; 3) *Устар.* причёска замужней женщины: две косы, уложенные по бокам; 4) черепок’ [РГК, с. 385]. Полагаем, что последний ЛСВ – ‘черепок, обломок глиняной посуды’, по всей вероятности, является значением омонима *черепа́шка*, представляющего собой структурно-семантический вариант общенародного существительного *черепушка* ‘маленький горшок, миска’ [МАС, IV, с. 908]. У глагола *подману́ть* составители РГК фиксируют два ЛСВ ‘1) обмануть; 2) подманить’ [РГК, с. 249]. Между тем в первом ЛСВ ЛЕ представляет собой словообразовательный вариант общенародного глагола *обмануть*, во втором – глагола *подманить*, что делает некорректным подавать глагол *подману́ть* как полисемант, поскольку в данном случае мы имеем дело с фактом гетерогенной омонимии.

Неверная квалификация ЛЕ может быть вызвана неточностями в подаче орфографической формы лексикографируемого слова. Так, в СГК ЛЕ *гу́зка* ‘мозоль, бородавка’ (ср. *гузочка*) представлена в фонетической огласовке – *гу́ска* [СГК, с. 61] (в слове отражается живой фонетический процесс – оглушение звонкого согласного [З] перед глухим [К]). При таком орфографическом

оформлении лексема становится омонимом диалектного существительного *гуска* ‘гусыня’. Между тем данный факт – типичный случай омофонии.

Приведём ещё пример. РГК квалифицирует как омонимы ЛЕ *щепá*¹ ‘название болезни рук’ и *щепá*² ‘прививка фруктовых деревьев’. Орфографический облик второго слова не вызывает сомнений: СРНГ приводит лексему *прищѣпка* ‘часть растения, развившаяся из привитого черенка или глазка, а также растение с привитой частью’, где гласный корня находится в сильной позиции, с пометами Кубан., Терск. [СРНГ, 32, с. 72]. Что касается первого диалектизма, имеющего помету *Устар.*, то он извлечён составителями словаря из «Сборника материалов или описания местностей и племён Кавказа (Тифлис с 1863 г. по 1929 г.) со следующим иллюстративным примером: *К наиболее распространѣнным болезням ... принадлежит ... болезнь рук – щепá* [РГК, с. 402]. Заболевание рук, о котором идёт речь, – это, вероятно, цыпки, трещины на коже, появляющиеся от холода, жары, дефицита витаминов и вызывающие жжение, пощипывание. По всей видимости, народное название недуга мотивировано глаголом *щипать*. При такой трактовке заголовочное слово в словаре должно подаваться как *щипá*, что снимает омонимию.

Рассмотренные ЛЕ составляют далеко не полный список примеров субъективного определения семантических границ диалектного слова Кубани. Однако критическое прочтение указанных словарных статей не умаляет значения перечисленных региональных источников, отражающих разные временные периоды становления кубанской лексикографии.

Отдельные расхождения в подаче омонимов и полисемантов обнаруживаются и при сопоставлении составленных нами словарных статей с СРНГ. Так, слово *ба́бка* в СРНГ представлено в составе омогруппы. Архаичное значение ‘петелька, застѣжка, запонка’, отмеченное и в кубанском диалекте, в СРНГ подаётся последним, девятнадцатым значением в словарной статье: 3. Бабка. См. некоторые ЛСВ существительного: 1. Столб, служащий для опоры чего-либо. 2. Столбы у полевых ворот (затворов) с отверстиями, в которые вставляются жерди (заворницы). 3. «Тычина в середине суслонов ржи».

...17. Игральная шашка. 18. Игрушка. [СРНГ, 2, с. 21 – 22]. Между тем многослойность семантической структуры слова *ба́бка* и его устойчивая оппозиционность существительному – *де(и)д* (обозначающему в том числе ‘крючок на одежде’), позволяет, на наш взгляд, квалифицировать значение ‘петелька на одежде’ как один из ЛСВ полисемичного слова *ба́бка* ‘1) бабушка; 2) женщина, принимающая роды; 3) женщина, лечащая травами’ (ср. 1. Бабка [СРНГ, 2, с. 20 – 21]). На тесную взаимосвязь и оппозицию пары *де(и)д* – *ба́ба* / *ба́бка* в кубанских говорах обращает внимание этнограф Н.И. Бондарь, подавая указанные слова в формате одной статьи в материалах этнокультурного словаря Кубани [Бондарь, 2007, с. 320]. Такое объединение опирается на наличие культурных «текстов», в которых представлены оба персонажа в качестве очевидной оппозиционной пары.

Как два омонима СРНГ трактует слово *на́волочь*: 1. *Наволочь* ‘облака, тучи; туман’ и 2. *Наволочь* ‘О людях, занимающихся тёмными делами’ [СРНГ, 19, с. 182]. В говоре ст-цы Тбилисской лексема записана в двух ЛСВ ‘1) туман, дымка; 2) о человеке, не внушающем доверия’: *С утра́ навалач – ничивó ни видáть. – Я вну́ку каза́ла, шо квартира́нт э́тат – навалачь, ты с йим ни свя́зуйся: фтя́нит тибя́*. Полагаем, что второй ЛСВ, характеризующей человека, возник на базе первого как результат метафорического переноса наименования, закреплённого за явлением природы, на качества, действия, свойственные человеку. Регулярность подобного переноса, а также функционирование диалектного слова в лексической системе говора одного населённого пункта позволяют, на наш взгляд, трактовать данную ЛЕ как внутрисистемный полисемант.

Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что семантическое варьирование слова в лексической системе диалекта в одних случаях приводит к сохранению тождества значений, в других – к их обособлению и отмежеванию.

В отдельных случаях распад полисемии поддаётся прогнозированию. Рассмотрим ЛЕ *керме́к*, зарегистрированную на Кубани в трёх ЛСВ: ‘1) *раст.* съедобное растение с высоким стеблем; обладает лечебными свойствами’: *Кэрме́к? Трава́ така́я* (Новоберез.); ‘2) лепёшка из муки, в которую добавляли

траву’: *Шо йілы у войну? Кэрмэк напичу́ть, хліба ны було́* (Старотит.); ‘3) плохо испечённый, твёрдый хлеб’: *А я ны могу́ поісты хліба: ну як кэрмэк такі спечу́ть, ны сходу, ны прыходу* (Новоберез.). Вероятно, наличие дубильных веществ в растении, которое подмешивали в муку, делало мучное изделие твёрдым. Отсюда переосмысление – твёрдый, жёсткий хлеб, напоминающий приготовленную таким образом лепёшку. Возможна и другая версия: лепёшки, которые пекли в голодное время, не отличались качеством приготовления, поскольку в них обычно добавляли траву. Ср. высказывания информантов: *Латуны́ – такі ла́дики с карто́шки и с либиды́* (Родник.). *Пякли́ лату́тики. А ляпи́ли с чиго́: и жмых был, и мука́ там какая́ была́ – усё* (Успен.). *Чурэ́кы робы́лы с чёго-нэбу́дь, з бурья́ну* (Марьян.). У слова *чурэ́к*, как и у существительного *керме́к*, также зарегистрирован ЛСВ ‘чёрствое мучное изделие’: *Сасэ́тка пираго́м угасті́ла. Да э́тат чурэ́к ни угрызёш* (Арх.). Полагаем, что постепенное угасание у ЛЕ *керме́к* второго ЛСВ – ‘лепёшка из муки, в которую добавляли траву’, ставшего в наши дни устаревшим, неизбежно приведёт к разрыву семантической связи между первым и третьим ЛСВ, то есть к распаду полисемии и образованию двух омонимов. Волгоградские диалектологи уже лексикографически отразили отсутствие семантической связи между двумя значениями диалектизма *керме́к* ‘растение семейства свинчатковых’ и ‘плохо приготовленное блюдо’, представив их как значения омонимичных слов [СДГВО, 3, с. 68].

Обращает на себя внимание и такой лексикографический факт: в региональных словарях проявляется тенденция к избыточности омонимии в ущерб полисемии, особенно это касается общенародных слов, имеющих дополнительные диалектные значения. Б.А. Ларин объяснял данное обстоятельство тем, что в дифференциальном словаре представлены только фрагменты полной системы значений той или иной ЛЕ. Составители областных словарей, по мнению учёного, «предпочитают расчленение на «ряд омонимов», избегая громоздких статей с развёрнутой полисемией, в которых необходимо бывает проявить и проницательность при раскрытии семантической филиации (всегда сколько-нибудь исторической), и сочетать точность формулировки

каждого значения с единой пронизывающей смысловой доминантой, образующей логический стержень статьи» [Ларин, 1962, с. 264 – 265].

При выделении гомогенных омонимов необходимо учитывать все значения ЛЕ, зарегистрированные в говоре, и только затем приступать к определению МКА наличия / отсутствия в семантической структуре слова одинаковых семантических компонентов. Кроме того, применяя МКА, как справедливо отмечает С.А. Мызников, следует не только учитывать толкование диалектного слова, но и знать диалектные реалии, поскольку словарная статья описывает характерные черты сигнификата, и нередко сущностные характеристики денотата остаются невостребованными, а возможно, и неизвестными как собирателю диалектной лексики, так и составителю словаря, между тем именно они могут дать ключ к квалификации языкового материала [ср. Мызников, 2001, с. 153]. Данное положение представляется нам весьма важным. С одной стороны, оно предупреждает исследователя говоров о том, что значение диалектного слова, представленное в словаре, далеко не всегда тождественно тому значению, которое проявляется у лексемы в речевой стихии. С другой стороны, высказанная мысль призывает лексикографа в процессе лексикографирования максимально полно использовать информацию о диалектном слове, в том числе этнографическую и культурологическую. При таком подходе не разрушается семантическая структура ЛЕ, слово предстаёт без «ущербности», как полноценный член лексической системы диалекта, а словарная статья скрепляется «логическим стержнем».

Так, разные значения существительного *жа́ба* – ‘лягушка’ и ‘стоматит’ – мы посчитали возможным рассматривать как ЛСВ одного слова, принимая во внимание то обстоятельство, что *жаба* считается в народных верованиях ведьмой, приносящей болезни [см. Фасмер, I, с. 31]. Не имеют общих семантических компонентов, на первый взгляд, и зарегистрированные на Кубани значения лексического диалектизма *воло́шка* – ‘русалка’: *Воло́шки жывуть у ричках, вонь замáнують рыбаки́в* (Ейск) и ‘раст. василёк синий’: *Нэ люблю́ я воло́шки: усі вонь якісь плюга́вэньки* (Ейск). Между тем существование легенды

о происхождении василька из юноши, которого заманила в поле и защекотала русалка [Маркевич, 1860, с. 86 – 87], делает, как нам кажется, оправданным помещение указанных значений в одной словарной статье диалектного словаря. Глагол *перевернуться* записан нами в ст-це Старотитаровской в двух ЛСВ – ‘умереть’ и ‘овладеть РЛЯ’. Ср. высказывания информантов: *Старый человек – цэ больный. Самá остáлась, самá горóт обробляю. Я пэрэвэрну́сь, а трóут жэ и жáлко. – Диты нáшы нэ балáкають, ужэ разговáривают, и мы трóшкы пэрэвэрну́лыся.* Мы квалифицируем данную ЛЕ как полисемант, поскольку метафорическая связь между двумя ЛСВ является, с нашей точки зрения, очевидной: овладение РЛЯ и забвение своего материнского языка ассоциируются у носителей говоров с духовной смертью.

Таким образом, при разграничении полисемии и гомогенной омонимии на синхронном уровне решающим является вопрос о мотивированности значений, при наличии которой ЛСВ остаются в границах одного слова. В случае невыводимости, несвязанности значений ЛЕ распадается на омонимы. Принимая во внимание самостоятельность, независимость значений, назовём некоторые факты гомогенной омонимии в кубанских говорах, возникшей в результате «асимметрического расщепления» [Лыков, 2003, с. 214] из полисемии:

*матрёшка*¹ ‘небольшой шерстяной четырёхугольный платок, завязывающийся впереди’ и *матрёшка*² ‘раст. качим метельчатый, перекаати-поле’ (ср. с однокоренным сущ. *матрёнка*) – оба слова, вероятно, образованы на базе сущ. *матрёшка*, *Матрёна*.

*Пацю́к*¹ ‘поросёнок’ и *пацю́к*² ‘большая крыса’. Значение ‘крыса’, как отмечают этимологи, вторично, первичное рождение ЛЕ связано с междометием «пацю», которым подзывают свиней и поросят (на Кубани *пац(ь)-пац(ь)*, *па́ця-па́ця-па́ця*, *па́ци-па́ци*), отсюда *пацюк* ‘поросёнок’ [ср. Фасмер, III, с. 222 – 223].

*Посу́да*¹ ‘снасть с двумя рядами крючков для ловли крупной рыбы’ и *посу́да*² ‘вымя’. Существительное *посу́да* связано с *сосуд*, *судно* [см. Фасмер, II, с. 342].

*Черга*¹ ‘судьба, доля’ (Некрас. – РГК) и *черга*² ‘стадо’ (РГК без указ. места). Значения, зарегистрированные в кубанских говорах, возникли, вероятно, в результате переосмысления значения слова *черга*, которое в словаре В.И. Даля имеет следующее толкование: юж. череда, чреда, очередь [Даль, 1999, с. 590].

*Шпáнка*¹ ‘сорт крупной вишни’ и *шпáнка*² ‘порода овец с густой короткой шерстью’. Этимологи связывают слово *шпáнка* с прилагательным *испанский* – фонематическим вариантом которого является прилагательное *шпаньский* [см. ЕСУМ, 6, с. 457].

В отдельных случаях слово, функционируя в системе ЛЯ, распадается на омонимы, а в говоре, благодаря наличию диалектного ЛСВ, сохраняет семантическую целостность. Так, МАС регистрирует два омонима *худорóдный*¹ ‘незнатного происхождения’ и *худорóдный*² ‘малоплодородный (о земле)’ [МАС, IV, с. 863]. Полагаем, что отмеченное в кубанских говорах диалектное значение ‘бедный, малоимущий’ органично вписывается в семантическую структуру *худорóдный*¹, поскольку бедность всегда ассоциируется с низким социальным положением в обществе. Диалектный ЛСВ обнаруживает также семантическую связь с *худорóдный*² (при ‘малоплодородный’ ≅ ‘бедный’, ‘скудный’, где ≅ обозначает «почти то же, что и...»). Таким образом, сохранение в говоре значения ‘бедный, малоимущий’, отсутствующего в РЛЯ (МАС регистрирует два омонима *худóй*¹ ‘1. Плохой, дурной. 2. Дырявый, ветхий’ и *худóй*² ‘С лишёнными жира мышцами, лишённый подкожного жирового слоя, имеющий сухощавое тело’ [МАС, IV, с. 863]), способствует сохранению семантического тождества слова, функционирующего в диалектной системе. Такие случаи создают переходную зону между синхронией и диахронией языка и способствуют более плавному, постепенному переходу от старого состояния языка, которое ещё удерживается в говорах, к новому, реализующемуся в его литературной разновидности.

По своей численности в кубанских говорах особенно выделяются два разряда омонимов: 1) омонимы-существительные и 2) омонимы-глаголы, что также характерно для СРЛЯ и объясняется тем очевидным фактом, что лексика литературная, как и лексика диалектная, относится преимущественно к двум

основным классам: имени существительному и глаголу. Менее развита омонимия среди имён прилагательных, немногочисленны омонимы в системе наречий. Единичны случаи омонимии среди служебных частей речи. Не выявлены в местных говорах омонимы внутри таких частей речи, как местоимения и имена числительные.

Что касается фразеологических омонимов – совпадающих по форме и грамматической структуре единиц, не имеющих на синхронном уровне внутренних семантических связей, то они выделяются на основе следующих критериев разграничения: семантического, морфологического, синтаксического и структурного [Диброва, 2008, с. 101 – 102]. Омонимия среди ФЕ может возникать либо в результате распада полисемии, либо в результате образного переосмысления разных свободных словосочетаний. Омонимами в местных говорах можно признать следующие ФЕ: *дать (давать) чёсу¹* ‘убежать (убегать)’ – *дать (давать) чёсу²* ‘кому ‘сильно отругать’ (ругать), которые отличаются по смыслу (семантически) и синтаксически. См. также отличающиеся семантически и синтаксически омонимы: *гнуть хриб¹* ‘много и тяжело работать’ – *гнуть хриб²* перед кем-л. ‘унижаться, раболепствовать’, *дать (давать) драла¹* ‘убежать (убегать)’ – *дать (давать) драла²* кому ‘избить (избивать)’. Как показывают наблюдения, для ФЕ, функционирующих в местных говорах, наличие омонимов в целом не характерно.

Омонимия в говорах, как и в ЛЯ, выступает как категория негативная, которая, в отличие от других категорий семантики, практически лишена свойств регулярности (Л.А. Новиков) [Современный русский язык, 2001, с. 214]. Не случайно А.Г. Лыков называет её «капризной» семасиологической категорией [ср. Лыков, 2003, с. 216]. Представляется, однако, что именно «капризность», непредсказуемость, эксклюзивность омонимии стимулируют исследовательскую мысль, побуждая учёного проникать в тайны, которые часто скрывают форма и содержание регионального слова. Так или иначе, но нерегулярность и исключительность омонимии требуют индивидуального подхода к квалификации каждого факта её проявления.

5.4 Антонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров

Специфика строения и функционирования диалектной антонимии в кубанских говорах ещё не была предметом специального рассмотрения. Между тем важность классификации ЛЕ по противоположности их значений для осознания системности лексики неоднократно подчёркивалась многими лингвистами (см. работы Ю.Д. Апресяна, Л.А. Введенской, В.А. Ивановой, Н.П. Колесникова, Л.А. Новикова, М.М. Покровского, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелёва и др.). На материале РЛЯ антонимические отношения изучены весьма обстоятельно. Совершенно очевидно, что разработанные учёными теоретические положения применимы и в исследованиях по диалектологии. Отечественными диалектологами антонимия анализировалась как в лексикологическом, так и в лексикографическом аспектах в рамках группы говоров, говора одного населённого пункта и говора одной диалектной личности (см. работы О.И. Блиновой, Б.Д. Воробьёва, Е.В. Иванцовой, В.Л. Козловой, Н.В. Кононовой, А.Д. Ли, Л.М. Райской, Н.Т. Свистунова, Р.В. Херольянц, Е.Ю. Южаковой и др.). Согласимся с Л.М. Райской, которая отмечает, что слова с противоположным значением, обозначая крайние симметричные члены ЛСГ, служат ограничителями, координаторами этих групп, и потому их выделение способствует более точному и полному описанию объёма, состава и границ значительной части ЛСГ в говоре [Райская, 1985].

Традиционно антонимы определяют как слова одной и той же части речи разного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия. Необходимость введения в определение антонимов обязательного указания на их разную огласовку вызвана наличием случаев *энантиосемии*, при которой появляются слова с противоположным значением, звучащие одинаково. Энантиосемичные ЛЕ выявляются на разных хронологических отрезках развития РЯ, в разных его подсистемах.

По поводу диалектной энантиосемии у учёных не сложилось единого мнения. В частности, И.А. Оссовецкий считает, что «в русском диалектном языке энантиосемия встречается достаточно часто» [Оссовецкий, 1982, с. 61]. Н.И. Толстой, напротив, утверждает, что «... семантическая система диалекта (языка) избегает энантиосемии» [Толстой, 1969, с. 161]. Его точка зрения подтверждается исследованиями других диалектологов. Так, Р.Я. Тюриной в среднеобских говорах выявлено 7 случаев энантиосемии [Тюрина, 1983, с. 242 – 249]. В говоре села Нарым Томской области энантиосемия вообще не зафиксирована [Райская, 1985, с. 5]. Между тем энантиосемию нельзя воспринимать как некий курьёз, который можно проиллюстрировать лишь отдельными примерами. Это явление носит вполне закономерный характер, обусловленный процессом исторического развития слова и основанный на общих принципах познавательных способностей человека и особенностях коммуникации.

В картотеке Словаря кубанских говоров обнаружено 15 энантиосемичных лексем. Глубинную историческую основу имеет энантиосемия слова *конѐц*, зарегистрированного в РГК в двух ЛСВ: '1) конец; 2) начало' [РГК, с. 150] (ср. ст.-слав. искони, др.-русс. поконъ «начало, обычай»; более подробно см. Фасмер, II, с. 310). В двух полярных ЛСВ 'хорошая погода' и 'плохая погода' функционирует в местном диалекте общерусское слово *погóда*: *Пагóда – ésta харóшая пагóда* (Воздвиж.). *А як дощ, погóда, одивáлы шáли* (Старомыш.). Аналогичные значения у данной ЛЕ отмечены и в других русских говорах, в том числе южнорусских [СРНГ, 27, с. 297 – 299]. Этапы диахронических изменений семантической структуры слова *погóда* подробно описаны Е.А. Нефёдовой [Нефёдова, 2008, с. 166 – 167]. Вероятно, энантиосемия существительного *погода* стала благоприятной почвой для развития энантиосемии у однокоренного безличного глагола *распогодиться*, зарегистрированного в кубанских говорах в двух ЛСВ '1) стать лучше (о наступлении ясной, солнечной погоды); 2) испортиться (о погоде)'. Глагол *баловáть* отмечен на Кубани в локальном ЛСВ 'беспощадно ругать': *О-ох! Вон минé балавáл, ой, сохрани́ Бох, памі́луй! И со́ня ты, и я ма́тири паéду*

расскажу, што ты ни слухаши, спиш тольки. Ой, дядя Миша, прасті! А вон мині так балавал (Успен.). ЛЕ представляет собой суффиксальное производное от *бал* ‘болтовня, разговоры’, её исходное значение ‘говорить ребёнку приятно’ трансформировалось впоследствии в ‘нежить’. СРНГ подаёт два омонима *баловать*, один из которых с пометой Курск. имеет толкование ‘бить, колотить’ [СРНГ, 2, с. 84] (подчеркнём, что в русских говорах значения ‘наказать битъём’ и ‘наказать словесно’ часто не дифференцируются). У другого глагола – *разучароваться* зафиксирован ЛСВ ‘прийти в восторг, увлечься, очароваться’: *Воні такі хорóци дівочки, прям такі хорóци. Я нými разучаровáлась* (Старомыш.). Как конверсив «в себе» можно рассматривать лексический диалектизм *позычить* ‘1) взять в долг; 2) дать в долг’: *У мэнэ е грóци, тобі позычить?* (Стародерев.). *За шó мы будэм купувáть хáту? Шу́ра, позычиш? – Позычу. Позычила она́ тры ты́сячи* (Новоберез.). М.Н. Шабалин приводит причастие *закóрмленный* ‘заморенный, истощившийся’ и объясняет появление этого значения тем, что в изучаемых им юго-восточных говорах Краснодарского края понятие ‘закормленный’ стало передаваться украинским по происхождению словом *годованый* (от глагола *годовать* ‘кормить, холить’) [Шабалин, 1952, с. 266]. Данный факт позволяет признать, что развитию энантиосемии в кубанских говорах в определённой степени способствует их смешанный характер.

См. также: *выду́риваться* ‘1) прикидываться дураком; 2) взрослеть, становиться умнее’, *женáч* ‘1) женатый мужчина; 2) молодой неженатый парень от 18 до 20 лет’, *запóмнить* ‘забыть’, *мрáчно* ‘1) темно; 2) ярко’ и др. Н.М. Шанский относит подобные случаи к одной из разновидностей омонимов, появившихся в результате поляризации значений одной и той же ЛЕ [ср. Шанский, 1972, с. 64]. Н.И. Горелов, называя данное явление «одним из крайних случаев противоречивого взаимодействия систем антонимии и омонимии» [Горелов, 1986, с. 94], определяет его как «скрещение омонимов и антонимов», то есть предлагает рассматривать энантиосемию как переходное явление между омонимией и антонимией [Горелов, 1986, с. 86 – 96]. Принимая во внимание гомогенный характер происхождения перечисленных ЛЕ, в Словаре

кубанских говоров подавали их в одной словарной статье как внутрисловные антонимы.

При квалификации ЛЕ как антонимов выделяют парадигматические и синтагматические критерии. К ним относятся: 1) соотносительная противоположность значений; 2) относительная симметричность смысловых структур; 3) регулярная совместимая воспроизводимость в типовых контекстах; 4) одинаковая или сходная сочетаемость; 5) одинаковая стилистическая окраска [ср. Введенская, 1973; Новиков, 1973; Шмелёв, 1973]. Л.М. Райская называет два основных признака антонимичности диалектных слов: 1) парадигматический: соотносительная противоположность значений; 2) функциональный: неоднократная совместная встречаемость в антонимических контекстах в речи не менее двух информантов – исконных носителей говора. Указанные критерии, применяемые в комплексе, являются, как считает диалектолог, основными для выделения языковых, узуальных антонимов говора [ср. Райская, 1985]. Л.А. Новиков также подчёркивал, что критерий регулярной совместной воспроизводимости антонимов в речи весьма существенен. По мнению учёного, употребление антонимов в пределах одного высказывания «раскрывает основное содержание антонимии как противоположности, предельного отрицания внутри одной сущности» [Новиков, 1984, с. 19]. Совместное употребление антонимов в речевой практике относит к обязательным критериям антонимичности и В.А. Иванова, утверждая, что наличие семантической противоположности слов – это лишь способность ЛЕ реализовывать контакты по противоположности, «заявка на допустимость развития антонимических отношений», решающим же фактором здесь является то, как пара реализуется в речи, то есть является ли она регулярно воспроизводимой в речевой практике носителей языка [ср. Иванова, 1982, с. 21]. В то же время В.А. Иванова признаёт, что семантический критерий обладает всё-таки весьма сильным опознавательным свойством [Иванова, 1982, 20]. Парадигматический аспект оказывается единственным определяющим в понимании антонимии М.Б. Бирвишем. Учёный квалифицирует как антонимы

любые ЛЕ, компонентный состав значений у которых идентичен, кроме двух взаимоисключающих компонентов [Burwish, 1970].

Что касается диалектной антонимии, то довольно редкая актуализация антонимических отношений в речи носителей диалекта и отсюда немногочисленность контекстов, фиксирующих антонимические пары (хотя записи диалектной речи накапливались в течение длительного временного периода), делают, с нашей точки зрения, критерий регулярной совместимости и воспроизводимости в типовых контекстах скорее желательным, но необязательным для квалификации диалектных ЛЕ как антонимов. На нечастотность антонимических противопоставлений в речи диалектоносителей указывает и Л.М. Райская, делая вывод о том, что «антонимия является таким типом системных отношений, которые реализуются (воспроизводятся) значительно реже, чем отношения синонимии, полисемии или мотивации» [Райская, 1985, с. 2 – 3]. В этой связи полагаем, что вполне допустимо признавать диалектными антонимами слова, взятые вне контекста, вызывающие в сознании диалектоносителей устойчивое представление о своей противоположности. Квалифицируя ЛЕ как антонимы, исследователь говоров опирается на словарные толкования, в которых собственно и отражается взаимная противоположность слов (подчеркнём, что несовместимость значений ЛЕ раскрывается прежде всего в определениях этих значений). Более того, у многих пар диалектных антонимов словарные толкования представляют собой антонимы РЛЯ.

Таким образом, главной чертой диалектных антонимов мы признаём противоположность значений и регулярность контрастирующих ассоциативных связей между ними, которые проявляются в том, что упоминание об одном члене антонимической пары неизбежно вызывает представление о другом. Традиционно антонимы рассматривают в составе одной предикативной единицы. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Иванцова, антонимические отношения могут актуализироваться и в составе двух предложений, связанных семантически [Иванцова, 2002, с. 156]. По нашим наблюдениям, диалектоносители достаточно часто употребляют пары антонимов в пределах связанного общей микротемой

сложного синтаксического целого, что, вероятно, обусловлено нестрогой логичностью, ситуативностью и диффузной ассоциативностью устной разговорной речи. Итак, диалектные антонимы представляют собой пары слов, отражающие противоположные взаимоисключающие признаки и обнаруживающие регулярность контрастирующих ассоциативных связей, реализованных или не реализованных в рамках одной предикативной единицы или сложного синтаксического целого, объединённого общей микротемой.

В лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров по отношению к основным формам РНЯ можно выделить: общерусские пары, просторечные пары, собственно диалектные оппозиции, а также комбинации компонентов указанных пар. Рассмотрим более подробно оппозиции, состоящие из диалектных антонимов, а также комбинации с диалектным компонентом.

Сопоставление семантических компонентов, входящих в структуру значения антонимов, демонстрирует, что антонимам свойственно как различие, так и сходство. Они имеют единые классему и архисему, а также одинаковые ядерные семы, различающиеся наличием одной пары сем. Данное обстоятельство – совмещение общего и различного – приводит к тому, что антонимы, с одной стороны, способны сочетаться с одинаковым кругом слов, с другой стороны, каждый член антонимической пары может иметь характерную только для него сочетаемость. Так, со словами, обозначающими лицо, сочетаются диалектизмы, образующие пары антонимов *га́рный* ‘красивый’ и *гыдомы́рный* ‘некрасивый, страшный’, *длиннобуды́лый* ‘очень высокий’ и *дро́бный / дрибный* ‘невысокого роста’: *Жыных – га́рный хлопчик, а вона ну така гыдомы́рна* (Новокорс.). *Старший сынок длиннобуды́лый, а млатиый дро́бный* (Елиз.). При этом прилагательные *га́рный* и *дро́бный* вступают в синтагматические отношения и с предметной лексикой: *Га́рна у их хата* (Новокорс.). *Га́рна у Ва́ли ко́хта* (Дин.). *Га́рный борщ свары́ла* (Елиз.). *Такэ дрибнэ насіння в цём го́ди уроды́ло, шо на зуп ны попаде́* (Азов.). *Куры яйца нисуть, ну таки́ дро́бны* (Сувор.). В антонимической паре *густю́чий* ‘очень густой’ и *ри́дкий* ‘водянистый, жидкий (о борще, каше, киселе и т.п.)’ – второе прилагательное в отличие от первого в

данном значении употребляется только со словами, обозначающими определённые продукты питания. Ср.: *Кисі́ль вары́лы из просто́й му́кы, и то́й рідкий* (Лебеди). *Таку рідиньку ка́шку на воде́ свóрють* (Марьян.). – *Вчэ́ра свары́ла ка́шу, ну така́ вона́ густю́ча получи́лась* (Бриньк.). *Тума́н густю́чий, даро́ги ни ві́дна* (Бород.). Отсутствие у слов-антонимов способности сочетаться с одними и теми же словами может быть вызвано различными причинами: связями и отношениями между предметами и явлениями реальной действительности, многозначностью антонимов, возможностью употребления сочетающихся слов в прямом или переносном значениях. Однако главное отличие между антонимами состоит всё-таки не в их сочетаемости, которая, в большей части случаев совпадает, а в их «семантической направленности» [Левицкий, 2006, с. 284].

С точки зрения структуры антонимы подразделяются на однокорневые и разнокорневые. Однокорневые пары различаются лишь аффиксальными морфемами. См., напр., однокоренные ЛЕ, имеющие соотносительные префиксы:

В – РАЗ / РОЗ *вбува́ться* – *ра(о)збува́ться* ‘обуваться – разуваться’. ЗА – ОТ / ОД *заде́лать* – *отде́лать* ‘нанести – снять порчу’, *заку́тать* – *отку́тать*, *зачини́ть* – *от(д)чини́ть* ‘закрывать, запереть – открывать, отпереть дверь, калитку, ворота’. ЗА+НЕ – О+ПО *занега́диться* – *опога́диться* ‘стать пасмурным (о погоде) – стать ясным (о наступлении солнечной погоды)’. ЗА – РАС / РОС *застебну́ться* – *ра(о)стебну́ться* ‘застегнуться – ‘расстегнуться’, *зачиня́ть* – *ра(о)счиня́ть* ‘закрывать, запира́ть – открывать, отпирать дверь, калитку, ворота и т.д.’ НА – РАЗ+НА / РОЗ+НА *налыга́ть* – *ра(о)зналыга́ть* ‘надевать верёвку на рога – ‘снять верёвку с рогов быка или коровы’. НА – ВЫ *насы́пать* – *высы́пать* ‘налить – вылить жидкую пищу, жидкость’. НЕДО – ПЕРЕ *недосолоды́ть* – *пересолоды́ть* ‘недосолить – пересолить’. ПО – ОТ / ОД *поробы́ть* – *от(д)робы́ть* ‘навести – снять порчу’. ПО+НА – ВЫ *понасы́пать* – *высы́пать* ‘налить – вылить жидкую пищу, жидкость’. ПОД / ПИД – ОТ / ОД *по(и)дгукáть* – *отгукáть* ‘подозвать – отозвать’. ПРИ – ОТ *приколóть* – *отколóть* ‘привязать’ (о корове, быке, козе) – отвязать’. ПРИ – У *прибе́чь* – *убе́чь* ‘прибежать – убежать’. С

– *ОТ сдѣлать – отдѣлать* ‘нанести порчу – снять порчу’. У – РАЗ / РОЗ *угорнѹть – разгорнѹть* ‘завернуть – развернуть’ и др.

К однокоренным антонимам относятся и ЛЕ с приставками БЕЗ / БЕС и НЕ, если последняя вносит в однокоренные слова свойственное ей значение противоположности. Модель Ø – НЕ в местных говорах достаточно регулярна, характерна в большей степени для имён прилагательных. В нашей словарной картотеке зарегистрировано 25 таких антонимических пар. См., напр.: *дамно* ‘давно’ – *недѣмно* ‘недавно’, *любый* ‘любимый’ – *нелюбый* ‘нелюбимый’, *любй(ы)тельница* ‘любительница’ – *нелюбй(ы)тельница* ‘нелюбительница’, *переходчивый* ‘заразный’ – *непереходчивый* ‘незаразный’, *ри(о)дный* ‘родной’ – *нери(о)дный* ‘неродной’, *рѹвно* ‘одинаково’ – *нерѹвно* ‘неодинаково’, *скѹсный* ‘вкусный’ – *нескѹсный* ‘невкусный’, *союзный* ‘сплочѣнный, дружный’ – *несоюзный* ‘несплочѣнный, недружный’ и др. Модель Ø – БЕС представлена следующими ЛЕ: *культѹрство* ‘культура, образование’ – *бескультѹрство* ‘отсутствие культуры, образования’, *здоровье* – *безздоровье*, *спокойство* – *беспокойство*, *дѣтный* – *бездѣтный*. Зафиксирована также модель Ø – ЗА: *пѣмятливый* ‘обладающий хорошей памятью’ – *запѣмятливый* ‘забывчивый’.

Среди имён прилагательных отмечена антонимическая пара, члены которой различаются приставкой и суффиксом одновременно: *дотѣпистый* ‘сообразительный, умный’ – *недотѣпный* ‘несообразительный, неумный’.

Выявлены переходные между одно- и разнокорневыми антонимами случаи выражения антонимии одной из частей сложного слова: *толстошкѹрый* – *тонкошкѹрый* ‘имеющий толстую/тонкую кожуру’, *тугосйся* – *слабосйся* ‘корова с тугими / нетугими сосками, которая тяжело / легко доится’.

В разнокорневых антонимах противоположные значения являются принадлежностью этих ЛЕ в целом. В местных говорах разнокорневые антонимы – наиболее представленный класс, что характерно и для РЛЯ, в котором они составляют около 77% [см. Новиков, 1973, с. 70]. Чаще всего антонимы обозначают признаки, качества или свойства. Они могут также называть действие, состояние, передавать оценку (положительную либо отрицательную). Как

правило, корреляция выражаемых антонимами противоположных признаков находит отражение в их толкованиях. Проиллюстрируем это на примерах диалектных разнокорневых антонимов, группируя их по частям речи.

Диалектные разнокорневые антонимы-существительные

Балакушка – молчуха: Старша вну́чка у мэнэ молчу́ха: сыды́ть и нычэ́го ны ка́жэ, а малá – така́ балаку́шка (Садки). Бугáй– шпé[э]ндык: Так вин Васы́ля боя́вся, а потому́ шо вин шпéндык, а Васы́ль – здоро́вый, бугáй (Васюр.). Жарю́ка – колоту́н: Лі́том жарю́ка, а зымой́ будэ́ колоту́н (Старотит.). Кры́хта – кусмытя́ра: Я тэ́бэ просы́ла кры́хту одри́зать, а ты кусмытя́ру одри́зала (Старотит.). Любо́в – нена́высть: Та яка́ там любо́в – одна́ 'нэна́высть оста́лася (Старотит.).

Диалектные разнокорневые антонимы-прилагательные

Агрома́дный – маню́сенький: Ха́тка у ба́бушки была́ маню́синьякая, а щас на иё́ мэ́сти Ві́тя агрома́дный дом па́строил (Усть-Лаб.). Бедне́нький – богатéнький: Ма́мына симья́ була́ бидне́нька, а па́пына богатéнька (Марьян.). Га́рный – по́длый: У суббо́ту га́рный базáрь був, а на про́шлой ныди́лі ну такы́й по́длый: нычэ́го ны купы́лы у мэнэ́ (Вышестебл.). Девóчий –хлопча́чий: Бру́кы – цэ́ рáзви диво́ча одэ́жа? Цэ́ хлопча́ча (Дин.). Тугосóсая – сла́бенькая: Есь, зна́иш, тугосóсая коро́ва, пря́мо да́выш. А е́сть сла́биньякая, прям вот так бирéш молоко́ (Новопавл.).

Диалектные разнокорневые антонимы-наречия

Ва́жко – лёгко: Щас лё́хко вам жы́ть, а нам було́ ва́шко (Елиз.). Взáди – попéреди: По́мню, как радíтили разгавáривали: «Шли такы́и, и анá прё́цца папэ́рэди, а он взáди». Ну как-та ни прі́нята так бы́ла. Каза́к, муці́на до́лжын иттí папэ́рэди (Пласт.). Дамно́– да́веча: Верку́ дамно́ ни ви́дила, а с Ва́лькай да́вича в магази́ни встрéтились (Усть-Лаб.). Издаля́ – сблизка́: Я издаля́ Ва́лю ни узна́ла. Патóм зблизка́ сматрjú: Валя́ (Усть-Лаб.). Манивце́м – навпросте́ць: Я́йим каза́ла: «Иды́ть навпросте́ць». Шо воны́ пі́шлы манивце́м... (Азов.).

Как показывают проанализированные контексты, в количественном отношении в них явно преобладают комбинированные антонимические пары, состоящие из общенародного и диалектного слов. См., напр.:

Бідный – достáточный: Ма́ма була́ у тако́й, у бога́той симы́, достáточной. А вжэ када́ за́миж вы́шла, тут ужэ́ була́ бідна (Пласт.). *Ввэ́чири – у́тром: Дині́с у поныди́лок у́тром йі́дэ у Сла́вянск, а у пя́тныцю ввэ́чири пры́жжэ́е* (Гривен.). *Влюбы́ться – зненавы́деть: Оды́н хло́пыць у мэ́нэ влюбы́вся. От мині́ бидá бу́ла: глаз з мэ́нэ ны зво́дэ, да ще посады́лы за одну́ па́рту. Я ёго пра́мо знынавы́дыла* (Новомалорос.). *Исто́щэнный – родю́чий: Есь зэ́мля родю́ча, е исто́щэна* (Старотит.). *Привора́живать – отвора́живать: Бы́ли такі́и калду́ньи, шо привара́жывали и атвара́жывали* (Пашк.).

В целом, как уже отмечалось, высказывания носителей кубанских говоров, в которых актуализируются антонимические пары, нечастотны. С целью выявления второго компонента антонимической пары был проведён ассоциативный эксперимент, для которого было отобрано 30 ЛЕ, имеющих по данным лексикографических источников и картотеки Словаря кубанских говоров антонимы. Испытуемым (60 информантов) – 30 жителей ст-цы Родниковской (носители КГЮЯО) и 30 жителей ст-цы Старотитаровской (носители КГУЯО) предлагалось продолжить фразу, содержащую диалектное слово-стимул, назвав местное слово с противоположным значением. В случае многозначности диалектного слова-стимула в вопросе указывалось одно из его значений. Задание формулировалось по следующей модели: *Х есть А, а У, напротив, ... (В)*. Словом-стимулом в этих конструкциях выступает А, (В) – предполагаемый ответ информанта (перечень фраз см. в Приложении Д). Представим в таблице полученные результаты, подтверждающие диалектическое единство антонимов, проявляющееся в их взаимной обусловленности.

Таблица 8 – Результаты ассоциативного эксперимента по выявлению второго члена антонимической пары

Слово-стимул	Словесная реакция информанта и её частотность	Сфера функционирования антонимов		Кол-во пар ант.
		КГЮЯО	КГУЯО	
1 .Балакун	дундук 13 мовчун 23	+(10) +(2)	+(3) +(21)	2
2. Бугай	сдохляка 2 шибзик 17 шпендык 19 штолык 1	– +(8) +(8) –	+(2) +(9) +(11) +(1)	4
3. Бык	бугай 60	+ (30)	+ (30)	1
4. Жадоба	подельчивый 15 подильчивый 20 простодыра 3 роздай-беда 6 сею, вею, дай копею 1	+(15) – +(3) – –	– +(20) – +(6) + (1)	5
5. Задрипанка	гарная 6 кохана(я) 7 ловка(я) 6 пышоха 5	– +(3) – –	+(6) +(4) +(6) +(5)	4
6. Кабан	кнур 37 хряк 23	+(19) +(11)	+(18) +(12)	2
7. Тверёзый	пьяндыга 14 пьянота 4 ярыга 3 ярыжка 2	+(9) – – –	+(5) +(4) +(3) +(2)	4
8. Вечёрошник	утрешни(ы)к 45 утрошни(ы)к 11 утрешнее молоко 4	+(24) +(3) +(3)	+(21) +(8) +(1)	3

Продолжение Таблицы 8

Слово-стимул	Словесная реакция информанта и её частотность	Сфера функционирования антонимов		Кол-во пар ант.
		КГЮЮО	КГУЮО	
9. Морозьяка	жары́на 10 жары́на 11 жаро́та 3 жарю́ка 36	+(8) +(5) – +(17)	+(2) +(6) +(3) +(19)	4
10. Худорба́	гладю́чий 6	+(2)	+(4)	
11. Чепуру́ха	ганчи́рка 2 задрипа́нка 8 засе́[э]ря 4 за́сранка 5 ле[э/ы]ке[э]ся 6 не[э/ы]чепурна(я) 3 росома́ха 1 хве[э]ська 1 хи́вря 2 хе[э]ва 3	– +(3) – +(2) – – – – – –	+(2) +(5) +(4) +(3) +(6) +(3) +(1) +(1) +(2) +(3)	10
12. Грублы́вый / грублы́вый	неува́жлывы́й 4 почита́тельный 2	– +(1)	+(4) +(1)	2
13. Двухжи́ль-ный	квёлы́й / квóлы́й 11 одножи́льный 1	+(6) –	+(5) +(1)	2
14. Длиннобуды́-лый	дрибны́й 18 дрóбный 5 манне́[э]нький 3 маню́сенький 10 маню́хонький 2 недору́стный 4 нызе́[э]се[э]нький 2 нызе[э]нький 1 штолык 1	– +(5) – +(10) +(2) +(4) – – –	+(18) – +(3) – – – +(2) +(1) +(1)	9

Продолжение Таблицы 8

Слово-стимул	Словесная реакция информанта и её частотность	Сфера функционирования антонимов		Кол-во пар ант.
		КГЮЯО	КГУЯО	
15. Здравомысленный	глупой 1 малоумный 3 малохольный 9 недоколыханный 4 несамостоятельный 1 пе[э]ре[э]ляканный 6	+(1) +(3) +(4) – – –	– – +(5) +(4) +(1) +(6)	6
16. Кóханный	зане[э/ы]хáянный 6 зачу́ханный 14 не[э/ы]кóханный 3 не[и/ы]чипу́рный 6	– +(6) – +(4)	+(6) +(8) +(3) +(2)	4
17. Мозго́вый	бе[э]змозго́вый 2 не[э]ке[э]бетный 1 не[э]доколыханный 1 дуры́нда 4 дундук 5 дурман 5 дуры́свит 10 не[э]догон 1 прыпенда 2 тугодуб 1 тума́к 1	– – – +(1) +(1) – – – – +(2) – +(1) +(1)	+(2) +(1) +(1) +(3) +(4) +(5) +(10) +(1) – +(1) –	11
18. Мото́рный	валаховáтый 24 ва́лух 25	+(18) +(5)	+(6) +(20)	2
19. Недотёпный, / недотé[э]пный	додéльный 11 додíльный 10 при(ы)да́тный 9 пу́тявый 6 пу́тячий 3 щирый 2	+(11) – +(3) +(2) +(1) –	– +(10) +(6) +(4) +(2) +(2)	6
20. Памя́тный	забу́дливый 8 не[и/ы]памя́тный 9	+(6) +(5)	+(2) +(4)	2

Продолжение Таблицы 8

Слово-стимул	Словесная реакция информанта и её частотность	Сфера функционирования антонимов		Кол-во пар ант.
		КГЮЮО	КГУЮО	
21. Подэльчи- вый / поділь- чивый	жадóба 31 жадóбина 3 скупый 6 супе[э]рдя 1	+(17) +(2) – –	+(14) +(1) +(6) +(1)	4
22. Трудящий	ле[ы/э]дáчий 16 ле[э]дацýга 1 ле[э]дмарь 3 лодарь 8 лут 14 лутай 1 лутяга 5 лутаище 3	– – – +(6) +(9) – +(5) –	+(16) +(1) +(3) +(1) +(5) +(1) – +(3)	8
23. Хва́брый	пе[э]ре[э]ляканный 17 сыкльы́ый 9 трусло́ 5	– – +(4)	+(17) +(9) +(1)	3
24. Занедю́жеть	вычуха́ться 19 оживе́ть 5 оклы́гать 11	+(3) +(5) –	+(16) – +(11)	3
25. Иржа́ть	кри(ы)ча́ть 3 ски́глыть 6	+(2) –	+(1) +(6)	2
26. Нахма́ри(ы)- ться	распогоди(ы)́ться 40 ра(о)зья́сныться 2	+(19) –	+(21) +(2)	2
27. Робы́ть / рабо́тать	байдакова́ть 6 ле[э/ы]да́чить 26 байдакы́ быть 4	+(6) – –	– +(26) +(4)	3
28. Дамно́	даве́ 2 да́веча 1 неда́мно 11	+(2) +(1) +(5)	– – +(6)	3
29. Ту́точки(ы)	та́мочки(ы) 60	+(30)	+(30)	1
30. Цоб	цобе́[э] 60	+(30)	+(30)	1

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что информанты далеко не всегда сразу называли диалектизмы с противоположным значением. Более того, не все участники эксперимента смогли подобрать антоним к слову-стимулу (не только диалектный, но и литературный), и это обстоятельство подтверждает отмечаемую многими исследователями низкую степень актуализации антонимов в речевой практике носителей говоров. В ответах испытуемых частотными были синонимы (диалектные и литературные), литературные антонимы, а также описательные обороты. Таким образом, не по каждому вопросу было получено 60 ответов (по количеству участников эксперимента), что нашло отражение в таблице, в которую помещались только диалектные антонимы. Они имеют разную частотность и демонстрируют, что слово-стимул может образовывать как одну антонимическую пару, так и несколько, в чём проявляется статика и динамика устройства и функционирования диалектной антонимической системы кубанских говоров. Диалектные антонимические пары, выявленные в ходе эксперимента, можно распределить по трем группам: 1) антонимы, зарегистрированные в речи носителей КГЮЯО; 2) антонимы, зарегистрированные в речи носителей КГУЯО; 3) антонимы, входящие в общекубанский лексический пласт. Выделение последней группы подтверждает правомерность объединения лексики и фразеологии кубанских говоров в единую макросистему.

Показательно, что на некоторые стимулы-существительные информантами приводились антонимы прилагательные, а на ряд стимулов-прилагательных зарегистрированы имена существительные. Все это демонстрирует способность слов разных частей речи образовывать антонимическую пару. Приведем записи других спонтанных высказываний информантов, в которых антонимическую пару также составляют ЛЕ, относящиеся к разным грамматическим классам.

Имя существительное и имя прилагательное: *высо́кий, ро́слый* – *шпéндрик* ‘ирон. и презр. малорослый, невзрачный’: *Стáрший То́лик у нiх вы́сокий, ро́слый, а Вiтька – шпéндрик како́й-та* (Пашк.). *Гладю́чий* ‘толстый, упитанный, тучный’ – *худорба́* ‘очень худой’: *Тако́й мужы́к гладю́чий, а жи́нка – худорба́* (Марьян.). *Голопу́н* ‘бедняк’ – *грошеви́тый* ‘богатый’: *Я кажу́: «Ва́ля, че́ за голопу́на за́миж*

итты́, шука́й грошыві́того» (Дин.). *Дорóдная – пестюльга́* ‘худая, невысокого роста женщина или девушка’: *Тагда́ гавари́ли: «Вот дарóдная, а э́та – пистюльга́, худáя пистюльга́, как щéпка* (Арх.). Имя существительное и наречие: *грязю́ка‘грязь’ – чі́сточко* ‘чисто’: *Я ни люблю́ грязюку в до́ми, люблю́, а́бы чі́стачка бы́ла* (Тбил.).

Данные ассоциативного эксперимента, а также исследования диалектной речи подтверждают заключение О.И. Блиновой о том, что употребление в одном высказывании антонимов, относящихся к разным частям речи, – явление универсальное для носителей русских говоров [см. Блинова, 2003, с. 6].

Учёные отмечают количественную неравномерность распределения антонимии по частям речи. Так, Л.А. Введенская, основываясь на данных составленного ею словаря антонимов, приходит к заключению, что большую часть представленных в словаре антонимичных слов составляют имена прилагательные, немного меньше доля имён существительных [Введенская, 1973, с. 28]. В.А. Иванова также указывает на то, что «... прилагательные являются наиболее типичной частью речи для антонимов» [Иванова, 1982, с. 119]. По подсчётам Е.В. Иванцовой, исследующей антонимию в языке диалектной личности, в речи информанта антонимичные прилагательные также явно преобладают – около 35% всех пар, при этом 20% составляет доля наречий, 17% – глаголов, 15% – существительных, 3% – слов категории состояния [Иванцова, 2002, с. 152]. Что касается кубанских говоров, то в зарегистрированных контекстах нами выявлено антонимов-прилагательных – около 33% всех пар, антонимов существительных – около 29% всех пар, антонимов глаголов – около 20% всех пар, антонимов наречий, в том числе слов категории состояния, – около 18% всех пар.

В антонимические отношения могут вступать и устойчивые выражения. Однако их способность антонимизироваться проявляется гораздо в меньшей степени, чем способность синонимизироваться. Как показывают наблюдения, в целом употребление устойчивых выражений в речи диалектоносителей не столь частотно и во многом обусловлено типом диалектной языковой личности (ДЯЛ)

(как правило, оно характерно для творческой, нестандартной ДЯЛ). Таким образом, устойчивые выражения, обнаруживающие семантическую противоположность, чаще, по образному выражению В.А. Ивановой, лишь подают «заявку на допустимость развития антонимических отношений» [Иванова, 1982, с. 21], которая может остаться нереализованной в речевой практике носителей диалекта. Учитывая данное обстоятельство, при выделении антонимов среди устойчивых сочетаний, зарегистрированных в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров, мы так же, как и в случае со словами, основными критериями считали противоположность значений и регулярность контрастирующих ассоциативных связей между членами антонимической пары, реализованных или нереализованных в рамках одного предложения или объединённого общей микротемой сложного синтаксического целого. Приведём некоторые примеры семантически противоположных ДФЕ, реализация которых в одном контексте потенциально возможна:

‘о сладком/ кислом вкусе во рту’: *зубы слипаются – Москву видно*; ‘о высоком/невысоком человеке’: *як драбы́на – як королёк*; ‘о чём-л очень холодном / горячем’: *як зали́зо – як кы́пьяток*; ‘о тесном / просторном помещении’: *в(у) хату не влэ́зьт – хоть телісь, курке / курице не́где клю́нуть – хоть / хучь конём грай*; ‘умный’ – ‘глупый’: *хі́трый на го́лову – пуста́(я) кубы́шка, Соломо́н за пазухой – глу́пый по са́мую завязку*; ‘хохотать’ – ‘плакать’: *га́рыть зу́бы – ловы́ть ре́ву, иржа́ть як кобы́ла – реве́ть як во́бла*; ‘об очень худом / толстом человеке’: *як соломы́нка – як копы́ця* и др.

Антонимичность устойчивых выражений возникает и благодаря наличию приставки НЕ или частицы НЕ у одного из членов антонимической пары: *(не)спра́вная неvé(и)ста* ‘невеста с приданым / без приданого, бесприданница’, *калга́н (не) ва́рит(ь), кубы́шка (не) ва́рит(ь)* ‘кто-л. хорошо / плохо соображает’, *ма́нка с гор (не) сы́нется* ‘всё легко / нелегко достаётся’ и др.

Потенциально антонимическую пару пара могут составить ДФЕ и УС. Напр.: *ла́зыть ра́чки(ы)* ‘ходить согнувшись’ – *ходы́ть як гво́здык* ‘ходить ровно,

не шатаясь’, *ловы́ть рёву* ‘плакать’ – *регота́ть як лоша́ка* ‘хохотать’, *набы́ть кёндюх* ‘наестся до отвала’ – *як кошеня́ похлеба́ть* ‘очень мало съест’ и др.

Значение противоположности потенциально могут выражать пары антонимов, состоящие из слова и ДФЕ: *грошеви́тый* ‘богатый’ – *би́дный як цырко́вна(я) мы́ша* ‘бедный’, *замо́жный* ‘богатый’ – *голь голём* ‘бедный’, *рассудли́вый* ‘умственно полноценный; в своём уме’ – *не весь дома* ‘умственно неполноценный; не в своём уме’ и др. Примеры актуализации в высказываниях информантов пар антонимов, состоящих из слова и ДФЕ, немногочисленны: *Лижыбо́чиха любэ́ ба́йдыкы бы́ть, робы́ть нэ́ любэ́* (Ленинград.). *Я маку́хы як на́йлася, со́и. Та ще з молоко́м. Чуть дуба́ нэ́ дала́. Ну оклы́гала* (Марьян.).

Антонимичные ДФЕ, как правило, полностью состоят из разных слов. Однако они могут иметь одно или больше общих слов. См., напр.: *нае́сться, напы́ться как бу́зивок* – *нае́сться как волк курёнком* ‘наестся’ / ‘не наестся’; *протяга́ть руки* – *рукой не трога́ть* ‘драться; распускать руки’ / ‘не причинять ни малейшего вреда кому-л., не бить кого-л.’; *разбреха́ться язы́ками* – *язы́к прытупы́ть* ‘болтать’ / ‘замолчать’ и др.

Ощущение противоположности субъективно и напрямую зависит от экстралингвистических факторов: возраста, социального положения, образования, профессии др. Существенную роль в восприятии противоположности играет принадлежность языковой личности к диалектному сообществу. Представляется, что динамичность, спонтанность и вариативность устной речевой стихии – сферы функционирования диалекта – создают благоприятную почву для раскрытия творческого потенциала диалектоносителя, одним из результатов реализации которого может быть образование антонимических пар на основе не только логического, но и эмоционально-эстетического, а также этнокультурного противопоставлений. Данное обстоятельство делает правомерным при квалификации диалектных антонимов принимать во внимание отражение контрастными единицами языковой картины мира жителей Кубани, которая является одной из форм территориальной реализации общенациональной языковой картины мира [см. об этом также Борисова, Исаева, 2014а, с. 101–102].

Особенность диалектной языковой картины мира (ДЯКМ) заключается в наличии общих черт мировидения, характерных для традиционно-народного восприятия действительности. К ним относятся эмоциональность и образность мышления носителя диалекта, экспрессивность, бóльшая детализация в номинациях реалий, важных для сельского человека. Вместе с тем диалекты, обнаруживая определённое сходство, проходят свой уникальный путь освоения и отражения окружающего мира. Контрарные парадигмы также имеют как общенациональный, так и социально-локальный характер (последний выявляется в результате исследований материальной, духовной и речевой культуры носителей диалекта). Рассмотрим социально-территориальные контрарные парадигмы, зарегистрированные в речи носителей кубанских говоров.

Так, в значениях ЛЕ *ка(о)зák – городовы́(и)к, но(в)горóдний* ‘иностранец, не потомственный казак’ выделяется интегральная сема – ‘сословие’ и дифференциальные, взаимоисключающие: ‘казак’ – ‘не казак’. Антонимичность приведённых ЛЕ подтверждается их неоднократной совместной встречаемостью в антонимических контекстах в речи. См., напр., высказывания информантов: *Казакі бы́ли, жы́лы бага́та, а нагара́дних ни щита́лы за людэ́й* (Батур.). *Нагара́днийи служы́ли адде́льна, а казакі – адде́льна* (Некрас.). *Казакі як жы́ли: у йі́х зямля́ своя́ бу́ла, а гара́довікі без зямлі́* (Старомыш.). *Казák справля́ить ло́шаты́ сваю́, а нагара́дніму дава́ли* (Удоб.). Аналогичный пример: *ка(о)за́чка – гара́довы́(и)чка, нагара́дняя* ‘иностранка, не потомственная казачка’: *А как сва́йба бы́ла, коза́к абиза́тільно бу́дзіт бра́ць коза́чку, а нагара́дны – нагара́дную* (Елиз.). *Ра́ньшэ нэ жэ́ных сва́тав, а ба́цька з ма́тэрю, шоб нэ гара́довы́чка бу́ла, а коза́чка* (Новотит.). Данные противопоставления не представлены ни в общенациональной, ни в большинстве других ДКМ, что позволяет признать значимость указанных социальных (сословных) характеристик в сознании носителя кубанского диалекта.

Как контрарную парадигму можно рассматривать ЛЕ *хата – дом. Хатой* носители кубанских говоров называют ‘жилище в одну или две комнаты из самана под камышовой или соломенной крышей’: *Ха́ту ма́залаы глы́ною, с*

кизяком мисылы (Новотит.). *Хаты камышом крыти, як засыпать бóмбами, горять, як свёчи. Станыця булá увся разбыта, згорыла, хаты стоять бэз вёрху* (Шапсуг.). Кирпичные дома станичники также могут называть *хатами*. Между тем данная ЛЕ чаще употребляется с негативной эмоционально-оценочной характеристикой, актуализируя в сознании диалектоносителей такие семы, как ‘ветхий’, ‘убогий’, ‘бедный’, ‘тесный’, ‘плохой’. См., напр., следующие контексты: *Када в двацáтам гаду каллективизáцыя тада была, их выгнали з дóму. Паэ́таму ани́ и зделали́ эту хáтачку* (Арх.). *Я прадалá старую хату и купила́ дом у цэ́нтри* (Вознес.). *Жыли мы у хáтах, дамо́ф ни было́* (Елиз.). *У нас булá хата, хата, ны дóм, а пот камышом хата* (Старощерб.). *Хáтка у ба́бушки была́ маню́синькая, а щас на иё мéсти Вíтя аграма́дны́ дом па́строил* (Усть-Лаб.). Слово *дом*, как отмечают этнографы, на Кубани исторически обозначает «принципиально отличный от *хаты* тип жилища – рубленный из дерева, на каменном фундаменте, с несколькими комнатами, дощатыми потолками и полами, наружными коридором из сосновых досок, крыльцом» [Гангур, 2007, с. 371]. Казаки стремились выделиться из остального населения своим бытовым укладом, в особенности жилищем, добротность которого была наиболее наглядной формой выражения экономических и сословных преимуществ. По нашим наблюдениям, для жителей кубанских станиц понятие *дом* ассоциируется с кирпичным строением, крытым железом или шифером. См., напр.: – У вас дом или хата? – *Дом. Три ко́мнаты и каридо́р вот здесь* (Владимир.). *Дом, он чытырэхуго́льный, а хáтка – э́та дли́нная* (Бесстраш.). Если в РЛЯ лексема *дом* является нейтральной, то в местном диалекте она обладает положительной коннотацией, актуализируя в сознании жителей Кубани такие семы, как ‘добротный’, ‘большой’, ‘просторный’, ‘богатый’: *Ста́ршыму так дом аста́вили, а мла́тшыму купили́ хату, да ищэ́ и биз га́зу* (Арх.). Оппозиция *хата – дом* в кубанских говорах основывается на наличии в значении этих ЛЕ интегральной семы ‘жилище человека’ и дифференциальных контрастирующих семантических компонентов: ‘бедный’ – ‘богатый’, ‘маленький’ – ‘большой’, ‘тесный’ – ‘просторный’, ‘ветхий’ – ‘добротный’, ‘убогий’ – ‘красивый’. Высказывания

информантов демонстрируют, что номинация *дом* признается ими более социально престижной, чем номинация *хата*.

Опираясь на контексты, к антонимам можно отнести следующие пары слов: *зем / зель / зѐмики / зѐмочка / земля* – *пол* и *доливка* – *пол*: *Тадá палóф нѐ была, а зем, мáзали эту зем... Палы́? Да зѐми бóльшы (Арх.). Палóв нѐ была, а зимля́ была́, и вот кáждую субóту падвадiли (Вим.). Палóф рáньшы нѐ была, был зем. Салóму на зѐм настѐлим и спим (Вознес.). А потóм пол настилáють, а зем – цэ в сарáйи (Новотит.). У нiх хáта здарóвая, и пол был, а у нáс – зимля́ (Темирг.). Якы́ польы́? Зэмля́. Мáзалы корóвичим навóзом (Ясен.). Щас польы́, а тодi доливкы́, ну зэмля́ чи як (Кулик).* Данная социально-территориальная контрарная парадигма актуализирует в сознании диалектоносителей следующие противоположные представления: земляной пол, смазанный глиной, перемешанной с навозом, воспринимается как ‘бедный’, ‘убогий’, а настил из досок – как ‘богатый’, ‘красивый’.

Общекультурная оппозиция «бедный – богатый» проявляется и в противопоставлении лесных районов Краснодарского края степным. См. показательное высказывание информанта, записанное во время экспедиции в Апшеронский район (2015 г.): *То станицы степны́и багáтыи, а мы – дубагрýзныи. У нiх – зирно́, а у нáс – дубы́, мы бѐдныи (Твер).* Контекст позволяет отнести к потенциально возможным социально-территориальным контрарным парадигмам УНТС *степные районы – лесные районы, степные станицы – лесные станицы*, а также лексемы *степ – лес, степняки* (так на Кубани называют жителей степных станиц) – *дубогрýзные* ‘жители лесных станиц’.

Контрарную парадигму составляют в местных говорах общенародное существительное *мука* и являющийся архаизмом лексический диалектизм *бóрошно́*. Общая интегральная сема в их значениях – ‘размолотые в порошок хлебные зёрна’, взаимоисключающими дифференциальными семами являются: ‘высшего сорта’ (у слова *бóрошно́*) – ‘низшего сорта’ (у слова *мука*). Поясним основания для выделения дифференциальных сем. В сознании носителей диалекта лексема *бóрошно́* часто вызывает воспоминания о муке высшего сорта, из которой

в былые времена, до появления колхозов, пекли белый хлеб. Слово *мука*, входит в активный словарный запас и, напротив, ассоциируясь с советским периодом и современностью, может номинировать муку низкого качества. Это значение актуализируется в бытующем на Кубани выражении: *Як було борошно, так хліб йілы, як стала мука – стали му́чиця* (Нововелич.). Представляется, что отрицательные коннотации у общенародного слова находят поддержку в его временной соотнесённости (в отличие от прошлого настоящее, как правило, оценивается негативно) и прозрачной внутренней формой (носители диалекта могут связывать слова *мука* со словами *му́ка*, *му́чить*, *му́читься* и т.д.). Положительные коннотации у диалектного слова демонстрируют особенности концептуализации понятия «время» в кубанских диалектах: идеализацию на бытовом уровне досоветского прошлого.

Глаголы *балакать* ‘разговаривать на КГУЯО’ – *разговáри(ы)вать / разговáрювать* ‘разговаривать на РЛЯ’ также выражают значение противоположности: *Рáньшы бóльшы бала́кали, а типéрь тільки разговáривают* (Сев.). *Ма́ма бала́кала, а па́па разговáрював. И ёго прозváлы «кацáпом»* (Гостаг.). В значениях этих ЛЕ оппозицию составляют семы: ‘литературный язык’ – ‘диалект’, номинирующие полярные разновидности РНЯ. Глагол *разговáри(ы)вать / разговáрювать* образует контрарную парадигму и с глаголом *говары́ть* ‘разговаривать на местном диалекте’: *Ф по́изди ёдиш, нас срáзу узнáют, што с Ку́бани. Пра нас как гаваря́т: «Вы гавары́ти, а ни разгавáриваити»* (Арх.). *Гарацкiе разгавáривают, а мы гавары́м* (Перед.). См. также глаголы *што́кать* ‘говорить на РЯ, с литературной фонетикой’ и *шо́кать* ‘говорить на местном диалекте, с диалектной фонетикой’: *Мы тада́ ни гавары́ли, мы бала́кали: шо. Еси хто с прыéжжых ста́нит гавары́ть па-ру́сски, мы смия́лись с них: гарацкiе што́кают, а мы шо́каим* (Копан.). Наличие таких противопоставлений – показатель высокой ценности речевой саморефлексии в картине мира носителей говоров. Противопоставленность по данному признаку – одно из проявлений общекультурной оппозиции «свой – чужой». При этом для номинации процесса говорения на диалекте используются диалектный глагол *бала́кать* и

литературный *говорить*, в местной огласовке [*говори́т', гавари́т'*]; для номинации процесса говорения на РЛЯ – только общенародное слово *разговáри(ы)вать / разговáрювать*.

Социально-территориальную контрарную парадигму могут составлять и устойчивые выражения. Так, в хуторе Колесников записаны две устаревшие ДФЕ *го́лый сти(о)л* ‘стол на полевом стане, за которым некалорийно кормили колхозников, не выполнивших норму’ – *красный сти(о)л* ‘стол на полевом стане, накрытый красной скатертью, за которым более калорийно кормили колхозников, выполняющих норму’. Приведём рассказ информанта: *Ище́ тоді́ ба́бушка рассказы́вала. Ёих собыра́лы и сады́лы за красны́й стил. Даю́т но́рму здэ́лать, а лю́ди голо́дни. Вот я, ёсли вы́работала но́рму, мэ́нэ са́дят за красны́й стол, красно́й ска́тиртью накры́тэ. И там лу́ччу йиду́ даю́ть, хле́бушка и густі́шу ка́шу. А хто нэ вы́полнэ но́рму – зна́чить того́ са́дят за го́лый стил и даю́ть совсі́м жэ ш рэ́динько*. Общими семами у ДФЕ являются семы ‘стол’, ‘на полевом стане’, ‘колхозники’, ‘кормили’, ‘красная скатерть’, ‘норма’. Контрастирующими семантическими компонентами выступают: ‘накрытый’ – ‘не накрытый’, ‘выполнившие’ – ‘не выполнившие’, ‘калорийно’ – ‘некалорийно’. Таким образом, в территориально специфическом фрагменте картины мира жителей Кубани трудовые заслуги имеют высокую ценность, что и предполагает наличие особого противопоставления.

В ряде случаев члены социально-территориальных контрарных парадигм представляют собой синонимы, вступившие в антонимические отношения. См., напр.: *мука – борошно: Бо́рошно сія́лы. Бо́рошно – по-ста́рому мука́* (Бород.); *доли́вка – пол, земля – пол: Пол ма́зали гря́зью. Называ́лся «зымля́», і́ли «доли́вка»* (Бород.). *Зэ́мли булы́ полы́* (Копан.); *дом – хата: Кру́глый дом – э́та кагда́ четырёхска́тная кры́ша* (Новопавл.). *Де́душкину симью́ вы́сылылы со станы́ци: щита́лы – курку́ль. Так у нёго́ ха́та була́ квадра́тна («кру́гла» тоді́ называ́лась). Чётыри ко́мнаты. Я оцэ́ була́ в той ха́ти. Ныхто́ нам йи́и ны одда́в. Ко́мнаты такы́: два с палавы́ной на тры́. И вира́ндачка, такый навэ́сик... Ти ха́ты, шо булы́ тоді́, – воны́ булы́ дво́рці* (Новощерб.). *Вот така́ ха́та стои́т. Кру́гом стэ́ны*

одинаковы: и туда́, и туда́. Кру́глая ха́та (Копан.); см. также широко бытующее на Кубани выражение *до дому, до хаты*.

На данное явление в ЛЯ обращал внимание Н.М. Шанский, который писал, что синонимы, «обозначая одно и то же явление действительности, под пером писателя <...> могут превращаться в ряде случаев, по существу, в контекстуальные антонимы» [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский., 1962, с. 56]. Полагаем, что подобным превращениям в кубанских говорах способствует динамичная и экспрессивная устная речевая стихия, создающая оптимальные условия для раскрытия творческого потенциала диалектоносителей, в результате чего может происходить образование территориально специфических антонимических пар на основе эмоционально-эстетического, а также этнокультурного противопоставлений, отражающих особенности материальной и духовной культуры данного диалектного сообщества.

Выводы

1. При изучении многозначности в кубанских говорах актуален вопрос о возможности перераспределения значений в структуре полисеманта, функционирующего в частных диасистемах. География каждого ЛСВ и ФСВ продемонстрировала наличие межсистемных, внутрисистемных и смешанных полисемантов (одновременно межсистемных и внутрисистемных), семантическая сетка которых обусловлена не только языковой основой кубанских говоров, но и принадлежностью слов и ДФЕ к конкретной частной микросистеме, состоящей как из общих элементов, присущих всему кубанскому диалекту в целом, так и различных, характерных для отдельных говоров и создающих те специфические диалектные различия, которые отличают говор одного населённого пункта от говора другого. Полисемантам присущи как внутренняя статика, так и внутренняя динамика: с одной стороны, ЛСВ и ФСФ стремятся к семантическому единству, с другой – обнаруживают определённые отличия. Данное противоречие отчасти

объясняет преобладание диалектной бисемии в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров.

2. В полисемантах заметную устойчивость проявили ЛСВ материнских языков, возникшие на базе метафоры и метонимии, продуктивных и при создании локализмов. Метафорический перенос проиллюстрирован в работе следующими моделями: *животный мир ↔ человек, растительный мир ↔ человек, человек → явление или состояние природы, бытовой предмет → человек, бытовой предмет → части тела человека, бытовой предмет → явление природы, животное → растение, лицо → лицо, характеризующееся сходными поведением или качествами*. Устойчивость переносных значений обусловлена тем, что в качестве производящей базы для метафорической деривации носители диалекта склонны выбирать привычные образы, сопровождающие их в обыденной жизни. В кубанском диалекте реализованы следующие регулярные модели метонимического переноса: *действие → результат действия, действие → инструмент действия, инструмент → субъект действия, материал → изделие из него, растение → изделие из него, животное → изделие из него, продукт → блюдо из данного продукта, болезнь → орган, поражённый данной болезнью, болезнь → человек, страдающий данной болезнью, бытовой предмет → обрядовый предмет, бытовой предмет → обряд, обрядовая пища → обряд, пища → обрядовая пища, вместилище → вместимое, единичность → собирательность, часть → целое и целое → часть (синекдоха)*. В целом диалектным системам свойственны те же модели метафоризации и метонимизации, что и ЛЯ.

3. Между ЛСВ многозначных ЛЕ выявлены два типа родо-видовых отношений: гиперо-гипонимические и гипо-гипонимические. Формирование видовых значений в семантической структуре слова объясняется значимостью отдельных предметов и их характеристик для носителей говоров, а также географическими условиями, особенностями быта и духовной культуры. ЛСВ-гиперонимы, как правило, относятся к более позднему временному периоду

семантического развития слова. Они возникают в результате постепенного стирания существенных в прошлом дифференциальных признаков предметов. При наличии гиперонима в семантической структуре многозначной ЛЕ родовидовая парадигма обычно представлена одним гипонимом. Для кубанского диалекта более характерными оказались гипо-гипонимические отношения между ЛСВ многозначных слов. Возможно функционирование согипонимов в говоре одного населённого пункта.

4. Во фразеологии полисемия менее развита по сравнению с лексикой, что обусловлено структурной сложностью ФЕ. Новое значение у ДФЕ может быть образовано в результате переноса, если в первом значении ФЕ представляет собой фразеологическое сочетание, на основе которого возникнет вторичное, переносное значение. Обрядовые ФСВ также могут стать «фундаментом» для появления у ДФЕ, номинирующих определённые обрядовые действия или их участников, вторичных переносных значений, которые, как правило, имеют шуточный или иронический оттенок. ФСВ могут представлять собой результат поочерёдной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, которое по отношению к частным значениям ФЕ выступает в качестве общего источника метафоризации. Внутренняя семантическая деривация развивается и на основе собственного, фразеологического значения. У отдельных УНТС выявлены значения, представляющие собой согипонимы.

5. Описание синонимических отношений в говорах Кубани предполагает установление наличия / отсутствия количественных и качественных различий того или иного синонимического ряда в лексико-фразеологических подсистемах. География лексем позволила выявить для целого ряда ЛЕ внутрисистемные, межсистемные, а также смешанные синонимы. Межсистемные синонимы под влиянием тесных междиалектных контактов могут менять свой лингвистический статус в зависимости от территории бытования, что является показателем динамики синонимии кубанского диалекта, лексико-фразеологическая макросистема которого не является замкнутой и изолированной. Для унификации лексикографической презентации однокорневых образований была проведена

дифференциация однокорневых синонимов и вариантов и выявлена следующая тенденция – утрата детализации в значениях, но сохранение структурной вариативности.

6. Большое количество синонимов-дублетов подтвердило универсальность данного явления для диалектов, в которых наблюдается избыточность в реализации одного и того же содержания в разных формах. Применение МКА позволило выявить идеографические синонимы. При квалификации стилистических синонимов использовались различные критерии (наличие аффиксов субъективной оценки, необычность звуковой формы ЛЕ, семантическая производность, наличие соответствующего семантического компонента в структуре значения, тематический критерий). Объективность стилистической квалификации многих лексем достигалась благодаря наблюдению их в реальных условиях функционирования. Были выявлены также квазисинонимы, отличающиеся и дифференциальными семами, и стилистической маркированностью. Синонимические ряды насчитывают от 2 до 14 элементов. Средняя длина ряда составляет 2 – 3 синонима. Наиболее протяжённые ряды представлены в тематической сфере «Человек». Высокая степень структурной вариативности слов, характерная для говоров вообще и для кубанских говоров в частности, допускает вхождение в синонимические ряды структурных вариантов.

7. Фразеологическая синонимия в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров представлена достаточно широко как в плане количества синонимических парадигм, так и в плане их типологического разнообразия. Её необходимо отличать от фразеологической вариантности, обусловленной не только языковой основой говоров, но и действием целого ряда экстралингвистических факторов. Определённую роль в образовании вариантов играет модус коммуникации, так как при переходе носителей говоров на разговорный ЛЯ возможна замена диалектных компонентов ДФЕ на литературные. Были выявлены направления развития вариантности кубанских устойчивых выражений. Это: 1) акцентологическое; 2) фонематическое / фонетическое; 3) лексико-грамматическое; 4) грамматическое; 5) синтаксическое;

б) лексическое; 7) количественное варьирование компонентов; а также 8) совмещение нескольких типов варьирования; 9) варьирование, обусловленное языковой основой кубанских говоров. Варьироваться может только один член устойчивого выражения или несколько компонентов. Благодаря дифференциации фразеологических вариантов и синонимов были установлены форма заглавного словарного блока и количественный состав ДФЕ.

8. К диалектным фразеологическим синонимам относятся выполняющие одинаковую синтаксическую функцию ФЕ, имеющие общую денотативную соотнесённость и разные образные представления, определяющие их общее содержание. Синонимичные кубанские ФЕ принадлежат либо одной из микросистем, либо входят в общекубанский фразеологический пласт. Имеющийся языковой материал позволил выявить наречные, глагольные, именные, адъективные синонимические парадигмы открытого типа, обладающие разной протяжённостью, в состав которых входят диалектные и общенародные устойчивые выражения. Среди синонимичных ДФЕ были выделены такие, которые различаются оттенками значения или эмоциональной окраской. Однако в подавляющем большинстве ДФЕ не обнаруживаются эмоционально-экспрессивных различий, все они, как правило, обладают повышенным эмоциональным тонусом, поскольку основная функция ФЕ – экспрессивная. В говорах, как и в ЛЯ, фразеологическая синонимия сближается с лексической. Синонимические ряды, состоящие из лексических и фразеологических единиц, имеют различную протяжённость.

9. При квалификации гетерогенных омонимов принимались во внимание лексикализованные фонетические явления и некоторые другие лексико-семантические процессы, приводящие к модификации внешнего и внутреннего облика диалектного слова. При разграничении полисемии и гомогенной омонимии на синхронном уровне решающим является вопрос о мотивированности значений, при наличии которой ЛСВ остаются в границах одного слова. В случае невыводимости, несвязанности значений лексическая единица распадается на омонимы. Разные по происхождению слова могут

сближаться в сознании носителей диалекта и восприниматься ими как разные ЛСВ одного слова. Это явление логично назвать *лексической конвергенцией*. Подобные случаи немногочисленны, но они наглядно продемонстрировали подвижность границ между омонимией и полисемией не только со стороны полисемии, когда слово превращается в два омонима, но и со стороны омонимии, когда омонимы сливаются в полисемичное слово. Общепонятное слово в системе ЛЯ может распадаться на омонимы, а в говоре, благодаря наличию диалектного ЛСВ, сохранять семантическую целостность. Такие явления создают переходную зону между синхронией и диахронией языка и способствуют более плавному переходу от старого состояния языка, которое ещё удерживается в говорах, к новому, реализующемуся в его литературной разновидности.

10. Наиболее представленными в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров являются омонимы двух разрядов: 1) омонимы-существительные и 2) омонимы-глаголы. Менее развита в кубанских говорах омонимия среди имён прилагательных и наречий. Единичны случаи омонимии среди служебных частей речи. Немногочисленны омонимы и среди устойчивых выражений, которые возникают либо в результате распада полисемии, либо в результате образного переосмысления разных свободных словосочетаний. В связи с нерегулярностью и исключительностью омонимии, в практической лексикографии следует дифференцированно подходить к каждому случаю определения семантической границы слова, отражение которой в региональном словаре способствует более точному выявлению объёма словарного состава говора и прогнозированию семантической перспективы его дальнейшей эволюции.

11. Частое отсутствие актуализации одного из компонентов антонимической пары позволяет относить к антонимам пары слов или пары ФЕ, отражающие противоположные взаимоисключающие признаки и обнаруживающие регулярность контрастирующих ассоциативных связей, реализованных или нереализованных в рамках одной предикативной единицы или сложного синтаксического целого, объединённого общей микротемой. Результаты

ассоциативного эксперимента, направленного на выяснение второго члена антонимической пары, показали, что слово-стимул может образовывать как одну пару антонимов, так и несколько, в чём проявляется статика и динамика устройства и функционирования диалектной антонимической системы кубанских говоров. В ней представлены пары антонимов, состоящие из общенародных, просторечных, диалектных слов и их комбинаций.

12. Антонимы принадлежат прежде всего к знаменательным частям речи и чаще всего обозначают противоположные признаки, качества или свойства. Выявлены одно- и разнокорневые антонимы, а также переходные случаи выражения антонимии одной из частей сложного слова. В зарегистрированных контекстах выявлено антонимов-прилагательных – около 33% всех пар, антонимов существительных – около 29% всех пар, антонимов глаголов – около 20% всех пар, антонимов наречий, в том числе слов категории состояния, – около 18% всех пар. Способность разных частей речи образовывать антонимическую пару подтвердила универсальность данного явления для носителей русских говоров. Устойчивые выражения вступают в антонимические отношения реже, чем слова. Их способность антонимизироваться проявляется гораздо в меньшей степени, чем способность синонимизироваться. В принципе употребление устойчивых выражений в речи диалектоносителей не столь частотно и во многом обусловлено типом диалектной языковой личности. Потенциально антонимическую пару могут составить ДФЕ и УС, а также слово и устойчивое сочетание. Антонимичные устойчивые выражения, как правило, полностью состоят из разных слов, но могут иметь одно или больше общих слов.

13. В динамичной, спонтанной и вариативной устной диалектной речи создаются благоприятные условия для реализации творческой деятельности диалектоносителя, один из результатов которой – образование антонимических пар на основе эмоционально-эстетического, а также этнокультурного противопоставлений. Такие контрарные парадигмы имеют общенациональный или социально-локальный характер (последний выявляется в результате исследований материальной, духовной и речевой культуры носителей диалекта).

В ряде случаев члены социально-территориальных контрарных парадигм представляют собой синонимы, вступившие в антонимические отношения. Фиксация активного функционирования территориально специфических антонимических пар позволяет признать высокую степень концептуализации таких противопоставленных понятий, как «казак / не казак», «богатство / бедность», «прошлое / настоящее», «свой / чужой». Выявление социально-территориальных контрарных парадигм способствует более глубокому описанию особенностей ДЯКМ и расширению круга ЛЕ, образующих пары антонимов в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров.

ГЛАВА 6. ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАКРОСИСТЕМЫ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ

6.1 Теоретические основы изучения идеографической организации лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров

Изучение лексико-фразеологической системы языка на основе объединения ЛЕ в тематические и лексико-семантические группы имеет в лексикологии давние традиции. Ещё М.М. Покровский в работе «Семасиологические исследования в области древних языков» (1896 г.) указал на то, что в лексической системе языка существуют различные группы или «поля слов». Одни из них представляют собой внутриязыковые объединения («по сферам представлений»), другие – объединения внеязыковые («по предметным областям»). Идеи М.М. Покровского получили плодотворное развитие в трудах современных лингвистов, разрабатывающих вопрос семантической организации словарного состава языка. В диалектной лексикологии это описания предметно-бытовой, производственно-промысловой, непредметной, обрядовой лексики, лексики природы и т.д. (см. работы О.И. Блиновой, В.Е. Гольдина, Ф.П. Ивановой, О.Е. Кармаковой, Г.Н. Клепиковой, О.Н. Мораховской, В.П. Палагиной и др.).

Развитие теории семасиологии способствовало появлению в области диалектологии научных изысканий, направленных на изучение полевой организации лексического состава говоров (см. исследования К.И. Демидовой, Л.Г. Гынгазовой, М.С. Крапивиной, Е.А. Нефёдовой, Л.А. Чернейко и др.). Следует признать, что проблема семантической организации лексической системы языка – одна из сложнейших в языкознании, до сих пор не получившая окончательного решения, несмотря на солидный список литературы. Так, в лингвистике нет строгих определений такой семантической категории, как семантическое поле (СП), хотя отечественными и зарубежными учёными их предложено более тридцати [см. Караулов, 1976, с. 23 – 32]. Остановимся на

краткой характеристике подходов, внесших ощутимый вклад в разработку теории СП.

Расширение критериев выделения СП связано с именем Н.И. Толстого, разработавшего методику выделения семантических микрополей, суть которой заключается в выборе опорной полисемичной лексемы и выявлении лексем, альтерирующих с каждым из её ЛСВ в пределах изучаемого языкового континуума. Предложенный Н.И. Толстым способ конструирования микрополей не позволяет, как подчёркивает учёный, «игнорировать ряд релевантных и весьма прочных семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения сферы чистых понятий или предметных и семантических групп» [Толстой, 1963, с. 38]. При этом границы поля определяются максимальной амплитудой колебания семантики опорного слова. Идеи Н.И. Толстого получили широкое применение в диалектологических исследованиях, направленных на сопоставительное изучение говоров.

Ю.Н. Караулов предлагает считать базой логической структуры СП «синонимическое отношение, которое подчиняется соответствующей суперординате (родовое имя) и само содержит в себе гипонимы (видовые имена). К ядру присоединяются слова, значения которых имеют общие компоненты с ядром» [ср. Караулов, 1976, с. 111 – 112]. В данной модели поля остаётся нерешённым вопрос о соотношении поля и полисемии, что признаёт и сам исследователь. Однако он не исключает возможность наличия одинаковых компонентов в значении многозначного слова, которые, по мнению учёного, «должны как будто включаться в одно семантическое поле» [Там же, 112].

В.Г. Гак подчёркивает важность различать внешнюю и внутреннюю структуры поля: «во внутренней структуре выявляются различные оппозиции, характеризующие и членящие общее понятие... Внешняя структура поля определяется его связями с иными семантическими полями... Семантические переходы проявляются в многозначности слов, в значениях производных» [Гак, 1998, с. 678].

Р.М. Гайсина вводит понятие межчастеречного СП, в котором объединяются слова разных частей речи, имеющие сходство в значениях. Учёный выделяет три типа межчастеречных СП – с адъективным, нумеральным и глагольным ядром [Гайсина, 1988].

Е.Л. Березович предлагает анализировать СП по трём уровням: 1) собственно семантическому; 2) мотивационному; 3) по уровню культурной символики [Березович, 2007, с. 23].

Несмотря на имеющиеся различия в трактовках, учёные признают общие комплексные свойства СП, к которым относятся: связь между его элементами, их упорядоченность и взаимоопределяемость, самостоятельность поля, выражающаяся в его целостности и принципиальной выделимости, специфичность в разных языках, что проявляется в исторической обусловленности состава и структуры поля [ср. Караулов, 1976, с. 33].

Общим и особенно важным для нас среди изложенных определений СП является выход за рамки парадигматического подхода. Разделяя точку зрения Ю.Д. Апресяна о том, что не существует «единственного разбиения на семантические поля» [Апресян, 1974, с. 251] (данное положение подтверждается разнообразием подходов к СП), полагаем, что континуальность границ СП позволяет исследователю самому определять пределы поля, исходя из конкретных целей и имеющегося языкового материала.

Вслед за Л.А. Новиковым СП понимается нами как «... иерархическая структура множества ЛЕ, объединённых общим (инвариантным) значением» [Новиков, 1989, с. 231]. Единицам поля свойственны не только парадигматические и синтагматические отношения, но и отношения ассоциативно-деривационные, которые включают в себя словообразовательную и семантическую деривацию [ср. Там же, с. 234].

Изучение идеографической организации семантического пространства кубанского диалекта предполагает классификацию лексики и фразеологии по тематическим и лексико-семантическим группам (элементарным семантическим микрополям), что не только является релевантной характеристикой лексико-

фразеологической макросистемы, но и способствует более глубокому пониманию её внутреннего устройства. На материале кубанских говоров были описаны лишь отдельные тематические объединения ЛЕ: сельскохозяйственная лексика (земледелия, скотоводства и обозного хозяйства) [Шабалин, 1952], терминология пчеловодства [Иванова, 1974], ТГ «Одежда» [Борисова, Стороженко, 2004], рыболовецкая лексика [Шестак, 2004], лексика и фразеология свадебного обряда [Трегубова, 2007; Финько, 2011]. В кандидатской диссертации Л.Ю. Костиной диалектизмы говора ст-цы Архангельской представлены в рамках двух лексико-тематических комплексов (ЛТК) «Станичное подворье» и «Основные виды трудовой деятельности» (сельское хозяйство, животноводство, рыболовство) [Костина, 2008, с. 94 – 128]. Введение такой структурной единицы, как ЛТК, под которой понимается совокупность ТГ и ЛСГ, связанных понятийно-логическими отношениями [Там же, с. 97], позволило диалектологу объединить достаточно разнородные ЛЕ для их последующего лингвистического описания. Безусловно, перечисленные исследования обнаруживают различную степень проработанности диалектного материала. Однако все они демонстрируют, что лексика и фразеология кубанских говоров представляет собой исторически сложившуюся и динамически развивающуюся целостность, основанную на множестве иерархически организованных номинаций.

В предлагаемой нами презентации СП рассматривается как своеобразный аналог словаря, на базе которого возможно основанное на ономаσιологическом подходе представление ЛЕ поля, а также проведение их разноаспектного лингвистического анализа. Подготовка тематического словаря кубанских говоров, безусловно, дело будущего. Принципиальным для нас является включение в словарь данного типа слов и ФЕ двух микросистем – КГЮЯО и КГУЯО – с указанием географии словозначения. Считаем, что исследование лексического материала диалектного континуума, обладающего структурной и генетической близостью, должно быть направлено на выявление свойственной носителям говоров изучаемой территории как общей, так и вариативной части представлений о мире. Избранный нами подход опирается на концепцию

диалектного языка, «представляющую диалекты как макросистему с общими и различительными признаками, что даёт теоретическое основание для исходного положения не о единстве или различии картин мира отдельных диалектов, а о вариативности общей диалектной картины мира как одной из составляющих картины мира, отражаемой РНЯ» [ср. Нефёдова, 2008, с. 86].

В связи с тем, что тематический словарь кубанских говоров ещё не создан, ограничимся анализом фрагмента макрополя «Человек». Данное макрополе находится в центре схемы идеографической организации лексико-фразеологического пространства кубанских говоров, что подтверждает на конкретном языковом материале уже сложившееся в лингвистике положение об антропоцентрическом устройстве лексикона носителей диалекта, мировидение которых сконцентрировано вокруг *человека*. Актуальность СП «Человек» свойственна всем формам разговорной речи, поскольку в нём широко отражены разнообразные характеристики человека. Уместно привести высказывание Н.Ю. Шведовой, которая, анализируя теоретические результаты, полученные при работе над «Русским семантическим словарём», представляющим номинанты со значением «человек» (15000 наименований) в виде многоуровневой макросистемы, отмечает: языковая картина мира «предстаёт как полотно с изображённой на нём вершиной и с обращёнными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит *человек* (выделено Н.Ю. Шведовой)» [Шведова, 1999, с. 15].

В кубанских говорах, кроме общеславянского слова *челове́к*, в аналогичном значении употребляется украинизм общего рода *людьіна* (в КГУЯО, в речи представителей традиционного слоя говора). В этих же говорах лексема *человек* произносится в следующих огласовках [ч'олов'ік] и [ч'илов'ёк, ч'илав'ёк] и означает '1) человек; 2) мужчина; 3) муж; 4) женатый мужчина; 5) сожитель'. Обладая системной организованностью, макрополе «Человек» распадается на отдельные микрополя. Объединение в рамках одного микрополя слов и ФЕ позволяет выявить те участки действительности, которые, имея «лексическое покрытие», покрываются или не покрываются фразеологией. «Двойное

покрытие», как справедливо отмечают лингвисты, является признаком особой значимости этих участков в жизнедеятельности одного человека или целого социума [Эмирова, 1988, с. 61]. Исследователи фразеологии признают особый, антропоцентрический, характер её семантики. Так, А.И. Фёдоров, исследуя сибирскую диалектную фразеологию, приходит к убедительному выводу о том, что в ней около 95% фразеологизмов характеризуют человека. Эта статистика, как считает В.М. Мокиенко, «может быть распространена и на фразеологию РЛЯ, и на фразеологию других языков» [Мокиенко, 1989, с. 223]. Действительно, «фразеология покрывает, как правило, те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеческим видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей человеческой личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороной деятельности, индивидуально-типологических особенностей личности и т.д.» [Эмирова, 1988, с. 51]. Совершенно очевидно, что распределение ФЕ внутри этих участков неодинаково. Выявление количественного фразеологического и лексического состава каждого участка действительности позволяет установить специфику тематического расслоения лексики и фразеологии, конфигурации «ячеек» лексической и фразеологической номинативных «сетей».

Применение идеографического подхода позволяет создать свёрнутую модель СП и отразить её во фрагменте идеографического словаря. Идеографическая группировка слов и ФЕ может проводиться с помощью двух взаимодополняющих операций: 1) дедуктивного разбиения понятийного континуума, покрываемого лексикой; 2) индуктивного «восхождения» от отдельных слов к выделенным дедуктивным путём понятийным рубрикам [Морковкин, 1977, с. 116]. Имея дело с диалектным материалом, составитель анализирует диалектные единицы и аргументирует их группировки, которые осуществляются по опорным семам.

В качестве примера развёрнутого описания в работе рассматривается диалектное наполнение микрополей «Речь» – «Пение» – «Молчание», «Мирный труд» – «Лень», а также микрополя «Номинации человека по этнической,

национальной и социальной принадлежности». Важным при развёрнутом описании считаем привлечение иллюстративного материала, который наряду с толкованием является важнейшим способом семантизации слов и ФЕ. Кроме того, контексты, представляющие собой высказывания диалектоносителей, призваны показать реальную жизнь диалектной единицы в речевой стихии. В развёрнутом описании языковые единицы подвергаются не только толкованию и группировке по элементарным семантическим микрополям, но и разноаспектному лингвистическому анализу, который опирается на данные различных лексикографических источников. Цель такого анализа – определение места слова и ФЕ в структурной организации поля.

Подчеркнём, что полевые структуры не имеют единой общепринятой схемы. Организация поля зависит от количественного и качественного состава образующих его конститuentов. Элементарными единицами поля являются его ЛСВ и ФСВ. Внутри поля слова и ФЕ объединены в группы, или микрополя, с общим семантическим признаком. Между словами и ФЕ, образующими группу, складываются синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические и варианты отношения. Разные ЛСВ и ФСВ или входят в одно поле, или, если они соотносятся с разными понятиями, принадлежат смежным семантическим сферам, осуществляя связь между полями в языковом пространстве диалекта. Границы между полями часто не имеют чётких очертаний, что создаёт проницаемость полевых структур, которые можно моделировать на основе оппозиционных отношений (см., напр.: труд – лень, речь – молчание, казак – не казак, иногородний), а также на основе включения (речь – пение).

Исследование каждого из микрополей позволяет выявить состав лексико-фразеологической системы говоров, определить, насколько велико то или иное поле в сравнении с другими СП, какие диалектные единицы существуют для номинации тех или иных понятий, а какие замещаются словами ЛЯ, какие речевые проявления получают наименования, а какие остаются немаркированными, что обладает оценочностью, а что остаётся нейтральным, какой набор языковых единиц и значений представлен только в КГУЯО или

только в КГЮЯО, а какой входит в общекубанский лексико-фразеологический пласт.

Как образец идеографической презентации нами составлен фрагмент идеографического словаря, включающего 13 микрополей макрополя «Человек»: (см. Приложение Е). В них объединяются нейтральные и экспрессивно-окрашенные слова и ФЕ. В словаре используется смешанное упорядочение: по значению, затем внутри каждой темы по частям речи и по алфавиту; устойчивые выражения, в случае их наличия, приводятся в конце каждой темы по алфавиту с учётом опорного слова. ДФЕ располагаются в следующей последовательности: ДФЕ, представляющие собой двусловные образования, один из компонентов которых – служебное слово; ДФЕ-словосочетания; ДФЕ-предложения. Завершают рубрику УС. Применение специальных стилистических помет дифференцирует оценочные и нейтральные единицы. Выявленные у ряда ЛЕ и ФЕ оценочные коннотации отражены с помощью стилистических помет: *груб.*, *ирон.*, *ласк.*, *презр.*, *шутл.* Для существительных, имеющих в РЛЯ стилистическую маркированность, отсутствующую в говоре, использовалась помета *нейтр. (очи)*. Помета *нейтр.* применялась и для ЛЕ, обладающих двойственной коннотацией, – *пыка (груб. и нейтр.)*. География слов и ФЕ служит показателем представленности языковых единиц и значений по говорам и их вхождения / невхождения в общекубанский лексико-фразеологический пласт. Количественное наполнение 13 микрополей отражено в Таблице 9.

Таблица 9 – Лексико-фразеологический состав фрагмента макрополя «Человек»

Микрополе	Часть речи			Устойчивые выражения		Всего конstituентов
	Имя сущ.	Имя прил.	Глагол	ФЕ	УС	
Рождение	8	6	8	12	–	34
Части тела	129	–	–	18	9	156
Внешность	23	73	6	16	15	133
Вес	36	23	4	12	14	89
Рост	19	8	–	3	5	35
Возраст	44	9	3	12	2	70
Ум, интеллект	1	11	2	8	1	22
Глупость	21	9	–	19	6	55
Группа людей	35	–	–	6	–	41
Пьянство, наркомания	16	4	19	17	4	60
Здоровье, сила	11	8	9	3	1	32
Слабость, болезнь	33	34	28	18	7	120
Смерть	3	1	16	32	–	51

Количественное соотношение в микрополях слов той или иной части речи, ДФЕ и УС отражает специфику тематического расслоения лексики и фразеологии в рассмотренных микрополях. Так, микрополе «Части тела» состоит в основном из предметной лексики, в микрополе «Внешность» больше, чем в других микрополях, имён прилагательных и УС, глагольная лексика превалирует в микрополе «Физическая слабость, болезнь», ДФЕ – в микрополе «Смерть». Имена прилагательные отсутствуют в микрополях «Части тела», «Группа людей», глаголы – в микрополях «Части тела», «Рост», «Глупость», «Группа людей», УС не зафиксированы в микрополе «Рождение», «Группа людей», «Смерть». Тот факт, что в каждое из микрополей входят ДФЕ, подтверждает антропоцентрический характер семантики большинства ФЕ.

География слов и ФЕ позволяет продемонстрировать, что многие из них входят в общекубанский лексико-фразеологический пласт, см., напр.: *ба́бка*, *бе́[э]се[э/ы]да* / *бесе́да*, *борода́*, *буга́йна*, *буга́й*, *бухы́(и)кать*, *виски́(ы)*, *воло́сья*, *вя́зы*, *глупа́к*, *голомо́зый*, *длиннобуды́лый*, *доло́нь* / *доло́ня*, *до́светки*, *жме́[е/э]ня*,

*жме́[е/э]нька, кагалá, кандыба́ть, каплю́жни(ы)к, квё(о)лы́й, квё(о)ленький, кё́[е/э]ндюх (ирон.), круг, кí(ы)рпа, кы(и)рпа́тый, кубы́шка, кулёма, лупа́стый / лупа́тый, лы́тка, ми(ы)р, найти́(ы) / найти́ть, найти́(ы)сь, окале́читься, охля́ть, площа́дка, пучка, пучечка, ра(о)спы́(и)ться, ря́ха, соло́ха, хова́ть, художо́нка, худорба́, чекалды́кнуть, чепуры́(и)ться, ши́бздик, шкандыба́ть, шпéндык, глуп по самый пуп, зашпор зайти́, хвост наду́ть, сини́(ы)цу(ю) хоть / хочь в пшени́(ы)цу(ю), тумáк тумакóм, не[э/ы]ма́ / нёт(у) / не хвата́ет хисту, как под дурным ста́рцем и мн. др. Отдельные конститuentы являются узколокальными. См., напр., ДФЕ *отнести́ на Пя́тую со́тню* и *в(у) сирéнь отнести́*. Первая записана в селе Кулешовка, где всего четыре улицы, местные названия которых Первая, Вторая, Третья и Четвёртая сотни. Пятой сотней здесь называют кладбище. Второй устойчивый оборот входит в активный словарный запас жителей ст-цы Владимирской, в которой кладбище засажено кустами сирени.*

Объединение в микрополях вариантов языковых единиц позволяет установить типы структурного варьирования, вызванного устной формой бытования говоров и генетическими различиями. См., напр.: *глухо́ня, глухопéрдя, глуша́к, глушмéнь, глушпé[э]ря; горбо́вка, горбы́на, горбя́ка; гыдомы́рный, гыдостный, гидо́шный, гыдо́щий; ды́бать, дыбула́ть, дыбуля́ть; лупа́стый, лупа́тый; макла́й, макла́шка; мужсиня́ка, мужиря́ка, мужича́ка; невозлечи́мый, невылечи́мый, нелечи́мый; поты́лыця, поты́лица, потыля́ка, ты́лка; пьянды́жка, пьяны́га, пьяню́га; дры́ном / крjóком не добы́ешь; девя́той клéпки нема́ / не хвата́ет / клёпок в голове́ нема́ / шуру́пов в голове́ не хвата́ет* и др. Составленные микрополя предоставляют сведения для изучения парадигматических отношений языковых единиц.

Избранный идеографический подход в презентации языкового материала демонстрирует антропоцентрическое устройство семантического пространства кубанских говоров.

6.2 Лингвистический анализ микрополей «Речь» – «Пение» – «Молчание»

Диалект как некодифицированная форма НЯ имеет только устную форму существования, в силу чего СП «Речь» – «Пение» – «Молчание» в говорах Кубани структурируются на базе интегральной семы – ‘что-либо, выраженное / не выраженное словами в устной форме’ – и дифференциальных сем (эксплицитных и имплицитных), отражающих функциональную специфику в структуре ЛСГ. «Процесс речи характеризуется определённым темпом, продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляционной чёткостью, акцентом и т.п. Речь может быть охарактеризована через указание на психологическое состояние говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику, искренность, по признакам своей формальной и смысловой структуры. К речи применимы эстетические (стилистические) оценки» [Арутюнова, 1990, с. 14]. Разнообразие речевых характеристик порождает разнообразие конstituентов соответствующих микрополей. Это ЛЕ, относящиеся к знаменательным частям речи, ДФЕ и УС, которые могут номинировать процесс речи и её отсутствие, человека как обладателя речевой способности, жанры устного народного творчества. Представим их количественное распределение по микрополям в Таблице 10.

Таблица 10 – Лексико-фразеологический состав смежных микрополей ««Речь» – «Пение» – «Молчание»

Микрополе	Часть речи				Устойчивые выражения		Всего конstituентов
	Имя сущ.	Имя прил.	Глагол	Нареч.	ФЕ	УС	
Речь	50	38	129	5	117	21	360
Пение	20	–	22	–	19	4	65
Молчание	4	–	2	1	11	3	21
Всего	74	38	153	6	147	28	446

Обратимся к зарегистрированным в кубанских говорах существительным *балáчка, балáканье, мóва, разговор*: *У ёго тільки и балáчка була за пчёл* (Васюр.). *Сичás ужэ рідко почуши балáканье* (Нововелич.). *А у мэнэ и мóву, речь, одибрало* (Платнир.). *Ну, якый разговор – мужыцкый разговор* (Брат.). *По-кубáнски шэлкóвыця чéрез «о»: шовкóвыця. Акцэнт разговóра такый* (Старотит.). *Я пóсли инфаркта лэжáла полторá мiсяца, так ы разговор у мэнэ нэ такый стал* (Брюх.). Приведённые высказывания наглядно демонстрируют, что указанные ЛЕ обладают многослойной семантикой и означают ‘разговор, способность говорить, говорение, разговор на местном языке, наречие, говор, произношение, выговор’. Можно констатировать, что диалектизм *балáчка* в локальном значении ‘КГУЯЮ’ в начале XXI века расширил сферу функционирования и практически вошёл в общенародный язык, чему, на наш взгляд, способствовали следующие факторы: 1) возрождение кубанского казачества не только в станицах, но и в городах Краснодарского края; 2) введение во всех школах края учебного предмета «Кубановедение», в курсе которого рассматриваются особенности местных говоров; 3) большой интерес к кубанскому диалекту, проявленный средствами массовой информации (газетные статьи, обсуждение на радио и телевидении, в том числе на центральных каналах).

Аналогичная судьба и у глагола *балáкать*. На Кубани его связывают прежде всего с КГУЯЮ, хотя он входит в общекубанский лексический пласт. Как показывают этимологические источники, это общеславянский глагол, представляющий собой суффиксальное производное от *балака* ‘болтун(ья)’, образованного в свою очередь с помощью суффикса -АК(А) от бал ‘разговор, болтовня’ [см. также Фасмер, I, с. 112]. Существительные *бал, балы* и в наши дни известны в других славянских языках и диалектах. Словари украинского языка дают глаголу *балáкать* следующее толкование: ‘разг. говорить, разговаривать, беседовать; разг. толковать; фам. калякать (с кем-л.); разг. болтать’ [НУРРУС, 19]. В СРНГ слово зафиксировано в двух ЛСВ: ‘1. Говорить хорошо, толково, правильно (о грамотных людях). 2. Говорить непонятно, неразборчиво’ [СРНГ, 2,

с. 70]. Для жителей Краснодарского края глагол *балáкать* означает ещё и ‘говорить на КГУЯО’, что позволяет выделить у ЛЕ дополнительный ЛСВ, отсутствующий в украинском языке и в русских говорах. Во втором (собственно кубанском) значении глагол *балáкать*, как и однокоренные существительные *балáчка*, *балáканье*, обнаруживают так называемую «расщеплённую коннотацию» (терминология Савицкого [Савицкий, 1996, с. 155 – 158], то есть разную оценочную характеристику у разных групп одного диалектного сообщества. Как правило, пренебрежительный оттенок ЛЕ имеют в кубанских станицах, где складывались КГЮЯО. Приведём высказывание, записанное нами во время диалектологической экспедиции в ст-цу Архангельскую (июль 2007 г.): *Мы вот ни балáкаим, мы разговáривайим, а вот вы ф Хапёрку пайижжáйти, в Атра́дную, так там вот балáкають*. Местная *балáчка* и у жителей черноморских станиц также может ассоциироваться с неграмотной, некультурной речью. Показательно признание информанта Лубенец Н.В., 1940 г.р., жительницы ст-цы Марьянской: *Мы да́жэ ино́й раз поё́дым у Краснода́р, та́мо балáкаю. Го́споди! Чё ж я балáкаю, на́до ж разговáривать*. Однако в большей части отношение к своему диалекту почтительное: *Мы балáкаим, и бу́дэ цэ́й разгово́р, нэ умр’э* (Канелов.). *Я балáкаю. А мне нра́выцца э́тат разгово́р. Ныобы́чный. И гара́цкiе инагда́ ф свай слава́ ужэ́ на́шы слава́ фставля́ють* (Медвед.). *Наи разгово́р, вин са́мый лу́чший* (Копан.). Записаны также многочисленные высказывания, в которых носители диалекта с сожалением признают, что молодёжь отходит от материнского языка: *Сича́с ужэ́ отпада́е балáканье. От пи́сни – э́то на́шэ. Стихи́я...* (Нововелич.). *Ди́ты на́шы нэ балáкають, ужэ́ разговáривають* (Старотит.).

Широко распространено в крае наречие *по-хохо́льски(ы)*, означающее ‘с выговором, характерным для КГУЯО’ (хохлами на Кубани, как правило, называют выходцев из Украины и их потомков, родившихся на Кубани): *Мы по-хохо́льскы балáкаим* (Ахтаниз.). РГК регистрирует также однокоренной глагол *хохля́ть* ‘говорить на КГУЯО’: *Па́па, ты хоть на лю́дях ни хахля́й* (Александр.). В ст-це Старомышастовской зафиксирована ДФЕ *хохол рiзаний* ‘тот, кто

действительно говорит на КГУЯО': *Пиды до діда Супони, вин роска́жэ, вин жэ хохол рíзаний, коза́к*. КГУЯО отличается характерной фонетикой, по которой безошибочно можно узнать его носителей. В с. Малый Бейсуг был записан следующий контекст: *А шоб провірыть люды́ну: хохол (куба́нэць) вин чи ни, попросы́ть ёго сказа́ть: «На польці лэжы́ть паляны́ця»*.

Что касается носителей КГЮЯО, то они убеждены в том, что у них *чы́стая речь*. Приведём короткий диалог с участницей местного фольклорного коллектива, записанный нами во время экспедиции в ст-цу Зассовскую (2013 г.): – Балакают ли у вас в станице? – *Нет! У нас чы́стая рэчь*. См. также структурный вариант данной ДФЕ – *чы́стый язык: Па-хахлэ́цки мы ни умéли. У казакóв чы́стый язык* (Бесстраш.).

В общекубанский лексический пласт входит обладающий нейтральной коннотацией глагол *каза́ть* '1) говорить; 2) учить, указывать, советовать'. Можно с уверенностью говорить о параллельном вхождении данной ЛЕ в местный диалект: в КГУЯО – из украинского языка, в КГЮЯО – из южнорусского диалекта. Слово является компонентом ДФЕ *каза́ть, та не завязáть* 'обещать, но не выполнить обещание', *казáла Настя, як / как уда́тся* 'то ли будет, то ли нет'. Зарегистрированы дериваты глагола *каза́ть*: *дока́зывать (доказа́ть)* 'договорить, досказать', *подка́зывать (подказа́ть)* 'подсказывать (подсказать), давать (дать) совет', *перека́зывать (переказа́ть)* 'передавать (передать) содержания чужой речи'.

В активном словарном запасе у носителей кубанских говоров находится структурный вариант *говору́ить*, обладающий, как и глагол *бала́кать*, локальным ЛСВ 'говорить с характерным для жителей Кубани выговором': *Ф по́изди е́диш, нас сра́зу узнáют, што с Ку́бани. Пра нас как гаваря́т: «Вы гавары́ти, а ни разгаварыва́ити»* (Арх.). Приведённая запись наглядно демонстрирует специфическую местную огласовку – твёрдое [Р] перед гласными переднего ряда, характерное для многих кубанцев, особенно в ударном слоге (*[рэ́]чка, г[ры]б*). Соответственно структурные варианты *разговáри(ы)вать / разговáрывать* имеют в местном диалекте дополнительный ЛСВ 'говорить на РЛЯ, без характерного

местного выговора': *А цэ як у санато́рии бу́ла: сидю́ за столо́м и мовчу́. Минé сты́дно: оні́ ж разговáривают, а я бала́каю* (Новомыш.). *В нас ді́ты то́жэ усі́ разговáрювають, а я бала́каю. Я нэ мо́жу вжэ по-друго́му* (Киев.). *У йих ма́ма разговáрюе, их па́па разговáрювал, Аня́ разговáрюе, а Са́ша бала́кае* (Гривен.). *Та та́к жы и получáиця, шо ф шко́ли уну́к разговáрюе, а до́ма вин бала́кае. Воны́ фсе: и бала́кают, и разговáривают* (Серг.).

Анализ текстов, беседы с информантами подтверждают, что многие из них, особенно люди старшего поколения, воспринимают РЛЯ как язык искусственный, манерный и претенциозный. С литературной речью связывается на Кубани произношение звука [Г] взрывного образования в отличие от [γ] фрикативного, присущего членам данного диалектного сообщества. Отсюда выражения *говори́ть на «г» / разговáривать на «г»* 'произносить «г-взрывное»' (ср. с донским *бить на «г»* в аналогичном значении [БТСДК, с. 46]): *Билару́сава Ю́лия Ива́новна, дире́ктар де́цкава до́ма, прывизла́ сто трына́цать дите́й с Лени́нграда в апрэ́ли со́рак фтаро́ва го́да. Ана́ разгавáривала на «гэ́». Фсе лини́нгра́цкии разгавáривают на «гэ́»* (Перед.). «Литературное» [Г] часто вызывает иронию и насмешку у носителей диалекта. Приведём диалог собирателя с информантой: – А какая дразнилка была для тех, кто по-русски разговаривал? – *Ну каца́пы. А шце́ дразни́лка така́я бу́ла: гу́си гого́чут, го́рот гори́т, вся́кая га́дость на «гэ́» говори́т. Говори́ть на «гэ́» – по-ру́сски зна́чит* (Гривен.).

В кубанских говорах широко бытуют также глагол *што́кать* (ср. с донским *бить на что* [Маслов, 1993]) и образованное от него существительное *што́калка*, высмеивающие правильную, литературную речь: *Пры́йі́хала што́калка з го́роду, хо́дэ тай што́кае* (Азов.). Яркая особенность местного произношения, отличающая его от литературной нормы, актуализируется в глаголе *шо́кать* 'говорить на местном диалекте, с диалектной фонетикой': *Мы тада́ ни гавары́ли, мы бала́кали: шо. Если хто с прые́жжых ста́нит гавары́ть па-ру́сски, мы смія́лись с них: гара́цкіе што́кают, а мы шо́каим, а аны́ што́кают* (Копан.).

Презрительно-ироническое отношение проявляется у коренных кубанцев и к речи переселенцев из Средней полосы России, за которыми закрепились

уничжительные прозвища: *каца́пы, кацапня́, кацапе́нья*. В хуторе Братском зарегистрирован глагол *чаво́кать* ‘говорить с характерным для жителей центральной России выговором’: *Каца́пы – э́та те́ жэ ру́ские, т́ико ани́ язы́к свой испага́нили, гаваря́т так: «Н́инья», «Ва́нья», «чаво́». Щас у́жэ ни чаво́кают*. Словообразовательной базой для глагола *чаво́кать*, как и для глаголов *што́кать, шо́кать*, послужили соответственно местоимения *чего* [чаво] и *что* [што], [шо]. В приведённой записи отражается ещё одна яркая черта, присущая южнорусскому диалекту, – прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычного [К’], вызывающее насмешку у коренных кубанцев.

Фонетические особенности речи часто становятся предметом шуток и иронии. Во время экспедиции в Приморско-Ахтарский район (июль 2009 г.), где в хуторах Новопокровском и Новонекрасовском проживают переселившиеся сюда из Турции, Румынии и Болгарии в начале 20-х гг. XX в. староверы и их потомки, уже родившиеся на Кубани, было записано существительное *щалдо́ни*, которым новопокровцы называют новонекрасовцев: *Никра́сафцэ́ф мы называ́ли «щалдо́ни»: у них фсё на «ща»*. *Пайдём паца́тки ламáть*. В Щербиновском районе, где преобладают КГЮЯО, их носители фразой «*Че[a]бак как таре[э]лка*» высмеивают небалакающих жителей села Ейское Укрепление, которое получило название городок. В говоре ей-укрепленцев наблюдаются спорадическое яканье, твёрдое [Р] перед гласными переднего ряда, растягивание слов. При этом сами ей-укрепленцы, или, как их здесь называют, горожане, утверждают: *Мы чи́ста гаво́рым*.

Однако говор соседей вызывает не только насмешки и шутки. В результате постоянных контактов носители КГЮЯО и КГУЯО перенимают друг у друга как слова, так и некоторые фонетические и грамматические черты. Там, где население в результате миграции смешивалось, этот процесс был закономерным и неизбежным. Во время экспедиционного обследования ст-цы Архангельской (2007, 2008 гг.) зарегистрировано два образованных по одинаковой модели глагола, номинирующих речь выходцев из Украины, которых здесь называют *хохлами*, – *це́кать* (*це* ‘указательное местоимение это’, чрезвычайно частотное в разговорной речи украинцев) и *чи́кать* (*чи* ‘1) союз или; 2) *вопр. част.* разве’),

также частотные в речи). *Цэ́каит* – *цэ хахóл*. Показательно замечание жительницы этой станицы, высказанное по поводу своей речи и речи своих земляков, претерпевших влияние КГУЯО: *Мы щас са́ми чі́каим: чи прі́де, чи ни прі́де*.

На Кубани широко бытует существительное *перевёртень* ‘1) тот, кто выдаёт себя за другого’: *Рáньшы бы́ла каза́чества, а сичás кака́й-та пырывэ́ртинь* (Арх.); ‘2) украинец или русский, в речи которых смешиваются черты этих двух языков’: *Якы́ ж мы украї́нцы, мы такэ́...пэрэвэ́ртынь* (Ахтаниз.). См. также однокоренной глагол *перевёртыватъ* ‘говорить на местном диалекте’: *Вы ш па-друго́му бала́каити, ны та́к, як мы. Мы ш усё пырывэ́ртуим, и ни панима́ють* (Серг.). В селе Ейское Укрепление, говор которого имеет южнорусскую языковую основу в отличие от говоров других населённых пунктов Щербиновского района, где говорят на кубанской *балачке*, записано слово *попола́шник*: *Я папала́шник: ата́ц – с Ей-Укриплéния, а мать с Никала́ивки*. Осознавая себя *пополашником*, информант обращает внимание на смешанность своей речи, на которую повлияли имеющие разную языковую основу говоры родителей. ЛЕ представляет собой локализм. СРНГ приводит однокоренное прилагательное *попола́шный*, зарегистрированное на Дону: 1. Поделенный пополам, на двоих. 2. Смешанный пополам с чем-л. [СРНГ, 29, с. 329].

КГЮЯО и КГУЯО смешиваются не только между собой, они испытывают мощное влияние РЛЯ, модифицируясь под его воздействием. Тот факт, что сами диалектоносители это осознают, подтверждает бытующее на Кубани выражение *от укра́инского у(в)тиклы́ до ру́сского не доби́гли: Вот так мы и ка́жэмо: от укра́инского втиклы́ до ру́сского нэ доби́гли* (Старомыш.). См. также другие присказки с диалектно-литературными эквивалентами, отражающие смешение кубанских говоров на лексическом уровне: *лэ́зла по лэ́стнице – упáла с драбы́ны, ваш топóр нашу сокы́ру попёр, лентя́й багла́я с кру́чи спихну́л*. Не случайно местные жители называют кубанский диалект, совмещающий украинско-русские черты, *рэпаны́й язы́к* (Бол. Бейс.). Показательно и выражение *подхватыв́ть языка́* ‘перенять некоторые языковые особенности’: *Я трóшки у го́ради патхваты́в языка́* (Бород.). См. также: *налома́ть язы́к* ‘научиться красиво говорить,

рассуждать': *В а́рмии я язы́к налома́л* (Ахтаниз.). Значение 'овладеть РЛЯ' актуализируют глаголы: *вы́гавкаться, переверну́ться, перевестьсь* и устойчивое выражение *переверну́ть язы́к*: – Вы балакаете? – *Та нет, мы ужэ́ вы́гавкались* (Копан.). *Ді́ты на́шы нэ́ бала́кають, ужэ́ разговáривают, и мы трóшкы пэрэвэрну́лыся* (Старотит.). *Ужэ́ на́шы уну́кы нэ́ бала́кають. А мы нэ́ пэрэвылы́ся ще* (Старотит.). *Сын па-ру́сски, а я ужэ́ нэ́ пэрэвэрну́ язы́к* (Нижегород.). У глагола *переверну́ться* зафиксировано энантиосемичное значение 'перейти с разговорного РЛЯ на местный диалект': *Тут хахлы́, и я пи́ривирну́лась* (Саньк.). Смешанность диалектных и общенародных слов отражается в шуточной оценке собственной речи: *кажу́ – говорю́* (записано в ст-це Вышестеблиевской). В.П. Чалов приводит ДФЕ *образова́ться на язы́к* 'овладеть РЯ (о горцах)' [Чалов, 1981, с. 36 – 37].

В кубанском диалекте функционируют глаголы, характеризующие речь на чужом языке, как правило на немецком или румынском (во время Великой Отечественной войны Кубань была оккупирована немецкими и румынскими войсками): *джеркота́ть (подджеркота́ть) / жеркота́ть (пожеркота́ть), деркота́ть (подеркота́ть), шурча́ть (пошурча́ть)*: *Да фсе не́мцыф бая́лись, а ані́ как хазя́ива: хо́дють да па-сво́иму джэ́рко́чуть* (Воронеж.). *В войну́ у нас був румы́н. Я взяв и захова́в нага́н. Вин прыйшо́в, глять: нымá нага́на. Вин став джы́ркота́ть, схваты́в мынэ́ за у́хо, прыдавы́в к сто́лу...* (Медвед.). *Ана́ там жы́рко́чит, а я ничиво́ ни панима́ю* (Ярослав.). *Не́мци дирко́чуть-дирко́чуть по-сво́иму* (Марьян.). *Пришли́ ф стани́цу, а та́м визде́ не́мцы, шурча́т па-сво́иму* (Арх.). Значение 'говорить на иностранном языке' актуализируется в УС *бала́кать як ту́рок*: *Сирёшка став пи́риво́тчиком, пив-Зимлі́ ужэ́ проі́хав по командиро́вкам. Таня расказа́ывала, шо Сирёшка бала́кае по-англи́ски як ту́рок!* (Старонижестебл.). Следует отметить, что до сих пор у носителей кубанских говоров с турками, против которых кубанские казаки в прошлом вели ожесточённые военные действия, ассоциируется всё иностранное.

Глаголы *джеркотать / жеркота́ть, шурча́ть* употребляются и для характеристики непонятной, невнятной речи. Значения ЛЕ являются переносными, образованными на базе прямых 'журчать' и 'шуршать' соответственно. Особенности

дикции также получают лексическое выражение в следующих глаголах: *белебэнить* ‘болтать, говорить неразборчиво’, *варнякать* ‘говорить непонятно, коверкать язык’, *гундэть*, *гундычить* ‘говорить в нос’: *А вин билибэнит, я никагда ни панимаю* (Ладож.). *Гаварылы па-хахляцьки, ни могли па-руськи. А варнякалы так – смиялысь усэ. Вышла за казака – стала харашо гаварить* (Батур.). *Та я учэра трохы простыв, так тэпэр оцэ и гундю* (Новокорс.). Говорящего в нос называют однокоренными ЛЕ *гундосливый, гундосный, гундявый, гундя*: *Гундосливый, аш протывно* (Крыл.). *Шо у тэбэ голос гундосный?* (Пласт.). *А ций Крынышний был гундявый* (Новопласт.). *Оцэ вона така гундя, гундоса тётка* (Новомалорос.). В эту же ЛСГ входят фонематические варианты *го(у)монить* (*гомон* ‘гам, шум’, укр. *гомін*; *гомонить* ‘кричать, шуметь’, укр. *гомоніти*): *Шось вони гомонять пид викном?* (Азов.). Отметим, что приставочное образование *погомонить* зарегистрировано в местных говорах уже в другом значении: ‘побеседовать, поговорить’: *Пайдёш к сестрэ, пасидиш, пагаманиш* (Арх.).

Для номинации человека с дефектом дикции, используют существительное мужского рода *недоговыр* и существительное общего рода *развэза*: *Так у свахы сын був нэдоговыр, заикався* (Марьян.). *Ана развэза, ну картавая* (Надёж.). Первое имеет прозрачную внутреннюю форму. Второе является локализмом (в СРНГ имеет помету Юго-Вост. Кубани, 1049 – 1951 [СРНГ, 33, с. 283]). Отметим, что Б.Д. Гринченко фиксирует слово *розвэза* без точного толкования, оставляя его под вопросом: *Разиня?* [Гринченко, IV, с. 34]. Того, кто заикается, характеризует прилагательное *заикуватый*: *Хлопчик злякався и став заикуватый* (Азов.). Значение ‘шепелявый’ актуализируют однокоренные ЛЕ, образованные на основе звукоподражания, – *сюсюкало* и *сюсявый*: *Он сюсюкала, я йиво ни панимаю, кагда он гаварить* (Новолаб.). *Такой сюсявый хлопци, ни паймёш, што гаварит* (Кавказ. – СГК). В ст-це Челбасской записано УС *як в рот кашы набрать*, относящееся к человеку, который говорит невнятно, непонятно произносит слова: *Шо мямлыш, як в рот кашы набрав*. Для характеристики несвязной, обрывочной речи используется наречие *сры́вками*: *Если бы вам фсе рассказать, а эта так, сры́фками рассказываю* (Арх.). Значение ‘научиться правильно говорить,

исправить дефекты речи' выражается глаголом *вы́гавкаться*: *Я Инки кажү: пана, знáши, как заикáлся? Вин вы́гавкался са мно́ю* (Бород.). *А тоді вжэ я вы́гавкалась: ста́ла хорошо́ бала́кать* (Новопавл.).

Акустическая сторона речи отражается в глаголах со значением 'говорить громко, кричать (крикнуть)'. Это ЛЕ *гы́ркать* (*гы́ркнуть*), *зя́пать*, *шумéть* (*пошумéть*): *Ба́тько як гы́ркнэ, так воні срáзу розбига́юця* (Новокорс.). *Нáчал он зя́пать да на по́маць звать* (Воронеж.). *Рас шумлю́ сваю́ казү: «Свéта, Свéта!» А у сасéдий дóчка Свéта. Ані и спра́шывають: «Чего́ шуміте на́шу Свéту?»*. *Я гаварю́: «Я казү́ иска́ю»* (Андрюк.). Глаголы *телебéнить*, *растелебéниться* реализуют значение 'много и громко говорить': *Шо ты тилибéниш? Растилибéнился* (Упор.). Значение 'громко, много говоря, заставить замолчать других' актуализирует глагол *перебала́кать*: *Та йши́ нэ пэрэбала́каши. Вона́ така́ цика́ва ба́ба* (Марьян.). Для номинации человека с громким голосом носители диалекта используют прилагательные с прозрачной внутренней формой: *горла́тый*, *горлопа́стый*, *звяку́чий* / *звягу́чий*, *крика́стый*, а также существительное *горлопа́й*: *Муш у миня́ гарла́тый был, а я тíхая* (Андрюк.). *Я мальца́ помы́ла, заку́тала у простыню́, а він такы́й гáрный, горлопа́стый вы́шыл, якых свит ны видывал* (Незайм.). *Я так и кажү ей: «Ну шо ты така́ звяку́ча? От тибя́ му́жу о́ддыху нет!»* (Васюр.). *Ну крика́стая у Васыля́ ба́ба!* (Пашк.). *Ах ты, горлопа́й! Шо тэ́бэ бiльшэ усіх на́до?* (Челбас.). Слово *бугáй* в ст-це Передовой употребляется в локальном переносном ЛСВ 'о мужчине с громким голосом', имеющем ироническую коннотацию. В ст-це Старомышастовской записано УС, характеризующее человека с громким голосом, – *торохты́ть як пустá(я) макы́тра* (*макы́тра* 'глиняный горшок'). УС *звягу́чий как звоно́к* (Новопокр.) служит для характеристики человека или животного со звонким голосом. Приведём в записанных контекстах синонимичные глагольные ДФЕ, актуализирующие значение 'поднять крик': *У моста́ як розирвэ́ця бо́мба, мы як кры́ку наробы́лы* (Бриньк.). *Шо ты горля́нку раскры́в? А ну замовчи́!* (Крым.). *Ва́лька ёсли раззя́вит рот, так на вагза́ли слы́шна* (Усть-Лаб.). Громкую речь номинирует диалектизм *га́лда* – структурный вариант общенародного

существительного *галдѣж*: *Я засну́ла. Чу́ю: гáлда у на́с у хáти, оны́, ниру́сски вси, зибра́лыся. Ох, як я боя́лась* (Новопавл.). Значение ‘громко, не своим голосом’ выражает адвербиальная ДФЕ на востóчный гóлос: *Шо ты арѣиш на вастóчный гóлас?! Дитѣй разбу́диши* (Мост.).

Глаголы *бубонѣть, шепотѣть* (*пошепотѣть*) означают ‘говорить шёпотом’: *Ля́жым спать, я Матю́шы расскáзываю, как я ф Краснада́ри рабо́тала. А Дѣма: «Хва́тит вам бубанѣть, спи́ти!»* (Мек.). *А воны́ шось пошыпотѣ́лы-пошыпотѣ́лы. А я ду́маю: шось вонó нэ тэ́ вонó* (Гривен.). У прилагательного *шепеля́вый* зарегистрирован ЛСВ ‘говорящий тихо’: *Ну, шо ты такой шыпиля́вый? Не слы́шно совсі́м* (Васюр.). В ст-це Константиновской зафиксировано наречие *шепетли́во*, представляющее собой структурный вариант литературного слова *шёпотом*: *А вонá так шыпитли́ва гавари́ла.*

Темп речи находит лексическое выражение в глаголах *пороци́ть, трындѣть* ‘быстро и настойчиво говорить’: *Нэ пороци́, тэ́бэ нэ пэрэслу́хаиши* (Новокорс.). *Та ни трындѣ́ ты, абъя́сни то́лкам* (Усть-Лаб.). В значении слов *балабо́ни(ы)ть* (то же, что *балаболить*), *балдо́нить* выявляется дополнительная дифференциальная сема ‘непонятно’: *Шо вонá там балабо́нить?* (Старомыш.). *Шо ты балдо́ниши, гавари́ мэдли́нна* (Родник.). Значение ‘быстро позвать’ реализуется в глаголах *гукну́ть, тю́кнуть, шумну́ть*. Суффикс –НУ– в кубанских говорах, как в ЛЯ, – единственный продуктивный суффикс со значением совершенного вида. Присоединяясь к глаголам несовершенного вида, он так же, как и в общенародном языке, может указывать на мгновенность действия. Быстрый темп речи в большей степени характерен для женщин, отсюда функционирующее в говоре существительное *трындычи́ха* ‘женщина, которая говорит быстро’: *Ва́лька – трындычи́ха. Ну бы́стро бала́кае* (Васюр.).

Разнообразны ЛЕ с общим значением ‘пустословить, болтать / наболтать’. Среди них достаточно много ЛЕ, имеющих пейоративную оценку. Приведём их в записанных контекстах: *Шо бази́каиши? Хва́тэ тоби́ бази́кать, иды́ до до́му* (Ленинград.). *Я жду, а вин там остано́вы́вся и базя́кае* (Платнир.). *Вин вчѣра звонь́в, баёды́в. Баламу́т* (Старотит.). *Как начнё́т балабе́ндить, с ума́ сайдѣиш*

(Пашк.). *Вáлька, хвáтить балабóкать, тибя́ ни пи́рслухаиш* (Усть-Лаб.). *Балдо́нит и балдо́нит! Да замалчи́ ты! Паслу́хай, шо тибé гаваря́т* (Пашк.). *Хвáтэ языко́м ля́цкать* (Курч.). *Вона́ тарóче и тарóче* (Бузин.). См. также ДФЕ: *бить языки́, би(ы)ть языко́м по зубáм / язы́к о зу́бы би(ы)ть, звя́кать языко́м, кудкуда́хтать языко́м, ляля́кать-баля́кать, молотить языком, пина́ть языко́м, плеска́ть языко́м, стеба́ть языко́м, хло́пать языко́м*. Проиллюстрируем их отдельными примерами: *Пéнсию на копийку доба́вять, а йязыки́ бьютъ* (Тихорецк). *Бы́ть языко́м по зубáм лё́гка, а ты ди́ло робо́ы* (Елиз.). *Йим бы то́ка язы́к о зу́бы бить. Ло́дари* (Пашк.). *Ба́бам лиж бы кудкуда́хтать языко́м* (Усть-Лаб.). *Я вам ляля́кала-баля́кала, аш уста́ла* (Копан.). *Хвáтэ вам языко́м плэ́ска́ть* (Новотит.).

Объём речи находит лексическое выражение в словах *набала́кать, наказáть*: *Набала́кала я вам ци́лый ко́рап!* (Бород.). *Я вам наказáла Бох зна́е чиво́: и в пэрэ́т и в зат* (Ахтаниз.). Глаголы *набульжы́ть, набурляни́ть, наварня́кать, наля́цкать* означают ‘наговорить, наболтать чепухи’: *Зи́нка, ана́ вам набурляни́т* (Арх.). *Я вам щас набульжу́, вы лучи́шы иди́ти к кварта́льному, он вам гра́матна расскáжыт* (Арх.). – *Энта вам, де́вачки, наварня́каит*. – А что значит «наварнякает»? – *Ну нагавары́т, мно́га нарасскáзуеть. Малча́ть ни буди́ть* (Перед.). *Вона́ наля́цкала, а вы нэ слу́хайтэ* (Курч.). К ним примыкает ЛЕ *га́лькать*: *Ана тибé буди́т га́лькать, ни пи́рслухаиш* (Воздвиж.). Аналогичное значение у имеющих широкий ареал ДФЕ *набала́кать ~ со́рок бо́чек ареста́нтов, семь мешко́в греча́ной шэ́рсти / во́в(л)ны́, разбреха́ться язы́ками*: *Ой де́вачки, набала́кала я вам со́рак бо́чик ариста́нтаф* (Старотит.). *Та вона́ вам набала́кае семь мишко́в грича́ной шэ́рсти чи вовны́* (Новотит.). *Ба́бы разбриха́лись язы́ками. Шо с йих взять, ба́бы* (Пашк.). ФСГК фиксирует в Крыловском и Мостовском районах края ДФЕ с аналогичным значением *натарато́рить сто бо́чек*. Значение ‘всё, целиком (знать, рассказать)’ актуализируют устойчивые выражения *до ка́нцу(ю)ра, от Тамани до Рязани*.

Объём и темп речи актуализируют структурные варианты *распетю́кивать, распутёкивать* и глагол *рассусёкивать* (ср. в общенародном языке:

рассусоливать) ‘говорить долго и медленно’: *Ско́ка мо́жна распитю́кивать, фсе́ и так паня́тна давно́* (Усть-Лаб., Арх.). *Вона́ як начнэ́ распутёкивать* (Старотит.). *Вин позвоньёв, но я з ным до́вго ны рассусёкивала* (Старотит.).

Значение ‘поддерживать беседу, разговор’ выражает ДФЕ *бесёды наводи́ть*: *Я с ва́ми ни бу́ду бисе́ды навади́ть* (Каладж.). ФСГК приводит устойчивое выражение *на зуба́х* ‘постоянно всеми обсуждается, служит предметом разговора’. Глаголы *забала́каться, разбала́каться, пробала́кать* и ДФЕ *схлестну́ться язы́ками* имеют значение ‘провести какое-л. время, обычно долгое, в разговорах’: *Ну вы́шла и забала́калась с соси́дкой, так ы ны зами́тылы, як простоя́лы час* (Елиз.). *Разбала́калась я с табо́й, а скати́на ни ко́рмлина* (Желез.). *Мы ужэ́ час пробала́калы* (Гривен.). *Ну всё! Ба́ба Ната́ша с тёткай На́тькай схлестну́лись язы́ками. Типе́рь прастая́т на углу́ два чиса́* (Пашк.). Нейтральный глагол *перебала́кать* означает ‘обменяться мнениями, коротко поговорить’: *А оны́ ужэ́ пэ́рэбала́калы, шо ма́льчика назову́ть Ки́рюша* (Гривен.).

ЛЕ *добала́кать (добала́кивать), доказáть (доказыва́ть), добрехáть* реализуют значение ‘договорить, досказать’: *За́втра, дивча́та, дабала́каим* (Дин.). *Ну я пэ́рэпутала усё, на́до ж бы́ло ужэ́ доказáть за ба́тюшку, за отця́ Михаи́ла...* (Ахтаниз.). *За́втра я вам дабрэшу́, сёдни вжэ́ уста́ла* (Елиз.).

Носители южнорусских говоров негативно относятся к многословию. В записях диалектной речи, сделанных на Кубани, часто встречаются высказывания, в которых осуждаются пустые разговоры как время, проведённое без пользы, когда приостанавливается хозяйственная деятельность: *Хва́тэ вам бази́кать! Пора́ ди́ло робы́ть* (Старотит.). *Хва́тэ языко́м ля́цкать, иды́ть робы́ть* (Курч.). *Хва́тит тибé балабэ́ндить йирунду́: пириры́ф ко́нчился* (Некрас.). *Разбала́кались мы с ва́ми, а де́ла стаи́т* (Родник.). Широко бытует на Кубани выражение *бога́то бала́кать, та ма́ло слуха́ть* ‘о пустых длинных разговорах, не заслуживающих внимания’: *На собра́нии выступá: бага́то бала́кать, та ма́ло слуха́ть* (Старомыш.). Значение ‘разговор не по существу, пустая болтовня’ актуализируют существительное *теребэ́нь* (Новолаб.) и обладающее внутренней рифмой устойчивое выражение *ши́ры-пы́ры-растопы́ры* (Арм. – ФСГК). В корне

диалектизма *теребень*, которое, по всей вероятности, является производным от глагола *телебенить*, наблюдается замена согласной фонем <Л> на согласную фонему <Р> (взаимозамена этих фонем характерна для кубанских говоров, см., напр.: *гру́да – глúда, пры́гать – пльы́гать, прору́брь – прóлубь* и др.).

Иронический оттенок имеют ЛЕ со значением ‘пустомеля, болтун’: *балабо́н* (переносный ЛСВ возник на базе первого значения диалектизма ‘колокольчик’), *пу́стомлы́н* (локализм, где вторая часть слова *млын* ‘мельница’; ср. с общенародным *пустомеля*), *трепа́к* (ср. с общенародным *трепач*), существительные общего рода, обладающие прозрачной внутренней формой, *лепа́тя* и *транда́*. Приведём их в записанных контекстах: *Ну и балабо́н ты, Ми́шка. Када́ ты сурьёзным ста́ниши?* (Усть-Лаб.). *Та вин пу́стомлы́н, пу́стоме́ля* (Смол.). *Ой! Трэпа́кы собра́лыся* (Ахтаниз.). *Ба́ба така́ лэпа́тя, шо ны пырыслу́хаиш* (Старотит.). *Ще та транда́: трынди́т и трынди́т* (Васюр.). Болтливую женщину называют *балаку́шка* (ср. с лит. *болтушка*): *Прыхо́дэ в го́сты яка́-нэбу́дь балаку́шка, с нэй на́до сэди́ть до́вго, а хозяйки́ ніколы* (Старотит.). Нейтральное значение имеют также диалектные словообразовательные варианты *балаку́н*, *бала́кальщик* и существительное *говору́ха*, у которых в определённых контекстах появляется оттенок одобрения: *Вин такы́й балаку́н, шо прыя́тно послу́хатъ* (Марьян.). *У мэ́нэ кум – хоро́шы́й бала́кальщик* (Пласт.). *Ана́ така́я гавару́ха, фсе́ раскда́жыт: зна́ит и па́пушку, и де́душку* (Арх.). РГК фиксирует локализм *перебе́нд* ‘балагур, шутник’ (Дах.). В смоленских говорах функционируют однокоренные слова *перебендивание* ‘Праздные разговоры, болтовня’, *перебендивать* ‘2. Вести праздные разговоры, заниматься болтовнёй’ [СРНГ, 26, с. 24]. Оттенок пренебрежения имеет существительное *брындохво́ст*, которым называют не только излишне болтливую человека, но и разиню (Зассов. – РГК).

Разговорчивого, болтливую человека номинирует целая серия имён прилагательных: *балабо́льный, балаку́чий, бала́кчивый, ба́сливый, болту́чий, ва́жгий, гово́ристый / говоры́стый, молви́стый, разгово́рчатый, речли́вый*: *У мэ́нэ саси́т ну такы́й балабо́льный* (Пласт.). *Ну ф свати́ абы́чна выбыра́ють такы́х,*

балаку́чих, шоб булы́ (Привольн.). *Якый́ вин бала́кчивый!* (Петров.). *Ох ы ба́сливый я в мо́ладасти был: усé дэ́вки на менé загля́дывались* (Некрас.). *Болту́чий каля́кае и каля́кае* (Ленинград.). *Люблю́ я таких ва́жных, сло́ваахо́тливых* (Ладож.). *А дэ́т гаво́ристый, ни ти́рису́шаиш* (Новобейсуг.). *Ну гавары́стый* (Пласт.). *Вин був мовли́стый, га́рный хло́пчик* (Смол.). *У миня́ ба́пка така́ була́ разгаво́рчата* (Новолаб.). *Иды́ть до сосéтки, вона́ ричли́вая* (Старощерб.). Все приведённые прилагательные употребляются как нейтральные или с оттенком одобрения, кроме ЛЕ *балабо́льный*, имеющей иронический оттенок. Прилагательное *щекова́тый* словарь РГК подаёт с толкованием ‘болтливый’, приводя следующий оправдательный пример: *Ча́ста прихаді́ла щикава́тая сасéтка* (Никол.). Иллюстрация является недостаточной для выявления точного значения слова и его эмоционально-оценочной характеристики. Сомнения возникают из-за того, что в словаре В.И. Даля приводятся однокоренные прилагательные *щекáтый, щекáристый* «бойкий на словах, сварливый, вздорный, бранчивый» и глагол *щекáтить* «часто браниться, ссориться, вздорить, настаивая на своём» [Даль, 4, с. 653]. Исследователи воронежских говоров толкуют прилагательное *щековатый* как ‘бранящийся со всеми без умолку’ [Занозина, Малыхина, 2009, с. 179]. Многослойность семантики данной ЛЕ допускает наличие двойственной коннотации, что вполне может распространяться и на диалектизм, зарегистрированный в кубанских говорах.

Значение ‘болтливый’ в кубанских говорах актуализирует представляющее собой инновацию советского периода УС *балаку́чий як ра́диво*, которое имеет иронический оттенок: *У мэ́нэ соси́д балаку́чий як ра́диво* (Челбас.). Того, кто болтлив, говорит много лишнего, неодобрительно называют *сла́бый на вто́ры (в уто́рах)*: *Гляди́ ни гавари́ ей, бо ана́ на вто́ры сла́бая, прода́сть* (Новолаб. – дЧ.). Данная ДФЕ встречается и в донских говорах [см. БТСДК, с. 493]. На Кубани слово *вто́ры / (в)уто́ры* функционирует и в свободном значении ‘вырез, паз в нижней части бочки, в который вставляют дно’. Выражение пришло в диалект из языка бондарей (как известно, профессиональная лексика часто становится источником образования ФЕ). Словарь РГК фиксирует глагол *прозы́читься*

‘проговориться’: *Праязыччалась ба́ба пра дила́ сваі* (Брат.). Зарегистрировано устойчивое выражение, номинирующее язык как орган речи, – *до́вгый язы́к* (где *до́вгый* ‘длинный’; ср. с лит. *длинный язык*): *Шо ты робыш? Всэ симійство баламу́тыш своїм до́вгым языко́м* (Азов.). Аналогичное значение имеют и другие УС. Приведём их в записанных контекстах: *Та иды́ть, ця ба́ба вам усэ роска́жэ. Есть такы́ ба́бы, шо язы́к як мэ́льныця* (Новотит.). *У э́тай тётки Ва́льки язы́к как у саба́ки хвост: мэ́лит им шо папа́ла* (Пашк.). *В тэ́бэ язы́к як у соба́кы хвист* (Старомыш.). *У тэ́бэ язы́к як прищэ́плин на биче́вице* (Бород.). См. также УС *рот шы́рше воро́т*: *У нэ́й рот шы́ршы воро́т. Як начнэ́ роска́зывать, так ы до зэ́втра ны роска́жэ* (Старомыш.). Отрицательную коннотацию имеет ДФЕ *в(у) рот не влэ́зешь* ‘не переговоришь кого-л.’: *Тако́й в рот ни влэ́зиш, ты ей сло́ва, а анá тибé – два́цать* (Мост.).

ФСГК приводит зарегистрированную в Мостовском и Лабинском районах, а также в Армавире ДФЕ *язы́к поверну́лся* ‘кто-л. сказал то, что сказать трудно, невозможно, неудобно’ (ФСГК).

Положительной оценочной характеристикой обладают устойчивые выражения *язы́к подвя́занный*, *язы́к как на верёвочке*, *у́мный на язы́к* ‘о человеке, умеющем правильно и убедительно выражать свои мысли’: *Ната́шка у на́с тут сла́выцца. Ну така́ у́мна жэ́нщина, два вы́шшых абразова́ния, язы́к па́двя́занный* (Шапсуг.). *Пра́внук о́чинь у́мный ма́льчик, язы́к как на ви́рэвачке* (Твер.). *Ты, кажэ́, у́мна на язы́к, а нэ́ ба́чиш, шо вин тоби́ зробы́в* (Бриньк.). Одобрительной коннотацией обладает выражение *ска́же як влі́пе* (Старотит.), называющего того, кто не лезет за словом в карман, меток в выражениях. В ст-це Бриньковской это экспрессивное УС несколько модифицировано – *ка́же як в гла́з влі́пе*. Оно номинирует человека, не боящегося говорить правду в глаза: *Она́ така́: ка́жэ як в гла́с влі́пэ. Шы́пта́цца нэ́ бу́дэ*.

Для номинации человека, который легко вспоминает прошлое и рассказывает о нём, используется УС *як / как / як на́че с Би́блии чита́е(т)*: *Ты ей спросы́, вона́ всэ зна́е, и дово́еннэ. Вона́ як на́че з Би́блии чита́е* (Белик.). Двойственную – одобрительную и неодобрительную – оценочность имеют ФЕ *от*

семі собак отбрéшется, палец в рот не закладай, относящиеся к тому, кто способен словесно за себя постоять. Ср. записанные контексты: *Ты, Ніна, за Вітьку ни пирижывай. Он у той Масквё ни прападёт, он такой хлопцы, шо ат симі сабак адбрéшыцца, сябя в абіду ни дасть* (Пашк.). – *Та ана така гавкуча баба: ат симі сабак адбрéшыцца* (Пашк.). *Ана цыкавая, ей палиц в рот ни закладай* (Ильич). Следует отметить, что числительное в составе ДФЕ может варьироваться, см., напр.: *от ста собак отбрéшется* (Усть-Лаб.).

В разных значениях и соответственно с различной оценочной характеристикой функционирует в местных говорах украинизм *цикавый*. В словаре украинского языка прилагательное имеет следующее толкование: ‘1) *прил.* интересный; любопытный; занимательный, *разг.* занятный (увлекательный); 2) *прил.* (проявляющий или выражающий интерес к чему-н.) любопытный; любознательный (только о людях); пытливый; 3) *сущ.* любопытный’ [НУРРУС, с. 296]. На Кубани в одних станицах его употребляют для номинации человека, умеющего много и хорошо говорить (ЛЕ выступает синонимом-дублетом прилагательного *балакучий*): *Та сусідка у мэнэ цикава, ото як зачнэ балакать. Ну балакуча* (Нововелич.). В говоре других станиц ЛЕ обладает неодобрительной коннотацией и означает ‘язвительный, чересчур острый на язык’: *Вона така цикава, йши сто собак ны пэрэгавкають* (Марьян.). Соответственно бытующее в местных говорах выражение *цикавый на язык* обнаруживает два значения: ‘1) *одобр.* красноречивый (как и в украинском языке)’ и ‘2) *неодобр.* язвительный, чересчур острый на язык’. Отметим, что у прилагательного в местном диалекте выявлены также ЛСВ ‘бойкий, смелый’ (данный ЛСВ фиксирует Б.Д. Гринченко [Гринченко, IV, с. 431]) и ‘хитрый, изворотливый’: *Дужэ ты цикавый, дывысь, ны споткнысь* (Новокорс.). *Вин до того цикавый – любого обдурэ* (Новокорс.).

Внешний облик прилагательного *перцюватый* (суффикс -УВАТ(ЫЙ), мягкое [Ц’]) сближает его с украинизмом. В украинском языке действительно функционирует глагол *перцювати* ‘1. Очень энергично что-л. делать, чего-л. требовать. 2. Делать строгий выговор, ругать’ [Гринченко, III, с. 147]. Записанный

контекст позволяет выявить у слова значение ‘язвительный, острый на язык’: *Дет пирцюватый – на язык ни пападайся* (Пашк.). Представляется, что употребление лексемы в данном значении обусловлено её прозрачной внутренней формой (ср. с сущ. *перец*).

В активном словаре носителей местных говоров находится глагол *брехать*, имеющий в МАС пометы «*обл. и прост.*» и зафиксированный в двух ЛСВ: ‘1) лаять; 2) врать, говорить вздор’ [МАС, I, с. 138]. На Кубани эта лексема имеет также дополнительное значение, обладающее положительной коннотацией, – ‘рассказывать занятные истории, побасенки, анекдоты’ (ср. с однокоренным существительным *побреханька* ‘шуточный рассказ, анекдот’): *Ну шоб, дивчата, много я вам сёдни набрэхал? Ващи вчитэля будуть довольни чи ни?* (Ахтаниз.). Существительное *брэхни* употребляется и в значении ‘новости’: *Прыйшла до вас за брэхнямы* (Николаев.). Однокоренное прилагательное *брехли(ы)вый* в местных говорах означает также ‘болтливый, разговорчивый’. Аналогичное значение и ироническую оценочную характеристику имеет УС *брехли(ы)вый як / как сорока*, эквивалентное лит. *болтливый как сорока*. Положительной коннотацией и прозрачной внутренней формой обладает УС *брехливыи як староста*, где семантический диалектизм *староста* означает ‘сват’, на роль которого приглашался разговорчивый, остроумный мужчина: *Ой! Да вин брехливыи як староста, с ним ни саскучишся* (Пашк.).

Значение ‘рассказывать небылицы’ выражает ДФЕ *брэхни тачать*: *На пёчку залезим усё: мать чулки вяжэ, а мы сёмячки щёлкаим и брэхни тачаим* (Арх.). Данная ДФЕ имеет структурный вариант *прихотни тачать*: *Как начнёт он эти прихатни тачать* (Каладж. – дШ.). Существительное *прихотни* СРНГ регистрирует как локализм со следующим толкованием: ‘ложь, враньё’ [СРНГ, 32, с. 52]. В словаре РГК приводится несколько иное толкование – ‘прибаутка’, см. контекст: *Другие люди и прихатни знают* (Вост.). Вероятно, ЛЕ обладает диффузной семантикой и означает ‘враньё, небылицы, прибаутки, шуточные рассказы, анекдоты’, как и лексема *побреханька*. М.Н. Шабалин приводит ещё один иллюстративный пример: *Он на прихатни здоровай* (Отваж. – дШ.), в

котором зарегистрирована ДФЕ, характеризующая человека, способного как приврать, так и развеселить метким словом. В ст-це Старомышастовской записана ДФЕ *роска́зывать про рогáту(ю) соба́ку: И пишо́в про рогáту соба́ку роска́зывать – цэ значить брэхáть*. Широкий ареал имеет на Кубани ДФЕ *на вёрбе гру́ши ‘небылицы, сплетни’*. Выразительный эффект у этих двух выражений возникает за счёт алогичности компонентов, создающих, по образному определению В.М. Мокиенко, «климат невозможности» [ср. Мокиенко, 2009, с. 317]. ФСГК регистрирует в аналогичном значении ДФЕ *сон ста́рой / белой кобы́лы*. Докучная сказка «– Рассказать тебе сказку про белого гуся? – Расскажи. – Биле[э] гуся, пух – тай уся» трансформировалась в две ФЕ: *расска́зывать ска́зку про бе́лого гуся́, ска́зка про бе́лого гуся́*, синонимичные известным и в говорах, и в ЛЯ ФЕ аналогичного происхождения *рассказывать сказку про белого бычка, сказка про белого бычка*. Зафиксирована также ДФЕ *хымыны гуси ‘выдумки, враньё’* – вариант устойчивого оборота *хымыны куры*, в состав которого входит имя собственное, принадлежащее некой тёте Химе, торговавшей на одесском рынке битой птицей. В.П. Чалов приводит шутливый оборот, служащий для выражения сомнения в правдивости чьих-л. слов, – *черкэ́сский бу́йла хоро́ший: Некра́совка ныря́л – Тенги́нка вы́нырнул*. Выражение родилось в результате наблюдений над речью кавказцев-билингвов, не вполне овладевших РЯ [Чалов, 1981, с. 84 – 85].

Полисемичный глагол *дражні(ы)ть* – фонематический вариант общенародного *дразнить* – актуализирует два значения ‘1) дразнить; 2) давать обидные прозвища’: *Ныльзя́ дражніть соба́ку – уку́суть* (Смол.). *Миня́ рибя́ты «Ива́нам ры́жым» дражніли* (Воздвиж.). *А ще́ брат мэ́нэ дражні́в «коса́ Гонча́рка», бо у нас бу́ла ба́бушка че́рээ ву́лицю, а фами́лия бу́ла Гонча́рка, и бу́ла вона коса́ на обо́йи о́чи* (Запорож.). Фонематические варианты *при(ы)дражні(ы)ть / при(ы)дражні́(ы)ть* ‘прозвать, дать кличку’ имеют в кубанском диалекте словообразовательный вариант *пыддражні(и)ть*: *Мы сасе́да придражні́ли – ко́сый* (Ярослав.). *Бра́та придражні́ли – ры́жый, патаму́ шта во́лас ры́жый* (Усть-Лаб.). *Заве́дущий ми́хто́ком у нас був, дражні́лы ёго Худэ́ Са́ло. Пыддражні́лы ёго давно́ Худэ́ Са́ло. Худы́й-худы́й вин был. Проты́вный до ужаса!* (Гривен.).

Глаголы *дратува́ть*, *ра(о)здратува́ть* означают ‘дразнить / раздражить, выводить / вывести из себя’: *Ходы́лы: ны так посива́лы, бильшиэ соба́к дра́тува́лы* (Старотит.). В ст-це Гривенской записан глагол *перекриви́ть* ‘передразнить’: *Внук став заика́ця, а колы́сь де́душка взял та и пэрэкриви́в ёго. Як вин, бедни́нький, пла́кал.*

ЛЕ *гло(у)зува́ть* актуализируют значение ‘подтрунивать, подшучивать’: *Шо ты з ба́тька глосу́йши?* (Новокорс.). *Хва́тэ вам над йи́м глусова́ть* (Старотит.). Их синонимом является глагол *шутку(о)ва́ть* (словообразовательный вариант лит. *шутить*): *Дядя пришо́л и ка́жэ: «Иды́, прии́халы сваты́!» Я ду́мала: шутку́е* (Бол. Бейс.). Наречие *скли́зко* ‘скользко’ в ДФЕ *шути́ть скли́зко* реализует локальное переносное значение ‘двусмысленно’: *Ты сматри́, скли́ска шу́тиши, каг бы пло́ха не́ была* (Новолаб.). Глагол *обла́ять*, кроме ЛСВ ‘обругать’, употребляется в значении ‘обсмеять’ и имеет шуточный оттенок: *И вот чисту́шки спива́лы: дру́шки на боя́рив, боя́ры на дру́жэк, на сва́шэк, хто каго́ сильне́й обла́е, хто каго́ пэрэспива́е* (Дин.). Значение ‘говорить колкости’ выражает глагол *шкилевáть*: *И дава́й шкилива́ть над па́рнем* (Ладож.).

Отрицательную оценку содержат глаголы с общим значением ‘сплетничать, клеветать’, характеризующие речевые действия, направленные на других лиц. В местных говорах это диалектизмы *гудить / огудить* (ср. с укр. *гудити* ‘хулить’), *красы́ть, ма́зать, обрѣхивать* – ‘порочить, возводить напраслину’: *Ось я вам пра папа́ Якава расскажу́. Вин так каза́в: «Ни грѣх ку́шать у по́ст, а грѣх чилаве́ка агудить»* (Бород.). *За шо вона́ мэ́нэ красы́т?* (Старотит.). *Вона́ мэ́нэ ма́жыт, а сама́...* (Старотит.). *Хай ани́ абрѣхиваю́ть: к чистаму ни приста́неть* (Брат.). Первая ЛЕ относится к разряду устаревших. Глагол *красы(и)ть* обнаруживает межсистемную энантиосемию: в вологодских говорах он отмечен в антонимичном значении ‘хвалить’ [СРНГ 15: 176].

Существительные *брехо́вка, язы́чница* служат для номинации обманщицы, сплетницы: *Вот брихо́вка, та вы ей ни ве́рйти* (Пашк.). *Да ана́ така́я язы́чница, ни дай Бох* (Вост.). С аналогичным значением записана ДФЕ, равная по структуре предложению, – *Мо́тря идэ́, брэхню́ несэ́* (Старомыш.). Человека, который часто

говорит неправду, характеризует УС *не ступне́ як не сбрехне́* (Старотит.). Зарегистрированы также ДФЕ, актуализирующие значение ‘сплетничать (насплетничать)’. Приведём их в записанных контекстах: *Ті́кы ходо́ и во́зыкы во́зыть* (Старомыш.). *Ана́ ба́ба прати́вная: вы́пустить ра́ка из ро́та, ну спле́тню пу́стить, а все и паве́рили* (Усть-Лаб.). *Я нэ́ бу́ду, дивча́та, из ро́ту мазны́цю робы́ть. Я ны зна́ю: гуля́ла вона́ чи ни* (Дядьк.). *Та́ ім бы то́льки брэхни тача́ть, э́тим ба́нкам, апсужда́ть сасе́дий* (Арх.). *Жэ́ница у на́с адна́ была́, любі́ла тире́ть ушы, как ся́дит на ла́фки и дава́й* (Арх.). ДФЕ *чепля́ть соба́к* является вариантом просторечной ФЕ *вешать собак*: *Заче́м на ни́е чипля́ть саба́к. Ана́ ни винава́та* (Бород.).

Многозначная ДФЕ *в(у) ро́те че́рно* характеризует человека ‘1) способного к сглазу, порче; 2) вносящего разлад сплетнями и наговорами; 3) со вздорным, вспыльчивым характером’: *Матре́на каза́ла: «Яка́ ловка диты́на!» А я поду́мала: «Ходь бы ны згла́зыла!» А диты́на и забо́ліла. Ма́буть, у цэ́й Матре́ны у ро́ти че́рно* (Тополи). *Ты з нэ́ю ны свя́зуйся, а то́ у цэ́й ба́бы у ро́ти че́рно, и вона́ тэ́бэ́ поссора́ з мужыко́м* (Тополи). *Ты йши́ ны сва́тай, бо вона́ тэ́бэ́ зыи́сть. Лю́ди ка́жуть: «У нэ́й у ро́ти че́рно»* (Старовелич.). *Ира ны иди́ного ра́зу мині́ на́крыво нэ́ сказа́ла, а ши́ ма́тэ каза́ла, у нэ́и и в ро́ти че́рно, сканда́льна така́* (Колесник.). В аналогичном значении употребляется сложное прилагательное *черноро́тый* (чаще по отношению к женщине). Для номинации человека, склонного к сплетням и наговорам, служат также ДФЕ *че́рный рот, кля́тый на слова*: *Та ба́ба – че́рный рот. Как таки́х зимля́ но́сит* (Пашк.). *О, да она́ така́ язы́чница, кля́та на слова́* (Копан.). Лексическими диалектизмами являются структурные варианты *мото́лыга, мото́лыжник* ‘обманщик, жулик’: *Абма́неть, абду́рить – вот и есть матале́га* (Зассов.). *Та вин мото́лыга, ну брэху́н* (Смол.). Значение ‘обманывать (обмануть), вводить (ввести) в заблуждение, морочить голову’ выражают ДФЕ *крути́ть (закрути́ть) мозги́, обува́ть (обу́ть) в(у) ла́пти, мозги́ сака́ть*: *Не́чива мне мазги́ крути́ть. Я тибé ни ма́мка* (Пашк.). *Вы ба́нку мне в ла́пти ни абувай́ти* (Арх.). *До́вго ты мині́ ще бу́дэши мозги́ сака́ть?* (Гривен.).

Широко бытует на Кубани ДФЕ *мáзать сáлом на мусáлам* ‘не выполнять обещаний, вводить в заблуждение’: *Он то́лько мáжыт сáлам на мусáлам, а то́лку нет* (Пашк.). О любителе пустых обещаний в Славянском районе говорят: *оди́н рот на два обе́да* (ФСГК).

Общее значение ‘жаловаться’ реализуется в глаголах с корнем ЖАЛ –. См. записанные контексты: *Я попла́чу, а жа́лища не́кому, ма́мка далёко* (Желез.). *Хочь и тру́дно було́, но жылы́ и нэ жа́лылыся* (Старовелич.). *Я нача́льнику абжа́лилась* (Некрас.). *Жалковáть(ся): Ра́ньшэ, було́, йисть лю́ди жалку́юцца: та як ра́ньшы жылы́. А я ни люблю́. Чё жалку́йити?!* (Елиз.). *Я фсю жы́знь страда́ла и ни жа́лобилась* (Новолаб.). *Тады́ хулига́ноф мно́го дю́жэ було́, побыва́лы людэ́й. А лю́ды атама́ну иду́ть жа́лобыцца* (Марьян.). К перечисленным ЛЕ примыкают глаголы, имеющие оттенок пренебрежения, – *гунде́ть* (во втором значении) и *ски́глыть*: *Вона́ одно́ гунды́ть, шо грóщив нэма́* (Новокорс.). *Опья́ть Вэ́рка ски́глэ, шо жыву́ть бидно́* (Старотит.).

Значение ‘нашёптывать, ябедничать’ отражает ФЕ *висе́ть на (в)у́хе*: *Я зало́фки так сказа́ла: «Не́чива на ухи́ у ма́тири висе́ть»* (Усть-Лаб.).

Лексическими диалектизмами являются диалектные фонематические варианты (к)ла́ндать ‘упрашивать, уговаривать’: *Кла́ндал, кла́ндал – ничиво́ ни да́ли* (Зассов.). *Та ра́ньшы диты́шкы йи́лы, а щáс так ла́ндайиш: «Ку́шайти, ку́шайти!»* (Брат.) и *могоры́чить* ‘выпрашивать, кланчить’: *Уто́ як начнэ́ш мого́рычить вну́чку: «Поможы́, Ксю́ша, забóрчик покра́сить»* (Ахтаниз.). Значение ‘уговорить’ актуализируют глаголы *прыговори́ть* и *уге́пать*: *Кума́ говори́ть: «Дава́й попрóбуим. Мо́жэ, што полу́чицца».* *Мы ище́ одну́ прыговори́лы. И собра́лы хор* (Канев.). *И ото́ оны́ пять рас мэнэ́ сва́талы, аш на шысты́й рас ото́ мэнэ́ уге́палы* (Стародерев.). Второй глагол является синонимом разговорного *уломать* ‘убедить, уговорить с трудом’ [Ожегов, 1989, с. 679]. Однокоренной глагол *ге́пать* имеет в кубанских говорах значение ‘бить, колотить, ударять’. Появление данного переносного значения, вероятно, обусловлено ассоциацией диалектного *ге́пать* с общенародным *добиться* ‘достичь чего-н., получить что-н. после больших усилий или стараний’. Нейтральное выражение

просьбы в говоре ст-цы Архангельской передаётся глаголом *попросіть*: *Дэвушка, ёсли тибé што нада, наспрасі отák: «Присвятáя Багарóдица, памагі мне»*. Прозрачная внутренняя форма усиливает экспрессивность глагола *выгавкать* ‘выпросить что-л. путём постоянных просьб и напоминаний’: *Тры дня хади́ла да брыгади́ра, но выгавкала машы́ну ўгаль прывéсть* (Усть-Лаб.).

Две однокоренные лексемы имеют общее значение ‘выяснить что-л., узнать’. *Спытáть*: *Спытáй в батькá, чи вин на робóту зáвтра тідэ* (Нововелич.). *Обпытáть*: *Я найшла́ кошылэк. Так папáня опыта́в усіх сусэ́дий, чи я нэ вкра́ла* (Запорож.). ДФЕ *(в)удочкой заползáть* означает ‘осторожно выяснять что-л., разузнавать’ (ср. с общенародным *закидывать удочку(и)*): *Как приду́ с ахóты, дéти сасéцкии напрыска́чуть и усё вўдачкай запалзáють: што за вўтак я набрáл сёдни* (Орлов).

Значение ‘намекать’ выражает глагол *тю́кнуть*: *Тю́кни, шо е, шо вы́пить. Вин пры́йдэ* (Старокорс.). Широкий ареал имеет на Кубани варьируемое в речи диалектоносителей выражение: *навдога́д буря(а)кíв, шоб далы́ капу́сты / навдога́д буря(а)ка́, шоб далы́ капу́сту / надога́д бураку́, шоб дали капу́сты* ‘просить намёком об одном, желая получить и нечто большее’. Своим рождением оно обязано юмористическому рассказу о двух кумушках, одна из которых пришла занять у другой капусту и свёклу на борщ, но не решилась сразу озвучить свою просьбу. Только обсудив все новости, перебив косточки другой соседке, расположив к себе собеседницу, кума попросила *буря(а)ка* и тогда, получив положительный ответ, решилась попросить ещё и капусту. ЛЕ в составе оборота варьируются фонетически: оканье / аканье, твёрдое / мягкое произношение согласных перед гласными переднего ряда, что отражает живые фонетические процессы и в КГУЯО, и в КГЮЯО. Фонематическими вариантами являются существительные *бурак* – *буряк* (ЛЕ не имеют чёткой ареальной дифференциации), отличающиеся твёрдостью / мягкостью фонем: <P> и <P’>. Наречие *надогад* в местных говорах также имеет фонематический вариант *навдогад* (см. также *напростец(ь)* – *навпростец(ь)* ‘напрямик’). Наблюдается также грамматическое варьирование имён существительных: *буря(а)кíв* (форма

Р.п. мн.ч., характерная для КГУЯО) / *буря(а)ка́* /-у́ (форма Р.п. ед.ч. с флексиями –А / –У); *капу́сту(ы)* (флексии –У / –Ы).

Общей интегральной семой ‘позвать, созвать’ обладают глаголы *гукáть* (*погукáть*), *выгукáть*, *загукáть*, *иззывáть*, *нааукáть*, *нагукáть*, *наманы́ть*. Два последних имеют дифференциальные семы ‘многих людей’. См. записанные контексты: *Юля, погукáй ма́ты* (Азов.). *Я пажáрку вы́гукала, а то бы згари́лы мы усí* (Серг.). *Де́душка уважа́л ни́щих, яки́ ста́рцы ни прыйду́ть, усíх загукáйити и ко́рмить* (Старомыш.). *Паваивáли мы, изывáют нас аня́ть* (Александр.). *Нааука́й иё и бигóм бигí: мать ждет* (Отрад.). *Як хáту стрóилы? Гурто́м: нагукáлы ридню́, сосíдэй...* (Новоберез). *У свикру́хи динь рождéнья. Так вонá гостéй пóвну хáту наманы́ла, а убирáть минí* (Гривен.). Глагол *нагукáть* может выступать и как синоним глагола *погукáть*, см. записанный контекст: *Ба́бушки зроби́лось пога́но, нагукáлы хвэ́ршала, так ви́н ёли спас йи́и* (Азов.). В семантической структуре глагола *одгукáть* выделяются дифференциальные семы ‘заставить отойти куда-н.’: *Прыйíхав сикритáрь райко́ма, одгукáл миня́ у сто́рону и ка́жэ: «Рында́ленко, пойижжа́й в Ольгинскую»* (Бриньк.). У глагола *ла́ять* отмечен оттенок значения ‘громко кричать, звать’: *У мэ́нэ брат. Було́, прыхо́дять, ла́ют: «Парáшко! Парáшко! Дэ Андри́й?»* (Марьян.).

Значение ‘1) созывать (созвать) на работу или на собрание; 2) давать (дать) задание выполнить какую-л. работу’ актуализируют глаголы *зага́дывить* / *загада́ть*: *Муш быв бригады́ром у нас на хвэ́рми и ходы́в зага́дывав на рабо́ту* (Калуж.). *Була́ ма́ма. Она́ минí як загада́е рабо́ты: и шоп кукуру́зу пополо́ла, шоб доли́вки пома́зала* (Староджер.). См. также однокоренные ЛЕ *зага́дчик*, *зага́дчица*, номинирующие людей, исполняющих указанное действие.

Диалектные структурные варианты *обо(и)звáться* и глагол *озвáться* представляют собой словообразовательные варианты общенародного слова *отозваться*: *Слу́хаю: брат кричи́т. Я обизвáвся* (Бриньк.). *Па́шка, вну́к, уéхал и два го́да ни писáл. А ту́т я нивéстку спра́шиваю: «Ну што́, Тамáра, где Па́шка?» «Ой, ма, азвáлся»* (Арх.).

В активном словарном запасе многих местных жителей старшего поколения находится лексема *нагада́ть* ‘напомнить’: *Нагада́й мэні, шоб я мы́ла купы́ла* (Азов.).

Значение ‘договариваться (договориться) о чём-л.’ выражается ЛЕ *добала́каться, договáривать (договори́ть), ла́дить, сбала́каться*: *Ці́лу дорóгу йшли бала́калы, так ны до чёго и ны добала́калысь* (Азов.). *Я хаді́ла дагавáривала кран пачини́ть. Ездила я в Дане́цк за углём, паéхала, дагавари́ли машы́ну* (Арх.). *Раді́тили жынихá и нивéсты ла́дють а дéли, а нача́ли сва́дьбы* (Успен.). *Збала́калысь з нэй на за́фтра* (Елиз.). О человеке, с которым невозможно договориться, говорят: *пы́ва не зва́рышь* (ср. с общенародной ФЕ *каши не сварить*): *Вин ка́жэ: «Шо за дівчина?» А рибя́та ка́жуть: «Та, то дівчина така́, шо з нёю пы́ва ны зва́рыш. Вона́ – ны патхади́ ныхто́»* (Старотит.).

Значение ‘настойчиво требовать (вытребовать), насильственно овладевать (овладеть) чем-л.’ актуализирует ДФЕ *рвать (вырвать) из ро́та / со рта́*: *Ана путёфку у са́дик пацану́ с ро́ту вы́рвала* (Пашк.). В аналогичном значении в форме совершенного вида употребляется глагол *выгавкать*: *Пёнсии даби́лась, а щас на́да сы́ну граждáнства вы́гавкать* (Каладж.).

Глагол *отрица́ться* ‘отказываться от своих слов’ записан в местной частушке: *Я калхо́зница, ни атрица́юсь я. Я люби́ть тибя́ ни сабира́юся* (Сувор.).

Зафиксирован семантический диалектизм *хва́лы(и)ться* ‘рассказывать о себе’: *Ну, мо́жэ, вона́ тоби́ хва́лылась, чёго дитэ́й нэма́* (Нововелич.).

Наряду с глаголом ЛЯ *поздравля́ть* в местных говорах функционирует его словообразовательный вариант – *проздравля́ть* (Убин.).

Для выражения приветствия носители диалекта используют диалектные глаголы *здоровка́ться (поздоровка́ться), поздра́вствоваться*: *Сыды́ть на ла́вочки бабы́, и вона́ сыды́ть. Я поздоровка́лась – вона́ молчи́ть* (Копан.). *Да́жы сты́дна, ёсли я ни паздра́ствуюсь са ста́рышым. Вот нильзя́ бы́ла ни паздра́ствава́цца са ста́рышым* (Арх.). Следует отметить, что если у донских казаков приняты определённые формулы приветствия с учётом времени суток (утреннее приветствие – *здорово ночевали*, приветствие во второй половине дня – *здорово*

дневали и т.д.) [см. Юрченко, 2008, с. 18], то у казаков Кубани особые старинные приветственные формулы не зафиксированы. На наши вопросы: «Не принято ли у кубанских казаков здороваться по утрам – *здорово ночевали?*», были получены ответы: «*Эта Дон*». «*Так то данцы*». «*У нас проста «здрáстувйти» кáжуть*». В ст-це Новощербиновской со слов её старожила, потомственного казака Д.А. Бехтеря, было записано приветствие, которое появилось уже в советское время: – *Слава труду!* – *Слава!* (произнося эти слова, здоровающиеся казаки пожимают друг другу руки). Значение ‘прощаться’ может выражаться глаголом *процевáться* – структурным вариантом слова РЛЯ: *На клáдбици с покóйникам пращивáюцца, а потóм у магíлку апускають* (Новопокров.).

Несколько ЛЕ относятся к обрядовой лексике. Это глаголы, номинирующие определяемое обрядом целенаправленное действие. Так, значение ‘причитать, исполнять обрядовый плач’ актуализирует слово *приговáривать*: *А кáк у йíх голóсють... Интирэсна. А у нас так ни голóсють. У нас приговáривають. А то голóсють ни па-культу́рному* (Новопокров.). Значение ‘лечить заговором’ выражается глаголами *приговáривать*, *шепта́ть* (*пошепта́ть*), *выше́птывать*, *заи́шептывать* (*заи́шепта́ть*): *Я ма́й баля́чки сама́ личу́, пригавáриваю* (Арх.). *Если дитё заболíло, иду́ до ба́нки шы́пта́ть* (Сев.). *Тут у нас годíв пять назáт, навэ́рно, бу́ла ба́бушка, выше́птывала балэ́зни* (Бород.). *Ба́нки заи́шептывали сиби́рку* (Арх.). Корневая основа существительных, называющих того, кто осуществляет обрядовое речевое действие, представлена морфемами ЧИТ –, ШЕПОТ –/ ШЕПТ – / ШЕПЧ –: *чита́ка* ‘1) чтец или чтица по покойнику; 2) знахарь, лечащий молитвами’, *чита́лка* ‘чтица по покойнику’, *шепоту́ха*, *шепту́ха*, *шепчу́ха* ‘знахарка’: *Когда́ покóйники умира́ют, хóдит чита́ка* (Новопавл.). *У бра́та бу́ла младе́нчиска. А дет у нас чита́ка був. Он накры́л бра́та платко́м и прочита́в мо́лыту* (Старотит.). *Ба́бушка у нас бу́ла чита́лка. Ходы́ла по покóйникам* (Новопавл.). *Шы́поту́ха от во́лоса помогла́* (Старощерб.). *Шы́пту́хи всяки малитвы знают* (Пашк.). *Понысы́ть до шепчу́хи, хай поше́пче мо́лыту* (Марьян.). ФЕ *выговáривать клáдку*, относящаяся к свадебному обряду,

означает ‘договариваться со сватами о размере приданого’: *Ну свати выговарюют клатку. Клатка – цэ прыданое* (Старощерб.).

В богослужебном дискурсе отмечено употребление глаголов *споведать*, *споведовать* и *споведаться*, *посповедовать* ‘исповедовать’ и ‘исповедоваться’ соответственно: *Мы идём у цэркву. Нас там бятюшка спавидаёт, патом причыщали* (Гейм.). *Поп начал спаведавать* (Вост.). *Хаділі у цэркву спавидацца* (Успен.). *Ані ужэ паспаведавалісь* (Александр.). Значение ‘отмаливать грехи’ актуализирует ФЕ *отдавать грехі*: *Пайдуть, ф цэркви грехі аддають. Бятюшка пытаіць: «Сыр ёла? Маса ёла? Грех! Грех! Грех!» Усі грехі атмалывалы* (Марьин.).

Записаны ЛЕ, служащие для выражения недовольства. *Бухтеть*: *Бухтійць и бухтійць, як дід старый* (Старомыш.). *Варнякать*, имеющий второе значение ‘ворчать’: *Наталь Ванна любыць варнякать* (Ейск). *Выказать*: *Хай вонá прыйдэ, я йшій всэ выкажу* (Старотит.). *Вычитать*: *Явицца дамоі – я ей вычитаю!* (Пашк.). *Звягать*: *Ни мójыць анá, штóбы ни звягать* (Кирпил.). СГК фиксирует лексический диалектизм *разбрундеться* (Новокуб.). К этой микрогруппе примыкают глаголы *сычій(а)ць*, развившие на базе прямого значения ‘шипеть (о гусях или змеях)’ переносное значение ‘говорить сдавленным от злости голосом’: *Вин на жінку так ы сычійць* (Новокорс.). *Хватить сычaćць на миня. Я ни винавата, шо ты апаздала* (Андрюк.). См. также УС *скры(и)пётць як немазана(я) гарба*, которое не только означает ‘выражать недовольство’, но и содержит акустическую характеристику речи: *Та вы нэ слухайтэ діда. Вин всэ скрыпётць як нэмазана гарба* (Старомыш.).

Для номинации сварливой женщины используются слово *забубіха* и УС *як тачіло* (ср. с общенародным *как пила*): – *Сусётка в миня забубіха такая!* – *Сварливая? – Да* (Вознес.). *Брат жынілся, жынка як тачіла* (Воронеж.).

Синонимом общенародного глагола *огрызаться* выступает глагол *отгыркиваться*: *Ты бы прамалчал, праявіл к старшым уважэние. Так нет, ты адгыркиваішся* (Пашк.).

Зафиксирован словообразовательный вариант глагола ЛЯ *винить* – *виновáтить*: *Некáва винавáтить, сам винавáтый* (Усть-Лаб.).

Гораздо шире в местном диалекте представлены ЛЕ со значением ‘ругать, бранить (выругать, выбранить)’. Приведём их в записанных контекстах: *О-ох! Вон минé балавáл, ой, сохрани́ Бох, памі́луй! И со́ня ты, и я ма́тири паéду расскажу́, што ты ни слухáиш, спиш то́льки. Ой, дядя Ми́ша, прасті́! А вон мині́ так балавáл* (Успен.). *Вин буруны́ть на Ирку, шо по́зно прыйшла́* (Усть-Лаб.). *А ну убывáйтэ, а то щас мать пры́дэ и вы́чиртуе* (Новопавл.). *Хвáтэ вам гарчэ́ть, надойі́ло!* (Старомыш.). *Простоволо́су рíтко побáчиш. Цэ ті́льки хто там до́ма, бі́ля пéчки, як жа́рко воно́ ш. Та й щé сві́кор нагарчíть: «Шо пáтли роспусты́ла!»* (Старомыш.). *Начáльник нáчал гарчáть. Я мовчу́* (Высел.). *Гры́ма на людéй* (Мих.). *Я ёго лáяла за пья́нку* (Стародерев.). *Якый рыба́к чéлови́чный, подывы́ця на тэ́бэ, тай даст ры́бы, а якый ще вы́лае, кáжэ: «Лáзитэ тут пид ногáмы!»* (Запорож.). *То вона́ ёго облáе, то вíн. Так ы жыву́ть* (Елиз.). *Прихóдить дамóй и на Зо́ю накаті́лась: начала́ Зо́ю ругáть* (Вост.). *На мэ́нэ сёдни ма́мка насвары́лась* (Азов.). *Мать миня́ рас так аччихво́стила, шо по́зна дамóй прыйшла́* (Пашк.). *Абідил он миня́ тагда́, сругáл да́жы* (Воронеж.). *Ана́ была́ камсамóлка, а дитя́ пакристи́ла, вот иё́ вы́звали на камсамóльскае сабра́ние и стригу́т: што́ ш ты за Бо́га, мы́ жы ни ве́рим в Бо́га!* (Арх.). Глаголы *буруны́ть*, *гарчэ́ть*, *гарчáть*, *нагарчэ́ть*, *лáять*, *вы́лаять*, *облáять* развили указанное значение на базе первичных диалектных значений в результате метафорического переноса. Ср.: *буруны́ть* ‘1) бурлить (о воде); 2) перен. шуметь, кричать’; *гарчэ́ть*, *гарчáть*, *лáять*, ‘1) рычать (о собаке); 2) перен. браниться’. Возможен и обратный процесс: на базе первичного значения ‘сильно отругать’ у глагола *разжурáвить* развился переносный локальный ЛСВ ‘безл. о заболевании диареей’ (СКГ); см. также общенародное выражение *словесный понос*. Словообразовательной базой лексемы, вероятно, является общенародное слово *журить*.

Глагол *дорекáть* актуализирует значение ‘укорять, упрекать’: *Вин дочку́ дорика́в, шо вона́ ма́ты ны послу́хала* (Медвед.). Структурным вариантом общенародного фразеологизма *есть поедом* ‘изводить бесконечными

замечаниями, непрестанно бранить' является ДФЕ *пóедом йисты: Вона́ нэві́стку пóидом йист* (Новодерев.). У лексического диалектизма *прать* 'стирать' зарегистрирован локальный ЛСВ 'подвергать недоброжелательной критике, ругать': *Сын пье. Вона́ (невестка) ужэ́ прáла, прáла сы́на: «Ты ш капіта́н, сты́дно пыть...»* (Хопёр.). В южнорусских говорах слово *прать* имеет также ЛСВ 'бить, колотить кого-л'. [СРНГ, 31, с. 69 – 70]. В местном диалекте в значении 'ругать' бытует также общенародное слово *полоска́ть*, отмеченное в данном ЛСВ и в других русских говорах [СРНГ, 29, с. 117 – 118]: *Как ана́ иё паласка́ла: ты и засра́нка, и за дитя́ми ни смóтриш, и муш гало́дным хóдить* (Пашк.).

Значение 'отругать' реализуют и ДФЕ. Приведём их в записанных контекстах: *Мать йиму ба́нила го́лаву за то́, што позна прышо́л* (Пашк.). *Мать прый́дэ з робо́ты, вона́ вам хвоста́ налома́е* (Новокорс.). *Мы йиму́ ла́пти спли́ли, так бу́дит знать, как мать абижа́ть* (Мост. – ФСГК). *Ана́ (соседка) на́чала миня́ на глаза́м стибáть, шо до́чка пьёт. А мо́жыт, у ниё ща́стья нет: ана́ му́жа схарани́ла* (Пашк.). См. также: *моле́бень / акафист прочита́ть* [Чалов, 1981, с. 170]. Фразеологизируясь, эти речевые штампы церковного дискурса приобрели отрицательную коннотацию. Среди ДФЕ данной микрогруппы преобладают ДФЕ, включающие в свой состав в качестве компонента глагол *дать (давать) ~ выхлобу́чки, ды́му, кло́чки, прочухáнки(у), чёсу, чих-ных, швы́ру* и др. В устойчивых выражениях значение 'отругать' сближается со значением 'бить'. Приведём некоторые контексты, в которых ДФЕ реализуют значение 'отругать словесно': *Ни убирéмся, так мать выхлобу́чки да́ть мо́жэ, ну поругáть* (Копан.). *Свэ́та не́ была. Мы ла́мпы (керосиновые) мы́ли, пузырёк вéчна разбивáли. Мать нам дава́ла ды́му* (Перед.). *Учэ́ра сын з вэ́чера дэ́сь як завия́вся, шука́ла, шука́ла, так ы нэ найшла́. Утром пыта́лы, дэ́ був. Так ы нэ сказа́в. Дала́ тако́й прочухáнки, шоб дру́гый раз знав* (Марьян.). *Ма́мка пришла́ с рабо́ты, дала́ чих-ных, шо я уро́ки ни паде́лала, ну атругáла* (Пашк.).

Негативные отношения между людьми могут быть взаимными – 'ругаться (поругаться), ссориться (поссориться), браниться (побраниться)'. Приведём контексты, подтверждающие актуализацию указанных значений: *Слу́хаю, шо*

воні опять гыркаюця за стінкой (Пашк.). Воні усю жызнь лаюця (Старомыш.). Сын ж жиной показылысь, ну поссорылысь (Хопёр.). У іх радня фся папаругалась (Абадз.). Вэрка, Марыя, кончайтэ разладничать (Незайм.). Со свэкрухой и поспорымося. Но я така, отхочива, сичас и балакаю (Старотит.). В значении лексемы *перескубті(ы)сь* есть дополнительные дифференциальные семы ‘со всеми’, ‘со многими’: *Ана, эта сасётка, пиriskублась. Ну са фсеми (Дах.).* В ст-це Упорной записано УС *скубті(ы)сь* как *собаки*: *Скубуця как сабаки (Упор.).* ДФЕ *балакать с ножэ* означает ‘спорить, ругаться’: *Хватэ балакать с ножэ. Давэй мырно поговорым (Дин.).*

Зафиксирован словообразовательный вариант глагола *выругаться* – *сругаться*: *Зять грубый, он можыт и матам сругаця (Успен.).* Значение ‘выругать матом’ актуализирует глагол *вымандюрыть*: *Сын розвэрнуўся нэвдачно и фэру розбыв. Прыйіхав, кажэ. Так батько так ёго вымандюрыв (Старотит.).* Аналогичное значение выражает ДФЕ *сругать(ся) чёрным словом*: *Он нас сругал чёрным словам, а што йиму скажыш (Усть-Лаб.).*

В ДФЕ *лэяться на весь рот*, кроме интегральной семы ‘браниться’, есть дифференциальная – ‘громко’: *Как начнёт лаиця на весь рот, у сасэдий слышна (Пашк.).*

Диалектные существительные с корнем РУГ: *руганка, ругач* – являются структурными вариантами общенародного существительного *ругань*: *Ни надаёла вам: каждый день руганка (Усть-Лаб.). Мама как придёт, так накрёт ругачём (Зассов.).*

ДФЕ *заплёвувать (заплевать) глаза, закидывать ряжками (ряжка* ‘широкая, низкая деревянная кадка’) означают ‘выразить кому-то неодобрение, презрение’: *Прыглашалы людэй в колхозы, росказувалы, объяснялы. Глаза заплёвувалы, называлы дуракамы (Серг.). Йиё типерь ряжками закидають: радную мать ф стардом адала (г. Прим.-Ахт. – ФСГК).*

Глагол *гордобачить* означает ‘говорить грубости, дерзости’: *Пажыли мы, ни знаю, чё мы пажыли, чи три мёсяца. Ани гардабачить начали. Брат ётот гаварит: «Кто ты такой? Я хазяин, а ты ни хазяин!» (Дмитр.).* Слово

представляет собой фонематический вариант диалектного *гардыбачить* (<О> // <И>); образовано от *гордый* и *баять*, *бачить* «говорить»; ср. также *гардувать* «пренебрегать» [Фасмер, I, с. 440]). Отмечены ЛЕ, служащие для номинации грубого, не воздержанного на язык человека. Это лексический диалектизм *шалбáй*: *Тёщин сын – шалбáй такой, таких паискáть. И кáк он таким задéлался? Мать ганя́йт. Ат нивó аднi грúбáсти* (Новолаб.); словообразовательные диалектные варианты – *хамлёт* и *хамлюгáн*: *Тáкой хамлёт, слóва харóшыва ни скáжэт, нихтó с ним знáцца ни хóчит* (Новолаб.). *Ох, он такой был хамлюгáн, слóва биз рúгани ни скáжыть* (Новолаб.). Синонимический ряд образуют прилагательные *грублы́вый, лайлы́вый, руглы́вый*: *Ну и грублы́вый пáрубóк: совсiм старшы́х ны увáжэ* (Азов.). *Свыкру́ха ну такá булá лайлы́ва бáба* (Дин.). *Уот такие руглы́вые казаки. Если ни на йивó шо дéлаецца, убивáют* (Арх.). Адвербиальное выражение *скрозь зúбы* означает ‘надменно (разговаривать)’: *Прыéхали да дóчки в Краснадáр, а зять с нáми скрозь зúбы* (Усть-Лаб.).

Вежливого, обходительного человека номинируют фонематические варианты *ва́(и)жный*: *Нэвiстка нэ дúжэ до нáс вáжна* (Ахтаниз.). *В нэи дочкá харóша, вiжна такá* (Новокорс.). Замена в корне фонемы <А> на фонему <И> наблюдается и в др. ЛЕ (см., напр.: *гáдко – гýдко*). ЛЕ *обхóдчивый* представляет собой словообразовательный вариант прилагательного *обходительный*: *Вiтя апхóтчивый, никадá дурнóва слóва ни скáжэт* (Усть-Лаб.). Значение ‘общаться’ актуализирует глагол *обращáться*: *Вин до нáс ходы́в, с нáмы обрацáвся. Мы до ёго обрацáлыся, як до своéй дыты́ны* (Ольг.). Общительного человека номинируют прилагательные с корнем ЛЮД–: *Вин лúдный, балакúчий* (Смол.). *Он был луды́мый* (Пласт.). *Он са все́ми дру́жыть, такýй луды́мый* (Крыл.).

Зафиксированы ЛЕ, называющие лъстивого человека, подлизу. Это прилагательные *лыстопáдный, пидхалы́мный* и существительные *подлiзник, подлокóтник*: *Отó ще лыстопáдный: биз мы́ла лiзэ* (Старотит.). – Как у вáс лъстивого человека называют? – *Пидхалы́мный* (Высел.). *У миня́ плимя́ник – такой падлiзник, к каму́ хош в давéрие вайдéть* (Тбил.). *Он такой падлакóтник, ну падлiза* (Родник.). Глаголы *лабу́ниться, подлабу́ниться* (ср. с диал. *лабзать*

«льстить, подлизываться» и лит. *лебезить*) в местных говорах означают ‘лестью, угодливостью добиваться / добиться чьего-л. расположения’: *А Вáлька э́та к сы́ну лабу́ница, хитра́я а́на ба́ба* (Воронеж.). Их синонимом-дублетом является обладающий прозрачной внутренней формой глагол *ма́слиться* (Кург. – СГК). Аналогичное значение у ДФЕ *масти́ть блины, хвосты́ подноси́ть*: *Ни на́да мне масти́ть блины́. Э́та зна́чить: хва́тит па-напра́сну патхали́мничать* (Бород.). *Я ей сказа́ла: «Куды́ ты пайдёш? К ниве́сткам? Хвасты́ паднаси́ть?»* (Новолок.). ДФЕ *шепта́ть в(у) кула́к* актуализирует значение ‘лицемерить’: *Стои́ть ото́ там, у сторо́ни, в кула́к соби́ шэ́пче, а тоди́ пидийдэ́ и такы́й хоро́шый* (Старомыш.). Лицемерного и хитрого человека называют *а́нгел, то́лько без кры́лушык*: *А́нгел, ка́к жы! А́нгел, то́лька бис кры́лушык! Ти́хая, ти́хая, а ма́ть ско́ра в гро́п вго́нит* (Медвед.).

Подчеркнём, что в характеристике грубого, льстивого, лицемерного или вежливого человека речевое поведение занимает важное место, и это часто находит отражение в записанных контекстах.

Зарегистрированы диалектные словообразовательные варианты глагола *перечить – попере́чать, супере́чить*: *А сийча́с малады́и ста́рым папире́чуть* (Воронеж.). *А кото́ры супире́чуть, у колхо́с итті́ ни хо́чуть, са́мы своё́ сия́лы* (Старомыш.). Наречие *на́крыво* в сочетании с глаголами речи означает ‘говорить *на́крыво*; противоречить’: *Та я ёму́ сло́ва на́крыво нэ́ сказа́ла* (Старотит.).

Значение ‘не сойтись во взглядах’ актуализирует известное на Кубани выражение *он(а) заигра́л(а), а я запе́л(а)*: *Че́рис ниди́лю писля́ свáйбы и пишы́ по сторо́нам: он заигра́л, а я запе́ла* (Старомыш.).

В КГУЯО бытует выражение *хай́ буде́ гречка́*, означающее ‘призыв уступить в споре, соглашаясь с неубедительными аргументами’: *Вин кричи́ть, спорэ́, а я тоди́ кажэ́: хай́ будэ́ грэ́чка. И пишла́* (Старомыш.). оборот образован на базе украинской поговорки *хай́ буде́ грэ́чка мак*. Её расширенный вариант: *Нэ́хай грэ́чка будэ́ мак, лиж бы́ жиньци́ було́ так* [Ткаченко, 2005, с. 187]. Повышенный эмоциональный тонус придаёт выражению то, что украинцы, которых называли «гречкосеями», считали гречиху одной из наиболее ценных

сельскохозяйственных культур, поэтому, называя гречку маком, мы не только иронично соглашаемся с неубедительными доводами собеседника (ведь гречка никогда не станет маком), но и подчёркиваем, что он преуменьшает нечто действительно важное. ‘Уступить в споре’ означает ДФЕ *хай я змэньшусь: Я ны люблю ссбрыця. Хай я змэньшусь* (Старотит.).

Широкий ареал имеет на Кубани ФЕ *оп(ь)ять за рыбу грóши* ‘опять одно и то же (говорить)’, означающая постоянное возвращение в разговоре к тому, что обсуждать бессмысленно, поскольку данная тема уже была ранее исчерпана: *Ты апя́ть за рыбу грóшы. Ско́ка мо́жна? Мы жы фчирá фсё вы́яснили* (Пашк.).

Частотен в речи старшего поколения диалектоносителей глагол *сумлевáться* – фонематический вариант литературного *сомневаться*.

Малочисленны в местных говорах диалектные глаголы, актуализирующие значение ‘читать’, что можно объяснить экстралингвистическими факторами: многие информанты не получили полного образования, кроме того, для чтения часто не находится свободного времени. Зафиксированы словообразовательные варианты глаголов ЛЯ *почитать, прочитатъ – попочита́ть, попрочита́ть* с дополнительным префиксом ПО– (прибавление этой приставки к глаголам – характерная особенность КГЮЯО; см., напр.: *поподелатъ, попошитъ* и др.): *Я вну́ку ска́ску папачита́ю, и он тагда́ спатъ лажы́цца* (Родник.). *Папрачитáла усé эти газéты* (Абадз.). В местных говорах функционируют два фонематических варианта *букать* и *бэкатъ*, мотивированных существительными *буква, букварь*: *Молы́твы такы́ почита́ю и кны́жэчки бу́каю* (Ахтаниз.). *Увэ́сь дэнь бэ́кала кни́гу* (Дин.). Записанные контексты позволяют выделить у ЛЕ оттенок значения ‘читать по слогам’: *А я ужэ́ бу́кать начина́л, мэня́ Ду́ська научи́ла. Начина́в бу́кать, агá...* (Елиз.). РГК регистрирует существительное, номинирующее процесс чтения, которое представляет собой – *читэ́ние* (Ахмет. – РГК). Увеличение количества гласных фонем – распространённое явление в местном диалекте (см., напр.: *дали́на* ‘длина’, *палито, пашени́ца* и др.).

В кубанских говорах функционируют и диалектные глаголы, характеризующие внутреннюю речь, тесно связанную с мыслительным

процессом. Это ЛЕ *вздума́ть, вздуматься, допéтрать, допéтрить, доуми́ться, думка́ть, меркува́ть, мозголо́вничать, при(ы)думать, спомына́ть*: *Як вздумаю, як тода́: и го́ли и бо́си...* (Платнир.). *Робы́ли и де́нь и но́чь, як вздумаюся...* (Мингрел.). *Вона́ научи́ла мэ́нэ трóшки бухгалты́рии, трóшки я сама́ допéтрала, ага́, и ста́ла робы́ть отчёты сама́ я* (Гривен.). *А я ни срáзу дапéтрила, шо анá нас абма́нуе* (Пашк.). *Кто и э́та дауми́лся надрéзати лист у ля́ндры?* (Кирпил.). *Хиба́ ж о тако́м думкалы?* (Бород.). *До́вго миркува́ла, шо робы́ть, и рышы́ла полови́ну ха́ты прода́ть* (Бриньк.). *Хва́тити тибé мазгалóвничати* (Отваж.). *Как свáдьбу гуля́ли, я щас ни придумаю...* (Арх.). *Я свэкру́ху спомына́ю ча́сто* (Новопласт.). *Лу́че оцэ́ б ы нэ спомына́ть* (Новокорс.). Отметим, что лексический диалектизм *мозголо́вничать* зарегистрирован в СРГК с малоинформативным контекстом. К данной микрогруппе примыкает ДФЕ *и с(з) попом не разобрáть* ‘не понять, сколько ни пытаться’: *Нагавары́ла – и з попом нэ разбэ́рэши* (Бород.), а также ДФЕ *сломáть го́лову* ‘напряжённо подумать над решением какого-л. вопроса’: *Да я го́лову слама́ла, нака́ ришы́ла дом прада́ть* (Усть-Лаб.). ДФЕ *засéсть в(у) зуба́х* означает невозможность избавиться от мыслей или разговоров о ком-л. или о чём-л.’ (Арм., Кавказ. – ФСГК). О человеке, который плохо соображает, не может собраться с мыслями, говорят: *мы́сли гуля́ют* (Лаб., Мост. – ФСГК).

Обращение к двум дореволюционным изданиям позволяет дополнить корпус ЛЕ указанной тематики глаголами, не нашедшими отражения в словарных материалах, составленных в более позднее время. Так, в словарице Л.К. Розенберга зафиксировано 4 глагола: *мызы́кать* ‘говорить вяло, мямлить’, *наса́харить* ‘польстить’, *опоха́бить, распатро́нить* ‘обругать’. В.А. Водарский приводит видовую пару *мозголо́вить (замозголо́вить)* ‘морочить (заморочить) голову, дурачить (одурачить)’. В РГК зарегистрировано слово *мозголо́вничать* ‘обдумывать’. СРНГ рассматривает эти две ЛЕ как словообразовательные варианты, отмечая оба ЛСВ. Можно предположить, что второй глагол в указанном ЛСВ проявил на Кубани бо́льшую жизнестойкость. Вероятно, эта устойчивость в какой-то степени поддерживается функционированием в

кубанских говорах диалектного прилагательного *мозгóвий* ‘умный’, а также просторечных ЛЕ *мозговітый* ‘умный, сообразительный’ и *мозговáть* ‘думать, соображать’ [МАС,2, с. 394].

Манера речи выражается глаголами *подъялдыкуватъ* ‘поддакивать, вмешиваться в разговор’; *талдóнить*, *талды́кать*, *талды́чить* ‘надоедливо повторять одно и то же’: *Ны люблю, колы́ такы́ люды, шо подъялдыкувають, а самы́ так ы ны ду́мають* (Дин.). *Ну скóлька мóжна талдóнить аб́ э́там? Мая́ как начнё́т талды́чить, што́ како́й у сасе́да паря́дак в ага́ро́ди* (Пашк.). *Хва́тэ талды́кать, ты́ мині́ ужэ́ набры́дла* (Старомыш.). Человека, говорящего невпопад, характеризует ДФЕ *где́ на́до лизну́ть, вин (вона́) ла́е: Шо́ за характи́р: где́ на́до лизну́ть, вин ла́е* (Старомыш.). Значение ‘сказать невпопад’ имеет и УС *як в(у) во́ду у(в)насть: Ну ты, дид, збры́ха́в як в во́ду впа́в. Як цэ́ вона́ ны коза́чка, мы́ з нэю́ и гуля́лы уме́сти на углу́* (Елиз.). Зафиксировано также наречие *протя́гом* ‘протяжно’: *Гавари́ть пратя́гам* (Александр.).

На периферии семантического поля «Речь» находятся идиорефлексы – идиоматизированные вербальные рефлексы на типовые ситуации общения. В кубанских говорах в их роли выступают модальные ДФЕ, междометные конструкции, речевые рефлексы, состоящие из частиц. Их функциональное назначение заключается в том, чтобы выражать частные реакции на поступки (в том числе речевые) собеседника. Следует признать, что на материале кубанских говоров идиорефлексы специально не изучались. Имеющийся языковой материал позволяет описать их лишь фрагментарно и выделить идиорефлексы, выражающие: 1) удивление (*мату́ся ридна́; хвырь чи попырь; шутл. Господи Исуси, на ко́мине гуси* <на полице медведь> и др.); 2) явное или показное безразличие (*на гу́зно воно́ на́до / ну́жно; на греца́(я)* и др.); 3) согласие, одобрение (*га́рне[э] дило́; и не кажси́; не говори́, кума́, про пря́жу* ‘говорит соглашающийся с кем-л. или с чем-л.’; *лю́бо* ‘возглас одобрения на казачьем круге при избрании атамана или принятии какого-л. решения’ и др.); 4) предупреждение, предостережение (*ба́рки обсе́р[э]ышь* ‘предостережение тому, кто проявляет излишнюю спешку’, *хай Бог нэ дово́де / мы́луе* и др.);

5) благодарность (*ирон. спасі́бо вам в ша́пку* и др.); 6) желание, волеизъявление (*шось мени́ не с руки́ в ва́шей ха́те пря́сты* ‘шутл. говорится, когда хотят уходить куда-л.’ и др.); 7) формула отказа (*прощай́ / до свиданья́, Мака́р, но́ги замёрзли* – дЧ. и др.); 8) добрые пожелания (*рублём та кача́лкою, шоб була́ хозяйко́ю* ‘доброе пожелание невесте на свадьбе, которое произносят во время обсыпания её хмелем, пшеницей, орехами и т.д.’; *ни шерсти́ ни пера́* ‘пожелание удачной охоты’; *дай Бог упра́виться; Бо́же помози́* и др.); 9) недобрые пожелания (*бодай́ кого-л. че́рти визьму́ть; не бачить кому-л. свого дытыны́; хай кому-л. гад; волк тебя́ отдуби; шоб кому-л. ды́хат не було́; накажи́ кого-л. Бог горо́ховым пирижко́м; хай кого-л. лихома́нки во́(и)зьмут(ь); хай кому-л. лы́ха годы́на; хай кому-л. морока; хай кому-л. сказа́ться; хай кому-л. хале́[э]на; чтоб у кого-л. ру́ки отсо́хли* ‘недоброе пожелание человеку, который плохо сделал свою работу или нечист на руку’; *чиря́к тебе́ на язы́к* ‘недоброе пожелание тому, кто говорит не то, что следует’ и др.). Конструктивная роль этикетных формул и добрых пожеланий совершенно очевидна, тогда как бранные выражения и недобрые пожелания актуализируют деструктивное значение.

К семантическому полю «Речь» примыкает семантическое поле «Пение», конститuentы которого имеют в семантической структуре сему ‘петь’. Органичная связь пения и говорения наглядно проявляется в способности ЛЕ, номинирующих эти процессы, вступать в синонимические отношения. Так, в южнорусских говорах (воронежских, курских, орловских, тульских), а также в кубанских у глагола *казать*, кроме ЛСВ ‘говорить’, зарегистрирован ЛСВ, имеющий интегральную сему ‘петь’ [СРНГ, 12, с. 313]. Органичную связь музыки, пения и говорения актуализирует в местном диалекте общерусский глагол *выговари(ю)вать (выговорить)*, см. записанный контекст: *Аж выгаварюет гита́ра пёсни* (Ей-Укр.). *У нас хоро́ший хор был. Пака́ магла́ выгаварить старинны́и пёсни – бра́ла. А щас ужэ́ ни вы́тину* (Некрас.). Информанты говорят о задушевном пении, в котором слова и музыка сливаются в единое целое. У глагола *спевать* также, помимо значения ‘петь’, зарегистрирован локальный ЛСВ

‘долго и много говорить, твердить о чём-л.’: *Воньí* (свекровь) *му́жу спива́ють, шоп вин мэнэ брósыв* (Копан.).

Кубань всегда славилась своими песенными традициями. В песенной стихии коренные кубанцы ощущают себя совершенно естественно. Песня сопутствует человеку и в радости и в горе, о чём свидетельствуют многочисленные высказывания носителей диалекта: *Ну якí мы пíсни спива́лы? Про Га́лю, про казака́, щё вби́лы в по́ле. Га́рно спива́лы* (Бриньк.). *Ну, пёсни бо́льшы сва́дибны. Падбира́юцца харо́шыйи спивуны́, ба́нки* (Привольн.). *З робо́ты иду́ть голо́дни, го́ли и спива́ють* (Старокорс.). Часто во время записи на диктофон информант, рассказывая о своей жизни, сам переходит на песню, поскольку она способна более точно передать состояние души: грусть, печаль или радость. Процесс пения в местных говорах номинируют диалектный глагол *спева́ть*, образованное на его базе существительное *спева́ние* и ДФЕ (*и*)*гра́ть пё(и)сни*. Глагол *спева́ть* восходит к глаголу *петь*, который объясняется как каузатив к *пить*: *пою* «даю пить» и *пою* «издаю голосом музыкальные звуки». Переход значений «поить» > «петь, воспевать» связан с языческим обрядом жертвенного возлияния [см. Фасмер, III, с. 350]. Данный обряд был распространен в праславянский период повсеместно и глубоко проник в сознание народа. На Кубани глагол *спева́ть* входят в общекубанский лексический пласт.

Фонематические варианты (*и*)*гра́ть* чаще употребляются в ДФЕ (*и*)*гра́ть пё(и)сни* ‘петь песни’. В «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ) глагол (*и*)*гра́ть* возводится к праславянскому *ǰьgra, семантическим наполнением которого был архаический комплекс значений ‘пение с пляской’ [ЭССЯ, 8, с. 208]. Составители ЭССЯ считают наиболее убедительной в объяснении праславянского слова *ǰьgra точку зрения А.А. Потебни. Учёный связывает его с древнеиндийским *yajati* ‘чтить божество’ и указывает на принадлежность этого слова к языческой сакральной сфере [Там же, с. 209]. Действительно, многочисленные обряды традиционной народной культуры основаны на разыгрывании ролей, исполняемых в песнях: на свадьбе, на масленицу, калядование, щедрование под Рождество и др. обряды. Общеславянское *игра*

буквально ‘пение с пляской в честь языческого божества’ [см. Шанский, Боброва, 2000, с. 102]. Таким образом, лексема *играть* имела значение ‘исполнять ритуальные игры, пляски, сопровождаемые пением’. Обрядовое происхождение ДФЕ (*играть не(и)сни*) подтверждает глагол *обыгрывать*, зарегистрированный на Кубани также в составе ДФЕ, относящихся к свадебному обряду, – *обыгрывать невесту* ‘прощаться с невестой, исполняя свадебные песни’, *обыгрывать жениха* ‘величать в песнях жениха’, *обыгрывать жениха и невесту* ‘величать жениха и невесту’: *Друшки начинают обыгрывать жениха* (Удоб.). *Жених с невестой за стол, а дивчата давай их обыгрывать да девишки просить* (Зассов.).

В современных славянских литературных языках выражение *играть песни* не сохранилось, что, вероятно, связано с распространением христианства, которое отрицательно относилось к проявлению всего языческого и народные обряды расценивало как бесовские игрища. В то же время в диалектах РЯ эта ФЕ жива до настоящего времени. В СРНГ показана география её бытования – почти вся территория России южнее Костромской области, в том числе Сибирь, Северный Кавказ и др. [СРНГ, 12, с. 68]. Безусловно, выражение (*играть не(и)сни*) давно уже подверглось демифологизации. Оно употребляется не только при описании обрядов, но и в нейтральном значении ‘петь песни’: *А мы идём с работы и песни играем* (Некрас.). *Збираюцца, танцують, песни грають* (Желез.).

В говорах Кубани глаголы (*играть*) и *петь* состоят в синонимических отношениях. Однако первый глагол употребляется в речи старшего поколения как нейтральный и конкурирует с глаголом *петь*. В речи молодого поколения и сельской интеллигенции основным является глагол *петь*, а глагол (*играть*) воспринимается как архаичный. Преимущественную распространённость глагола *петь* по сравнению с глаголом (*играть*) можно объяснить его литературным статусом и социально-возрастной дифференциацией носителей диалекта. Однако в речи представителей традиционного слоя говора ДФЕ (*играть не(и)сни*) достаточно частотны в употреблении. Песни исполняются и под гармошку, и под *балабайку* ‘балалайку’, но петь могли и без музыкального сопровождения, отсюда

выражение *(и)грати пи(о)д язык: Но нам було хорошо: гралы пид язык, танцюва́лы* (Запорож.).

Единичную фиксацию в наших материалах имеет глагол *густі* ‘петь’, зарегистрированный в ст-це Бородинской: *Вот вин начиніе густі, спива́е*. В СРНГ представлено два полисемичных варианта *густі, густь*. В значении ‘петь’ слово зарегистрировано в смоленских говорах [СРНГ, 7, с. 246]. В украинском языке глагол *густі* также является многозначным. Хотя среди отмеченных в словаре ЛСВ отсутствует значение ‘петь’, они объединяются инвариантным значением ‘издавать звук’ [см. Гринченко, I, с. 342].

Глагольные лексемы со значением ‘пение’ представляют собой достаточно многочисленную ЛСГ, организованную в стройную систему. По вертикали эти глаголы находятся по отношению друг к другу в таксонимических отношениях, по горизонтали представляют собой синонимические ряды. В качестве родовых в говорах Кубани выступают глаголы *спевать, (и)грати*. Видовые выделяются на основе дифференциальных признаков. Так, глагол *басовать* имеет в семантической структуре дифференциальную сему ‘басом’: *А цэй дядько Михайло, цэй басовал. Цэй так спивал, аж вікна дрожали* (Сев.). Глагол *выпевать* – дифференциальную сему ‘распевать’: *На стэпу собыра́ймося и спива́ймо, а колы́ в хати собыра́лысь. Ду́нька як начнэ выпива́ть* (Серг.). Глагол *подкрікивать* означает ‘запевать песню’: *А ты паткрікивать будиш* (Воронеж.). Глагол *перехватывать* актуализирует значение ‘подтягивать (о песне), присоединяться к поющему, подпевая ему’: *У нас пёсильник был, он пел, а мы то́лька пирихвата́вали* (Брат. – РГК). Значение ‘громко петь’ актуализируют глаголы *драть* и *кричать*: *Мы ра́ньшы на рабо́ти як рабо́талы: тудá с пёснямы и оттудá с пёснямы, пёсни дэ́рём на рабо́те* (Убин.). *Крича́ли пёсни сва́дьбишыне* (Турк.). У глагола *га́хнуть*, кроме дифференциальной семы ‘громко’, выделяется сема ‘внезапно’: *И ото́ мы как га́хнымо пёсню* (Ахтыр.). На базе первого ЛСВ ‘мурлыкать (о кошке)’ у глагола *мурчать* образовался в результате метафорического переноса ЛСВ ‘напевать’: *Та я ужэ́ и нэ заспива́ю. Я ужэ́ уто́ та́кэчкэ мурчу́, мурчу́, а та́кэчкэ, та я ужэ́ и нэ заспива́ю* (Кулик.). См. также

глагол с прозрачной внутренней формой *шакáлить* ‘петь неприятным голосом’: *Напью́цца и шакáлють* (Новотит.).

Кроме того, в говорах Кубани широко распространены словообразовательные дериваты от глаголов *спевáть*, (*и*)*грáть*. Среди них имеют место фазисные, экспрессивно-оценочные и др. глаголы: *заспевáть*, *заигрáть*, *прои́грывать* (*проигрáть*), *переспевáть*, *проспевáть*: *Рáньшы як заигрáим пéсню, так усí повыхóдють на у́лыцу, слухáють, як мы игрáим* (Некрас.). *Я вам щас праигрáю сваю любíмую пéсню* (Некрас.). *Та йи́и ныхто́ нэ пэрэспивáе* (Дин.). *Ну як я вам проспивáла?* (Ахтаниз.).

В богослужебном дискурсе отмечено употребление глагола *спрáвить* ‘исполнить обряд отпевания’: *Носы́лы грон в цэрковь, там спрáвылы, запичáталы* (Копан.).

Для номинации человека, любящего и умеющего петь, в местном диалекте используются однокоренные ЛЕ *спеву́ха* ‘певунья’ и *спеву́н*, *спевáк* ‘певун’: *Плясáть ни плясáла мáмка, а спиву́ха бы́ла* (Бесскорб.). *Ба́тько був такый спиву́н, и мáмка то́жэ спиву́ха, ны да́й Бох!* (Пласт.). *У нас род був спивуни́в* (Старотит.). *Дя́тька у нас спивáк був, так спивáл!* (Пашк.). См. в аналогичном значении ЛЕ *пéсельник* и *пéсельница*: *Казакí шу́стры такí бы́ли, танцóры и пéсильники* (Успен.). *Муш мой такой пéсильник был* (Каладж.). *Я пéсильница бу́ла, на канцэ́ртах выступáла* (Каладж.). *Тётка пéсильница дю́жэ хорóша бы́ла* (Новотит.). Прозрачную внутреннюю форму имеет сложное существительное *пéснелю́бка* ‘любительница петь песни’: *Галя – пэ́снелю́бка!* (Пласт.).

Зафиксировано образованное от глагола *тянуть* существительное *тягу́н* ‘запевала в хоре’: *Хто пéсню зачинáл – тигу́н, астальны́и намагáють*. (Ярослав.). Иронический оттенок имеет ЛЕ *страдáтель* ‘влюблённый, выражающий «страдания» по своей возлюбленной в песнях-страданиях’: *Как ищэ́ со́нцэ рáна, а он ужэ́ з гармо́шкой. Ате́ц кáжэ: «Страдáтиль»* (Воздвиж.).

Разнообразны ДФЕ, характеризующие певческий голос. Так, ФЕ *брать в(у) гóру* (*гора́* ‘верх’) означает ‘брать высокие ноты’: *Щас вжэ́ ны мо́жу в гóру брать* (Пашк.). О том, кто плохо поёт, говорят: *вые як кудла в(у) стэп*

(Старомыш.). В этой же станице записано экспрессивное УС *гóлос як у козлá пiсля морóза* ‘о неприятном голосе’: *Хай вин ны спивáе. У ёго гóлос як у козлá пiсля морóза*. Для номинации резкого, неприятного голоса певца используется УС как / як той соловéйко, шо / что курéй / кур дúшит: *Гáлька спивáе, як той соловéйко, шо курéй дúшэ* (Спок. – ФСГК). На Кубани бытует также УС *голосiшко как на плешiне волосишко* ‘о слабом голосе’. Потерю певческого голоса актуализирует ДФЕ *гóлос улежáлся: Галасá нáшы улижáлись: ни тó ужé* (Ладож.).

В местных говорах наряду с общенародным *песня* и его фонетическим вариантом *писня* широкий ареал имеет диалектный акцентно – «словообразовательно» – грамматический вариант *песняк*: *Ой! Та щас и ны прыпóмню, шо спивáлы. А тодi рас – и писнякá* (Канев.). ЛЕ также входит в состав ФЕ *давáть (дать) песнякá* ‘громко петь (запеть)’: *Эх, мы з дивчáтамы як далы́ писнякá!* (Елиз.). Диалектным синонимом слов *пе(и)сня*, *песняк* является локализм *пéва*: *Идут с пéвами да нивéсты* (Удоб.).

Разнообразны диалектные наименования песенных жанров. Это *припéвка*, *припéвок* – короткие четырёх-, шести- и восьмистрочные рифмованные песенки, как правило шуточного характера’, генетически тесно связанные с детскими дразнилками. Впервые о бытовании припевок упоминает известный исследователь народной культуры Кубани М.А. Дикарев [Чурсина, 2003, с. 159]. В линейных станицах, как отмечают фольклористы, *припевки* исполняли под музыкальный наигрыш вместе с гопаком и казачком и называли *вертушками*, *набивушками*, *сбитушками* [см. Там же, с. 159]. В активном словарном запасе носителей диалекта находятся пережившие реактуализацию синонимы-дублиеты, называющие обрядовую песню, славящую Святую Меланью и Святого Василия. Это *мылáнка*, *щедро́(и)вка*. Их реактуализацию можно объяснить возрождением в кубанских станицах традиции праздновать Рождество – *щедру(о)вáть*, *мыланку(о)вáть*: *И щас хóдють спивáють щедри́вки* (Елиз.). У существительного *колыбéль* зарегистрирован образованный на базе метонимического переноса локальный ЛСВ ‘колыбельная песня’: *Колы́ мэ́нэ́ мáмка побáнэ, я клалáсь ф*

крóвать, и вонá минí стивáла колыбéль (Красносельск.). К детским песням относятся также *песту́шки* ‘лаконичные детские песенки, рифмованные попарно или перекрёстно’. Педагогическая роль *песту́шек*, способствующих воспитанию здорового, жизнерадостного и любознательного ребёнка, отражается во внутренней форме существительного (ср. с лит. глаголом *пестовать* и диалектизмом *песту́ха* ‘нянька’, зарегистрированным в местных говорах).

Для номинации песенных жанров используются и ФЕ. См., напр.: синонимы *пéсня гуртовáя, пéсня компаньёвская* ‘хоровая песня’, *пéсня постовáя* ‘песня, которая поётся в пост’, *пéсня свáдьбишная* ‘свадебная песня’: *Гуля́йим, гуля́йим у бисéди, патóм начинáйим гуртавúю пéсню* (Желез.). *Кампаньёвскую пéсню гуртóм паю́ть* (Брат.). *Рáньшы их ни пéли, паставьё пéсни, а тупёрь паю́ть* (Удоб.). *Есть и свáдьбишные пéсни* (Турк.). В.И. Чурсина, описывая хороводные песни, приводит как их разновидность устаревшую ФЕ *лелёшные песни*, в основу номинации которой положены имена Лель и Лёлъ (по преданию братья-близнецы, дети Лады – божества наслаждения, благополучия и гармонии, им приносили свои жертвы молодожёны и земледельцы [см. Чурсина, 2003, с. 158]).

Отдельные диалектизмы номинируют и другие жанры устного народного творчества: *кáзка* и *прикáзка* – структурные варианты слов РЛЯ *сказка* и *присказка*: *Кáжный вéчир мы цю кáску слúхали...* (Бол. Бейс.). *Вам бы ба́бушку нáда бы́ла запи́сывать. Ба́бушка мно́га прикáзак знáла* (Новопавл.). В эту ЛСГ входит и уже упомянутое выше существительное *побрехáнька*.

К микрополям полям «Речь» и «Пение» примыкает немногочисленное по количеству конstituентов микрополе «Молчание», включающее ЛЕ имеющие в семантической структуре интегральную сему – ‘молчание, отсутствие речи’. В наших материалах зафиксировано два глагола со значением ‘молчать’ – *загу́нуть* и фонематические диалектные варианты *прижу́к(х)нуть*: *Я загу́нув и сыдúю* (Старонижестебл.). *Ну мы прижу́кли. А шо тут скáжыш* (Пашк.). *Дéти прижу́хли, и я малчу́, баю́ся слóва сказа́ть* (Усть-Лаб.). У глагола *загу́нуть* в местных говорах также отмечен ЛСВ ‘утихнуть (о боли)’.

Словообразовательный вариант слова РЛЯ *молчунья* – *молчу́ха* имеет нейтральную коннотацию. Между тем излишняя молчаливость лиц мужского пола у носителей кубанских говоров не вызывает одобрения. Ср. бытующие на Кубани прозвища молчуна, замкнутого человека – *баба́й*, *дунду́к*, *немты́рь*. Эти ЛЕ также употребляются и в составе компаративных оборотов *как / як баба́й*, *дунду́к*, *немты́рь*: *Як баба́й хо́дэ, ны сло́ва ны почу́иши от ёго* (Азов.). *Та он как дунду́к: сиди́т и малчи́т* (Усть-Лаб.). *Ух наду́лся як той нимты́рь* (Мингрел.). ФСГК регистрирует ДФЕ, характеризующие излишне молчаливого человека: *не вы́пустит сло́ва* (Мост. – ФСГК), *па́ру изо рта́ не вы́пустит / па́ры из / с ро́та не пуска́ть* (Лаб. – ФСГК). Две последних ДФЕ представляют собой структурные варианты. Обращает на себя внимание характерное для КГЮЯО появление беглого [О]: *рта – роту* (см. также *льда – лёду*).

Значение ‘молчать / замолчать’ выражают ДФЕ *языка́ не поверта́ть*, *язы́к прытупы́ть*: *Язы́ка не повэрта́й, ни тро́хи. Молчи́* (Бород.). *Ты свий язы́к прытупы́* (Старотит.). ДФЕ *у(в)держáть глóтку*, *затуля́ть (затули́ть) рот*, *рот завязáть*, *наки́нуть на ро́т тря́пку*, *приши́ть язы́к* актуализируют значения ‘молчать’ и ‘не дать (не давать) высказаться кому-л.’: *Да усéй брыга́ди иши́ глóтку ни вдиржа́ть* (Усть-Лаб.). *Шо ты ати́у рот затуля́иши?* (Упор.). *Как ей рот завизáть? Как малча́ть заста́вить?* (Пашк.). *Прышло́сь накы́нуть на ро́т тря́пку, а то паругáлись бы аканча́тильна* (Елиз.). *Приши́ть бы тибé язы́к, а то ля́паиши чэрти шо* (Усть-Лаб.). У ДФЕ *блы́мать глаза́ми*, кроме интегральной семы ‘ничего не говорить’, выделяется дифференциальная – ‘в своё оправдание’. В.П. Чалов приводит рифмованное выражение *ни голосу, ни тону, ни от милого поклону* ‘о чьём-л. молчании’, образованное на основе следующей частушки-страдания: *Ох, нету голосу, ни тону, ни от милого поклону* [ср. Чалов, 1981, с. 150]. Отметим, что частушки, особенно двухсторочная их разновидность – страдания, довольно легко превращаются в пословицы и поговорки, которые затем могут подвергнуться фразеологизации.

Зарегистрированы диалектные словообразовательные варианты наречия *молча*. Приведём их в контекстах: *Не́мцы ёсли прышли́ у ха́ту, двóр... Яй́чка*

давай, курачку давай... Малчакá – и аддава́ши (Арх.). Поругáлысь з му́жом и спать палягáлы малчакóм. А я такáя, пэ́рвая ны забалака́ю (Пашк.). Я такий рабóтник був: где, куда́ ни ска́жутъ, я ни слова́ и иду́ мо́лчки (Желез.). Отáк, мо́вчки сыдымо́ за столóм (Старомыш.). Роби́ собі мо́вчки, ны огрыза́йся (Азов.).

В перечисленных вариантах отражаются живые фонетические процессы, характерные для кубанского диалекта: произношение губно-губного звука [В] на месте [Л], отвердение согласных перед гласными переднего ряда. Многочисленность вариантов обусловлена не только широким ареалом ЛЕ, но и индивидуальными особенностями диалектоносителей.

Анализ функционирующих в кубанских говорах слов, ФЕ и УС, образующих семантические поля «Речь» – «Пение» – «Молчание», показал, что наряду с литературными и просторечными жители местных станиц активно употребляют и территориально ограниченные ЛЕ.

6.3 Лингвистический анализ микрополей «Мирный труд» – «Лень»

Смежные семантические микрополя поля «Мирный труд» – «Лень» в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров структурируются на базе интегральной семы – ‘трудовая деятельность / бездеятельность человека’ и дифференциальных сем (эксплицитных и имплицитных), отражающих функциональную специфику в структуре ЛСГ. Описание указанных микрополей на материале кубанского диалекта предполагает обязательный экскурс в прошлое. Обращение к истории позволяет понять: если современная Кубань – это край тружеников, работающих на земле, то для казачества XVIII века как военно-кочевого сословия основным трудом была воинская служба, которой посвящалась большая часть жизни: *на те[э] казák роды́вся, шоб Бо́гу и царю́ сгоды́вся.* Существование в языковом сознании носителей кубанских говоров тесной ассоциативной связи между ратным и крестьянским трудом находит подтверждение в диалектной лексике и фразеологии. Дореволюционный историк и этнограф И.Д. Попко фиксирует в кубанском военном аргументе середины XIX века

ФЕ *пёрва паша* ‘1) первый год военной службы; 2) казак, только что начинающий службу, новобранец’ [цит. по В.П. Чалову [Чалов, 1981, с. 139]), где диалектизм *паша* буквально означает ‘пастбище, луг, первый подножный корм’. Полевыми работами навеяно выражение *вырастают несеяные, пропадают некошеные*, называющее горцев, против которых кубанские казаки вели активные военные действия. Образная параллель между ратным мастерством и сельским трудом отражена также в двух вариантных номинациях представителей воинственных горских народов: *свинцом засевали, подковой косили, шашкой жали / подковами пашут, свинцом засевают, шашкой жнут*. Показательно в этом плане и широко бытующее на Кубани УС *казак без коня что пашня без зерна*.

Перевод казаков на самообеспечение потребовал экономического освоения территории края – «ратный труд» стал сочетаться с «мирным трудом», направленным на развитие сельского хозяйства, ремёсел и промыслов. Кубанское казачье войско, начавшее формироваться с конца XVIII века, по сути дела состояло из двух взаимосвязанных частей – военно-территориальной (собственно войско, то есть нёсшее службу мужское население) и земледельческо-территориальной (станции, хутора). У черноморских казаков к самостоятельной части войска – *куру́(е)ню* – приписывалось несколько представляющих собой хозяйственную организацию поселений, которые тоже называли *куреньями*. Можно привести и старинное казачье слово *ко(и)ш*, также представляющее собой тюркизм и означающее ‘1) казачий лагерь; 2) стоянка в поле во время работ’ [ср. Фасмер, II, с. 359]. С конца XVIII века начинается осёдлый этап существования казачества: воины становились ещё и хлебопашцами, что находит отражение в паремиологии. См., напр.: *Дело мужика – землю пахать, а казака – и землю пахать, и саблей махать. В поле – мужик, в лодке – рыбак, а казак – и в поле, и в лодке, и с саблей на коне. Казак и в бою даровит, и в хлеву деловит. Удел казака и рожь растить, и честь отечества блюсти. Утром казак траву косит, днём ниву пашет, вечером сено копнит, ночью от ворага бдит*.

Казаки получали на каждого мужского члена семьи землю – *пай, паёк, пайку*: *Дед мой ще тут жыл. Булы́ у нас и зёмли: имели пайку свою́ у стэпу́, и*

лошаде́й, и хату́, ниче́м ни нужда́лись, ма́буть, лу́чше само́го ца́ря жы́ли (Марьян.). Земельный пай ещё называли ца́рына: *Ли́том усі жылы́ в стэпу́, у ка́ждого був свий пай, як каза́лы тоди́, – бу́ла своя́ ца́рына* (Старовелич.). Кроме земли *в(у) степи́ / в(у) сте[э]пу́*, во многих станицах у казаков были ещё и ба́ги(ы) ‘виноградники или фруктовые сады’. При индивидуально-семейном землепользовании хозяйства были *индывуа́льными*: *Горо́х со́дють, хвасо́ль со́дють, но бо́льшэ в ындывуа́льных огоро́дах* (Желез.). Их держали единоличники, которых могли называть *одноли́чныки(ы)*: *Одноли́чныкы бу́лы. Зэ́мля бу́ла на́ша* (Елиз.). Зарегистрированы также два диалектных наречия, представляющие собой разнокорневые синонимы-дублеты: *оди́ноли́чно* и *индывуа́льно* ‘единолично’: *Ну ра́ньшы ани́ ади́налі́чна жы́ли* (Арх.). *Калы́сь жылы́ лю́ди, ну хазя́ины са́ми, тине́рь калхо́зники, а тади́ хазя́ины са́ми, индывуа́льна* (Бород.). При всём разнообразии видов мирного труда: кузнечное ремесло, ткачество, гончарное, мукомольное и маслобойное производство, шорное дело, собирательство (дикорастущих фруктов и трав), рыболовство и др. – основными занятиями кубанских казаков были земледелие и скотоводство.

Приоритет этих видов трудовой деятельности сохранился и в наши дни. Они являются залогом достатка и благополучия, которые не могут быть достигнуты при занятии другими промыслами. Недаром кубанцы шутят: *ры́бка да за́йчики доведут(ь) до ста́рчики / ры́бка та за́йчики заве[э]дут(ь) у ста́рчики*, то есть, занимаясь охотой и рыбалкой, останешься бедным, много не заработаешь (*старчика* ‘нищета’). При этом другая поговорка формулирует следующее условие материального благополучия: *бу́де[э]шь паха́ть – бу́де[э]шь бога́т*. В большинстве своём современные жители Кубани заняты в сельском хозяйстве и животноводстве, многие имеют подсобные хозяйства. В.П. Чалов приводит глубоко метафоричное устойчивое выражение *держáться за зéмлю* ‘крестьянствовать, жить, трудиться в сельской местности’ [Новолаб. – Чалов, 1981, с. 142]. То обстоятельство, что нынешняя молодёжь *не дэ́ржится за зéмлю*, уезжает в город, не желает заниматься сельским трудом, вызывает большое беспокойство у старшего поколения, жизнь которого неразрывно связана с

постоянной работой на земле. Общее значение ‘постоянно трудиться в поле, в сельском хозяйстве’ актуализируют в местных говорах такие ДФЕ, как *с землі ни выхóдыть, косу́ / косьё с рук ны бросáть: Я усю́ жызнь в калхóзи. Я з зимлі ни выхóдыла* (Бород.). *Ма́ма в вайну́ и с намы ваюва́ла, и косу́ с рук ны брасáла* (Шев.).

В речи жителей кубанских станиц наряду с общенародным *работать* функционирует диалектный глагол *робы́ть*, в первом своём ЛСВ означающий ‘трудиться’. ЛЕ бытует преимущественно в КГУЯО. Следует подчеркнуть частотность слова: практически каждый информант употребляет его в рассказах о своей жизни, ибо жизнь сельского человека с раннего детства и до глубокой старости проходит в непрерывном труде. Глагол имеет разную огласовку: *р[о/а]бы́ть*, что можно объяснить влиянием РЯ на речь местных жителей. Ср.: *Я зма́лочку пишла́ робы́ть* (Старотит.). *Я раблю́, спасі́ба ма́ма, шо ана́ істачки свáрэ* (Шев.). В кубанском диалекте ЛЕ является полисемантом и обладает теми же значениями, что и в языке-источнике [см. НУРРУС, с. 243]. Глагол *робы́ть* имеет в местных говорах ряд дериватов с нейтральной коннотацией. См., напр.: *Я ужэ́ так наробы́лась, шо нэ хóчица и жыть* (Ахтаниз.). *Два́цать гыкта́р дыржа́ла выногра́ду, и всё вручну́ обробля́лы* (Ахтаниз.). *Я на свина́рни дэ́сят лит одробы́ла* (Бол. Бейс.). *Папрóбуи парабы́ з утра́ да но́чи* (Бород.). *Оцэ́ биля́ тэля́т я нимно́шко парабы́лася – я их нэ́ любы́ла* (Васюр.). *Доя́ркою робы́ла, робы́ла, робы́ла, доробы́лася, шо далы́ мни лёхкий трут* (Канев.). *Вин учі́вся за́бно и так пидробля́л* (Канелов.). *Уробы́лася я на рабо́ти. Рабо́тала: ру́кы усі́ у на́ростях, боля́ть. Утака́ жы́зня* (Серг.). *Тры́цать лит я у колхóзи проробы́ла* (Старомыш.). *Брыгады́р ка́жэ: «Ну як ты будэ́и доробля́ть? Ты ж нэ́го́дна»* (Старотит.) и др.

Украинизм *працюва́ть* встречается в речи носителей КГУЯО спорадически и воспринимается ими как нейтральный и устаревший. Информанты сами подчёркивают его архаичность: *Цэ́ ра́ньшы каза́лы «працюва́ть», щас бі́льшы «робы́ть» ка́жуть* (Старотит.). В словаре украинского языка данный глагол имеет помету (об умственном труде – обычно) [НУРРУС, с. 221], однако местные жители употребляют его в значении ‘заниматься физическим трудом’.

Однокоренное существительное *праця* ‘работа, труд’, функционирующее в украинском языке, в наших материалах не зафиксировано.

Нейтральным является глагол *поработаться* ‘поработать’: *Я гот пароботалась ф Тихарэцкам и вирнулася ф станицу* (Арх.). Зафиксированы также однокоренные ЛЕ – *поработки* ‘заработки на стороне, работа по найму’, *поработник* ‘работник по найму’, *поработница* ‘работница по найму’: *Атэц в пароботках робыл* (Марьин.). *У работниках жыл. Ф пароботники папал, кагда была читьрнацать лет* (Гейм.). *Я в пароботницах хадила* (Тбил.).

Широкий ареал имеют на Кубани глаголы *наймать, найматься* ‘нанимать(ся) на работу’: *Хто будэ мазать дом в сэрэдыни? Колхос или будэи наймать?* (Новомалорос.). *Наймалась я в дэцтви копать огороды* (Курч.). Частотны в речи информантов старшего поколения ДФЕ *ходи(ы)ть по наймах / по наймам, в(у) наймочках, ходи(ы)ть по людях / по людям*, всплывающие в воспоминаниях о прошлом: *Бидно жылы. Прыходылось хадить на наймах* (Бород.). *Я була в наймачках* (Гейм.). Значение ‘работать на других’ актуализируется в словообразовательных вариантах *батрако(у)вать*, представляющих собой словообразовательно-фонематические варианты слова ЛЯ *батрачить* и отличающихся от него суффиксами – ОВА(ТЬ) / УВА(ТЬ) – И(ТЬ) и корневыми фонемами <К> – <Ч>. См. записанный контекст: *Симья была большая, дитей многа... и фси иисты просят. Вот и пришлось мне с ранних лет батракавать* (Желез.). Аналогичное значение имеет ДФЕ *чужим волам / быкам хвосты крути(ы)ть*.

Целую серию образуют в кубанских говорах экспрессивно окрашенные глаголы с общим значением ‘много и тяжело работать / отработать’, входящие в общекубанский лексический пласт. См. высказывания информантов: *Двацать числоф, бывала, выдуишся, а патом апять на смэну* (Родник.). *Здаровья нима, патаму шта усю жысть гамбалила* (Пашк.). *Я ганбалила, а за дитямы мамка сматрела* (Усть-Лаб.). *Я пийшла с трынацати лет у калхос гандыбалыть* (Бород.). *Я трыцать шэсть годив отмантулыла, а вонь ны гóду и получа бильше мэне* (Полтав.). *Прамантулыли, дэвачки, фсю жызнь и здаровье патиряли* (Арх.).

И три́цать годи́в я тут оддуба́сыв на лоша́дях (Марьян.). Сын пашо́л в зятья́. Там муша́тит как я тибé дам! (Ильич). А я да́йкаю со́рак лет атмудо́хала (Арх.). Со́рак пять лет атпиля́л, витира́н труда (Арх.). Три́цать семь лет праши́кала (Серг.). С рятко́в бигу́ть усé: тирну́жыть никаму́ ни хо́щица (Кирпил.).

Фонематические варианты *гам(н)ба́лить* (чередование губной фонемы <М> и переднеязычной фонемы <Н> наблюдается и в других ЛЕ, см., напр.: *амбар – анбар, ла́мпа – ла́нна* и др.), можно квалифицировать как локализмы: ни в СРНГ, ни в словарях украинского языка они не отмечены. Их происхождение, вероятно, связано с существительным *амбалы* ‘персы рабочие в Астрахани и в портах Каспийского моря, занимающиеся главным образом разгрузкой и нагрузкой судов; вообще грузчик, чернорабочий’ [СРНГ, 1, с. 250]. Появление протетического фрикативного звука перед гласным в начале слова характерно для кубанских говоров (см. также *гарба, гострый* и др.).

К структурным локализмам относится и глагол *гандыба́лить*. СРНГ фиксирует однокоренные ЛЕ *гандо́бить, гандаби́ть* с общим значением ‘делать что-л.’, обладающие следующими дифференциальными семами: ‘*по хозяйству*’, ‘*по хозяйству кое-как, плохо; неумело, ненадежно*’ и др. [см. СРНГ, 6, с. 134]. Можно предположить, что на развитие у этого лексического диалектизма локального ЛСВ ‘много и тяжело работать’ повлияли похожие по звучанию лексемы *гамба́лить* и *ганба́лить*.

Широкий ареал, в том числе южнорусский, имеет в указанном значении глагол *манту́ли(ы)ть* [СРНГ, 17, с. 364]. В СРНГ отмечены однокоренные ЛЕ *мантова́ть* ‘работать’ и *манта́чить* ‘точить косу специальной лопаточкой (*манта́чкой*)’ [см. Там же]. На Кубани зарегистрированы глаголы *манта́чить, пи(о)дманта́чить* и фонематические варианты *манта́(о)чка* ‘приспособление, которым точат косу: камень-брусек или терпуг на деревянной ручке’: *В ди́да таго́ манта́чка була́, ну вин и пидманта́чив мині́ ко́су* (Новотит.).

Процессы *точить* и *пилить*, требующие физического напряжения, послужили образной основой для развития значения ‘выполнять тяжёлую

физическую работу' у глаголов *отпилять* и *терпужить* (*терпуг* 'стальной брусок с насечкой, род напильника' [МАС,4, с. 491; Гринченко, IV, с. 258]). РГК фиксирует ЛЕ *терпуг* и *терпуга* 'презрительные клички, которыми называли казаков': *Тирпугами называли нас* (Родник.). Прозвище, вероятно, возникло как реакция иногородних на то, что в казачьих семьях работали, не жалея себя. Приведём отрывок из рассказа информанта: *Моя свэкруха навкóлюшках просыла папáню: «Оддáйтэ мэ́нэ зáмиж за гамсэ́ла, я нэ хóчу за козакá, у ёго богáто рабóты»* (Старотит.). См. также поговорку: *У ка(о)зака и тараканы пашут(ь)*.

Словообразовательной базой локализма *мушáтить*, вероятно, являются однокоренные акцентологические варианты *му́ша* и *мушá* 'Переносчик тяжестей, носильщик. Му́ша. Кавказ., Даль. Муша. Телав. Тифлис., 1909. Отрадрн. Краснодар' [СРНГ, 19, с. 43]. Приведём глагол в записанном контексте: *Он харóшный, хазя́ин харóшный. Он мушáтит: дом э́тат апклáл, кúхню там абдéлал, тако́й паря́дак. Мушáтит, да таво́ мушáтит* (Ильич). Слово *мушá* и его структурный вариант *мушáк* зарегистрированы в наших материалах и в составе УС, характеризующих человека, способного много работать: *Свикрóвь, анá рабóтала то́жэ как мушá* (Перед.). *Вáля на хвэ́рми рабы́ла як мушáк* (Копан.).

Лексема *проишáкать* – словообразовательно-фонематический вариант просторечного глагола *проишáчить* – отличается от него суффиксом (ТЬ) – И(ТЬ) и фонемным составом корня <К> – <Ч'>). Прозрачной внутренней формой обладают семантические диалектизмы *вы́дуться* и *отдубáсить*. В значении глагола *вы́дуться* обнаруживается дифференциальная сема 'выбиться из сил, потерять трудоспособность'.

Усталость часто ассоциируется с потерей трудоспособности, что отражается в семантической структуре ряда глаголов семами 'потерять силы, способность трудиться'. См. записанные контексты: *Убэ́халась, мо́чи нэма́е* (Дин.). *Сын щас, дэ́вачки, так на рабóти уграбля́ица, прихóдить биз ру́к, биз но́х* (Усть-Лаб.). *Ну и упи́стáлся я сёдни на рабóти!* (Перед.). *Як я утаскáлася: ваго́ны грузы́ла* (Новотит.). *Ухэ́калась на агаро́ди, дай пасидю́* (Усть-Лаб.). *Я сёдня в агаро́ди ухандо́калась, но карто́шку фсю вы́капала* (Пашк.). *Как я ухóркалась за́ динь*

(Брат.). Толкование диалектизмов *ухэ́каться* и *ухо́ркаться* информантами, а также их внутренняя форма позволяют выделить в их значении дифференциальные семы 'сбить дыхание'. Глагол *утаска́ться* включает в семантическую структуру дифференциальные семы 'сильно устать от ношения тяжестей'. Значение 'изнурять, доводить до изнеможения' выражает диалектизм *угрёбывать* (ср. с общенародным *гробить*): *Я прóста угрёбывала сибя́: виза́ла фсем, апишыва́ла* (Арх.). Глагол *упéстаться* в СРНГ отмечен с ударением на первом слоге, в первом ЛСВ он совпадает по значению с кубанским диалектизмом [СРНГ, 47, с. 246]. Состояние усталости и неспособности выполнять какую-л. работу актуализирует организованная как простое предложение ДФЕ *си́ла паги́бла: А тада́ пажыни́ла, пааддава́ла за́муш, и си́ла паги́бла* (Воздвиж.). См. также ДФЕ со свободным порядком расположения компонентов *ни жа́ба ни рак / ни рак ни жа́ба*, которым называют обессиленного, уставшего от тяжёлой работы, человека: *А мы прыйды́м з рабо́ты: ны жа́ба ны ра́к* (Бол. Бейс.). Построенное по аналогичной модели ДФЕ *ни рук ни ног / ни ног ни рук* номинируют физическое состояние, вызванное изнурительным трудом: *Прышла́ з гаро́да: ни рук ни нох. Се́ла и ме́сту ра́да* (Пашк.).

Значение 'много и изнурительно работать' имеют экспрессивные УС. Приведём их в высказываниях информантов: *Пири́ехала сюда́, и тут то́жэ стрóялы. То́жэ мини́ доста́лося. Вот так всю жы́знь рабо́тала как волк* (Пашк.). *Як соба́ка робо́ила. И се́мьдися́т со́тых огоро́ду у на́с было́* (Новоберез.). *Мы са́мы и дом стрóили. Як ёго́ стрóили – та ни дай Гаспо́ть! Рабы́лы як каня́ки* (Стародерев). В ст-це Бриньковской записано обладающее внутренней рифмой УС *напахáться як мы́ла нагло́таться*. Существительное *мыло* встречается и в других УС: *допа́сться как / як Марты́н до мы́ла* 'о человеке, жадно набросившемся на что-л. желанное', *наи́сться як дурный мы́ла* 'наестся до отвала', *налызаться / нажраться як Мартын мы́ла* 'напиться пьяным'. Вероятно, поводом для образного переосмысления при создании данных выражений послужила ценность мыла, которое раньше трудно было достать. Представляется, что в значении УС *напахáться як мы́ла нагло́таться* можно выделить, кроме сем

‘много’, ‘изнурительно’, ‘поработать’, семы ‘усиленно’, ‘с жадностью’. В местных говорах также бытует ДФЕ *робы́ть до упа́ду*. Её идеографическим синонимом является ДФЕ *убыва́ться хозяйством*, в значении которой, кроме сем ‘много’, ‘тяжело’, ‘работать’, выделяется сема ‘по хозяйству’.

О человеке, на долю которого выпадает много работы, говорят, что ему *достаётся (досталось) як / как ~ ме́(и)дному котелку́, тому́ уто́пленны(и)ку, ку́цему на перелазе: Дэ тикэ ны робы́в: доста́лось як ме́дному котилку́* (Старомыш.). *Дитэй було́! Два хло́пця и пъять дивча́т. Я са́ма ста́рша. Прыхо́дылось и скоты́ну па́сты, и дыты́ну ня́нчить. Доста́лось як тому́ уто́плынныку* (Старомыш.). *Робы́в и на хве́рми, и в брыга́ди, во́щим доста́лось як ку́цему на пэ́рэлазе* (Новотит.).

Значение ‘кто-л. испытывает (испытывал) сильное физическое напряжение’ актуализируют ДФЕ, имеющие структуру двусоставного предложения: *глаза́ ро́гом ли́зуть, аж пупы́ выла́зылы: На вырху́ на машы́ни сыды́ш, вы́лкамы згружа́лы. Глаза́ ро́гом ли́зуть* (Журав.). *Коса́мы касы́лы, аш пупы́ выла́зылы* (Стародерев.). Того, кто может надорваться от тяжёлой работы, предостерегают – *пуп развя́жется: Лажы́ ни́полный мишо́к, бо пуп развя́жыца* (Дин.). Структурным вариантом общенародной ФЕ *не покладая рук* ‘усердно, без устали, не переставая (делать что-л.)’ является ДФЕ *не прикладáя рук: Рабы́ли ни прикладáя рук* (Бород.). См. также адвербиальный фразеологизм *в три пота* ‘напряжённо, интенсивно (работать)’ (ФСГК).

Изначально сельский труд был в большей части ручным, что породило в говорах такие ЛЕ, как *рука́мы(и), на руках* ‘вручную’: *Каси́ли рука́мы, а пато́м лабагрэ́йкы* (Марьин.). *Ра́ньшы усё на руках шы́ли. Ма́ма и пальту́шку ми́не пашы́ла на руках* (Пашк.). См. также ДФЕ *быть на чьих-то руках* ‘доставаться на чью-л. долю (о труде, заботах и т.д.)’, *без ру́к* ‘о сильной усталости от ручной работы’: *У хазя́йф мно́га худо́бы. Фсе воны́ на майи́х руках* (Некрас.). *Ха́ту пабили́ла, усё пирымы́ла – сидю́ биз ру́к* (Пашк.).

Работая в поле, в огороде, человеку часто приходилось сгибаться, склоняться к земле, буквально ползать на коленях. Так у ДФЕ *ла́зи(ы)ть ра́чки(ы)*

/ *ра́чкой*, прямое значение которой ‘ходить согнувшись’, появился второй экспрессивно окрашенный ЛСВ ‘изнурительно работать (часто согнувшись)’: *С утра́ в горóди ра́чки ла́зю* (Старотит.).

Особая поза работающего также послужила образной основой для ДФЕ с общим значением ‘много и тяжело работать’. Это ДФЕ *гнуть ~ горбы́ну* (‘спина’), *спи́(ы)ну / спи(ы)ня́ку, хóлку, хриб* (*хриб* – структурный вариант общенародного *хребет*): *Фсю жызынь горбы́ну гну́лы* (Ленинград.). *Мий сын спи́ну гнув, а вонá ныдэ́ ныко́лы ны робы́ла* (Марьян.). *Мы спыня́ку гну́лы, а пёнзия малэ́нька* (Елиз.). *Батра́к хрип гнул, а ничигó за э́та ни палуча́л* (Воронеж.). *Усю́ жысть в калхóзи гну́ли хóлку. А шо мы зарабо́тали?* (Усть-Лаб.). Зафиксированные контексты демонстрируют, что у перечисленных ДФЕ можно выделить также дифференциальную сему ‘на кого-л.’.

О продолжительной работе носители диалекта говорят: *заря́ приго́нить, заря́ уго́нить* (Арх.). Записаны выражения *без вы́гребу, без вы́прягу* ‘без отдыха, без передышки’, характеризующие продолжительный, тяжёлый труд: *Рабо́тали без вы́гребу* (Вознес.). *С утра́ да но́чи биз вы́прягу рабо́тали* (Воронеж.). О человеке, находящемся в постоянных хлопотах, непрерывном труде, говорят: *как чёрт в бокла́ге / в рукомойнике*. Широко распространены в местных говорах структурные варианты: *некогда́ / ни́(ы)колы в(у) го́ру гля́нуть* ‘быть очень занятым какой-то работой’ (*гора́* ‘верх’). Первый чаще употребляется в КГЮЯО, второй – в КГУЯО. См. также в аналогичном значении ДФЕ *вда́риться в забо́ту: Да ана́ така́ зánaта, в забо́ту вда́рилась уся́* (Андрюк.).

Большой объём работы номинирует обладающая внутренней рифмой ДФЕ *рабо́ты до са́мой суббо́ты: Ой, дивча́та, та тут рабо́ты да са́май суббо́ты* (Усть-Лаб.). См. также ДФЕ *дело́в не продо́хну́ть* ‘о большом количестве какой-л. работы, о сильной занятости’: – *На́дя, ты в атпуску́? Аддыха́иши? – Како́е аддыха́иши! Дило́в ни прадо́хну́ть* (Пашк.).

Повышенным эмоциональным тонусом обладает устойчивое выражение *в(у) го́ры покаты́ть / го́ры покаты́ть* ‘справиться с любой тяжёлой работой’ (ср. с общенародным *горы своротить*): *Абы ще́ нога́ ни бали́ла, я бы и в го́ры*

пакаты́ла. В цэй гот сама́ гаро́т пасады́ла (Ахтаниз.). Вона́ работя́ца: го́ры покáтыть (Новотит.).

Значение ‘быстро и много работать’ актуализирует глагол *бузова́ть* (в этом же значении ЛЕ зафиксирована и в смоленских говорах [СРНГ, 3, с. 257]): *А зимой ба́ба мая́ усé тры ме́сица бузу́еть, пряде́ть (Кирпил.).* Аналогичный смысл выражает УС *ро́быть як угорéлые: Ма́мка загада́е: во тэ́ парабы́тэ, во тэ́ парабы́тэ. А мы стара́имся, ро́бым як угорэ́ли (Стародерев.).* Устойчивое выражение *шуми́т аж гай* может употребляться как в значении ‘весело’, так и в значениях ‘быстро’, ‘споро, слаженно’: *Мы ро́бым з дивча́тамы, аж гай шуми́ть (Пашк.).* Диапазон семантики лексемы *гай* в славянских языках весьма широк: *гай*¹ ‘роща’ (укр., блр., др.-русс.) и *гай*² ‘шум’: («крик галок, гам, шум», *гая ж.* «стая птиц», ряз. Сюда же др.-русс. *гайти* «каркать (о вороне)»). Родственно др.-инд., лит., жем.) [см. Фасмер, I, с. 382 – 383]. Наречие *хва́том* ‘быстро’ употребляется с глаголами, имеющими в семантической структуре интегральные семы ‘делать’, ‘работать’: *Цэ трэ́ба хва́том ди́лать (Старомыш.).* Ср. с наречием *пры́хваткамы* ‘урывками, понемногу’, которое имеет аналогичную синтагматику: *Ма́зала ха́ту пры́хваткамы (Старотит.).*

Целую серию образуют в кубанских говорах глаголы с общим значением ‘заниматься каким-л. хлопотным делом’, среди которых преобладают экспрессивы. См., напр.: *Фсе́ ле́та я с э́тими агури́ами мардава́лась (Усть-Лаб.). Ско́лькая с э́тай рassáдай музды́калась, а фсе́ равно́ прапа́ла! (Усть-Лаб.). Прамузды́калась з зака́ткой и сири́ал прапусти́ла (Усть-Лаб.). Муту́рилась, муту́рилась а́на с э́тими агури́ами, а а́ни вси равно́ пагарéли. А ну́ така́я жарю́ка (Усть-Лаб.). Ду́маю: на́да мине́ хатёначку. Навази́ли гли́ны, памагли́ ро́дычи. Хажу́ ка́ждый день и люблю́сь на хатёначку сваю́ и ду́маю: када́ ш ты вы́сахниш? А систра́ мине́ гаво́ре: «Ты ни чирту́йся, а купи́ ха́ту харо́шую» (Воздвиж.).* Нейтральными являются лексический диалектизм *бо́таться* и семантический диалектизм *кружи́ться*: *В агаро́ди фсе́ сажáим, и я, и Юра бо́таимся, во́зимся (Арх.). А я была́ са́мая ста́ршая, з дитя́ми малы́ми кружи́лася (Арх.).*

Большинство из приведённых слов зарегистрировано в аналогичном значении в русских говорах или в украинском языке. Так, глагол *бо́таться* СРНГ подаёт с пометой Курск. [СРНГ, 3, с. 133]; семантический диалектизм *кружиться* отмечен в тверских, псковских и владимирских говорах [СРНГ, 15, с. 312]. Лексема *мордоваться* представлена в курских, воронежских, донских говорах [СРНГ, 18, с. 259]. В украинском языке полисемичный глагол *мордуватися* означает: '1) Мучиться, терзаться. 2) Силиться, стараться, выбиваться из сил. 3) Бесноваться' [Гринченко, II, с. 445]; в кубанском диалекте слово имеет также ещё два ЛСВ 'вести себя непоседливо, шуметь, возиться; озорничать, баловаться' и 'находиться в периоде течки (о свиньях)'. Отличаются суффиксами – *ЫКА(ТЬ)СЯ* – *А(ТЬ)СЯ* кубанский лексический диалектизм *муздыкаться* и зафиксированный в воронежских, курских и тульских говорах глагол *музда́ться* [СРНГ, 18, с. 337]. СРНГ приводит однокоренное южнорусское существительное *музда́* 'узда, уздечка' [СРНГ, 18, с. 336], послужившее, возможно, для этих глаголов словообразовательной базой. В результате образного переосмысления процессов, связанных с надеванием конской упряжи (действия требовали особой сноровки), образовался и локальный ЛСВ у глагола *захомутаться* 'завозиться, возиться долго' [Водарский, 1902, с. 14; СРНГ, 11, с. 160]. В курских говорах ЛЕ означает 'взяться за непосильный труд' [СРНГ, 11, с. 160]. Локализмом является также лексический диалектизм *муту́риться* (СРНГ подаёт его с пометой Усть-Лабин. Краснодар., 1965 [СРНГ, 19, с. 34]). Можно предположить, что глагол мотивирован однокоренными словами *муть*, *мутить*. Прозрачной внутренней формой обладает глагол *чертоваться*, корень которого ЧЕРТ-придаёт слову повышенную экспрессивность.

В общекубанский фразеологический пласт входят ДФЕ *быка́м / волам хвосты́ крути́(ы)ть* 'работать на волах ездовым, выпасать волов', *коня́м / конья́кам хвосты́ крути́(ы)ть* 'ухаживать за лошадьми', *коро́вам хвосты́ крути́(ы)ть* 'работать дояркой или скотником, пасти коров, числиться работником МТФ, быть животноводом', *теля́там хвосты́ крути́(ы)ть* 'работать телятницей', *свинья́м хвосты́ верте́ть* 'работать на свиноферме'. Всем ДФЕ

присуще и общее значение ‘выполнять несложную или грязную, не пользующуюся уважением и не требующую особой квалификации и большого ума работу’. См. также: *крутить / вертеть / вязать хвосты* ‘выполнять грязную работу, быть неспособным, никудышним работником, бездельничать’, *будешь ты свиней пасть, будешь ты быкам хвосты крути(ы)ть* ‘угроза ленивому ученику’. См. записанные контексты: *Ны будыш учіцца – будыш быка́м хвосты́ круты́ть* (Елиз.). *Щас така́я жызнь: ни будит абразаванія – то́лька быка́м хвасты́ круты́ть* (Усть-Лаб.). Данные ДФЕ повсеместно употребляются и в значении ‘бездельничать’: *У нас якый мужы́к ло́дырь, так мы ка́жэм: «Нашо́л рабо́ту: быка́м хвосты́ круты́ть»* (Днепр.). С ДФЕ *вязать хвосты* перекликается ФЕ *коту́ / ко́(і)шке хвоста́ не завяза́ть*, в значении которой можно выделить дифференциальные семы ‘ничего не делать по дому’, появившиеся в связи с тем, что коты устойчиво воспринимаются носителями диалекта как животные, в большей степени привязанные к дому, ко двору, чем к хозяину, поэтому ассоциируется с домашним бытом. См. зарегистрированный контекст: *Я за цэ́лый день кату́ хваста́ ни завиза́ла, да́жы пёчку ни тапі́ла* (Новолаб. – дЧ.).

Отсутствие желания что-л. делать актуализируют также ДФЕ, организованные как двусоставные предложения: *ру́ки не снима́ются / не сымáются, рукава́ боля́т: Ру́ки ни снима́ются ку́хню били́ть, а на́да ужэ́* (Лаб.). *А цэ́ внук прыйі́хав: «Ба́бушка, ты варэ́ников ны вары́ла?» Я вну́ку кажэ́: «Дётка, як дэ́душка умэ́р, я нычэ́ ны гото́влю. Мне ма́ма твоя́ но́сыть. Ру́кы ны сымáюця ничэ́ дэ́лать»* (Копан.). *Как ага́рот капа́ть, так у і́х рукава́ баля́т, а как на дискате́ку – биго́м* (Мост.). Значение ‘ничего не делать’ имеет глагольный фразеологизм *и за холо́дную воду не бра́ться: Нивэ́стка дома и за холо́дную воду ни бирэ́цца. Я, гавары́т, на рабо́ти устаю́* (Пашк.).

В наших материалах зафиксирован акцентно-словообразовательно-грамматический вариант слова ЛЯ *лень – лени́цо*: *Ма́ма рабо́тала дэ́нь и ничь, а тётка, та с линцо́м была́* (Парк.). Приведём в записанной огласовке местную частушку, иронично и метко выражающую отношение к бездельникам: *на Куба́ни до́брэ жы́ть: оды́н ро́бэ, сим лэ́жы́ть. А як со́нцэ прыпы́чэ, и послі́дний уты́чэ. В*

речи носителей диалекта часто употребляется только первое предложение, которое воспринимается как поговорка, высмеивающая приспособленцев. Очевидно, что главное оружие против лени – ирония, насмешка, издёвка, презрение и осуждение. Именно таковы эмоционально-оценочные характеристики диалектных ЛЕ, имеющих в семантической структуре семы ‘бездельничать’ и ‘безделье’.

Самые многочисленные синонимические ряды среди них составляют глаголы и глагольные ДФЕ. См., напр., синонимы-дублиеты, записанные в следующих контекстах: *У людéй дéти рабóтают, а нáшы багла́йничают* (Пласт.). *Я так жы́л в рабóтниках, у дéвять лет пашёл, а уну́к хóдит, байдаку́йить* (Убин.). *Цэ́лыми дня́ми байба́чиш, ни надаéла тибé?* (Кирпил.). *Щас маладéш рабóтать ни хóчит, лыда́чит* (Высел.). *Хва́тэ вам лодырёва́ть, робы́ть порá* (Анап.). *Тада́ як було́: туниядничаиш – прыхо́дэ, вызыва́е у мили́цыю* (Курч.). *Хва́тить вам, биздэ́льники, халадава́ть, а то ни упрáвимся* (Пашк.).

Лексический дилектизм *багла́йничать* образован суффиксальным способом от диалектного существительного *багла́й*. По мнению М. Фасмера, слово *багла́й* может быть родственно *багор*, *бага́й*, *баган*. Свою версию учёный аргументирует тем, что примеры перехода значения ‘дерево’ ~ ‘человек’ хорошо известны [ср. Фасмер, I, с. 102]. В наших материалах ЛЕ зарегистрирована в двух ДФЕ, структурно организованных как двусоставные предложения, – *багла́й у гу́зно зали́з* и *багла́й напáли* ‘лень нашла’: *Багла́й у гу́зно зали́з – робы́ть нэ хóчуть* (Стародерев.). *На ни́х сиво́дня багла́й напáли. Сидя́т, балдэ́ют ат му́зыки, а ага́рот капа́ть ни хóчут* (Отрад. – СФГК). В украинском языке *багла́й* имеет отвлечённое значение ‘лень’ [Гринченко, I, с. 2]), которое в кубанских говорах актуализируется только в составе ДФЕ. Лексический дилектизм *гу́зно* ‘ягодица’ употребляется в местных говорах и в свободном значении.

Словообразовательные варианты *байдако(у)ва́ть* также входят в общекубанский лексический пласт (вариативность русского суффикса -ОВА(ТЬ) и украинского -УВА(ТЬ) характерна для носителей кубанских говоров). Словообразовательный вариант глаголов отмечен в украинском языке –

байдикувати ‘Ничего не делать, баклушничать’ [Гриченко, I, с. 20]. В СРНГ ЛЕ отсутствует. В курских и орловских говорах функционирует генетически близкое слово *байдать* ‘бездельничать, тратить время попусту, бить баклуши’ [СРНГ, 2, с. 54].

Лексический диалектизм *байбáчить* СРНГ регистрирует в псковских, смоленских и донских говорах [СРНГ, 2, с. 53]. Он образован от существительного *байбáк* ‘неповоротливый, ленивый и глуповатый человек’ [СРНГ, 2, с. 52], которое МАС в данном значении подаёт с пометой «Разг.» [МАС, I, с. 55]. Этот ЛСВ появился в результате метафорического переосмысления прямого значения ‘1. Крупный степной грызун из рода сурков, осень и зиму проводящий в спячке’ [МАС, I, с. 55].

Глагол *леда́чить* вошёл в КГУЯО из украинского языка (ср. *леда́чити* [СУМ, IV, с. 467]). В СРНГ он не отмечен, и это позволяет признать, что в КГУЯО данная ЛЕ попала из КГУЯО. В южнорусских говорах и в украинском языке зафиксировано однокоренное существительное *ледака* ‘плохой, дрянной человек’ [СРНГ, 16, с. 318] и ‘1. Лентяй. 2. Беспутник’ [Гринченко, II, с. 351].

Структурным вариантом общенародного глагола *лодырничать* является *лодырёвать*, ср. отличия: в ударении, в корневых фонемах <Р> – <Р’>, в суффиксах НИЧА(ТЬ) – ЁВА(ТЬ). К инновации советского периода относится глагол *тунеядничать* – словообразовательный вариант глагола ЛЯ *тунеядствовать*, ср. суффиксы: СТОВОА(ТЬ) – НИЧА(ТЬ).

В семантической структуре слова *холодовáть* выявляются три ЛСВ, связанные по типу цепочечной полисемии: ‘1) испытывать холод; 2) отдыхать в холодке; 3) бездельничать’ (ср. с лит. *прохлаждатися*). Третий ЛСВ развился в результате метафорического переноса на базе второго ЛСВ. Значение ‘бездельничать, отлынивать’ актуализирует локализм *охмуря́ться*: *Хвáтит ахмуря́цца, иди картóшки накапáй* (Кирпил.). В СРНГ он имеет помету Усть-Лабин. Краснодар., 1965 [СРНГ, 25, с. 40]. Ср. в русских говорах: существительные *охмур*, *охмурь* ‘столбняк [состояние неподвижности,

оцепенения?]', а также близкий по звучанию глагол *охмыляться* 'отлынивать' [СРНГ, 25, с. 40 – 41].

Глаголы и ДФЕ с интегральной семой 'бездельничать' могут различаться дифференциальными семами. Так, зарегистрирована ДФЕ *но́ги в(у) потоло́к*, означающая 'принимать позу, в которой невозможно ничем заниматься; бездельничать': *Приде́т дамо́й с рабо́ты, но́ги ф патало́к, на крава́ти ляжыт и смóтрит там сибé хаккёю или худбо́л* (Новолаб.). Ленивый человек часто либо сидит, либо лежит без дела. Отсюда глагол *лежебо́чить*: *С утра́ да но́чи лижыбо́чит* (Отрад.). *Наи́вся, напы́вся та лижыбо́чить* (Ленинград.). ДФЕ *лежма́(я) лежа́ть*, кроме ЛСВ 'долго лежать не вставая', имеет ещё и значение 'бездельничать': *Лижма́ лижы́иш цэ́лыми дня́ми, а кто ии за тибя́ дила́ будит де́лать?* (Лаб. – ФСГК).

Приведём в контекстах ДФЕ, актуализирующие значение 'сидеть без дела, бездельничать': *Хва́тит ла́вачку налирава́ть, иди́ ага́рот пало́ть* (Усть-Лаб.). *Ве́рка, будит тибé глаза́ прадава́ть. У ха́ти кто будит убира́ть?* (Высел. – ФСГК). *И сиди́ть си́дьма, ходь бы пол замила́* (Убин.). *А ца́с си́лы нэ́ма... Бо́льно в мэ́нэ на душэ́, шо до́чка ро́бэ, а я сидю́ сто́рожэм* (Братков.). В ст-це Ахтанизовской записано УС *сы(и)де́ть як на по́кути* (по́куть 'передний угол в доме, место под иконами'): *Шо сыды́иш як на по́кути?! Иды́ робы́ть, соба́ча душа́!*

ФСГК приводит ДФЕ, в которых значения 'лежать' или 'сидеть' не дифференцируются: *Сафсе́м ат ру́к адби́лся, но́ги ни кладёт ни на хазя́йству, ни ф калхо́зи* (Кавказ.). *А мы тагда́ рабо́тай жы́ли, на ло́дях хаді́ли, а ни то́, што те – сидéли, нага́ми ука́зывали* (Кург.). *За фсе́ лёта ни ра́зу но́гу ни уламі́л ма́тири памо́чь* (Мост.).

Лень часто ассоциируется с бесполезной, не приносящей ощутимых плодов деятельностью. В кубанских говорах функционирует серия глаголов, которые, кроме семы 'бездельничать', включают в семантическую структуру семы 'бродить, шататься без дела'. Приведём их в записанных контекстах: *Цэ́лый день бардижа́л, да́жы вады́ в души ни наноси́л* (Пашк.). *С рабо́ты уво́лился и бартижа́ит* (Тбил.). *Вин траву́ рвёт, а я босячку́ю* (Ясен.). *Не́чива зы́каицца,*

дѣлам займісь (Усть-Лаб.). *Скóка мóжна лы́ндать?* *Парá за ум бра́цця* (Пашк.). *Матусі́ть цэ́лый день, ужэ́ль ни нада́ела* (Новопокровск.). *Где п ни междвóрил, а абѣ́датель дамо́й идѣ́ть* (Кирпил.). *Люды рóблять, а вин огы́нацца* (Азов.). *Сновыгáе по станы́ци, дíла ёму́ нымáе* (Старотит.). *А якá вонá лóдырька, хóдэ по ўлы́ци тыня́цца, то по падру́гам шалáцца* (Смол.). *Я гаварю́: «Ві́тя, хва́тить ша́блацца, нóда на рабóту устра́ивацца»* (Усть-Лаб.). *Симулі́равал, ни хатѣ́л рабóтатъ, он так шалобрóдничал всё врѣ́мя* (Никол.). *Тóка и шлы́ндаит на сасѣ́дям, нет бы дóма дѣлам заня́цца* (Пашк.).

Часть приведѣнных ЛЕ пришла в местный диалект из материнских говоров. Так, в украинском языке зарегистрированы глаголы: *огинатися* ‘уклоняться, отвиливать’ [Гринченко, III, с. 35], *сновигáти* ‘сновать, слоняться’ [Гринченко, IV, с. 162], *тинятися* ‘слоняться, шататься’ [Гринченко, IV, с. 261], *шалатися* ‘слоняться’ [Гринченко, IV, с. 482]; в южнорусских говорах – глаголы *лы́ндать* [СРНГ, 17, с. 222], *матусі́ть* [СРНГ, 18, с. 38], обладающий прозрачной внутренней формой *междвóритъ* [СРНГ, 18, с. 81]; лексический диалектизм *шалáться* отмечен в донских говорах [БТСДК, с. 586]; см. также ФЕ *сбивáть шаблы́* ‘бездельничать’ [Там же].

Рассмотрим локализмы, входящие в данную ЛСГ. Фонематические варианты *бардижáть* и *бартіжáть* отличаются фонемами <Д> – <Т> (подобное чередование фонем встречается и в других ЛЕ: *лѣнта* – *лѣнда*, *бидóн* – *битóн* и др.). Вероятно, образной основой для глаголов является диалектное существительное *бáрда* ‘перевродившая жидкость’ (ср. с лит. *бурда*). В донских говорах зарегистрированы однокоренные слова *бартёжить* ‘бродить без толку, шляться, бездельничать’, *бартёжник* ‘лентяй, прогульщик’ [БТСДК, с. 36], а также глагол *бардажáть* ‘скитаться, подолгу отсутствовать’ [БТСДК, с. 35]. У кубанских диалектизмов выявляются оба значения. Глагол *босячковáть* имеет прозрачную форму – ‘ходить босиком, бродяжничать’. С таким толкованием его структурные варианты: *босяковáть*, *бося́чить*, *бося́чничать* – представлены в СРНГ [СРНГ, 3, с. 127]; в украинском языке отмечена однокоренная ЛЕ *босувати* ‘ходить босиком’ [Гринченко, I, с. 90]. Значения функционирующего в местных

говорах глагола *зы́каться* ‘отбиваться от оводов (зык ‘овод’)’ и ‘бегать’ являются полидиалектными [см. СРНГ, 12, с. 35 – 36]. ЛСВ ‘бродить без дела’, в котором также ЛЕ отмечена на Кубани, связан со вторым ЛСВ по типу цепочечной полисемии. Хождение без дела вызывает у носителей диалекта устойчивую ассоциацию с ленью. Следовательно, можно признать, что значение ‘бездельничать’ у приведённых ЛЕ развилось в результате регулярного метафорического переноса.

Значение ‘бродить, шататься без дела’ актуализируют и ДФЕ: *горобці́в гоня́ть* ‘болтаться без дела по улице’: *Та воні́ по у́лиці горобці́в ганя́ють. Нет шоп ма́тири помо́чь* (Марьян.); *хо́дити с кутка́ в куто́к* ‘слоняться без дела из угла в угол’: *Шо ты хо́диши с кутка́ в куто́к. Пайді́ ма́тири намагі́* (Бород.); *ла́зять по ха́ткам, счита́ть чужі́е двори́* ‘ходить по знакомым, забросив домашние дела’: *Нэві́стка любэ́ по ха́ткам ла́зять, а робы́ть ны любэ́* (Старотит.). *До́ма пално́ дел, а ана́ пашла́ чужы́е двары́ щита́ть* (Усть-Лаб.). ДФЕ *манивца́мы ходы́ть* означает ‘уваливать от работы, отлынивать’: *Усі́ выногра́т рі́жуть, а вонá манивца́мы ходэ́* (Старомыш.). Значение ДФЕ развилось на базе свободного словосочетания *манивца́мы ходы́ть* – ‘ходить окольными путями’.

Глагол *нудьговáться* (ср. с *нудьгувати* ‘Тосковать, скучать, томиться’ [Гринченко, II, с. 572]; ср. также с *нудиться* в РЯ, первый ЛСВ которого совпадает с диалектным.) в семантической структуре, кроме сем ‘бездельничать’, имеет семы ‘скучать’, ‘томиться’, ‘изнывать от безделья’: *Шо ты́ нудьгу́ишися? Пиды́ замиты́ двир* (Стародерев.).

Многочисленны ДФЕ с общим значением ‘заниматься заведомо бесплодной, бесполезной деятельностью’. См. записанные контексты: *А сын у нэй ны робэ́ и ны ўчи́ця. Так, ба́йдыкы́ бье* (Старомыш.). *Ско́ка мо́жна га́йдукуы́ бы́ть?* (Пашк.). *Хва́тит на соба́ках шерсть битъ, а ну де́лам займі́сь* (Пашк.). *Ничиво́ ни де́лал цэ́лый день, на соба́к га́вквал* (Пашк.). *Ходы́лы: ны так посива́лы, бильши́э соба́к дра́тува́лы* (Старотит.). *Хва́тэ горобця́м ду́ли круты́ть, иды́ть робы́ть* (Дин.). *Сидя́т цэ́лый ве́чир на ла́вачки, вы́тришки ло́вят* (Пашк.). *Я разозлы́лась и кажэ́ йим: «Фа́тит гав ловы́ть! На́до з на́шэй кваши́ні ходь*

*балабушык напэчь» (Незайм.). Діты заміж повыходылы, поуйижжэлы, як хочиш, так и жывы, хоть собакам сено косі (Бород.). А ані весь день шалаповку адбивають, ничигó дэлать ни заставіш (Новолаб.). Пирипалачивають вэтир цэлыми днями. За шó им тóлька зарплату платять (Лаб.). Мужык робыв, а она ридно тягала кругом хаты (Бриньк.). Вин нычэго ны зробыв, шо я казала. Шукэв вчэрашнрго дня (Новодерев.). См. также: из говна ягодки выбирать (Лаб. – ФСГК); глаза лягушкам выширивать (Мост. – ФСГК); зевака ловить, мух ловить (Кавказ. – ФСГК), дым в глаза пускать ‘создавать видимость работы’ (Кавказ. – СФГК) и др. В состав некоторых ДФЕ входят диалектизмы, которые употребляются в местных говорах и в свободном значении, см., напр.: *горобец(ь)* ‘воробей’, *вытрешки* *груб.* ‘глаза’, *гава* ‘ворона’, *переполачивать* ‘разгребая, перевёртывать’, *рядно* ‘грубое полотно’, *шукать* ‘искать’.*

Лень ассоциируется с праздным времяпрепровождением. См., напр., ДФЕ *гульки справлять* ‘вести праздный образ жизни’: *Щас маладэи какая: им бы тока гульки справлять, а работат ані ни хочуть* (Пашк.). В языковом сознании носителей диалекта сближаются понятия *пьянство* и *лень*. У обрядовой ДФЕ *води(ы)ть журавля* В.П. Чалов регистрирует второй ЛСВ ‘пьянствовать, забросив все дела’. Приведём известную на Кубани пословицу, предупреждающую о хозяйственном разорении из-за пьянства: *муж запьёт – половина двора прахом пойдёт, а жена запьёт – весь двор прахом пойдёт*. См. также: *работа денежку копит, а хмель денежку топит*. Устойчивой ассоциацией лени с богатством можно объяснить появление ЛСВ ‘бездельничать’ у ДФЕ *обрастать жиром / жирком* (первый ФСВ ‘богатеть’ – ФСГК).

Ленивого человека характеризуют и имена прилагательные. Приведём их в высказываниях информантов: *Ох ы рóстэ лыдэча дівчина* (Стародерев.). *Дóчка у их лыдэца* (Пашк.). *У них ф симье фсе лукавыи – работат ни любят* (Усть-Лаб.). *Вин протывный, лóдырный* (Крыл.). *Сусіди в нас ну такі лодырючи* (Мингрел.). – Как у вас ленивого человека называют? – *Луткаватый* (Чамлык.). *Внук такой лидэчий, лягавый* (Каладж.). Суффикс – ЮЧ(ИЙ) у ЛЕ *лодырючий*, довольно продуктивный в кубанских говорах (ср. *болючий, краснючий*),

актуализирует высшую степень проявления признака – ‘очень ленивый’. Суффикс – (К)ОВАТ(ЫЙ), напротив, свидетельствует о том, что качественное прилагательное *лутковáтый* означает ‘слегка ленивый’.

Их антонимами выступают прилагательные с общим значением ‘работящий, трудолюбивый’, имеющие корни ТРУД–, РАБОТ(Ч)–. См. записанные контексты: *Дóчка в мэнэ трóдóлюбóвна* (Ахтаниз.). *Я старáлася, шоб дéти бýли трóдóлюбóмые* (Незайм.). *Дивчáта диривéнскийи, ани трóдýщийи. Ани трóдýцца* (Тенг.). *Вин у миня работячий бул, работал* (Бород.). *Анá такáя работчáя былá* (Новолок.). Дисциплинированного в работе, исполнительного человека называют *трудоисполнительный, выполнимый*: *Я такáя былá трóдаисполнительная у работи* (Арх.). *Пáринь он дýжэ выпалнимый* (Упор.).

В активном словаре у местных жителей находятся и существительные, номинирующие человека по его отношению к труду. ЛЕ с общим значением ‘лентяй, лодырь’ преобладают. Как правило, номинации ленивой женщины и ленивого мужчины дифференцируются. См., напр., контексты с диалектными номинациями ленивой женщины: *Лижыбóчиха любэ бáйдыкы быть, робыть нэ любэ* (Ленинград.). *Такá лахóдра здоровэнна, а якá вонá лóдырька!* (Смол.). *У гóроди тикы лóдарьки жывóть!* (Курч.). *О! Лутячка пашлá, линивая* (Упор.). *А анá всю жызнь лягва – ни работала* (Кирпил.). *Есть у нас такáя ляда: спить да спить* (Дах.). РГК в значении ‘лентяйка’ регистрирует локализм *нерадёлка*. Иллюстративные примеры позволяют выявить у ЛЕ два ЛСВ ‘1) лентяйка; 2) нерадивая, нестарательная женщина или девушка’: *Нирадёлка ни мóжа рýпчик патшыть* (Новопокр.). *Нирадёлка работать ни любить* (Новопокр.). СРНГ приводит, ссылаясь на В.И. Даля, без указания места однокоренные ЛЕ *нерадельник, нерадельница* ‘нестарательный, нерадивый человек’ [СРНГ, 21, с. 137]. В ст-це Кубанской для номинации ленивой женщины употребляется семантический диалектизм *балерина*, имеющий ироническую коннотацию

Разнообразны номинации ленивого мужчины. См., напр.: *Баглай – цэ такый, шо нычэго ны хóче робыть* (Марьян.). *Луты сидять. Эта у нас назавóть, кто ни хатить работать* (Некрас.). *Та от тóго лутая тóлку ны бóдэ. Вин*

ныкóлы ны робы́в и ны будэ робы́ть (Старотит.). *Сын у сасётки – лутя́га: рабо́тать ни хо́чить* (Арх.). *Тако́й лутя́ка, што хлеп ис-пад нóсу ни вазьме́т: ру́ку жаль тину́ть* (Отваж.). *Ще тот лутайце! Ёго ны нахы́лыш. Вин робы́ть ны хо́че* (Старотит.). – Как у вас ленивого мужчину называют? – *О! Лыда́ч пашо́л* (Упор.). *Эй, вы, халадо́вники, кагда ‘рабо́тать будити?’* (Воронеж.). Сложное существительное *легкопа́р* (ср. у В.И. Даля *легкопа́шня* ‘ленивый пахарь’ [СРНГ, 16, с. 313].) зарегистрировано в нашей картотеке в следующем контексте: *Эти литья́, как у нас их называ́ют «лежкapáры», мне нада́ели* (Подгор.). СРНГ подаёт данное слово с единичной фиксацией Тул., 1861 [Там же].

Семантическим диалектизмом является записанное М.Н. Шабалиным с пометой «нов.» общерусское слово *нахле́бник*: *Тагда́ у нас при усло́вии по́лнай дисципли́ны труда́ ни будить нахле́бникав, нашэ́йникав* (Упор. – дШ.). Ср. с общенародным: ‘1. Тот, кто живёт на чужих хлебах; приживальщик. 2. Устар. Тот, кто получает за плату стол и жильё в чужой семье’ [МАС, II, с. 569]. Синонимом-дублетом слова *нахлебник* является диалектизм *наше́йник*, также имеющий прозрачную внутреннюю форму.

Как локализмы можно квалифицировать диалектные варианты *лут, лутай, лутя́га, лутя́ка, лутайце*. СРНГ подаёт диалектизм *лут* в двух значениях ‘1. Лыко, кора липы. 2. Ободранная липа, палка без коры’ [СРНГ, 17, с. 206]. В значении ‘Лыко’ слово зарегистрировано и в украинском языке [Гринченко, II, с. 383]. На Кубани в Темрюкском районе зарегистрировано слово *лыкысе́ся* ‘неповоротливый, медлительный, ленивый человек’. П. Ткаченко приводит его без указания географии со значением ‘неумелая, неряшливая женщина’ [Ткаченко, 2008]. В ЛЕ, вероятно, наблюдается чередование фонем <О> / <А> – <И>, достаточно частотное в местных говорах: *лыко(а)се́ся – лыкысе́ся* (см., также *молоча́й – мылоча́й, фона́рь – фына́рь*). Представляется, что ЛЕ *лут, лутай, лутя́га, лутя́ка, лутайце* и *лыкысе́ся* могут иметь тождественную образную основу. Примеры перехода значения ‘дерево’ ~ ‘человек’ достаточно распространены [ср. Фасмер, I, с. 102]. В русских говорах функционируют лексемы *лы́ка* ‘лыко’, *лы́кас* ‘лентяй’, *лы́касить* ‘лентяйничать, лоботрясничать’

[СРНГ, 17, с. 220]. Другую версию находим у В.И. Даля, фиксирующего ЛЕ *лыкась* ‘бирюк, овчар, серый волк’ с пометой от греч. *lycos* ?, а также глагол *лыкасить* ‘шататься, слоняться’. Учёный связывает *лыкасить* с *лытать* ‘шататься’, от которого *лытась* ‘шатун, лентяй, потаскун’ [Даль, II, с. 276].

К локализмам относится слово *расландей*, представленное в СРНГ с пометой Юго-Вост. Кубани, 1949 в двух ЛСВ: ‘1. Растяпа. 2. Лодырь’ [СРНГ, 34, с. 212:]. РГК подаёт ЛЕ без оправдательного примера с указанием географии – ст-ца Отважная. Как локализм СРНГ регистрирует также сложное существительное *легкобытник* с пометой Усть-Лабин., Краснодар, 1965 [СРНГ, 16, с. 312]. Прозрачная внутренняя форма позволяет выделить в его семантической структуре не только сему ‘бездельник’, но и семы ‘любитель лёгкой жизни’: *Адні лихкабытники у пивной сидять* (Кирпил.).

В ст-це Бородинской записано слово *лобань* ‘крепкий, здоровый, но ленивый мальчик или мужчина’: *Діты такі нэгодні у мэнэ. Шо ім лабаням! Шатаюцца, нэ роблюць. Ідуць, шоб дэньгы пазычаць*. Аналогичное значение имеет в курских говорах лексема *лобарь* [СРНГ, 17, с. 95]. МАС регистрирует у существительного *лоб* просторечный ЛСВ ‘2. пренебр. О подросших, ставших большими, взрослыми детях’ [МАС, II, с. 261].

Многослойной семантикой обладает ЛЕ *надолбень* ‘дурак, пустомеля, бездельник’: *Он жы надалбень, што иму дакажыш* (Дах.). СРНГ подаёт её со ссылкой на В.И. Даля [без указ. места] и с пометой Юго-Вост. Кубани 1940 – 1951 [СРНГ, 19, с. 244]. В таком же ЛСВ в местных говорах функционирует являющееся локализмом однокоренное слово *долбак*: *Работник он плахой, далбак* (Воронеж.). В ст-це Новолабинской в значении ‘лентяй’ записано существительное *тылагай*: *Он и лодырь такой, такой тылагай: работать ни работает, денех ни палучает*. С аналогичным толкованием БТСДК фиксирует фонематический вариант *талагай* [БТСДК, с. 523]. Замена в кубанских говорах фонемы <А> на <И> наблюдается и в других словах (см.: *гадко – гыдко, Маланка – Мыланка*). М. Фасмер приводит у слова *талагай* четыре ЛСВ, три из которых – прозвища, четвертое – ‘болван’ [Фасмер, IV, с. 14]. Учёный связывает ЛЕ с

названием одежды *талагай* тюркского происхождения и считает менее вероятным объяснение как «неразборчиво говорящий» (от *талалакать*), представленное Зелениным [Там же]. Полагаем, что появление у слова в донских и в кубанских говорах значения ‘лентяй’ можно объяснить устойчивыми ассоциациями в языковом сознании носителей диалекта лени, глупости и пустословия. Лень может ассоциироваться только с пустословием, что приводит к сосуществованию в семантической структуре ЛЕ таких семантических компонентов, как ‘ленивый / лениться’ и ‘болтливый / болтать’. См., напр., существительное *шабо́лда* ‘болтун, врун, бездельник’ и ДФЕ *справля́ть гы-гы / ля-ля* ‘тратить время на пустую болтовню’, *хло́пать языко́м* ‘пустословить, бездельничать’ и др. Эта ассоциативная связь находит отражение и в паремиологии. См., напр., поговорки: *Умный за дѣлом, а дура́к биз дѣла. У бре[ы/э]хуна́ и дѣло стои́т(ь). Бре[э/ы]ха́ть не[э/ы] цепо́м маха́ть.* О женщине, которая много болтает и ничего при этом не делает говорят: *и тка́ла, и прѣла, и кру́жева вяза́ла – всё языко́м.*

Среди ЛЕ, номинирующих ленивого человека, зарегистрировано пять существительных общего рода: *ле[э}дацю́га* (Бород.), *лентяю́га* (Новобейсуг.), *лодарю́га* (Ярослав.), *лодырю́ка, лодыря́ка* (Васюр.), *междво́рка* (Кирпил.). Как бранное употребляется существительное среднего рода *бы́дло*: *Ух бы́длы пога́ны, пора́зляга́лись, робы́ть ны хо́чуть!* (Азов.). Значение ‘белоручка, неженка’ актуализируют существительное *ца́ца* и не отмеченная в СРНГ ДФЕ *па́н(ь)ского роду*: *Ты сматри́, ца́ца вы́искалась: ни схате́ла на сваём рабо́чим ме́сти убирáть* (Пашк.). *Вин у йѣхпа́ньского роду: нычѣ нэ ро́бэ* (Марьян.).

Диалектные ЛЕ со значением ‘труженик’ малочисленны. Зарегистрирована ЛЕ *трудо́йка* (ср. с общенародным *трудо́яга*): *Прасты́ трудо́йки жы́лы пло́ха* (Бород.). Также малочисленны ДФЕ, характеризующие работающего человека. Это: *кля́тый до рабо́ты* (Новотит.), *где кля́тый* ‘проклятый’ (ср. с общенародным УС *работать как проклятый*), *липко́ый до рабо́ты* (Темрюк), *хапкучи́й до рабо́ты* (Копан.), *цепу́чко́й до рабо́ты* (СКГ – Отрад.). Дружно работающих людей характеризует УС *як ко́машня́: Сил ни́ма, а мы фсе́ равно́ як ко́машня́: ли́зим,*

хватáим, намагáим (Медвед.). По наблюдениям Е.В. Брысиной, в донских говорах ФЕ, восхваляющих труд и трудолюбие, также немного. Положительный идеал, как справедливо отмечает диалектолог, «<...>утверждается в диалектной фраземике через осуждение, насмешку, издёвку над противоположным проявлением данных качеств и свойств человека» [Брысина, 2003, с. 163].

Между тем в народе всегда вызывало уважение умение трудиться хорошо. Важным является осознание того, что при желании каждый может всему научиться, которое актуализируется в поговорке *не святí горшкы́ липлять* (ср. с общенародным *не боги горшки обжигают*). См. также ДФЕ *зуб нае́сть, ру́ку наломá(и)ть* ‘приобрести навык в выполнении какой-л. работы’: *Ана́ тут ужэ́ зуп нае́ла, иё на замистíтиля приглашáют* (Копан.). *Ана́ ужэ́ ру́ку наламáла, так што ко́хту сашьёть харашо́* (ФСГК – Мост.). ДФЕ *своím умóм научíться* имеет дифференциальную сему ‘самостоятельно’: *Я шыть сваím умóм научíлась* (Бород.). В данную ЛСГ входят и ДФЕ: *не глядéла на килóчки, а глядéла на клубóчки* ‘о невесте-рукодельнице с хорошим приданым’, *ру́ки на всё шту́ки, на все ру́ки от скуки* ‘о деловом, мастеровом человеке’, *из рук ничегó не вы́падет, кипíт в рука́х* ‘кто-л. хорошо, умело, споро работает’. Распространена на Кубани ДФЕ, равная по структуре предложению, – *у кого-л. и шы́ло бры́е: Та вин такы́й ма́стир: у ёго и шы́ло бры́е* (Старомыш.).

В местных говорах функционируют обладающие прозрачной внутренней формой ЛЕ *додéльни(ы)к, рукодéльник* ‘умелец, мастер на все руки’, *додéльница / додéлушка / додéлушечка, издéльница, сдéльница, удалу́ха / уда́ха* ‘мастерица, рукодельница’: *Зять у Валинти́ны тако́й дадéльник* (Новобейсуг.). *Рукадéльник, он усё умéит дéлать* (Зассов.). *Ана́ в мать, мать у ниё дадéльница: и шьёт харашо́, и вяжыт* (Арх.). *Ана́ была́ рукадéльница, дадéлушка* (Владимир.). – Как называют женщину, если она всё умеет делать? – *Дадéлушка, дадéлушычка* (Владимир.). *Систра́, ана́ настáршы была́. Вот издéльница. Ана́ мне всё показáла, как шыть, вышы́вать* (Перед.). *Ма́ма здéльница была́: ру́чки залаты́и* (Ильич). *Ма́ма была́ така́ удалу́ха: и шы́ла, и визáла* (Новопавл.). *Вона́ така́ рукодéльница, така́ уда́ха бу́ла: и вышы́вала, и шы́ла* (Азов.).

Значение ‘умеющий всё делать’ выражают и прилагательные. См., напр.: *У нїх дбчка дадѣльная, за штб ни вазьмѣцца – фсѣ у нїѣ палучаїцца* (Арх.). *Дадїльна жьїнка у Сдшкы* (Куш.). *Внук в мэнэ мастэроватый: сам римонт робыв* (Марьян.). *Муш был рукастый, он тут, ва дварѣ, фсѣ сам пастрбїл* (Усть-Лаб.). Зафиксированы также диалектные словообразовательные варианты, отличающиеся суффиксами -ЯВ(ЫЙ), -ЯЧ(ИЙ), -ЯЩ(ИЙ): *путявый / путячий / путящий* ‘толковый, дельный’ (см. также ФЕ *до путя* ‘хорошо, как следует’), лексический диалектизм *при(ы)датный* ‘способный к какому-л. делу; умелый, сноровистый’: *Тѣтка была партнїхай и заставляла миня нажывїть там юпачку, кбфачку. А я была придатная к этому делу...* (Арх.). Перечисленные ЛЕ, имеющие прозрачную внутреннюю форму, явно обладают одобрительной коннотацией. В советский период появилось слово *передовїчка* ‘женщина передовик производства’: *Булá пэрэдовїчка, и мэдаль далы* (Старотит.).

Неумелый человек получает презрительные или насмешливые прозвища. Особенно порицается отсутствие хозяйственных навыков у женщины. Широко распространены на Кубани прилагательные *недотѣ(ѣ)пный* ‘неумелый’: *Я нидатѣнная да карбф была* (Бриньк.). *Такá вонá нэдотѣнна: ну ны мбжэ гáрно робыть* (Старотит.). В активном словарном запасе диалектоносителей находятся существительные, называющие человека, неспособного хорошо выполнять какую-либо работу. Приведѣм их в записанных контекстах: *Вот кулѣма: горбд пишла в обїд полбть* (Ленинград.). *Тю кулѣма! Стрбчка крывдя!* (Пашк.). *За ѣтава ни пайдў: он нивдалюга* (Некрас.). *Такáя нивдалюка – курїцу ащипáть ни мбжет, а сабирáицца замуш* (Кирпил.). *Зять ниудѣля папáлся: гвздя прибїть нимбжыт* (Усть-Лаб.). ЛЕ *кукбница* характеризует плохую, неумелую хозяйку: *Ну и кукбница жэ анá: фсѣ из рук вáлицца* (Воронеж.). В данном ЛСВ слово зарегистрировано только на Кубани. В южнорусских говорах *кукобницею*, напротив, называют хорошую хозяйку [СРНГ, 16, с.38], на Дону – дородную женщину [БТСДК, с. 248]. Совмещение в ЛЕ противоположных значений позволяет говорить о междиалектной энантиосемии.

Приведём также в контекстах шутливо-иронические ДФЕ, называющие неумелого человека: *Эх ты! Ру́ки-крю́ки! Шо ты тут панаде́лала? Кто и так варэ́ники ле́пит?* (Усть-Лаб.). *Ма́ма моя́ шы́ла, а у мэ́нэ ру́кы нэ витти́ль порослы́* (Вышестебл.). *Сра́зу ви́дна: ни туда́ ма́ма ру́чки пришы́ла. Ра́зви э́та убо́рка?* (ФСГК – Мост.). Полисемичным является выражение *ви́(ы)дно Кули́(ы)ну, шо пироги(ы) не[и/ы/э]кля́, – и воро́та в те́(и)сте* ‘ирон. 1) о неумелой хозяйке; 2) о том, кто делает что-л. неумело и неаккуратно’, которое может употребляться и в усечённой форме – *ви́(ы)дно Кули́(ы)ну, что пироги́(ы) некля́*. Презрительную коннотацию имеет ДФЕ *портно́й на неме́цкий кро́й*, номинирующая неумелого человека. В результате переосмысления трудовых процессов образована ДФЕ *чеку́шки не мо́жет затеса́ть* ‘о неумелом работнике’ [Чалов, 1981, с. 16], где *чеку́шка* ‘палка с утолщением, шишкой на конце’. В общекубанский фразеологический пласт входят ДФЕ *тя́мы / хисту нема́ / нет / не хвата́ет(ь) / не хвата́е* ‘нет или недостаточно умения или способностей’ (*тя́ма*, ‘догадка, смекалка, сообразительность, ум’, *хист* ‘способность, дарование’ [Гринченко, IV, с. 398]): *Ныма́ тя́мы – ны быры́сь, а то хвата́иця за всэ́ пидря́т* (Старомыш.). *Хисту ни хвата́ит сно́п свиза́ть, ма́линький ище́* (Лаб. – ФСГК). См. также экспрессив общего рода *не[э/ы]тя́муха* ‘неумелый, неспособный человек’ [Ткаченко, 2008, с. 187].

Целую серию составляют диалектные глаголы, называющие неумелые или небрежные действия. Приведём их в зафиксированных контекстах: *Цэ́лый день пираги́ гандаби́ла, а их и ни ел никто́* (Усть-Лаб.). *Вида́ла я, как ниве́стка у ни́х пираги́ куко́била* (Кирпил.). *Шо ты там кулёмайиши? Ра́зви так на́да?* (Вознес.). *Шо ты тут савасто́жыши? Я тибé как гавари́ла де́лать?* (Усть-Лаб.). *Зга́пала пла́ття, а воно́ ну такэ́... Ну нэвда́чно вы́шло* (Марьян.). *Зга́лала фсе́ ко́и-как* (Арх.). *Ирка, гаварю́, шо ты ото́ згандо́била? Я тибя́ как учи́ла стрóчку де́лать, што́бы ро́вная была́?* (Усть-Лаб.). *Как скурóбить шо-нибу́ть, оно́ и ни пахо́жэ на де́ла* (Ахмет.).

Рассмотрим локальные особенности указанных ЛЕ. Так, полидиалектный глагол *куко́бить* в данном ЛСВ отмечен только на Кубани и на Дону [СРНГ, 16, с.

38]. Лексический диалектизм *сгэпать* в кубанских говорах функционирует ещё в одном, локальном, ЛСВ ‘сделать, устроить, организовать’: *А щас свайбы! Родитили оддалы по тыщи за каждого гостя. На тыщу дома можно таку свайбу згэпать! За дэнь чёловік поість на тыщу?* (Марьян.). Корень ГЕП– в местных говорах имеет значение ‘бить, ударять, стучать’. Именно интенсивность действия является образной основой, на базе которой развиваются другие значения слов с данным корнем. С пометой Юго-вост. Кубан. СРНГ фиксирует ЛЕ *скуробить*, имеющую три ЛСВ, связанных по типу цепочечной полисемии. Значение ‘делать что-л. небрежно, плохо, тяп-ляп’ возникло на базе первого ЛСВ ‘ломать, скрючить, сводить судорогами’ [СРНГ, 38, с. 193]. Не отмечен в СРНГ глагол *сгáлать*, обладающий многослойной семантикой и означающий также ‘сделать, устроить, организовать’, см. контекст: *Свадьбу згáлала, а ни жывуть* (Арх.).

Неумелые действия, связанные с шитьём, номинируют ЛЕ *сгогать*, *скрёкать*, *колбáть*. Отсутствуют в СРНГ актуализирующие значение ‘сшить плохо, неумело, испортить’ глаголы *сгогать* и *скрёкать* (глагол *скрёкать*, вероятно, образован на базе общенародного *скроить*, поскольку имеет интегральную сему ‘сшить, кроить’): *Згогала платичко, а на ёго и дывыця ны хбциця, ны то, шо носыть* (Старотит.). *Шо вона скрёкала? Шо слыла? Ну ныкрасыво пошыла* (Усть-Лаб.). Южнорусский диалектизм *колбáть* обладает размытостью семантики – ‘шить (вышивать, штопать, чинить) что-л. неумело, с трудом или небрежно, на скорую руку, кое-как; ковырять’ [ср. СРНГ, 14, с. 112]: – *Шо там мать дэлаеть? – Рубáху калбáеть* (Вост.).

Значения ‘плохо, небрежно’ выражают и ДФЕ. См. высказывания информантов: *Работал абы как, на канец рук* (Некрас.). *Шо ты фсё дэлаиш чэрис кавыль-кастыль. Разви так я тибя учила?* (Пашк.). *Шо ны зрбэ, всэ ньяк у людэй, за шо ны вызмэця, всэ шывырды-наввывырды* (Азов.). ДФЕ *швы́дко*, *та гы́дко* включает в семантическую структуру сему ‘быстро’: *Кáжутъ, шо Нюра швы́тко всэ рбэ, та бува́ швы́тко, та гы́тко. Цэ поговóрка така́* (Азов.). ДФЕ *кэ́дя(и) ни кэ́дя(и)* и наречие *спрохвала́* употребляются в значении ‘медленно, еле-

еле; неохотно, без желания’: *А маладі рабóтають кэди ны кэди* (Бород.). *Щас спрoхвалá рабóтають, ни тó, шо мы рабóтали* (Усть-Лаб.).

Размытость семантики и совмещение значений наблюдается и у глаголов, имеющих значение ‘медленно и бестолково делать что-л., теряя время; возиться, медлить’. Семантическая диффузность является причиной того, что значение этих ЛЕ не всегда возможно дифференцировать в контекстах даже с учётом их сочетаемости. Приведём их в высказываниях информантов: *Цэ́лый час он с э́тим кра́нам валáндаля, а пачини́ть ни смóх* (Пашк.). *Ви́ка с памидóрамы до вéчера венча́лась* (Павлов.). *Вну́чка дóлга с убо́ркой вазю́калась* (Пашк.). *Гузны́калысь, гузны́калысь, покы́ опозда́лы* (Старотит.). *Далба́юсь на агарóди цэ́лый день* (Воронеж.). *Шо ты там калупа́ишся! Загартáй быстрéе в кучу* (Усть-Лаб.). *Куёвдилась два дня с э́тими памидóрами, падвя́зывала. А саба́ка ат сасéдий в агарóт заби́жала и фсе́ патаптáла, зара́за* (Пашк.). *Куёлдилась полдн́я, а агарóт ни успéла пали́ть* (Усть-Лаб.). *Што ты там саладу́ишся?* (Мих.).

Обратимся к локализмам. Лексический диалектизм *гузны́каться*, вероятно, восходит к старинному русскому слову *гу́заться* ‘много, долго заниматься чем-л.; возиться’, которое СРНГ подаёт со следующей ссылкой: Слов. Акад. 1895 [с пометой «просто нар.»] [СРНГ, 7, с. 206 – 2007]. Глагол *долба́ться* в указанном значении в толковых словарях РЯ и в СРНГ не зарегистрирован. Образной основой для диалектного слова стала интенсивность действия, заложенная в корне ДОЛБ- ‘бить, ударять’ (ср. аналогичный перенос *генать*). Лексический диалектизм *солодова́ться* СРНГ фиксирует с пометой Кубан., 1908 [СРНГ, 39, с. 285]. Ср. в русских говорах: *солóдэть* ‘становиться вялым, расслабляться, раскисать (от жары, сна, лени)’ [СРНГ, 39, с. 283]. Локальный ЛСВ у общенародного глагола *венча́ться* образован на базе его прямого значения в результате метафорического переноса: как известно, обряд венчания длится достаточно долго и сопровождается многократными, повторяющимися действиями, что и послужило основой для образного переосмысления.

Разнообразие номинаций медлительного, ленивого, нерасторопного человека демонстрируют следующие контексты: *Мы бе́гаим, а он сиди́ть, хоть*

пад зят кпянтку лей (Медвед.). «*Ны жывыый ны мэртвыый*» *кажуть на людыну мидлітільну, шо ёли-ёли повыртдеця* (Новомалорос.). *Шо и ты такый копльыый як черыпаха* (Пашк.). *Та вин трём свиньям йісты ни разделе* (Бород.). Значение ‘быть нерасторопным, ленивым мужчиной’ актуализирует ДФЕ *ходыть и на мотню наступать*: *Зять ходоэ и на мотню наступа: нычэго нэ хоче дома робыть* *Цэ моя бабушка так казала: ходоэ и на мотню наступа* (Старотит.). О ленивой женщине, любящей долго спать или лежать в постели, иронично говорят: *хозяйка на всю кровать, аж до добу* (Старотит.). Человека, который демонстративно ничего не желает делать, характеризует ДФЕ *руки / ручки веером*: *Надежда-та всю жызнь руки веирам. А он всё сам, всё сам. Как ана типерь биз мужа будит?* (Мост. – ФСГК).

Значение ‘долго собираться сделать что-л.; откладывать дело в долгий ящик’ выражает ДФЕ *пятки подмазывать*: *Вин пятки подмазывает добу* (хут. Орлов). С этой ДФЕ перекликается шутливая присказка: *на работу болят пятки, а с работы без оглядки*, вошедшая в язык из песенного фольклора.

Значение ‘по принуждению, под страхом наказания, (делать что-л.)’ актуализирует выражение *с-пид батогá* (*батог* ‘кнут’), эквивалентное общенародному *из-под палки*: *Хибá зробыш с-пид батогá гáрно?* (Бород.). У фонематических вариантов *нахили(ы)ть* зафиксирован переносный ЛСВ ‘заставить, принудить кого-л. что-л. делать’, образованный в результате метафорического переноса на базе прямого значения ‘наклонить’: *Ёго ны нахылыш: вин ныкóлы нэ робыв и ны будэ робыть* (Старотит.).

Вялую работу характеризуют УС как *мокрое горит(ь)*, как *мёртвый дышит(ь)* [Чалов, 1981, с. 16], их структурные варианты зарегистрированы и в КГУЯО: *як мокрый горыть, як мёртвый дыше*.

В работе ценятся как скорость, так и качество. В ст-це Новокорсунской записано сложное существительное *семидылыха* ‘хозяйка, успевающая делать несколько дел одновременно’: *В мэна нэвістка така сэмидылыха: и жарэ, и парэ, и за дытыной дывыця*. Аналогичное значение имеет другое сложное слово – *симидрыга*, вторая часть которого *дрыга* ‘нога’ подчёркивает способность

человека быстро двигаться во время выполнения какой-л. работы – *Я ужэ́ и абёт сварі́ла, и бильё́ пастирáла, а вы всё́ спити.* – *Да ты у нас извѣ́сная симидры́га* (Кург. – СКГ).

Во время экспедиции в ст-цу Архангельскую (2008 г.) зарегистрировано существительное *мотáня* ‘расторопная девочка или девушка’: *Мáнька у нѣхтакáя матáня – виздѣ́ паспивáйт.* В СРНГ данное значение отсутствует, но зафиксирован диалектизм *мата́ня* в шести значениях, два из которых распространены в южнорусских говорах и характеризуют женщину: ‘1. Милая, возлюбленная. 2. Подруга’ [СРНГ, 18, с. 20 – 21], а также существительное *мата́нька*, второй ЛСВ которого ‘2. Кукла наподобие ваньки-встаньки, только изображающая женщину’ [Там же]. Значение, в котором слово функционирует на Кубани, позволяет мотивировать существительное глаголом *мота́ться* ‘2) *простореч.* проводить время в хлопотах, в беготне, в утомительных хлопотных занятиях’ [МАС, 2, с. 415]. Одобрительную коннотацию у ЛЕ можно объяснить оценкой девушки как хорошей работницы, которая везде успевает. Аналогичное значение зафиксировано у слова *мыта́рочка*. Приведём записанное обращение к девочке, подметающей двор: *Моя́ ты мыта́рочка, помóшныця* (Гривен.). Внутренняя форма слова затемнена. Трудно сказать однозначно, что послужило его образной основой. Возможно, ЛЕ входит в ряд однокоренных *мыта́рь*, *мыта́риться*. Если же у лексемы выделять корень *мыт*, то она может быть мотивирована либо глаголами *мота́ться*, *мета́ться*, актуализирующими значение ‘суетиться по хозяйству, делать что-л. быстро’, либо глаголами *мы́ть*, *мести́* с общим инвариантным значением ‘убирать’. В словаре украинского языка Б.Д. Гринченко с неясным значением приводится существительное *миту́тя*: *Отто́ ще митутя́: ні́ дома, ні́ тута́ (дурне́ і́ дома, і́ тута́)* [Гринченко, 2, с. 420], а также существительное *мить* ‘Миг, мгновение’ [Там же].

Расторопного человека называют прилагательным с прозрачной внутренней формой – *мото́рный*: *Ва́лька – мато́рная ба́ба: виздѣ́ успивáйт* (Пашк.). Слово входит в общекубанский лексический пласт, функционирует и в южнорусских говорах [СРНГ, 18, с. 302], и в украинском языке [Гринченко, II, с. 449].

Аналогичное значение актуализирует ДФЕ *побежу́-прыбежу́: Я була побижу́-прыбижу́: и на рабо́ту, и в городі́, и до́ма* (Глафир.). Записано выражение с одобрительной коннотацией *и на сто́зи, и на во́зи, щей вентеры́нкы плитэ́: Вона́ така́: и на сто́зи, и на во́зи, щей вентеры́нкы плитэ́. Усе́ успивае* (Старомыш.). Обращает на себя внимание сохранившаяся грамматическая особенность, присущая КГУЯО, которая здесь поддерживается внутренней рифмой: у существительного *стог* в предложном падеже наблюдается чередование заднеязычного [Г] и свистящего [З].

Презрительную или ироническую оценку получает человек, делающий всё наспех и некачественно. Приведём в контекстах ироничные прозвища: *Давэ́рить тибé ничиво́ нильзя́. Эх ты́, шыр-пырь-нашаты́рь* (Лаб. – ФСГК). *От швы́тка Кулы́на! Убрáлась в до́ми за мину́ту, а пы́ль на угла́м матáйицца* (Медвед.). См. также сложное существительное *семидéлуха*, номинирующее ту, которая создаёт видимость выполнения большого количества работы: *Ты б гля́нула, што у э́тай симидéлухи твари́цца в ха́ти – каварда́к* (Мост. – СКГ).

Неумелый, неспособный человек ассоциируется с бесхозяйственностью. В местных говорах зарегистрирован словообразовательный вариант общенародного прилагательного бесхозяйственный – *нехозяйы́ловый*: *Зять нехозяйы́ловый пона́всь* (Анап.). Широкий ареал на Кубани имеет выражение *дождь идет(ь) / иде́, а мы скирдúем*, в котором высмеивается нерадивость: *Нывы́стка ны хозяйка, абы́ ны сын, так було́ б: дощ иде́, а мы скирдúем* (Старомыш.). Эта поговорка, как правило, употребляется для характеристики тех ситуаций, когда какие-либо хозяйственные работы выполняются с опозданием, не в тот срок, который положено. Значение ‘не держать хозяйство: огород и домашних животных’ актуализирует ФЕ *жить городской́ жизнью́: Щас мэ́нэ сын огороди́л от всэ́го. Я гороцко́й жы́знью живу́. У мэ́нэ да́жэ ни ки́шки, ни соба́ки нема́* (Старомыш.). Двор без подсобного хозяйства называют на Кубани *пустой двор*.

Народ ценит в человеке не только мастерство, сноровку, хозяйственность, но также выносливость и силу. Причём этими качествами должны обладать как мужчины, так и женщины. В ст-це Ленинградской в экспрессивном контексте

зафиксировано сложное существительное, обладающее прозрачной внутренней формой, – *двужыльница* ‘выносливая работающая женщина’: *На мэна казэлы двужыльница: нэ іст, нэ пьэ, нэ сэрэ – тикэ робэ*. Рослую, крупную, способную выполнять тяжёлую физическую работу девушку характеризует ФЕ *хоть пад мешок, хоть пад горшок*. Информант из ст-цы Архангельской даёт следующее пояснение: – *А ёсли думают жынить парня, выбирають, шоп ана была рослая: хоть пад мишок, хоть пад гаршок*. – А это как? – *Ну ёсли ана рослая, ана мишок можыт панэсть и гаршок. А малинькая, ана жы мишок ни можыт панэсть и толька гаршок. Вот и цыніліся дэфки, какя балышя и рослая. Ана на фсе згадїцца*. Напротив, о девушке, не обладающей физическими данными для работы по хозяйству, иронично говорят: *ни под мешок, ни под горшок*. Крупного, сильного мужчину часто называют *бугаём* (значение возникло в результате метафорического переноса на базе первого ЛСВ ‘племенной бык’): *Здоровый бугай: росту пид два мэтра, сорок трэтий размер носэ, ру́кы як оті кувалды* (Бород.). Слово входит в состав УС *робыть як бугай: Вин робыть як бугай, ну и заробляе багато* (Дин.).

Повышенным эмоциональным тонусом обладает ФЕ *гребты и гавкать* ‘наживать добро, усердно работая и оберегая нажитое’: *Воны хорошо жывуть. Вин такый, як кажуть, грыбэ и гавкае* (Старотит.).

В местных говорах функционируют разнообразные по семантике диалектные единицы, номинирующие различные трудовые действия человека и его самого по роду хозяйственной или промысловой деятельности. Во многих из них чётко отражается тенденция к гендерному разделению труда. Так, работа по дому, на огороде, уход за птицей и скотиной, ткачество, швейное дело и др. – это, главным образом, сфера деятельности женщин. Обработка почвы, пастушество, рыбная ловля, охота, уход за лошадьми, пчеловодство, гончарное, кузнечное, бондарное ремесло, сапожное дело и др. – сфера применения мужских способностей. Между тем, как отмечает Н.И. Бондарь, казаки могли выполнять и женскую работу, поскольку часто находились на постах, отдалённых от своих станций. В этих условиях мужчины не только занимались ремонтом и стиркой

одежды, приготовлением пищи и т.д., но и разводили живность, ухаживали за животными (кормление, доение), поддерживали чистоту в помещении [см. Бондарь, 2000, с. 104 – 105]. Следует отметить способность женщин справляться с мужским трудом, что особенно было характерно для военного и послевоенного периодов. Приведём воспоминания информантов: *Ма́ма выполня́ла фсю мущи́нску рабо́ту, тяжо́лу* (Старомыш.). *А вайна́ была́, Го́споди! И скырдава́лы, и малаты́лы, и шо тілька ни де́лалы – усё на на́ших рука́х. И мущи́нска рабо́та то́жа* (Марьин.). В ст-це Некрасовской записана широко бытующая на Кубани поговорка, в которой подчёркивается, что женщинам приходилось работать до изнеможения: *И гаво́рють так :«Патхо́дит жни́ва – и ба́ба ни жы́ва»*. В этой же станице зарегистрирован структурный вариант поговорки: *Жни́ва придут(ь) – ба́бы эле живу́т(ь)*. См. также ДФЕ *робыть от нитки до голкы* ‘выполнять любую, в том числе мужскую работу’ (Старотит.). Многие виды трудовой деятельности являются совместными или не обнаруживают гендерных предпочтений – это сбор и переработка урожая, работа в животноводстве и полеводстве. Обязательна помощь по хозяйству детей, которые работали *с куко́л, с пупечку, сма́лечку, сма́лку, зма́лку, сма́льства́*.

Тематическое разнообразие слов и ДФЕ, называющих трудовые действия, позволяет объединить их в микрогруппы:

«земледельческий труд»: *батова́ть* ‘вторичным обмолачиванием очищать зерно от оболочек и плёнок’, *вы́вершить* ‘закончить укладку сжатого хлеба в стог’, *ра́лить* ‘пахать’ и др.; «уход за домашними животными и птицей»: *пасть / па́сты* ‘пасти’, *сакма́нить* ‘ухаживать за ягнятами, овцами во время окота’, *справля́ться (спра́виться)*, *управля́ть (упра́ви(ы)ть)* ‘выполнять / выполнить работу по уходу за скотом’ и др.; «строительство»: *вальку(о)ва́ть* ‘обмазывать стены толстым слоем глины’, *верши́ть* ‘делать, заканчивать крышу хаты’, *наде́ть ша́нку* ‘покрыть крышей хату, дом’ и др.; «рыболовство»: *выва́живать* ‘осторожно вытаскивать рыбу из воды’, *ла́вить*, *рыба́ли(ы)ть*, *рыба́совать* ‘ловить рыбу’, *севрю́жничать* ‘ловить севрюгу’ и др.; «ремесленная,

профессиональная деятельность»: *верста́ть, чи́кать* ‘ткать’, *миро́шничать* ‘работать на мельнице’, *чеботáри(ы)ть* ‘сапожничать’ и др.

Многочисленны ЛЕ, номинирующие действия, связанные с работой по дому: *накача́ть* ‘1) раскатывая, погладить (о белье); 2) раскатать (о тесте)’, *разгнетáть* ‘растопливать печь’, *рубьы́ть* ‘гладить бельё качáлкой и рублём’ и др. См. также: *грузчиковáть* ‘работать грузчиком’, *дрогалевáть* ‘заниматься извозом, возить подводой’, *шабаевáть* ‘заниматься скупкой скота’ и др.

Общее значение ‘вести домашнее хозяйство’ актуализируют диалектные словообразовательные варианты *домосéдовать* и *домосéдствовать*, отличающиеся суффиксами -ОВА(ТЬ) и -СТВОВА(ТЬ): *Дамасéдавать ску́шна маладо́й, а я стару́ха* (Турк.). *До́чка купи́ла на углу́ хáту, а я дамасéцтвавала э́ту хáту* (Вим.). Ведение домашнего хозяйства – прерогатива женщин, отсюда ЛЕ *домосéдка* ‘женщина, ведущая домашнее хозяйство’: *До́ма дамасéткой бы́ла, а муш на рабо́ти* (Новолаб.). Глагол *обха́живать* является структурным вариантом слова ЛЯ *обихаживать*: *Я йиму́ рáньшы ма́зала хáту, а щáс здоро́вья нэма́, я хо́дь бы своё опха́живала* (Старотит.).

В русских говорах глагол *управля́ть / упрáви(ы)ть* означает ‘выполнять (выполнить) какую-л. работу’ [см. БТСДК, с. 543 – 544]. Анализ многочисленных контекстов позволяет заключить, что в кубанских говорах данная ЛЕ, входящая в общекубанский лексический пласт, преимущественно означает ‘ухаживать за скотиной и птицей’: *Упрáвила корóву, здо́ила, тудá-сюда́ и обра́тно на рабо́ту* (Незайм.). *Приде́м, карóву упрáвим* (Новонекрас.). *На́да вжэ худóбу итты́ управля́ть* (Азов.). *Упрáвыши корóву, зайды́ до мэ́нэ* (Азов.) и др. Словообразовательным вариантом данной ЛЕ выступает глагол *справля́ть (спра́ви(ы)ть)*: *За культу́рство нэ ду́малы – ду́малы, як хозяй́ство справля́ть* (Новотит.).

К архаичным относится глагол *спряга́ться (спрягтись)* ‘объединяться (объединиться) для совместной, коллективной работы’: *Отó спряга́йимси усí, и абó на стыну́ гурто́м молоты́лку нанима́ют у богáтого чéлови́ка, абó по двора́х* (Новоекатерин.). *Во цэ́ я, у мэ́нэ бы́ла карóва, мы спряга́лысь, и с одно́й жэ́нициной*

пахáлы (Старокорс.). *Спрыга́лись, намага́ли друх дру́гу хáты стрóить* (Арх.). *Тада́ спрыга́лися с сасе́дыми и паха́ли. Каси́ли – то́жэ спрыга́лися* (Воздвиж.). *Паха́ть прихади́лася на сэ́бе. Спряжу́сь с кем-нибу́ть и паи́ла* (Гейм.). *Спрыгли́сь, што́бы вме́сти каси́ть* (Некрас.). Диалектизм мотивирован глаголом *спрягать* ‘запрягать (о лошадях)’ [СРНГ, 40, с. 278 – 279]. СРНГ регистрирует ЛЕ *спрыга́ч* ‘о том, кто объединяется с кем-л. для совместной обработки земли’ с пометой Кубан., 1900 [СРНГ, 40, с. 279], что позволяет относить её к локализмам. См. также локальный ЛСВ у ЛЕ *спря́жка* ‘коллективная помощь, супряга’. СРНГ, ссылаясь на В.И. Даля, приводит это слово со следующим значением ‘запряжка вместе, в одну упряжку’ [СРНГ, 40, с. 279].

К устаревшим относится ЛЕ *упру́г* ‘промежуток времени, состоящий из нескольких часов сельхозработы без перерыва’: *Да за́втрака ра́на фста́ниши – ё́нта аді́н упру́х, да абéда – друго́й упру́х, да по́лдника – тре́тий упру́х, да ве́чера – читве́ртый упру́х. Во́т мы да палу́днива упру́га дапало́лися и ко́нчили* (Ярослав.).

Микрополе «номинации человека по профессии, по роду хозяйственной или промысловой деятельности» включает целую серию слов и устойчивых выражений. См., напр.:

барáнщик ‘человек, пасущий баранов или овец’, *бджёлово́д* ‘пчеловод’, *бджёлово́дка*, *пчелово́дка* ‘женщина-пчеловод’, *бо́йщик*, *резны́к* ‘специалист по убою животных’, *бочка́рь* ‘бондарь’, *ветера́н*, *врач по живо́тным / по худо́бе*, *ско́тский врач* ‘ветеринар’, *зооте́хнычка* ‘женщина-зоотехник’, *конбайне́р* ‘комбайне́р’, *кры́льщик* ‘кровельщик’, *ста́рша(я) поё́нка* ‘старшая работница фермы, выпаивающая телят молоком’, *почта́льонка*, *почта́рька* ‘женщина-почтальон’, *рыбоспе́тчик* ‘рабочий, занимающийся приготовлением рыбы и продуктов из неё’, *сакма́нщик*, *сакма́нщица* ‘работник, работница, ухаживающие за ягнятами и овцами во время окота’ и мн. др.

Отдельную ЛСГ составляют названия промыслов: *бджёлово́дство* ‘пчеловодство’, *виноде́льство* ‘виноделие’, *рыба́льство*, *рыба́рство* ‘рыбная ловля’, *талаве́рничество* ‘лов и обработка мелкой рыбы’, *шаба́йство* ‘скупка скота’.

Представим количественное наполнение проанализированных микрополей в Таблице 11.

Таблица 11 – Лексико-фразеологический состав смежных микрополей «Труд» и «Лень»

Микрополе	Часть речи				Устойчивые выражения		Всего конститuentов
	Имя сущ.	Имя прил.	Глагол	Нареч.	ФЕ	УС	
Труд	108	13	167	4	70	14	376
Лень	34	7	45	–	68	5	159
Всего	142	20	212	4	138	19	535

Анализ конститuentов, образующих микрополя «Мирный труд» – «Лень», демонстрирует, что труд воспринимается носителями кубанских говоров как нравственная основа правильного образа жизни, а лень традиционно оценивается негативно. Эта идея ёмко сформулирована в поговорке, бытующей в крае: *лучше работать, чем ле[э/ы]дачить*. При этом подавляющее количество слов и ФЕ характеризуют труд как изнурительный процесс, лишаящий человека последних сил и здоровья. Подобное восприятие трудовой деятельности в языковом сознании русского человека имеет глубинную историческую основу. Достаточно обратиться к древнерусским существительным *робота* и *труд*, означающим соответственно «работа, рабство, неволя» и «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь». Между тем носители кубанских говоров признают, что *робота* и *мучит(ь)*, и *кормит(ь)*, и *учит(ь)* / *робота* и *муче*, и *корме*, и *уче*, то есть хозяйственная деятельность воспринимается как осознанная необходимость. Можно привести и другие паремии, в которых воплощается эта идея: *не работа сушит(ь), а забота; хто затона, той полопа / кто затонает(ь), тот и полопает(ь); кто не трудится, тот и не обуется; як бы не[э/ы] рот и гузно, то и робыть не[э/ы] нужно*.

Эмоциональную поддержку сельскому человеку, находящемуся в непрерывных трудах и заботах, оказывает родной язык, диалект, который не

только выражает, но и в значительной степени формирует здоровое, лишённое пафоса отношение к физическому труду, основанное на народной мудрости, призывающей придерживаться во всём золотой середины, чередовать труд с отдыхом: *мешай дело с бездельем – проживёшь свой век с весельем* (записано в ст-це Некрасовской). Особенно мощным энергетическим зарядом обладают народные песни, о чём свидетельствуют многочисленные рассказы информантов. См., напр., некоторые высказывания информантов: *3 работы иду́ть голо́дни, го́ли и спива́ют* (Старокорс.). *У нас так оцэ стрóять: затыну́лы сволока́ – стол и писняка́! Кры́шу укры́лы – стол и о́пять. Вма́заны – стол и пёсны!* (Канев.). *Иду́ с сапо́ю, наморы́лась. А суси́тка: «Дэ ты була́?» Кажу́: «Зо́я, есь така́ писня: тры города́ обробы́ла, одна́ ды́ня уроды́ла – гуляю́ я»* (Вышестебл.). *И ото́ мы как га́хнымо пёсню. С пёснямы и́дэм и на рабо́ту, и с рабо́ты. Пёсня – ду́ша* (Ахтыр.). То, что песенное искусство восстанавливает физические силы и укрепляет дух, подтверждает широко известная на Кубани поговорка: *Кольи́ (когда) каза́кы(и) спива́ют(ь), во́роги пла́чут(ь)*.

Понимание того, что для казака ратный и сельский труд неразделимы, является характерной особенностью, в которой проявляется своеобразие субэтнического восприятия труда. Следует признать, что советская власть пыталась искусственно прервать эту органичную связь: казаки должны были заниматься исключительно сельским трудом и перестать быть воинами. Показателен факт, отмеченный В.П. Чаловым: в 70-е годы XX века старинная казачья пословица *каза́цкому / коза́цкому ро́ду нема́ / нет перево́ду*, возникшая ещё в XVII веке и отражающая первоначально процесс массового показаченья крестьянства и горожан, была трансформирована советскими пропагандистами в выражение *хлеборобскому ро́ду нет перево́ду* [см. Чалов, 1981, с. 87]. Однако первый вариант пословицы не только не стирается в памяти носителей диалекта, но более того, на его базе образуется многозначная ДФЕ, актуализирующая словесную реакцию на радостное известие о рождении мальчика и характеристику положительных качеств человека. Сохранению данного выражения в современной лексико-фразеологической системе кубанских говоров

во многом способствовало возрождение кубанского казачества. Сама жизнь подтвердила глубинный смысл, заложенный в пословицу народом. Проявил устойчивость и советский вариант пословицы, поскольку его бытование также поддерживается экстралингвистическими факторами: Кубань была и продолжает оставаться житницей России. Сосуществование двух вариантов одной и той же пословицы, прославляющих казачий род и династии хлеборобов, наглядно подтверждает закрепление в языковом сознании носителей кубанских говоров тесной связи ратного и мирного труда, которая имеет глубокую историческую основу. «При упоминании слова «казачество» перед взором любого мало-мальски знакомого с русской историей человека сразу же мысленно встаёт образ отважного воина, мужественного защитника Отечества и одновременно неутомимого труженика, рачительного хозяина» [Трут, 1999, с. 8]. Этот образ с удивительной точностью, достоверностью и осязаемостью отражается в лексике, фразеологии и паремиологии кубанских говоров.

6.4 Лингвистический анализ микрополя «Номинации человека по национальной, этнической и социальной принадлежности»

Конституенты микрополя «Номинации человека по национальной, этнической и социальной принадлежности» составляют немногочисленный, но весьма важный пласт лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта (135 конституентов: 61 имя сущ., 21 имя прилаг., 32 ФЕ, 21 УС).

Родовое понятие 'национальность' в местных говорах номинирует имеющее оттенок устарелости диалектное существительное *крóвность*, зафиксированное в РГК в следующем контексте: *Взять маю крóвность – укράїниці, хоть и вы́рас в ру́сской симьé* (Турк). ЛЕ образована суффиксальным способом на базе прилагательного *кровный*, которое в первом ЛСВ означает '1. Происходящий от одних предков; родной по крови' [МАС, II, с. 174].

Центральное место в лексико-семантическом пространстве кубанского диалекта занимает этноним *ка(о)за́к*. В слове *каза́к* в первом предударном слоге

носители КГУЯО могут произносить гласный [О] (как и носители украинского языка), и гласный [А]: *Дéдушка був коза́к, носы́в хво́рму козака́* (Мингрел.). *Козаки́ – во́льный наро́т* (Пашк.). Чередование фонем <А> и <О> отмечается и в корнях других слов (см., напр.: *гарба* и *горба*, *камыш* – *комыш*). Произношение [О] в первом предударном слоге у носителей КГУЯО непоследовательно. Показательны в этом плане сведения, полученные из письменного источника – «Приговора № 7 от 10 августа 1918 г.», составленного делопроизводителем И. Леденецким. Историко-лингвистический анализ «Приговора...» позволяет утверждать, что его автор писал, как говорил, то есть стремился буквами русского алфавита передать местную огласовку начала XX века [см. Борисова, Васильев, 2011в, с. 188 – 195]. При этом в тексте наблюдается смешение украинских и русских языковых черт, что собственно характерно для кубанского диалекта. В частности, встречаем следующие варианты огласовки: *казаки* и *козакы*, *козаки*, *казачество* и *казацтво* (укр. *козацтво*).

МАС регистрирует слово *казак* как историзм, указывая три ЛСВ: ‘1. В Русском государстве 15 – 17 вв.: вольный человек, из бежавших на окраины государства (Дон, Яик, Запорожье) крепостных крестьян, холопов и городской бедноты. 2. Представитель военного сословия в дореволюционной России, которое с 18 в. было обязано нести службу за льготное пользование землёй; житель войсковых областей (Кубанской, Оренбургской, войска Донского и др.). 3. Уроженец некоторых областей СССР (бывших войсковых областей)’ [МАС, II, с., 13]. Лексема *казак* входит в состав общенародной ФЕ *вольный казак* ‘о свободном, ни от кого не зависящем человеке’ [МАС, I, с. 268]. СРНГ отмечает у слова 9 значений [СРНГ, 12, с. 306 – 307], из которых в говорах Кубани функционируют два: 1. Одинокий, свободный человек (см. также глагол *казаковать* ‘быть холостым, вести свободный от обязательств образ жизни’). 2. О смелом, храбром, удалом человеке’.

Этимологические источники трактуют существительное *казак* как заимствование из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. *kazak* «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга» [см. Фасмер, II, с. 158]. В

укр. козак, др.-русск. козакъ «работник, батрак», впервые в грамм. 1395 г.; см. Срезн. I, 1173 и сл. из укр. заимств. польск. kozak [Там же]. М. Фасмер, ссылаясь на Д.К. Зеленина, отмечает, что ударение в форме мн. ч. *каза́ки* – результат влияния польско-украинской формы, оренбургские казаки говорят – *казаки́* [см. Фасмер, II, с. 158]. Кубанские казаки в форме мн. ч. чаще тоже делают ударение на последний слог, что характерно для носителей местных говоров (см., напр.: *ба́тькы(и), де́ды, карава́и* и т.д.). Финальное ударение закрепилось и в словах известной песни: *Едут, едут по Берлину наши казаки́*.

Кубанское казачество имеет богатую субэтническую историю, отражающую факты и события, непосредственно связанные с жизнедеятельностью кубанских казаков. Историческая судьба субэтнуса находит яркое воплощение в местной лексике и фразеологии. Так, В.П. Чалов приводит ряд устойчивых выражений, связанных с образованием Черноморского казачьего войска. Учёный описывает обстоятельства, породившие УНТС *вёрные казаки* и *невёрные казаки* [Чалов, 1981, с. 51]. Они, как отмечает исследователь, возникли в 1783 г. После разрушения Запорожской Сечи часть бывших запорожцев бежала за пределы Российской империи в Турцию, где ими была основана Задунайская Сечь. Их стали называть *невёрными запоро́жцами, невёрными запоро́жскими казака́ми. Верные казаки* – это те, казаки, которые, оставшись в России, были объединены князем Г.А. Потёмкиным и бывшими запорожскими старшинами, сторонниками восстановления казачьего войска на новых началах, в войско под названием Коша верных казаков Запорожских [ср. Там же]. В трудах кубанских историков употребляется также терминологический фразеологизм *вёрные черномо́рцы* ‘бывшие запорожцы, зачисленные в запорожское войско’ [Там же, с. 52]. Эти УНТС, возникшие в конце XVIII века, сохраняли свою актуальность в живой речи кубанцев до образования в 1860 г. Кубанского казачьего войска.

В период военных действий на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII в. – 1860 г. появились УНТС *куба́нский каза́к, кавка́зский каза́к, линéйный / линéйский каза́к*. Термин *кавказский казак* в настоящее время воспринимается как архаичный. УНТС *линéйский каза́к* имеет эквивалент – *ру́сский* (Упор. – РГК).

Следует отметить, что на Дону лексема *русский*, напротив, означает ‘не принадлежащий к казачьему сословию’ [СРНГ, 35, с. 272]. Черноморских казаков на Кубани часто называют *хохлами* (*хохол* буквально ‘макушка, холм, чуб’ [см. Фасмер, IV, с. 272]). *Хохлами* и *хохлушками* называют и местных жителей, говорящих на КГУЯО, независимо от их принадлежности к казачьему сословию. РГК подаёт эти ЛЕ со следующими толкованиями ‘не казак, иногородний’ и ‘не казачка, иногородняя’ соответственно: *Мы веть линейцы, казаки, а ни хахлы* (Ахмет.). *Вилёк (валёк), а ни праник, праник скажет рáзи хахлушка рассейская* (Бесстраш.). В КГУЯО зарегистрировано существительное *хохуля* ‘местная жительница, не иногородняя’: – *Гляди, како́ва хли́ба хаху́ля напикла́. – Да, хаху́ля каца́пам нос утёрла* (Дин.). Таким образом, семантика слов *хохол*, *хохушка*, *хохуля* в кубанских говорах является далеко не однозначной.

Существительное *ка(о)зак* зафиксировано и в составе актуальных ДФЕ. Яркой образностью обладает ДФЕ *в(у) ко́рень ка(о)за́к* ‘сильный, крепкий казак’ (ср. с бытующими на Кубани УНТС *рыба в(у) ко́рень* ‘рыба крепкого посола’, *соли(ы)ть в(у) ко́рень* ‘солить рыбу в крепком рассоле’). Кроме того, данная ДФЕ, во внутренней форме которой отражается неразрывная связь поколений, уходящая корнями в далёкое прошлое, номинирует ‘потомственного, коренного казака’. Её синонимом выступает ДФЕ *при(ы)ро́дный ка(о)за́к*. В местных говорах зарегистрировано прилагательное *потомный*, представляющее собой структурный вариант общенародного прилагательного *потомственный*: *Мы потомные* (Полтав.). В составе ДФЕ *рэпаны́й каза́к* прилагательное *рэпаны́й* выражает целую палитру смыслов: ‘израненный в боях, покрытый шрамами’, ‘опытный, бывалый воин’, ‘много переживший и повидавший на своём веку’: *Дид був, як каза́лы, рэпаны́й каза́к, такый ма́тэры́й каза́к* (Пашк.). *Рэпаны́й коза́к – коза́к да́льшэ ніку́да* (Дядьк.).

То, что нынешнее поколение утратило боевую славу дедов, вызывает у большинства членов диалектного сообщества резкое осуждение. Широко бытует на Кубани полная горькой иронии прическазка: *Дид був ко(а)за́к, ді́ты – сыны́ ко(а)за́ч(ь)и, а вну́ки – хвосты́ соба́ч(ь)и*. См. также равную по структуре

предложению ДФЕ *в(у) ко(а)зака гузно в по́пели* (*гузно* ‘груб. ягодыцы’, *по́пел* ‘пепел’), обладающую уничижительной коннотацией: *Хиба́ я коза́чка. Мы с тих козаки́в, шо в ко(а)зака́ гузно в по́пэли* (Старомыш.). Утрата казаками былой мощи во многом является следствием проводимой на Кубани в годы советской власти политики рассказывания. Продолжением выполнения директивы от 29 января 1919 г. об уничтожении казачества стал голодомор – карательная санкция против населения юга России, проводимая в 1932 – 1933 гг. Тринадцать кубанских станиц были занесены на *чёрни доски*, что практически обрекло их на вымирание. Голод сопровождался подавлением веры и субэтнического самосознания. В XX веке казачество оказалось самым гонимым официальными властями субэтническим образованием. Показательным является материнский наказ казакам: *Та нико́му нэ кажы́ть, шо вы каза́кы, а то знов го́ловы пооткру́чуют* [Ткаченко, 2008, с. 138].

Лексема *ка(о)за́к* имеет в местных говорах экспрессивно окрашенные дериваты: *ка(о)зацо́ра, ка(о)зачу́ра, ка(о)зача́ка*: *Дет был здоро́вый казацо́ра* (Ахтаниз.). *Та там дид був тыкый казацо́ра, шо дыржы́сь* (Новокорс.). *Та мы ужэ так, а вот де́душка, тот был казачу́ра* (Усть-Лаб.). *Козацо́ры, воны́ жысто́кы булы́* (Елиз.). *Жэ́ница, ана́ жына́, мать, на иё плича́х фсе́ хазя́йства, а вин, казацо́ра, он вою́е, служы́ть* (Слав. н/Куб.). *У Ива́новки, там, козачу́ры жылы́* (Калинин.). *Муш был лянйвы́й казача́ка* (Арх.). *Дет был казачу́ра, кама́ндавал со́тней* (Кубан.). Приведённые ЛЕ обладают «расщеплённой коннотацией»: они могут, с одной стороны, означать ‘коренной, истинный казак’, с другой – употребляться как бранные выражения, в силу чего шкала оценочности ЛЕ колеблется от восхищения и гордости до презрительного уничижения. П. Ткаченко фиксирует слова *казара́, казарлю́га*, представляющие собой обидные прозвища казаков [Ткаченко, 2008, с. 138]. В ст-це Бородинской зарегистрирована устаревшая ДФЕ, которой иногородние иронично называли казаков, – *на полти́нник недохре́[э]щенны́й*. Её появление связано с тем, что раньше для представителей казачьего сословия обряд крещения в церкви стоил на полтинник дешевле, чем для иногородних. Необходимо признать, что казаки способны

проявлять иронию по отношению к самим себе, см., напр., бытующие на Кубани присказки: *дожили казаки: ни хлеба, ни табаки* (Старомыш.); *слава казачья, а жизнь собачья* (Розенберг); *чому казак гладок: поив, та и на бок* (Пашк.); *галмеси (иногородние мужики) у(в) церковь идуць, а наши казачки у духан пруть* (Розенберг).

Устарели также клички богатых казаков-кулаков: *каплун*, *кугут*, *куркуль*. Первые два прозвища возникли в результате переосмысления номинативных значений существительных. Так, *каплун* в украинском языке означает ‘1. Кладеный, холощёный петух. 2. Название хитрого вола’ [Гринченко, II, с. 217 – 218]; слово *кугут* тоже имеет два ЛСВ ‘1. Петух. 2. Название вола с прямыми, расходящимися в стороны рогами’ [Гринченко, II, с. 318]. ЛЕ *куркуль* изначально употреблялась как ‘прозвище, даваемое в насмешку кацапами казакам-черноморцам’ [Гринченко, II, с. 330]. Лексикограф фиксирует у неё основное значение ‘Пришлый, захожий из другой местности человек, поселившийся на постоянное жительство’ [Там же]. Эти ЛЕ подверглись переосмыслению, и теперь ими называют жадных людей, скряг и стяжателей.

Широко употребительны в местных говорах адъективные дериваты этнонима *ка(о)зак*: общенародные прилагательные *казачий*, *казацкий* и их диалектные структурные варианты *козачий*, *козац(ь)кий*, *ка(о)зацкий*: *У діда була козацька хворма и шапка* (Старомыш.). *Я козацькава рóду* (Елиз.). *Казачиска свáдьба? Рáньша на машынах ни ёздили, тада́ бы́ли рáньша тачáнки* (Ладож.). Названные прилагательные и существительное *ка(о)зак* и как самостоятельные слова, и в качестве компонентов ДФЕ выступают в диалектном сообществе своеобразным эталоном жизненных ценностей, что подтверждают значения ДФЕ, пословиц и поговорок, включающих их в свой состав. См., напр.: *душа – Богу, жизнь – царю, слава – казаку; казак сам не ест, а лошадь кормит; казака хлебом не корми, только дай ему коня с седлом; конь для казака дороже всего* и др. В общекубанский фразеологический пласт входит выражение *ка(о)зац(ь)кому рóду нет / нема́ перево́ду*, которое представляет собой ‘1. Словесную реакцию на радостное известие о рождении мальчика’ и ‘2. Характеристику положительных

качеств человека': *Васі́ль, ты чув, шо Мары́я родила́ позавчэра? – Та ты шо? – Да, ма́льчика найшла́! – О, э́та харашо́. Каза́цкаму ро́ду нет пирыво́ду. Адні́м казако́м бо́льшы ста́ла* (Александр. – дЧ.). 2. *В нас джыгито́вки на ма́й бува́ють. Хто пе́рвай прыс ва́зьме́ть, прыя́тна пасматрэ́ць: каза́цкаму ро́ду нима́ пирыво́ду* (Новолаб. – дЧ.).

Особый интерес вызывают диалектные номинации представителей других народов, поскольку, воплощая в языке образ человека иной национальности, этнос не только выражает к нему своё отношение, но и раскрывает представления о самом себе, о своём характере и мировидении. Широко бытует на Кубани ДФЕ *не на́шего Бо́га* 'человек другой веры', в которой наиболее ёмко отражается основанное на конфессиональном принципе восприятие славянами других народов, определяемое в первую очередь вероисповеданием. Приведём для сравнения выражение *сбор Богоро́дицы*, записанное в ст-це Бородинской в следующем контексте: *Усі́ мы збор Богоро́дицы*. ДФЕ, вероятно, можно толковать как 'славянский мир, верующие в Христа'. См. также устойчивое выражение *во́инство Христо́во*, которым называют казаков как истинных защитников православия. В.П. Чалов у ФЕ *Ису́сово во́йско* 'добровольческая армия; белогвардейцы' фиксирует в соответствии с советской идеологией оттенок пренебрежения [Чалов, 1981, с. 94]. Смена идеологии, а также возрождение казачьего движения на Кубани привели к тому, что данное выражение в наши дни получило переоценку и уже не воспринимается с отрицательной коннотацией.

Подчеркнём, что глубокая вера в Христа была и продолжает оставаться одним из основных условий вступления в казачество. Идея защиты христианского мира от басурман находит наиболее яркое воплощение в исторических песнях. См., напр., следующие строки: «*Стойте же крепко за святую / Церковь, общую нам мать*»; «*Будем бить, пока изгоним / Всех с Европы басурман / Христиан от них избавим, / Сами с богом по домам*»; «*Смерть за веру, за Россию / Можно с радостью принять*» [цит. по О.В. Матвееву [Матвеев, 2005, с. 371]. Данная тема озвучивается и в других песенных текстах.

Архаичный пласт составляют в местных говорах диалектные наименования представителей горских народов, ожесточённая борьба с которыми носила поистине бескомпромиссный характер. Адыгов кубанские казаки называли *черкесами*. М. Фасмер указывает на то, что древнерусское название этого народа *касоги*. Современное название, как отмечает учёный, фигурирует сначала в форме множественного числа *черкасы*. Слово, вероятно, пришло из турецкого, карачаевского. Источником, по мнению М. Фасмера, следует считать осетинское *саергаес* из *earkas «орёл» [Фасмер, IV, с. 344]. Слово *черкес* в кубанском диалекте зафиксировано в составе нескольких выражений: *черкэс гололо́бий / голомо́зий / голома́зий*. Эти ДФЕ используются как уничижительные прозвища в адрес горцев, которые по существующим обычаям брили голову наголо (ср. с общерусским существительным *головорез*). Представителей горских народов казаки также презрительно называли *азиа(я)тами*. Для местного казачества, вынужденного вести длительную войну на Кавказе против горцев, исповедующих ислам, слова *черкес*, *азият* стали синонимами, иноверца, человека, для которого нет ничего святого. Выражения *чёртов азия́т*, *чёртова азия́тка* в наши дни утратили свою первоначальную семантику и превратились в обычные бранные обороты, являющиеся резкой словесной реакцией по поводу отрицательных поступков или действий человека или животного. В СРНГ приводится слово *костогрыз*, первый ЛСВ которого 'О том, кто гложет кости' имеет следующий иллюстративный пример: *Кубанские казаки зовут горцев костогрызами Кубан., Даль [СРНГ, 13, с. 76]*. В словаре нет помет, указывающих на наличие у слова эмотивного значения, презрительная коннотация обусловлена его внутренней формой: прозвище подчёркивает дикость горских народов, их принадлежность к другой, чуждой казачеству культуре.

Хитрость и коварство врага, совершающего внезапные набеги на казачьи станицы, раскрывается в выражении *выраста́ют несéяные, пропада́ют неко́шениые*. В.П. Чалов убедительно доказывает, что эта местная поговорка родилась из украинской *де не посій його, там він уроде* и относится к вездесущему, назойливому, въедливому человеку, чьего появления не ждали и не

желали [Чалов, 198, с. 74 – 75]. См. также выражение *в день мирный, а в ночи дурный*, значение которого прекрасно иллюстрируют известные строчки А.С. Пушкина: «*Не спи, казак: во тьме ночной чеченец ходит за рекой*». РГК отмечает как устаревший диалектизм *четён* ‘чеченец’: *А четёны стаяли рядам, нидалико ат силá* (Константин.). ЛЕ представляет собой словообразовательно-фонематический вариант (отличается отсутствием суффикса –ЕЦ и заменой согласных фонем – аффрикаты <Ч> на смычную <Т>).

Между тем следует отметить, что кубанские казаки признавали в горах сильных и смелых противников. В диссертации В.П. Чалова зафиксированы два вариантных выражения, в которых подчёркивается ратное мастерство представителей горских народов: *свинцём засева́ли, подкóвой коси́ли, ша́шкой жáли / подкóвами пáшут, свинцём засева́ют, шашкой жнут* [Чалов, 1981, с. 73 – 76]. Ссылаясь на одно из первых этнографических исследований черноморского казачества, историк О.В. Матвеев приводит описание черкесских набегов, в котором, как и в указанных ДФЕ, раскрывается жестокость и беспощадность черкесов: «...Они остаются в русской земле только на несколько часов, на два или три часа, не более, но опустошают всё пространство, которое они пробегают, огнём и мечом, и убегают со своею добычею с удивительной быстротою» [Матвеев, 2005, с. 349]. Бесшабашность и удаль горцев отражает выражение – *для хажрэта жизнь – копейка, голова – наживное дело*. Данное выражение возникло в результате контаминации двух семантически близких выражений, имеющих сходную синтаксическую структуру: *жизнь – копейка, судьба – индейка* и *голова – дело наживное* [Чалов, 1981, с. 73, 75]. Обе пословицы достаточно распространены на Кубани.

Характеристика горских народов как воинов представлена в поговорке: *шапсу́г – руба́ка, абадзéх – стрелóк, а чечéнец за завáлом крéпок* [Там же, с. 76]. То, что шапсугу дано прозвище *рубака*, весьма показательно: к шапсугам кубанские казаки относились с особенной симпатией [см. Матвеев, 2005, с. 354]. Это смелый воин, в открытом бою добывающий себе победу и славу. Показательно и то, что в кубанском песенном фольклоре *рубакой* называют

самого казака. См., напр., строки из песни хутора Кубанского: «*Хотели германцы, чтоб наши казаки / Ихнему престолу служить они пошли / А наши казаки, храбрые рубаки. / К ихнему престолу служить не пошли*» [Матвеев, 2005, с. 404].

Другой народ, с которым беспощадно сражалось кубанское казачество, – турки. Турция веками была «главным историческим зеркалом, которое во многом предопределило отношение кубанского казачества к себе и к миру» [Там же, с. 359]. Именно благодаря туркам, как отмечают историки, у кубанских казаков сформировался патриотизм и представление о собственных национальных воинских доблестях [ср. Бондарев, 1998, с. 140]. Диалектным наименованием турка в местных говорах является грамматический вариант слова РЛЯ – *ту́рка*, который М. Фасмер подаёт с пометой «народн.» [Фасмер, IV, с. 125]. Враг, как известно, должен воплощать негативные качества, чтобы борьба с ним была нравственно оправданной. В своём знаменитом послании турецкому султану запорожцы, преднамеренно перевирая титулы мусульманского владыки и используя уничижительные эпитеты, награждают его презрительными прозвищами: «*Вавилонский слесарь, ерусалимский калмык, македонский пивовар, александрийский козолуп, Большого и Малого Египта свинопас, армянская свинья, казацкий сагайдук, подольский калач, чертова защита, самого аспида байстрюк, нашего Бога дурень, свиное рыло, кобелья с..., разбойничья собака*» [Воинские повести Древней Руси, 1949, с. 70]. РГК фиксирует образованное путём сложения существительное *турка́зия*, номинирующее людей мусульманской веры: *Тут турка́зия жыла́* (Чамлык.). Слово наглядно демонстрирует, что в языковом сознании православных казаков иноверцы воспринимаются как единое целое, независимо от их этнической принадлежности.

К иноверцам относятся и жители Карачаево-Черкесии, которую жители Кубани называют *Карачня́*: – С чем Каладжинская граничит? – С *Карачнёй* (Каладж.). Это же ЛЕ номинирует жителей Карачаево-Черкесии: *Там карачня́ жывьёт* (Каладж.). См. также: *карача́й* ‘карачаевец’, *карача́йка* ‘карачаевка’: *Забóр был ка́минный, стани́ца зага́рoжына была на кру́гу, во́зли рэ́чки. Да́льшэ*

был лес. И рядом жы бы́ли чиче́ны, карача́й (Перед.). Ана за карача́я зáмуш вы́шла (Упор.). Ана́ ни ру́сская, ана́ карача́йка (Каладж.).

В кубанских говорах зарегистрированы нейтральные, образованные по одинаковой словообразовательной модели (производящая основа + суффикс -ЕЦ) диалектные ЛЕ, называющие румына – *румы́не[э]ц(ь)*, белоруса – *белору́се[э]ц(ь)* и жителей Москвы и Сибири – *моско́вец(ь)*, *сиби́рец(ь)*: *Зáмиж вы́шла за билору́сця. Та скі́ко вин мэ́нэ выво́зыв в Билору́ссию! (Староджер.). В войну́ вста́нэи ў́тром, ужэ́ войска́ сто́ять: то шы́нэли чэ́рни, то зэ́лэни, в жо́лтых – румы́нци (Вареник.). Маско́вцы прии́жжэ́лы, хлэ́п бра́лы. «Маскв́а галаду́еть», – Ле́нин сказа́в. Ле́нин на Куба́нь насыла́л (Бол. Бейс.). Казаки́ у на́с ура́льцы и сиби́рцы (Старокорс.).* В данную ЛСГ входит бессуффиксное существительное *ка(о)лмыча́* ‘калмык’. ЛЕ употребляется и в составе УС *як колмыча́* ‘о смуглом черноволосом человеке с узким разрезом глаз’: *Паца́н роды́вся як колмыча́. А тоди́ вы́люднив (Усть-Лаб.).* У слова *шпак* ‘1) скворец; 2) дрозд’ зарегистрировано переносное значение ‘армянин’, возникшее на основе второго ЛСВ в результате метафорического переноса: *«Шпакі́» мы называ́им армя́н. Как дро́ст. У ни́х нос чуть-чуть дли́ннее, чем у скварца́ (Зассов.).*

Национальный антагонизм проявляется в следующих ДФЕ: *портно́й на неме́цкий кро́й* ‘неумелый, никудышный’, *не для жи́да сши́та* ‘о казацкой одежде, которую не имели права носить иногородние’, *будь оно́ три́жды туре́цкое / неме́цкое*, т.е. ‘будь проклято’.

Однако следует признать, что сословные различия в представлении кубанцев зачастую значат гораздо больше, чем этнические. На Кубани до сих пор существует оппозиция казак – не казак, иногородний. Так, слово *городови́(ы)к* для казака имеет отрицательную оценочную характеристику, на что указывают и высказывания информантов, и свидетельства местных краеведов (можно привести также бранное выражение *гродови́ц(ь)ка твоя́ душа*). Дореволюционный этнограф М.А. Дикарев писал в 1896 г. в статье «О царских загадках»: «Самое слово «городовык» (=иногородец, не казак) является *бранным* (выделено нами) в устах казака и выражающим высшую степень презрения» (цит. по

кн. О.В. Матвеева [Матвеев, 2005, с. 82]). Для многих жителей современных кубанских станиц эта ЛЕ, как и слова *ногорóдний, новгорóдний, ногорóдец, ногорóдня, новгорóдня*, лишена оценочной характеристики и является скорее нейтральной, что подтверждают многочисленные контексты: *Мать бы́ла ногорóдня, а отéц – казák* (Воздвиж.). *Муж мий був з ногорóцыв: найма́лся у нас робы́ть, и батьку́ вин пондрáвывся* (Брат.). *К нагарóдним не́катарыйи атнаси́лись харашо́, не́катарыйи – пло́ха...* (Некрас.). Диалектизмы являются структурными вариантами слов РЛЯ *иногорóдний, иногорóдец*.

Диалектные фонематические варианты *галмés, гамзéл, гамсéл, гамцéл, хамсéл* также обладают расщеплённой коннотацией. В ст-це Челбасской этнографом и историком О. В. Матвеевым записана дразнилка, высмеивающая иногородних, которые, по мнению казаков, не отличаются самостоятельностью и живут за чужой счёт: *Гамсéл, гамсéл! Прывя́зан да ясéл! Яслы усóхлы, усí гамсэ́лы здóхлы*. Приведём и другие зарегистрированные нами контексты: *Воны́ нас зва́лы «гамзэ́лы»: «У, гамзэ́лы прокля́ти, понайижжа́лы, на нашым усём жы́вуть»* (Новотит.). *Хто хвурáшку нóсэ, так з ных казакы́ смю́ця – гамцэ́лы – говоря́ть* (Старомыш.). *Почиму́ гамсэ́лы? Прыéжжые лю́ди гово́рять: «Мы, гамсэ́лы, лю́ди вэсэ́лы»* (Старомыш.). Первые два подтверждают наличие у ЛЕ отрицательной коннотации, третий указывает на ироническую оценку. Потомственные казаки так объясняют появление презрительного прозвища: *Гамсéл – вин нэ коза́к, прыéжжый... Ха́мскы сэл на коза́цьку зéмлю...* (Старотит.). В словаре украинского языка зафиксированы существительные *га́лман, га́лманка* – бранные слова для мужчины и женщины соответственно [Гринченко, I, с. 268], а также слова *гамсéл* ‘Ироническое название, даваемое черноморцами жителям Таврической губ. Черном.’, *гамселити* ‘Колотить, бить, ударять’ [Гринченко I: 270]. Этот глагол зарегистрирован в форме *гамсе[э]ли́ть* в ст-це Отважной.

Презрительную, уничижительную оценку имеют диалектизмы *каца́п, каца́пка* и *мугы́рь, мугы́рка*: *Каца́пы – э́та те́ жэ ру́ские, тико́ ани́ язы́к свой испага́нили, гаваря́т так: «Ні́нькя», «Ва́нькя», «чаво́». Щас ужэ́ ни чаво́кают* (Брат.). *Каца́пня́ на Куба́нь панайі́хала* (Усть-Лаб.). *Казáк жэ́ница на*

нагародней, так то́лька и слы́шна: «мугы́рка» (Вознес). Отрицательная характеристика слова *каца́п* поддерживается достаточно прозрачной внутренней формой: *цап* – это украинизм, означающий – ‘козёл’; прозвище, данное мужикам из России, возникло из УС *як цап, как цап, каца́п, как козёл*, содержащего презрительный намёк на бороду, которую в черноморских станицах брили. В.И. Даль приводит слово *каца́п* с пометой *южн.* как прозвище, данное малорусами великорусам [Даль, II, с. 99]. О происхождении этого этнонима можно судить и по замечаниям П. Малыхина, который в середине XIX века подробно описал быт крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской области. По свидетельству исследователя, соседствующие украинцы по происхождению русских называют *каца́пами*. Это люди крепкого телосложения, высокого роста, в основном тёмноволосые с приятными чертами лица. Лицо продолговатое с несколько выдающимися скулами, глаза серые. Но особого внимания в мужском портрете заслуживает борода: не окладистая, а клинообразная. Именно за эту особенность малороссияне называли их *цапами*, или *козлиными бородами* [Малыхин, 1853, с. 204]. На Кубани у ЛЕ зарегистрировано несколько производных, также обладающих расщеплённой коннотацией (презрительной, уничижительной / иронической). См., напр., *кацапчо́нок* ‘мальчик-переселенец из средней части России’: *Ф четвёртый класс я ходы́ла, и мэ́нэ оды́н кацапчо́нок взял, нэ, гла́вно, хотя́ бы наш паца́н, а то кацапчо́нок – цэ прыёжжый, кацапчо́нок у нас каза́лы, Буле́цкий Ко́стя. И вин, зна́чить, мэ́ня ф туалéти закры́в. Я там туалéт чуть нэ разнисла́!* (Канев.). Собирательные существительные *кацапéнья, кацапня́, кацапёё* ‘переселенцы из средней части России’: *В Воро́нишской о́бласти, там, кацапéнья...* (Хопёр.). *Кацапня́ на Куба́нь панайи́хала* (Усть-Лаб.). *Мужыки́ – кацапёё, а мы – казаки́* (Удоб.); полисемичные существительные *кацапля́ндия* ‘1) средняя часть России; 2) переселенцы из средней части России’: *Воны́, чисту́шки, в основно́м с Кацапля́ндии. А на́ших-то нэма́е, куба́нских чисту́шык* (Полтав.). *Кацапля́ндия до нас понайи́хала* (Полтав.); *каца́пщина* ‘1) средняя часть России; 2) перен. грязь, беспорядок’: *Ани́*

пирисилѣнцы с каца́пцины (Адж.). *Ка́тька, шо ты ото́ розвыла́ каца́пцину? А ну прыбыры́* (Новодерев.).

ЛЕ *мугы́рь* и *мугы́рька* в украинском языке означают ‘Неотёса, грубый, простой человек, мужик’ и ‘Неотёса, мужичка, грубая женщина’ соответственно [Гринченко, II, с. 452]. В СРНГ слова не отмечены. В местных говорах ими также называли иногородних, приезжих, не казаков. Однако и эти презрительные прозвища в определённых ситуациях употребляются как иронические и даже нейтральные: *Каца́паф мно́га к нам пана́ехала с Арло́фскай, Варо́нишскай, Ку́рскаяй губе́рний. Пе́рид вайно́й у ни́х ниуража́й был, ани́ – сюда́: праслы́шали, што здесь зямля́ бага́тая* (Брат.). *Мугыри́ жы́ли на нивдо́бных миста́х* (Вознес.). *Вона́ нэ на́ша, нэ чистокро́вна хохлу́ха. Вона́ гамсэ́лка. А мы – коза́чки* (записано мной в ст-це Старотитаровской летом 2005 г.; речь идёт о соседке, запись велась в её присутствии, беседа носила вполне дружелюбный характер).

С пометой *неодобрит.* подаёт РГК существительное *мужитяка* (ср. с общенародным *мужик*): *Казаки считают, як ты мужитяка, так ниже его* (Константин. – РГК). В РГК есть ещё два не отмеченных в наших материалах диалектизма, которыми казаки называли горожан. Так, лексический диалектизм *кержя́к* записан в двух локальных ЛСВ ‘1. Незнакомый городской человек’ (Кирпил.). 2. Дерзкий человек’ (Ладож.). В сибирских и уральских говорах слово функционирует в других ЛСВ: ‘1. Старообрядец, раскольник. 2. Скупой человек, скряга. // Злой человек. [СРНГ, 13, с. 185]. М. Фасмер приводит два варианта *кержаск* и *кережаск* и объясняет их происхождение следующим толкованием: ‘житель местности по реке Керженец (левый приток Волги)’. Старообрядцы на Урале (нач. XVIII в.) – выходцы с этой реки [ср. Фасмер, II, с. 224]. Со ссылкой на словарь М.А. Харламова с пометой *устар.* РГК помещает лексему *хивра́ль* в следующем контексте: «*Хивра́ль*» так казаки называют городских жителей [РГК, с. 371]. Лемма подаётся составителями в местной огласовке, без учёта орфографического облика слова. С большой вероятностью можно сказать, что это семантический диалектизм *февраль*, которым на Кубанив называют также

недалёкого, глупого человека. На месте фонемы <Ф> в силу её неполной освоенности произносятся [Х].

Фонетические варианты *мазні(і)ця*, отражающие особенности местной огласовки, имеют 5 ЛСВ: ‘1) колёсная мазь; 2) ведро для колёсной мази; 3) грязнуля; 4) *ирон.и презр.* кличка выходцев из Украины; 5) *ирон. и презр.* кличка выходцев из Центральной России’. Тот факт, что эти ЛЕ использовались в локальных значениях как для номинации выходцев из Украины, так и для номинации выходцев из Центральной России, подтверждают высказывания информантов: «*Хахól – мазніца, давай дразніцца!*» *Эта русские украинцев дразніли* (Гривен.). *Мы ж мазніци, з Украйны* (Бород.) – *Кацапов так ранышэ дразнілы: «Кацап – мазніця, давай дразніцца! За руп – питак, кацап – дурак!»* (Елиз.). Семантическая структура слова соответствует радиально-цепочечному топологическому типу полисемии: три первых ЛСВ сцеплены цепоченой связью, 4-ый и 5-ый – связаны непосредственно с третьим значением.

К бранным выражениям в адрес иногородних относятся ДФЕ *городовиц(ь)ка(я) твоя душа, чига гостроу́зая* (дЧ.). В наших материалах ЛЕ *чига* в свободном значении не зарегистрирована. В словаре украинского языка приводится существительное *чига́*, с отсылочным толкованием к *чечуга*, которое во втором ЛСВ означает ‘свинья’ [Гринченко, IV, с. 461]. На Дону ДФЕ *востроу́зая (гостроу́зая) чига (чига́ва, цы́га, цыга́ва)* представляет собой бранное прозвище, данное казаками иногородними. Собирательным существительным *чига* насмешливо и презрительное называют верхнедонских казаков и изворотливого человека, обманщика [БТСДК, 578].

Однокоренные ЛЕ с корнем РУС-: *русанёт* и собирательные существительные *русáчня, русáчье* (ср. аналогичный способ образования: *кацапня, кацапё*), номинирующие переселенцев из средней полосы России, обладают презрительной коннотацией: *Русанёты – при́шлые на Куба́нь из цынтра́льной Расі́и* (Упор.). *Пирисиленцы из России – русáчня* (Успен.). *Русáчья сюда́ пана́ехала* (Кирпил.). Нейтральную оценочную характеристику имеет лексема *руссияны* ‘русские’: *Эта руссияны но́сят* (Тенг.).

Значение ‘иностранец, не казачий; переселившийся из европейской части России’ актуализируют нейтральные прилагательные *россѣйский, россійский*: *Россѣйская у менѣ была́ ма́ма* (Турк.). *Бабушка была́ казачка, а вот дет россійский был* (Успен.). В русских говорах *Россия* ‘1. Европейская часть России. 2. Собр. Переселенцы из европейской части России’ [СРНГ, 35, с. 191 – 192]. Людей, приехавших из разных мест, могут называть *сбород*: *Ту́та нэ́ была адно́й нацыана́льнасти – ту́та зброт* (Новоукр.). Причём эта ЛЕ имеет нейтральную оценочную характеристику. Нейтральной коннотацией обладает однокоренное прилагательное *сбородный* ‘по происхождению состоящий из людей, приехавших из разных мест’: *Тут вот на кутю́ ходят, кутю́ но́сят, калядава́ть ходят. А у нас там, мы там жы́ли, э́тава не́ была. Там ни хаді́ли, там лю́ди бы́ли збородныи: тот атту́дава, тот атту́дава. Там пасёлак наси́лялся с ра́зных мест. Лес пи́ляли там лю́ди. Лисару́бы* (Перед.). Не имеют отрицательной коннотации и слова *сме́шка, наброд*, а также выражение *хохла-мохла*, номинирующие людей разных национальностей, живущих в одном населённом пункте.

В общекубанский лексический пласт входит прилагательное *проѣзжий*, обладающее диалектным ЛСВ ‘приезжий, поселившийся в станице на постоянное место жительства’: *Вин сам праѣжжый, йиго́ прысла́лы* (Марьин.). ЛЕ может менять эмоциональную тональность. Ср. записанные контексты: *Ані́ нас называ́ют праѣжжыи, ходь бы па-ру́сски научі́лись гаварі́ть* (Арх.). – *Сасётка, ана́ праѣжжяя, харо́шая жэ́ница, паде́льчивая* (Арх.). Диалектным словообразовательно-фонематическим вариантом ЛЕ *проѣзжий* выступает лексема *наѣздный*: *На на́шэй у́лицы мно́га наѣзных жы́веть з дру́гих мест* (Воздвиж.). Показателен разговор некоренной и коренной станичниц, свидетелем которго стал автор данной работы: – *Я ш ни куба́нка. Как гаваря́т, «вадапла́вная». Ну, приѣхала че́рт зна́ет атку́да. Вот сидя́ть, зна́чить, кукуру́зу кида́ють у кучу, гаваря́ть: «У, панаѣхали вадапла́вные к нам». – Ана́ ш на по́изди приѣхала, а фсе́ равно́ ш иё называ́ють «вадапла́вная»* (Владимир.). Локальным является имеющее презрительную и ироническую коннотацию значение сложного прилагательного *водопла́вный* ‘приезжий, некоренной житель’. В русских говорах эта ЛЕ

зафиксирована в двух ЛСВ: '1. *Фольк*. Водоплавающий (постоянный эпитет к слову утушка). 2. Водоплавное место. Покрываемое водой при разливе, заливное место [СРНГ, 4, с. 344].

У прилагательных *водопла́вный, нае́здный, ногоро́дний, прое́зжий, россе́йский* есть разнокорневые антонимы: *крово́ный, роди́мый, туте́[э]и́ний / туты́и́ний*. Два последних имеют однокорневые антонимы – *нетуте́и́ний / нетуты́и́ний*: *Муж ни за́савский. Я тут кро́вная* (Зассов.). *Я ме́сная, ради́мая жы́тилька* (Новолаб.). *Па́па из Воро́нижа, а ма́ма тутэ́и́ня* (Ясен.). *Мы туты́и́нии фсю даро́гу* (Арх.). *Муш мой втаро́й туты́и́ний был* (Новопокров.). *Вона́ нэ́тутэ́и́ня* (Новощерб.). *Вин ны́тутэ́и́ний, вин с-пид Росто́ва* (Новокорс.). *Мы тутэ́и́ни, а вин ны́тутэ́и́ний* (Васюр.). Коренную жительницу номинируют также нейтральные ЛЕ *рождёнка, урожэ́ница*: *Я сама́ раждёнка у станицы Но́валаби́нской* (Новолаб.). *Цэ у мине́ фторо́я жэна́, урожэ́ница на́шэй станицы* (Старотит.).

Следует заметить, что в каждом конкретном случае большую роль играют мимика, жесты, а также интонация, которые, по определению Б.Н. Головина, «являются зеркалом эмоциональной жизни, движений души, культуры чувств и эмоциональных межличностных отношений» [Головин, 1988, с. 202].

Выводы

1. Для кубанского диалекта, как и для русских народных говоров в целом, характерно антропоцентрическое устройство семантического пространства, в центре схемы идеографической организации которого находится макрополе «Человек». Его актуальность обусловлена широким отражением многогранных характеристик человека. На основе идеографического подхода в работе показана свёрнутая модель 13 микрополей, представляющая собой фрагмент идеографического словаря: «Рождение» (34 конституента), «Части тела» (156 конституентов), «Внешность» (133 конституента), «Вес» (89 конституентов), «Рост» (35 конституентов), «Возраст» (70 конституентов), «Ум, интеллект» (22

конституента), «Глупость» (55 конституентов), «Группа людей» (41 конституент), «Пьянство и наркомания» (60 конституентов), «Здоровье, сила» (32 конституента), «Слабость, болезнь» (120 конституентов), «Смерть» (51 конституент). Идеографическая презентация каждого из микрополей позволила выявить их лексико-фразеологический состав, определить, насколько велико то или иное поле в сравнении с другими семантическими полями, какие диалектные единицы существуют для номинации тех или иных понятий, а какие замещаются словами РЛЯ, какие речевые проявления получают наименования, а какие остаются немаркированными, какие участки действительности имеют лексическое и фразеологическое «покрытие», что обладает оценочностью, а что остаётся нейтральным, какой набор слов, ФЕ и их значений представлен только в КГУЯО или в КГЮЯО, а какой входит в общекубанский лексико-фразеологический пласт.

2. Существенную роль в организации лексико-фразеологического пространства кубанского диалекта играет микрополе «Речь» (360 конституентов), поскольку речевая характеристика – важное средство познания человека, его отношения к окружающему миру и к самому себе и один из наиболее надёжных критериев, устанавливающих принадлежность или, напротив, непринадлежность языковой личности к определённому диалектному сообществу. В данном микрополе преобладают глаголы (129 ЛЕ). Несмотря на семантическую диффузность, их можно объединить в достаточно очерченные микрогруппы в зависимости от актуализации в контексте определённой стороны речевого процесса: степень владения языком; темп речи; акустическая сторона; содержание речи; словесные обрядовые действия; объём речи; манера речи; эмоциональность; внутренняя речь и др. Речевые действия человека как обладателя речевой способности, фольклорные жанры называют и имена существительные (50 ЛЕ). Имена прилагательные (38 ЛЕ) служат для речевой характеристики человека. Наречия (5 ЛЕ) указывают на признаки речевого действия. Широко представлены устойчивые выражения (117 ФЕ и 21 УС). Объектами образной трансформации в ДФЕ являются сам человек, его действия, части его тела; ассоциативные связи с

животным миром и миром вещей. В качестве компаративных объектов носители местных говоров используют самого человека, его действия, свойства предметов. Компонентами ДФЕ и УС выступают следующие соматизмы: *язык, зубы, рот, глаза, кулак, ухо*.

3. Константную часть микрополя «Речь» составляют ЛЕ, входящие в общекубанский лексический пласт (*балáкать, балáчка, казáть, говорí(ы)ть, разговáривать* и др.), что подтвердило прямую зависимость устойчивости диалектизма в лексико-фразеологической системе говора от широты его территориального распространения. Наряду со словами материнских говоров в микрополе входят и локализмы. Лексемы *балáкать, балáчка* преодолели территориальную ограниченность и практически вошли в общенародный язык. Часть слов и ДФЕ занимает пограничное положение между говором и просторечием, в чём проявляется процесс сближения и динамического взаимодействия двух подсистем НЯ – диалектной и просторечной. Высказывания информантов продемонстрировали негативное отношение носителей кубанских говоров к многословию. Малочисленность диалектных глаголов, актуализирующих значение ‘читать’, объясняется неполным образованием многих информантов, а также отсутствием свободного времени для чтения. На периферии микрополя «Речь» находятся глаголы, характеризующие внутреннюю речь, тесно связанную с мыслительным процессом, и идиорефлексы.

4. Семантическое поле «Пение» состоит из 65 конститuentов (им. сущ. – 20, глаг. – 22, ФЕ – 19, УС – 4). Вхождение подавляющего большинства из них в активный словарь носителей диалекта, а также дифференциация песен по жанрам свидетельствуют о хорошо развитой народной песенной культуре жителей Кубани, неразрывно связанной с мощными фольклорными традициями кубанского казачества. Многочисленную ЛСГ, организованную в стройную систему, составляют глаголы со значением ‘петь’. По вертикали они находятся по отношению друг к другу в таксонимических отношениях, по горизонтали – представляют собой синонимические ряды. В качестве родовых в говорах Кубани выступают глаголы *спевáть* и *(и)грáть*. Разнообразны экспрессивно окрашенные

устойчивые выражения, характеризующие певческий голос. Широкий ареал в кубанских говорах имеет диалектный акцентно – «словообразовательно» – грамматический вариант *песняк*. Органичная связь пения и говорения наглядно проявляется в способности лексем, номинирующих эти процессы, вступать в синонимические отношения благодаря наличию в их ЛСВ общих интегральных сем.

5. Семантическое микрополе «Молчание», в состав которого входят ЛЕ и ФЕ с интегральной семой – ‘молчание, отсутствие речи’, немногочисленно – 21 конституент (им. сущ. – 4, глаг. – 2, нареч. – 1, ФЕ – 11, УС – 3). Записанные контексты продемонстрировали, что словообразовательный вариант слова РЛЯ *молчунья* – *молчуха* имеет нейтральную коннотацию. Между тем наличие отрицательной коннотации у существительных *бабай*, *дундук*, *немтырь*, номинирующих молчаливого человека мужского пола, подтвердило, что излишняя молчаливость, как и болтливость, не вызывают у носителей говоров одобрения. Объектом образной трансформации во ФЕ и компаративных оборотах являются сам человек и части его тела (*глаза*, *глотка*, *рот*, *язык*). Многочисленность диалектных структурных вариантов общенародного наречия *молча* (в местном диалекте их зафиксировано шесть), в которых отражаются живые фонетические процессы, характерные для кубанского диалекта (произношение губно-губного звука [В] на месте [Л], отвердение согласных перед гласными переднего ряда), обусловлена не только широким ареалом лексем, но и индивидуальными особенностями диалектоносителей.

6. Микрополе «Мирный труд» включает в себя 376 конституентов (им. сущ. – 108, им. прилаг. – 13, глаг. – 167, нареч. – 4, ФЕ – 70, УС – 14). Своеобразие субэтнического восприятия труда состоит в том, что для казака ратный и сельский труд неразделимы, и это находит яркое воплощение в диалектной лексике, фразеологии и паремиологии. В микрополе преобладает глагольная лексика. Наряду с глаголом *работать* в КГУЯО повсеместно употребляется глагол *робыть*. Глаголы и устойчивые выражения, помимо значения ‘трудиться, работать’, выражают целую палитру смыслов: ‘много и изнурительно работать’,

‘справиться (справляться) с любой тяжёлой работой’, ‘быстро и много работать’, ‘быстро, споро, слаженно работать’, ‘заниматься каким-л. хлопотным делом, возиться’. Тематическое разнообразие слов и ДФЕ, называющих трудовые действия, позволило объединить их в следующие микрогруппы: «земледельческий труд», «уход за домашними животными и птицей», «строительство», «рыболовство», «ремесленная, профессиональная деятельность», «действия, связанные со сбором плодов или урожая», «действия, связанные с работой по дому», «действия, связанные с ведением домашнего хозяйства». Целая серия слов и ДФЕ служит для номинации человека по роду его деятельности. Положительную коннотацию имеют слова и ДФЕ, номинирующие умелых людей. Ценятся также хозяйственность и выносливость в работе. В ряде конститuentов прослеживается гендерный аспект, что связано с историческим временем их бытования.

7. Микрополе «Лень» включает 159 конститuentов (им. сущ. – 34, им. прилаг. – 7, глаг. – 45, ФЕ – 68, УС). Глаголы и ФЕ с интегральной семой ‘бездельничать’ могут различаться дифференциальными семами, актуализируя следующие смыслы: ‘принимать позу, в которой невозможно ничем заниматься; бездельничать’, ‘долго лежать не вставая’, ‘долго сидеть не вставая’, ‘изнывать от безделья’, ‘слоняться без дела’, ‘заниматься бесполезной деятельностью’. В языковом сознании диалектоносителей понятие *лень* устойчиво ассоциируется с пьянством, глупостью и пустословием, что находит отражение в семантической структуре слов и ДФЕ. Среди номинаций человека по его отношению к труду преобладают диалектизмы со значением ‘лентяй’, ‘ленивый’. Утверждение положительного идеала в диалектной лексике и фразеологии чаще происходит через выражение издёвки и насмешки над отсутствием положительных качеств и свойств человека. Особенно порицается отсутствие хозяйственных навыков у женщины. Неумелый человек получает презрительные или насмешливые прозвища. Ряд глаголов и ДФЕ характеризует неумелые или небрежные действия человека. Значение ‘плохо, небрежно, кое-как’ актуализируют наречия и ФЕ. Размытость семантики и совмещение значений наблюдается и у глаголов,

номинирующих медленные и бестолковые действия. Разнообразны номинации медлительного, нерасторопного человека. Презрительную или ироническую оценку получает тот, кто делает всё наспех и некачественно.

8. Семантическое микрополе «Наименования человека по национальной, этнической и социальной принадлежности» включает 135 конstituентов (им. сущ. – 61, им. прилаг. – 21, ФЕ – 32, УС – 21), которые самобытно отражают определённые этнические образы и представления, особенности восприятия кубанским казачеством отдельных народов и представителей других социальных слоёв. Языковой материал показал, что сословные различия в представлении кубанцев значат гораздо больше, чем этнические. Для данного СП характерно преобладание оценочных слов и ФЕ над нейтральными, расщепление коннотации, архаизация, терминологизация и переосмысление. Центральное место в лексико-семантическом пространстве кубанских говоров занимает этноним *ка(о)зák*. ЛЕ *ка(о)зák*, *ка(о)зákеский*, *ка(о)зачий*, *ка(о)зацкий* как самостоятельные слова, так и в качестве компонентов ДФЕ выступают в диалектном сообществе своеобразным эталоном жизненных ценностей, что подтверждают значения ДФЕ, пословиц и поговорок, включающих их в свой состав. Конstituенты данного микрополя составляют немногочисленный, но весьма важный пласт лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта: помимо номинативной и экспрессивной функций, они выполняют также функции интеграции казачества и дифференциации его от других этнических и сословных групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации, представляющей собой монографическое исследование КГУЯО и КГЮЯО, описаны содержание, общее состояние и идеографическая организация лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта в синхронии, определён характер протекающих в ней процессов, обеспечивающих как динамику лексико-фразеологического состава кубанских говоров, так и консервацию его важнейших компонентов.

В работе подтверждена важность обращения в процессе диалектологических изысканий к экстралингвистической информации, в которой необходимо учитывать как стабильные, так и переменные сведения, находящиеся в силу действия философских законов устойчивости и изменчивости в состоянии динамического развития и требующие постоянного пополнения новыми данными. Показана целесообразность при определении экстралингвистической базы изучения кубанского диалекта исходить из того, что она складывается из ряда параметров, к которым относятся: географическое положение края, история его заселения, административно-территориальное деление, национальный состав, этническое самосознание и отношение к говору носителей диалекта, их социологические характеристики, а также традиционно-бытовая культура кубанского казачества и восточнославянского населения края, составляющая фон реального бытования говоров.

На основе типологической характеристики КГУЯО и КГЮЯО, продемонстрировавшей их смешение на всех языковых уровнях, была обозначена ведущая тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, которая заключается в постепенном размывании его исторических основ и распространении русских литературных лексических, грамматических и фонетических элементов. Наиболее наглядно смешение говоров наблюдается в лексике и фразеологии. Тот факт, что кубанские говоры имеют общекубанский лексико-фразеологический пласт, следует считать их релевантной типологической особенностью. Проанализированный языковой материал показал,

что для кубанских говоров в их современном состоянии на лексическом уровне характерны как общность, так и различия (непротивопоставленные и противопоставленные). Причём в большей степени им присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не столько языковой основой говоров, сколько природными условиями и спецификой хозяйственной и промысловой деятельности диалектоносителей. В этой связи оптимально объединение районов края в 10 лингвогеографических зон на основании общности географического положения и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту: *Кубанское Приазовье, Северная степная зона, Северо-восточная степная зона, Степная зона, Центральная зона, Кубанское Причерноморье, Горно-предгорная западная зона, Горно-предгорная восточная зона, Степное Закубанье, Кубанское Предгорье*. Такой подход делает возможным исследовать языковые факты на уровне микро- и макросистем и наиболее полно выявлять специфику современного диалектного ландшафта Краснодарского края.

Опора на экстра- и интралингвистические сведения, в том числе ареального характера, позволила определить лингвистический статус КГУЯО и место территории распространения кубанского диалекта в русском диалектном континууме, что, безусловно, значимо как для самих кубанских говоров, так и для отечественной диалектологии и лингвогеографии. Предложенное решение этих двух релевантных диалектологических проблем явилось весомым основанием для объединения лексики и фразеологии КГУЯО и КГЮЯО в единую лексико-фразеологическую макросистему. Теоретические основы этого объединения получили в работе подробное освещение.

Проведённое исследование подтвердило, что моделирование макросистемы относится к обязательной составляющей изучения диалектного континуума. Модель лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта отражена в полисистемном Словаре кубанских говоров. В нём лексика и фразеология показаны на синхронном этапе их бытования с широкой программой предоставления информации о диалекте в целом и об отдельной ЛЕ. Совмещение

в словаре двух подходов: дифференциального (при составлении словника) и недифференциального (при подаче иллюстративного материала) позволило создать лексикографическую базу, на основе которой можно исследовать и отдельные языковые явления, имеющие территориальную ограниченность, и диалект как целостную систему, состоящую из общерусских, просторечных, диалектных элементов, взаимодействующих с ЛЯ и городским просторечием как формами НЯ. В связи с тем, что создание полисистемного словаря – первый опыт для кубанской лексикографии, в диссертации изложена скрепляющая идея словаря и описаны принципы формирования иллюстративной зоны, которая позволяет изучать диалектную речь как особую форму коммуникации.

Недифференциальный подход к лексикографированию нашёл воплощение в разработанном автором лексикографическом жанре – лексорассказе. Включённые в словарные статьи лексорассказы, составленные лексикографом на основе высказываний информантов, продемонстрировали значительные преимущества по сравнению с иллюстрациями-предложениями. Лексорассказ содержит гораздо больше лексикологических сведений о лемме, делает наглядным процесс её лексикографической интерпретации и предоставляет более широкую ознакомительную информацию о говоре в целом, а также об историческом прошлом и настоящем Кубани, природе края, материальной и духовной культуре его коренных жителей, судьбе конкретных диалектоносителей, их мировидении. Система взглядов на мир (философия, мораль, нравственные устои, эстетические идеалы, а также непосредственные наблюдения человека над природой и над самим собой, религиозные и мистические верования) находит вербальное воплощение в ПТ, которые также являются ярким украшением иллюстративной зоны словаря. Их жанровое и тематическое разнообразие продемонстрировало, что ПТ охватывают все области человеческого бытия, являются своеобразной энциклопедией народной жизни, свидетельствуя о богатстве народной речи и духовного мира её носителей. Включение в словарную статью лексорассказов и ПТ позволило Словарю кубанских говоров соответствовать важному требованию современной лексикографии – отражать жизнь слова и жизнь человека в слове.

Сформированный по дифференциальному принципу словник словаря, а также материалы словарной картотеки сделали возможным провести обзор диалектных ЛЕ по грамматическим категориям, представить диалектную морфологическую ситуацию в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров и уточнить роль морфологических средств в стратегии развития словарного состава кубанского диалекта. Показано, что яркой чертой многих кубанских диалектизмов является полилексия, обусловленная не только самим механизмом развития языка, но и смешением двух материнских основ кубанского диалекта. Собранный языковой материал продемонстрировал богатство и разнообразие лексико-фразеологического состава макросистемы кубанских говоров и позволил описать конкретное содержание образующих и организующих её основных слов и ФЕ, дать типологическую характеристику диалектизмов, представить их количественное соотношение, рассмотреть компонентный состав и структурную организацию ДФЕ. В диссертации определено содержание понятия *диалектный кубанский фразеологизм*, важное для системного изучения кубанской фразеологии и для выявления как региональных, так и общих закономерностей образования и функционирования ДФЕ в смешанных говорах, к которым относятся и говоры Кубани. Выяснение состава кубанских ФЕ, описание УНТС и ДФЕ, выявление фразеологически многовалентных слов и активных структур продемонстрировали, что для кубанских устойчивых выражений, «строительным материалом» которых являются общенародная и диалектная лексика, характерны универсальность и уникальность образов, традиционность и эксклюзивность семантических решений, разнообразие моделей и неравномерность представленности по структурным типам, что во многом обусловлено двумя языковыми основами кубанских говоров.

Исследование лексики кубанских говоров в генетических координатах, проведённое по предложенной автором методике, показало степень близости словарного состава изучаемых говоров к материнскому языку и «высветило» их локальное своеобразие – релевантный показатель специфичности говоров

вторичного образования. Названный подход к изучению лексического состава кубанского диалекта позволил выделить в нём следующие генетические пласты: 1) неварьируемая лексика материнских говоров и общенародного языка; 2) локальные варианты ЛЕ материнских говоров и общенародных слов; 3) собственно локализмы; 4) неварьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа; 5) варьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа. Зафиксированная в словаре география наглядно отразила вхождение / невхождение слова или устойчивого выражения в общекубанский лексико-фразеологический пласт. Анализ ЛЕ общекубанского лексического пласта показал, что в нём важное место занимает лексика тюркского происхождения, ставшая составной частью общего казачьего лексикона и обогатившая кубанский диалект в разных тематических сферах.

Включение в Словарь кубанских говоров лексики и фразеологии КГУЯО и КГЮЯО, характеризующихся значительной структурной и генетической общностью, сделало возможным рассмотреть как внутрисистемные, так и межсистемные парадигматические отношения слов и фразеологизмов. Способность слов и устойчивых выражений одновременно вступать в межсистемные и внутрисистемные парадигматические отношения подтвердила правомерность объединения лексики и фразеологии современных КГУЯО и КГЮЯО в единую лексико-фразеологическую макросистему. Анализ семантических процессов, протекающих в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров и обуславливающих перманентные изменения в её структуре, показал, что они существуют в диалектическом единстве со своей противоположностью – устойчивостью. Играя важную роль в организации лексико-фразеологической макросистемы кубанского диалекта в её синхронии, эти процессы способствуют как относительной стабильности, так и постоянной изменчивости словарного состава говоров.

В работе представлены результаты членения лексики и фразеологии на активную и пассивную, размытость границ между которыми – основная причина количественной неопределённости словарного состава диалекта. Выделение

актуальных и неактуальных историзмов, собственно архаизмов, архаизмов передового слоя, актуальных и неактуальных неологизмов сделало возможным в динамике проследить состояние диалектной лексико-фразеологической системы в определённый временной период и прогнозировать направление её дальнейшего развития. Обозначенный подход не только отразил степень употребительности слов и устойчивых выражений, но и «высветил» различия лексикона представителей передового и традиционного слоёв говора, которые на Кубани весьма ощутимы. Регистрация устаревших лексем и неологизмов дала возможность зафиксировать системные количественные и качественные изменения в лексико-фразеологическом пространстве кубанского диалекта. Проведённое исследование подтвердило, что, сосуществуя в пределах одного синхронного среза, архаизация и неологизация играют важную роль в системной организации лексики и фразеологии, поддерживают её статику и динамику, сохраняя константную часть словарного состава говоров и стимулируя его обновление. Выявленная способность носителей кубанских говоров к реставрации устаревшей диалектной лексики и фразеологии подтвердила, что структурная устойчивость говоров обеспечивается не только самой системой языка, но и механизмами его усвоения.

С целью презентации идеографической организации семантического пространства кубанского диалекта в диссертации представлена классификация лексики и фразеологии, характеризующих человека, по тематическим и лексико-семантическим группам (элементарным семантическим микрополям). Семантическое макрополе «Человек» в настоящем исследовании моделировалось как своеобразный аналог тематического словаря, на базе которого проводились основанная на ономаσιологическом подходе презентация ЛЕ и их разноаспектный лингвистический анализ. Описание каждого из микрополей позволило установить состав фрагмента макрополя «Человек», определить, насколько велико то или иное микрополе в сравнении с другими семантическими микрополями, выявить те участки действительности, которые, имея «лексическое покрытие», покрываются или не покрываются фразеологией, выяснить, какие диалектные единицы

существуют для номинации тех или иных понятий, а какие замещаются словами ЛЯ, какие речевые проявления получают наименования, а какие остаются немаркированными, что обладает оценочностью, а что остаётся нейтральным, какой набор слов и значений представлен только в КГУЯО или в КГЮЯО, а какой входит в общекубанский лексико-фразеологический пласт. На конкретном языковом материале в работе нашло подтверждение уже сложившееся в лингвистике положение об антропоцентрическом устройстве лексикона носителей диалекта, мировидение которых сконцентрировано вокруг *человека*. Актуальность макрополя «Человек» обусловлена широким отражением в нём многогранных характеристик человека.

Настоящее монографическое исследование, проведённое в трёх интегративных аспектах: структурно-семантическом, ареальном и функциональном, – проливает свет на многие вопросы, связанные с изучением и лексикографической презентацией говоров позднего образования, относящихся к идиомам смешанного типа. Апробированные на материале кубанских говоров лексикографические приёмы будут полезны для отечественных лексикографов, составляющих словари смешанных говоров. Выявленные результаты смешения кубанских говоров, наиболее активно протекающего на лексическом уровне, могут быть использованы для развития *диалектной лексической контактологии*, анализирующей процессы адаптации двух или более контактирующих говоров, вызванные их взаимовлиянием и облигаторным воздействием ЛЯ. Полагаем, что представленные в диссертации выводы и наблюдения, основанные, в том числе, на экспериментальных данных, существенно укрепят позиции кубанских диалектологов и откроют перед ними широкие возможности для разноаспектного описания кубанского диалекта, для составления Лексического атласа кубанских говоров и создания региональных словарей различных типов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов, Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка / Р.И. Аванесов // Изв. Отд. лит. и языка. – 1947. Т. 6, вып. 3. – С. 211 – 228.
2. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии / Р.И. Аванесов. – М., 1949. – 335 с.
3. Аванесов, Р.И. Введение / Р.И. Аванесов // Русская диалектология. – М., 1964. – С. 7 – 28.
4. Аванесов, Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии / Р.И. Аванесов // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. – М., 1965. – С. 24 – 35.
5. Алахвердиева, Л.К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения : дис. ... канд. филол. наук / Л.К. Алахвердиева. – Ростов н/Д., 2000. – 242 с.
6. Алмазов, Ю. Рушничок на колышке / Ю. Алмазов, В. Пукиш // Кубанские народные пословицы. – Ростов н/Д., 2004. – 128 с.
7. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М., 1974. – 368 с.
8. Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Е. Левонтина, Е.В. Урысон: Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. – М., 1995. – С. 60 – 73.
9. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – С. 37 – 67.
10. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т.1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. М., – 1995 а. – 472 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Речь / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 414 – 416.

12. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957. – 290 с.
13. Ахманова, О.С. Основы компонентного анализа / О.С. Ахманова, М.М. Глушко и др. – М., 1969. – 98 с.
14. Баранникова, Л.И. Русские говоры в советский период: к проблеме соотношения языка и диалекта / Л.И. Баранникова. – Саратов, 1967. – 206 с.
15. Баранникова, Л.И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения / Л.И. Баранникова // Говоры территорий позднего заселения: Сб. науч. трудов. Саратов, 1977. Вып. 1. – С. 3 – 24.
16. Баранникова, Л.И. Об устойчивости диалектной системы / Л.И. Баранникова // Системность в языке, речи, тексте. – Н. Новгород, 1991. – С. 12 – 22.
17. Беляева, М.Ю. Исконное и заимствованное в словообразовании терминологии рыболовного промысла кубанских говоров / М.Ю. Беляева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1999 / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: ИЛИ РАН, 2002. – С. 231 – 234.
18. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М., 2007. – 600 с.
19. Бессонова, Ю.А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Бессонова. – Орел, 2001. – 24 с.
20. Блинова, О.И. К вопросу о лексико-семантическом варьировании и омонимии в говорах / О.И. Блинова, В.Г. Арьянова // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968. – С. 28 – 35.
21. Блинова, О.И. Введение в современную региональную лексикологию / О.И. Блинова. – Томск, 1973. – 258 с.
22. Блинова, О.И. Русская диалектология. Лексика / О.И. Блинова. – Томск, 1984. – 134 с.

23. Блинова, О.И. Комплексное лексикографическое исследование диалекта / О.И. Блинова // Актуальные проблемы диалектной лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 1989. – С. 11 – 19.
24. Блинова, О.И. Практикум по русской диалектологии / О.И. Блинова, О.И. Гардеева, Л.Г. Гынгазова. – 2-ое изд., перераб. и доп. – Томск, 2002. – 184 с.
25. Богословская, З.М. Диалектная вариантология / З. М. Богословская. – Томск, 2005. – 271 с.
26. Богорсукова, Н.Я. Историко-географические аспекты заселения, хозяйственного освоения и формирования сети сельских и городских поселений на территории Краснодарского края / Н.Я. Богорсукова. – Краснодар, 2015. – 149 с.
27. Богушевич, Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц / Д.Г. Богушевич. – Минск, 1985. – 116 с.
28. Бондарев, В. Басурманское зеркало / В. Бондарев // Родина. 1998. № 5 – 6. – С. 140.
29. Бондарь, Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографические очерки о народах Кубани / Н.И. Бондарь // Кубанский краевед. Ежегодник. – Краснодар, 1990. – С. 132 – 174.
30. Бондарь, Н.И. Дед / Дид – Баба (материалы к этнокультурному словарю Кубани) / Н.И. Бондарь // Проблемы общей и региональной этнографии: Сб. научных статей, посвящённых 75-летию А.М. Решетова. – СПб., 2007. – С. 318 – 326.
31. Бондарь, Н.И. Фольклор и этнография кубанского казачества: учебное пособие / Н.И. Бондарь, С.А. Жиганова. – Краснодар, 2009. – 128 с.
32. Бондарь, Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества / Н.И. Бондарь. – Краснодар, 2011. – 376 с.
33. Борисова, О.Г. О лексикографическом описании говоров Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2005 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2005. – С. 61 – 70.

34. Борисова, О.Г. О материалах и источниках «Словаря кубанских говоров» / О.Г. Борисова // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность: мат. краевой науч.-практ. конф. 28–29 октября 2005 г. – Краснодар, 2005. – С. 12 – 20.

35. Борисова, О.Г. Диалектологическая экспедиция в станицу Ахтанизовскую Темрюкского района / О.Г. Борисова // Дикаревские чтения (12): итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. – Краснодар, 2006. – С. 231–242.

36. Борисова, О.Г. Диалектная лексическая синонимия в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2007 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2007. – С. 462 – 472.

37. Борисова, О.Г. Жилище человека как базовая ценность в языковом сознании казачества (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Концептуализация как процесс и его результаты: коллективная монография. – Краснодар, 2008. – С. 151 – 167.

38. Борисова, О.Г. Функциональная семантика диалектных глаголов речи в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Дикаревские чтения (14) / Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур северного Кавказа за 2007 г. – Краснодар, 2008.– С. 117 – 125.

39. Борисова, О.Г. Диалектизмы с расщеплённой коннотацией в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2008 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2008. – С. 340-345.

40. Борисова, О.Г. Синонимы-дублиеты в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Русские говоры: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. С.В. Пискунова. – Тамбов, 2008а. – С. 18–21.

41. Борисова, О.Г. Диалектные единицы, характеризующие трудовую деятельность человека (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы

V Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2009. – С. 172 – 177.

42. Борисова, О.Г. Слова-репрезентанты понятия «речевая характеристика» в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2009/ отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2009. – С. 300 – 312.

43. Борисова, О.Г. Кубанские говоры на рубеже веков: разнонаправленные векторы развития / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2010. – С. 487 – 488.

44. Борисова, О.Г. Лексика говора казаков-некрасовцев в языковом ландшафте кубанских говоров (по материалам диалектологической экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский Краснодарского края) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Живое слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Волгоград, 2010а. – С. 46–52.

45. Борисова, О.Г. Лексика говора казаков-некрасовцев: новые материалы (по результатам диалектологической экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский Краснодарского края) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли: материалы Международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР профессора Всеволода Антоновича Малаховского. – Самара, 2010б. – С. 110 – 116.

46. Борисова, О.Г. Лексико-семантические особенности говора казаков-некрасовцев, обусловленные иноязычным влиянием (по материалам диалектологической экспедиции в хутора Новопокровский и Новонекрасовский Краснодарского края) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Проблемы новистики и исторического славяноведения. Памяти С.В. Павловского. Материалы международной практической конференции. – Краснодар, 2010в. – С. 160 –163

47. Борисова, О.Г. Диалектная омонимия в лексическом пространстве кубанских говоров / О.Г. Борисова // Лексический атлас русских народных

говоров (Материалы и исследования). 2010 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2010г. – С. 127 – 137.

48. Борисова, О.Г. Гетерогенные омонимы в лексическом пространстве кубанских говоров / О.Г. Борисова // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: Материалы Международной конференции-семинара. – Ставрополь, 2010д. – С. 293 – 296.

49. Борисова, О.Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация / О.Г. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №4 (11). – Тамбов, 2011 – С. 25 – 29.

50. Борисова, О.Г. Квазисинонимы в говорах Кубани / О.Г. Борисова // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора А.Г. Лыкова. Краснодар 17 – 20 октября 2011 г. – Краснодар, 2011а. – С. 209 – 211.

51. Борисова, О.Г. Отражение семантической границы слова в практической лексикографии (на материалах говоров Кубани) / О.Г. Борисова // Известия Волгоградского государственного университета. Серия «Филологические науки». № 7 (61). – Волгоград, 2011б. – С. 90 – 93.

52. Борисова, О.Г. Приговор сбора станицы Старонижестеблиевской за номером 7 от 10 августа 1918 года: историко-лингвистический комментарий / О.Г. Борисова, И.Ю. Васильев // Научно-творческое наследие Ф. А. Щербины и современность. Сборник материалов XI научно-практической конференции. – Краснодар, 2011в. – С. 188 – 195.

53. Борисова, О.Г. Человек в лексико-фразеологическом пространстве кубанских говоров. Лексико-семантическое поле «Человек» в говорах Кубани / О.Г. Борисова // LAMBERT Academic Publishing. 2012. – 153 с.

54. Борисова, О.Г. Архаизация и неологизация лексики и фразеологии кубанских говоров: статика и динамика системы / О.Г. Борисова // Вестник

Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 67. – Челябинск, 2012. – С. 31 –34.

55. Борисова, О.Г. Теоретические основы изучения лексики и фразеологии кубанских говоров как макросистемы/ О.Г. Борисова // Культурная жизнь Юга России. № 2 (45). – Краснодар, 2012. – С. 73 –74.

56. Борисова, О.Г. Диалектные неологизмы через призму времени/ О.Г. Борисова // Севернорусские говоры. Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2012. – С. 158 – 170.

57. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Щербиновского района Краснодарского края/ О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина// Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2012. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2012. – С. 96 –108.

58. Борисова, О.Г.Диалектный ландшафт Кубанского Приазовья: итоги полевых экспедиций / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы IV Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора А.Г. Лыкова. – Краснодар, 2013. – С. 170 – 173.

59. Борисова, О.Г.Интровертный словарь как особый тип диалектного словаря / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2013 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2013а. – С. 53 – 61.

60. Борисова, О.Г. Прецедентные тексты в иллюстративной зоне регионального словаря на (материале полисистемного Словаря кубанских говоров) / О.Г. Борисова // Севернорусские говоры. Вып. 13: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2014. – С. 17 – 40.

61. Борисова, О.Г. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Известия Волгоградского государственного университета. Серия «Филологические науки». № 5 (90). – Волгоград, 2014. – С. 73 –79.

62. Борисова, О.Г. Кубанские говоры в контексте русских народных говоров/ О.Г. Борисова / Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины. Якаевские чтения. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2014. – С. 133 – 140.

63. Борисова, О.Г. Лингвогеографическая зона Кубанское Приазовье: лексика и фразеология / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы V Международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2014. – С. 548 – 549.

64. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Лабинского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции). / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2014. – С. 100 – 123.

65. Борисова, О.Г. Социально-территориальные контрастные парадигмы как средство представления особенностей картины мира носителей кубанских говоров / О.Г. Борисова, Л.А. Исаева // Культурная жизнь Юга России. № 3 (54). Краснодар, 2014а. – С. 101 – 102.

66. Борисова, О.Г. Говоры Кореновского района / О.Г. Борисова // История, этнография, фольклор Кубани. Т. 1. Кореновский р-н (материалы фольклорно-этнографических экспедиций). – Краснодар, 2015. – С. 222 – 236.

67. Борисова, О.Г. Лексико-семантическое пространство говоров позднего образования в генетических координатах (на материале говоров Кубани) / О.Г. Борисова // Севернорусские говоры Вып. 14: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2015. – С. 234 – 249.

68. Борисова, О. Г. Иллюстративная зона регионального словаря как лексикографическое произведение / О.Г. Борисова // Вестник Омского университета. № 1 (75). – Омск, 2015.– С. 199 – 202.

69. Борисова, О.Г. Лексорассказ как форма подачи иллюстративного материала в диалектном словаре / О.Г. Борисова // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Филология. Журналистика. Т. 15, вып. 3. – Саратов, 2015. – С. 42 – 46.

70. Борисова, О.Г. Школьный диалектный словарь: информативность и дидактический потенциал (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык в школе. № 8. 2015. – С. 3 – 7.

71. Борисова, О.Г. Локальная семантическая адаптация лексики тюркского происхождения в говорах позднего образования / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 1. Киров, 2015а. – С. 124 – 128.

72. Борисова, О.Г. Типологическая характеристика кубанского диалекта / О.Г. Борисова // Известия Волгоградского государственного университета. Серия «Филологические науки» № 9 – 10 (113). – Волгоград, 2016. – С. 74 – 79.

73. Борисова, О.Г. Региональные словари как источник заданий для олимпиады по русскому языку (на материале кубанских говоров) / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Русский язык в школе № 11. 2016. – С. 29 – 34.

74. Борисова, О.Г. Природа экспрессивности кубанских устойчивых выражений / О.Г. Борисова // Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора А.С. Герда. – СПб., 2016. – С. 282 – 288.

75. Борисова, О.Г. Экспедиционные исследования как важнейшее направление изучения кубанских говоров в условиях их редукции / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина, В.А. Ганыч // Научно наследие Ф.А. Щербины: казачество и история Кавказа. Якаевские чтения. Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2016. – С. 181 – 192.

76. Борисова, О.Г. Диалектный ландшафт Апшеронского района Краснодарского края / О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2017. – СПб., 2017. – С. 102 – 141.

77. Брысина, Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Брысина. – Волгоград, 2003. – 543 с.

78. Брысина, Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: Монография / Е.В. Брысина. – Волгоград, 2003. – 293 с.

79. Брысина, Е. В. Усадьба и приусадебное хозяйство в лексике донских говоров / Е.В. Брысина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2006. – С. 190 – 196.

80. Брысина, Е. В. Экспрессивная функция диалектных тавтологических оборотов / Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова // Вопросы краеведения. Вып. 11. – Волгоград, 2008. – С. 429–431.

81. Брысина, Е.В. Актуальные проблемы современной диалектной лексикографии / Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 1 / Под ред. Е.В.Брысиной, В.И.Супруна. – Волгоград, 2008. – С. 57 – 68.

82. Брысина, Е.В. Структура и семантика диалектных фразем с глагольным компонентом в составе / Е.В. Брысина // Русская устная речь. – Саратов, 2011. – С. 147 – 151.

83. Будагов, Р.А. О так называемом «промежуточном звене» в смысловом развитии слов / Р.А. Будагов // Сб. статей по языкознанию. – М., 1958. – С. 73 – 85.

84. Булаховский, Л.А. Введение в языкознание. Ч. 2 / Л.А. Булаховский. – М., 1953. С. 46 – 47.

85. Булаховский, Л.А. Об омонимии в славянских языках / Л.А. Булаховский // Избранные труды. Т.3: Славистика. Русский язык. – Киев, 1978. – С. 320 – 329.

86. Бушуй, А. М. Словарная репрезентация фразеологии / А.М. Бушуй // Фразеология в тексте и в словаре. – Самарканд, 1986. – С. 4 –19.

87. Васильев, Л.М. Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях / Л.М. Васильев // Исследования по семантике: Межвузовский сборник. – Уфа, 1984. – С. 3 – 7.

88. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М., 1990. – 176 с.

89. Введенская, Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Введенская. – Ростов, 1973. – 36 с.

90. Вендина, Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1999. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2002. – С. 3 – 15.

91. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ: секция филологических наук. – Л., 1946. – С. 45 – 69.

92. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания, № 5, 1953. – С. 3 – 29.

93. Виноградов, В.В. Об омонимии и смежных явлениях / В.В. Виноградов // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 295 – 312.

94. Виноградов, В.В. О формах слова / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 41 – 50.

95. Виноградов, В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. – С. 288 – 294.

96. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977а. – С. 39.

97. Волкострел, Т.М. Пословицы и поговорки Кубани (исторический и этнический аспекты) / Т.М. Волкострел // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. – Краснодар, 2002. – С. 332 – 342.

98. Воинские повести Древней Руси. – М. –Л., 1949. – 358 с.

99. Гайсина, Р.М. Межчастеречные семантические поля / Р.М. Гайсина // Исследования по семантике. – Уфа, 1988. – С. 31 – 38.

100. Гак, В.Г. К диалектике семантических отношений в языке / В.Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 73 – 92.

101. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак // М., 1998. – 768 с.
102. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В. Шанский Н.М. Современный русский язык. Ч. 1. Лексикология, фонетика, морфология /Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. – М., 1962. – 344 с.
103. Галкина-Федорук, Е.М. К вопросу об омонимии в русском языке / Е.М. Галкина-Федорук // Русский язык в школе. 1954. № 3. – С. 14 – 19.
104. Гангур Н.А. Усадьбы линейных казаков (1830–1860 гг.) / Н.А.Гангур // Дикаревские чтения (13). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г. – Краснодар, 2007. – С. 365 – 379.
105. Гангур, Н.А. Материальная культура кубанского казачества конец XVIII – середина XIX века: [в 2 т.]. Ч. 1 / Н.А.Гангур. – Краснодар, 2009. – 285 с.
106. Гангур, Н.А. Материальная культура кубанского казачества конец XVIII – середина XIX века: [в 2 т.]. Ч. 2 / Н.А.Гангур. – Краснодар, 2009. – 271 с.
107. Ганцовская, Н.С. Полисемия и омонимия в Кратком костромском областном словаре (опыт словаря по материалам Программы Лексического атласа русских народных говоров) / Н.С. Ганцовская // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2001 – 2004. / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2004. – С. 136 – 142.
108. Герд, А.С. Диалект – региолект – просторечие / А.С. Герд // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. Междунар. конф. (Шмелевские чтения). – М., 1998. – С. 20 – 21.
109. Герд, А.С. Теория языка и лексикография / А.С. Герд // От буквы к словарю. Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения Я.К. Грота. – СПб., 2013. – С. 136 – 141.
110. Гецова, О.Г. Проект Архангельского областного словаря / О.Г. Гецова. – М., 1970. – 214 с.
111. Говоры Кубани: Библиографический указатель / Сост. Л.А.Новосёлова. Ред. и автор введения Е.Ф. Тарасенкова. – Краснодар, 1982. – 76 с.

112. Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М., 1988. – 320 с.
113. Гольдин, В.Е. К вопросу о соотношении различий системного и несистемного характера в диалектной лексике / В.Е. Гольдин // Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования). 1969. – М., 1970. – С. 170 – 181.
114. Гольдин, В.Е. Повествование в диалектном дискурсе / В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова // Известия Сарат. Ун-та. Нов. Сер. 2009, № 9. – С. 3 – 7.
115. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма / К.С. Горбачевич. – Л., 1978. – 238 с.
116. Горелов, И.Н. Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития / И.Н. Горелов // Вопросы языкознания. 1986. № 4. – С. 86 – 96.
117. Горшкова, К.В. О некоторых вопросах теории диалектологии / К.В. Горшкова, Л.Э. Калнынь // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1984. № 6. – С. 3 – 9.
118. Гриб, Р.Т. Семантические особенности наречий, имеющих единый план выражения в диалектном и литературном языке (к проблеме общенародного слова в говоре) / Р.Т. Гриб // Материалы и исследования по сибирской диалектологии / отв. ред. К.П. Михалап. – Красноярск, 1981. – С. 27 – 36.
119. Гриб, Р.Т. Особенности структурно-семантической системы приенисейских говоров (сравнительно с литературным языком) / Р.Т. Гриб. – Красноярск, 1988. – 1087 с.
120. Гулыга, Е.В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 291 – 313.
121. Даль, В.И. Напутное / В.И. Даль // Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т.1. – М., 1984. – С. 5 – 21.
122. Девлетов, Р.Р. Тюркизмы в украинском и русском языках / Р.Р. Девлетов. – Симферополь, 2001. – 128 с.

123. Демешкина, Т.А. Векторы развития современной русской диалектологии / Т.А. Демешкина // Актуальные проблемы обучения русскому языку. – Врно, 2014. – С. 268 – 277.

124. Диалектологический вопросник для изучения особенностей говоров Краснодарского края и для составления краевого диалектологического атласа / отв. ред. В.И. Рахинский. – Краснодар, 1941. – 34 с.

125. Диброва, Е.И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избранные работы. Т. II / Е.И. Диброва. – М., 2008. – 470 с.

126. Долгих, Н.А. О трёх направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу / Н.А. Долгих // Филологические науки. 1974. № 4. – С. 105 – 111.

127. Евгеньева, А.П. Очерки по языку русской поэзии в записях XVII – XX вв / А.П. Евгеньева. – Л., 1963. – 348 с.

128. Ермолаева, Ю.А. Семантическое варьирование диалектного слова в русских говорах Башкирии (в связи с проблемой разграничения полисемии и омонимии): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Ермолаева. – Уфа, 2000. – 20 с.

129. Жирмунский, В.М. Проблемы переселенческой диалектологии / В.М. Жирмунский // Общее и германское языкознание. – Л., 1976. – С. 491 – 516.

130. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М., 1986. – 310 с.

131. Журавлёв, А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А.Ф. Журавлёв // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 84 – 86.

132. Журавлёв, А.Ф. Должен ли диалектолог быть этнографом / А.Ф. Журавлёв // Русская речь. № 5. 1988. – С. 93 – 94.

133. Загоровская, О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии / О.В. Загоровская. – М., 1990. – 300 с.

134. Занозина, Л.О. Диалектные истоки коллективно-группового прозвища *щекуны*, *щекухи* в курских народных говорах (этимологический аспект) /

Л.О.Занозина, Т.М. Малыхина // Диалектная лексика – 2008. – СПб., 2009. – С. 178 – 182.

135. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин . – М., 1991. – 511 с.

136. Зубкова, Л.Г. Симметрия и асимметрия языковых знаков (по данным анализа звуковой формы лексико-семантических категорий) / Л.Г. Зубкова // Проблемы фонетики. I: Сб. статей. – М., 1993. – С. 21 – 30.

137. Иванова, В.А. Антонимия в системе языка / В.А.Иванова. – Кишинёв, 1982. – 163 с.

138. Иванцов, И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б) 1920-е – начало 1930-х гг. Монография /И.Г.Иванцов. – Краснодар, 2009. – 100 с.

139. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск, 2002. – 312 с.

140. Ивашко, Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л.А. Ивашко. – Л., 1981. – 111 с.

141. Каде, Т.Х. О семантических отношениях в названиях животных в русских кубанских говорах (по материалам экспедиций 80-х годов) / Т.Х. Каде, А.Л. Факторович // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1992. – СПб., 1994. – С. 56–64.

142. Каде, Т.Х. Производность – мотивированность – лексическая системность: виды соотношений (на материале русских говоров Кубани) / Т.Х. Каде, А.Л. Факторович // Лексический атлас русских народных говоров – 94: Тез. докл. X Всерос. диалект. совещания. – СПб., 1994. – С. 94 – 95.

143. Каде, Т.Х. Семантическое поле «Человек» в кубанском диалекте / Т.Х. Каде, И.Н. Пономаренко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1998. – СПб., 2001. – С. 219 – 222.

144. Казачьи вести. 1993. № 8. – С. 714.

145. Калнынь, Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка / Л.Э. Калнынь. – М., 1973. – 398 с.

146. Калнынь, Л.Э. Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии / Л.Э. Калнынь // Аванесовский сборник. – М., 2002. – С. 47 – 53.

147. Калнынь, Л.Э. Лексика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка / Л.Э. Калнынь // Межъязыковое влияние истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект / отв. ред. Т.И. Вендина. – М., 2007. – С. 281 –300.

148. Калнынь, Л.Э. Вопросы диалектологии на XIII Международном съезде славистов / Л.Э. Калнынь, Г.П. Клепикова // Вопросы языкознания. 2004. № 2. – С. 213 – 215.

149. Караулов, Ю.Н. Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы / Ю.Н. Караулов // Вестник МГУ. Филология. 1970. № 1. – С. 61 – 73.

150. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М., 1976. – 355 с.

151. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.

152. Караулов, Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю.Н. Караулов // Советская лексикография: Сб. ст. – М., 1988. – С. 5 – 18.

153. Караулов, Ю.Н. О русском языке зарубежья / Ю.Н. Караулов // Вопросы языкознания. 1992. № 6. – С. 5 –18.

154. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М. – Л., 1965. – 110 с.

155. Кирей, Н.И. Типы традиционного сельского жилища кубанских казаков и народные способы его строительства (конец XIX–20-ые гг. XX в.) / Н.И.Кирей // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1994. – С. 113–128.

156. Кириллов, П.О. Черноморская свадьба: этнографический очерк / П.О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891. Т. 2. – С. 472 – 488.

157. Клепикова, Г.П. Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) / Г.П. Клепикова // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. – М., 1968. – С. 72 – 96.

158. Коготкова, Т.С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора / Т.С. Коготкова // Слово в русских народных говорах. – Л., 1968. – С. 37 – 52.

159. Коготкова, Т.С. Литературный язык и диалекты / Т.С. Коготкова // Актуальные проблемы культуры речи / под ред. В.Г. Костомарова и Л.И. Скворцова. М., 1970. – С. 104 – 152.

160. Коготкова, Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) / Т.С. Коготкова // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. – С. 285 – 301.

161. Коготкова, Т.С. Лексика индивидуума в соотношении с лексикой коллектива (по материалам двух современных диалектных словарей) / Т.С. Коготкова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1977. Вып. 7. – С. 111 – 116.

162. Коготкова, Т.С. Семантические заметки (к проблеме освоения литературной лексики в современных говорах) / Т.С. Коготкова // Диалектологические исследования по русскому языку. – М., 1977а. – С. 194 – 208.

163. Коготкова, Т.С. Русская диалектная лексикология: Состояние и перспективы. / Т.С. Коготкова. – М., 1979. – 332 с.

164. Коготкова, Т.С. Современные областные словари в их ретроспекции и перспективе для лексикологических исследований / Т.С. Коготкова // Вопросы языкознания. 1986. №3. – С. 96 – 102.

165. Козырев, В.А. Диалектная лексикология на современном этапе / В.А.Козырев. – Л., 1986. – 85 с.

166. Козырев, В.А. Гомогенная омонимия в диалектном словаре / В.А. Козырев // Актуальные проблемы диалектной лексикологии. – СПб., 1997. – С. 11–15.

167. Колосова, В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники / В.Б. Колосова. – М., 2009. – 352 с.

168. Корованенко, Т.А. Многозначность и омонимия в русской диалектной лексикографии. Дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Корованенко. – Л., 1981. – 215 с.

169. Костина, Л.Ю. Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края: структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук / Л.Ю. Костина. – Краснодар, 2008. – 392 с.

170. Костина, Л.Ю. Фонематические диалектизмы в говоре ст-цы Архангельской Краснодарского края / Л.Ю. Костина // Исследовательские парадигмы в современной лингвистике: материалы Всероссийской научной конференции с элементами школы для молодёжи. – Краснодар, 2010. – С. 32 – 36.

171. Краснодарский край в цифрах. 2011. Стат. сб. / Краснодарстат. – Краснодар, 2012. – 319 с.

172. Кронгауз, М.А. Семантика: Учебник для вузов / М.А. Кронгауз. – М., 2001. – 399 с.

173. Крысин, Л.П. Территориальные диалекты / Л.П. Крысин // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003. – С. 47 – 52.

174. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани [Отв. ред. Е.В.Чистов; АН СССР, Ин-т этнографии]. – М., 1967. – 358 с.

175. Кубанское казачество: история, этнография, фольклор /Авт.-сост. Н.И. Бондарь. – М., 1995. – 364 с.

176. Кудряшова, Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: учебное пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград, 1997. – 124 с.

177. Кудряшова, Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография / Р.И. Кудряшова. – Волгоград, 1998. – 93 с.

178. Кузнецов, А.И. О применении метода компонентного анализа в лексике / А.И. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. – М., 1971. – С. 257 – 268.

179. Курбангалеева, Г.М. Лексика русских говоров Башкирии: основные тенденции формирования и функционирования / Г.М. Курбангалеева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. / отв. ред. А.С. Герд. – Спб., 2008. – С. 80 – 90.

180. Куценко, И.Я. Кубанское казачество / И.Я. Куценко. – Краснодар, 1993. – 583 с.

181. Ларин, Б.А. Инструкции Псковского областного словаря / Б.А. Ларин // Псковские говоры. 1. Труды Первой псковской диалектологической конференции. 1960 года. – Псков, 1962. – С. 252 – 271.

182. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: Монография / Л.А.Лебедева. – Краснодар, 1999. – 196 с.

183. Левицкий, В.В. Семасиология / В.В. Левицкий. – Винница, 2006. – 512 с.

184. Левкиевская, Е.Е. Мифы русского народа / Е.Е. Левкиевская. – М., 2000. – 528 с.

185. Легенды и мифы о растениях. Легенды Древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории / сост. Л.М. Мартынова. – М., 2015. – 511 с., ил.

186. Липина, В.В. Региональный идеографический словарь: Принципы построения и семантическая структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Липина. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.

187. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А.Ф. Лосев. – М., 1982. – 479 с.

188. Лукьянова, Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения: Учеб.пособие. – Новосибирск, 1983. – 80 с.
189. Лыков, А.Г. Асимметризм русского слова / А.Г. Лыков // Вопросы русистики. Избранное: Т 2: Лексикология. – Краснодар, 2003. – 360 с.
190. Лютикова, В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.Д. Лютикова. – Екатеринбург, 2006. – 41 с.
191. Маковский, М.М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М.М. Маковский. – М., 1980. – 210 с.
192. Малаховский, Л.В. О процессах деомонимизации в английской лексике / Л.В. Малаховский // Материалы всесоюз. конф. по общ. языкозн. : Основные проблемы эволюции языка. – Самарканд, 1966. Ч. 1. – С. 178 – 181.
193. Малаховский, Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / Л.В. Малаховский. – Л., 1990. – 238 с.
194. Малыхин, П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда / П. Малыхин // Этнографический сборник, изданный Императорским Русским географическим обществом. Вып. 1. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1853. – С. 203 – 234.
195. Маркевич, Н.А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем /Н.А. Маркевич. – Киев, 1860. – 174 с.
196. Маслов, Ю.С. Омонимы в словарях и омонимия в языке / Ю.С. Маслов // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 198 – 202.
197. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С.Маслов. – Л., 1998. – 272 с.
198. Матвеев, О.В. Слово о кубанском казачестве и истории православной церкви Кубани // О.В. Матвеев, С.В. Шептун. – Краснодар, 1995. – 464 с.
199. Матвеев, О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности / О.В. Матвеев. – Краснодар, 2005. – 418 с.

200. Матвеев, О.В. Этнические миграции на Кубани: история и современность / О.В. Матвеев, В.Н. Ракачѳв, Д.Н. Ракачѳв . – Краснодар, 2003. – 199 с.
201. Меркулова, А.Г. Языковая и концептуальная организация кубанских заговоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук /А.Г. Меркулова . – Краснодар, 2006. – 22 с.
202. Милуков, В.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. Т. 1. Земля. Население. Экономика. Сословие. Государство / В.Н. Милуков. – М., 1993. – 528 с.
203. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для филол. специальностей университетов / В.М. Мокиенко. – М., 1980. – 207 с.
204. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М., 1989. – 287 с.
205. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – М., 2009. – 464 с.
206. Мораховская, О.Н. К исторической интерпретации лексической карты / О.Н. Мораховская // Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е.В. Немченко. – М., 1975. – С. 252 – 285.
207. Морковкин, В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В.В. Морковкин. – М., 1977 – 168 с.
208. Мызников, С.А. Омонимы в областных словарях / С.А.Мызников // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). – Псков, 2001. – С. 145 – 156.
209. Мызников, С.А. О тюркизмах в говорах Кубани / С.А.Мызников // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы II Международной конференции. – Краснодар, 2009. – С. 213– 215.
210. Мызников, С.А. О тюркизмах в говорах Кубани и у яицких (уральских) казаков / С.А. Мызников // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы IV Международной конференции. – Краснодар, 2013 . – С. 179 – 181.

211. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112 – 116.
212. Нефёдова, Е.А. О гипонимических отношениях в группе микологической лексики / Е.А. Нефёдова // Общеславянский лингвистический атлас, 1976. – М., 1978. – С. 186 – 204.
213. Нефёдова, Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве / Е.А. Нефёдова. – М., 2008. – 464 с.
214. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В.Никитин. – СПб., 1996. – 760 с.
215. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л.А. Новиков. – М., 1973. – 289 с.
216. Новиков, Л.А. Русская антонимия и её лексикографическое описание / Л.А. Новиков // М.Р. Львов. Словарь антонимов русского языка. – М. 1984. – С. 5 – 29.
217. Новиков, Л.А. Лексикология / Л.А. Новиков // Современный русский язык. – М., 1989. Ч. I. – С. 165 – 297.
218. Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура /Науч. ред. Н.И.Бондарь. – Краснодар, 2006.
219. Огольцов, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцов. – Л., 1978. – 160 с.
220. Огольцов, В.М. О принципах лексикографического описания устойчивых сравнений / В.М. Огольцов // Термин и слово. Межвузовский сборник. – Горький, 1978. – С. 113 – 123.
221. Орлов, Л.М. Социально обусловленная дифференциация речевых единиц в современном территориальном говоре: По материалам сиротинского говора Волгоградской обл. / Л.М. Орлов // Диалектная и литературная разговорная речь: Социологические исследования на краеведческом материале Нижнего Поволжья / Отв. ред. Л.М. Орлов. – Волгоград, 1974. – С. 18–84.
222. Орлов, Л.М. Функциональные стили в системе современных русских говоров / Л.М. Орлов // Вопросы филологии: К семидесятилетию со дня рождения

и пятидесятилетию научно-педагогической деятельности зав. кафедрой общего языкознания, д-ра филол. наук проф. А.Н. Стеценко. – М., 1974а – С. 143–150.

223. Орлов, Л.М. О методике изучения социальной и стилистической дифференциации в народных говорах: Из опыта предварительных наблюдений / Л.М. Орлов // Исследования и статьи по русскому языку / Науч. ред. Л.М. Орлов. – Волгоград, 1972. Вып. 3. – С. 168–217.

224. Оссовецкий, И.А. О составлении региональных словарей / И.А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. 1961. № 4. – С. 75–78.

225. Оссовецкий, И.А. Введение / И.А. Оссовецкий // Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. – М., 1969. – С. 3 – 45.

226. Оссовецкий, И.А. Лексика современных русских народных говоров / И.А. Оссовецкий. – М., 1982. – 197 с.

227. Пауфошима, Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность / Р.Ф. Пауфошима // Язык и личность. – М., 1989. – С. 41 –48.

228. Пономаренко, И.Н. Концепт «женщина» в лексико-семантическом пространстве кубанских говоров / И.Н. Пономаренко // Потенциал русского языка. – Краснодар, 2001. – С. 203–211.

229. Пономаренко, И.Н. Некоторые параметрические характеристики концепта «женщина» в кубанских говорах / И.Н. Пономаренко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2000 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2003. – С. 143–146.

230. Попко, И.Д. Черноморские казаки в их военном и гражданском быту: очерки края, общества, вооружённых сил и службы.: в 2 ч. – Краснодар, 1998. – 189 с.

231. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. II / А.А. Потебня. – Харьков, 1889. – 633 с.

232. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: науч.-метод. пособие / отв. ред. И.А. Попов. – СПб., 1994. – 336 с.

233. Прокошева, К.Н. Глагольная фразеология говоров Северного Прикамья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.Н. Прокошева. – Л., 1975. – 19 с.

234. Прокошева, К.Н. Очерки афористики Прикамья / К.Н. Прокошева // Литературное краеведение Прикамья. – Пермь, 1988. – С. 3–19.

235. Проценко, Б.Н. О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров / Б.Н. Проценко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. / отв. ред. И.А. Попов. – СПб., 1996. – С. 17–19.

236. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика. / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов, 1983. – 253 с.

237. Райская, Л.М. Антонимия в лексической системе говора (на материале нарымского говора): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Райская. – Томск, 1985. – 18 с.

238. Раков, Г.А. Компонентный анализ и исследование диалектной синонимии / Г.А. Раков // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1977, вып. 4. – С. 105–111.

239. Раков, Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономазиологический анализ системных отношений в лексике) / Г.А. Раков. – Томск, 1988. – 271 с.

240. Ратушняк, В.Н. Основные теории происхождения казачества / В.Н. Ратушняк // В споре рождается истина. Сборник историографических статей и рецензий. – Краснодар, 2012. – С. 107–110.

241. Регионалистика Кубани: лингвистический и этнолингвистический аспекты: монография // М.Ю. Беляева, Е.В. Литус, Г.В. Лобова, Е.Н. Трегубова: отв. ред. М.Ю. Беляева. – Славянск-на-Кубани, 2010. – 233 с.

242. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. – М., 1996. – 536 с.

243. Рожкова, А.Г. Идеографическое описание лексики смоленских говоров / А.Г. Рожкова // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1 (57) – С. 599 – 603.

244. Ростова, А.Н. Толкование значений слов информантами в диалектной лексикографии / А.Н. Ростова // Актуальные проблемы диалектной лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 1989. – С. 104–110.

245. Руснак, Г.Е. К вопросу о подаче полисемии и омонимии в толковых словарях / Г.Е. Руснак // Теория языка и словаря. – Кишинёв, 1988. – С. 69 – 72.

246. Савицкий, Н.И. Позитивное и негативное отражение общества в языке / Н.И. Савицкий // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 155 – 158.

247. Садиленко, М.А. Об устойчивости кубанского языка / М.А. Садиленко // Сборник статей по экономике и культуре. – Краснодар, 1927. – С. 2 – 28.

248. Сапожникова, Л. М. Семантика референциально однозначных собственных имён и их адъективных дериватов / Л.М. Сапожникова // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. – Калинин, 1987. – С. 103 – 113.

249. Севротян, Э.В. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера / Э.В. Севротян // Лексикографический сборник. Вып. V. – М., 1962. – С. 11 – 29.

250. Селиверстова, О.Н. Компонентный анализ многозначных слов / О.Н. Селиверстова. – М., 1975. – 236 с.

251. Семенцов, М.В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков // М.В. Семенцов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9): материалы Региональной науч. конф., Краснодар, 10 – 13 окт. 2003 г. – Краснодар, 2003. – С. 75 – 90.

252. Сенкевич, В.А. К вопросу о лексической омонимии в русском народном говоре / В.А. Сенкевич // Проблемы русского языка и его методики. – М., 1982. – С.127 – 133.

253. Сердюкова, О.К. Лексикализованные фонетические варианты общенародных слов донских говорах и в говоре казаков-некрасовцев / О.К. Сердюкова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Сб. ст. – Воронеж, 1969. – С. 156 – 152.

254. Сердюкова, О.К. Лексика говора казаков-некрасовцев (исследование и словарь): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.К. Сердюкова. – Ростов н/Д, 1969. – 26 с.

255. Скитова, Ф.Л. Явление регресса и эволюции речевой практики поколения / Ф.Л. Скитова // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Ч. 2. – Самарканд, 1966.

256. Скитова, Ф.Л. Из наблюдений над словарным запасом одного человека / Ф.Л. Скитова, Е.А. Огиенко // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1997. Вып. 2. – С. 26 – 39.

257. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1956. – 260 с.

258. Сороколетов, Ф.П. Очерки по русской диалектной лексикографии / Ф.П. Сороколетов, О.Д. Кузнецова. – Л., 1987. – 230 с.

259. Сороколетов, Ф.П. Произведения фольклора и диалектные словари / Ф.П. Сороколетов // Избранные труды. – СПб., 2011. – С. 109 – 125.

260. Социальное положение и уровень жизни населения Краснодарского края: Ст. сб. / Краснодарстат. – Краснодар, 2015. – 130 с.

261. Степанова, Л.Г. К специфике ареального членения Италии / Л.Г. Степанова // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики / [редкол. А.В. Десницкая (отв. ред.) и др.]. – Л., 1978. – С. 41 – 45.

262. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 170 с.

263. Тарасенкова, Е.Ф. К вопросу о построении областного словаря русских говоров Краснодарского края / Е.Ф. Тарасенкова // Труды Краснодар. гос. пед. ин-та. Вып. 31: Вопросы изучения русского языка. – Краснодар, 1963. – С. 53–66.

264. Тарасенкова, Е.Ф. О фонетическом и морфологическом варьировании слов в русских говорах Кубани / Е.Ф. Тарасенкова // Вопросы современного русского языка и истории его развития. Вып. 54. – Краснодар, 1966. – С. 172 – 178.

265. Тарасенкова, Е.Ф. Семантические диалектизмы в русских говорах Кубани / Е.Ф. Тарасенкова. Вып. 81: Вопросы изучения русского языка. – Краснодар, 1968. – С. 204 – 213.

266. Тверитинов, И.А. Казаки-некрасовцы на Кубани и в Черноморье / И.А. Тверитинов // Другие времена: Межвузовский сборник к 70-летию со дня рождения проф. В.Е. Щетнёва. – Краснодар, 2004. – С. 14 – 23.

267. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М., 1986. – 141 с.

268. Ткаченко, П. Кубанские пословицы и поговорки / П. Ткаченко. – Краснодар, 2008. – 239 с.

269. Ткаченко, П. Кубанская свадьба / П.Ткаченко. – Краснодар, 1968. Краснодар, 2009. – 191 с., с ил.

270. Ткаченко, П. Кубанские обряды / П. Ткаченко // Краснодар, 2010. – 223 с.

271. Толстой, Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава / Н.И. Толстой // Вопросы языкознания. 1963. № 1. – С. 29 – 45.

272. Толстой, Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Н.И. Толстой. – М., 1969. – 264 с.

273. Толстой, Н.И. Диалектология в этнолингвистической перспективе / Н.И. Толстой // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1982. – С. 3 – 7.

274. Трегубова, Е.Н. Словарь региональной свадебной терминологии как тип лингвокультурологического словаря / Е.Н.Трегубова // Вестник СГПИ. – 2006. № 2. – С. 9 –21.

275. Трубачёв, О.Н. Этимологическая лексикография и история культуры / О.Н. Трубачёв // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Доклад. Ч. 1. – М., 1991. – С. 264 – 277.

276. Трут, В.П. Явление казачества в истории и культуре России / В.П. Трут // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 г. Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 1999. – С. 8 – 12.

277. Трут, В.П. Итоги и перспективы процесса возрождения казачества в России / В.П. Трут // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 2. – Краснодар, 2005. – С. 594 – 611.

278. Тюрина, Р.Я. Об энантиосеми в среднеобских говорах / Р.Я. Тюрина // Говоры русского населения Сибири. – Томск, 1983. – С. 242 – 249.

279. Уфимцева, А.А. Теории «семантического поля» и возможность их применения при изучении словарного состава языка / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 30 – 36.

280. Фалькович, М.М. К вопросу об омонимии и полисемии / М.М. Фалькович // Вопросы языкознания. 1960. № 5. – С. 85 – 88.

281. Фёдоров, А.И. Сибирская диалектная фразеология / А.И. Фёдоров. – Новосибирск, 1980. – 192 с.

282. Федосов, И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии / И.А. Федосов. – Ростов н/Д, 1977. – 211 с.

283. Филин, Ф.П. Исследование о лексике русских народных говоров: По материалам сельскохозяйственной терминологии / Ф.П. Филин. – М. – Л., 1936. – 208 с.

284. Филин, Ф.П. Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка / Ф.П. Филин // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. 6. – М. – Л., 1949. – С. 3 – 15.

285. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – М. – Л., 1961. – 197 с.

286. Финько, О.С. Лексика свадебного обряда Кубани (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.С.Финько. – Курск, 2011. – 19 с.

287. Фомина, М.Н. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. вузов. – 3-е изд., испр. и доп. / М.Н. Фомина. – М., 1990. – 415 с.

288. Фролов, Б.Е. Поселение Черноморского казачьего войска на Кубани / Б.Е. Фролов. – Краснодар, 2005. Вып. 4. – 87 с.

289. Фролов, Б.Е. Тюркизмы в военной лексике черноморских казаков конца XVII – начала XIX века / Б.Е. Фролов // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы III Международной конференции. – Краснодар, 2011. – С. 226 – 229.

290. Чалов, В.П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук / В.П.Чалов. – М., 1981. – 292 с. (дЧ.).

291. Часовникова, А.В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба / А.В. Часовникова. – М., 2003. – С. 90 – 142.

292. Чистяков, В.Ф. К лингвистическому атласу Кубани / В.Ф. Чистяков // Труды Кубанского пед. ин-та. Т. I (IV). – Краснодар, 1930. – С. 217 – 261.

293. Чулкина, Н.Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: автореф. дис.... д-ра филол. наук / Н.Л.Чулкина. – Днепропетровск, 1987. – 47 с.

294. Чурсина, В.И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ / В.И. Чурсина. – Краснодар, 2003. – 262 с.

295. Чурсина, В.И. Народная культура славян Кубани (конец XVIII – XX вв.) / В.И. Чурсина. – Краснодар, 2005. – 260 с.

296. Шабалин, М.Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков). Дис. ...канд. филол. наук / М.Н. Шабалин. – М., 1952. – 474 с. (дШ.).

297. Шабалин, М.Н. О происхождении некоторых черт русского кубанского диалекта / М.Н. Шабалин // Вопросы истории русского языка. – М., 1959. – С. 302 – 312.
298. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1972. – 368 с.
299. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1969. – 231 с.
300. Шафиков, С.Г. Семантические универсалии в лексике / С.Г. Шафиков . – Уфа, 1996. – 196 с.
301. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. 1999. № 1. – С. 3 – 16.
302. Шейнина, Е.П. Украинизмы в русских говорах Кубани / Е.П. Шейнина // Вопросы изучения русского языка. – Ростов н/Д, 1962. – С. 86 – 88.
303. Шейнина, Е.П. Украинские заимствования в говоре ст. Тенгинской Краснодарского края (К составлению словаря говоров Краснодарского края) / Е.П. Шейнина // Труды Краснодар. гос. пед. ин-та. Вып. 31: Вопросы изучения русского языка. – Краснодар, 1963. – С. 67 – 74.
304. Шейнина, Е.П. Грамматические варианты в украинских говорах Кубани / Е.П. Шейнина // Уч. зап. Краснодар. гос. пед. ин-та. Вып. 44.: Развитие культуры устной и письменной речи учащихся. – Краснодар, 1965. – С. 160 – 169.
305. Шейнина, Е.П. Особенности словообразования имён существительных в русских говорах Кубани / Е.П. Шейнина // Науч. тр. Краснодар. гос. пед. ин-та. Вып. 104: Вопросы современного русского языка. – Краснодар, 1968. – С. 241 – 256.
306. Шестак, О.В. Словарь рыболовецкой лексики / О.В. Шестак // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 2001 – 2004). / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2004. – С. 374 – 380.
307. Шкуратов, В.В. В поисках Юга / В.В. Шкуратов // Международная жизнь. 1992. № 3 – 4. – С. 35 – 45.

308. Шмелёв, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелёв. – М., 1964. – 243 с.
309. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)/ Д.Н. Шмелёв. – М., 1973. – 280 с.
310. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие. Изд. 2-е, стереотипное / Д.Н. Шмелёв. – М., 2003. – 336 с.
311. Шумилов, Н.Ф. К вопросу о разграничении полисемантизма и омонимии / Н.Ф.Шумилов // Русский язык в школе. 1956. № 3. – С. 32–35.
312. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С.Щур. – М., 1974. – 256 с.
313. Эмирова, А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А.М. Эмирова. – Ташкент, 1988. – 91 с.
314. Юмсунова, Т.Б. Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современное состояние: автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Т.В. Юмсунова. – М., 2005. – 50 с.
315. Юналеева, Р.А. Опыт исследования заимствований / Р.А. Юналеева. – Казань, 1982. – 117 с.
316. Юналеева, Р.А. Тюркизмы в русском языке / Р.А. Юналеева. – Казань, 1984. – 261 с.
317. Юрченко, С.А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук /С.А. Юрченко. – Волгоград, 2008. – 24 с.
318. Язык и личность. – М., 1989. – 312 с.

Литература на иностранном языке

319. *Burwish M.* Semantics. New horizons linguistics. 1970.
320. *Buysens E.* Linguistique historique. Homonymie – stylistique - sémantique – changement phonétiques // Univ. libre de Brux., Travaux de la Faculté de Philosophie et Lettres. Bruxelles, 1965. T. XXVIII. P. 1 – 158.

Словари

321. Абрамов, В.П. Лингвистический историко-топонимический словарь Кубани / В.П. Абрамов. – М., 2013.
322. Алексеенко, М.А. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь / М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова, Т.П. Белоусова. – М., 2004.
323. Андриющенко, В.И. Словарь фразеологизмов говоров Кубани / В.И. Андриющенко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова. – Армавир, 1994.
324. Андриющенко, В.И. Фразеологический словарь говоров Кубани / В.И. Андриющенко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова, В.М. Пелих. – Армавир, 2006. (ФСГК)
325. Андриющенко, В.И. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани / В.И. Андриющенко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова, В.М. Пелих. – Армавир, 2009. (СКГ)
326. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. – М.; Новосибирск, 2000.
327. Блинова, О.И. Словарь антонимов сибирского говора / О.И. Блинова. – Томск, 2003.
328. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. (БТСДК)
329. Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь / Сост. Н.Н. Богочанская, А.С. Торгошова. – М., 2009. (БТРПТС)
330. Борисова, О.Г. Опыт лексикографического описания говоров Кубани (на материале тематической группы «Одежда») / О.Г.Борисова, О.В.Стороженко. – Краснодар, 2004 // Деп. в ИНИООН РАН. № 58477.
331. Борисова, О.Г. Кубанские говоры: Материалы к словарю / О.Г. Борисова. – Краснодар, 2005.
332. Борисова, О.Г. Лексика и фразеология кубанских говоров. Материалы к словарю / О.Г. Борисова // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Филология III: 4 (39) сентябрь-октябрь. – М., 2014. – С. 99 – 116.

333. Водарский, В.А. Слова великорусского наречия, записанные в станице Михайловской Кубанской области / В.А. Водарский // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1908. Вып. 38.
334. Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: В 4 т. / Б.Д. Гринченко. – Киев, 1958.
335. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М., 1999.
336. Етимологічний словник української мови. – Київ, 1982 – 2006. Т. 1 – 5.
337. Казачий словарь-справочник. США, 1966 – 1970. Т. 1 – III. (КСС)
338. Коломиец, Н.Ф. Словник фразеологічних синонімів / Под ред. В.А. Винника / Н.Ф.Коломиец, Е.С.Регушевський. – Київ, 1988.
339. Кудаев, М.Ч. Материалы к карачаево-балкарскому словарю природоведения (электронная публикация).
340. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
341. Македонов, Л.В. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор населения Северного Кавказа / Л.В. Македонов // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 38. – Тифлис, 1908.
342. Мастепанов, С.Д. Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / С.Д. Мастепанов. – Армавир – Отрадная, 2013.
343. Москаленко, А.А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області / А.А. Москаленко. – Одеса, 1958.
344. Новый украинско-русский. Русско-украинский словарь. – Киев, 2004. (НУРРУС)
345. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой / С.И. Ожегов. – М., 1989.
346. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка / А.Г. Преображенский. – М., 1910–1914.
347. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I – IV. / В.В. Радлов. – СПб., 1899–1911.

348. Розенберг, Л.К. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор станиц Северного Кавказа: пословицы поговорки с примечаниями, объясняющими значение некоторых слов / Л.К. Розенберг // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1908. Вып. 38.

349. Русский говор Кубани: Словарь / под ред. Е.П. Шейниной и Е.Ф. Тарасенковой. – Краснодар, 1992 // Деп. В ИНИООН РАН. № 47266. (РГК)

350. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. первый. / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М., 2004.

351. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / авт.-сост. В.М. Грязнова, И.В. Желябова, О.Н. Громова и др.; отв. ред. В.М. Грязнова. – Ставрополь, 2012.

352. Сердюкова, О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. / О.К. Сердюкова. – Ростов н/Д, 2005.

353. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Вып. 3. К – Н. – Волгоград, 2007. (СДГВО)

354. Словарь русских народных говоров. – М. – Л., 1965 – 2017. Вып. 1 – 50. (СРНГ)

355. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. –Л., 1950 –1965. (БАС)

356. Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1957 – 1961. (МАС)

357. Словник української мови. – Київ. 1970 – 1980. (СУМ)

358. Ткаченко, П. Кубанский говор: Опыт авторского словаря / П. Ткаченко. – М., 1998.

359. Ткаченко, П. Кубанский говор: Опыт авторского словаря./ П. Ткаченко. – Краснодар, 2008.

360. Трегубова, Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря: Свадебный обряд Кубани. Учебная версия / Е.Н. Трегубова. – Славянск-на-Кубани, 2007.

361. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – СПб., 1996.

362. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М., 1968.
363. Харламов, М.А. Некоторые особенности живого говора г. Ейска Кубанской области / М.А. Харламов // Филол. записки. – 1898. – Вып. 5.
364. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. – М., 1977.
365. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я.Черных / – М., 2001.
366. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. 16а. – СПб., 1890 – 1907 (ЭСБЕ)
367. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М., 1971. (КЭС)
368. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М., 2000.
369. Шестак, О.В. Словарь рыболовецкой лексики (на материале кубанских говоров). / О.В. Шестак. – Краснодар, 2004 // Деп. в ИНИООН РАН. № 58752.
370. Шипова, Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. / Е.Н.Шипова. – Алма-Ата, 1976.
371. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года / сост. Б.А. Трёхбратов. – Краснодар, 1997.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А
«справочное»

Условные сокращения

Названия населённых пунктов

- г. – город
пос. – посёлок
с. – село
ст-ца – станция
хут. – хутор
Абадз. – ст-ца Абадзехская Майкопского района Республики Адыгея
Абинск – г. Абинск
Адаг. – хут. Адагум Крымского района
Адж. – хут. Аджановка Приморско-Ахтарского района
Азов. – ст-ца Азовская Северского района
Александр. – хут. Александровский Усть-Лабинского района
Анан. – хут. Ананьевский Северского района
Анапа – г. Анапа
Анап. – хут. Анапский Крымского района
Андреев. – ст-ца Андреевская Калининского района
Андрюк. – хут. Андрюки Мостовского района
Апш. – г. Апшеронск
Арм. – г. Армавир
Арх. – ст-ца Архангельская Тихорецкого района
Ахмет. – ст-ца Ахметовская Лабинского района
Ахтаниз. – ст-ца Ахтанизовская Темрюкского района
Ахтыр. – пос. гор. типа Ахтырский Абинского района
Бабиче-Корен. – хут. Бабиче-Кореновский Кореновского района
Бакин. – ст-ца Бакинская, г. Горячий Ключ
Балк. – ст-ца Балковская Выселковского района
Бараник. – хут. Бараниковский Славянского района
Батур. – ст-ца Батуриная Брюховецкого района
Бедняг. – хут. Беднягина Тимашевского района
Бел. Глина – с. Белая Глина
Белик. – хут. Беликов Славянского района
Белореч. – г. Белореченск
Белый – хут. Белый Темрюкского района
Берез. – ст-ца Березанская Выселковского района
Бесскорб. – ст-ца Бесскорбная Новокубанского района
Бесстраш. – ст-ца Бесстрашная Отрадненского района

Бжедух. – ст-ца Бжедуховская Белореченского района
 Бойко-Пон. – хут. Бойко-Понура Калининского района
 Болг. – хут. Болгов Усть-Лабинского района
 Бол. Бейс. – с. Большой Бейсуг Брюховецкого района
 Бород. – ст-ца Бородинская Приморско-Ахтарского района
 Братков. – с. Братковское Кореновского района
 Брат. – хут. Братский Усть-Лабинского района
 Бриньк. – ст-ца Бриньковская Приморско-Ахтарского района
 Брюх. – ст-ца Брюховецкая Брюховецкого района
 Бузин. – ст-ца Бузиновская Выселковского района
 Бурак. – хут. Бураковский Кореновского района
 Вареник. – ст-ца Варениковская Крымского района
 Васюр. – ст-ца Васюринская Динского района
 Верх. Адаг. – хут. Верхний Адагум Крымского района
 Вим. – пос. Вимовец Усть-Лабинского района
 Владимир. – ст-ца Владимирская Лабинского района
 Воздвиж. – ст-ца Воздвиженская Курганинского района
 Вознес. – ст-ца Вознесенская Лабинского района
 Воронеж. – ст-ца Воронежская Усть-Лабинского района
 Вост. – ст-ца Восточная Усть-Лабинского района
 Высел. – ст-ца Выселки Выселковского района
 Вышестебл. – ст-ца Вышестеблиевская Темрюкского района
 Гарк. – пос. Гаркуша Темрюкского района
 Гейм. – ст-ца Геймановская Тбилисского района
 Глад. – ст-ца Гладковская Крымского района
 Глафир. – с. Глафировка Щербиновского района
 Город. – хут. Городок Апшеронского района
 Гор. Ключ – г. Горячий Ключ
 Гостаг. – ст-ца Гостагаевская Анапского района
 Гривен. – ст-ца Гривенская Калининского района
 Губ. – ст-ца Губская Мостовского района
 Гульк. – г. Гулькевичи
 Гур. – ст-ца Гурийская Белореченского района
 Даг. – ст-ца Дагестанская Майкопского района Республики Адыгея
 Дах. – ст-ца Даховская Майкопского района Республики Адыгея
 Деревян. – хут. Деревянковка Славянского района
 Дин. – ст-ца Динская Динского района
 Дмитр. – ст-ца Дмитриевская Кавказского района
 Днепр. – ст-ца Днепровская Тимашевского района
 Долж. – ст-ца Должанская Ейского района
 Дядьк. – ст-ца Дядьковская Кореновского района
 Ейск – г. Ейск
 Ей-Укр. – с. Ейское Укрепление Щербиновского района
 Екатерин. – с. Екатериновка Щербиновского района

Елиз. – ст-ца Елизаветинская, г. Краснодар
Ерик – пос. Ерик Апшеронского района
Желез. – хут. Железный Усть-Лабинского района
Журав. – ст-ца Журавская Кореновского района
Забойск. – пос. Забойский Славянского района
Запорож. – ст-ца Запорожская Темрюкского района
Зареч. – пос. Заречный Выселковского района
Заря – хут. Заря Выселковского района
Зассов. – ст-ца Зассовская Лабинского района
Иван. – хут. Ивановка Тбилисского района
Ильич – хут. Ильич Отрадненского района
Ильск. – пос. Ильский Северского района
Иркл. – ст-ца Ирклиевская Выселковского района
Кабард. – ст-ца Кабардинская Апшеронского района
Кавказ. – ст-ца Кавказская Кавказского района
Казан. – ст-ца Казанская Кавказского района
Казаче-Малев. – хут. Казаче-Малеванный Кореновского района
Каладж. – ст-ца Каладжинская Лабинского района
Калин. – ст-ца Калининская Калининского района
Калинин. – хут. Калининский Усть-Лабинского района
Калниболот. – ст-ца Калниболотская Новопокровского района
Калуж. – ст-ца Калужская Северского района
Камыш. – ст-ца Камышеватская Ейского района
Канев. – ст-ца Каневская Каневского района
Канелов. – ст-ца Канеловская Староминского района
Киев. – с. Киевское Крымского района
Кирпил. – ст-ца Кирпильская Усть-Лабинского района
Колесник. – хут. Колесников Славянского района
Комс. – пос. Комсомольский Кореновского района
Конок. – с. Коноково Успенского района
Константин. – ст-ца Константиновская Курганинского района
Копан. – ст-ца Копанская Ейского района
Корен. – г. Кореновск
Костром. – ст-ца Костромская Мостовского района
Кр. Горка – хут. Красная Горка Апшеронского района
Красн. Нива – хут. Красная Нива Брюховецкого района
Красн. – хут. Красный Крымского района
Красногвард. – пос. Красногвардеец Каневского района
Красносельск. – с. Красносельское Динского района
Кроп. – г. Кропоткин
Крыл. – ст-ца Крыловская Крыловского района
Крым. – г. Крымск
Кубан. – ст-ца Кубанская Апшеронского района
Кулеш. – с. Кулешовка Белоглинского района

Кулик. – хут. Куликовский Ленинградского района
 Кург. – г. Курганинск
 Курдж. – ст-ца Курджипская Майкопского района Республики Адыгея
 Курин. – ст-ца Куринская Апшеронского района
 Курч. – ст-ца Курчанская Темрюкского района
 Кучуг. – ст-ца Кучугуры Темрюкского района
 Кущ. – ст-ца Кущёвская Кущёвского района
 Лаб. – г. Лабинск
 Ладож. – ст-ца Ладожская Усть-Лабинского района
 Лебеди – хут. Лебеди Калининского района
 Ленинград. – ст-ца Ленинградская Ленинградского района
 Лесогор. – ст-ца Лесогорская Апшеронского района
 Линейн. – ст-ца Линейная Апшеронского района
 Ловл. – ст-ца Ловлинская Тбилисского района
 Львов. – с. Львовское Северского района
 Малев. – хут. Малеванный Кореновского района
 Малотенг. – ст-ца Малотенгинская Отрадненского района
 Мал. Бейс. – хут. Малый Бейсуг Брюховецкого района
 Марьин. – хут. Марьинский Тбилисского района
 Марьян. – ст-ца Марьянская Красноармейского района
 Медвед. – ст-ца Медведовская Тимашевского района
 Мек. – хут. Меклета Белоглинского района
 Мингрел. – ст-ца Мингрельская Абинского района
 Мирн. – хут. Мирный Тимашевского района
 Мих. – с. Михайловское Северского района
 Михайл. – ст-ца Михайловская Курганинского района
 Могукор. – хут. Могуковровский Крымского района
 Молч. – хут. Молчановка Щербиновского района
 Мороз. – хут. Морозовский Приморско-Ахтарского района
 Мост. – пос. Мостовской Мостовского района
 Надёж. – ст-ца Надёжная Отрадненского района
 Незайм. – хут. Незаймановский Тимашевского района
 Незам. – пос. Незамаевский Новопокровского района
 Некрас. – ст-ца Некрасовская Усть-Лабинского района
 Нижегород. – ст-ца Нижегородская Апшеронского района
 Никол. – ст-ца Николаевская Успенского района
 Николаев. – с. Николаевка Щербиновского района
 Новоал. – ст-ца Новоалексеевская Курганинского района
 Новоалексеев. – хут. Новоалексеевский Северского района
 Новобейсуг. – ст-ца Новобейсугская Выселковского района
 Новоберез. – пос. Новоберезанский Кореновского района
 Нововелич. – ст-ца Нововеличковская Динского района
 Нововладимир. – ст-ца Нововладимирская Тбилисского района
 Нововысоч. – хут. Нововысоченский Кущёвского района

Новодерев. – ст-ца Новодеревянковская Каневского района
 Новоджер. – ст-ца Новоджерелиевская Брюховецкого района
 Новодмитр. – ст-ца Новодмитриевская Северского района
 Новоекатерин. – хут. Новоекатериновка Усть-Лабинского района
 Новоиван. – ст-ца Новоивановская Новопокровского района
 Новокорс. – ст-ца Новокорсунская Тимашевского района
 Новокуб. – г. Новокубанск
 Новолаб. – ст-ца Новолабинская Усть-Лабинского района
 Новолеуш. – ст-ца Новолеушковская Павловского района
 Новолок. – ст-ца Новолокинская Белоглинского района
 Новомалорос. – ст-ца Новомалороссийская Выселковского района
 Новомин. – ст-ца Новоминская Каневского района
 Новомыш. – ст-ца Новомышастовская Красноармейского района
 Новонекрас. – хут. Новонекрасовский Приморско-Ахтарского района
 Новоник. – ст-ца Новониколаевская Калининского района
 Новопавл. – с. Новопавловка Белоглинского района
 Новопласт. – ст-ца Новопластуновская Павловского района
 Новоплатнир. – ст-ца Новоплатнировская Ленинградского района
 Новопокр. – ст-ца Новопокровская Новопокровского района
 Новопокров. – хут. Новопокровский Приморско-Ахтарского района
 Новорожд. – ст-ца Новорождественская Тихорецкого района
 Новотит. – ст-ца Новотитаровская Динского района
 Новоукр. – с. Новоукраинское Гулькевичского района
 Новощерб. – ст-ца Новощербиновская Щербиновского района
 Октябрь. – пос. Октябрьский Красноармейского района
 Ольг. – ст-ца Ольгинская Приморско-Ахтарского района
 Орлов – хут. Орлов Усть-Лабинского района
 Отваж. – ст-ца Отважная Лабинского района
 Отр. – ст-ца Отрадная Тихорецкого района
 Отрад. – ст-ца Отрадная Отрадненского района
 Павлов. – ст-ца Павловская Павловского района
 Парк. – пос. Парковый Тихорецкого района
 Пашк. – пос. Пашковский, г. Краснодар
 п. Первомайск. – пос. Первомайский Красноармейского района
 Первомайск. – хут. Первомайский Мостовского района
 Первореч. – с. Первореченское Динского района
 Перед. – ст-ца Передовая Отрадненского района
 Петров. – ст-ца Петровская Славянского района
 Петропавл. – ст-ца Петропавловская Курганинского района
 Пласт. – ст-ца Пластуновская Динского района
 Платнир. – ст-ца Платнировская Кореновского района
 Подгор. – ст-ца Подгорная Отрадненского района
 Полтав. – ст-ца Полтавская Красноармейского района
 Попут. – ст-ца Попутная Отрадненского района

Привольн. – ст –ца Привольная Каневского района
Прикуб. – хут. Прикубанский Славянского района
Прим.-Ахт. – г. Приморско-Ахтарск
Пролетар. – хут. Пролетарский Кореновского района
Прочноокоп. – ст-ца Прочноокопская Новокубанского района
Псеб. – пос. гор. типа Псебай Мостовского района
Пятихат. – хут. Пятихатский Усть-Лабинского района
Разд. – ст-ца Раздольная Кореновского района
Рог. – ст-ца Роговская Тимашевского района
Родник. – ст-ца Родниковская Курганинского района
Ряз. – ст-ца Рязанская Белореченского района
Садки – хут. Садки Приморско-Ахтарского района
Саньк. – хут. Саньков Отрадненского района
Сарат. – ст-ца Саратовская, г. Горячий Ключ
Свобод. – хут. Свободный Усть-Лабинского района
Сев. – ст-ца Северская Северского района
Семён. – хут. Семёнов Усть-Лабинского района
Семисвод. – хут. Семисводный Славянского района
Серг. – ст-ца Сергиевская Кореновского района
Слав. н/Куб. – г. Славянск-на-Кубани
Смол. – ст-ца Смоленская Северского района
Сокол. – с. Соколовское Гулькевичского района
Солён. – пос. Солёный Апшеронского района
Спок. – ст-ца Спокойная Отрадненского района
Старовелич. – ст-ца Старовеличковская Калининского района
Стародерев. – ст-ца Стародеревянковская Каневского района
Староджер. – ст-ца Староджерелиевская Красноармейского района
Старокорс. – ст-ца Старокорсунская, г. Краснодар
Старомин. – ст-ца Староминская Староминского района
Старомыш. – ст-ца Старомышастовская Динского района
Старонижестебл. – ст-ца Старонижестеблиевская Красноармейского района
Старотит. – ст-ца Старотитаровская Темрюкского района
Старощерб. – ст-ца Старощербиновская Щербиновского района
Степ. – ст-ца Степная Приморско-Ахтарского района
Сувор. – с. Суворовское Усть-Лабинского района
Тбил. – ст-ца Тбилисская Тбилисского района
Твер. – ст-ца Тверская Апшеронского района
Темирг. – ст-ца Темиргоевская Курганинского района
Темп – пос. Темп Крыловского района
Темрюк – г. Темрюк
Тенг. – ст-ца Тенгинская Усть-Лабинского района
Тимаш. – г. Тимашевск
Тихорецк – г. Тихорецк
Тополи – хут. Тополи Тимашевского района

Трудобел. – хут. Трудобеликовский Красноармейского района
Турк. – хут. Туркинский Белоглинского района
Убин. – ст-ца Убинская Северского района
Удоб. – ст-ца Удобная Отрадненского района
Упор. – ст-ца Упорная Лабинского района
Успен. – ст-ца Успенская Белоглинского района
Усть-Лаб. – г. Усть-Лабинск
Фёдор. – ст-ца Фёдоровская Абинского района
Фонтал. – ст-ца Фонталовская Темрюкского района
Фрол. – хут. Фролов Усть-Лабинского района
Хатук. – аул Хатукай Красногвардейского района Республики Адыгея
Холм. – ст-ца Холмская Абинского района
Хопёр. – ст-ца Хопёрская Тихорецкого района
Цибанобал. – с. Цибанобалка Анапского района
Чамлык. – ст-ца Чамлыкская Лабинского района
Чебург. – ст-ца Чебургольская Красноармейского района
Челбас. – ст-ца Челбасская Каневского района
Черноер. – ст-ца Черноерковская Славянского района
Шаб. – с. Шабельское Щербиновского района
Шапсуг. – ст-ца Шапсугская Абинского района
Шев. – хут. Шевченко Тбилисского района
Ширван. – ст-ца Ширванская Апшеронского района
Щерб. – пос. Щербиновский Щербиновского района
Эконом. – с. Экономическое Крымского района
Ярослав. – ст-ца Ярославская Мостовского района
Ясен. – ст-ца Ясенская Ейского района

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
«справочное»

Список районов Краснодарского края с индексами по ЛАРНГ

1037 – Абинский (г. Абинск), 1035 Анапский (г. Анапа), 1051 – Апшеронский (г. Апшеронск), 1010 – Белоглинский (с. Белая Глина), 1043 – Белореченский (г. Белореченск), 1011 – Брюховецкий (ст-ца Брюховецкая), 1019 – Выселковский (ст-ца Выселки), 1030 – Гулькевичский (г. Гулькевичи), 1027 – Динской (ст-ца Динская), 1001 – Ейский (г. Ейск), 1020 – Кавказский (г. Кропоткин), 1016 – Калининский (ст-ца Калининская), 1008 – Каневский (ст-ца Каневская), 1018 – Кореновский (г. Кореновск), 1026 – Красноармейский (ст-ца Полтавская), 1006 – Крыловской (ст-ца Крыловская), 1036 – Крымский (г. Крымск), 1044 – Курганинский (г. Курганинск), 1004 – Куцевский (ст-ца Куцевская), 1053 – Лабинский (г. Лабинск), 1005 – Ленинградский (ст-ца Ленинградская), 1052 – Мостовской (пос. Мостовской), 1039 – Новокубанский (г. Новокубанск), 1013 – Новопокровский (ст-ца Новопокровская), 1059 – Отрадненский (ст-ца Отрадная), 1009 – Павловский (ст-ца Павловская), 1007 – Приморско-Ахтарский (г. Приморско-Ахтарск), 1038 – Северский (ст-ца Северская), 1025 – Славянский (г. Славянск-на-Кубани), 1003 – Староминской (ст-ца Староминская), 1029 – Тбилисский (ст-ца Тбилисская), 1024 – Темрюкский (г. Темрюк), 1017 – Тимашевский (г. Тимашевск), 1012 – Тихорецкий (г. Тихорецк), 1058 – Туапсинский (г. Туапсе), 1045 – Успенский (с. Успенское), 1028 – Усть-Лабинский (г. Усть-Лабинск), 1002. – Щербиновский (ст-ца Старощербиновская)

ПРИЛОЖЕНИЕ В
«справочное»

Перечень полевых экспедиций с 2005 по 2017 гг.

Полевым методом материал собирался в ст-цах Ахтанизовской (2005 г.), Вышестеблиевской (2006, 2007, 2016 гг.), Запорожской, Фонталовской, в хут. Белый (2016 г.); в ст-це Старотитаровской (2006, 2007, 2016, 2017 гг.), в пос. Кучугуры, Стрелка (2017 г.) Темрюкского района; в ст-цах Архангельской, Отрадной, Хоперской Тихорецкого района (2007, 2008 гг.); в ст-цах Бородинской, Ольгинской, Степной; в хут. Новопокровском, Новонекрасовском, Аджановка, Морозовском, Садки Приморско-Ахтарского района (2009 г.); в ст-цах Копанской, Должанской, Ясенской, Камышеватской Ейского района (2010 г.); в ст-цах Новолокинской, Успенской, в с. Кулешовка, Новопавловка, в хут. Меклета Белоглинского района (2011 г.); в ст-цах Старощербиновской, Новоощербиновской, в с. Глафировка, Ейское укрепление, Екатериновка, Николаевка, Шабельское, в хут. Молчановка Щербиновского района (2012 г.); в ст-цах Ахметовской, Владимирской, Вознесенской, Зассовской, Каладжинской, Отважной, Упорной, Чамлыкской Лабинского района (2013 г.); в ст-цах Бесстрашной, Малотенгинской, Надёжной, Передовой, Подгорной, Спокойной, Удобной, в хут. Ильич, Саньков Отрадненского района (2014 г.); в ст-цах Кабардинской, Кубанской, Куринской, Лесогорской, Нижегородской, Тверской, в пос. Ерик, в хут. Городок Апшеронского района (2015 г.); в ст-цах Воздвиженской, Константиновской, Михайловской, Новоалексеевской, Петропавловской, Родниковской, Темиргоевской Курганинского района (2017 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
«справочное»

География сбора диалектного материала

Таблица Г, 1 – География сбора диалектного материала

Район или городское муниципальное образование	Населенные пункты см. Условные сокращения (Приложение А)	Всего
1. Абинский р-н	Абинск, Ахтыр., Мингрел., Фёдор., Холм., Шапсуг.	6
2. Анапский р-н	Гостаг., Цибанобал.	
3. Апшеронский р-н	Апш., Город., Ерик, Кабард., Кр. Горка Кубан., Курин., Лесогор., Линейн., Нижегород., Солён., Твер., Ширван.,	13
4. Белоглинский р-н	Бел. Глина, Кулеш., Мек., Новолок., Новопавл., Турк., Успен.	7
5. Белореченский р-н	Белореч., Бжедуч., Гур., Ряз.	4
6. Брюховецкий р-н	Батур., Бол. Бейс., Брюх., Красн. Нива, Мал. Бейс., Новоджер.	6
7. Выселковский р-н	Балк., Берез., Бузин., Высел., Зареч., Заря, Иркл., Новобейсуг., Новомалорос.	9
8. Гулькевичский р-н	Гульк., Новоукр., Сокол.	3
9. Динской р-н	Васюр., Дин., Красносельск., Нововелич., Первореч., Пласт., Старомыш.	7
10. Ейский р-н	г. Ейск, Долж., Камыш., Копан., Ясен.	5
11. Кавказский р-н	Дмитр., Кавказ., Казан., Кроп.	3
12. Калининский р-н	Андреев., Бойко-Пон., Гривен., Калин., Лебеди Новоник., Старовелич.	7
13. Каневский р-н	Канев., Красногвард., Новодерев., Новомин., Привольн., Стародерев., Челбас.	7
14. Кореновский р-н	Бабиче-Корен., Братков., Бурак., Дядьк., Журав., Казаче-Малев., Комсомс., Корен., Малев., Новоберез., Платнир., Пролетар., Разд., Серг.	14
15. Красноармейский р-н	Марьян., Новомыш., Октябр., п. Первомайск., Полтав., Староджер., Старонижестебл., Трудобел., Чебург.	9
16. Крыловской р-н	Крыл., Темп	2
17. Крымский р-н	Анап., Вареник., Верх. Адаг., Глад., Киев., Крым., Могукор., Эконом.	8

Продолжение Таблицы 1

18. Курганинский р-н	Воздвиж., Константин., Кург., Михайл., Новоал., Петропавл., Родник., Темирг.	8
19. Кущевский р-н	Кущ., Нововысоч.	2
20. Лабинский р-н	Ахмет., Владимир., Вознес., Зассов., Каладж., Лаб., Отваж., Упор., Чамлык.	9
21. Ленинградский р-н	Кулик., Ленинград., Новоплатнир.	3
22. Мостовской р-н	Андрюк., Губ., Костром., Мост., Первомайск., Псеб., Ярослав.	7
23. Новокубанский р-н	Бесскорб., Новокуб., Прочноокоп.	3
24. Новопокровский р-н	Калниболот., Незам., Новоиван., Новопокр.	4
25. Отрадененский р-н	Бесстраш., Ильич, Малотенг., Надёж., Отрад., Перед., Подгор., Попут., Саньк., Спок., Удоб.	11
26. Павловский р-н	Новолеуш., Новопласт., Павлов.	3
27. Приморско-Ахтарский р-н	Адж., Бород., Бриньк., Ольг., Прим.-Ахт., Мороз., Новопокров., Новонекрас., Садки, Степ.	10
28. Северский р-н	Азов., Анан., Ильск., Калуж., Львов., Мих., Новоалексеев., Новодмитр., Сев., Смол., Убин.	11
29. Славянский р-н	Бараник., Белик., Деревян., Забойск., Колесник., Петров., Прикуб., Семисвод., Слав. н/Куб., Черноер.	10
30. Староминской р-н	Канелов., Старомин.	2
31. Тбилисский р-н	Гейм., Иван., Ловл., Марьин., Нововладимир., Тбил., Шев.	7
32. Темрюкский р-н	Ахтаниз., Белый, Вышестебл., Гарк., Запорож., Курч., Кучуг., Старотит., Темрюк, Фонтал.	10
33. Тимашевский р-н	Бедняг., Днепр., Медвед., Мирн., Незайм., Новокорс., Рог., Тимаш., Тополи	9
34. Тихорецкий р-н	Арх., Новорожд., Парк., Тихорецк, Хопер.	5
35. Успенский р-н	Конок., Никол.	2
36. Усть-Лабинский р-н	Александр., Болг., Брат., Вим., Воронеж., Вост., Желез., Калинин., Кирпил., Ладож., Некрас., Новоекатерин., Новолаб., Орлов, Пятихат., Свобод., Семён., Сувор., Тенг., Усть-Лаб., Фрол.	21

Продолжение Таблицы 1

Район или городское муниципальное образование	Населенные пункты	Всего
37. Щербиновский р-н	Глафир., Ей-Укр., Екатерин., Молч., Николаев., Новощерб., Старщерб., Шаб., Щерб.	9
38. г. Анапа	Анапа	3
39. г. Армавир	Арм.	1
40. г. Горячий Ключ	Бакин., Гор. Ключ, Сарат.	3
41. г. Краснодар	Елиз., Пашк., Старокорс.	3
42. Республика Адыгея	Абадзех., Даг., Дах., Курдж., Хатук.	5
Всего		271

ПРИЛОЖЕНИЕ Д
«справочное»

Вопросник для проведения ассоциативного эксперимента по выявлению второго члена антонимической пары

1. Этот человек – *балакун*, а этот, напротив, ... 2. Крупный мужчина – это *бугай*, а этот, напротив, ... 3. Кастрированный – это *бык*, а этот, напротив, ... 4. Этот человек – *жадоба*, а этот, напротив, ... 5. Эта некрасивая женщина – *задрипанка*, а эта, напротив, ... 6. Кастрированный – это *кабан*, а этот, напротив, ... 7. Этот человек *тверёзый*, а этот, напротив, ... 8. Это молоко – *вечёрошны(и)к*, а это, напротив, ... 9. Зимой *морозьяка*, а летом, напротив, ... 10. Этот человек – *худорба́*, а этот, напротив, ... 11. Эта женщина – *чепуру́ха*, а эта, напротив, ... 12. Этот человек *грубли(ы)вый*, а этот, напротив, ... 13. Этот человек *двухжи́льный*, а этот, напротив, ... 14. Этот человек *длиннобуды́лый*, а этот, напротив ... 15. Этот человек *здравомы́сленный*, а этот, напротив, ... 16. Этот ухоженный человек – *коханий*, а этот, напротив, ... 17. Этот человек *мозго́вый*, а этот, напротив, ... 18. Этот человек *моторный*, а этот, напротив, ... 19. Этот человек *недотёпный* / *недотё[э]пный*, а этот, напротив, ... 20. Этот человек *па́мятный*, а этот, напротив, ... 21. Этот человек *подё(и)льчивый*, а этот, напротив, ... 22. Этот человек *трудо́ющий*, а этот, напротив, ... 23. Этот человек *хва́брый*, а этот, напротив, ... 24. Этот человек *занедюжел*, а этот, напротив, ... 25. Этот человек *иржёт*, а этот, напротив, ... 26. Небо может *нахма́риться*, а может, напротив, ... 27. Этот человек *работает*, *робыт*, а этот, напротив, ... 28. Это было *дамно́*, а это, напротив, ... 29. Этот человек *ту́точки(ы)*, а этот, напротив, ... 30. *Цоб* слово, которым погоняют быков вправо, а влево ...

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

«обязательное»

Идеографическая презентация отдельных микрополеймакрополя «Человек»

Микрополе «Рождение человека»

Беременная женщина – *бе[э]рэ[э]мчата(я)* Гривен.; *вагітна(я)* Марьян.; *важкá(я)* Старотит.; *порóсна(я)* Бриньк.; *в(у) тягостях* Перед.; *в(у) тяготах* Некрас.; *в(у) тяжёлом* Пашк.; *в(у) тяжёлости* Мингрел.; *важкá(я) жінка* Старомыш.; быть беременной – *зайті в(у) положéние* Арх.; *такóю ходыть* Новокорс.

Роженица – *породу́ха* Бойко-Пон.; *роділка* Старомыш.; первородящая женщина – *пéрведка* Бесстраш., Твер.; недавно родившая женщина – *сыра́(я) жінка* Старотит.; кормящая женщина – *подсо́сая* Бесстраш.

Недавно родившийся ребёнок – *вы́водок* Незайман.; *вы́лупень* (ирон. и шутл.) Анан.; *вы́лупок* Дядьк.; *сыро́й* Успен.

Рожать / родить – *води́(ы)ть* (*при(ы)вести*) Ей-Укр., Ерик, Кубан., Линейн., Платнир., Твер., Удоб.; *(в)пойма́ть* Дядьк.; *вы́лупи(ы)ть* Дядьк., Новоукр.; *найті́(ы)* Андрюк., Ахтаниз., Бол. Бейс., Бород., Брат., Воздвиж., Вознес., Гейм., Ей-Укр., Желез., Марьин., Некрас., Новопавл., Новопокров., Убин. / *найті́ть* Арх.; *распроста́ться* Старомыш.; *в(у) рі́чки* (*в)пойма́ть* Дядьк.; *на коля́ске струсіть* Перед. Родиться – *найті́(ы)сь* Андрюк., Арх., Бол. Бейс., Бород., Брат., Воздвиж., Вознес., Гривен., Желез., Канев., Марьин., Некрас., Новопокров., Старомыш., Тенг., Убин., Чамлык.

Принимать / принять роды – *ба́бчить* Желез., Некрас., Родник., Твер., Тенг. / *бабува́ть* Линейн., Новопавл., Твер.; *(в)пойма́ть* Ахмет.; *пра́выть живо́т* Новопавл. Женщина, принимающая роды, – *ба́бка* Арх., Ахтаниз., Воронеж., Вышестебл., Гейм., Дах., Дин., Желез., Некрас., Новолаб., Новоласт., Сев., Слав. н/Куб., Старокорс., Старомыш., Старощерб., Успен., Усть-Лаб.; *пупори́зка* Дядьк.; *пупори́зна(я) ба́бка* Дядьк., Старомыш.

Микрополе «Части тела человека»

Голова – *калга́н* (ирон.) Мингрел.; *кубы́шка* (ирон.) Арх., Дин., Отрад.; *макі́(ы)тра* (ирон.) Васюр., Дин., Крыл., Курч., Ленинград., Петров., Старокорс., Челбас.; *маклáй* Александр.; *маклáшка* Арх.; форма черепа, голова – *колóдка* Ряз.; большая голова – *голова́ як каву́н* Семисвод. Лоб: широкий лоб – *хоть / хочь об лоб поросят бей* Мост., Пашк. Затылок – *поты́льця* Азов., Анап., Ахтаниз., Бедняг., Гривен., Вышестебл., Екатерин., Канев., Крым., Курч., Ленинград., Марьян., Новокорс., Рог., Серг., Старотит., Старощерб., Тополи, Фёдор., Челбас.; *поты́ляка* Старотит.; *ты́лка* Крыл., Отрад. Загривок – *загры́ва* Степ. Темя – *те́мня* Крыл.

Лицо – *лы́чко* Смол., Старомыш.; *мармы́за* (ирон. и шутл.) Мингрел.; *муса́ло* Смол.; *облі́чність* Костром.; *пы́ка* (груб. и нейтр.) Вышестебл., Гривен., Дин., Копан., Крыл., Марьян., Петров.; *ря́ха* Арх., Новокорс., Пашк.; *сурло́* (груб.)

Мих., Слав. н/Куб.; большое, толстое лицо – *мордяка* Пашк., Марьян., Старокорс., Усть-Лаб.; *восьмером не объёдешь (ирон.)* Кавказ.; *за день на телёге не объёдешь (ирон.)* Мост.; *пыка як прытыка (ирон.)* Бол. Бейс.; лицо, а также нос и часть лица, примыкающая к носу, – *сопáтка* Гарк., Пашк. Морщина – *борозна́* Азов., Фёдор.; *змóришка* Рог., Холм., Челбас.; *змóрищина* Вышестебл., Крыл, Ленинград., Пласт., Пролетар., Стародерев.; *мóрищина* Новопавл. Веснушки – *конопи́* Арх., Вост., Кирпил., Отрад.; *ряботы́ння* Полтав., Старомыш. Растительность на лице – *мох* Бород.

Волосы – *виски́(ы)* Арх., Ленинград., Канев., Марьян., Новопокров., Успен.; *волóсья* Арх., Васюр., Ленинград., Незайм., Новощерб., Сувор., Холм.; прядь волос – *патлю́ха* Незайм., Пашк.; вьющиеся, волнистые волосы – *во́л(в)на* Пашк.; *ку́дерсы* Ладож.; *ку́чери(ы)* Елиз., Пашк.; спутанные волосы – *кононе́нкино кубло́* Ярослав.; растрепанные волосы – *па́клы* Днепр.; *волóсья матюко́мстоят(ь)* Незайм. Лысина – *за́лыса* Полтав.; *зальсы́я* Пашк. Перхоть – *лупа́* Марьян., Старомыш.

Глаза – *бу́льки (груб.)* Петров., Тихорецк; *видю́хи* Розенберг; *вы́тарачки (груб.)* Тбил.; *вы́трешки(груб.)* Вышестебл., Старотит.; *о́чи (нейтр.)* Нововелич., Старотит.; большие глаза – *глаза́ откры́тые* Ильич.; о круглых от изумления или испуга глазах – *зе́ньки як сы́рно* Незайм. Зрачок – *зрачо́к* Ейск, Васюр. Ресницы – *моргу́шки* Турк. Бровь – *бро́ва* Высел., Екатерин., Канев., Ленинград., Марьян., Мингрел., Пролетар., Челбас.

Нос – *горбы́ль* Бедняг., Тополи; *ки́(ы)рна* Азов., Бриньк., Новокорс., Усть-Лаб., Шаб.; *кырпы́льнык* Высел.; *ню́хало* Розенберг; *пы́сок* Гривен.; курносый нос – *кы́(ы)рна* Ахтаниз., Курч., Марьян.; о широком, толстом книзу носе – *нос как балаба́йка* Копан.; нос картошкой – *нос карто́хой* Пласт.; о носе, напоминающем круглое рыло поросёнка, – *кы́рна як у поросё́нка* Новокорс.; кончик носа – *пи́пка* Дин., Новобейсуг., Усть-Лаб. Ноздря – *но́здря* Цибанобал.

Рот – *хайло́* Пашк., Усть-Лаб. Не́бо – *пидне[э/ы]бе́[э]нье / поднебе́нье* Азов., Рог., Старощерб. Губы – *губе[э/ы]ня́тки (ласк.)* Новоберез. Зубы: жевательный зуб – *жува́к* Азов.; коренной зуб – *кутня́к* Высел., Глафир., Екатерин., Канелов., Крыл., Крым., Марьян., Молч., Новобейсуг., Новокорс., Отрад., Привольн., Рог., Стародерев.; *ку́тний зуб* Азов., Высел., Глафир., Кроп., Старощерб., Холм., Шаб.; передний зуб плоской формы – *руба́к* Азов.; зуб мудрости – *мудря́к* Анап.; *мудре́ный зуб* Пролетар.; молочный зуб – *те[э/ы]ля́чий зуб* Васюр., Крыл., Петров., Смол, Тополи.; о белых, крепких зубах – *зу́бочки как перемы́тые* Ильич. Десны – *зя́бры* Родник.; *я́сны* Дин., Рог., Старотит.

Подбородок – *борода́* Арх., Владимир., Гривен., Екатерин., Елиз., Канев., Корен., Курч., Ладож., Новобейсуг., Новодерев., Новоджер., Новорожд., Садки, Слав. н/Куб., Старовелич., Староджер., Старотит., Холм.; *подзо́бок* Брат., Усть-Лаб. Щека – *ще́ка* Ахтаниз., Пашк., Смол.

Шея – *вы́я* Мингрел.; *в́язы* Азов., Бриньк., Васюр., Дин., Лаб., Кирпил., Ленинград., Марьян., Мост., Новолаб., Первореч., Тенг., Усть-Лаб., Шаб.; *ши́я* Ахтаниз., Ахтаниз., Дин., Марьян., Пласт., Смол., Старотит., Шаб.; *шу́я* Ладож. Горло – *горля́нка* Анап., Васюр., Рог., Старотит., Челбас.; *гортáнка* Крыл.; *душа́*

Воздвиж.; *хайло́ / хало́* Розенберг; Адамово яблоко – *ды́хало* Розенберг. Дыхательное горло – *го́рло, где па́ски е́дят(ь)* дЧ.

Туловище – *ту́лово* Цибанобал.; правая или левая сторона туловища тела – *бочи́на* Пашк.

Рука – *гра́бушка* Ладож., Некрас., Новобейсуг.; руки – *кро́квы* (ирон.) Ярослав. Локоть – *остря́к* Ладож. Ладонь – *доло́нь / доло́ня* Арх., Васюр., Воронеж., Высел., Канев., Крым., Медвед., Нововелич., Рог., Смол., Стародерев., Старомыш., Усть-Лаб., Челбас. Горсть – *жме[е/э]нь* Усть-Лаб.; *жме[е/э]ня, жме[е/э]нька* Арх., Белик., Бойко-Пон., Брат., Владимир., Высел., Гривен., Гульк., Запорож., Зассов., Каладж., Канелов., Крыл., Курч., Куш., Марьян., Марьян., Медвед., Мингрел., Молч., Нововелич., Новопавл., Новошерб., Первореч., Рог., Сев., Семисвод., Старовелич., Старощерб., Усть-Лаб., Челбас., Шаб.; *приго́рша, приго́ршечка* Кулеш., Хопёр. Пальцы: большой палец – *буга́й* Некрас., Родник.; *бык* Некрас.; указательный палец – *показно́й па́лец* Старомыш.; средний палец – *перст* (нейтр.) Курдж.; *середня́к* Дах.; безымянный палец – *подмиз(ы)и́нец* Надёж., Кулеш.; *подмизи́нный па́лец* Дин., Тбил. Мягкая часть кончика пальца – *пу́чка, пу́чечка* Азов., Ахтаниз., Копан., Курч., Марьян., Незайм., Старотит., Тихорецк, Усть-Лаб., Холм., Челбас., Шаб. Ноготь – *ни́хоть* Рог.

Нога – *дры́га* Кург., Лаб., Шаб.; *ре[э]гота* Азов.; ноги – *га́чи* Арм., Желез., Усть-Лаб.; о больших ногах – *как под дурны́мста́рцем* Медвед., Мост., Новопавл., Родник.; *хучь саранчу́ топчи́* Старомыш. Колено – *кули́но* Смол. Голень – *лы́тка* Азов., Воздвиж., Днепр., Канелов, Кирпил., Крым., Марьян., Медвед., Перед., Рог., Смол., Старотит., Удоб., Цибанобал., Челбас. Лодыжка – *ки́сточка* Азов., Марьян.; *лы́щитка* Смол.

Конечности: об очень холодных конечностях – *ру́ки / но́ги как у жа́бы* Усть-Лаб.; *за́шпор зайти́* Арх., Новотит., Родник., Шаб.; *за́шпуры позахо́дыть* Старотит.

Грудина – *груды́(и)на* Брат., Васюр., Высел., Канев., Крым., Новобейсуг., Рог., Челбас.; *хрящи́* Некрас. Женская грудь, молочная железа – *цы́цка* Цибанобал.; большая женская грудь – *цицманде́лки* Гривен.; о высокой женской груди – *груди́ як уди́вчины* Старомыш.

Спина – *горбо́вка* Ленинград.; *горбы́на* Ленинград., Садки; *горбя́ка* Бедняг., Тополи, *спи(ы)на* Ахтаниз., Высел., Гривен., Крым., Новокорс., Старомыш., Холм., Усть-Лаб.; *спи[и/ы]ня́ка* Ахтаниз., Марьян., Старотит. Позвоночник – *хри́б* Воронеж. Поясница – *крест* Успен.; *поне[э/ы]ре[э]к* Азов., Дин., Канелов., Ленинград., Петров., Пласт., Рог., Усть-Лаб.

Живот – *ке[е/э]ндюх* (ирон.) Арх., Вознес., Гривен., Копан., Крыл., Марьян., Новотит., Рог., Старовелич., Успен., Усть-Лаб., Шаб., Ясен.; большой живот – *вы́варка* Перед.; *мака́н / маха́н* Малотенг., Усть-Лаб.; *пузе́[э]ло* Старотит.

Подвздошье – *здухови́на* Водарский.

Ягодица – *гу́зно* Ленинград., Нововелич., Новоласт., Стародерев., Старощерб.; *ягодни́ца* Брат., Усть-Лаб.

Внутренние органы: внутренности человека, утроба – *бе́бехи* Розенберг; *нутро́ба* Брат.; желчный пузырь – *же́лочь* Ахтаниз.; селезёнка – *коса́* Азов., Рог.;

желудок – *жевіт* Смол.; *жулу́док* Старомыш.; женские половые органы, матка – *золотнік* Владимир.

Кость – *кістка* Азов., Ахтаниз., Вышестебл., Новопавл., Петров, Старотит., тазобедренная кость – *ку́льша* Азов., Арх., Бриньк., Высел., Пашк., Рог., Фёдор., Челбас.; шейный позвонок – *вязава ко́стка* Ейск. Сухожилие – *сухожілок* Ейск.

Родинка – *роды́мка* Ахтаниз.

Микрополе «Внешность человека»

Общая оценка внешности: человек божественной, неземной красоты – *бо́зя* Арх.; *как будто с неба сорва́тый* Зассов.; красивый человек – *га́рный* Дин., Заря, Канев., Ленинград., Марьян., Новокорс., Рог., Старомыш., Старотит., Старощерб., Тополи, Челбас.; *глядный* Воздвиж., Ладож., Усть-Лаб.; *го́жий* Васюр.; *зауда́льный* Ленинград.; *красыве́[э]се[э]нький* Копан.; *ле́ный* Тенг.; *ло́вкий* Бедняг., Крыл., Старотит., Старощерб., Тополи; *укра́систый* Ладож.; *уродлы́вый* Смол.; *хороша́вый* Ленинград.; *чепурный* Смол.; красивая девушка или женщина – *гарны́ця* Староджер.; *пышо́ха* Старотит.; *ро́за* Арх.; *спе́лый пе́рси́к* Удоб.; красивый ребёнок – *куклы́ня* Ясен.

Некрасивый, страшный человек – *страхолю́дина* Пашк., Усть-Лаб.; *замухря́* Пролетар.; *гыдомы́рный* Новокорс.; *гыдостный* Новокорс.; *гыдо́шный* Кирпил.; *гыдо́щий* Марьян.; *дурни́стый* Пашк., Турк.; *по́длый* Вышестебл., Старотит.; *страхолю́дный* Пашк., Усть-Лаб.; *га́дко щепко́й / па́лочкой взя́ть* Зассов., Мост. – СФГК; *ни уха́ ни ры́ла* Темрюк; *чу́рка с глаза́ми* Лаб. – СФГК; *ру́кы-но́гы як у ра́ка, а сам ры́жий як соба́ка* Усть-Лаб.; постаревший, некрасивый мужчина – *краси́вый как конь си́вый / краси́вый як кинь си́вый* Дин., Пашк., Старомыш.; убогая, неказистая девушка или женщина – *загни́бида* Старотит.; *задри́панка* Старокорс.; *посме́тюха* Слав. н/Куб.; плохо выглядеть, быть некрасивым – *дурны́м ста́рцы́м вы́глядеть* Бород.

Фигура: статный, стройный – *постано́вный* Брат.; *ро́вный* Новокорс., Старовелич.; *струнко́ый* Ахтаниз., Курч., Кучуг., Староджер., Усть-Лаб.; *фигу́рный* Новобейсуг., Новопавл.; *как обчё́санный* Упор.; стройная девушка или женщина – *дунь-и полети́т (полечу́)* Медвед.; *стро́йна(я) як кобы́льця* Старощерб.

Широкий в костях – *мослакова́тый* Родник., Новолаб.

Нескладный, неуклюжий человек – *вахла́й* Цибанобал.; *кулёма* Арх., Новоджер., Пашк., Стародерев.; *телёха* Арх.; *телялю́й* Арх.; *как ви́лками сло́женный* Арм., Белореч., Мост.; *как сара́й спристо́ройкой* Мост. – СФГК, Отрад. О нелепом, несуразном человеке; чудо в перьях – *ре[э/ы]пня́х в(у)кра́пынку* Ейск.

Голова, лицо: большеголовый – *голова́тый* Ленинград., Садки, Холм., Цибанобал.; круглолицый – *круглови́дненький* Копан.; *личма́нистый* Воздвиж.; *личма́нистый как луна́* Воздвиж.; широколицый – *мыза́тый* Нововелич., Новокорс.; *толстоха́рий як хряк (груб.)* Пролетар.; о человеке с узким лицом – *ти́ко кушы́ны вы́лизувать* Новомалорос.

Лоб: широколобый малыш, как правило, мальчик – *мыза́нь* Новокорс.

Волосы: белый, светловолосый – *бе́лясы́й* Вознес.; рыжий – *жу́лый* Никол.; *красноватый, краси́ый* Ахтаниз., Бедняг., Екатерин., Крыл., Куш., Ленинград.,

Новокорс., Новопокров., Павлов., Смол., Старокорс., Хопёр; *му́рый* Андрюк.; *рудый* Стародерев.; о женщине с седыми волосами – *сы́ва(я) як вивця́* Старомыш.; о человеке с растрепанными волосами – *ку́дла* Бедняг., Ленинград., Тополи; *кудла́й* Екатерин., Сувор., Шаб.; *солóха* Вышестебл., Пашк., Твер.; *волоха́тый* Смол.; *кошлáтый* Новобейсуг., Тихорецк; *распа́тланный* Пашк., Усть-Лаб.; *роску́дланный* Высел.; *ку́дла кудло́й* Бедняг., Тополи; человек с вьющимися волосами – *па́нского ро́ду* Новобейсуг.; человек, имеющий чуб – *чупáтый* Арх.; коротко стриженный – *голомóзый* Азов., Анап., Марьян., Незайм., Новобейсуг., Садки, Смол., Усть-Лаб., Челбас.; лысый, безволосый – *плеши́ак* Солён., Холм.; *голомáзый* дЧ.; *голомóзый* Азов., Молч., Незайм., Новобейсуг., Пашк., Смол., Усть-Лаб.; *обли́занный* Бород.; *плеши́стый* Дин., Пролетар.; *плеши́стый* Холм., Челбас.

Глаза: человек с глазами навывкате – *булька́тый* Петров., Тихорецк; *вытрешкува́тый* Старотит.; *лупáстый* Анап., Арх., Канелов., Крыл., Некрас., Новобейсуг., Пласт., Смол.; *лупáтый* Арх., Ахтаниз., Владимир., Крым., Кулик., Кулеш., Курч., Некрас., Новокорс., Новопавл., Пашк., Отваж., Отрад., Пролетар., Рог., Садки, Стародерев., Староджер., Старомыш., Твер., Тихорецк, Усть-Лаб., Челбас; *лупáта(я) сова́* Новопавл.; человек с большими глазами – *глаза́тык* Цибанобал.; *ди́рогла́зый* Смол.; *ока́стый* Копан.

Нос: человек с длинным носом – *довгонóсый* Мингрел.; курносый человек – *курня́ный* Воздвиж.; *кы(и)рпа́тый* Бедняг., Бриньк., Екатерин., Курч., Молч., Новокорс., Пласт., Старощерб., Тбил., Усть-Лаб., Шаб.; *кы(ы)рпоно́сый* Пласт.; человек с большим носом – *носа́ч* Цибанобал.

Уши: человек с большими ушами – *каплоу́хый* Копан., Серг.

Губы: имеющий большие губы (о человеке) – *губа́рь* Ленинград.; *губате́[э]нький* Копан.; *губный́* Ладож. Человек с крупными зубами – *зуба́ч* Цибанобал.

Щёки: щекастый – *щекáтый* / *щёкаты́й* Ленинград., Пашк.; человек с отвислыми щеками – *брудáстый* Зассов.

Кожа: конопатый, веснушчатый – *конопа́стый* Пролетар.; *конопли́вый* Зассов.; *муры́й* Высел., Вышестебл., Ленинград., Новобейсуг.; *поко́панный* Ахтаниз.; *рябо́й как ку́рица* Бород.; морщинистый – *мо́рщенный* Арх.; угреватый, покрытый угрями – *угры́вый* Арх.; *угры́стый* Арх.; белая тонкая кожа – *как папи́ро́сная бума́жка* Арх.. Запорож.; бледный – *си́зый* Ладож.; о румяной девушке или женщине – *хочь пид стрі́ху не[э/ы] ве[э/ы]ды́* Новоощерб.; чернеть, изменять цвет кожи (о тяжелобольном человеке) – *бра́ться (взя́ться) землёй* Мост.

Кожа, цвет волос, разрез глаз: смуглый черноволосый человек с узким разрезом глаз – *як колмыча́* Усть-Лаб.

Усатый – *уса́стый* Ленинград. Бородатый – *борода́стый* Ленинград. Заросший щетиной мужчина – *как волк в шерсті́* Мост. – СФГК.

Ноги: длинноногий – *длиннога́чий* Воздвиж., Желез., Усть-Лаб.; *довгонóгый* Нововелич.

Женщина, имеющая большую грудь – *грудіста(я)* Каладж.; *грудна(я)* Новопавл.; *цицáста(я)* Слав. н/Куб.

Похорошеть, измениться внешне к лучшему – *вы́дуриться* Арх., Зассов., Ладож.; *вы́лынять* Старотит.; *вы́люднеть* Усть-Лаб.; о некрасивом подростке, который со временем должен похорошеть – *семна́дцатая весна́ / вода́ всё смóет* Мост., Усть-Лаб.

Придавать себе более красивый вид – *чепуры́(и)ться* Азов., Арм., Бедняг., Бриньк., Гульк., Журав., Курч., Кучуг., Ленинград., Марьян., Новобейсуг., Отрад., Петров., Пласт., Смол., Старомыш., Старотит., Тбил., Тополи, Успен., Челбас., Шаб. Красить / накрашивать глаза, губы, румяна – *ялды́рыться* Азов., Фёдор.; *маникю́ры навести́* Бол. Бейс.

Быть очень похожим на кого-то – *ски́даться* Отваж. – дШ., Ладож., Нововелич.; *ски́даться ли́цом (ли́чиком)* Арм., Губ., Мост.; *все и ка́пельки / кро́шки подобра́ть* Лаб., Медвед., Мост.

Микрополе «Вес человека»

В меру упитанный, не худой – *посомёрный* Новолок.; *спра́вный* Ладож., Усть-Лаб.

Толстый, упитанный человек – *лоха́нка* Зассов.; *пу́хтя* Копан.; *ре́[э]птя* Смол.; *бутно́й* Ладож., Усть-Лаб.; *гладко́й* Высел., Гривен., Дин., Новопавл., Старотит.; *гладу́чий / гладю́чий* Бурак., Копан., Лаб., Ладож., Марьян., Новобейсуг., Новолок., Новопавл., Перед., Успен.; *гру́жий* Мих.; *загудо́ванный* Староджер.; *захарче́ванный* Староджер.; *натоптоваты́й* Старотит.; *с жи́ру в (у) ирку́ру не помеща́ется* Васюр.; *як копы́ця* Рог.; *как натоптанны́й* Перед.

Толстый, упитанный мужчина – *багла́й* Смол.; *глады́рь* Воздвиж.; *гопа́к* Лаб., Мост. – СКГ; *пышня́к* Ладож., Усть-Лаб.; *толсто́к* Кубан.; *шири́ак* Марьян.; *как ведме́дь* Ахмет.; *гладко́й как буга́й* Каладж.; Толстая, упитанная, дебелая женщина – *бабе́нь* Пашк., Усть-Лаб.; *бабе́ха* Пашк.; *ге́[э]па (презр.)* Мост. – СКГ; *жирну́ха (презр.)* Васюр., Дин., Ейск, Ленинград.; *ла́нка* Надёж.; *мяку́тка* Крыл.; *ро́повка* Старотит. Упитанный, крепкий малыш – *бу́зиво́к* Арх.; *гопа́к* Лаб., Мост. – СКГ; *опе́[э]цок* Новокорс., Старотит.; *тугано́к* Отваж.; *подхо́жий* Мих.

Толстый человек с большим животом – *брюха́стый* Смол.; *пуза́стый* Дин., Васюр., Отрад., Холм., Челбас.; *пу́зый* Васюр., Челбас.; толстый мужчина с большим животом – *брюха́ч* Крыл.; *пуза́н* Дин., Цибанобал.; *пуза́ч* Дин., Новокорс., Петров., Пролетар., Рог., Садки, Челбас., Шаб.; *саза́н икря́ный* Александр.; толстая женщина с большим животом – *пуза́нья* Дин., Петров.

Полнеть, набирать / набрать вес, толстеть – *толице́ть* Зассов.; *растолсте́ться* Кубан.; *в(у) се́[э]бе[э]набыра́ться* Долж.; *нарастить мя́со на ко́сти* Кавказ.; становиться крепким, здоровым, набирать в весе (обчно о детях) – *налыва́ться як огу́рчик* Николаев.

Худой, измождённый, тощий человек – *доходя́* Копан.; *сиби́льда́* Зассов.; *худобщи́це* Пролетар.; *худорба́* Арх., Ахтаниз., Владимир., Город., Дин., Ей-Укр., Екатерин., Ильич, Кабард., Кирпил., Копан., Кубан., Кулеш., Курч., Марьян., Мек., Новобейсуг., Новолок., Новопавл., Отваж., Подгор., Спок., Старокорс.,

Старотит., Старощерб., Твер., Успен., Усть-Лаб., Ясен.; *ча́хля* Новокорс.; *бесчеревный* Воздвиж.; *бескише́чный / бескишо́чный* Арх., Воздвиж.; *гумо́зный* Арх.; *доходный* Азов.; *заблёлый* Некрас.; *кашудя́вый* Смол.; *москля́вый* Желез.; *мослакава́тый* Новолаб., Родник.; *охля́лый* Тихорецк; *три дня до сме́рти* Арх.; *ча́хля-до́хля* Новокорс.; *худорба́ чёртова (ласк.)* Ей-Укр.; *шкúра да ко́сти* Медвед., Пашк.; *дунь – и полети́т (полечу́)* Канев. – СФГК; *зе́млю но́сом подпирáет* Новотит.; *як / как сибильда́* Зассов.; Кавказ., Родник.; *як соломы́нка* Нововелич.; *как ча́пля* Владимир.; *як чехо́ня* Курч.; *як ша́бель* Усть-Лаб.; *худый як гы́чка* Старотит.; *худый як треска́* Старотит.; *как ни́тка колыхáется* Упор.; о худом, неполнеющем человеке – *сини́цу хоть в пиени́цу / сыни́цу хучь в пиеньи́цу* Пашк., Старомыш., Усть-Лаб.

Худой, измождённый, тощий мужчина или парень – *доход* Перед.; *задо́хлик* Мингрел., Новобейсуг., Отрад.; *замору́х* Кирпил.; *худак* Зассов. Худая, измождённая, тощая женщина или девушка – *замори́ха* Смол.; *пестюльга́ (презр.)* Арх.; *худоконка* Васюр., Зассов., Ильич, Перед., Твер.; *як ки́шка сыдя́ча (презр.)* Новокорс.; *как шелёвка* Зассов.

Похудеть, осунуться – *захудáть* Медвед.; *посу́нуться* Ленинград., Новобейсуг., Отрад., Пролетар.; *с лица́ сдать* Кавказ – ФСГК.

Микрополе «Рост человека»

Рост – *во́зраст* Новотит.

Очень высокий (о росте) – *ды́дла* Серг.; *жерде́[э]ля (ирон.)* Рог.; *высоку́щий* Пролетар.; *высочезный* Новокорс.; *длиннобуды́лый* Арх., Воронеж., Дин., Кирпил., Отрад., Стародерев., Староджер., Тихорецк, Холм., Челбас.; *долголя́зый* Ейск, Крым., Ленинград.; *цыбуля́стый* Мих.; *до́вгый як драбы́на* Челбас.; *як драбы́на* Бород., Челбас.; *як ни(о)д стé[э]лю* Старотит.

Высокий мужчина или парень – *дядя́га* Усть-Лаб.; *метр раскладно́й (ирон.)* Кавказ. – ФСГК; *дядя, подáй ру́чку (ирон.)* Старощерб. Высокая женщина или девушка – *бугéла (ирон. и презр.)* Тбил.; *высоку́ха* Ленинград.; *гайга́ра (ирон. и презр.)* Старотит.; *гы́га (ирон. и презр.)* Лаб., Псеб. – СКГ; *гойдалка (ирон. и презр.)* Старотит.; *лы́га (ирон. и презр.)* Ловл. – СКГ.

Невысокий, маленького роста человек – *дри́бный / дробный* Азов., Бород., Губ., Ленинград., Слав. н/Куб., Старотит., Сувор.; *недорóстный* Петропавл.; *нызе́[э]се[э/ы]нький* Гривен., Марьян., Старотит.; *як королёк* Ахтаниз. Невысокий мужчина или парень – *карапéт* Пашк., Усть-Лаб.; *кныш* Апш.; *чупы́рзик* Ленинград., Петров.; *ши́бздик (ирон. и презр.)* Арх., Арм., Дин., Новокуб., Отрад., Старотит., Успен.; *шкет* Пашк.; *шпéндрик (ирон. и презр.)*, *шпéндык (ирон. и презр.)* Васюр., Пашк., Усть-Лаб.; *шпенды́ля (ирон. и презр.)* Новощерб.; *што́лык (ирон. и презр.)* Старотит.; *метр с кéпкой (ирон.)* Пашк.; *як чурбачо́к* Азов.

Микрополе «Возраст человека»

Одногодок, ровесник – *годóк* Дмитр., Канев., Марьян, Новопавл., Рог., Старотит. Успен.; *одногóдчик* Хопёр.; *одноли́ток* Нововелич.; *солéтственник* Гарк.

В пожилом возрасте – *под годáми* Арх.; престарелый – *подукло́нный* Андрюк.; проживший много лет, старый – *многожи́тель* Новопавл.; *вѣтошный* Дин., Ленинград.; *давнѣишний* Серг.; *давнóшний* Арх., Некрас., Новобейсуг., Новонекрас., Петропавл.; *давнѣишний* Старокорс.; *дамнóшний* Арх., Ладож.; *зуб кнѣзу гляди́т(ь)* Тбил.; *порхнѣ сы́плется* Пашк., Усть-Лаб.; *аж ты́рса сы́плется (посы́плется)* Кроп. – ФСГК, Упор.; *ста́рше поповской соба́ки* Кавказ.; *ру́кы-но́гы як у ра́ка, а сам ста́рий як соба́ка* Пашк.; быть очень старым – *воня́ть землѣй* Воздвиж.

Дряхлый старик – *чваку́н* Ленинград.; *шкорба́н* Бород., Калинин.; *шкорбу́н* Ленинград.; *кы́рзовый сапо́г* Стародерев.; дряхлая старуха – *чваку́нья* Ленинград.; *шкорбо́вка* Отр.; *шкорбу́нья* Ленинград. Состариться – *заста́рыться* Ахтаниз.; *поста́рытся* Новоберез.

Зрелая женщина – *ма́мушка* Брат.

Молодой – *молодоцо́вый* Новонекрас., Новопокров.; молодой казак, новобранец – *молоди́(ы)к* Пашк.; *куга́ зелёна(я)* дЧ.; *пе́рва(я) па́ша* дЧ.; молодой парень – *наклѣвыш (ирон.)* Стародерев. Младший – *моло́дший* Высел., Гривен., Копан., Новопавл., Новоник.

Девушка, девочка – *дѣвчи́на* Азов., Бол. Бейс., Бород., Бриньк., Заря, Калуж., Медвед., Николаев., Нововелич., Новомалорос., Новопокров., Старомыш., Старотит., Фѣдор., Шаб.; *дѣвчинка* Новомалорос.; девочка до 14 лет – *девчатѣ́шка* Арх., *пивдѣ́вина* Ахтаниз., Вышестебл., Старотит.; *пиддѣ́вка* Кулик.

Мальчик – *паца́но́к* Бол. Бейс., Копан., Новопласт., Привольн., Старощерб.; *паца́нѣ* Старощерб., Ясен.; мальчик до 14 лет – *отщепѣ́нец* Долж.; *пивпа́рубок* Ахтаниз., Вышестебл., Старотит.

Ребѣнок – *вы́водок* Незайман.; *вы́лупень (ирон. и шутл.)* Анан.; *детѣнок* Лаб., Новокуб, Пашк.; *де[э/ы]ты́на* Адаг., Азов., Ахтаниз., Бараник., Бол. Бейс., Брат., Бриньк., Брюх., Вышестебл., Гривен., Дин., Екатерин., Запорож., Кулик., Марьян., Медвед., Новокорс., Новомалорос., Пласт., Старомыш., Старотит., Черноер.; *де[э/ы]ты́(и)нка* Батур., Бол. Бейс., Бород., Бриньк., Гривен., Медвед., Новомалорос., Садки, Серг., Старотит., Тимаш., Шев.; *детю́шечка* Старощерб.; *детю́шка* Новопавл.; *зѣблик* Анан.; маленький ребѣнок, малыш – *бздю́ха (ирон. и шутл.)* Владимир., Старомыш.; *бздю́шка (ирон. и шутл.)* Высел.; *бздюшо́нок (ирон. и шутл.)* Копан.; *манипу́рка* Линейн.; *ману́шечка* Александр.; *манушо́к* Арх.; ребѣнок до года, уже ползающий, но не умеющий ходить, – *ползу́н* Пласт.; *ползунóк* Ахтаниз.; *пу́цьверок* Стародерев.; *ману́ренький* Воздвиж.; девочка годовалого возраста – *годи́чка* Новощерб.; *годова́лка* Новощерб.; маленький мальчик – *мелка́ш* Новолаб.; *опу́ненок* Упор. – дШ.; быть ребѣнком – *пи́шки пид сти́л ходы́ть* Марьян.; о подрастающих детях – *(шутл.) через год у плуг можно (запряга́ть) дЧ.*

Повзрослеть, стать взрослым – *приподня́ться* Арх.; достигнуть совершеннолетия – *войти́ в годá* Тбил. – ФСГК.; добавлять возраст в метрике – *дото́чать годá* Ярослав.

Умный, смышлёный, сообразительный – *еро́ха* Некрас.; *вспытливый* Надёж.; *достомётный* Ей-Укр.; *дотётистый* Ленинград., Стародерев.; *мозго́вый* Медвед.; *кмитливый* Тихорецк; *путя́вый* Елиз., Старомыш.; *рахобный* Новобейсуг., Смол.; *кубы́шка ва́ри(ы)т(ь)* Ярослав.; *маки́(ы)тра ва́ри(ы)т(ь)* Крыл., Пашк.; *из печёного яйца́ цыплёнка вы́сидит* Тихорецк – ФСГК; *соломон за пазухой* Прим.-Ахт. – ФСГК; *хи́трый на го́лову* дЧ.; прозорливый – *о́строхи́трый*Тенг.

Рассудительный, благоразумный – *здравомы́сленный* Ленинград.; *рассу́дливый* Новолаб.; *рассу́дный* Ладож.; *здравомы́сленный* як *Пу́тин* Ленинград.

Размышлять, думать – *меркува́ть* Бриньк.; *размы́сливать* Старотит.; напряжённо подумать над решением какого-л. вопроса – *го́лову слома́ть* Усть-Лаб.

О том, что атаман должен быть умным – *до булавы́ на́до головы* дЧ.; *при войсково́й булаве́, да при своёй голове́* дЧ.

Микрополе «Глупость»

Глупый, дурак – *бо́лдырь* Ладож., Родник.; *глупа́к* Ленинград., Удоб.; *глупендя́й* Ленинград.; *долба́к* Воронеж., Некрас.; *дуба́с* Новолаб.; *дунду́к* Пашк., Старотит.; *дурбе́нь* Пролетар.; *дурбола́й* Пласт.; *дуркома́н* Высел.; *дурма́н* Старотит.; *дурня́га* Пашк.; *дуры́нда* Пашк., Новобейсуг.; *калб́як* Дин.; *ма́лоу́мок* Ленинград.; *на́долбень* Дах.; *не[э]дого́н* Старотит.; *о́столбень* Фрол.; *те[э]ле[ы]пень* Новокорс.; *тугоду́б* Старотит.; *тума́к* Арм., Бриньк.; *беспоня́тный* Конок., Пашк.; *бу́сорный* Дин., Желез., Ярослав.; *глумно́й* Пашк.; *макоцви́тный* Смол.; *ма́лоу́мный* Ленинград.; *недоколы́ханный* Старотит.; *некеба́[э]тный* Старотит.; *пустомо́зглый* Новобейсуг.; *с бу́сорью* Желез.; *с дури́нкой* Усть-Лаб.; *глаза́ в разбе́жку, мозги́ набекре́нь* Апш. – ФСГК; *дервя́нная голова́* Кавказ.; *глу́пый по са́му(ю) завя́зку* Новотит.; *глуп по са́мый пуп* Бол. Бейс., Брат.; *пуста́(я) кубы́шка* Дин., Новолок., Новопавл.; *дурный аж кру́тятся* Новомалорос., Старотит.; *дурна́(я) маки́(ы)тра* Дин.; *тума́к тумакóм* Арм., Бриньк.; *кубы́шка не ва́ри(ы)т(ь)* Ярослав.; *маки́(ы)тра не ва́ри(ы)т(ь)* Крыл., Пашк.; *ке[э]бе́[э]кы не[э/ы]ма́* Старотит.; *девя́той кле́нки нема́ / не хвата́ет / кле́пок в голове́ нема́ / шуру́пов в голове́ не хвата́ет* Кавказ., Пашк., Усть-Лаб.; *не[э/ы]ма́ тя́мы* Малотенг., Стародерев., Старомыш.; *не[э/ы]ма́ / не́т(у) / не хвата́ет хи́сту* Лаб., Старотит.; *голова́ как капу́ста* Кавказ.; *голова́ якчерепа́на(я) мы́ска* Бриньк.; *дурный як туре́цкий кинь* дЧ.; *дурный як са́ло без хли́ба* Старотит.; *дурный як сапо́г* Крыл.; *дурно́й как сту́па* Тбил. О человеке, который с годами не стал мудрым – *хочь седа́я борода́, да не у́мная голова́* дЧ.

Необразованный, некультурный человек, невежда – *сапрóн* Брат.; *затемнённый* Воздвиж., Вознес.; *глупая, необразованная женщина* – *ба́ба каза́нская* Кавк. – ФСГК; *несмышлёный, неопытный человек, обычно ребёнок* – *ды́ке[э] курча́*Марьян.

Микрополе «Группа людей»

Народ, люди – *ми(ы)р* Арх., Бол. Бейс., Долж., Желез., Копан., Новолаб., Новощерб., Серг., Старомыш., Старотит., Успен.

Казачество – *ка(о)зѣтство* Пашк., Елиз.; *козѣчество* Новощерб., Стародерев., Старотит.; общее собрание казаков – *круг, ка(о)зѣчий круг* Дин., Нововелич., Новощерб., Старотит., Старощерб., Челбас.

Станичники – *станычѣне* Ахтаниз., Пашк.; *нѣши люды* Старотит.

Переселенцы из средней части России (сбир.) – *кацапѣнья* (презр. и ирон.) Хопѣр.; *кацаплѣндия* (презр. и ирон.) Полтав.; *кацапнѣя* (презр. и ирон.) Арх., Ахтаниз., Брат., Бриньк., Вареник., Дин., Елиз., Крыл., Марьян., Убин., Усть-Лаб.

Компания людей – *барантѣ* Отваж.; *бѣ[э]се[э/ы]да* Адаг., Азов., Дядьк., Нововелич., Екатерин., Старонижестебл.; *бесѣда* Ахмет., Владимр., Зассов., Желез., Каладж., Кирпил., Константин., Спок., Тенг.; *гурт* Азов., Арх., Воздвиж., Воронеж., Желез., Марьян., Нововелич., Новодерев., Новопавл., Новопласт.; *рѣта* Новолаб.; *шѣйка* Бород., Медвед., Старокорс.; компания детей младшего возраста – *мѣньшый гурт* Новодерев.; компания детей старшего возраста – *стѣршый гурт* Новодерев.; разгульная, сомнительная компания – *кильдѣм* Старотит.; *кѣчка* Пашк.; *кублѣ* Воронеж., Пашк.; *тѣчка* Бород., Дин.; *шѣйка* Бород.; *стрѣук, бирѣук и зѣяц* (презр.) дЧ.; *тѣха да матѣха* (презр. и пренебр.) Твер., Усть-Лаб. – дЧ. Вереница людей – *вырвѣчка* Азов.

Толпа людей, сборище – *кагалѣ* Андрюк., Пашк., Старотит.; *корогѣд* Губ.; скопление людей на базаре, на мельнице – *завѣз* Кр. Горка.

Собрание, гуляние молодѣжи – *улицы* Арх., Воздвиж., Успен.; посиделки – *дѣсветки* Брат., Марьян., Некрас., Удоб.; *вечѣрки(ы)* Марьян., Старомыш.; *посидѣнки* Дин.

Женщины – *бабы* Новопавл.; *бабѣ* Могукор., Новопавл.

Толпа кавалеров – *погѣнь* Усть-Лаб.

Детвора – *детворнѣя* Старотит.; *ребятѣжь* Андрюк., Арх.; *шантрапѣ* Тбил.; дети, посещающие детский сад, – *площѣдка* Азов., Арх., Бород., Бриньк., Долж., Кирпил., Копан., Кулеш., Новолок., Новомалорос., Новопавл., Садки, Убин., Ясен.

Группа людей в танце – *корогѣд* Некрас.

Микрополе «Пьянство и наркомания»

Пьяница – *брѣжнык* Васюр.; *калдырь* Высел.; *каплѣжни(ы)к* Азов., Васюр., Отваж.; *пропѣция* Старотит.; *пьяндыга* Полтав.; *пьяндыжка* Новопавл.; *пьяныга* Старокорс.; *пьянюга* Высел., Марьян.; *ярыга* Анап., Смол., Солѣн.; *ярыжнык* Азов.; алкоголичка – *алкашѣха* Елиз., Новонекрас.; пьяницы – *пьянѣта* Старотит.; сборище пьяных людей – *кильдѣм* Старотит.

Характеристика человека по степени опьянения: пьяный – *негѣжий* Петров., Слав. н/Куб.; слегка пьяный – *кѣнутый* Усть-Лаб.; *подпѣтый* Пашк.; в запое – *в(у) закидѣне* Глафир.; сильно пьяный – *глазѣ во флѣгер* Куш.; *пѣнный як собѣка* Канев.; *пѣнный як дубѣна* Бриньк.; изведенный пропойством – *спитѣй* Вознес.; слегка захмелеть – *завеселѣть* Арх.

Пить, выпивать спиртное, напиваться / напиться пьяным – *выпувѣть* Платнир.; *глѣтѣть* Новоукр.; *захмельнѣть* Ярослав.; *калдыкнуть* Зассов.;

ку́брить, *кули́кнуть*, *кли́нуть* Розенберг; *кы́(и)дать* Копан.; *мékнуть* Медвед.; *наглé[э]каться* Медвед.; *надрю́каться* Некрас.; *налымáняться* Усть-Лаб.; *нахлобúчиться* Медвед.; *чекалды́кнуть* Зассов., Кроп., Старомыш.; *заглядáть в(у) бутылку* Александр.; *водíть журавля́ дЧ.*; *óчи зальíть* Новокорс.; *хáрю крáсыть* Новокорс.; *нос навары́ть* Пашк.; *лезть (залéзть) в(у) пузырёк / бутылку* Лаб.; *окуну́ть ду́шу* Розенберг; *стакáны тягáть* Новопласт.; *чихну́ть чёрту в(у) хвост* Воронеж.; *наé(и)сться как / як жа́ба муля́ки(ы)* Пашк.; *налыза́тья як Марты́н мы́ла* Елиз., Старомыш.; у кого-л. появилось большое желание выпить спиртное – *по животу́ ко́шки ла́зят* ФСГК, *напиться до тошноты – уви́деть тёщу* Розенберг.; страдать алкогольной зависимостью, спиваться / спиться – *запы́ться* Ахтаниз., Батур., Братков.; *ра(о)спы́(и)ться* Васюр., Вышестебл., Новолаб., Новотит.; *болéть / заболéть рóтом* Крыл. – СФГК, Медвед.; *кы́(и)нуться в(у) вóдку* Канелов., Новощерб.; *уклю́нуться в(у) алкогóль* Пашк. Чокаться рюмками – *сто́каться* Воронеж.; распивать спиртное в компании друзей – *кунáчить* Новокорс.

Наркоман – *дурма́н* Крыл.; *маркома́н* Арх.; *ниркома́н* Ейск. Стать наркоманом, попасть в наркотическую зависимость – *кы́(и)нуться в(у) уко́лы* Новощерб.

Микрополе «Физическое здоровье, сила»

Крупный, сильный, физически здоровый человек – *двухжи́льный* Пашк.; *здоровúчий* Красн., Пашк., Шев.; *кре[э]пúчий* Незайм.; *мацаковáстый* Новотит.; *натóптоватый* Старотит.; *не[э/ы]вы́робленный* Старотит.; крупный, сильный мужчина или парень – *буга́йна, буга́й* Арх., Бород., Красносельск., Новодерев., Новопавл.; *бузу́ок* Деревян.; *дорóдень* Незайм.; *мужиня́ка* Зассов.; *мужсиря́ка* Васюр., Челбас.; *мужичáка* Старотит.; *кре[э]мé[э]зный* Адаг.; *как ведмéдь* Ахмет.; крепкий, обычно немолодой мужчина – *дры́ном / крjúком не добы́ешь* Усть-Лаб.; сильная, крупная женщина или девушка – *бабéнь* Пашк., Усть-Лаб.; *бабёха* Пашк.; *двухжи́льница* Ленрнград.; *и под мешóк и под горшóк* Арх.; сильная, здоровая девушка – *гойса* Новокорс. Быть физически сильным – *быку́ рогá вертéть* Копан.

Человек с хорошим зрением, зрячий – *виду́щий* Арх.

Выздороветь / выздороавливать – *ожы́ться* Садки; *оклы́гать* Марьян., Старонижестебл., Старотит., Старощерб.; *оклы́гаться* Шапсуг.; *отжывáть / отжывéть* Бриньк.; *отлы́гать* Бород., Упор.; *очáпаться* Арх., Кубан., Ладож., Новонекрас., Новопокров.; *очу́маться* Новопавл.; *очунíться* Желез.; *почунéть* Некрас.

Микрополе «Физическая слабость, болезнь»

Нездоровый, больной – *болéзнь* Арх., Новолаб.; *болёненький* Арх.; *болю́чий* Арх., Вознес., Дин., Куш.; *боля́чий* Дин., Канев.; *вы́робленный* Старотит.; *не[э/ы]ду́жий* Ахтаниз., Крым., Смол., Пролетар.; *нездра́вый* Абадз.; тяжело больной – *негóжий* Азов., Бород., Гривен., Долж., Курч., Марьян., Медвед., Новодерев., Новопавл., Серг., Стародерев., Староджер.; неизлечимо больной –

невозлечимый Арх.; *невылечимый* Арх.; *нелечимый* Упор.; имеющий нездоровый вид – *пóдлый як дыня* Старомыш.; *си́ний як кúрячий пуп* Старомыш.; у кого-л. выступила испарина на лбу из-за упадка жизненных сил – *росá вы́ступыла* Старомыш.

Немощный, слабый человек – *доходя́* Копан.; *задо́хлик* Мингрел., Новобейсуг., Отрад.; *здо́хлык* Цибанобал.; *сдохля́ка* Старотит.; *ча́хли(ы)к* Васюр., Ленинград., Петров., Пласт., Челбас.; *ча́хля* Новокорс.; *квёлый / квёленький / квóлый / квóленький* Андрюк., Арх., Воронеж., Желез., Канев., Лаб., Некрас., Пашк., Петров., Успен., Усть-Лаб., Шаб.; *маломóчный* Вознес.; *мля́вый* Смол.; *неду́жий* Ахтаниз., Крым., Пролетар., Смол.; *немо́чный* Ленинград.; *охля́лый* Тихорецк; *сла́божи́льный* Азов.; *ча́хля-до́хля* Новокорс.; физически слабая девушка – *ни под мешо́к ни под горшо́к* Родник.; о слабом, болезненном ребёнке – *вы́лупок* Копан.; *скурёнок* Ладож.; *как парши́вый курёнок* Ярослав.;

Болезнь. заболеть – *занедю́(у)жеть* Бедняг., Ленинград.; *прибо́ливать* Новопавл.; *из квасо́в не выла́зить* Мост.; ослабеть, ослабевать физически *охля́ть* Азов., Дин., Днепр., Новопокров., Новонекрас.; *угробля́ться* Кирпил., Усть-Лаб.; *эле но́ги тяга́ть* Гульк.; *раски́снуть как кисля́к* Копан.; покалечиться – *окале́читься* Вышестебл., Родник.; *скале́читься* Александр., Ахмет., Зассов.; *свернуть / скруты(у)ть вязы* Лаб., Мост. – СФГК, Кирпил., Тенг.

Калека – *ка́лич* Бриньк.; *ка́личка* Ахтаниз., Нововелич.; человек с физическими недостатками – *гу́лый* Ясен.

Кривошей – *кры́вовязы́й* Васюр.

Горбун – *горба́к* Пролетар.; *горбы́ль* Бедняг., Тополи; горбунья – *горбу́ля* Ленинград.; *горбу́нша* Ахтаниз., Высел.; горбатый – *го́рбый* Ладож., Пласт.; ходить согнувшись – *ла́зять горбы́лём* Нововелич.

Хромой человек – *канды́ба* Бедняг., Васюр., Ленинград., Новобейсуг., Тополи, Солён.; *хромде́ля* Азов.; *хромы́га* Ленинград., Прлетар., Старокорс.; *шканды́ба* Ахтаниз., Курч., Марьян.; *кри(ы)вы́й* Канелов., Марьян., Новопавл., Садки, Старовелич., Старомыш.; *хро́мый* Бород.; косолапый – *каца́пный* Новобейсуг., Старовелич.; человек без ноги – *култы́га* Привольн.; хромать – *кандыба́ть* Арм., Арх., Ленинград., Мингрел., Новобейсуг., Пролетар., Сев., Солён., Старокорс.; *клы́гать* Марьян.; *конды́лять* Высел., Калуж., Старовелич.; *куты́лять* Пласт., Старомыш.; *чкиля́ть* Марьян.; *шкандыба́ть / пошкандыба́ть* Андрюк., Азов., Арм., Арх., Ахтаниз., Бедняг., Бород., Вареник., Крыл., Крым., Курч., Кучуг., Ленинград., Новобейсуг., Новокуб., Отрад., Пласт., Смол., Сувор., Тбил., Усть-Лаб., Холм., Хопёр., Шаб.; *шкандыба́лить* Тенг.; *шканды́лять / пошканды́лять, шконды́лять / пошконды́лять* Арм., Арх., Бурак., Гульк., Корен., Медвед., Пашк., Стародерев.; *шкандыба́ть як кля́ча* Челбас.; с трудом переставлять ноги – *ды́бать* Старотит., Упор.; *дыбу́лать* Бород.; *дыбу́лять* Новопавл.

Глухой человек – *глухо́ня* Пласт.; *глухопе́рдя* (ирон. и презр.) Смол.; *глуши́к* Воронеж.; *глушме́нь* Смол.; *глуши́е[э]ря* (ирон.) Азов.; *не[э/ы]дочу́й* Холм., Челбас.; *как де́рево глухо́й* Перед.; плохо слышать – *не[э/ы]дочува́ть* Крыл., Марьян., Нововелич., Старотит., Челбас.

Слепой человек – *слепко́* Старотит.; *слепыша́ра* Старотит.; *невиду́ющий* Дядьк.; близорукий – *блі(ы)зкогла́зый* Канев.; *блы́зкоочий* Марьян.; подслеповатый – *слепко́* Старотит.; *слепондя́* Пашк., Упор.; *при(ы)щу́рый* Васюр., Ленинград., Пролетар., Холм.; *слеп(я) му́ха* Старомыш.; потерять зрение, ослепнуть – *оглазе́ть* Некрас.; *потеря́ть глаза́* Старотит.; *систь на глаза́* Старотит.; *пропа́ли глаза́ / гла́зики* Лаб., Мост. – СФГК.

Немой – *немты́рь* Мингрел.; человек с дефектами дикции, заика – *не[э/ы]договы́р* Марьян.; *разве́[э]за* Надёж.

Человек, у которого текут сопли из носа, сопливый – *сморка́тый* Ленинград., Курч., Пролетар., Садки Тихорецк; *соплы́(и)стый* Вареник., Ленинград., Новокорс., Староджер., Цибанобал.; болеть насморком – *сопа́тить* Пашк.

Кашлять – *бухы́(и)кать* Азов., Арх., Гарк., Гривен., Зассов., Кирпил., Копан., Мингрел., Старонижестебл., Старотит.; Усть-Лаб.; *кахы́кать* Пашк.; *пе́рхатъ* Брат.; *пы́рхатъ* Марьян.; кашлять в течение какого-н. времени, прокашлять – *пробухы́(и)кать* Азов., Арх., Вышестебл., Старотит., Чебург. Задыхаться – *пы́рхатъ* Канев.; *задыхну́ться* Старощерб.; простудиться – *се́лезня подхватити́ть* ФСГК.

Человек, страдающий поносом – *дрысту́н* Кулик.; *сла́бый в (на) уто́рах* Лаб. – СФГК, Белореч. Страдать недержанием мочи (о детях) – *ры́бку рыба́чить, а ры́бку небáчить* Пашк. Страдающий недержанием мочи – *сла́бый в (на) уто́рах* Лаб. – СФГК, Белореч.

Женщина, страдающая бесплодием, – *нероди́ма(я)* Арх.; *безди́тна(я) ака́ция* Садки; мужчина, страдающий бесплодием, – *хряк беспло́дный (груб.)* Степ.

У кого-л. повысилось давление, появился шум в голове – *в(у) голове́ жуки гудя́т* Крыл. Кому-л. становится, плохо, дурно – *в(у) оча́х жёвте* Староджер.

Микрополе «Смерть человека»

Скоропостижная, внезапная смерть – *напрáсна(я) смерть* Копан.; внезапно, скоропостижно умереть – *не болéла, не горéла, как с по́лочки сня́ли* Пашк. Самоубийство – *на́гла(я) смерть* Незайм., Фёдор.; повеситься – *зави́сыться* Бород., Староджер. Мор – *здох* Старомыш.

Человек, которому осталось недолго жить – *него́жий* Петров.; *пропа́ща(я) люды́на* Елиз. Доживать последние дни, ждать смерти – *часова́ть* Старотит.; *воня́ть землёй* Воздвиж.; *чмылы́ слуха́ть* Старотит.; *три чи́сленки до сме́рти оста́лось* дЧ.

Утонуть – *утопы́(и)ться / втопы́ться* Бород., Брат., Камыш., Копан., Нововелич., Новотит., Полтав., Староджер., Старотит., Трудобел., Черноер.

Погубить; угробить – *погрóбыть* Старотит.; убить – *привали́ть* Ладож., Тенг.; *увальи́ть* Старотит.; казнить – *показни́ть* Воздвиж., Некрас.; *сказни́(ы)ть* Вознес., Новоекатерин.

Умереть / умирать – *не[э]ре[э]ве[ы]рну́ться* Старотит.; *повы́здыхать* (о многих) Ахтаниз., Бол. Бейс., Марьян.; *попомерéть* Арх.; *прокы́нуться* Павлов.; *зубы вы́скалить* Медвед., Тбил., Упор.; *выхо́дыть за́миж за Пидлопа́тного*

Старотит.; *грé[э]блю загатыть* Пашк.; *но́ги задерéть* Арх., Некрас.; *идти́ до Бо́га* Пашк.; *нога́ми в гроб лечь* Кавказ., Спок. – СФГК; *хвост надуть* Медвед., Мост.; *хвост отки́нуть* Лаб.; *домой́ пойти́* Новопокров., Новонекрас.; *отки́нуть постолы́* Елиз.; *посуши́ть постолы́* Кучуг.; *ла́пти сплести́* Перед.; *уйти к жму́рику* Брат.; *уйти́ на Ро́дину* Воронеж.; *жа́ба цы́цку дала́* Пашк.; *ле́ший забра́л* Кавказ.; кто-л. умер от продолжительной болезни – *боле́зня задуши́ла* Новопавл.

Мёртвый человек – *жму́рик* Брат.; *трупя́к* Ахтаниз. Чернеть, изменять цвет кожи (о покойнике) – *бра́ться (взя́ться) земле́й* Мост.

Хоронить / похоронить / похоронят – *захова́ть, похова́ть, схова́ть, ухова́ть* Азов., Адаг., Батур., Бриньк., Васюр., Гривен., Дядьк., Журав., Запорож., Зареч., Заря, Зассов., Канев., Киев., Комс., Копан., Красноарм., Крыл., Кулеш., Кулик., Курч., Марьян., Мингрел., Николаев., Новодерев., Новокорс., Новонекрас., Новопавл., Новотит., Пласт., Ряз., Сев., Серг., Старовелич., Стародерев., Староджер., Старомыш., Старотит., Темрюк, Тополи, Убин., Шаб.; *гроб вы́нести* Арх., Екатерин., Зассов.; *глаза́ песко́м засыпа́ть* Кавказ.; *отнести́ на буго́р* Арх.; *отнести́ на ча́стые кресты́* Зассов., Мих.; *отнести́ на Пя́тую со́тню* Кулеш.; *в(у) сирéнь отнести́* Владимир.; *понесу́т до горы́ нога́ми* Мост., Новокуб.